

Е.И. КРУПНОВ И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Е.И. КРУПНОВ
И РАЗВИТИЕ АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

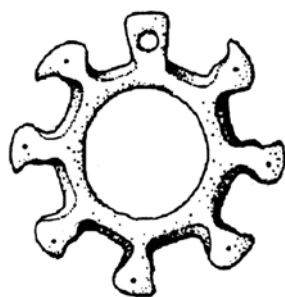
Евгений Игнатьевич Крупнов

1904 - 1970

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY

**E.I. KRUPNOV
AND DEVELOPEMENT
OF ARCHAEOLOGY
IN THE NORTH CAUCASUS**

**THE XXVIIIth KRUPNOV'S
READINGS**

Proceedings of the International Scientific Conference

Moscow, April 21-25, 2014

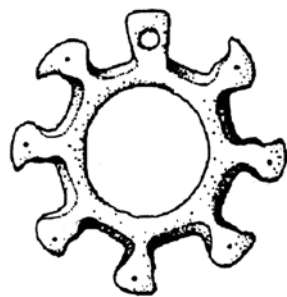

**Moscow
2014**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

**Е.И. КРУПНОВ И РАЗВИТИЕ
АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА**

XXVIII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы Международной научной конференции

Москва, 21-25 апреля 2014 г.

**Москва
2014**

УДК 902/903
ББК 63.4
К84

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 14-01-14015

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Редакционная коллегия:

к.и.н. Д.С. Коробов (отв. редактор)
к.и.н. З.Х. Албегова, д.и.н. Э.Д. Зиливинская,
к.и.н. А.А. Клещенко, к.и.н. Е.В. Леонова,
к.и.н. В.Ю. Малашев, к.и.н. А.Ю. Скаков

Рецензенты:

*кандидат исторических наук В.Е. Маслов,
доктор исторических наук А.В. Мастыкова*

К84 Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа.
XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной
научной конференции. Москва, 21-25 апреля 2014 г. – М.:
ИА РАН, 2014 – 408 с., илл.

ISBN 978-5-94375-162-2

В издании публикуются материалы докладов, представленных на Международной научной конференции “Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа” – XXVIII Крупновские чтения, посвященные 110-летию со дня рождения выдающегося ученого-кавказоведа, археолога, доктора исторических наук, профессора, лауреата Ленинской премии Евгения Игнатьевича Крупнова (1904-1970). Тематика докладов отражает широкий круг проводимых археологических исследований, охватывающих хронологический диапазон от каменного века до позднего средневековья.

Книга предназначена археологам, историкам, студентам исторических специальностей и всем интересующимся историей Северного Кавказа.

УДК 902/903
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-162-2

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии
Российской академии наук, 2014
© Авторы статей, 2014

Содержание

<i>Чеченов И.М.</i> К 110-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (1904– 1970 гг.): Крупнов и «Крупновские Чтения» (1971–2012 гг.).....	12
--	----

Историография

<i>Дударев С.А.</i> К характеристике вклада В.Б. Виноградова в изучение археологии Северного Кавказа.....	42
---	----

<i>Ермоленко Л.П., Колесникова М.Е.</i> Императорская Археологическая комиссия – организатор изучения и охраны памятников Северного Кавказа во второй половине XIX в.	45
--	----

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

<i>Александрова О.И.</i> Функциональный анализ каменного инвентаря второго мезолитического слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе	48
---	----

<i>Атаев Г.Д.</i> О преемственности и инновациях в развитии культур эпохи ранней и средней бронзы Дагестана	51
---	----

<i>Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Шекли М.С.</i> Использование приносного каменного сырья в раннем верхнем палеолите Кавказа: свидетельства межрегиональных контактов у <i>Homo sapiens</i>	54
--	----

<i>Еганян Л.Г.</i> Древнеиндоевропейские ритуалы, посвященные наступлению весны – новому году (по материалам святилища Мец Сепасар раннебронзового периода)	58
---	----

<i>Зейналов А.А., Кулаков С.А., Идрисов И.А.</i> Новый ашельский памятник в Азербайджане	60
--	----

<i>Клещенко А.А.</i> Синтезирующие признаки памятников суворовской катакомбной культуры	63
---	----

<i>Кореневский С.Н.</i> Историко-культурные процессы в Предкавказье в отражении поселенческих и погребальных памятников в свете аналогий с югом и севером в эпоху урукской культуры (обзор аспектов темы)...	67
--	----

<i>Левин Е.С.</i> Детские погребения катакомбной культуры в степном Прикубанье (новые материалы)	70
--	----

<i>Леонова Е.В., Антипушина Ж.А., Сердюк Н.В., Спиридонова Е.А., Тесаков А.С.</i> Первобытный человек и природное окружение на рубеже плейстоцена – голоцена в Губском ущелье.....	71
--	----

<i>Мельник В.И.</i> Многокамерные катакомбы эпохи бронзы Степного Прикубанья.....	74
---	----

<i>Мимоход Р.А.</i> Радиоуглеродная хронология архонской культурной группы.....	76
---	----

<i>Ожерельев Д.В.</i> Некоторые итоги комплексных исследований раннепалеолитической стоянки Мухкай II (по результатам раскопок 2008-2013 гг.).....	80
--	----

Содержание

<i>Муσειбли Н.А.</i> Поселение лейлатепинской культуры Галаери в Азербайджане.....	82
<i>Панасюк Н.В., Горболь Н.Ю.</i> Курильницы и каменные изделия в контексте погребального обряда восточноманычской катакомбной культуры.....	85
<i>Поплевко Г.Н.</i> Приемы ручной лепки круглодонной керамики по данным археологии, этнографии и экспериментального моделирования	88
<i>Резепкин А.Д.</i> Поселение Новосвободненское.....	92
<i>Рогудеев В.В.</i> Время появления кубков в срубной культуре.....	96
<i>Селивантьев О.А.</i> Новые находки костяных изделий из погребений эпохи бронзы в курганах степного Прикубанья	100
<i>Стеганцева В.Я.</i> Основные погребения западноманычской катакомбной культуры	104
<i>Таймазов А.И.</i> О мелких орудиях стоянки олдована Айникаб 1 (Северо-Восточный Кавказ).....	108
<i>Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В.</i> Исследование поселения эпохи ранней бронзы (майкопской культуры) Катусвина Кривица-2 под Новороссийском (предварительное сообщение).....	112
<i>Courcier A., Djallilov B., Gailhard N., Hauptmann A.</i> Metallurgy during the Chalcolithic (5th millennium B.C.) in Azerbaijan: an insight through ancient excavations and recent discoveries (Mentesh Tepe, Ovçular Tepe).....	116
Археология позднего бронзового и раннего железного века	
<i>Бакушев М.А., Чечина А.Ю.</i> Змейский могильник кобанской культуры.....	120
<i>Белинский А.Б., Райнхольд С., Мишина Т.Н.</i> Гумбаши – «крепость» эпохи поздней бронзы на перевале Гумбаши между реками Подкумок и Мара	124
<i>Бжания В.В., Сакания С.М., Бжания Д.С.</i> Выявление археологических памятников в селе Арасадзыхь.....	126
<i>Брилева О.А., Давудов Ш.О., Чижова А.А.</i> Культурные места горного Дагестана...	128
<i>Вольная Г.Н.</i> Бронзовые поясные пластинчатые пряжки с зооморфными изображениями из памятников Центрального Кавказа эпохи поздней бронзы – раннего железа.....	132
<i>Вязкова О.Е., Мальшев А.А., Требелева Г.В.</i> Эволюция системы расселения в периферийных районах Азиатского Боспора (на примере п-ва Абрау).....	134
<i>Габелия А.Н.</i> Металлургия и металлообработка Абхазии в эпоху поздней бронзы.....	136
<i>Гасс А., Фассбиндер Й., Белинский А.Б., Парцингер Г.</i> Исследования периферии больших курганов РЖВ Северного Кавказа с применением магнитометрии.....	139

Содержание

<i>Годизов Г.Л., Улитин В.В.</i> Новые памятники меотской культуры в Адыгее.....	143
<i>Гулиев Ф.Э., Брилева О.А., Гусейнов Ф.Р., Гасымов П.П., Салимбеков Ш.А., Алекперов В.А.</i> Курганная группа Топдагдаган – новый памятник начала I тыс. до н.э. на территории Азербайджана.....	147
<i>Даутова Р.А., Тангиев М.А.</i> Шаройский могильник (Чечня, р. Шаро-Аргун).....	151
<i>Джафаров Г., Джафарова Д.</i> Новые исследования на некрополе «Палыды».....	153
<i>Джопуа И.А.</i> Охранно-спасательные работы памятников археологии в с. Эшера (Республика Абхазия).....	154
<i>Канторович А.Р.</i> Мотив головы верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле.....	156
<i>Козенкова В.И.</i> Хронология Перкальского могильника в контексте новых материалов скифского облика в Предкавказье.....	160
<i>Козубова А.</i> О восточных влияниях в культурах раннего железного века Карпато-Подунавья.....	163
<i>Кононов В.Ю.</i> «Марьянское-1» – новый памятник меотской археологической культуры в Прикубанье (предварительное сообщение).....	166
<i>Кузнецова Т.М.</i> Киммерийские стрелы.....	168
<i>Марченко Ю.В.</i> «Мужской» и «женский» инвентарь в скифских погребениях Нартанского могильника	170
<i>Маслов В.Е.</i> Фрагменты гончарной керамики из Краснознаменского могильника.....	173
<i>Махортых С.В.</i> Бронзовые колокольчики VII-VI вв. до н.э. из скифских памятников Северного Кавказа.....	175
<i>Мокрушин В.П., Жупанин О.Ф., Соков П.В.</i> Новое селище раннего железного века на территории Северского р-на Краснодарского края.....	179
<i>Мошинский А.П.</i> Новые производственные комплексы поселения Сауар.....	182
<i>Нарожный Е.И., Дмитриев А.В., Сазонов А.А.</i> Погребения воинской элиты протомеотского могильника «Лиманов Кут».....	183
<i>Патрушев В.С.</i> Северокавказские бляхи с солярными символами в Марийском Поволжье.....	189
<i>Прокопенко Ю.А.</i> Исследование памятников кобанской культуры V-III вв. до н.э. в Центральном Предкавказье в конце XX – начале XXI в.	193
<i>Сангулия Г.А.</i> Генезис и трансформация ранних погребальных обрядов колхидской культуры Абхазии.....	195
<i>Скаков А.Ю., Джопуа А.И.</i> Керамический комплекс могильника Джантух.....	197

Содержание

<i>Сланов А.Х., Сланов А.А.</i> Предметы туалета из Второго Кливанского могильника.....	201
<i>Сорочану Т., Сава Е.</i> Металлические сосуды предскифского периода между Карпатами, Кавказом и Уралом.....	203
<i>Худавердян А.Ю.</i> О взаимосвязях населения Кавказа и Евразии в эпоху поздней бронзы и раннего железного века: по антропологическим данным.....	205
<i>Чишиев Х.(В.)Т.</i> Каменная стела Николаевского могильника кобанской культуры.....	209
<i>Эрлих В.Р., Болелов С.Б.</i> Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку.....	211
Археология сарматского времени и эпохи Великого переселения народов	
<i>Албегова З.Х., Ковалевская В.Б.</i> Солярно-зооморфные фибулы Северного Кавказа.....	216
<i>Бакушев М.А., Гаджиев М.С.</i> О датировке некоторых антропоморфных статуэток Дагестана албано-сарматского времени.....	220
<i>Бурков С.Б.</i> Северокавказские и Предгорно-Плоскостная экспедиции: этапы в изучении памятников раннего железного века Чечни.....	223
<i>Виноградов А.Ю.</i> К локализации византийских крепостей в Апсилии.....	226
<i>Габуев Т.А.</i> Аланские курганы у Киевского городища в Моздокском районе Северной Осетии	229
<i>Гаджиев М.С., Малашев В.Ю.</i> Этнокультурная принадлежность курганных могильников IV-V вв. н.э. Южного Дагестана	231
<i>Гмыря Л.Б., Магомедов Ю.А.</i> Раскопки на Паласа-сыртском курганном могильнике IV-V вв. обособленных групп захоронений.....	234
<i>Горбенко А.А., Косяненко В.М.</i> Редкий набор амулетов из некрополя Крепостного городища (г. Азов).....	237
<i>Гошгарлы Г.О.</i> Противоречия в сообщениях Страбона о Кавказской Албании и их интерпретация в историко-археологической литературе.....	241
<i>Джанаев Э.Г.</i> Разведки на Эльхотовском городище «Восточное II».....	243
<i>Иванов А.В.</i> Фортификация цитадели городища «Фурожан»	246
<i>Казанский М.М., Мاستыкова А.В., Сапрыкина И.А.</i> Некоторые черты погребального обряда раннесредневекового Пашковского могильника № 1 на Нижней Кубани.....	248
<i>Казанцева А.И.</i> Фибулы из погребений могильника и городища Елизаветинская 2 (раскопки 2013 г.)	251

Содержание

<i>Кайтан Ш.Г.</i> Проблемы хронологии Великой Абхазской стены	253
<i>Коробов Д.С., Малашев В.Ю., Фассбиндер Й.</i> Новые данные о появлении алан в Кисловодской котловине, полученные с использованием аэрофотосъемки и магнитометрии.....	254
<i>Левин Е.С., Короткий Д.В., Лунев М.Ю.</i> Новое сарматское погребение с римскими импортами из Прикубанья.....	257
<i>Новичихин А.М.</i> Раннесредневековые фибулы из случайных находок в районе Анапы.....	259
<i>Пьянков А.В., Анфимов И.Н.</i> О поздней группе погребений могильника Елизаветинского городище № 2 (раскопки 1978 г.).....	263
<i>Савенко С.Н.</i> Элитные кенотафы середины V – первой половины VI вв. н.э. из Кисловодской котловины	267
<i>Саидов В.А.</i> Раннекочевнические мечи с территории Дагестана.....	271
<i>Саканиа С.М.</i> Типология апсид в раннесредневековых храмах Абхазии.....	274
<i>Сланов А.А.</i> Дарьяльская крепость.....	276
<i>Требелева Г.В., Юрков Г.Ю., Горлов Ю.В., Сангулия Г.А., Цвинария И.И., Саканиа С.М., Кайтан Ш.Г.</i> Разведки по Восточной Абхазии 2013 г. Новые открытия	280
<i>Цуциев А.А.</i> Новые находки сасанидских драхм на территории Осетии.....	283
<i>Чернышева Е.В., Борисов А.В., Коробов Д.С.</i> Уреазная активность почв и культурных слоев памятников аланской культуры в Кисловодской котловине....	286
<i>Чеченов И.М.</i> К вопросу о ранних этапах тюркизации центральнокавказского субрегиона.....	288
<i>Шаров О.В.</i> Синхронизация комплексов знати позднесарматской культуры, Боспора и Центрального Кавказа.....	291
<i>Шевченко Н.Ф.</i> Особенности социальной стратификации древнего общества (по материалам могильника Мезмай 1).....	294
<i>Шестопалова Э.Ю.</i> Обряд преднамеренного разрушения погребений в катакомбах Дагомского могильника.....	298
<i>Яценко С.А.</i> К интерпретации групп воинских погребений в сарматских некрополях.....	300

Археология Средневековья

<i>Абиев А.К., Фризен С.Ю.</i> Исследования на Гоцатлинском 3-м (Ортоколинском) могильнике в горном Дагестане в 2012-2013 гг.	302
<i>Акопян А.В.</i> К поискам эмитента так называемых «загадочных грузинских монет с побережья Каспия».....	306

Содержание

<i>Албегова З.Х., Магомедов Р.Г., Таймазов А.И.</i> Стелы Гоцатлинского (Ортоколинского) 1-го поселения X-XII веков	309
<i>Афанасьев Г.Е., Добровольская М.В., Коробов Д.С., Решетова И.К.</i> О культурной, антропологической и генетической специфике донских алан.....	312
<i>Бабенко В.А.</i> О некоторых дискуссионных проблемах истории города Маджара	316
<i>Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю., Ёлшин Д.Д.</i> Кирпич в церковной архитектуре Закавказья IX-X вв.	319
<i>Борисов А.В., Коробов Д.С., Магомедов Р.Г.</i> Почвенно-археологические исследования террасных полей в районе строительства Гоцатлинской (Ортоколинской) ГЭС в Дагестане	323
<i>Василиненко Д.Э., Нарожный Е.И., Соков П.В.</i> Предварительные итоги охранно-спасательных работ на поселении золотоордынского времени «Железнодорожное-1» (Крымский район Краснодарского края)	326
<i>Василиненко Д.Э., Жеребилов С.Е., Тищенко И.Б.</i> Археологические исследования средневекового поселения «Железнодорожное 2» в Крымском районе Краснодарского края (предварительное сообщение)	329
<i>Голубев Л.Э.</i> Об одном из видов рыбной ловли у средневековых адыгов	331
<i>Горелик М.В.</i> Монгольские, черкесские и половецкие воины золотоордынского Предкавказья конца XIII – XIV вв.	333
<i>Дзаттиати Р.Г.</i> Некоторые итоги раскопок Даргавского катакомбного могильника	336
<i>Доде З.В.</i> Костюм монгольской элиты в контексте имперского ритуала	338
<i>Дружинина И.А.</i> Два типа древкового оружия Северо-Западного Кавказа	340
<i>Ендольцева Е.Ю.</i> Стелы с 1-го Гоцатлинского поселения: иконографический контекст	345
<i>Зеленский Ю.В.</i> Донские и предкавказские половцы в дореволюционной отечественной историографии	348
<i>Зиливинская Э.Д.</i> Склепы-мавзолеи Нижнего Поволжья, Западного Казахстана и Северного Кавказа (гипотеза генезиса)	350
<i>Исаев С.Х.</i> Надмогильные камни (чурты) с петроглифами из горной Чечни	353
<i>Кадиева А.А.</i> Погребальный комплекс, включающий пояс с изображениями фантастических животных, из могильника Песчанка в верховьях реки Нальчик (раскопки И.А. Владимирова)	356
<i>Каштанов Д.В.</i> Казус Миллена: dominus Alanorum или tscherkassischer Fürst?	359

Содержание

<i>Мамаев Р.Х.</i> Археологические исследования Ф.С. Панкратова (Гребенца) в Чечне	363
<i>Мамаев Х.М.</i> Бечикский могильник в горной Чечне	366
<i>Мамиев М.Э.</i> О времени и обстоятельствах появления аланского династического имени <i>Æгъузатæ</i>	369
<i>Моисеев Д.А.</i> Строительная керамика Крыма и Кавказа средневизантийского времени: сравнительный анализ морфологии изделий	372
<i>Нарожный Е.И., Соков П.В., Тищенко И.Б.</i> Охранно-спасательные исследования на грунтовом могильнике поселения «Железнодорожное-2» (Крымский район Краснодарского края)	374
<i>Сагитова М.Д.</i> Культовая посуда или культ посуды: феномен «домашних музеев» в Дагестане (археологический и этнографический ракурс)	377
<i>Столярова Д.А.</i> К вопросу об исследовании технологии изготовления украшений Тарского и Хазнидонского могильников	381
<i>Схатум Р.Б., Зеленский Ю.В.</i> Новые поступления половецких изваяний в Краснодарский музей-заповедник	383
<i>Туаллагов А.А.</i> Новые данные о давней находке	386
<i>Успенский П.С.</i> Погребения всадников с территории Северо-Западного Кавказа (по материалам кремационных некрополей)	389
<i>Успенский П.С.</i> Изучение социальной стратификации населения Северо-Западного Кавказа по материалам кремационных погребений VIII-XIII вв.	392
<i>Чхаидзе В.Н.</i> Османская крепость Хункала	395
<i>Чхаидзе В.Н., Черкасов А.Н.</i> Бронзовый литой крест из окрестностей Хумары	399
Список сокращений	403

И.М. Чеченов

Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, г. Нальчик

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЕВГЕНИЯ ИГНАТЬЕВИЧА КРУПНОВА (1904– 1970 гг.): КРУПНОВ И «КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (1971–2012 гг.)

В истории археологического изучения северокавказского региона, начавшейся в основном в конце XVIII – начале XIX вв., особый интерес представляет относительно непродолжительный период, ограниченный в пределах 1950-х – начала 1970-х годов, который несомненно можно назвать переломным в становлении и развитии археологии на Северном Кавказе. Именно в течение этого двадцатилетнего периода в регионе произошли весьма существенные положительные сдвиги, чему способствовала главным образом напряженная научно-исследовательская и организационная деятельность выдающегося ученого-кавказоведа, профессора Е.И. Крупнова. На страницах академических (центральных) и местных (региональных) изданий опубликовано большое количество посвященных ему статей биографического и справочного характера¹.

И все же считаем вполне уместным здесь же, в нашем небольшом очерке, содержание которого неразрывно связано с именем Евгения Игнатьевича, еще раз напомнить вкратце о некоторых эпизодах его активной жизни и научной деятельности.

Е.И. Крупнов родился 16 марта 1904 г. в г. Моздоке Северной Осетии; здесь же он получил среднее образование. Евгений Игнатьевич рано начал нелегкую жизнь; после смерти отца в 1919 г. ему пришлось работать в разных местах то в качестве землекопа, то в шорных мастерских, то на нефтепромыслах... Важным событием в жизни Евгения Игнатьевича явился тот отрадный факт, что в 1924 г. он поступил на этнографическое отделение Северо-Кавказского (Горского) пединститута, а через три года перевелся на исторический факультет Московского госуниверситета, где под руководством знаменитого археолога В.А. Городцова стал целенаправленно заниматься историко-археологической проблематикой Кавказа.

После окончания учебы в МГУ (1930 г.) Е.И. Крупнов был зачислен в качестве научного сотрудника в штат Государственного исторического музея (ГИМ), и с 1937 г. он начал работать по совместительству в Московском отделении Института материальной культуры (МО ГАИМК, позднее ИИМК АН СССР, а ныне Институт археологии РАН).

Необычайное трудолюбие, целеустремленность и чувство ответственности, проявившиеся у Евгения Игнатьевича еще в довоенные 1930-е годы, могут служить наглядным примером для ученых, особенно для молодых исследователей, посвятивших себя служению науке. Достаточно сказать что, несмотря на довольно сложные условия для научно-исследовательской деятельности Е.И. Крупновым за 10-12 лет (1929-1941 гг.) опубликовано около 30 разных статей, рецензий, очерков для энциклопедий, информационных справок, посвященных многим вопросам ранней истории и археологии. В те же довоенные годы он начал на Кавказе свои первые полевые исследования, которые проводились главным образом на территории Дагестана, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Опре-

деленного внимания заслуживает и то, что тогда же, незадолго до начала войны с фашистской Германией, Евгений Игнатьевич завершил и представил Ученому совету исторического факультета МГУ рукопись кандидатской диссертации под названием «История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века». Значительно позднее, уже после смерти автора она была издана полностью под названием «Средневековая Ингушетия» (М., 1971)².

Когда грянула война, Е.И. Крупнов вместе с несколькими своими коллегами-археологами из ИИМК вступил в ряды Московского народного ополчения и, в качестве рядового бойца стрелковой дивизии, участвовал в боях под Смоленском, Ельней и др. В одном из сражений он был ранен в ногу, а после оказания первичной медицинской помощи в прифронтовом госпитале его эвакуировали для оперирования и лечения в г. Козельск. В начале октября, когда Евгений Игнатьевич еще лежал в госпитале, ему через Ученого секретаря МО ГАИМК (ИИМК) сообщили, что подошла его очередь для защиты кандидатской диссертации. И действительно, вскоре, после соответствующего ходатайства, Евгения Игнатьевича отпустили на три дня в Москву, хотя он еще заметно хромотал. Защита состоялась 7 октября в МГУ, а на следующий день в газете «Московская правда» появилась статья с его фотографией, которая называлась «Солдат защищает диссертацию». Через день после защиты Е.И. Крупнов прибыл в воинскую часть, где стал служить лектором политотдела дивизии. Такие беглые сведения о защите раненым Е.И. Крупновым кандидатской диссертации приобретают особый смысл, если иметь в виду, что октябрьские дни 1941 года оказались для нашей страны самыми опасными, самыми тревожными и тягостными в период Великой Отечественной войны с фашизмом, а, может быть, даже во всей ее истории; вспомним, что именно в те октябрьские дни немецкие войска вплотную приближались к Москве и готовились к генеральному штурму столицы.

Демобилизовался Е.И. Крупнов в августе 1945 г. и вскоре приступил к работе в прежних местах – ГИМе и МО ГАИМК (ИИМК). Свои первые археологические исследования в послевоенные годы Евгений Игнатьевич начал в основном с территории Кабардино-Балкарии, переименованной в тот период в связи с депортацией балкарцев в Кабардинскую АССР. Так, с 1946 по 1951 годы он по совместительству был зачислен в штат Кабардинского НИИ (ныне Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН). В те же годы на территории республики им раскопаны курганы эпохи ранней и средней бронзы у селений Урух и Старый Лескен, несколько курганов эпохи поздней бронзы около селения Каменноостское, обследованы городища близ г. Майского, селения Старый Лескен и др. Кроме того, в эти же послевоенные годы Е.И. Крупновым опубликовано более десятка научных статей. Примечательно, что тогда же появились в печати первые монографические работы, написанные главным образом на основании анализа материалов с территории Кабардино-Балкарии. Имеются в виду две небольшие по объему, но достаточно интересные по содержанию книги: «Краткий очерк археологии Кабардинской АССР» (Нальчик, 1946) и «Жемгалинский клад» (М., 1952)³.

Е.И. Крупнов, обращаясь с просьбой освободить его от должности штатного сотрудника КНИИ, обещал и в дальнейшем продолжить сотрудничать с институтом. И действительно, в 1957 г. он опубликовал солидную монографию «Древняя история и культура Кабарды», которую посвятил 400-летию добровольного вхождения кабардинцев в состав России⁴. По сути, книга представляет собой первый обобщающий труд по ранней истории и археологии населения Централь-

ного и Северо-Западного Кавказа, хронологически охватывающий период начиная от каменного века до эпохи поздней бронзы и раннего железа⁵. Особого внимания заслуживает тот факт, что определенные группы памятников эпохи ранней бронзы, распространенные на указанной территории региона и сближающиеся между собой по ряду существенных признаков, Е.И. Крупнов предложил объединить под общим названием «Майкопская культура», и эта версия получила в науке всеобщее признание. К изложенным выше сведениям можно добавить, что Е.И. Крупнов участвовал также в подготовке обобщающих сводных трудов по истории народов Кабардино-Балкарии. Так, для подготовки к изданию «Истории Кабарды» (М., 1957) он разработал совместно с доктором исторических наук С.Н. Смирновым план-конспект, хронологически охватывающий в целом вопросы исторического развития населения республики с древнейших времен до октябрьской революции 1917 года⁶. Помимо того, в двухтомном академическом издании «История Кабардино-Балкарской АССР» (М., 1967) Е.И. Крупновым написаны первые главы, которые были посвящены ранним историческим периодам территории республики, начиная от каменного века до позднесарматского (раннеаланского) времени⁷.

Освободившись от должности штатного сотрудника Государственного исторического музея и Кабардинского НИИ, но не прерывая научно-творческих связей с этими учреждениями, Е.И. Крупнов активно продолжал свою исследовательскую, научно-организационную и общественную деятельность в Институте археологии АН СССР (быв. ИИМК, ныне Институт археологии РАН). В 1951-1960-е годы он занимал должность зам. директора этого Института, а с 1962 до 1970 г. (т.е. до конца жизни) возглавлял там же сектор неолита и бронзы. В этой связи, прежде всего, значительного внимания заслуживает то, что Евгений Игнатьевич был организатором и первым руководителем одной из крупнейших новостроечных экспедиций ИИМК АН СССР, работавшей в 1951-1954 гг. в зоне сооружения Сталинградской ГЭС в Нижнем Поволжье⁸. Он же вполне правомерно считается инициатором создания специальной экспедиции для проведения институтом стационарных археологических исследований в Месопотамии.

К сожалению, из-за ухудшения здоровья Евгений Игнатьевич не имел возможности участвовать в этих полевых работах, но они были весьма успешно выполнены его коллегами из Института археологии АН СССР (ИИМК). Достаточно сказать, что с 1968 до 2002 года Месопотамская экспедиция, работающая с некоторыми перерывами, проводила свои археологические изыскания на территории Ирака и Сирии в течение почти 30 полевых сезонов. В результате было выявлено огромное количество ценных материалов, в значительной мере способствовавших более полному и четкому освещению ряда вопросов древней истории и археологии Ближнего Востока и вызвавших большой интерес у широкого круга специалистов в нашей стране и за рубежом – в Европе, США, Японии, Ираке, Сирии⁹. Примечательно, что многие из этих месопотамских экспедиционных исследований возглавлял Р.М. Мунчаев – один из первых учеников Е.И. Крупнова.

При всем этом, основные усилия научно-организационной и научно-исследовательской деятельности Е.И. Крупнова были направлены на системное и целенаправленное изучение археологии и ранней этнической истории Северного Кавказа. Так, на основе руководимой им экспедиции Института археологии АН СССР (ИА), по его же инициативе была создана единая Северо-Кавказская археологическая экспедиция (СКАЭ), в составе которой более или менее активно участвовали сотрудники научно-исследовательских институтов и краеведческих

музеев Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, Карачаево-Черкесии, Юга Ставрополя. Экспедиция, которая состояла из нескольких отрядов, возглавляемых в основном бывшими аспирантами и учениками Евгения Игнатьевича (Р.М. Мунчаев, В.И. Марковин, В.А. Кузнецов и др.), развернула крупномасштабные археологические работы на обширной территории, простиравшейся от Дагестана и Северо-Западного Прикаспия до района Пятигорья¹⁰.

Особенно интенсивные и обширные исследования развернулись в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. В частности, в пределах современной территории Чеченской республики проводились раскопки: многочисленных курганов майкопской и т.н. северокавказской культур эпохи ранней и средней бронзы, расположенных у ст. Мекенской и сел. Бамут; поселения кобанской культуры периода поздней бронзы и кабардинских курганов позднего средневековья в районе того же сел. Бамут; могильников периода средней бронзы около сел. Гатын-Кала и Малый Харсеной; своеобразного могильника близ сел. Зандак, сочетающего признаки смешения двух культур эпохи поздней бронзы – кобанской и каякентско-хорочевской; крупного могильника кобанской культуры около сел. Мужичи; скифских курганов VI – V вв. до н.э. у сел. Гойты; двух поселений и могильника около сел. Сержень-Юрт, относящихся в основном к кобанской культуре, и к тому же содержащих в нижнем слое одного из поселений материалы куро-аракской культуры раннебронзового века¹¹.

Что касается полевых работ СКАЭ в Осетии, то наибольший интерес, в числе прочих, представляют итоги раскопок в районе ст. Змейской и сел. Эльхотово ряда памятников: поселка кобанской культуры (IX-VIII вв. до н.э.); раннесредневекового селища; крупного аланского катакомбного могильника XI-XII вв.; обширного городища золотоордынского времени Татартуп (Верхний Джулат) с его остатками мечетей, церквей, христианским могильником XIII – начала XV вв. и др.¹²

Многочисленные и разнообразные материалы, выявленные в ходе полевых работ СКАЭ в конце 1950-х – 1960-х годов, были широко использованы участниками экспедиции при написании ряда монографий, а также опубликованы в многочисленных статьях, в том числе на страницах нескольких специальных изданий¹³. Надо сказать, что без всестороннего учета этих материалов, относящихся к разным археологическим культурам и периодам, начиная от палеолита и кончая поздним средневековьем, сколько-нибудь полное и четкое освещение ранней истории народов Северо-Восточного и Центрального Кавказа не представляется возможным.

В течение своей почти 40-летней исследовательской деятельности Е.И. Крупнов опубликовал около 230 научных работ, в том числе и несколько монографий¹⁴. Они в целом посвящены главным образом разностороннему освещению многочисленных вопросов ранней истории и археологии Северного Кавказа. Причем, наибольшее внимание он уделял изучению проблемы экономического и этнокультурного развития региона в эпоху поздней бронзы и раннего железа, конкретнее, в период бытования кобанской культуры (последние века II – I тыс. до н.э.). Именно на основании глубокого анализа богатых и во многом уникальных материалов этой прославленной культуры, в значительной мере полученных в результате полевых работ самого Евгения Игнатьевича, а также выявленных другими археологами, была написана капитальная монография «Древняя история Северного Кавказа» (М., 1960), за которую ему была присуждена Ленинская премия.

Чеченов И.М. К 110-летию Е.И. Крупнова

Велики заслуги Е.И. Крупнова в подготовке научных кадров кавказоведов. Причем особую чуткость и заботу он проявлял к воспитанию специалистов-археологов из числа представителей коренных национальностей региона. Официально его учениками считаются более 20 аспирантов. Некоторые ученики Евгения Игнатьевича со временем стали крупными учеными, широко известными не только на Кавказе, но и далеко за его пределами. В Закавказье – это сотрудники Института археологии и этнографии Национальной академии наук (НАН) Азербайджана: академик НАН Азербайджана Т.А. Бунятов, член-корр. НАН Азербайджана И.Г. Нариманов, Г.П. Кесманлы и Д.А. Халилов, а также российские археологи член-корр. РАН (ИА) Р.М. Мунчаев, заслуженный деятель науки Российской Федерации (РФ) и Дагестана, доктор исторических наук В.И. Марковин, заслуженный деятель науки РФ и Северной Осетии, доктор исторических наук В.А. Кузнецов и др. Кроме них аспирантами Евгения Игнатьевича, ставшими впоследствии квалифицированными археологами-кавказоведами, были доктора исторических наук М.Х. Багаев (Грозный), М.Б. Мужухоев (Назрань – Магас), О.М. Давудов (Махачкала), Х.Х. Биджиев (Черкесск), кандидаты исторических наук И.М. Мизиев, А.Х. Нагоев, В.М. Батчаев (Нальчик), В.В. Бжания и О.Х. Бгажба (Сухум) и др.¹⁵

При всем при этом весьма показательно то, что своим учителем Е.И. Крупнова считают многие кавказоведы, которые не были официально его аспирантами, но более или менее часто общались и советовались с ним, получали от него разностороннюю научно-теоретическую и практическую помощь. Редко кто из исследователей, специализировавшихся по ранней истории и археологии Северного Кавказа, не испытал на себе благотворного научного, интеллектуального, чисто человеческого влияния Евгения Игнатьевича.

И, наконец, впечатляют масштабы и многосторонний характер активной работы, которую Е.И. Крупнов выполнял на общественных началах. Так, на протяжении многих лет он был членом экспертного совета по историческим наукам ВАК СССР, избирался депутатом районного совета г. Москвы, работал в должности редактора-консультанта «Советской исторической энциклопедии» и др. Будучи заместителем председателя исторической секции и руководителем археологической комиссии Центрального совета ВООПИК, активно участвовал в деле охраны и пропаганды культурно-исторического наследия народов Северного Кавказа и других регионов, постоянно заботился о развитии краеведения на местах. Е.И. Крупнов неоднократно побывал за границей (в Сирии, Ливане, Ираке, Турции, Югославии), где содействовал развитию культурных и творческих связей между учеными нашей страны и зарубежных государств.

Значительные усилия Евгений Игнатьевич прилагал к сплочению и координации творческой деятельности исследователей-кавказоведов. Напомним, что актуальность и вместе с тем сложность такой работы обуславливались несколькими факторами. Во-первых, необычайной этнической пестротой населения региона; во-вторых, разноступенчатым характером в тот период национального-государственного статуса его народов (разделенность на автономные области, автономные республики, края); в-третьих, явно неравномерной изученностью ранней истории и археологии их предков, что в определенной мере было связано с насильственной депортацией в 1943-1957 годах некоторых из них (чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев) в Среднюю Азию и Казахстан.

Евгений Игнатьевич хорошо знал и любил историю и культуру, обычаи и нравы народов Кавказа, которые, в свою очередь, также проявляли к нему чувство глубокого уважения и признательности и для которых он был желанным

гостем всегда. И где бы ни находился Евгений Игнатьевич – среди московских коллег и близких знакомых или в поездках по нашей стране и за рубежом, он с большим удовлетворением и гордостью рассказывал об успешном функционировании во всех республиках и краях Северного Кавказа множества национальных музеев, НИИ, ВУЗов.

Можно определенно сказать, что будучи подлинным ученым, для мышления и поступков которого характерен историзм, Е.И. Крупнов олицетворял лучшие черты представителей прогрессивной русской интеллигенции. Для него в корне были чужды великодержавный шовинизм, нездоровый местечковый национализм и всякие проявления лжепатриотизма. Он крайне отрицательно реагировал на любые попытки преднамеренно исказить, необоснованно приукрашивать, идеализировать историческое прошлое того или иного народа, от кого бы и по какому поводу это не исходило¹⁶.

Такая принципиальная позиция Е.И. Крупнова в научной и общественной жизни, его стремление к консолидации творческих усилий ученых-кавказоведов представляются сегодня особенно актуальными и понятными в связи с известными негативными событиями 1990-х – начала 2000-х годов¹⁷.

Разносторонний самоотверженный труд Е.И. Крупнова, его весомый вклад в изучение ранней истории и археологии Северного Кавказа и неустанная забота о воспитании молодых специалистов-кавказоведов, а также многогранная организационная и общественная деятельность получили достойную оценку. Он был награжден орденом Трудового Красного знамени и несколькими медалями правительства. Евгений Игнатьевич одним из первых среди археологов был удостоен Ленинской премии СССР (1963 г.); ему было присвоено также звание заслуженного деятеля Чечено-Ингушетии (1966 г.) и Кабардино-Балкарии (1967 г.). Кроме того, за заслуги в освещении и укреплении культурных связей населения некоторых наших южных регионов с народами Ближнего Востока Е.И. Крупнов получил престижную премию известного арабского писателя и общественного деятеля Саида Акля¹⁸.

В конце сентября 1970 г. Евгения Игнатьевича не стало; ушел из жизни настоящий ученый и учитель, замечательный человек... Но живы воспоминания о нем, не забыто многое из того, что он сделал для науки, к чему стремился и призывал. Сегодня можно сказать, что этому в значительной мере способствовала регулярная, более чем 40-летняя работа межрегиональных (ныне международных) научных конференций по археологии Северного Кавказа – «Крупновских чтений», зародившихся по инициативе Кабардино-Балкарского и Северо-Осетинского научно-исследовательских институтов (КБНИИ и СОНИИ)¹⁹.

Надо заметить, что по вопросам становления и развития «Крупновских чтений» в печати временами появляются разноречивые, а порой не вполне достоверные сведения. Для уточнения одного из таких вопросов, касающегося начальной стадии зарождения этих конференций, значительного внимания заслуживает тот факт, что в середине июня 1970 г. (то есть еще при жизни Евгения Игнатьевича) в г. Нальчике состоялось совместное заседание секторов археологии КБНИИ (зав. И.М. Чеченов) и СОНИИ (зав. В.А. Кузнецов), в работе которого участвовали 6 человек. На заседании были обсуждены и рекомендованы в печать несколько докладов, а также рассмотрены некоторые организационные вопросы. Но, главное, тогда же постановили: впредь проводить подобные совместные заседания ежегодно, расширив круг их участников за счет приглашения археологов-кавказоведов из других городов.

Чеченов И.М. К 110-летию Е.И. Крупнова

На основании того же постановления в г. Нальчике (июнь, 1970 г.) наше следующее совместное заседание проводилось весной 1971 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ), на базе СОНИИ²⁰. Это второе совместное заседание открылось 16 марта – в день 67-летия рождения Евгения Игнатьевича (и менее чем через полгода после его смерти). На заседании присутствовали 9 участников, причем археологов насчитывалось всего 6 человек (из них по два представителя из Орджоникидзе и Нальчика, по одному – из Грозного и Махачкалы). Надо особо отметить, что в тот же день все присутствовавшие в зале единодушно одобрили решение: отныне проводить наши археологические заседания как мемориал памяти Е.И. Крупнова и утвердить за ними название «Крупновские чтения».

В соответствии с таким решением совместное заседание секторов археологии СОНИИ и КБНИИ в Орджоникидзе (1971 г.) получило вполне правомерное наименование – «Крупновские чтения».

На II «Крупновских чтениях» (II КЧ), организованных в 1972 г. на базе Кабардино-Балкарского НИИ в Нальчике, присутствовали около 20 человек, в том числе 11 археологов из г. Грозного, Орджоникидзе, Ставрополя, Черкесска, в работе II КЧ участвовали также несколько преподавателей Кабардино-Балкарского госуниверситета, сотрудников КБНИИ и республиканского краеведческого музея КБАССР. Всего были заслушаны и обсуждены 9 докладов и, кроме того, рассмотрены некоторые организационные вопросы, связанные с дальнейшим совершенствованием и улучшением работы «Крупновских чтений».

На тех же «Нальчикских чтениях» (II КЧ-1972), был согласован также вопрос о проведении следующих «чтений» (III КЧ-1973) в г. Грозном. На «чтениях», организованных Чечено-Ингушским НИИ, были заслушаны и обсуждены 20 докладов и сообщений, представленных в основном местными грозненскими археологами. Но кроме них, там же выступили с научными докладами археологи-кавказоведы из Киева, Краснодара, ст. Отрадной (Краснодарский край), Нальчика, Орджоникидзе²¹. Вместе с тем важно отметить, что регулярная публикация тезисов докладов всех «Крупновских чтений» началась с III КЧ в г. Грозном (1973 г.)²².

Очередные «Крупновские чтения» (IV КЧ, середина марта 1974 г.), которые по времени совпали с 70-летием со дня рождения Евгения Игнатьевича, решили провести в Моздоке – городе, где он родился и учился в школе. Причем, предварительно, по инициативе секторов археологии СОНИИ и КБНИИ, руководители этих институтов обратились к соответствующим органам власти с ходатайством: в связи с юбилеем Е.И. Крупнова увековечить память о нем на его родине. В результате местные власти приняли постановление о присвоении одной из улиц Моздока имени Е.И. Крупнова, а на стене дома, где он родился, была установлена памятная доска²³.

На IV «чтениях» в Моздок (1974 г.) съехалось около 30 археологов-кавказоведов из Москвы, Киева, Тбилиси, Цхинвали, Краснодара, Ставрополя, Черкесска, Пятигорска, Махачкалы, Нальчика, Орджоникидзе. Как видно, по сравнению с предшествующими I, II и III КЧ (1971, 1972 и 1973 гг.) «Моздокские» IV КЧ в 1974 г. значительно отличались многочисленностью участников и разнообразием тематики их докладов, представленных археологами из более широкого, чем прежде, круга городов²⁴.

В первые годы (1970-1974 гг.) не было никаких постоянных инициативных групп или оргкомитетов, занимавшихся подготовкой и проведением I-IV КЧ. Такие проблемы решались довольно упрощенно: «самоутвердившиеся активисты» В.А. Кузнецов и И.М. Чеченов предварительно согласовали и уточняли орга-

низационные вопросы с местными археологами и руководителями тех научных учреждений, где планировалось проведение очередных КЧ. Там же, на месте, создавался временный (разовый) оргкомитет, который самораспускался после проведения КЧ²⁵.

Существенное улучшение организационной структуры КЧ, а вместе с тем и повышение их научно-теоретического уровня стали отчетливо проявляться с 1975 г. (V КЧ), когда они состоялись в г. Махачкале, на базе Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Можно с определенными оговорками сказать, что именно с этого времени «Крупновские чтения» приобрели статус полнокровных, достаточно успешно проводимых научных конференций, получивших вскоре широкую известность. В этой связи, здесь же, следует обратить внимание на то, что к открытию V КЧ-1975, в Махачкале было опубликовано более 60 тезисов докладов, представленных археологами Москвы, Ленинграда, Элисты, Баку Тбилиси, Цхинвали, а также столиц всех автономных республик Северного Кавказа, нескольких городов Краснодарского и Ставропольского краев. Тематика докладов была весьма разнообразной и включала обширный круг вопросов, охватывающих в целом огромный хронологический диапазон от раннего палеолита до позднего средневековья²⁶.

Но особо значимым представляется тот факт, что на V КЧ 1975 года в Махачкале был впервые сформирован на выборной основе регулярно функционирующий орган «Крупновских чтений» – Постоянный координационный совет межрегиональных (ныне международных) конференций по археологии Северного Кавказа (ПКС КЧ). Все последующие годы ПКС КЧ возглавлял в основном работу по подготовке и проведению конференций на соответствующем научном уровне. Тогда же в Махачкале, по желанию участников конференции, Институт археологии АН СССР стал куратором наших «чтений». Почетным председателем координационного совета КЧ были избраны директор Института археологии АН СССР акад. Б.А. Рыбаков, председателем – В.А. Кузнецов, зам. председателя – И.М. Чеченов. Членами ПКС КЧ стали Н.В. Анфимов (Краснодар), Х.Х. Биджиев (Черкесск), В.И. Козенкова и В.И. Марковин (Москва), В.Г. Котович (Махачкала), М.Б. Мужухоев (Грозный).

Впоследствии состав ПКС неоднократно обновлялся в результате ротации или по иным причинам; в частности, в связи с переходом В.А. Кузнецова на депутатскую работу в Верховном совете РСФСР, председателем Постоянного координационного совета на XVI КЧ-1990 в Ставрополе был избран И.М. Чеченов, его заместителем Н.В. Анфимов, а позднее – С.Н. Савенко²⁷. К тому же численность ПКС со временем увеличилась за счет включения в него представителей всех регионов Северного Кавказа, а также Элисты, С.-Петербурга, Ростова-на-Дону, Сухуми. Так, если на V КЧ (Махачкала, 1975 г.) или на X КЧ (Москва, 1980 г.), в состав координационного совета входило по 9 человек, то их численность на выборах XXIV КЧ (Нальчик, 2006 г.) увеличилась до 18 представителей совета²⁸. Кроме того, на XIX КЧ в Москве (1996 г.) в составе совета были утверждены должности координатора и ответственного секретаря; координатором избрали В.А. Кузнецова, секретарем – В.И. Козенкову²⁹.

И, наконец, на заседании XXIV КЧ в Нальчике (2006 г.) основательно обновился и «помолодел» состав руководителей Постоянного координационного совета. Так, И.М. Чеченов был освобожден по его просьбе от должности председателя ПКС КЧ, которую занимал в течение длительного периода (1990-2006 гг.); на его место был избран проф. Багаев М.Х. (Грозный). Заместителем председателя были

Чеченов И.М. К 110-летию Е.И. Крупнова

избраны докт. ист. наук Гаджиев М.С. (Махачкала) и (повторно) канд. ист. наук Савенко С.Н. (Кисловодск), а координатором – канд. ист. наук А.Б.Белинский (Ставрополь) и ответственным секретарем – канд. ист. наук Албегова З.Х. (Москва). Тогда же участники Нальчикской конференции (XXIV КЧ-2006) постановили учредить в составе ПКС «институт почетных членов»; его «первыми почетными членами» избраны В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов и В.И. Козенкова³⁰.

С 1971 по 1982 гг. «Крупновские чтения» проводились ежегодно, а впоследствии через каждые два года. Причем, в некоторых городах они состоялись неоднократно. Так, по три раза «чтения» проводились в Орджоникидзе (Владикавказе) (I КЧ-1971, XIV КЧ-1986, XXV КЧ-2008); в Нальчике (II КЧ-1971, VIII КЧ-1978, XXIV КЧ-2006); в Махачкале (V КЧ-1975, XV КЧ-1988, XXVII КЧ-2012); в Москве (X КЧ-1980, XIX КЧ-1996, XXIII-2004), в Кисловодске (XVIII КЧ-1994, XXI КЧ-2000, XXII КЧ-2002); дважды конференции состоялись в Майкопе (XIII КЧ-1984, XVII КЧ-1992)³¹.

По окончании каждой конференции о ее работе систематически публиковалась краткая информация в журн. «Советская (ныне Российская) археология», а нередко и в других научных изданиях и СМИ.

В первые годы содержание докладов сводилось к оперативному ознакомлению участников конференции с результатами экспедиционных и полевых исследований. Такое верное и важное, в целом, направление сохранялось в преобладающей мере и в дальнейшей работе конференции. Но вместе с тем, на VI КЧ в Краснодаре (1976 г.) было принято решение: намечать для каждой следующей конференции определенную приоритетную тематику, посвященную более или менее крупным и актуальным историко-археологическим проблемам Северного Кавказа, и рассматривать такие доклады в течение одного или двух первых дней конференции на пленарных заседаниях³².

В соответствии с этим решением участников Краснодарской конференции (VI КЧ-1976) впоследствии были заслушаны и обсуждены, в частности, обобщающие доклады, освещающие следующие недостаточно исследованные и спорные вопросы ранней истории нашего региона: зарождение и развитие первых городов (VII КЧ-1977 в Черкесске); этногенез и этническая история (VIII КЧ-1978 в Нальчике, XIV КЧ-1986 в Орджоникидзе); особенности экономического и этнокультурного развития оседлых племен и кочевников в эпоху бронзы и средние века (IX КЧ-1979 в Элисте, XV КЧ-1988 в Махачкале, XVII КЧ-1992 в Майкопе); религиозные верования (X КЧ-1980 в Москве) и др.³³

Как и проблемы этнической истории, в качестве приоритетной темы на наших конференциях неоднократно рассматривались также вопросы, связанные с историографией историко-археологического изучения Северного Кавказа (XVI КЧ-1990 в Ставрополе, XVIII КЧ-1994, XIX КЧ-1996 в Москве и XXI КЧ-2000 в Кисловодске) и др. В таких историографических докладах, заслушанных на «Крупновских чтениях» в 1990-х – начале 2000-х гг., главное внимание уделялось не только и не столько достижениям в археологическом изучении региона, сколько разносторонней критике бесчисленного множества различных антинаучных концепций и учений, в корне вульгаризирующих и извращающих периоды ранней истории и археологии северокавказских народов. Напомним, что подобные методологически и фактологически несостоятельные построения и учения, получившие через всевозможные каналы информации чрезвычайно широкое распространение, не только дискредитируют историко-археологическую науку, но основательно деформируют и искажают историческое сознание у широких слоев

населения и явно способствуют нагнетанию напряженности в межнациональных отношениях на Северном Кавказе, а в определенной мере и за его пределами³⁴. Здесь же уместно будет добавить, что по поручению участников XVIII КЧ в Кисловодске (1994 г.), И.М. Чеченов подготовил развернутое «Обращение... к историкам-кавказоведам, и ко всем представителям науки и образования...» с призывом: объединить усилия для ограждения историко-археологической науки от попыток вульгаризации и фальсификации³⁵. «Обращение...» было полностью одобрено и утверждено на общем заседании участников XIX КЧ в Москве (1996 г.) и без изменений опубликовано в журнале «Российская археология» и некоторых других научных журналах, а также на страницах отдельных монографий в виде приложения; кроме того, оно неоднократно оглашалось через каналы СМИ³⁶. Следует заметить, что «Обращение...», получившее столь широкое распространение среди археологов-кавказоведов более 15-17 лет тому назад, но не утратившее своей актуальности и в наши дни, является одним из примеров научно-общественной активности членов Постоянного координационного совета и многих участников «Крупновских чтений».

Среди прочих сведений о научно-организационной работе наших конференций определенного внимания заслуживает тот факт, что обращения с ходатайством к местным властям участников IX КЧ в Элисте (1979 г.) и XVII КЧ в Майкопе (1992 г.) способствовали открытию секторов археологии в Калмыцком и Адыгейском НИИ³⁷. И еще, в резолюциях XII КЧ в Новороссийске (1979 г.) и XX КЧ в Железноводске (1998 г.) обращено внимание местных властей на необходимость улучшения положения с кадрами в этих музеях и укрепления их материально-технической базы³⁸.

Кроме того, участников «Крупновских чтений» постоянно заботили проблемы охраны историко-археологических памятников Северного Кавказа. Причем, такие вопросы неоднократно рассматривались не только на заседаниях наших конференций, но нередко освещались через каналы СМИ. В этой связи, к примеру, можно отметить, что в рамках XXI КЧ (Кисловодск, 2000 г.) состоялся обширный «круглый стол», организованный в г. Ессентуки на основе постановления региональной администрации. В зале, где проводилось это мероприятие, присутствовали руководители администрации Кавминвод, работники культуры и образования района, краеведы, представители местных СМИ и многие участники XXI «Крупновских чтений». За круглым столом обсуждалась, главным образом, достаточно актуальная и сложная тема: повышение ответственности археологов в освещении исторического прошлого народов Северного Кавказа и усиление активности в выступлениях против дилетантов и фальсификаторов науки. Но вместе с тем участники круглого стола вновь убедительно говорили о необходимости коренного улучшения работы по охране и популяризации памятников истории и культуры³⁹. Имеются и другие данные о научно-организационной работе Постоянного координационного совета и временных оргкомитетов «Крупновских чтений». При всем этом, основным итогом 42-летнего функционирования КЧ следует считать их научно-исследовательскую деятельность. Достаточно сказать, что в связи с подготовкой и проведением наших чтений в течение указанного времени было опубликовано не менее 1670 тезисов научных докладов и сообщений разных авторов, заявляющих о своем желании участвовать в работе этих форумов. Причем, особое удовлетворение вызывает тот отрадный факт, что все тезисы III-XXIV КЧ (1973-2006 гг.) опубликованы вторично отдельной книгой; общий объем ее составляет 144 п.л. Основная заслуга в переиздании тезисов наших

конференций в такой форме и в таком необычно большом объеме принадлежит директору ГУП «Наследие» МК Ставропольского края, канд. ист. наук А.Б. Белинскому. Опубликованы в небывалом прежде красочном оформлении и на весьма высоком качественном уровне и тезисы «чтений» последнего времени (XXV КЧ-2008, Владикавказ; XXVI КЧ-2010, Магас; XXVII КЧ-2012, Махачкала)⁴⁰.

Надо признать, что по своему научно-теоретическому уровню далеко не все доклады на «Крупновских чтениях» соответствовали современным требованиям. Но вместе с тем многие доклады отличались глубиной научного анализа фактов и оригинальными суждениями о новейших, нередко уникальных и сенсационных открытиях, сделанных во время экспедиционных исследований.

Научное значение «Крупновских чтений» не ограничивается лишь количеством и содержанием представленных в них докладов. Участие многих молодых археологов из разных городов Северного Кавказа и других регионов совместно с более опытными и компетентными коллегами в работе наших форумов, взаимный обмен ими в перерывах между заседаниями новейшими идеями, публикациями и дополнительными сведениями о результатах последних экспедиционных работ, дискуссии по вопросам археологии и ранней истории, продолжавшиеся в свободное от заседаний время в неформальной обстановке, регулярные научно-познавательные экскурсии к местам расположения историко-археологических памятников той республики и края, где проводилась очередная конференция, – таковы иные формы и содержание деятельности «Крупновских чтений». Несомненно, все это значительно способствовало упрочению творческих, деловых и чисто человеческих отношений между археологами-кавказоведами разных регионов⁴¹.

Определенного внимания заслуживает тот факт, что консолидирующее влияние «Крупновских чтений» наиболее отчетливо и активно проявилось в течение двух последних десятилетий. И это представляется не случайным, если еще раз вспомнить, что именно в тот период в связи с глубочайшим всеобщим кризисом в стране и беспредельным разгулом так называемой «демократии» крайне обострились межнациональные отношения, начались «парады суверенитетов» и участились межэтнические столкновения. Вместе с тем, как отмечалось выше, разрушалась наука и, как результат, стали ослабевать и прерываться былые научно-творческие связи между учеными, что наиболее остро и болезненно отражалось в таком этнически необычайно пестром регионе, как Северный Кавказ⁴². Достоинно особого внимания, что в условиях того многосложного рыночно-перестроечного времени «Крупновские чтения» не только выстояли и проводились системно, без единого срыва, но и значительно увеличили с годами численность своих участников. А главное, в то же время явно повысился научный уровень конференций⁴³. В числе прочих факторов этому способствовало то, что явно возросло количество докладов, подготовленных авторами с разносторонним использованием данных естественных, технических, математических и других наук. Весьма показательны также, что, начиная со второй половины 1990-х годов, заметно расширились научные связи участников «Крупновских чтений» с коллегами из стран ближнего зарубежья (Азербайджан, Украина и др.) и особенно с археологами дальнего зарубежья (Германия, Франция, Англия, США и т.д.). В связи с этим и другими подобными сведениями, изложенными выше, представляется вполне правомерным, что с конца 1990-х годов «Крупновские чтения» стали проводиться, за редким исключением, как международные конференции⁴⁴. Показательно, что, насколько нам известно, среди аналогичных археологических

Чеченов И.М. К 110-летию Е.И. Крупнова

конференций, регулярно и часто проводившихся на территории бывшего СССР, наши «чтения» оказались наиболее стойкими и жизнеспособными по продолжительности своего системно-периодического функционирования.

Во многом все это стало возможным благодаря содействию Института археологии АН СССР (РАН), со стороны дирекции которого оказывалась разносторонняя поддержка (акад. Б.А. Рыбаков, акад. В.П. Алексеев, член-корр. Р.М. Мунчаев, акад. Н.А. Макаров). И еще, там, где проводились наши конференции, члены Постоянного координационного совета КЧ почти всегда получали необходимую реальную помощь от представителей местных властей и руководителей научных учреждений и музеев. Причем в 1990-е – начале 2000-х годов наиболее весомый положительный вклад в подготовку и проведение «чтений» внес Ставропольский край, особенно район Кавминвод. Именно в этом районе в вышеуказанные «нулевые» годы состоялись в большинстве случаев наши конференции, за отличную подготовку и успешное проведение которых мы в значительной мере благодарны директору Пятигорского краеведческого музея, канд. ист. наук Савенко С.Н. и директору ГУП «Наследие» МК Ставропольского края, канд. ист. наук Белинскому А.Б. Таковы далеко не полные сведения о «Крупновских чтениях» – межрегиональных (ныне международных) научных конференциях, которые, несмотря на определенные сложности, недостатки и просчеты, превратились в достаточно дееспособную научно-общественную организацию, явно способствующую тесному творческому сближению археологов многонационального Северного Кавказа и сплачивающую их усилия для дальнейшего, более полного и объективного, освещения исторического прошлого региона. Иными словами, представляется очевидным, что «Крупновские чтения» оказывают на развитие историко-археологической науки на Северном Кавказе довольно ощутимое позитивное влияние.

Примечания

1 Более или менее подробные сведения по данному вопросу содержатся, в частности, в публикациях: *Мунчаев Р.М.*, 1964. К 60-летию Евгения Игнатьевича Крупнова // СА. № 1. С. 3-7; *Он же*, 1971. Евгений Игнатьевич Крупнов // СА. № 1. С. 311-315; *Он же*, 1971. Памяти автора. Предисловие в кн: Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М. С. 5-9; *Он же*, 2004. Евгений Игнатьевич Крупнов: к 100-летию рождения // РА. № 1. С. 5-14; *Кузнецов В.А.*, 1973. Евгений Игнатьевич Крупнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. С. 1-7; *Чеченов И.М.*, 1994. К 90-летию рождения Е.И. Крупнова // Предисловие к тезисам докладов «XVIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа». Кисловодск. С. 3-5; *Козенкова В.И.*, 1994. Евгений Игнатьевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения // РА. № 1. С. 191-196; *Виноградов В.Б.*, 1994. Вехи жизни и творчества Е.И. Крупнова. Армавир. С. 5-13 (отдельный оттиск).

2 *Мунчаев Р.М.*, 1971. Памяти автора. Предисловие в кн. Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. М. С. 5, 9 и сл.

3 *Крупнов Е.И.*, 1946. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик; *Он же*, 1952. Жемталинский клад. М.

4 *Крупнов Е.И.*, 1957. Древняя история и культура Кабарды. М.

5 *Крупнов Е.И.* Там же. С. 46-67; *Он же*, 1951. Древнейший период истории Кабарды // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик. Вып. 1. С. 47; *Мунчаев Р.М.*, 2004. Евгений Игнатьевич Крупнов. К 100-летию... С.7-8.

6 История Кабарды с древнейших времен до наших дней. М., 1957. С. 7.

7 История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. М., 1967. Т. 1. С. 12-47, 477.

8 *Мунчаев Р.М.*, 2004. Евгений Игнатьевич Крупнов. К 100-летию... С. 9.

9 *Там же*; *Мунчаев Р.М.*, 1996. Северо-Восточный Кавказ и Ближний Восток. О роли Е.И.

Чеченов И.М. К 110-летию Е.И. Крупнова

Крупнова в организации археологических исследований на территории Чечни и Месопотамии // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. «XIX Крупновские чтения». Тезисы докладов. М. С. 3-4.

10 *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 4-5; *Мунчаев Р.М.*, 2004. Евгений Игнатьевич Крупнов. К 100-летию... С. 8-10; *Он же.* Северо-Восточный Кавказ... С. 3-4; *Савенко С.Н.*, 2004. Вклад Е.И. Крупнова, «крупновцев» и «Крупновских чтений» в изучение археологических памятников Кавминвод // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. «XXIII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа». Тезисы докладов. М. С. 172-175.

11 *Мунчаев Р.М.*, 1996. Северо-Восточный Кавказ... С. 3-4; *Он же.*, 2004. Евгений Игнатьевич Крупнов. К 100-летию рождения... С. 8-11.

12 *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 4-5.

13 *Там же;* *Мунчаев Р.М.*, 1996. Северо-Восточный Кавказ... С. 3-4; см. также: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963; Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе. Т. I. М., 1961; Средневековые памятники Северной Осетии. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1963.

14 *Чернецов А.В.*, 1973. Список печатных работ Е.И. Крупнова // Кавказ и Восточная Европа в древности. М. С. 8-18; см. также: *Виноградов В.Б.* Указ. соч. С. 13-14.

15 *Мунчаев Р.М.*, 2004. Евгений Игнатьевич Крупнов. К 100-летию рождения... С. 11-12; *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 6.

16 *Чеченов И.М.* Указ. соч. С. 3-4; *Он же.*, 1998. Международный форум археологов-кавказоведов (Железноводск, май 1998 г.) // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону. № 4. С. 87.

17 *Чеченов И.М.*, 1990. К истории изучения древней истории и археологии Северного Кавказа // СА. № 4. С. 144-153; *Он же.*, 1995. К вопросу о состоянии историко-археологической науки на Северном Кавказе в условиях перестройки и реформ (1986-1994 гг.) // Межнациональные конфликты на Кавказе: методика их преодоления (Тезисы докладов международной конференции). М. С. 17-18; *Он же.*, 1997. Причинно-следственные аспекты фальсификации историко-археологической науки на Северном Кавказе // Современное состояние и перспективы развития исторической науки Дагестана и Северного Кавказа (Тезисы докл. науч. конф.). Махачкала. С. 13-16; *Он же.*, 1999. Современное археолого-этнографическое мифотворчество на Северном Кавказе // III Конгресс этнографов и антропологов России (Тез. Докл.). М.; *Марковин В.И.*, 1990. Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (Майкопская культура) // СА. № 4. С. 106-122; *Он же.*, 1994. Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // СА. № 1. С. 51-65; *Шнирельман В.А.*, 2006. Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.; *Он же.*, 1996. Борьба за аланское наследие (Этнополитическая подоплека современных этногенетических миров) // Восток. № 5. С. 101-103; *Он же.*, 1997. Уроки националистической археологии // Современное состояние и развитие исторической науки Дагестана и Северного Кавказа. (Тезисы докладов научной конференции). Махачкала. С. 9-13; *Гаджиев М.С.*, *Кузнецов В.А.*, *Чеченов И.М.*, 2006. История в зеркале паранауки. М.

18 *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 6.

19 *Чеченов И.М.*, 1998. Международный форум... С. 87; *Он же.*, 2004. Межрегиональные (ныне международные) конференции по археологии Северного Кавказа – «Крупновские чтения»: Основные итоги работы (1971-2004 гг.) // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. Тезисы докладов. М. С. 208; *Козенкова В.И.*, *Кузнецов В.А.*, *Чеченов И.М.*, 1996. Двадцать пять лет Крупновским чтениям по археологии Северного Кавказа // РА. № 1. С. 249.

20 *Чеченов И.М.*, 1994. К 90-летию... С. 4; *Он же.*, 2004. Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 208; *Козенкова В.И.*, *Кузнецов В.А.*, *Чеченов И.М.* Указ. соч. С. 249.

21 Тезисы докладов и сообщений III «Крупновских чтений». Грозный, 1973; *Виноградов В.Б.*, *Мужухоев М.Б.*, 1974. III «Крупновские чтения» // СА. № 4. С. 324-326.

22 *Там же;* *Чеченов И.М.*, 1994. К 90-летию... С. 4; *Он же.*, 2004. Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 208.

Чеченов И.М. К 110-летию Е.И. Крупнова

- 23 Чеченов И.М., 2004. Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 209.
- 24 Тезисы докладов «Крупновских чтений» по археологии Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1974; Тменов В.Х., Череповская О.В., 1976. IV Крупновские чтения в Моздоке // СА. № 1. С. 300-325.
- 25 Чеченов И.М., 1994. К 90-летию... С. 4; Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Указ. соч. С. 250.
- 26 Пятые Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Махачкала, 1975; Давудов О.М., 1977. V Крупновские чтения. Махачкала // СА. 1977. № 4. С. 327-329.
- 27 Давудов О.М., 1977. Указ. соч.; Чеченов И.М., 2004. Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 208-209.
- 28 Крупновские чтения 1971-2006 гг. (Тезисы докладов). МИИХНСК. Вып. VIII. М., 2008. С. 45, 48, 103.
- 29 Албегова З.Х., 1997. Конференция «Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа». XIX «Крупновские чтения». Москва, 1996 // РА. № 2. С. 279-285.
- 30 Гаджиев М.С., Савенко С.Н., 2008. Международная научная конференция «XXIV Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа // МИИХНСК. Вып. VIII. М., С. 881.
- 31 Крупновские чтения ..., 2008. С. 3-28; Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции. Махачкала, 2012.
- 32 Крупновские чтения..., 2008. С. 14.
- 33 Там же. С. 157-268, 393-717 и др.
- 34 Основной список литературы, посвященный критике подобных антинаучных измышлений, см. выше, в примечании 17 к данной статье.
- 35 Албегова З.Х., 1997. Конференция «Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа»... С. 284-285.
- 36 Там же. С. 285-287; Историко-археологический альманах. Вып. 3. Армавир; М., 1997; Научная мысль Кавказа. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 1998; Ежег. газ. «Северный Кавказ». Май, 1998, № 19. Газ. «Советская молодежь». Декабрь, 1997, № 52 и др.
- 37 Крупновские чтения..., 2008. С. 221-222, 462.
- 38 Там же. С. 272, 606.
- 39 Там же. С. 656.
- 40 Там же. С. 976. См. также: Отражение цивилизованных процессов..., 2008; Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Магас, 2010; Новейшие открытия в археологии. Материалы Международной научной конференции. XXVI «Крупновские чтения». Махачкала, 2012.
- 41 Чеченов И.М., 1994. К 90-летию... С. 4-5; Он же, 1998. Международный форум... С. 88-89; Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Указ. соч. С. 250 и сл.
- 42 Чеченов И.М., 1995. К вопросу о состоянии историко-археологической науки... С. 17; Он же, 2004. Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 210; Кузнецов В.А., Чеченов И.М., 2000. История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). Минводы. С. 102-103; Гаджиев М.С., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. Указ. соч. С. 259-264.
- 43 Чеченов И.М., 1998. Международный форум... С. 89; Он же, 2004. Межрегиональные (ныне международные) конференции... С. 210.
- 44 Об этих сведениях см. в кн: Крупновские чтения..., 2008. С. 532-974; Отражение цивилизационных процессов..., 2008; Проблемы хронологии и периодизации..., 2010; Новейшие открытия в археологии..., 2012.

Кобыстан, 1963 г. Е.И. Крупнов с супругой В.М. Подгорновой-Крупновой (в центре) среди археологов Азербайджана*

Югославия, Сремска Митровица, 1965 г. В переднем ряду слева направо: К.Ф. Смирнов, Т.М. Арсеньева, Майя Парович (Югославия), Е.И. Крупнов

* Здесь и далее при подборе иллюстраций к данной публикации использованы частично фото из книги «Крупновские чтения 1971-2006 гг.» // МИИКНСК. Вып. VIII (М., 2008), а также из статей Р.М. Мунчаева, В.И. Козенковой и других авторов

Чечено-Ингушетия, 1965 г. Е.И. Крупнов (справа) на раскопках древнего поселения Сержень-Юрт

Моздок (Северная Осетия), IV «Крупновские чтения», 1974 г. Открытие памятной доски на доме, где родился Е.И. Крупнов. Выступает М.Х. Багаев

Махачкала. V «Крупновские чтения», 1975 г. Участники конференции во время экскурсии в Дербенте. Слева направо: М.Х. Багаев, Н.В. Анфимов, М.П. Абрамова, О.В. Череповская, И.М. Чеченов, В.Г. Петренко, В.Б. Ковалевская

Элиста, IX «Крупновские чтения», 1979 г. Участники конференции во время экскурсии к курганной группе «Три брата» и к озеру Западный Маньч. Слева направо: А.В. Дмитриев, У.Э. Эрдниев, Х.А. Амирханов, В.Б. Ковалевская, В.Г. Петренко, И.М. Чеченов, М.П. Абрамова, В.А. Кияшко, С.Л. Дударев

Элиста, IX «Крупновские чтения», 1979 г. Продолжение дискуссии по прослушанным докладам в перерыве между заседаниями. Слева направо: Н.В. Анфимов, В.И. Козенкова, В.И. Марковин, У.Э. Эрдниев, И. Эрдели (Венгрия, Будапешт), В.А. Кузнецов

Элиста, IX «Крупновские чтения», 1979 г. Осмотр информационных стендов. На переднем плане: В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов, М.П. Абрамова, В.А. Сафронов, С.Л. Дударев

Новороссийск, XI «Крупновские чтения», 1981 г. Участники конференции на могильнике Дюрсо. Слева направо: Л.А. Булава, А.К. Амброз, В.Б. Ковалевская, В.И. Козенкова, В.А. Кузнецов, М.П. Абрамова, И.М. Чеченов, (...), В.А. Кияшко, А.В. Гадло, Н.М. Ложкин, Н.Г. Ловпаче, А.М. Ждановский, Н.А. Чмыхов, И.В. Каминская, В.Н. Каминский, В.А. Логинов, М.Ж. Тешев, П.А. Дитлер, А.В. Дмитриев

Геленжик, XII «Крупновские чтения», 1982 г. Участники конференции перед зданием гостиницы

Махачкала, XV «Крупновские чтения», 1988 г. Участники конференции на территории раскопок в Дербентской крепости. Экскурсию проводит А.А. Кудрявцев (слева - пятый)

Ставрополь, XVI «Крупновские чтения», 1990 г. Участники конференции на пленарном заседании

Ставрополь, XVI «Крупновские чтения», 1990 г. Участники конференции во время экскурсии к склепам Вербовского могильника

Кисловодск, XVIII «Крупновские чтения», 1994 г. Участники конференции во время перерыва между заседаниями. Слева направо: М.П. Абрамова, А.П. Мошинский, Е.И. Нарожный, П.А. Дитлер, (...), С.Н. Корневский, А.В. Дмитриев, (...), (...), С.Б. Вальчак

Москва, XIX «Крупновские чтения», 1996 г. Продолжение обсуждений прослушанных докладов в перерыве. Слева направо: М.П. Абрамова, И.М. Чеченов, В.И. Марковин

Железноводск, XX юбилейные «Крупновские чтения», 1998 г. Международная конференция по археологии Северного Кавказа. Групповое фото участников конференции

Железноводск, XX юбилейные «Крупновские чтения», 1998 г. Международная конференция по археологии Северного Кавказа. Продолжение обсуждений прослушанных докладов в перерыве. Слева направо: М.М. Казанский (Франция, Париж), С.Н. Савенко, Ю.Ю. Пиотровский

Кисловодск, XXI «Крупновские чтения», 2000 г. Заседание участников круглого стола – представителей администрации района Кавминвод и СМИ, деятелей культуры и образования, многих приехавших на конференцию археологов. Выступает И.М. Чеченов

Ессентуки-Кисловодск, XXII «Крупновские чтения», 2002 г. Международная конференция по археологии Северного Кавказа. Участники конференции на поселении у аула Кичи-Балык (Малокарачаевский район КЧР). Экскурсию проводит С.Н. Савенко

Ессентуки-Кисловодск, XXII «Крупновские чтения», 2002 г. Осмотр остатков циклопических сооружений близ аула Кичи-Балык на территории КЧР

Ессентуки-Кисловодск, XXII «Крупновские чтения», 2002 г. На Хасаутском высокогорном комплексе периода раннего средневековья (Малокарачаевский район КЧР). Слева направо: В.Л. Ростунов, Н.И. Шишлина, Я.Б. Березин, (...), Э.Д. Зиливинская

Ессентуки-Кисловодск, XXII «Крупновские чтения», 2002 г. Рабочее совещание «президиума» Постоянного координационного совета (ПКС). Справа налево: Председатель ПКС И.М. Чеченов, координатор В.А. Кузнецов, секретарь В.И. Козенкова, зам. председателя С.Н. Савенко

Ессентуки-Кисловодск, XXII «Крупновские чтения», 2002 г. Беседы в перерыве между заседаниями. На переднем плане, слева направо: М.Е. Колесникова, З.В. Доде, Ю.В. Зеленский

Москва, XXIII «Крупновские чтения», 2004 г. Участники конференции во время экскурсии в Московском Кремле

Нальчик, XXIV «Крупновские чтения», 2006 г. Участники конференции на пути к залу заседаний

Нальчик, XXIV «Крупновские чтения», 2006 г. Привал в пути группы участников конференции во время научной экскурсии в глубину Черекского ущелья в горах КБР

Владикавказ, XXV «Крупновские чтения», 2008 г. Групповой снимок участников конференции

Владикавказ, XXV «Крупновские чтения», 2008 г. С научным докладом выступает ответственный секретарь ПКС КЧ З.Х.-М. Албегова

Магас, XXVI «Крупновские чтения», 2010 г. Международная конференция по археологии Северного Кавказа. Беседа главы Республики Ингушетия Ю.Б. Евкурова с участниками конференции

Магас, XXVI «Крупновские чтения», 2010 г. Международная конференция по археологии Северного Кавказа. Экскурсия участников конференции к местам расположения памятников башенной архитектуры Ингушетии

Махачкала, 2012 г., XXVII Крупновские чтения. Групповая фотография участников конференции у здания Дагестанского научного центра РАН

Махачкала, 2012 г., XXVII Крупновские чтения. Экскурсия участников конференции в окрестности с. Согратль в Нагорном Дагестане

Историография

С.А. Дударев

Армавирская государственная педагогическая академия, г. Армавир

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВКЛАДА В.Б. ВИНОГРАДОВА В ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

В ряду продолжателей дела Е.И. Крупнова видное место занимает отечественный археолог и историк-кавказовед В.Б. Виноградов (1938-2012), который оставил после себя целый ряд разработок широкого хронологического диапазона в области археологии Северного Кавказа. Цель нашей работы заключается в общем обзоре вклада, сделанного ученым, в археологию региона, на протяжении его творческого пути.

Направления исследовательского поиска В.Б. Виноградова в течение жизни специалиста постоянно менялись. Ранний этап научной биографии В.Б. Виноградова был связан с изучением сарматской эпохи. В 1963 г. в г. Грозном им опубликована монография «Сарматы Северо-Восточного Кавказа», вошедшая затем в «классику» отечественного сарматоведения. Через год она была успешно защищена автором в качестве кандидатской диссертации на истфаке МГУ. В середине 1960-х – начале 1970-х гг. В.Б. Виноградов занимался разработкой темы контактов северокавказского населения и обитателей южнорусских степей, прежде всего скифов и савроматов. Главным итогом его работы в данном направлении стала фундаментальная монография «Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время» (1972), вновь защищенная в alma mater в качестве диссертации, на этот раз докторской (1973). В ней ученый, обобщив новые, появившиеся с момента выхода в свет капитального исследования Е.И. Крупнова «Древняя история Северного Кавказа» (1960) археологические источники, особенно материалы аборигенных могильников VII-IV вв. до н.э., дал объемную картину взаимодействия автохтонов и степняков. Он пришел к выводу, что относительно большая степень степного влияния фиксируется в местных памятниках равнин и предгорий (но не высокогорных районов). Однако и тут оно не превышает примерно 10-11 % общего числа известных комплексов. Что же касается конкретных заимствований из среды материальной культуры (компоненты т.н. «скифской триады»), то они были не слепым подражанием или копированием степных образцов, а являлись отражением восприятия идей, творчески развивавшихся местными мастерами. И этот вывод во многом касается полнокровно охарактеризованного В.Б. Виноградовым предкавказского варианта скифского звериного стиля. Коснулся ученый и весьма интересовавшей его темы скифских походов через Кавказ. В 1972 г. он вновь подтвердил свою приверженность идеям вторжения скифов Мадия в Переднюю Азию через Дербентский проход и присутствия в составе скифских племен савроматского компонента. Савроматское влияние прослеживалось специалистом и в погребальном обряде племен Предкавказья. Савроматы, по мнению В.Б. Виноградова, были передаточным звеном в поступлении культурных импульсов от племен Среднего Дона и др.

В указанном исследовании ученый предложил и новое локальное членение памятников кобанской культуры, основанное на учете ландшафтного

фактора, а также дал характеристику памятников Юго-Восточной Чечни скифского времени, показав их синкретический характер, осложненный кобанским влиянием и, в то же время, указав на генетическую связь с каякентско-харачоевской культурой. Эти положения его труда вызвали полемику среди специалистов, одни из которых поддержали те или иные их стороны (В.П. Кобычев, Е.П. Алексеева, М.П. Абрамова, О.М. Давудов, А.Р. Магомедов, С.Л. Дударев, М.Х. Ошаев и др., другие – оспорили (В.И. Козенкова). В.Б. Виноградов оставил свои разработки и по «киммерийской проблематике», причем совместно с выходцами из «Кавказоведческой Школы» (С.В. Махортых), а также периода бронзы. С участием К.З. Махмудовой и Б.М. Хашегульгова выходит цикл его работ, посвященный раскопкам конца 1970-х – первой половины 1980-х гг. Бельтинского могильника, материалы которого заняли важное место среди источников по эпохе ранней и развитой бронзы Северного Кавказа. В.Б. Виноградов вел раскопки и на Майртупском могильнике № 2 – выдающемся памятнике позднебронзового времени, яркие комплексы которого были изданы ученым совместно с С.Л. Дударевым в России и Германии. В 1982 г. В.Б. Виноградов высказал мнение о том, что объекты периода бронзы в Восточной Чечне следует разделить на два локальных варианта: горно-предгорный (памятники типа Гатын-Кале-Бельты-Харачой) и плоскостной (Бачи-Юрт-Курчалой-Майртуп).

В 1980-х гг. В.Б. Виноградов совместно с Я.Б. Березиным одними из первых в историографии скифо-сарматского периода (подобные разработки вели, со своей стороны, Б.М. Керефов и М.П. Абрамова) поставили вопрос о существовании в эту эпоху в Предкавказье синкретических этнокультурных скифо-савромато-кавказских (позднекобанских) образований, которые послужили основой для складывания нового этноса, условно именованного прааланским. Они сформулировали концепцию понимания происхождения катакомбного обряда на Северном Кавказе и этнических процессов скифо-сарматской эпохи, рассмотренную С.Н. Савенко в очерках истории «Кавказоведческой Школы» В.Б. Виноградова, выпущенных к 50-летию этого научного коллектива (2013).

Немалый вклад внес В.Б. Виноградов в изучение памятников средневековья на Северном Кавказе. Раскопки на известном Алхан-Калинском городище в 1965-1968 гг. позволили ученому предположить, что оно является ранней столицей алан, «благочестивым Магасом» Ал-Масуди (1970). Но ныне становится ясно, что основным наиболее мощным слоем городища является слой II-IV вв.н.э. (Х.М. Мамаев). В.Б. Виноградов также касался археологической идентификации хазарского центра Семендер, ведя полемику с Л.Н. Гумилевым (1968), занимался установлением места убийства Михаила Тверского в 1318 г. (1968), что было одним из самых первых обращений ученого к едва ли не главной теме его научного творчества начиная с конца 1970-х гг. – русско-северокавказским связям и дальнейшей интеграции горцев в состав России. Специалист обращался к изучению тех или иных памятников средневековья (Тхаба-Ерды, Татартуп (Демяков) и др.), шедшему в русле внимательного исследования процессов христианизации горцев Северного Кавказа и влияния на нее сопредельных феодальных образований, в том числе Грузии (совместно с Н.Н. Великой и С.А. Головановой). В журнале «Вопросы истории» (1974) им была опубликована статья «Аланы в Европе», в которой ученый высказался о роли аланских

Историография

племен в европейской истории эпохи Великого переселения народов и феодализационных процессах в аланской среде Северного Кавказа. Позднее В.Б. Виноградов в том же журнале издал одну из наиболее известных своих статей «Генезис феодализма на Центральном Кавказе», в которой было освещено его понимание специфики того, что тогда вкладывалось в понятие «кавказский горский феодализм» (1981). Совместно с учениками (Д.Ю. Чахкиев, Б.Б. Абдулвахабова и др.) В.Б. Виноградов в конце 1960-х – 1980-х гг. исследовал археолого-архитектурные памятники и комплексы позднесредневековых вайнахов, обозначил принципиальные подходы к средневековой хронологии Северного Кавказа, особенно ее позднему рубежу (начало средних веков традиционно связывалось им с гуннским нашествием, а конец – с вхождением горских народов в состав Российского государства).

После переезда В.Б. Виноградова и части его Школы в г. Армавир, с 1993 г. основой для проведения полевых исследований и студенческой археологической практики стал комплекс памятников хазарского времени в х. Горькая балка на границе Краснодарского и Ставропольского краев. Горькобалковский комплекс представляет собой, связанную в культурно-хронологическом отношении группу памятников: могильники №№ 1 и 2, поселение № 1, селище, городище и поселение «Пруд». В процессе продолжительного, более чем 15-летнего изучения, на археологических объектах комплекса получила первый опыт и научные навыки группа новых специалистов (А.Л. Пелих, П.В. Соков и др.). Важно, что с полевыми материалами памятников комплекса работали не только археологи и историки, но и палеоантропологи, палеоэкологи, технологи и представители других специальностей.

В.Б. Виноградов, Е.И. Нарожный, П.В. Соков выступили с оригинальным предположением о том, что с горькобалковским комплексом могли соотноситься данные арабского географа Аль-Идриси (XII в.) о городе «Ал-Лайнии» (2002). В более поздней работе авторов (2003) было внесено уточнение, что информация об указанном городе могла относиться и к комплексу Ильичевского городища на Урупте. В любом случае, памятники Горькобалковского комплекса стали ключевыми объектами для разработки проблем хазарской эпохи Прикубанья и всего Северного Кавказа.

Невозможно тезисно осветить всю многогранность трудов В.Б. Виноградова в области археологии, которые несут отпечаток его разностороннего, пытливого и недюжинного ума, не замкнутого в рамках только какой-то одной проблематики. Они, находясь на стыке различных наук (археологии, региональной истории, этнографии, фольклористики и т.д.), способствуют дальнейшему проникновению в суть историко-культурных и иных процессов у населения Северного Кавказа и являются примером заинтересованного, уважительного и патриотического отношения к прошлому.

А.П. Ермоленко, М.Е. Колесникова

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ - ОРГАНИЗАТОР
ИЗУЧЕНИЯ И ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

История изучения Северного Кавказа и охрана памятников неразрывно связаны с деятельностью Императорской Археологической комиссии (ИАК). Создание ее в 1859 г. явилось закономерным результатом развития истории и культуры, понимания обществом того, что российские древности являются предметом национальной гордости и требуют сохранения и изучения.

Согласно административно-территориальному делению во второй половине XIX в. регион включал Кубанскую, Терскую, Дагестанскую области и Ставропольскую губернию.

В деятельности комиссии по изучению Северного Кавказа современные исследователи выделяют несколько этапов: 1859-1874 гг. – исследования проводились силами членов ИАК и преимущественно на Таманском полуострове и в области войска Донского, изучались античные и скифские древности; 1875-1885 гг. – расширилась география исследований, усилился интерес к местным древностям; 1886-1914 гг. – систематическое археологическое изучение региона по специально разработанным программам, в поле зрения ученых попадает весь Кавказ, исследуются памятники большого хронологического и культурного диапазона, от каменного века до средневековья, привлекаются местные исследователи. В связи с необходимостью изучения и сохранения памятников древности в 1871 г. при участии правительства и ИАК в Тифлисе был образован Кавказский археологический комитет (с 1873 г. - Тифлисское общество любителей кавказской археологии). С 1872 г. стал выходить журнал «Кавказская старина», издателем которого был А.Д. Ерицов.

Интерес к памятникам древней истории был связан с началом строительства и прокладки путей сообщения. В 1863 г. ИАК осуществляла наблюдение при прокладке Северо-Кавказской железной дороги, а в 1882 г. раскопки около аула Чми в Воровской балке по Военно-Грузинской дороге производил член-корреспондент комиссии Д.Я. Самоквасов.

В 1861 г. комиссия ставит вопрос о необходимости изучения и охраны известного памятника Маджары. В связи с работами по изучению «татарского владычества в России» подробную записку о планируемых раскопках на развалинах Маджар пишет В.Г. Тизенгаузен, однако поездка не состоялась. В 1874 г. он проводил раскопки на Тамани, в 1875-1878 гг. – раскопки кургана Семь братьев на левом берегу Кубани, в 1879 г. – работал близ ст. Абинской и Сенной Кубанской области. В период 1881-1883 гг. – исследовал памятники вблизи Анапы.

Начиная с 1880-х гг., археологические памятники Кавказа изучали члены комиссии А.А. Бобринской, Н.И. Веселовский, Н.П. Кондаков, Д.Я. Самоквасов, Н.Е. Макаренко, Н.Я. Марр, Э.А. Реслер и др. Так, «Открытый лист» в 1888 г. на проведение раскопок и обследование памятников был выдан А.А. Бобринскому, который представил в комиссию опись находок, найденных и купленных на Кавказе, рисунки и описание к ним. В 1891 г. на

Историография

проведение раскопок в пределах Таврической губернии, земли войска Донского, Кубанской, Терской областей ему было выделено 1500 руб. За 1880 г. имеется донесение Н.П. Кондакова о раскопках в ст. Курчанской Кубанской области. На него по Высочайшему Государя императора повелению от 28 июня 1889 г. было возложено обозрение монастырей Кавказа и составление описи находящихся в них предметов. Его переписка с комиссией, изображение древних вещей, рукопись «Описи памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии» хранятся в архиве ИИМК РАН.

С 1890-х гг. по поручению ИАК раскопки на территории Ставропольской губернии и Кубанской области производил член комиссии Н.И. Веселовский. Результаты его полевых сезонов сформировали культурно-исторический облик скифской археологии. Им были раскопаны сотни курганов, среди которых известный Майкопский курган (1897). В архиве хранятся опись и фотографии находок и раскопок курганов х. Штурбина, ст. Ново-Лабинской, Воздвиженской, аула Хатажукаевского, рукописи «Курганы на х. Зубовском Майкопского отдела Кубанской области», «Курганы х. Штурбина», «Ст. Воздвиженская», «Курганы на уч. И.П. Харина близ Хатажукаевского аула (в Майкопском отделе)», «Курган в Юрте а. Хатажукаевского». Методика раскопок Н.И. Веселовского часто подвергалась критике современниками, а в последующем – советскими учеными. Но надо отдать ему должное: в своих работах он пытался решить проблему разработки методики ведения раскопок, подчеркивал необходимость изучения городов и поселений как важнейших исторических источников, поднимал проблему охраны памятников и отсутствия надлежащего законодательства на этот счет.

Комиссия активно сотрудничала с представителями местной интеллигенции, выдавала «Открытые листы», руководствуясь критериями: научное имя заявителя или рекомендации известных исследователей. Так, например, сотнику Нестерову были разрешены раскопки в пределах северной части Кубанской области в размере не более 5 курганов, а Ф.Г. Николаевскому – в пределах Гостогоаевской и Варениковской станиц Кубанской области при непосредственном наблюдении есаула Е.Д. Фелицына. Среди тех, кому выдали «Открытый лист», были П.И. Хицунов (в 1869 г. на раскопки древнего городища близ ст. Елизаветовской), преподаватель Владикавказского реального училища В.И. Долбежев (1886-1888, 1891, 1897 гг. на исследование могильников и городищ в Терской области, в 1898 г. – на раскопки в районе строящейся Дербентской ветки Владикавказской железной дороги в Сунженском отделе Терской области), в архиве хранятся его рукописи. В 1886 г. разрешение на раскопки в ауле Верхний Кобан Терской области получил Х. Кануков; в 1888 г. на производство раскопок на казенных и общественных землях Грозненского округа – начальник Грозненского округа Чураковский; в 1891 г. на раскопки близ ст. Варениковской Кубанской области – учитель Птушенко; в 1889 г. на производство раскопок в пределах Кубанской области на берегу реки Большой Зеленчук – Д.М. Струков; в 1891-1893 гг. на раскопки в пределах Кубанской области, в том числе близ с. Михаэльсфельд, – К.Е. Думберг; в 1894 г. на раскопки в Нальчикском округе Терской области – начальник Нальчикского округа подполковник Вырубов. В 1896 г. раскопки на частных землях в Нальчикском округе Терской области по поручению ИАК проводил художник И.А. Владимиров. В 1898 г. он работал во Владикавказском и Нальчикском округах Терской области, в 1899 г. – в

Историография

Баталпашинском отделе Кубанской области. В архиве также сохранились его рукописи, часть которых была опубликована в «Известиях» ИАК. В 1896-1898 гг. «Открытые листы» на раскопки в пределах Кубанской области получил преподаватель Екатеринодарской гимназии В.М. Сысоев; в 1898 г. – Я.Г. Семенцов и В.И. Духонь; в 1900 г. на раскопки в станицах Михайловской и Ильской Кубанской области – священник М.И. Полянский. В пределах Ставропольской губернии работали: в 1897 г. на раскопках курганов в окрестностях с. Ново-Павловского – учитель Ново-Павловского училища С.Ф. Бельский; в 1899 г. на раскопки близ с. Летницкого Медвежинского уезда – С.А. Соловьев. Материалы этих раскопок были введены в научный оборот на Археологических съездах.

Накопленный материал стал базой для создания первых схем периодизации археологических культур Северного Кавказа. В их основу были положены памятники, открытые членами и сотрудниками ИАК: Н.И. Веселовским, Д.Я. Самоквасовым, В.М. Сысоевым, В.Р. Апухтиным, В.И. Долбежевым, Е.Д. Фелицыным и др. Среди них Майкопский курган и гробницы у ст. Новосвободной, раскопанные Н.И. Веселовским и давшие возможность рассматривать сегодня на Северо-Западном Кавказе майкопско-новосвободненскую культурно-историческую общность. Полевые исследования Н.И. Веселовского на территории Кубанской области позволили выделить скифскую и белореченскую культуры. Изучение мегалитических памятников Е.Д. Фелицыным подготовило почву для выделения дольменной культуры Западного Кавказа. Выдающиеся советские археологи Е.И. Крупнов и В.И. Марковин при характеристике северокавказской культуры бронзового века опирались на материалы и музейные коллекции, собранные сотрудниками ИАК.

Комиссия всячески препятствовала деятельности коллекционеров и грабителей древностей, старалась максимально использовать местных специалистов, историков-любителей и краеведов в проведении археологических обследований и охране памятников древности. Тем самым комиссия способствовала подготовке национальных научных кадров. В целом деятельность ИАК была направлена на накопление материалов по археологии и древней истории кавказских народов и охрану памятников древности. Оценивая роль комиссии в изучении Кавказа, современные исследователи отмечают, что сделанный ей научный «задел» оказался столь значительным, что этот потенциал использовала советская археология, и сегодня к нему обращаются археологи Российской Федерации и стран СНГ.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

О.И. Александрова

Институт археологии РАН, г. Москва

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАМЕННОГО ИНВЕНТАРЯ ВТОРОГО МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО СЛОЯ ПЕЩЕРЫ ДВОЙНАЯ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации» (рук. Е.В. Леонова) и гранта РФФИ № 12-06-00202-а

Функциональному анализу была подвергнута коллекция каменных и костяных изделий, происходящих из второго (раннемезолитического) культурного слоя пещеры Двойная на Северо-Западном Кавказе. На данный момент коллекция второго слоя насчитывает более 3500 изделий из камня.

В круг задач функционального анализа входило трасологическое изучение следов на поверхности орудий с целью установления выполняемых ими функций, кинематики работы орудиями, а также верификация функциональных определений посредством сравнения следов на изучаемых орудиях со следами на экспериментальных эталонах. Трасологический анализ осуществлялся с использованием бинокулярного микроскопа МБС-2 и металлографического микроскопа Olympus с увеличением в диапазоне 50-500 крат. Для исследования привлекалась выборка из 600 изделий из камня, включающая все каменные артефакты с признаками вторичной обработки (286 экз.), группу нуклеидных (67 экз.), а также выборки из пластинчатых заготовок (200 экз.) и отщепов (40 экз.) без признаков вторичной обработки. Также анализу подвергались все изделия из кости (7 экз.).

В процессе изучения поверхности орудий было зафиксировано значительное количество остатков, сохранившихся после мытья орудий в воде, по форме, облику, характеру расположения, а также аналогиям, вероятно, органического происхождения (рис. 1, А). Подтверждение этой гипотезы требует привлечения специалистов в области химии, палеоботаники, молекулярной биологии и др.

В общей сложности функциональному анализу подверглись 600 предметов из камня, следы удалось зафиксировать на 328 из них, что составляет более половины объема выборки. В зависимости от вида выполняемой работы и типа обрабатываемого материала каменные предметы второго мезолитического слоя пещеры Двойная были объединены в следующие функциональные группы: орудия охоты и разделки добычи; орудия для обработки шкур/кожи; орудия для обработки дерева; орудия для обработки кости/рога; орудия для обработки камня; а также орудия с комплексом следов от различных операций по обработке твердых материалов в тех случаях, когда характер следов не позволял дать более точных определений. (рис. 1, Б).

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Группа охотничьего вооружения и орудий разделки добычи составляет 30% от общего числа предметов со следами износа (96 экз.). Наиболее представительна серия цельных наконечников стрел, представленных геометрическими микролитами (сегменты и несколько трапеций), симметричными остриями и их обломками, а также несколькими экземплярами пластинок и микропластинок с притупленным краем, в общей сложности насчитывающие 65 экз. (рис. 1, В).

Вторая по численности (28 %) функциональная группа орудий по обработке дерева включает разнообразные инструменты, связанные со строганием, резанием, скоблением, пилением дерева (91 экз.). Характерно, что в большинстве случаев на орудиях для обработки дерева наблюдается сочетание двух или более функций. Эту группу составляют изделия с разными вариантами сочетания следов резания, строгания, скобления дерева. Примером полифункциональных деревообрабатывающих орудий служат серии выемчатых и зубчато-выемчатых форм (рис. 1, Г).

Группа орудий по обработке кости/рога составляет 15% от общего количества изученных орудий и включает скобели, резцы, пилки (всего 49 экз.). Более половины всех орудий, вовлеченных в процесс обработки кости/рога, составляют скобели.

Орудия, связанные с обработкой шкур/кожи при помощи скобления (47 экз.), представлены скребками (20 экз.), пластинами и отщепами без признаков вторичной обработки. К этой группе относятся также трасологически выделенные ножи на пластинчатых заготовках без признаков вторичной обработки (10 экз.) и проколки на различных заготовках (4 экз.). Орудия, связанные с обработкой камня, представлены ретушерами (11 экз.) из нуклеусов (7 экз.), одним отщепом (функцию ретушера выполняла проксимальная часть), а также несколькими фрагментами галек кристаллических пород.

Функциональная характеристика орудий второго мезолитического слоя пещеры Двойная демонстрирует явную охотничью направленность хозяйственной деятельности на памятнике: присутствуют следы различных трудовых операций по изготовлению охотничьего оружия, разделке добычи, обработке полученных в результате охоты шкур, костей. Немаловажную роль в трудовых операциях на стоянке играла и обработка дерева, причем значительную долю этих операций составляет обработка небольших по диаметру цилиндрических заготовок, вероятно древков стрел. Все вышеобозначенные функциональные признаки в сочетании с наличием полного цикла обработки камня и изготовления орудий на памятнике, позволяют сделать вывод об его относительной долговременности и охарактеризовать пещеру Двойная в рамках второго мезолитического слоя как базовое сезонное поселение охотников. Наличие в слое раковин наземных моллюсков *Helix* указывает также на собирательство, как на один из видов деятельности населения стоянки. Перспективным представляется трасологическое изучение органических остатков на поверхности орудий с привлечением специалистов естественных наук, что позволит дополнить имеющиеся данные о хозяйственной деятельности человека мезолитического времени на Северном Кавказе.

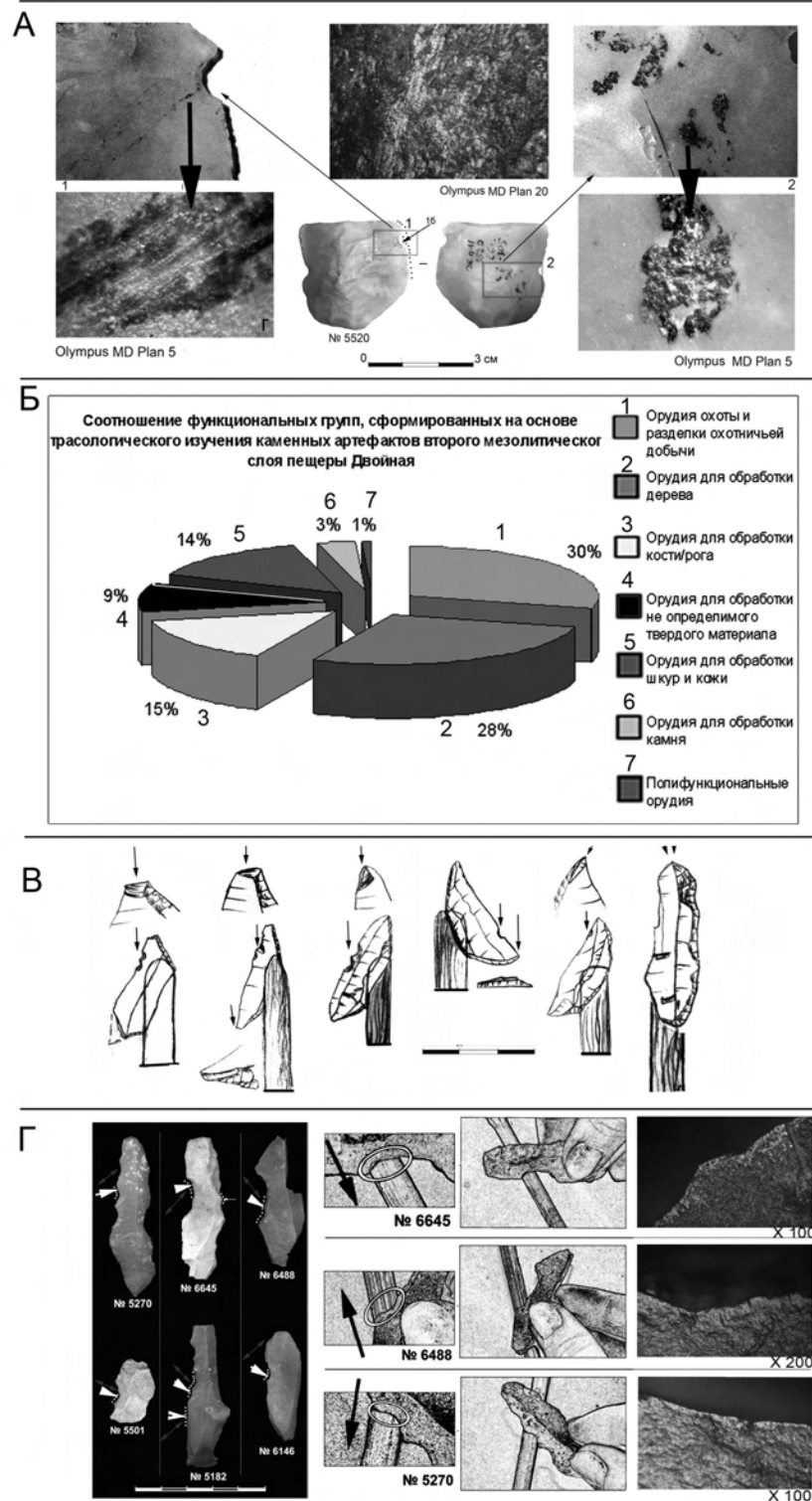

Рис. 1. Пещера Двойная, второй мезолитический слой:
 А – остатки органического происхождения на лезвии и вентральной поверхности струга по дереву; Б – процентное соотношение функциональных групп каменных орудий второго мезолитического слоя пещеры Двойная; В – реконструкция способа крепления сегментов и трапеций в качестве косолезвийных наконечников стрел, а также МППК в качестве симметричного наконечника; Г – орудия для обработки дерева: струги/скобели на выемчатых орудиях

Г.Д. Атаев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И ИННОВАЦИЯХ В РАЗВИТИИ КУЛЬТУР ЭПОХИ РАННЕЙ И СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ ДАГЕСТАНА

Исследование проблемы преемственности и инноваций в развитии культур эпохи ранней и средней бронзы Северо-Восточного Кавказа имеет большое значение для выяснения исторических судеб археологических культур Кавказа эпохи ранней бронзы и формирования здесь на их основе новых образований эпохи средней бронзы. С другой стороны, изучение памятников рубежа эпох ранней и средней бронзы Северо-Восточного Кавказа позволяет исследовать проблемы так называемых комплексных обществ Евразии, выявить общие закономерности и многообразие конкретно-исторических путей развития оседло-земледельческих и степных подвижно-скотоводческих племен в рассматриваемое время. Эти вопросы освещались в работах Р.М. Мунчаева (1953. С. 8-13; 1975. С. 195), В.Г. Котовича (1982. С.110-118). В.М. Котович (1965. С. 241-247). Более детально и всесторонне они исследовались в работах М.Г. Гаджиева (1985. С. 104-105; 1991. С. 236-239) на основе новых археологических памятников-стратифицированных поселений и могильников Дагестана. Он указывал, что на заключительном этапе существования северо-восточнокавказского локального варианта куро-аракской культуры «произошли коренные изменения, приведшие к отчетливому культурному переоформлению этой территории. Эти явления протекали постепенно... Изменился не только облик материальной культуры, но также снизились темпы культурного и экономического развития общества, наметились определенные признаки застоя и даже упадка. Гинчинская, присулакская и сменившая их каякентско-хорочоевская культуры не свидетельствуют о культурном прогрессе общества по сравнению с предшествующей раннебронзовой эпохой» (Гаджиев, 1991. С. 238).

Р.Г. Магомедов в 1998 г. указывал, что материалы прикаспийских памятников «свидетельствуют о резких культурных переменах, происшедших где-то с середины III тыс. до н.э. Речь идет о кардинальной ломке устоявшихся до этого куроаракских традиций во всех сферах материальной и, отчасти духовной культуры» (Магомедов, 1998. С. 54).

Но уже в 2000 г. он изменил свое мнение по данной проблеме. Говоря о кризисе куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе он отмечал, «что определенный кризис культуры во второй половине III тыс. до н.э., сопряженный с процессом становления новых археологических культур эпохи средней бронзы, однако, не означает, на наш взгляд, системный регресс во всех сферах культуры населения, полный откат общества назад, хаотический распад существовавших многосторонних связей внутри культуры» (Магомедов, 2000. С.106).

В своей статье М.Г. Гаджиев, рассматривая проблемы заката куро-аракской культуры отмечал, что культурная трансформация на севере региона произошла более радикально и раньше, чем на юге, подчеркнув при этом, «что этот процесс протекал не спонтанно и одновременно на всей территории Северо-Восточного Кавказа, не означал «хаотический распад существовавших связей внутри культуры», как это иногда представляют» (Гаджиев, 1999. С. 82), имея ввиду мнение Р.Г. Магомедова.

В 2003 г. Р.Г. Магомедов рассматривает куро-аракские памятники Севе-

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

ро-Восточного Кавказа в рамках великентской культуры куро-аракской культурно-исторической общности с общей датировкой от середины IV тыс. до н. э. до начала II тыс. до н. э. Для этой культуры им предложена новая периодизация (из 4 этапов): 1 - 3500-2900 гг. до н.э.; 2 - 2900-2500 гг. до н.э.; 3 - 2500-2200 гг. до н.э.; 4 - 2200-1900 гг. до н.э. К первому этапу он отнес «верхние слои поселений Гинчи и Чинна, Великент II, ранние слои поселений Серженьюрт I-II, Кабазкутан I. Второй и третий этапы совпадают с периодизацией М.Г. Гаджиева и включают основной круг памятников. В конце третьей четверти III тыс. до н. э. ареал великентской культуры сокращается и вплоть до начала II тыс. до н.э. развитие куро-аракской культуры фиксируется только в Приморском Дагестане. К финальному этапу отнесены верхние слои прикаспийских памятников, а также великентские (поздняя группа) и манасские катакомбы» (Магомедов, 2003.С. 43-44).

Археологические материалы, полученные в течение последних 40 лет, свидетельствуют, что культуры эпохи средней бронзы при сравнении заметно уступают высокоразвитой раннебронзовой куро-аракской культуре. Коренные сдвиги и изменения в материальной и духовной культуре населения Северо-Восточного Кавказа на рубеже ранней и средней бронзы, показывают, что внутри раннебронзовой культуры происходили процессы, связанные с вызреванием многих элементов последующих культур эпохи средней бронзы. Все дело в том, что это были не одномоментные и одноразовые изменения. Они происходили постепенно и, в первую очередь, в северных районах Дагестана и Чечни и только позднее на юге данного региона. Говоря о взрывном скачке металлургии и металлообработки, Р.Г. Магомедов опирается на количественные показатели находок в поздних великентских катакомбах. Но здесь необходимо учитывать при сравнении качественные изменения, рассматривать и другие характеристики, в частности, соотношение количества находок с количеством погребенных в катакомбах. В этом отношении количество керамики в ранних катакомбах значительно превосходит керамическую коллекцию поздних катакомб, если исходить из того, сколько вещей приходится на долю одного погребенного. В ранних катакомбах обнаружено небольшое количество изделий из металла – бронзы: украшения, предметы вооружения, орудия труда. С другой стороны в поздних катакомбах Великента найдено огромное количество изделий из бронзы. В катакомбе № 1 могильника I обнаружено около 1500 металлических предметов. Это характерно не только для Дагестана, но и для всей территории Циркумпонтийской металлургической провинции, где отмечается скачкообразный рост масштабов горно-металлургического производства. Все это позволяет считать на данный момент правомерной точку зрения М.Г. Гаджиева, согласно которой культурная трансформация Северо-Восточного Кавказа в начале произошла на севере региона, а позднее - и на юге и сопровождалась снижением темпов его экономического и культурного развития, упадком ремесел. В обществе отчетливо наметились признаки застоя. С другой стороны, прав также и Р.Г. Магомедов, отмечавший, что наряду с определенным системным регрессом в обществе происходили и заметные прогрессивные изменения в металлургии, в строительном деле и других отраслях экономики. От себя добавим, что в это время дальнейшее развитие получило садоводство в горных долинах и что местное население стало применять ирригационное земледелие.

Изменения, произошедшие в материальной культуре, привели к отчетливому культурному переформлению на территории Дагестана и Чечни. В середине III

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

тыс. до н.э. на территории северовостокавказской культуры (по М.Г. Гаджиеву) или великентской (по Р.Г. Магомедову) куро-аракской КИО стали происходить кризисные явления, затронувшие все стороны материальной культуры. В начале перемены происходят в строительном деле и архитектуре: происходит смена строительной традиции - круглоплановая техника строительства жилых и погребальных сооружений прямоугольными, распространяются многокамерные жилища прямоугольной формы. Значительные перемены фиксируются на примере погребальных сооружений и обряда. Они прослеживаются и по другим компонентам культуры (керамика, каменные орудия и др.). Изменения и сдвиги, происходившие во всех сферах материальной культуры, на заключительном этапе раннебронзовой культуры, отражают процесс постепенного затухания данной культуры и формирование в ее недрах новых археологических образований эпохи средней бронзы. Новые культуры имеют ряд преемственных черт с предшествующей культурой, но уже обладают самобытными и яркими признаками других культурных традиций. Северный и Средний Дагестан подверглись интенсивному влиянию степей, что видоизменило его культуру, в то время как Южный Дагестан развивался еще в контексте куро-аракса Юго-Восточного Кавказа.

Литература

- Мунчаев Р.М.*, 1953. Эпоха меди и бронзы в истории Дагестана. Автореф. дисс. ... к.и.н. М.
- Мунчаев Р.М.*, 1975. Кавказ на заре бронзового века: неолит, энеолит, ранняя бронза. М.
- Котович В.Г.*, 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.
- Котович В.М.*, 1965. Верхнегунибское поселение памятник эпохи бронзы горного Дагестана: К истории дагестанских племен в конце III-II тыс. до н.э. Махачкала.
- Гаджиев М.Г.*, 1985. Изучение стратиграфии прикаспийских поселений эпохи бронзы // Всесоюзная археологическая конференция. Достижения советской археологии в XI пятилетке. Баку.
- Гаджиев М.Г.*, 1991. Раннеземледельческая культура Северо-Восточного Кавказа: (эпохи энеолита и ранней бронзы). М.
- Гаджиев М.Г.*, 1999. Дагестан на пути к ранней цивилизации (Новое в древнейшей истории и археологии Северо-Восточного Кавказа) // Кавказ и Древний восток. Сборник статей. Махачкала.
- Магомедов Р.Г.*, 1998. Великент на рубеже эпох ранней и средней бронзы (К вопросу о финальной фазе куро-аракской культуры) // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тезисы докладов VII Донской археологической конференции. Ростов-на-Дону.
- Магомедов Р.Г.*, 2000. Материалы к изучению культур эпохи бронзы в Приморском Дагестане. Махачкала.
- Магомедов Р.Г.*, 2003. К вопросу о выделении и интерпретации великентской культуры куро-аракской культурно-исторической общности // Историческая наука Дагестана: сегодня и завтра. Тезисы докладов научной сессии. Махачкала.

Е.В. Дороничева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

М.А. Кулькова

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург

М.С. Шекли

Университет Калифорнии, г. Беркли, США

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИНОСНОГО КАМЕННОГО СЫРЬЯ В РАННЕМ
ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ КАВКАЗА:
СВИДЕТЕЛЬСТВА МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ КОНТАКТОВ У НОМО SAPIENS

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-01-00348

Работы последних 10-15 лет существенно изменили наши представления о появлении и развитии верхнепалеолитических индустрий на Кавказе (Голованова, 2000; Meshveliani et al., 2004; Adler et al., 2006; Golovanova et al., 2010a; 2010b; in press; Bar-Yosef et al., 2011; Голованова, Дороничев, 2013). Самые ранние даты на сегодняшний день получены для слоя 4d в навесе Ортвала-кдде – 40-38 тыс.л. cal. BP Hulu в Грузии и для слоя 1С в Мезмайской пещере 38-37 тыс.л. cal. BP Hulu на Северо-Западном Кавказе.

Комплексные исследования памятников как на Северном, так и на Южном Кавказе, позволяют говорить, что в начале раннего верхнего палеолита (РВП) здесь появляются каменные индустрии, для которых характерна высокоразвитая пластинчатая технология расщепления, преобладание орудий на пластинках и микропластинках. Такие типичные для верхнего палеолита формы, как скребки и резцы, редки. Последние, при этом, отличаются значительным разнообразием форм. На всех стоянках присутствуют костяные орудия, на некоторых памятниках даже найдены украшения. Некоторые аналогии этим материалам можно увидеть в левантийском ахмариене, для которого также характерен высокий индекс пластинчатости и микропластинчатости, преобладание орудий на пластинках и микропластинках (Голованова, 2000; Meshveliani et al., 2004; Golovanova et al., 2010a; Bar-Yosef et al., 2011). В то же время, для ахмариена типичны такие орудийные формы, как острия эль-вад на пластинках, которые отсутствуют на Кавказе. А такие характерные изделия для северокавказского РВП, как пластинки с притупленным краем (ППК), наоборот, не типичны для ахмарских памятников.

Межрегиональные связи Северного и Южного Кавказа подтверждают данные изучения обсидиановых изделий. Следует отметить, что изучению каменного сырья палеолитических стоянок, в том числе и на Кавказе, сегодня уделяется много внимания (Grégoire, 2000; Brantingham, 2003; Kuhn, 2004; Braun, 2005; Dibble et al., 2005; Adler et al., 2006; Géneste et al., 2008; Andrefsky, 2009; Féblot-Augustins, 2009; Le Bourdonnec et al., 2012; Дороничева и др., 2013). Подобные работы могут привести новые данные о расселении человека, стратегиях жизнеобеспечения, мобильности, обмене, культурных ареалах и социальных сетях в эпоху палеолита. Как и кремль, обсидиан довольно широко распространен в природе и использовался человеком на протяжении всего каменного века. Но, в отличие от кремня, обсидиан по-

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

ложительно выделяется тем, что его состав уникален для каждого отдельного месторождения.

Нами была изучена археологическая коллекция из трех слоев северокавказского РВП (1С, 1В и 1А) Мезмайской пещеры (раскопки Л.В. Головановой) общей численностью 25256 экз. В них было выделено 317 обсидиановых изделий. Химический состав серии изделий (22 образца) был проанализирован проф. М.С. Шекли с помощью спектрометра ThermoScientific *Quant'X* EDXRF в Археологической Рентген Лаборатории в Альбукерке, штат Нью-Мексико, США (подробнее о методике можно посмотреть здесь: *Shackley*, 2005. Р. 193-195). Были привлечены данные по месторождениям обсидиана на Кавказе. На сегодняшний день это самая представительная серия образцов, опубликованная для слоев РВП Мезмайской пещеры (Табл. 1).

Согласно проведенным исследованиям, в нижних слоях 1С и 1В обсидиановые находки составляют 34 и 31 экз. соответственно (Табл. 1; 0,5% и 0,8% в составе коллекций каждого слоя). Среди них - отщепы, пластинки, микропластинки, осколки, чешуйки, единичные орудия (ППК, острия граветт и микроветт, пластинки с ретушью). Вероятно, изделия были принесены в пещеру в виде сколов-заготовок и/или орудий.

Таблица 1.
Мезмайская пещера. Общий состав обсидиановых изделий в изученных коллекциях

Слой	Фрагменты	Технические сколы	Отщепы			Пластинчатые сколы			Чешуйки/ микрочешуйки	Орудия	Всего обсидиановых изделий	Всего находок в коллекции (% обсидиановых изделий)
			Первичные (100% корка)	С коркой (1-30% корки)	Отщепы без корки (0% корки)	Пластины	Пластинки	Микропластинки				
1А	14	3	1	1	16	1	22	19	67/98	10	252	13932 (1.8%)
1В	1	1	-	-	1	-	2	2	7/13	4	31	3969 (0.8%)
1С	2	-	-	-	2	-	3	11	8/4	4	34	7355 (0.5%)
Всего:	17	4	1	1	19	1	27	32	197	18	317	25256

Более многочисленная коллекция обсидиановых изделий в верхнепалеолитических слоях происходит из слоя 1А (Табл. 1; 252 экз.; 1,8%). В ее составе присутствуют технические сколы, сколы с коркой и осколки. Можно высказать предположение, что частичное расщепление этого сырья могло происходить в этот период на стоянке. Также, на отдельных квадратах (например, кв. М-11) можно проследить концентрации обсидиановых находок. Среди орудий (10 экз.) преобладают ППК (2 экз.) и

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

ретушированные пластинки (6 экз.), выделен один резец и отщеп с нерегулярной ретушью.

Проведенные анализы показывают, что обсидиан в коллекции Мезмайской происходит из двух источников: выходов у селения Заюково в Кабардино-Балкарии (200-250 км на восток от стоянки, Центральный Кавказ) и выходов в Куюн-Даг в Южной Грузии. Последние расположены примерно в 400 км от нашего памятника.

Для Южного Кавказа наиболее подробные данные об использовании каменного сырья имеются пока только для пещерных стоянок Ортвала-кде и Бонди. Отмечается (Adler et al., 2006), что особенностью позднего палеолита является использование удаленных источников сырья, что свидетельствует о большей мобильности населения. Недавние исследования по изучению обсидиановых изделий со стоянок Бонди и Ортвала-кде (Le Bourdonnec et al., 2012), дают основания предполагать, что это сырье происходит из источников в Чикиани, Малый Кавказ (170 км от стоянок), а также из других источников, расположенных на расстоянии до 350 км в восточной Анатолии и Армении. Как правило, обсидиановые находки здесь представлены орудийными формами, в то же время есть и нуклеусы, и сколы.

Таким образом, не только технико-типологическое сходство верхнепалеолитических индустрий Северного и Южного Кавказа, но и новые данные о перемещении обсидиана в эту эпоху позволяет говорить об определенных контактах, существовавших с начала верхнего палеолита между этими группами населения. Также, изучение обсидиана позволяет предполагать связи групп населения Северного и Центрального Кавказа (Заюково), откуда происходят единичные изделия, хотя памятники раннего верхнего палеолита пока не известны на этой территории. Были ли подобные межрегиональные перемещения каменного сырья отражением сезонных перекочевий групп Homo sapiens, или свидетельствуют об их частых миграциях из одного региона в другой, или о наличии обмена сырья в эту эпоху - пока говорить рано. Прояснение характера межрегиональных связей, существовавших между населением Северного и Южного Кавказа с начала раннего верхнего палеолита является очень перспективной темой исследования и требует продолжения исследований.

Литература

- Голованова Л.В., 2000. Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // *Stratum plus*. № 1.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., 2013. Начало Верхнего палеолита на Кавказе и его Западно-Евразийский контекст // Материалы конференции «Шестая международная Кубанская археологическая конференция». Краснодар.
- Дороничева Е.В., Кулькова М.А., Шекли М.С., 2013. Использование каменного сырья в верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 2 (54).
- Adler D.S., Belfer-Cohen A., Bar-Yosef O., 2006. Between a Rock and a hard place: Neanderthal-modern human Interactions in the Southern Caucasus // *Neanderthals and modern Humans*. Tubingen.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

- Andrefsky W.Jr.*, 2009. The analysis of stone tool procurement, production and maintenance // *Journal of Archaeological Research*. № 17.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Mesheviliani T., Jakeli N., Bar-Oz G., Boaretto B., Goldberg P., Eliso Kvavadze E., Matskevich Z.*, 2011. Dzudzuana: an Upper Palaeolithic cave site in the Caucasus foothills (Georgia) // *Antiquity*. Vol. 85.
- Brantingham P.J.*, 2003. A neutral model of stone raw material procurement // *American Antiquity*. Vol. 68.
- Braun D.R.*, 2005. Examining flake production strategies: Examples from the Middle Paleolithic of southwest Asia // *Lithic Technology*. № 30.
- Dibble H., Schurmans U.A., Iovita R.P., McLaughlin M.V.*, 2005. The Measurement and Interpretation of Cortex in Lithic Assemblages // *American Antiquity*. Vol. 70 (3).
- Féblot-Augustins J.*, 2009. Revisiting European Upper Paleolithic Raw Material Transfers: The Demise of the Cultural Ecological Paradigm? // *Lithic Materials and Paleolithic Societies*. UK.
- Géneste J.-M., Castel J.-C., Chadell J.-P.*, 2008. From Physical to Social Landscapes: Multidimensional Approaches to the Archaeology of Social Place in the European Upper Paleolithic.
- Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kulkova M.A., Cleghorn N.E., Sapelko T.V., Shackley M.S.*, 2010a. Significance of Ecological Factors in the Middle to Upper Paleolithic Transition // *Current Anthropology*. Vol. 51, No. 5.
- Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.*, 2010b. Bone Tools and Symbols: Early Modern Human Behavior in the Caucasus // *Antiquity*. Vol. 84 (324).
- Golovanova L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E., Sapelko T.V., Kulkova M.A., Yu.N. Spasovskiy, Shackley M.S.*, in press. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum // *Quaternary International*. Vol. XXX.
- Grégoire S.*, 2000. Origine des matières premières des industries lithiques du Paléolithique pyrénéen et méditerranéen. Contribution à la connaissance des aires de circulation humaines. Thèse. Perpignan.
- Kuhn S.L.*, 2004. Upper Paleolithic raw material economies of Üçağizli cave, Turkey // *Journal of Anthropological Archaeology*. Vol. 23.
- Le Bourdonnec F.-X., Nomade S., Poupeau G., Guillou H., Tushabramishvili N., Moncel M.-H., Pleurdeau D., Agapishvili T., Voinchet P., Mgeladze A., Lordkipanidze D.*, 2012. Multiple origins of Bondi Cave and Ortvale Klde (NW Georgia) obsidians and human mobility in Transcaucasia during the Middle and Upper Palaeolithic // *Journal of Archaeological Science*. Vol. 39 (5).
- Meshveliani T., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A.*, 2004. The Upper Paleolithic in western Georgia // *The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe*. Berkeley; Los Angeles; London.
- Shackley M.S.*, 2005. Obsidian: Geology and Archaeology in the North American Southwest. Tucson.

Л.Г. Еганян

Центр арменоведческих исследований Ширака АН Армении, г. Гюмри

ДРЕВНЕИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ РИТУАЛЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ НАСТУПЛЕНИЮ ВЕСНЫ- НОВОМУ ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ СВАТИЛИЩА МЕЦ СЕПАСАР РАННЕБРОНЗОВОГО ПЕРИОДА)

Святилище, относящийся к бронзовому веку и датируемое XXVIII-XXVI вв. до н.э. раскопана на северо-западе республики Армения, на вершине горы Мец Сепасар (Еганян, 2012. С. 272).

Найденные на полу святилища *in situ* археологические материалы позволяют восстановить характер проводимых здесь ритуалов: жертвоприношения волков, ритуал открывания сосудов и ритуал, посвященный появлению звезды.

Жертвоприношения волков: Ритуал- это верования в действии, состоящие из чередующихся и взаимосвязанных многочисленных деталей, а жертвоприношение - форма обращения к богам и ритуальное общение с ними. Одновременно - это и взаимный обмен между людьми и богами, который предполагает обилие пищи, посылаемое богами на землю. Нарушение такой взаимосвязи могло привести к гневу богов и к голоду на земле (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 701).

Сопоставление археологического материала с письменными источниками - хеттскими «царскими» ритуалами, описание которых содержится на клинописных табличках (XVII-XII вв. до н. э.) из архивов столицы Хеттского государства- Хаттусы (Ардзинба, 1982. С. 3), а также этнографическими и фольклорными материалами (верования и обычаи армянского и других индоевропейских народов) показывает, что особая культовая и ритуальная функция волка в индоевропейской традиции отражалась в ритуале жертвоприношении, которое производилось весной и символизировало конец Старого года и рождение Нового (Еганян, 2012. С. 288).

Открывание сосудов. В святилище зафиксировано, что после завершения обряда сосуды умышленно разбивались. Найденные на полу шесть целых чаш, прикрытых большим кувшином, являются свидетельством этого ритуала.

В хеттских ритуалах, посвященных божествам привлекает внимание то, что иногда совершению обряда в храме предшествовало распечатывание сосудов с зерном (Ардзинба, 1982. С. 12). Сосуды с зерном открывали боги Грозы, «в ведении» которых находились дожди и которые в силу этого обстоятельства, вероятно, считались попечителями зерна (одна из инкарнаций бога Грозы называется «богом Грозы Дождя» (Ардзинба, 1982. С. 26).

С археологическим материалом можно сопоставить следующее: Мгер (Михр) в армянской мифологии - бог небесного света и солнца, сын Арамазда. Мгер оказался не в силах истребить несправедливость в мире: его больше не удержит земля. Мгер и его конь удалились в скалу и ждут изменения мира. Миф Мхера связан с ритуалом Нового года. Ритуалу сопоставим также обычаи хранить в амбаре с мукой или зерном маленькую охапку колосьев пшеницы до нового урожая (Харатян-Аракелян, 2005. С. 128). Все это указывает на то, что во время праздника должны были открывать сосуды, заполненные еще осенью. Ритуал не был завершен и сосуды, предназначенные для Бога Грозы, так и остались неоткрытыми.

Почитание звезды: В Мец Сепасаре среди керамики найдена также разбитая чаша с изображением звезды.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Еще с незапамятных времен наблюдения за движением небесных тел привели к открытию закономерностей. Появление и исчезновение звезд древние связывали с земледельческим календарем и вместе с тем совершали определенные ритуалы. Люди, жившие 5000 лет назад и давшие имена созвездиям, по мнению Т. Олькота, жили в долине Евфрата и в окрестностях горы Арарат (*Хачатрян*, 1998. С. 8). Высокий уровень астрономических знаний стал основой для создания в III тыс. до н.э. самостоятельного лунно-солнечного календаря (*Хачатрян*, 1998. С. 8). Для древних армян началом Нового года было гелиакическое появление (т.е. первый утренний восход звезды) самой яркой звезды созвездия Орион - Бетельгейзе (*Брутян*, 1985. С. 54).

Появление звезды знаменовало собой начало земледельческого календаря и прорыв солнечных лучей сквозь зимнее небо. В мифологии это трактовалось как знак победы Громовержца над Драконом. Звезда, символизирующая богиню любви, красоты и плодородия Астхик (звездочка), в армянской мифологии являлась спутницей Громовержца Вахагна. Чаша с изображением звезды - свидетельство ее почитания и почитания ритуала, посвященного той ночи, когда звезда своим сиянием озарила путь Громовержца.

Праздники и обряды, посвященные подготовке к новому хозяйственному году и обеспечению роста урожая, концу зимы и началу весны, отражают идею пробуждения природы. У армян эти понятия были связаны с праздником Барекендан (название праздника – Барекендан - bar, bari, bariq, что значит «плод, добро, благо»), бытовой и культовой идеологией народа: обеспечение достатка в наступающем хозяйственном году и борьба со злыми силами, препятствующими этому. В дохристианском армянском календаре первым месяцем года считался Навасард, который в силу особенностей подвижного календаря, именовался месяцем, и связывался с началом весны, с Барекенданом.

Традиция соблюдения определенных действий и верность верованиям и обычаям сыграла большую роль для сохранения и передачи от поколения к поколению этих традиций и обычаев почти что в первоначальном виде.

Археологические свидетельства, найденные в святилище куро-аракской культуры в Мец Сепасаре, указывают на то, что праздник проводился в определенное время года и носил в себе четкие действия: жертвоприношение волков, открывание сосудов и ритуал, посвященный появлению звезды. Ритуальные действия проводились весной и символизировали конец Старого и начало Нового года.

Литература

- Аракелян-Харатян Р.*, 2005. Армянские народные праздники, Ереван. [на арм. языке].
- Ардзинба В. Г., 1982. Ритуалы и мифы Древней Анатолии. М.
- Брутян Г.*, 1985. О некоторых вопросах армянского календаря // Эчмиадзин. №2. Ереван. [на арм. языке]
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.*, 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы, реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Т. II. Тбилиси.
- Еганян А.Г.*, 2012. Памятник раннебронзового периода Мец Сепасар в контексте индоевропейских верований и ритуалов // Труды Маргианской археологической экспедиции. Том 4. М., 2012.
- Хачатрян А.А.*, 1998. О древнем армянском календаре // Научные труды Центра армяноведческих исследований Ширака АН РА. Т. I. Гюмри. [на арм. языке].

А.А. Зейналов

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку

С.А. Кулаков

Институт истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург

И.А. Идрисов

Институт геологии ДНЦ РАН, г. Махачкала

НОВЫЙ АШЕЛЬСКИЙ ПАМЯТНИК В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

В 2012 г. Гянджа-Газахский отряд палеолитической археологической экспедиции Института археологии и этнографии НАНА произвёл археологические разведки на западе Азербайджана. Основной задачей работ был осмотр эоплейстоценовых и ранних неоплейстоценовых отложений (акчагыл-апшерон-баку) в местах их обнажения в западной части Куро-Араксинской низменности, в особенности, в тех районах, где ранее были обнаружены костеносные линзы с остатками плейстоценовой фауны. Одним из маршрутов разведок стал осмотр южного берега Мингячевирского водохранилища на р. Кура. Здесь недалеко от плотины Мингячевирской ГЭС на хребте Боздаг, в районе горы Гараджа было зафиксировано новое местонахождение плейстоценовой фауны (зубы слона), рядом с которыми были собраны каменные артефакты (сколы, оббитые гальки). Памятник получил название «Гараджа».

В сентябре 2013 г. Гянджа-Газахский азербайджано-русский отряд палеолитической археологической экспедиции Института археологии и этнографии НАН Азербайджана целенаправленно произвел тщательное обследование местонахождения Гараджа, в результате которого полностью подтвердилось предположения разведок 2012 г., и был открыт новый раннепалеолитический памятник в Азербайджане – ашельская стоянка Гараджа.

Памятник приурочен к северному крылу хребта Боздаг, который сложен терригенными породами (глина, песок, гравий), дислоцированными под углами 60-70°. В ходе избирательной эрозии поверхность хребта приобрела интенсивно расчлененный рельеф. Бронирующие пачки сцементированного гравия и песка образуют поверхности многочисленных, но небольших по размерам куэстообразных холмов. Слабоустойчивые пачки глин размыты и по ним развиты понижения рельефа, кроме того, весь хребет рассечен системой сухих долин, заложенных от осевой части хребта к периферии. На берегу водохранилища эти долины переходят в небольшие бухты с песчаными пляжами. Непосредственно район исследований представлен активным клифом (высотой уступа на отдельных участках до 15 м), выработанным вдоль южного берега Мингячевирского водохранилища. Севернее клифа образовалась террасовая площадка, размеры, в первую очередь ширина, которой зависят от уровня воды в водохранилище, достигающего максимума весной и минимума осенью-зимой. Достаточно низкий уровень воды позволил в сентябре 2013 г. выявить 7 пунктов сборов артефактов и фауны, на протяжении около 1 км вдоль берега водохранилища с юго-запада, от плотины ГЭС, на северо-восток, которые, предварительно были названы: Гараджа, Гараджа 1 – 6. Наибольший интерес представляют пункты Гараджа, Гараджа 1, 2, 3, 5, давшие не только ашельский инвентарь, но и возможность проведения комплексных естественнонаучных исследований: геологических, геоморфологических, биостратиграфических и др., необходимых для определения хронологии и прочих аспектов жизнедеятельности первобытных коллективов.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Во время работ 2013 г. наиболее полно были обследованы пункты Гараджа и Гараджа 1. Для этих участков характерно чередование терригенных пород – серо-жёлтых сцементированных песков и жёлтых глин с прослоями и линзами галечников, к этим галечным прослойкам и были приурочены находки артефактов, которые локализовались в двух полосах сборов: 1 – южный (нижний) уровень и 2 – северный (верхний) уровень.

Для участка Гараджа и Гараджа 1 были составлены предварительные стратиграфические схемы (рис. 1, 1), которые даже в таком виде демонстрируют уникальность этого памятника. Почти 100 метровая толща отложений на пункте Гараджа, после возвращения её в исходный вертикальный вид, показывает огромные перспективы дальнейших исследований. Подстиляет толщу слой пепла, на котором залегают переслаивающиеся многочисленные горизонты глин и песков, в последних много прослоев и линз с фауной моллюсков. В мощном слое глины, выше пепла, залегают нижний горизонт крупной наземной фауны. Вышележащий слой сильно сцементированного, ожелезнённого серого песка, включающий многочисленные находки окаменевшей растительности (обломки стволов, веток и листьев деревьев), подстиляет нижний уровень залегания артефактов в слое глины с прослоями галечников. Верхний уровень залегания артефактов также приурочен к слою глины с прослоями галечников, который перекрывается, сильно сцементированным, мощным слоем серого песка, в котором был расчищен череп носорога. Уровни обнаружения артефактов на пунктах Гараджа и Гараджа 1 залегают в одних и тех же слоях глины, которые прослеживаются на всём их простираии (рис. 1, 1).

О возрасте этой пачки слоев с находками можно говорить, пока, только очень предположительно, в широком диапазоне от верхнего апшерона до баку (от 1 мл. – 800 тыс. л.т.н. до 500 тыс. л.т.н.).

Собранная коллекция артефактов, не смотря на своё, пока ещё, небольшое количество (78 экз.), весьма показательна и оригинальна. Все предметы изготовлены из местного галечного сырья, которое в изобилии встречается в галечных линзах и прослоях на всём обследованном протяжении берега. Гальки разнообразны по размерам, форме, качеству и цвету, но большинство использованных камней в серой, серо-жёлтой гамме. Сохранность поверхности изделий весьма различна: от, практически, свежей, до сильно оглаженной и окатанной. Для изготовления ручных рубил, скрёбел и получения сколов предпочитались тонкозернистые породы камня, а при получении чопперов учитывалась, как представляется в первую очередь, форма гальки, а затем, только, качество сырья.

Условия сохранности, обнаружения и морфологии артефактов позволяют, в данный момент, считать индустрию местонахождения Гараджа гомогенной и одновременной в рамках ашельского периода эпохи раннего палеолита.

Ручные рубила коллекции разнообразны по морфологии и степени сохранности (рис. 1, 3). Особо производит впечатление законченностью формы и сохранностью – лиманд (рис. 1, 2). На наш взгляд, среди ручных рубил выделяется группа обушковых форм, которые, возможно, несут культуuroобразующую нагрузку.

Наиболее богата в коллекции категория груборубящих орудий, в которой, наряду с субкатегорией разнообразных чопперов, выделяется особая субкатегория орудий, условно называемых «ударниками». Это, как правило, крупные, округлой формы гальки разбитые, практически, пополам, полученный таким образом искусственный край тщательно обработан сколами и ретушью по всему периметру.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Особо выделяются в гараджинской коллекции два изделия. Одно из них – это крупный чоппер, около 4 кг, двусторонний, изготовленный из очень большой гальки. Для палеолита Азербайджана подобная орудийная форма, впервые была выделена М.М. Гусейновым в нижних, VII-X, слоях пещерной стоянки Азых и названа «гигантолитом». Серия таких изделий, выделенная в Азыхской пещере, послужила одним из критериев для выделения «куручайской культуры» раннего палеолита. Впервые похожее орудие, за пределами пещеры Азых, было найдено на местонахождении Гараджа.

Второе изделие – это «топорик» или «колун», по терминологии Г.П. Григорьева. Топорик (колун) из местонахождения Гараджа 1 полностью соответствует критериям, предъявляемым к данным формам (рис. 1, 4). Впервые для ашеля Кавказа в Азербайджане на местонахождении Гараджа 1 найден настоящий топорик – орудие, которое имеет бесспорные корни в африканском ашеле. Хронологическая позиция этого изделия пока не ясна, но само его наличие ещё раз показывает одновременность и сложную структуру ашеля Кавказа. Нам представляется, что Кавказ в ашельский период, подобно Испании и югу Франции, представлял собой одну из зон контактов и скрещиваний на пути расселения в Северную Евразию различных по времени и генезису ашельских и более ранних индустрий.

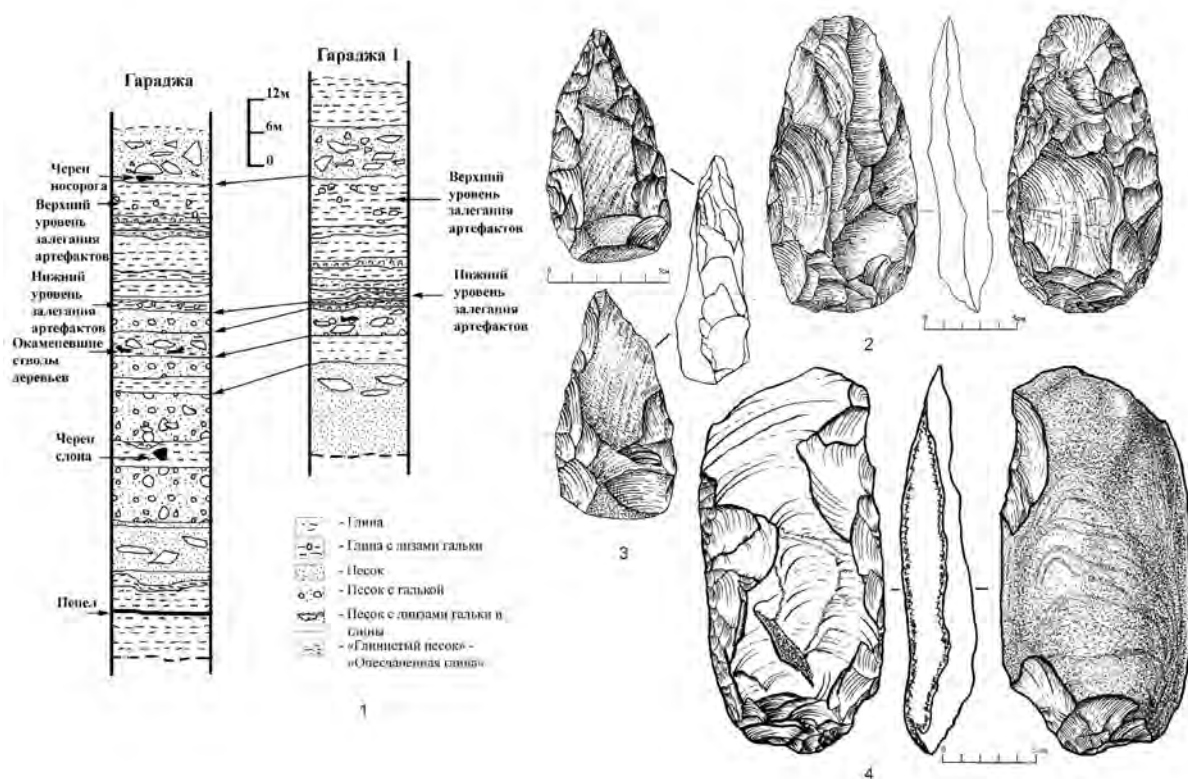

Рис. 1. Местонахождение Гараджа, Западный Азербайджан. Стратиграфия и каменные изделия пунктов Гараджа и Гараджа 1.

1 – стратиграфические схемы отложений пунктов Гараджа и Гараджа 1, по И.А. Идрисову; 2 – Гараджа 1, верхний уровень залегания артефактов – лиманд; 3 – Гараджа 1, верхний уровень залегания артефактов – миндалевидное ручное рубило с корочной пяткой; 4 – Гараджа 1, нижний уровень залегания артефактов – топорик (колун)

А.А. Клещенко

Институт археологии РАН, г. Москва

СИНТЕЗИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПАМЯТНИКОВ СУВОРОВСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-31-01273.

Общность позднекатакомбных памятников предгорной зоны Северного Кавказа до последнего времени относилась к одним из наименее изученных культурных явлений эпохи средней бронзы. Она представляет собой серию захоронений с доминирующим вытянутым на спине положением погребенного и характерным инвентарем, ареал которых тянется вдоль северных склонов Кавказского хребта - от Западного Закубанья до верховьев реки Терек (рис. 1, 3).

Впервые на своеобразии этих памятников обратила внимание А.Л. Нечитайло (1978; 1979 и др.), на долгие годы закрепив за ними термин «верхнекубанская группа» предкавказской катакомбной культуры. Последующие полевые исследования существенно расширили источниковую базу, составляющую в настоящее время не менее 350 комплексов, и позволили охарактеризовать круг позднекатакомбных памятников предгорной зоны Северного Кавказа в рамках суворовской катакомбной культуры (Клещенко, 2013). Распространение суворовских катакомбных памятников по территории предгорной зоны Северного Кавказа далеко неравномерно: основная концентрация (порядка 90%) изученных в настоящее время комплексов приходится на центральную часть культурного ареала: долину Лабы, среднее и верхнее течение Кубани, верховья Калауса и Кумы.

Суворовские памятники имеют довольно четко идентифицируемые обрядовые признаки. К таковым относятся: погребения в катакомбах Т-видной и близким ей форм (97%) с дромосом и ступенькой при переходе из шахты в камеру (Клещенко, 2007. С. 141-142; 2013. С. 186, рис. 2, 4); безусловно доминирующее вытянутое положение погребенного (85% комплексов в общей выборке) (Клещенко, 2007. С. 141-142; 2013. С. 186, табл. 1, рис. 2, 4) и чрезвычайная малочисленность эскарнированных захоронений (рис. 1, III-а); ориентировка погребенных головой в южном и восточном направлениях (Клещенко, 2007. Рис. 3; 2013. С. 186. Рис. 2, 4) (рис. 1, III-б); инвентарный набор, представленный, главным образом, специфическими формами керамических сосудов и курительниц (Клещенко, Панасюк, 2006; Клещенко, 2009. Рис. 1; 2013. Табл. 2. Рис. 3, 5).

Самобытность памятников суворовской катакомбной культуры обуславливается сравнением основных ее характеристик с соответствующими данными по соседним синхронным позднекатакомбным культурам – восточноманьчжской и батуринской (Андреева, 2008 и др.; Трифонов, 1991; Гей, 1995) (рис. 1, 1, 2). Следует оговориться, что сравниваемые серии позднекатакомбных комплексов различаются количественно. Большая из них – восточноманьчжская (620 комплексов) была собрана и проанализирована М.В. Андреевой (Андреева, 2008. С. 10 и след.). За счет интенсивных полевых исследований последних лет на Ставрополье эта серия увеличилась примерно вдвое, однако эти материалы по большей части не введены в научный

оборот. Группа батуриных памятников Прикубанья не так многочисленна. В.А. Трифонов при характеристике этой культурной группы учел «около 100 погребений» (Трифонов, 1991. С. 101). А.Н. Гей идентифицировал как «батуриные» 128 прикубанских катакомбных комплексов (Гей, 2000. Табл. 1). В настоящей работе учтены данные о 110 погребениях. Возможно, дальнейшее накопление сведений об этой культуре позволит скорректировать представленные здесь статистические данные.

По имеющимся в настоящее время сведениям можно сказать, что для батуриной культуры характерны скорченные на правом боку (54%) с нестабильными ориентировками (превалируют северная и западная) и расчлененные погребения (37%) в Н-видных в плане катакомбах (65%) при полном отсутствии скорченного на спине положения (рис. 1, I-а, б). Для восточноманьчской – скорченные левобочные погребения (87%) в Н-видных катакомбах (75%) (рис. 1, II-а) с ориентацией головой в южном направлении (рис. 1, II-б).

Помимо отличий в основных обрядовых нормах комплексы суворовской катакомбной культуры выделяются полным отсутствием как предметов, связанных с символикой колесного транспорта, так и находок самих повозок и их частей, относительно часто встречаемых в восточноманьчских погребениях (Андреева, 2008. С. 56-57 и др.). Так же редки в суворовских памятниках находки костей животных (3%), особенно в сравнении с той же восточноманьчской традицией, где такие комплексы составляют более 1/5 части имеющейся выборки (Андреева, 2008. С. 21-22, 67 и др.). Рассмотрение керамического комплекса суворовской культуры и его соотношения с соседними познекатакомбными керамическими традициями уже было представлено ранее (Клещенко, Панасюк, 2006; Клещенко, 2009; 2013). Здесь же следует особо отметить, что, несмотря на свою локализацию в предгорных районах и явную преемственность традиций от северокавказской культуры, в памятниках которой обнаружено самое большое количество металлических изделий на раннем этапе эпохи средней бронзы, комплексы суворовской культуры в сравнении с синхронными погребениями батуриной и восточноманьчской традиций обеспечены металлом самым наименьшим образом (16, 32 и 28% соответственно).

Истоки этого явления, как и самого суворовского погребального обряда, следует искать в традициях одного из его возможных субстратов - раннекатакомбной культурной группы Ставрополя и Калмыкии, погребальные традиции которой вполне сопоставимы по основным показателям с суворовскими. В результате анализа катакомбных материалов Северо-Западного Кавказа в настоящее время можно уверенно расширить территорию распространения «калмыцко-ставропольской» раннекатакомбной группы на восточное Закубанье (долина Лабы и среднее течение Кубани), то есть на один из районов концентрации суворовских памятников (Клещенко, 2013. С. 187-188). Сравнение ряда статистических данных по погребениям двух этих культурных традиций дает относительно сходные результаты. В частности, доля погребений с металлом в ставропольских раннекатакомбных и суворовских материалах, по предварительным подсчетам составляет, соответственно, 10 и 16%. Сходны также и показатели по комплексам с орудиями труда (в основном – ножами и шильями): 2 и 3 % соответственно. При этом сравнение этих показателей с данными по ранним и поздним катакомбным памятникам Ставрополя и Прикубанья дают совершенно противоположные результаты: здесь доля погребений с металлом резко возрастает по сравнению с предшествующим раннекатакомбным пери-

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

одом. Причем в памятниках восточноманьчской культуры – за счет большого количества комплексов с орудиями труда (в основном – ножами и шильями) (Андреева, 2008. С. 32-44), а в батуриных – за счет значительной серии погребений с украшениями (Трифонов, 1991. С. 107-108).

Таким образом, общность памятников суворовской катакомбной культуры устанавливается рядом синтезирующих признаков (ареал, основные элементы обряда, погребальный инвентарь). Набор этих признаков надежно выделяет ее из круга соседних синхронных позднекатакомбных культурных образований и позволяет наметить пути ее формирования.

Литература

- Андреева М.В., 2008. Восточноманьчская катакомбная культура: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М. // Архив ИА РАН. Р-2. б/н.
- Гей А.Н., 1995. Батуриная катакомбная культура и финал эпохи средней бронзы в степном Прикубанье // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир-Москва.
- Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М.
- Клещенко А.А., 2007. Погребальные памятники эпохи средней бронзы Закубанья // РА. № 4.
- Клещенко А.А., 2009. Катакомбные памятники Закубанья и поздний этап эпохи средней бронзы в Предкавказье // КСИА. Вып. 223.
- Клещенко А.А., 2013. Суворовская катакомбная культура: предварительная характеристика // КСИА. Вып. 228.
- Клещенко А.А., Панасюк Н.В., 2006. Катакомбные памятники предгорной зоны Северного Кавказа // Первая Абхазская международная археологическая конференция: Материалы конференции. Сухум. С. 189-192.
- Нечитайло А.Л., 1978. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев.
- Нечитайло А.Л., 1979. Суворовский курганный могильник. Киев.
- Трифонов В.А., 1991. Батуриный вариант предкавказской катакомбной культуры // Катакомбные культуры Северного Причерноморья: источники, проблемы исследования. Киев.

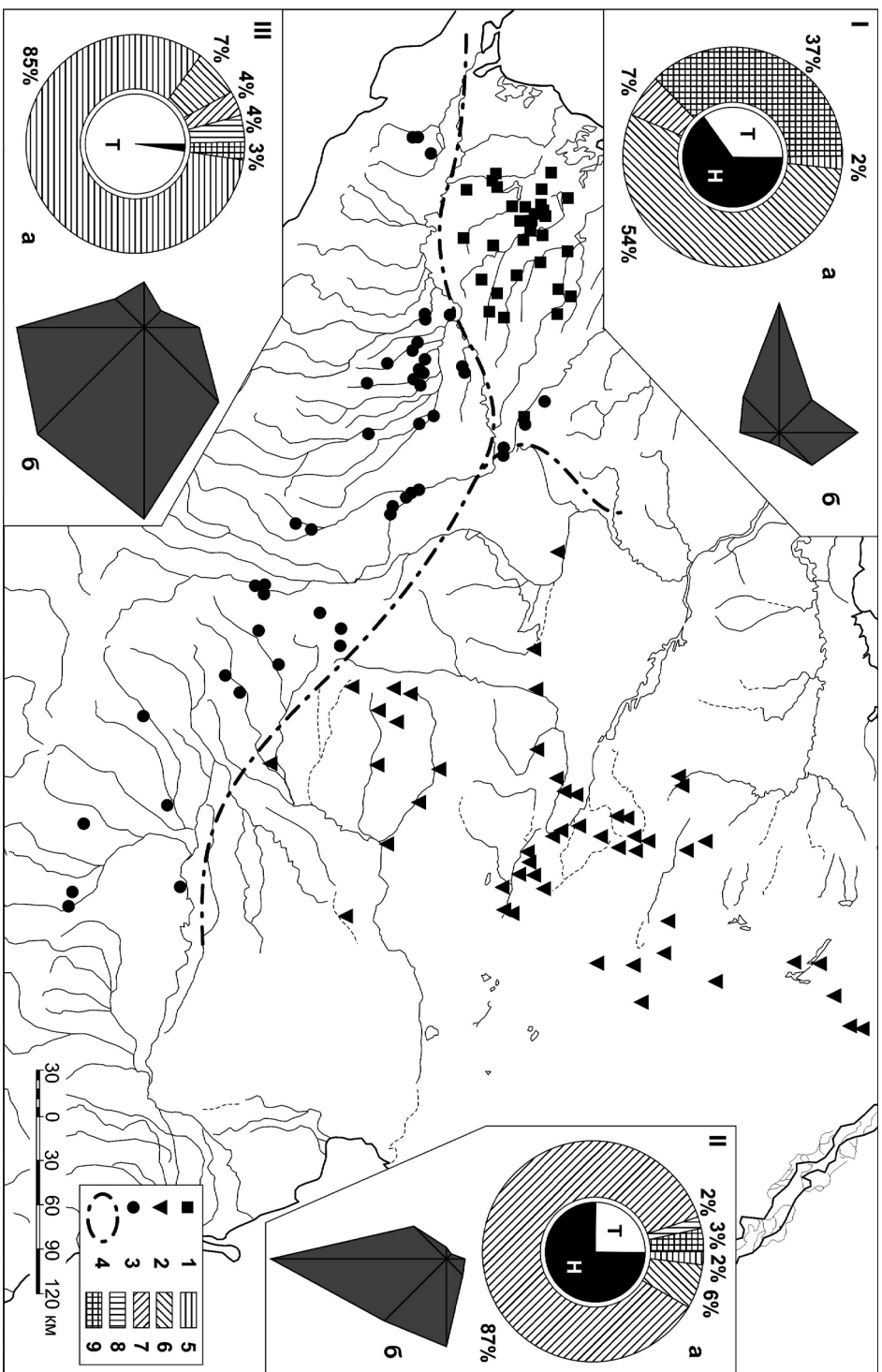

Рис. 1. Ареал и основные характеристики позднекатакомбных памятников Северного Кавказа. I, 1 – батуринская катакомбная культура; II, 2 – восточномамалыцкая катакомбная культура; III, 3 – суворовская катакомбная культура; а - графики соотношения позы погребенного (внешний: 5 – вытянуто на спине, 6 – скорчено на правом боку, 7 – скорчено на левом боку, 8 – скорчено на спине, 9 – расчлененные) и формы катакомбы в плане (внутренний: Т – ось шахты перпендикулярна оси камеры, Н – ось шахты и камеры параллельны); б – сводный график ориентировки погребений; 4 – границы культурных ареалов.

С.Н. Корневский
Институт археологии РАН, г. Москва

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРЕДКАВКАЗЬЕ В
ОТРАЖЕНИИ ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ
В СВЕТЕ АНАЛОГИЙ С ЮГОМ И СЕВЕРОМ В ЭПОХУ УРУКСКОЙ
КУЛЬТУРЫ (ОБЗОР АСПЕКТОВ ТЕМЫ)

Кардинальные изменения развития населения в долинах бассейнов р. Терек и Кубани в Предкавказье происходят в IV тыс. до н.э. Они были связаны со становлением майкопско-новосвободненской общности (МНО). Последний феномен возник на фоне миграций с юга (*Gimbutas*, 1956. P. 59). МНО была неоднородна по своим типологическим компонентам (галюгаевско-серегинский, или майкопский, псекупский, долинский новосвободненский варианты) (*Корневский*, 2004). Происхождение каждого из ее составляющих требует специального анализа, как и изучения путей формирования, исторических судеб. В представленной работе рассматриваются некоторые аналогии вещей МНО, отражающие контакты её носителей с югом и севером, но без претензии на всеобъемлющий охват этой темы.

Галюгаевско-серегинский и ранний псекупский варианты (начало – середина IV тыс. до н.э., отчасти – конец IV тыс. до н.э.). Анализ керамического комплекса поселений и погребальных памятников МНО позволяет сделать вывод, что галюгаевско-серегинский вариант (или, собственно, раннемайкопский вариант, по А.А. Иссену) имеет, прежде всего, аналогии с керамическими традициями лейлатепинской культуры и восточно-анаатолийского халколита. Вместе с ними он образует особую область распространения северомесопотамской знаковой престижной керамики, изготавливавшейся с помощью примитивных поворотных устройств. Для МНО особо показательна керамика охристого и черного цвета из теста с растительными примесями и без искусственных минеральных примесей.

Аналогии для этого круга памятников МНО включают комплекс керамики лейлатепинской культуры, которая датируется главным образом началом – первой половиной IV тыс. до н.э. Другие аналогии ведут в Северную Месопотамию – к глиняным конусам с одним отверстием, к т.н. «символам жилищ» из слоя Гавра XII, а так же к керамике со знаками Арслантепе VII. Далее можно отметить контакты с югом по находкам лазуритовых украшений в ранних комплексах псекупского варианта в центральном Предкавказье (Кудахурт). В комплексе Майкопского кургана представлена символика мифа о Древе Жизни в его переднеазиатском варианте изображений зверей и орнаментов, но в местном её исполнении.

О возможных влияниях с северо-запада могут свидетельствовать топоры типа Лечинкай с грибовидной втулкой и отростком-клевецом. Скорей всего, они оформились в Предкавказье под влиянием идеи формы дунайских топоров-тесел и клевцов типа Ариушд и Ясладань, но изготавливались из металла, свойственного для МНО в целом (мышьяковистых и мышьяковисто-никелевых бронз). Не исключено, что к серии этих орудий тяготеет топор-клевец из Веремье, происхождение которого в коллекции Хвойко загадочно.

В дальнейшем следы контактов с югом (за пределами Большого Кавказа) находили отражение в материальной культуре разных вариантов МНО. Они спорадически фиксируются по археологическим материалам на фоне мощного развития производств у племен самой этой культурной общности. По данным археологии в их число входят производство керамики (*Корневский*, 2004), а также оружия

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

и орудий на медной основе, престижных вещей из благородных металлов на базе собственных кавказских источников сырья (Корневский, 2011; Рындина, Равич, 2012).

Псекупский (поздний) вариант. Комплексы керамических изделий позднего псекупского варианта МНО (в Закубанье) (вторая половина IV тыс. до н.э.), иллюстрирующего много общего с майкопским вариантом, представляют собой уже во многом адаптированное южное воздействие. Признаками своеобразия псекупского варианта являются формы уплощенных сосудов с круглым дном, глиняные пирамидки или конусы с грибовидной шляпкой и часто полым туловом. Очевидными заимствованиями с юга являются цилиндрические печати (Красногвардейск, Чекон 2), относящиеся к концу IV тыс. до н.э. Пока загадочным вопросом остаются аналогии майкопской керамике, украшенной расписными полосами, точками и т.д.

Долинский вариант (середина - вторая половина IV тыс. до н.э.). Комплекс долинского варианта МНО в основном сугубо эндемичен и связан с местным локальным участком металлообработки. Его керамика с плоским дном высокого качества заметно отличается от посуды двух вышеназванных вариантов (Корневский, 2004. С. 54-57). Комплексы Долинского варианта также не включают диагностические типы посуды новосвободненской группы, а так же характерные для неё сюжеты орнаментации, которые могут быть отмечены в центральном Предкавказье лишь эпизодически. Очень интересны аналогии керамики Долинского варианта с посудой на поселении Великент II. Они выражены в отпечатках оси круговых устройств на дне сосудов и прочерченных знаках на дне. Аналогии такой посуде появились на Северном Кавказе в период распространения высококачественной керамики типа Великент II и Сержень Юрт времени Арслантепе VIA (Мунчаев и др., 2010).

Новосвободненская группа (середина - вторая половина IV тыс. до н.э.). Ранние комплексы погребений могильника Клады (1,2 горизонты, по А.Д. Резепкину) содержат ограниченный особой выборкой состав погребальной керамики, в который включаются сосуды, находящие аналогии в памятниках псекупского варианта МНО, в том числе и глиняный конус со шляпкой. Подлинное своеобразие комплексы захоронений новосвободненской группы проявляют только начиная с «горизонта гробниц» (3,4 горизонты по А.Д. Резепкину) (Резепкин, 2012). Форма тюльпановидного сосуда, широко распространенного в могильнике Клады, имеет множество аналогий на поселениях и в погребениях разных вариантов МНО западного (Прикубанского) ареала, но не является диагностически исключительно «новосвободненской». Среди них не встречен ни один типичный сосуд-кубок центрально - европейских культур со свойственной для них орнаментацией (Kossian, 2005). Формирование этого типа тюльпановидных кубков в Предкавказье требует особого исследования. Поэтому можно ещё раз подчеркнуть, что прямое влияние культуры воронковидных кубков (как миграция) не прослеживается как по данным могильника Клады, так и других памятников МНО. Среди германских исследователей эту точку зрения, разделяют А. Хойслер и Г. Парцингер (Парцингер, 2013. С. 29), оспаривая взгляды А.Д. Резепкина.

Сейчас трудно сказать, сколько было южных импульсов в Предкавказье и, главное, как они были организованы. Археологические материалы более позволяют говорить о сходстве деталей вещей и орнаментов. Более аргументировано можно отметить локализацию этих аналогий. Очень показательны в этом отношении, например, миски с убранным во внутрь бортиком (тип МФ-3, по: Корневский, 2004). Они локализованы только в Прикубанье, где известны их формы, выполненные с разной степенью качества. В ареале памятников восточно-анатолийского хал-

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

колита такие миски зафиксированы на поселениях Оулюм хуюк Зейтинли Бехче, Арслантепе VII в Восточной Анатолии и северной Сирии времени среднего Урука.

Следующими деталями украшения сосудов, отражающими сходство с орнаментацией ближневосточных центров, является пролощенный орнамент на горшках псекупского и долинского вариантов сеткой, а также орнамент в стиле наклонных линий, как показатель вращения керамики на кругу. Такой стиль орнамента хорошо представлен на поселении Арслантепе VIA и Тель Рубейде и на керамике разных поздних вариантов МНО.

В целом можно еще раз подчеркнуть, что Прикубанский и Терский районы распространения МНО были неодинаковы в своем местном развитии. Они имели свою специфику в связях с югом и севером. Но, несмотря на это, МНО сохраняла своё оригинальное качество по сравнению с окружающими её культурными образованиями.

Это качество выражалось не одним, а целым набором признаков, в число которых входят такие сочетания. А именно: престижная, главным образом, охристая и черная керамика из теста высокого качества без минеральных примесей, изготовлявшаяся с помощью ранних круговых устройств, курганный обряд погребения элиты общества с захоронениями на галечной выкладке (в яме или на поверхности земли) или на специальной выкладке/вымостке, скорченная поза покойного со сдвигом костяка к стенке могилы, расстановка погребальной утвари по углам захоронения (т.н. абстрактно-орудийная традиция). Далее этот список продолжается за счет своеобразного комплекса металлообработки с производством оружия и орудий, металлической посуды, общего для многих племен подвижно оседлого хозяйственно-культурного типа. Новые радиоуглеродные даты МНО показывают, что практически все её варианты доживают до её финала, но в разных районах по-разному: то в массовом отражении памятников, то в единичном.

Литература

- Корневский С.Н.*, 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско – новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. М.
- Корневский С.Н.*, 2011. Древнейший металл Предкавказья. М.
- Мунчаев Р.М., Амиров Ш.Н., Магомедов Г.Г.*, 2010. Восточный Кавказ и проблема кавказско-месопотамских связей в IV-III тыс. до н.э. // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала.
- Резепкин А.Д.*, 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады»). СПб.
- Рындина Н.В. Равич И.Г.*, 2012. О металлопроизводстве майкопских племен Северного Кавказа (по данным химико-технологических исследований) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (17). Тюмень.
- Парцингер Г.*, 2013. Особенности культурных воздействий от Волги до Рейна в эпоху бронзы Бронзовый век. // Европа без границ. Четвертое-первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки. СПб.
- Чайлд Г.*, 1952. У истоков европейской цивилизации / под ред. Т.С. Пасек. М.
- Gimbutas M.*, 1956. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge.
- Kossian R.*, 2005. Nichtmegalithische Grabanlagen der Trichterbecherkultur in Deutschland und den Niederlanden. Haale (Saale).

Е.С. Левин

ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар

ДЕТСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ В СТЕПНОМ ПРИКУБАНЬЕ (НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

В 2012 г. в Кореновском районе Краснодарского края Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция проводила археологические раскопки двух крупных курганов «Малеваный 7» и «Журавка 7». В результате работ было обнаружено и исследовано 9 погребений, принадлежащих катакомбной культуре (в насыпи кургана «Журавка 7» - 3 погребения, в насыпи кургана «Малеваный 7» - 6 погребений). Больше половины из них представляли собой захоронения детей.

Все детские погребения были впускными в насыпи курганов.

Среди исследованных детских катакомбных погребений пять можно выделить в отдельную группу по близости погребального обряда. Все погребенные дети имели возраст от 2 до 5 лет. Объединяет их и слабоскорченное положение на правом боку, лицом ко входу в камеру, за исключением одного - лежащего спиной ко входу. Руки погбенных либо вытянуты, либо вытянута лишь левая рука, а правая согнута в локте, но, как правило, кисти обеих рук располагались у таза. По классификации В.А. Трифонова, катакомбы этой группы относятся к варианту 1 типа 1 (Трифонов, 1991). Все они имеют наклонный коридор и камеру овальной формы. Во всех погребениях этой группы обнаружены кости мелкого рогатого скота. В четырех случаях они располагались в дромосе и только в одном - в камере.

Инвентарь немногочислен, в одном погребении была обнаружена серебряная серьга, в другом - плотный кусок охры. Три из пяти погребений безынвентарные.

Стоит обратить внимание на еще одно детское погребение в возрасте 6-9 лет. В отличие от описанной младшей группы из пяти погребений, погребенный здесь лежал слабоскорченно на спине, с завалом на правый бок, руки вытянуты вдоль тела. Погребальный инвентарь более разнообразен, представлен двумя бронзовыми серьгами, фиолетовым камнем с обработанными гранями, плоской галькой подовальной формы с отверстием в центре и овечьими альчиками. Катакомба имеет прямоугольной формы камеру и коридор со слабым уклоном и может быть отнесена к варианту 2 типа 1, по классификации В.А. Трифонова (Трифонов, 1991). Общей чертой является наличие костей мелкого рогатого скота, но расположены они в камере. Тогда как в рассматриваемой выше младшей группе, в 4 из 5 погребений, они находились в дромосе.

Отмеченные особенности детских погребений, безусловно, требуют проверки на более широком материале.

Литература

Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита и средней бронзы // Древние культуры Прикубанья. Л.

Е.В. Леонова

Институт археологии РАН, г. Москва

Ж.А. Антипушина

Институт проблем экологии и эволюции РАН им. А.Н. Северцова, г. Москва

Н.В. Сердюк

Палеонтологический институт РАН им. А. А. Борисяка, г. Москва

Е.А. Спиридонова

Институт археологии РАН, г. Москва

А.С. Тесаков

Геологический институт РАН, г. Москва

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДНОЕ ОКРУЖЕНИЕ НА РУБЕЖЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА – ГОЛОЦЕНА В ГУБСКОМ УЩЕЛЬЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации», грантов РФФИ № 12-06-00202-а, № 12-04-00655-а и № 12-04-31010-мол_а

Губское ущелье находится в предгорьях северного склона Западного Кавказа (Скалистый хребет). В верхнем течении р. Губс (Борисовском каньоне) много естественных скальных гротов и навесов, во многих из которых найдены культурные слои среднего и верхнего палеолита, мезолита и энеолита. Современный климат микрорегиона умеренно-континентальный. Это район избыточного увлажнения (количество осадков колеблется от 570 до 800 мм). Сейчас здесь на склонах произрастают буковые леса, в которых водятся кабан, косуля, лесная соя, благородный олень, заяц-русак, бурый медведь, лисица, волк, шакал (Аутлев, Любин, 1994а; 1994б; Беляева и др., 2009). Известные верхнепалеолитические и мезолитические стоянки расположены на высоте ок. 770-820 м н.у.м. (20-70 м над руслом Губса), на левом борту каньона, имеют южную, юго-восточную или юго-западную экспозицию.

Верхнепалеолитические и мезолитические культурные слои исследованы на 6 памятниках Губского ущелья: навесы Губский 1 (1-й и 2-й к.с.), Губский 7 (Сатанай), Губский 5 (Чыгай), пещеры Касожская, Русланова, Двойная, на материалах которых можно проследить несколько этапов посещения Губского ущелья первобытными коллективами.

1. Наиболее древний верхнепалеолитический культурный слой пока исследован только в Губском навесе 1 (2 к.с.). Для каменной индустрии этого слоя характерно отсутствие острий, геометрических микролитов и пластинок с притупленным краем. Среди орудий абсолютно доминируют скребки, в том числе скребки с черенком, с плечиком и кареноидные формы. Из фауны определены суслик, слепыш, дикая лошадь, козел/баран. По данным палинологического анализа реконструируются достаточно влажные и теплые условия: среди древесных преобладает пыльца орешника, единична пыльца клена. На основании стратиграфии, типологии, палинологического и фаунистического анализов материалы отнесены к средней поре верхнего палеолита предположительно к интерстадиалу паудорф 29-25 тыс. л.н. (Амирханов, 1996. С. 15-17, 45-46).

Данных о посещении первобытными людьми ущелья в течение довольно длительного периода примерно от 25 до 16 тыс. лет нет. В Губском навесе 1 более ранний позднепалеолитический слой (к.с. 2) отделен от следующего почти полуметровой слоистой археологически стерильной толщей.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

2. Следующий этап заселения Губского ущелья прослеживается по материалам стоянок Губского навеса 1 (1 к.с.) и навеса Чыгай (сл. 10-14), предположительно датированных 16-14 тыс. л.н., т.е. после максимума похолодания (21-17 тыс. л.н.). Отличительными чертами каменного инвентаря является наличие острий с горбатой спинкой, пластинок и микропластинок с притупленным краем и скошенным концом, прямоугольников и пластинок со скребковидным окончанием. Изделия из кости единичны (обломок острия и иголка). В культурных слоях найдены остатки костей бизона, козла/барана, серого хомячка, слепыша, полевки, амфибий. В общем составе палинологического спектра господствует пыльца травянистых и кустарничковых растений, среди древесных преобладают ольха и лещина. По данным спорово-пыльцевого анализа реконструируются ландшафты, образованные сухими степями, где вдоль речных долин существовали более влажные условия. Экологический облик ассоциации мелких млекопитающих также позволяет предполагать наличие остепненных пространств с открытыми каменистыми ландшафтами. Доминирование видов степной и лесостепной зоны указывает на более сухие и прохладные климатические условия.

3. Вероятно, чуть позже, между 14 и 13 тыс. л.н., бытовали стоянки в пещерах Двойная (слой 7) и Касожская (нижний к.с.), для материалов последней получена радиоуглеродная дата 14050 ± 100 (Голованова, Дороницев, 2012. С. 138). Каменный инвентарь имеет много сходных черт с материалами вышеописанных верхнепалеолитических слоев навесов Чыгай и Губский 1, основными отличиями являются отсутствие острий с горбатой спинкой и появление низких треугольников. Характерными чертами орудийного комплекса из камня является присутствие различных вариантов острий типа граветт, пластинки с притупленным краем, прямоугольники. Орудия из кости представлены обломками острий и иголок. В качестве украшений служили бусины, сделанные из раковин речных моллюсков *Theodoxus fluviatilis*. В культурных слоях найдены кости оленя, лошади, козла/барана, кабана, волка, медведя, зайца, малого суслика, обыкновенного слепыша, серого хомячка, обыкновенной полевки, а также змей и ящериц. Единичны раковины улиток *Helix*. В культурном слое пещеры Двойная обнаружены волокна древесины сосны, но в палинологическом спектре среди древесных преобладает пыльца березы, меньше лещины. Травянистые растения представлены преимущественно пыльцой злаков и сложноцветных, а также маревых, много спор папоротников. Реконструируются остепненные ландшафты, но вблизи пещер, вероятно, произрастали березняки с травяным ярусом из папоротников и злаково-разнотравных сообществ.

Верхнепалеолитические слои и в Двойной, и в Касожской пещерах отделены от вышележащих, вероятно, уже раннеголоценовых отложений, небольшим обвальным горизонтом.

4. Раннемезолитические материалы получены из слоя 6 пещеры Двойная и датированы по C14 в пределах 11,8-8,9 тыс. л.н. Наиболее яркой чертой каменного ансамбля является большая серия сегментов, а высокие симметричные трапеции, острия, серия зубчато-выемчатых орудий. Изделия из кости единичны: обломки костяных острий и подвески из зубов животных. Среди фаунистических остатков определены кости оленя, лося, козла/барана, лошади, кабана, волка, лисы, медведя, зайца, птиц, хомяка обыкновенного, малого суслика, слепыша, крота, белозубки, серых полевок, ящериц, змей и черепахи. В культурном слое много раковин брюхоногих моллюсков *Helix*, которые были объектом собирательства древних насельников. Сохранность пыльцы плохая, отмечены единичные зерна березы, сосны, пыльца злаков, маревых, полыней. Много волокон древесины хвойных пород. Вероятно, этот период

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

связан с началом увлажнения при переходе от позднеледникового к голоцену. Согласно результатам анализа стабильных изотопов углерода $^{12}\text{C}/^{13}\text{C}$ в раковинах наземных моллюсков *Helix* spp., формирование древних отложений происходило в более сухих относительно современных условиях.

Предположительно к этому же времени можно отнести материалы Руслановой пещеры (Амирханов, 1986. С. 81-84), а по данным радиоуглеродного анализа слою 6 пещеры Двойная синхронны материалы 3 и 4 горизонтов Касожской пещеры (10550 ± 130 и 11000 ± 150 – Голованова, Дороничев, 2012. С. 138), но там не найдено ни одного геометрического микролита.

5. Позднемезолитические материалы наиболее полно представлены в слоях 4,5 пещеры Двойная. В каменном инвентаре присутствуют пластинки и микропластинки, полученные при помощи отжима, острия из микропластинок и пластинок с косо срезанным ретушью концом, высокие симметричные трапеции с выемкой на верхнем основании (так называемые «рогатые» трапеции), единичные сегменты. Изделия из кости представлены роговым посредником, подвесками из просверленных зубов животных, а также фрагментами костяных оправ с пазом для вкладышей, две из которых имеют сколы утилизации, характерные для метательного вооружения. Среди фаунистических остатков относительно много костей кабана и зайца, также определены олень, козел/баран, лошадь, птицы, слепыш, а также несколько тысяч раковин моллюсков *Helix*. Разнообразен спектр пыльцы древесных пород: дуб, рябина, каштан, сосна, береза; из травянистых определены злаки, бобовые, гречишные и польни, крапива. Данные фаунистического и палинологического анализов, а также анализа стабильных изотопов углерода раковин наземных моллюсков позволяет реконструировать наиболее влажные климатические условия относительно предыдущих этапов, но более сухие относительно современных.

Коллекция навеса Сатанай содержит смешанные разновременные материалы, разделить которые без дополнительных исследований не представляется возможным.

Таким образом, в верхнепалеолитическое и мезолитическое время Губское ущелье периодически посещалось различными охотничьими коллективами, но прослеживается значительный перерыв, совпадающий с максимум последнего оледенения, после которого намечается довольно устойчивая динамика изменения климатических условий, связанных с увеличением влажности. Состав флоры и фауны представлен как лесными, так и степными видами, но меняется их соотношение. Подобная мозаичность встречается в некоторых горных и предгорных районах и связана с вертикальной поясностью.

Литература

- Амирханов Х.А., 1986. Верхний палеолит Прикубанья. М.
- Аутлев П.У., Любин В.П., 1994а. Географическое положение Кубани и Губского ущелья. Особенности природной обстановки // Неандреталяцы Гупского ущелья. Майкоп.
- Аутлев П.У., Любин В.П., 1994б. История исследования палеолита Губского бассейна // Неандреталяцы Гупского ущелья. Майкоп.
- Беляева Е.В., Леонова Е.В., Любин В.П., Александровский А.Л., Александровская Е.И., 2009. Палеоэкологическая динамика и обитание человека в Губском микрорегионе (Кубанский Кавказ) в среднем палеолите-мезолите // Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на северо-Западном Кавказе. СПб.
- Голованова Л.В., Дороничев В.Б., 2012. Имеретинская культура в верхнем палеолите Кавказа: прошлое и настоящее // Первобытные древности Евразии. К 60-летию А.Н. Сорокина. Воронеж; М.; СПб.

В.И. Мельник

Институт археологии РАН, г. Москва

МНОГОКАМЕРНЫЕ КАТАКОМБЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ СТЕПНОГО ПРИКУБАНЬЯ

Погребальная практика носителей катакомбных традиций эпохи средней бронзы предполагала создание одной камеры в могильном сооружении. К настоящему времени в Прикубанье зафиксировано три случая отступления от этого правила, где катакомбы имели несколько камер. Данные факты требуют специального рассмотрения. Каждое сооружение имело разный способ соединения шахты и камер как по горизонтали (в плане), так и по вертикали (в разрезе).

Первый вариант – *анфиладный* (Новокорсунская 2/28, раскопки В.А. Тарабанова и А.В. Кондрашева 1985 г.). Данное погребение было впускное в курган и имело внушительную глубину около 13 м. Прямоугольная шахта (длина – 1,4 м, ширина – 0,7 м) располагалась перпендикулярно двум последовательно расположенным камерам округлой формы. Вход имел овальную форму шириной 0,5 м и высотой 0,38 м и располагался на 0,8 м выше дна шахты. Первая камера была пустая. Она имела округлую форму длиной 2,37 м и шириной 2 м и сводчатый потолок при высоте 0,84 м. Вторая камера также была округлой формы при диаметре около 2 м и имела сводчатый потолок при высоте 0,81 м. Во второй камере находилось четверо погребенных. Два взрослых человека, каждый с ребенком. В этой камере находились жаровня и два сосуда. Их формы и орнаментация соответствует батуринской керамике.

Второй вариант – *радиальный* (Магистральный 1/20, раскопки А.В. Дроздовой 1986 г.). Три камеры с входами, направленными в разные стороны (на север, восток и юг) имели общую шахту с деревянным перекрытием. На перекрытии находились кости крупного животного и барана. Шахта была округло-трапециевидной формы диаметром около 2,5 м. Камеры – подпрямоугольные, в каждую вел пандус. Северная камера имела ширину 1,18 м и длину 2,14 м, южная – ширину 1,3 м, длину 2,14 м. Своды рухнули. В северной и южной камерах находилось по одному погребенному. Восточная камера была пуста. Ее размеры составляли 1,8 м в ширину и 2,54 м в длину. Свод также рухнул. Погребенные (мужчины средних лет) лежали в среднескорченной позиции на правом боку. Из вещей здесь находились скребок и песчаниковый выпрямитель стрел.

Третий вариант – *ярусный* (Калининский II 1/24, раскопки Е.И. Савченко 1983 г.). Т-образная катакомба была не доследована из-за высокого уровня стояния грунтовых вод. Тем не менее, удалось установить, что во входной шахте было два лаза в камеры, расположенными друг над другом. Шахта имела трапециевидную форму в длину около 2,8 м, в широкой части трапеции около 1,6 м. Верхняя камера была расчищена полностью, но она была пуста и по существу представляла собой в данной ситуации некую антресоль подквадратной формы со сторонами около 1,6 м.

Многокамерные погребения ставят новые вопросы, связанные с пониманием погребальной обрядности. Во всех трех известных случаях таких погребений находилось по пустой камере с полным отсутствием вещей

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

и следов какой-либо деятельности, не связанной с созданием самой камеры. Такой контекст заставляет поставить вопрос о том, что это не кенотаф в обычной его трактовке. Если в случае с погребением в кургане Магистральный, мы можем предположить, что пустая катакомба представляет заготовку для последующего захоронения, то в двух других случаях имеющийся контекст не очень этому соответствует. Здесь просматривается другая ситуация. В погребении 28 2-го Новокорсунского кургана вторую камеру, предшествующую другой камере, можно рассматривать как дополнительный тамбур или специальное расширение дромоса. Не следует также забывать, что во второй камере по существу, находилось два двойных захоронения, и, возможно, здесь скрыт смысл пустой первой камеры. В погребении кургана 1 Калининской II группы иное расположение камеры, а состав нижней камеры неизвестен. Неполнота картины все же сдерживает возможности интерпретации. И в том и другом случае ситуация должна рассматриваться как особенная, учитывая уникальность или малую распространенность таких вариантов погребения.

Представленные факты сочетания элементов погребального сооружения подвигают к выводу о том, что часть пустых камер и в одиночных катакомбах не являются кенотафами в обычном понимании этого слова. Признаком таких погребений может являться полное отсутствие вещевого и другого сопроводительного материала.

Р.А. Мимоход

Институт археологии РАН, г. Москва

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ АРХОНСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГРУППЫ

Финал среднего бронзового века на территории равнинных частей Северной Осетии и Ингушетии представлен памятниками архонской культурной группы. Контуры этого культурного явления были намечены С.Н. Кореневским (*Кореневский, 2007*). Недавно архонская группа получила развернутую характеристику на основании результатов раскопок эпонимного могильника, была определена относительная хронология и установлены линии синхронизации (*Кореневский, Мимоход, 2011*). Данные стратиграфии Архонского и Чиколинского II могильников свидетельствуют о том, что захоронения архонской культурной группы следуют за погребениями суворовской катакомбной культуры. На этом основании уверенно можно утверждать, что архонские памятники относятся к посткатакомбному периоду. Наличие в их инвентарном комплексе таких узко датирующихся категорий инвентаря как фаянсовые бусы с выступами и лепестковидный бисер позволяет синхронизировать архонскую группу с другими посткатакомбными образованиями: лолинской, днепро-прутской, днепро-донской и волго-донской бабинскими культурами, кубанской и волго-уральской культурными группами (*Кореневский, Мимоход, 2011; Мимоход, 2012; 2013*). Сама же Архонская является неотъемлемой частью посткатакомбного блока, который в финале средней бронзы сформировался на юге Восточной Европы.

Уточнение позиции архонских древностей на шкале относительной хронологии поставило вопрос о необходимости радиоуглеродного датирования. Важность применения этого метода заключается не только в определении радиоуглеродной хронологии архонских памятников, но и в независимой верификации установленной их относительной датировки, а, соответственно, и в правомерности выделения новой культурной группы.

За последние два года удалось получить серию из 10 дат по образцам коллагена из костей людей и мелкого рогатого скота в радиоуглеродных лабораториях Санкт-Петербурга (две даты), Киева (6 дат) и Познани (две даты) (табл. 1). В целом эти датировки соответствуют ^{14}C данным других синхронных посткатакомбных образований. Сейчас посткатакомбный блок датируется в пределах XXII-XVIII cal. BC (*Мимоход, 2011; 2013*).

Однако серию следует предметно разобрать, т.к. некоторые из датировок вызывают вопросы с точки зрения соответствия реальному возрасту комплексов. Это касается некоторых киевских дат, которые выглядят омоложенными. Данный факт подтверждается ^{14}C данными комплекса Беслан Е/747 (раскопки В.Ю. Малашева 2012 г.), который имеет три даты: петербургскую, познаньскую и киевскую (табл. 1, 2, 3, 6). Очевидно, что первые две совпадают в пределах XXII-XX cal. BC, что полностью соответствует раннеархонскому возрасту комплекса. Дата, полученная в Киеве, более молодая и, скорее всего, не отражает реальное время устройства захоронения. По всей видимости, так же дело обстоит и с киевской датой для комплекса Беслан Б/720 (табл. 1, 7). Она явно моложе раннеархонского периода, к которому относится погребение.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Датировка захоронения 2 могильника Путепровод вообще не попадает в период посткатакомбного блока. Ее несоответствие реальному времени комплекса легко доказать. Дело в том, что погребальное сооружение Путепровод представляет собой однокультурный могильник, состоящий из 8 погребений, расположенных под одной каменной насыпью и имеющих единую кольцевую планиграфию (Воронин, Малашев, 2006). Некрополь формировался в узкий хронологический отрезок (все погребения основные), скорее всего, одним родовым коллективом. Таким образом, по такому узкому интервалу мы имеем три даты. ^{14}C данные для погребений п. 1 и 6Б (Познань и Киев) совпали в пределах XX-XIX cal. BC (табл. 1, 1, 9). Еще одна киевская датировка для захоронения 2 разместилась в диапазоне XVII-XVI cal. BC, т.е. оказалась явно моложе посткатакомбного горизонта. Она противоречит первым двум совпавшим датам, которые полностью соответствуют времени существования посткатакомбных культурных образований. Ситуация здесь структурно схожая с комплексом Беслан Е/747, когда из трех дат две совпали, а третья (киевская) оказалась более молодой.

Таблица 1.
Радиоуглеродные даты архонской культурной группы

№	памятник	Шифр лаборатории	материал	Дата BP	Дата cal.BC Вероятность 1 σ
1	Путепровод п. 6Б	Poz - 48804	Кость чел.	3585 \pm 35	1976-1892
2	Беслан к. Е п. 747	Poz - 52380	Кость МРС	3670 \pm 35	2132-1980
3	Беслан к. Е п. 747	Le - 9810	Кость МРС	3610 \pm 100	2140-1870
4	Экажево-II к. 1 п. 9	Le - 9809	Кость чел.	3840 \pm 100	2470-2190
5	Беслан, к. А п.705	Ki - 17878	Кость МРС	3380 \pm 40	1740-1620
6	Беслан, к. Е, п.747	Ki - 17883	Кость МРС	3440 \pm 60	1880-1680
7	Беслан, к. Б п.720	Ki - 17884	Кость МРС	3370 \pm 100	1770-1520
8	Беслан, к. В п.738	Ki - 17886	Кость МРС	3540 \pm 90	1980-1750
9	Путепровод, п.1	Ki - 17880	Кость чел.	3510 \pm 50	1900-1750
10	Путепровод, п. 2	Ki - 17885	Кость чел.	3310 \pm 60	1670-1510

Киевская дата погребения Беслан А/705 расположилась в интервале XVIII-XVII cal. BC (табл. 1, 5). Ее нижняя граница вполне соответствует финальной фазе существования посткатакомбного блока. Сам комплекс относится к позднеархонскому времени, и дата это подтверждает. Датировка захоронения Экажево-II 1/9 (XXV-XXII cal. BC) (табл. 1, 4), наоборот, выглядит несколько удревненной. Впрочем, верхний рубеж ее интервала маркирует начальный период существования посткатакомбного горизонта. К сожалению, захоронение не содержало инвентаря, и понять, какую хронологическую позицию оно занимает в диапазоне архонской группы, довольно проблематично. В такой ситуации, возможно, радиоуглеродная дата как раз указывает на раннеархонский возраст комплекса Экажево-II 1/9.

Таким образом, после критического разбора архонской серии, можно утверждать, что из десяти имеющихся на сегодняшний день дат реальному возрасту комплексов могут соответствовать 7 датировок (табл. 1, 1-5, 8, 9). Именно с их помощью можно установить радиоуглеродную хронологию

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

архонской культурной группы. Результаты суммирования этих дают нам искомый диапазон (рис. 1, 1). С вероятностью в 1 σ , если не принимать во внимание ничтожные значения менее 3%, он укладывается в XXII-XVIII cal. BC. Именно так сейчас датируются и другие культурные группы – составляющие посткатакомбного блока. В этом несложно убедиться, если сравнить распределение интервалов архонских дат с диапазонами датировок остальных посткатакомбных образований (рис. 1, 2). Этот график не оставляет сомнения в синхронности всех культур и культурных групп, входящих в блок.

Таким образом, немногочисленная серия ^{14}C данных позволяет датировать архонскую культурную группу так же, как и весь восточноевропейский посткатакомбный горизонт, в пределах XXII-XVIII cal. BC.

Литература

Воронин К.В., Малашев В.Ю., 2006. Погребальные памятники эпохи бронзы и раннего железного века равнинной зоны Республики Ингушетия // Материалы охранных археологических исследований. Т. 6. М.

Корневский С.Н., 2007. Новые источники по эпохам энеолита, ранней и средней бронзы в работах Предгорной экспедиции в 1985-1989 гг. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Крупновские чтения 1971-2006 гг. Вып. VIII. М.

Корневский С.Н., Мимоход Р.А., 2011. Курганы позднего периода среднего бронзового века у станции Архонская в Северной Осетии. М.

Мимоход Р.А., 2011. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. Вып. 225.

Мимоход Р.А., 2012. Посткатакомбный период в Предкавказье // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала.

Мимоход Р.А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. М.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

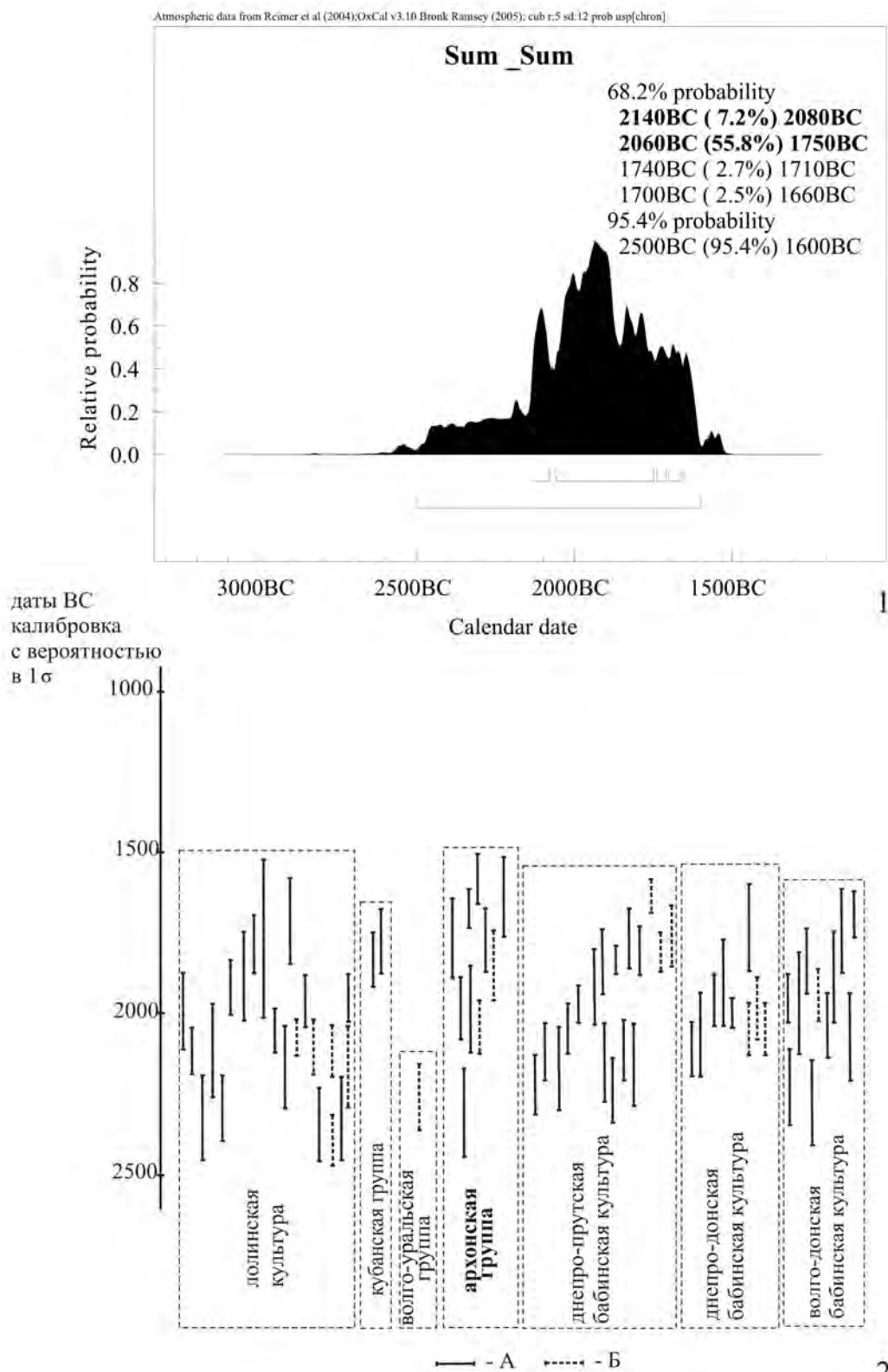

Рис. 1. Радиоуглеродные данные архонской культурной группы
 1 – результаты суммирования радиоуглеродных дат архонской культурной группы;
 2 – данные ¹⁴C архонской культурной группы в контексте радиоуглеродной хронологии блока посткатакомбных культурных образований (А – даты посткатакомбных культурных образований, выполненные жидкостным сцинтилляционным методом (Ki, ИГАН, Ле), Б – AMS-даты (GrA, AA, Poz)).

Д.В. Ожерельев

Институт археологии РАН, г. Москва

**НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ КОМПЛЕКСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ II
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2008-2013 ГГ.)**

Многослойная стоянка Мухкай II находится в Акушинском районе Республики Дагестан. В физико-географическом отношении это Внутренний Дагестан, среднегорная ландшафтная зона. Памятник был обнаружен в 2006 году Х.А.Амирхановым в ходе работы Северокавказской палеолитической экспедиции Института археологии РАН. Многослойная стоянка приурочена к мощной толще (до 80 м) раннеплейстоценовых отложений водораздела рр. Акуша и Усиша (Амирханов, 2007. С. 6-7). Этот факт предопределяет методические подходы к изучению памятника. Археологические раскопки на Мухкай II проводятся в двух основных направлениях: вскрытие разведочной траншеи всей толщи памятника и раскопки базовой стоянки в слое 80 на глубине 33,5-34,2 м от условного нулевого репера (Амирханов и др., 2012. С. 217-220; Ожерельев, 2010. С. 217-220; 2012. С. 110-111).

За шесть лет исследований (2008-2013 гг.) разведочными траншеями в виде врезки в склон вскрыто 72,7 м коренных раннеплейстоценовых отложений и выделено 130 литологических слоев. Получена полная стратиграфическая колонка для памятника, являющаяся на данный момент наиболее полной и изученной для раннеплейстоценовых отложений Внутреннего Дагестана. Разрез Мухкай II является стратотипическим для геологических отложений раннего плейстоцена указанного региона.

В 35 слоях обнаружен многочисленный каменный инвентарь с характеристиками, присущими индустрии олдована. Общая коллекция находок включает 1558 предметов из разведочных траншей и 892 изделия с раскопок стоянки Мухкай II, слой 80.

Таблица 1

Количественный состав каменных находок многослойной стоянки Мухкай II в 2008-2013 гг. (в таблицу не включен слой 80)

Слой (№№)	Количество находок по годам (экз.)					
	2008	2009	2010	2011	2012	2013
1, 1-а, 2, 4, 6, 7, 9, 15, 20, 25	370					
28, 30, 32, 34, 38, 40, 52		201				
57, 59, 62, 63, 74			324			
74, 75, 76, 78, 79б, 82, 102, 117				208		
74, 75, 76, 78, 122, 124, 125, 127, 129, э/п1, э/п2, н/п					321	
121, 122, 124, 125, 129						134
Итого 1558						

В четырех слоях обнаружены также костные останки древних животных, а в слое 80 установлено совместное залегание каменных орудий и костных остатков. Стоянка, получившая наименование Мухкай II, слой 80, явилась первой стратифицированной базовой стоянкой с находками *in situ*. Культурный слой стоянки вне костеносного углубления имеет мощность до 10 см. Раскопки, проводившиеся на месте стоянки в 2010-2012 гг., позволили реконструировать древний уровень обитания, установить планиграфические особенности памятника, депозиционные и постдепозиционные условия

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

формирования культурного слоя. Общая коллекция каменного инвентаря стоянки в слое 80 содержит 892 предмета. Среди каменных изделий желваки и их обломки с негативами сколов, обломки и отщепы, в том числе и с ретушью, чопперы, пики, скребки, микроострия, орудия с выемкой, мелкие чешуйки ретуширования (Амирханов, Ожерельев, 2011. С. 17; Амирханов, 2012б. С. 48-50; Амирханов и др., 2012. С. 236-239; Саблин и др., 2013. С. 7-8).

Индустрия находок, в том числе и из слоя 80, характеризуется следующими показателями: категориальная, типологическая и функциональная разнородность орудий; структурированность инвентаря; соответствие индустрии определению «технокомплекс чоппера и пика», господство чопперов над другими категориями орудий при полном отсутствии рубил, типологическое разнообразие чопперов, среди которых намечается примерно равное представительство односторонних и двусторонних форм; наличие выразительных поперечно-двулезвийных форм; содержание в том или ином процентном отношении мелкоразмерных сколов и орудий (Амирханов, 2007. С. 23; 2012а. С. 5-6, 12; 2012б. С. 18-28).

Датировка олдованских индустрий Внутреннего Дагестана помимо собственно археологических методов (технично-типологические аспекты) проводится с широким применением данных естественнонаучных дисциплин, как-то: геолого-геоморфологические критерии, палеомагнетизм, относительная датировка палеонтологических останков крупной териофауны и мелких позвоночных, изучение споро-пыльцевых данных. Комплексное использование всех этих методов позволяет значительно сузить хронологические рамки формирования тех или иных культурных слоев и пачек слоев. Единая же толща памятника Мухкай II образовывалась в течение длительного времени от 2 до 1 млн. л. н.

Литература

- Амирханов Х.А., 2007. Исследования памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (Предварительные результаты). М.
- Амирханов Х.А., 2012а. Категория пика в технокомплексах олдована и раннего ашея // РА. № 2.
- Амирханов Х.А., 2012б. Памятники раннего плейстоцена Центрального Дагестана // Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск.
- Амирханов Х.А., Грибченко Ю.Н., Ожерельев Д.В., Саблин М.В., Семенов В.М., Трубихин В.М., 2012. Комплексные исследования раннеплейстоценовой стоянки Мухкай II на Северо-Восточном Кавказе (по результатам раскопок 2008-2011 гг.) // 1150 лет российской государственности и культуры. М.
- Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В., 2011. Мухкай II, слой 80 – новая стоянка эпохи олдована в Центральном Дагестане // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.1. СПб.; Великий Новгород; Старая Русса.
- Ожерельев Д.В., 2010. Предварительные итоги исследования раннеплейстоценового памятника Мухкай II (Дагестан, Россия) // Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане «Карабах в каменном веке» (3-7 окт.2010., Баку, Азербайджанская Республика). Баку.
- Ожерельев Д.В., 2012. Изучение многослойного памятника раннего палеолита Мухкай II в 2008-2011 гг. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. Махачкала.
- Саблин М.В., Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В., 2013. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. № 4.

Н.А. Мусебли

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку

ПОСЕЛЕНИЕ ЛЕЙЛАТЕПИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГАЛАЕРИ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Поселение лейлатепинской культуры Галаери обнаружено в 2011 году в северной области Азербайджана, во время строительных работ международного аэропорта на территории Габалинского района. Памятник расположен на равнинной местности, на высоте 342 м над уровнем моря. Изначально его площадь составляла около 2 га. Поселение возвышается в виде холма над современным рельефом на высоту 3 м. В 2012 году на этом памятнике начаты широкомасштабные археологические раскопки под руководством автора. На участке 100 м² раскопки доведены до материка. Максимальная толщина культурного слоя на раскопочном участке составила 2,7 м.

На заложенных шурфах поселения Галаери постройки сооружены из глиняных пластов толщиной 7-8 см каштанового цвета, без какой либо примеси. Между пластами имеется скрепляющий раствор пепельного цвета толщиной 2,5-3 см. Строительных остатков на участке основного раскопа не выявлено. Обнаружен лишь фрагмент строения, из глиняных пластов длиной 70 см. Профили построек из глиняных пластов наблюдаются и в оврагах, образовавшихся в результате разрушений. Постройки из сырцового кирпича здесь пока не обнаружены. Близкие аналоги архитектуры из глиняных пластов поселения Галаери известны из Арслантепе VII (храм «С»).

На раскопочном участке обнаружены 7 детских могил на разных глубинах. В пяти случаях новорожденные захоронены в керамических сосудах. В двух других уложенные на землю останки детей накрыты обломками крупных кувшинов. В отличие от таких памятников, как поселения Лейлатепе, Бюк Кесик, Пойлу и курганов Союгбулага, где в погребальном обряде имеет устойчивый характер северо-западная – юго-восточная ориентация, связанная с северомесопотамскими традициями (Тепе Гавра), на поселении Галаери погребения совершались в разных направлениях.

Керамика поселения Галаери по составу глины делится на три категории:

Первая – «качественная керамика»: изготовлена из глины с растительной примесью и из глины, без каких либо примесей. Сосуды этой категории формованы на гончарном круге и имеют красный, оранжевый, охристый, розовый, светло-желтые цвета. Типологически это кувшины разных размеров (рис. 1, 1-3), миски (рис. 1, 4-5) и т.д. Из чистой глины изготовлены узкогорлые кувшины маленьких размеров и чаши (рис. 1, 6-7). Последние два типа сосудов в Галаери обнаружены больше, чем на всех остальных памятниках лейлатепинской культуры вместе взятых. Выявлены сосуды этой категории со знаками на поверхности (рис. 1, 3). Эти знаки аналогичны знакам на сосудах из Арслантепе VII, Амул F Передней Азии и майкопских памятников Северного Кавказа. Часто встречаются кувшины, у которых внутренняя часть венчиков оформлена каналобразными впадинами, что характерно для позднего халколита Восточной Анатолии периода Арслантепе VII и Амул F. При раскопках выявлены и эле-

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

менты реставрации сосудов этой категории. Трещины на сосудах снаружи и внутри замазаны битумом: его остатки сохранились на фрагментах реставрированных форм.

Вторая категория включает сосуды, изготовленные из глины с растительными и неорганическими добавлениями одновременно. Они формованы на круге и вручную. По типологии, в основном, идентичны с сосудами первой категории, но, в отличие от них, более грубые. Кроме того, выявлены вазы, чаши типа «Coba bowls» (рис. 1, 8), крышки от сосудов (рис. 1, 9) и подставка (рис. 1, 10), которые не встречаются в первой категории. Вазы и крышки, кроме Галаери, из всех памятников лейлатепинской культуры известны только в Беюк Кесик.

К третьей категории – «грубой керамике» относятся сосуды, изготовленные из глины с неорганическими добавлениями, формованные исключительно вручную. Эта категория представлена, в основном, кувшинами с раздутым туловом и высокой горловиной бурого, иногда серого цветов. Края венчиков сосудов украшены насечками и вдавлениями, поверхности обработаны гребенчатым инструментом (рис. 1, 11). Кроме кувшинов, к этой категории относятся сковородки. Верхняя часть многих из них с внешней стороны украшена рельефным орнаментом. На стенках сковородок до обжига сделаны сквозные отверстия (рис. 1, 12). По сравнению с другими памятниками лейлатепинской культуры, в Галаери сковородки многочисленны.

Вся керамика, особенно сосуды со знаками, по происхождению связаны с поздним халколитом Анатолии (Амук F, Арслантепе VII).

Каменные изделия представлены зернотерками (рис. 1, 14), пестами, терочниками, деталями от гончарного круга (рис. 1, 13), также многочисленными орудиями (рис. 1, 15) из обсидиана, кремня и фельзита. На рабочей поверхности некоторых зернотерок сделаны углубления (рис. 1, 14). Такие зернотерки известны из Беюк Кесик, а также из Натухаевского поселения на Северном Кавказе. Следует отметить, что из всех памятников лейлатепинской культуры в Галаери обнаружено наибольшее количество орудий из серебристого обсидиана. Они, в основном, многофункциональные.

Как на поселениях Лейлатепе и Пойлу II, находки костяных орудий в Галаери не многочисленны. Обнаружены несколько пряслиц (рис. 1, 16) и шильев. Предмет из трубчатой кости (рис. 1, 17), на основе переднеазиатских (Тепе Гавра) параллелей, возможно интерпретировать как музыкальный инструмент.

Выявлено несколько металлических орудий, и предметов металлообработки. В первую очередь, следует отметить фрагмент двустворчатой керамической формы для отливки втульчатых топоров и фрагментов двух форм для отливки плоских топоров или клинкообразных орудий. Эти формы и аналогичная такая форма из Беюк Кесик являются единственными и древнейшими находками такого рода для всего позднего халколита начала IV тыс. до н.э. Передней Азии и Кавказа. Кроме того, выявлены керамические сосуды-емкости, на дне которых сохранились следы расплавленного металла. На плоской рабочей поверхности одного из каменных орудий, по форме идентичного зернотеркам, сохранился кусок медной руды, что указывает на обработку этого сырья именно на этом поселении.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Результат радиоуглеродного анализа (Табл. 1) по материалу с поселения Галаери указывает на его датировку началом IV тыс. до н.э., что полностью соответствует датировкам по артефактам.

Таблица 1.

Laboratory No.	Context	Conventional Radiocarbon Age, BP	2 sigma 95% prob., BC cal	1 sigma 68% prob., BC cal
Beta 330265	Kv.1C,2,4m (charcoal)	5060±30	3960-3780	3940-3890, 3880-3800

Археологический материал, особенно керамика поселения Галаери, идентичный с находками на поселениях Бюк Кесик I, Пойлу II, Лейлатепе, близок с Передней Азией и с майкопской культурой Северного Кавказа. Как ярко показали раскопки Галаери, это поселение, как и другие памятники лейлатепинской культуры, по своему происхождению связано не с убейдской или урукской культурами, как это предполагалось ранее, а с поздним халколитом Восточной Анатолии – Северной Месопотамии начала IV тыс. до н.э. В результате слияния на Южном Кавказе культурных традиций позднего халколита Восточной Анатолии и Северной Месопотамии появилась лейлатепинская культура. Урукская же культура распространилась в этих регионах Передней Азии только начиная с середины IV тыс. до н.э., т.е. спустя несколько веков после появления памятников лейлатепинской культуры на Южном Кавказе. Поэтому между лейлатепинской и урукской культурами никаких связей не существовало и распространение урукской культуры на Южном Кавказе археологическими фактами не доказано.

Также следует отметить, что при отсутствии куро-аракского слоя на разных глубинах раскопчного участка Галаери обнаружено более 15 фрагментов керамики этой культуры. Эти находки позволяют предположить, что лейлатепинская и куро-аракская культуры на определенном этапе сосуществовали и между племенами этих культур имелись культурно-экономические связи.

Н.В. Панасюк, Н.Ю. Горболь

Российский университет дружбы народов, г. Москва

КУРИЛЬНИЦЫ И КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ВОСТОЧНОМАНЬЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Погребальный обряд восточноманьчской катакомбной культуры (ВМКК) – сложное многокомпонентное явление. Объектом исследования археолога, в первую очередь, становятся предметы, входящие в набор, сопровождающий умершего. Курильницы являются своеобразной визитной карточкой ВМКК, но в захоронениях они редко встречаются в изолированном виде. В большинстве случаев они являются составной частью сложных погребальных наборов, куда входят керамические сосуды, костяные и бронзовые украшения, предметы орудийного комплекса (ножи, шилья, крюки и т.п.) (Андреева, 2008). Изучение ассортимента изделий в захоронениях, где обнаружены курильницы, позволяет утверждать, что такие погребения не являются социально престижными (Панасюк, 2010). Однако в ряде могил вместе с катакомбными ритуальными чашами найдены каменные изделия, некоторые из них являются редкими неординарными находками и могут представлять собой социальные маркеры высокого положения умершего, либо его принадлежность к особой категории населения, связанной с определенной производственной деятельностью. Эти изделия представлены каменным оружием, производственными орудиями и украшениями.

Каменное оружие. Нам известны два случая, где в погребениях восточноманьчской катакомбной культуры были обнаружены курильницы вместе с каменными булавами: в погребении 27 кургана 11 могильника Восточный Маньч (правый берег) в составе богатого набора металлических и каменных орудий и в погребении 4 кургана 13 могильника Восточный Маньч 2 (левый берег) вместе с курильницей, набором бронзовых украшений и астрагалов (Синицын, 1965). Булавы представляют собой полированные шарообразные предметы с крупной несковозной сверлиной. Булава из ВМ II (ЛБ) 13/4 изготовлена из белого мрамора и находилась перед лицом погребенного. Количество и характер предметов, помещенных в могилу вместе с каменным оружием позволяет говорить о необычности этих захоронений. Курильницы, однако, имеют стандартную форму чаши на крестовидной ножке с отделением. Орнаментация их также типична – четырехчастная композиция на чаше и венчике, нанесенная оттисками шнура и штампа. Характерно, что в погребении ВМ(ПБ) 11/27, являющимся кенотафом, курильница была повреждена в древности и сохранилась не полностью. Вероятно, мы можем говорить в данном случае о намеренной порче предмета. К числу неординарных погребений следует, видимо, отнести погребение 5 кургана 16 могильника Веселая Роща III, где необычное могильное сооружение из двух камер, сопровождалось редкими категориями сопроводительного инвентаря – остатками деревянной повозки, множеством бронзовых и раковинных бус, крупными гальками. Среди этих предметов также находились вещи, которые можно отнести к видам оружия: вислобушный топор и треугольный наконечник стрелы с выемчатым основанием (Романовская, 1979). Курильница, найденная здесь, сохранилась лишь частично и представляет собой чашу на крестовидной ножке, украшенную оттисками шнура и штампа. Сходный набор предметов, но без курильницы известен из основного погребения 2 кургана 18 могильника Архаринский. В нем, в частности, встречен сверленный топорик секировидной формы из черного диабазы и пест из похожего черного камня (Синицын, 1963). В богатые и разнообразные наборы входят курильницы вместе с наконечниками стрел в погребении 1 кургана 2 могильника Ореховка (Андреева, 1985) и погребении 4 кургана 21 могильника Расшеватский-1 (Ростунов, 2000). Причем в последнем случае в могиле находилось

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

две типологически близких курьльницы. Все три курьльницы удивительно схожи: они относятся к типу II – имеют полую крестовидную ножку и обедненную орнаментацию по венчику (Расшеватский-1 21/4) или вовсе лишены декора (Ореховка 2/7). Заметим, что этот признак (слабая орнаментированность курьльницы), а также ряд других характеристик (стратиграфическое положение погребений, наличие костей МРС) позволяют отнести эти захоронения к позднему периоду существования культуры (Панасюк, Мимоход, 2004).

Каменные орудия. Серия погребений, где фиксируется сочетание курьльницы с каменными орудиями, более обширна – она составляет группу из 46 погребений из 21 могильника. 30% из них происходят из могильников на Восточном Маньчге, остальные имеют также довольно компактное расположение (рис. 1). Традиционный набор каменных изделий из захоронений с курьльницами представляет собой песты и терочки, каменные плитки для краски, кремневые отщепы и пластины, абразивные плитки, выпрямители, разнообразные гальки. Показательно, что каменные орудия практически всегда, за редким исключением (например, Восточный Маньч I 4/8), входят в обширный набор сопроводительного инвентаря, где кроме них присутствуют костяные украшения, один-два горшка, встречаются и реповидные сосуды. Каменные песты имеют подпрямоугольную форму, располагаются чаще всего рядом с умершим, перед руками (Восточный Маньч II 9/1). Каменные плитки четырехугольной формы для растирания краски в большинстве случаев сопровождаются крупными кусками красной краски или мела (Восточный Маньч III-66 (левый берег) 1/3, Чограй III 1/2 и 4/3). Сами они также носят следы краски. К другим каменным предметам производственного назначения, встречающимся в погребениях, мы относим отщепы и пластины, которые располагаются в составе единого набора сопроводительного инвентаря перед руками погребенного (Цаган-Усн VII 4/24). Курьльницы в этих погребениях единообразны и представляют собой чаши на крестовидной ножке, цельной, полый или с отверстиями, с отделением, украшенные по всей поверхности чаши, а иногда и ножек, оттисками шнура и штампа (типы I, II, III по Панасюк). Такие типы наиболее широко представлены в ВМКК и бытовали практически весь период существования культуры.

Каменные украшения. Особо следует рассмотреть такую категорию инвентаря, как каменные бусы. В погребениях с курьльницами они являются сравнительно редкой находкой – известно лишь 21 подобное восточноманьчское захоронение. Во всех случаях каменные бусы входят в обширный набор украшений, где фиксируются бронзовые и костяные изделия. Причем, если костяные кольца и подвески могут встречаться в изолированном виде, то каменные бусы всегда сопровождают бронзовые. Бусы изготовлены из разных пород камня – сердолика, гагата, гешира. Форма бус – шарообразные, бочонковидные, эллипсоидные. Курьльницы также имеют стандартную форму: за редким исключением они относятся к типу I, т.е. имеют цельную монолитную ножку, внутреннее отделение и четырехчастную орнаментальную композицию, нанесенную оттисками шнура и штампа.

Таким образом, проанализировав погребальные наборы, где сочетаются находки каменных предметов и курьльниц, мы оказываемся перед проблемой соотношения «ординарности» курьльницы и особой социальной престижности каменного оружия, орудий труда и украшений. Сопоставление находок курьльниц в погребениях, которые, вероятнее всего, являлись индикатором принадлежности к этнической группе, что и определяло ее форму и орнаментацию, с каменными изделиями, которые должны были обозначать конкретное положение умершего в социальной структуре общества, позволяет выйти на уровень широкой реконструкции многокомпонентного строения древнего общества населения восточноманьчской катакомбной культуры.

Литература

- Андреева М.В., 1985. Отчет о раскопках Петровского отряда Ставропольской новостроечной экспедиции ИА АН СССР в 1985 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 13580, 13581.
- Андреева М.В., 2008. Восточноманьчская катакомбная культура (анализ погребальных памятников). Дис. ...к.и.н. М. // Архив ИА РАН. Р-2, б/н.
- Панасюк Н.В., 2010. Погребальные наборы ВМКК. Роль курильниц в обряде // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции. Астрахань.
- Панасюк Н.В., Мимоход Р.А., 2004. Поздние курильницы восточноманьчской катакомбной культуры // Древний Кавказ: ретроспекция культур. XXIII Крупновские чтения. М.
- Романовская М.А., 1979. Отчет о раскопках курганных групп Веселая Роща III и Веселая Роща II, произведенных Александровским отрядом Ставропольской экспедиции в мае-октябре 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 8489, 8489а-б.
- Ростунов В.Л., 2000. Отчет о раскопках курганного могильника «Расшеватский-1» и «Расшеватский-5» на территории Новоалександровского района Ставропольского края в 2000 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 26769, 26770.
- Синицын И.В., 1963. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР в 1962 – 1963 гг. // Архив ИА РАН. Р-1, № 2791, 2791б.
- Синицын И.В., 1965. Отчет об археологических раскопках в Калмыцкой АССР, произведенных в 1965 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 3321, 3321а-г.

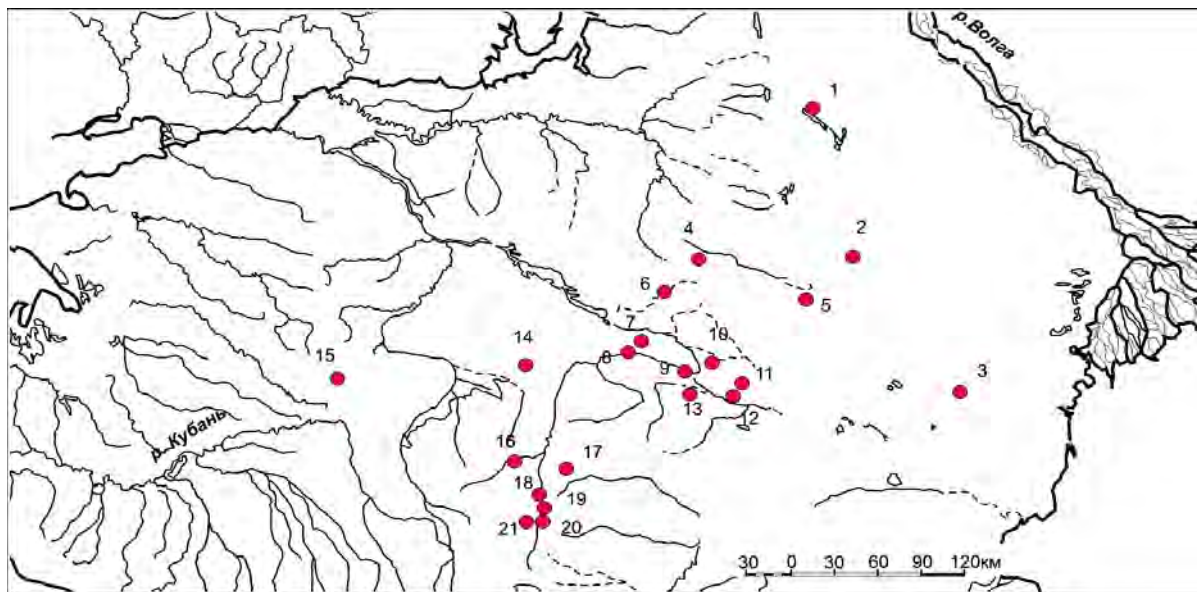

Рис. 1. Находки курильниц в сочетании с каменными орудиями. 1 – Эвыдк I; 2 – КВЧ-56; 3 – Черноземельский; 4 – Три Брата I; 5 – Цаган-Усн VII; 6 – Лола I; 7 – Типки; 8 – Шарахалсун 2; 9 – Зунда-Толга I; 10 – Архаринский; 11 – Восточный Маныч (левый берег); 12 – Восточный Маныч (правый берег); 13 – Чограй II; 14 – Барханчак 2; 15 – Расшеватский 1; 16 – Ореховка; 17 – Грушевский; 18 – Калиновский; 19 – Веселая Роща III; 20 – Новоселицкое; 21 – Китаевка

Г.Н. Поплевко

Институт истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург

ПРИЕМЫ РУЧНОЙ ЛЕПКИ КРУГЛОДОННОЙ КЕРАМИКИ ПО
ДАНЫМ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО
МОДЕЛИРОВАНИЯ

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ,
проекты № 14-06-00106а и № 14-06-00113а*

Основными приемами ручной лепки сосудов из глины принято считать жгуты и ленты. В процессе формовки сосудов, как правило, используется кольцевой или полукольцевой налеп из жгутов или лент, реже лоскутный налеп из небольших кусков жгутов или лент. Спиралевидный налеп используется в жгутовой технике лепки. Однако приёмов лепки значительно больше. Изучив данные этнографии и экспериментального моделирования, можно выделить следующие приемы:

1. Ручная лепка из целого куска глины.
2. Жгутовая техника.
3. Ленточная техника.
4. Ленточно-жгутовая техника.
5. Пластовая техника (ее ещё называют текстильной или лоскутной).
6. Выколотка сосудов из целого куска глины.
7. Выколотка куска глины и формовка сосуда на твердой основе.
8. Обминание раскатанного или выколотченного куска глины в готовую форму.
9. Сочетание выколотки и ленточно-жгутовой техники лепки при формовке.

Практически для каждого из выше перечисленных приемов могут быть варианты разного использования этого приема. Кратко остановлюсь на каждом приеме лепки.

Ручная лепка. Лепка из целого куска глины практикуется до сих пор по данным этнографии у народов Африки, которые не используют гончарный круг, а остаются верными последователями древних традиций. Формовка начинается из большого комка глины путем выбивания кулаком одной руки углубления в его центре, и по мере его углубления производят выглаживание и формирование профиля будущего сосуда (рис. 1, 7). Таким образом, были изготовлены круглодонные сосуды разных размеров.

Жгутовая техника лепки была распространена в эпоху неолита и более позднее время, при изготовлении толстостенных сосудов. Это один из основных приемов лепки керамики, но собственно жгуты в профиле стенки сосудов встречаются крайне редко в высокотехнологичной керамике юга России. Проследить ее в формах сосудов не так просто, так как при формовке сосудов в процессе разглаживания поверхности происходит «растягивание» жгутов полностью или частично по краям стыков.

Ленточная техника предполагает раскатывание жгутов в ленту на плоскости с помощью деревянной скалки и последующую лепку лентами всего сосуда. Ленты могут быть получены и раскатыванием куска глины на плоскости с последующим разрезанием его на узкие или широкие ленты.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Края лент либо намеренно утончались перед лепкой, либо в процессе лепки.

Ленточно-жгутовая техника лепки представляет собой лепку жгутами разной толщины, причем жгуты сразу же уплощались в ленту между ладонями, в процессе приклеивания ленты к телу сосуда. Часто эту формовку можно определить как ленточную лепку. Хотя, собственно ленточная лепка предполагает предварительное расплющивание жгута на плоскости вручную или с помощью раскатывания жгута в ленту, используя деревянную скалку.

Пластовая техника – это лепка нарезанными широкими лентами, пластами или лоскутами, из раскатанного куса глиняного теста. В этой технике происходит формовка сложных форм профилированной керамики или художественных изделий.

Выколотка сосудов из целого куска глины. Формовка начинается из выколачивания в центре круглого куска глины каменным пестом в круглом углублении в земле (рис. 1, 2). По мере выколачивания углубления в куске глины она поворачивается по периметру в углублении в земле. По мере увеличения выколоточной формы сосуда, поворачивать его помогает вторая женщина. Когда выколоткой будет получена половина или большая часть сосуда, тогда он ставится в круглодонную миску и оставшуюся верхнюю часть доделывают в ленточно - жгутовой технике, а толстые жгуты сразу же расплющивают в ленту в процессе лепки (рис. 1, 4).

Выколотка куска глины и формовка сосуда на твердой основе.

1. Выколотка куска глины в тонкий круглый пласт каменным пестом или плоской галькой на плоскости (рис. 1, 1), а затем этим пластом глины покрывают дно круглодонного сосуда (стоящего перевернутым вверх дном) и продолжают разглаживать глину каменным пестом или галькой (рис. 1, 3). Также готовят вторую полусферу. Затем обе части склеивают в круглодонный сосуд.

2. Выколотка из куска глины начинается каменным пестом на поверхности круглодонного сосуда, стоящего на земле вверх дном (рис. 1, 5). Таким образом выколачивается почти вся форма круглодонного сосуда. Затем делаются надрезы с четырех сторон и вынимается форма-основа (рис. 1, 6). Стыки разрезов склеиваются и выколачиваются каменным пестом, с использованием с внутренней стороны в качестве подставки сосуда меньшего диаметра (рис. 1, 8). Продолжается выколотка всей формы сосуда до шейки. Венчик прилепляется к готовой выколоточной форме сосуда.

Обминание раскатанного или выколоточного куска глины в готовую форму. В данном случае проводится раскатывание или выколачивание на плоскости куска глины в тонкий пласт. Затем этот пласт глины обминается вовнутрь формы-основы в виде полусферы изнутри. Затем две полусферы склеиваются. По этнографическим данным в Южной Америке были найдены и полусферы в виде продольно разрезанного круглодонного сосуда, выполненные в камне. Эти две продольно разрезанные части сосуда, затем состыковываются в целый сосуд, и разглаживается зона стыка.

Сочетание выколотки и ленточно-жгутовой техники лепки при формовке. В данном случае нижнюю круглодонную часть сосуда готовят следующими приемами: 1) использование формы-полусферы для выколачивания нижней части на сосуде; 2) выколачивание пласта глины из куска глиняного теста на плоскости, а затем наложение этого пласта глины на дно сосуда; 3) обминание внутрь полусферы выколоточного на плоскости

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

куска глины. Верхняя часть сосуда долепливается вручную из жгутов, которые в процессе лепки расплющиваются в ленты.

Трасологическое исследование керамических материалов из разных поселений эпохи ранней бронзы, относящихся к майкопской культуре (Пхагугапе, Бежлевское, Чекон, Натухаевское) с круглодонной керамикой показало, что она была сделана ручным способом лепки без использования гончарного круга или поворотного устройства. На фрагментах керамики были зафиксированы следы ручной лепки и разглаживания пальцами внутренней поверхности сосудов. По данным этнографии народов Африки, Азии и Южной Америки у племен, продолжающих ручную лепку круглодонных сосудов в качестве «поворотного устройства» часто служат миски с круглым дном, в которых проводят лепку сосудов, а также крупные круглодонные фрагменты сосудов или их части. Таким же образом применяются и верхние части сосудов с венчиком и плечиками, которые используются в перевернутом положении, а в отверстие шейки сосуда помещается круглодонная часть изготавливаемого сосуда.

Экспериментальное моделирование помогло восстановить несколько разных приемов лепки сосудов с использованием формы-основы и без нее. Так, ранее уже было показано, что можно предположить 6 приемов лепки сосудов (Поплевко, 2012; 2013а; 2013б; 2013в). Однако проведенные этнографические исследования по поиску племен с продолжающейся традицией ручной лепки круглодонных сосудов, показали, что приемов лепки больше, чем ранее было предложено для реконструкции техники лепки. После чего были проведены эксперименты по моделированию сосудов с помощью техники выколотки в 2013 г. Теперь, имея данные по всему разнообразию техник лепки круглодонных сосудов, следует продолжить экспериментальные исследования по поиску характерных признаков разных приемов лепки. Это основная задача экспериментальных и трасологических исследований на ближайшие годы.

Литература

- Поплевко Г.Н., 2012 Экспериментальное моделирование профилированной керамики // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала.
- Поплевко Г.Н., 2013а. Комплексное исследование и реконструкция древних технологий (методический аспект) // Сборник научных трудов международного симпозиума «Интеграция археологических и этнографических исследований». Том. 1. Иркутск; Омск.
- Поплевко Г.Н., 2013б. Технология изготовления майкопской керамики // Тезисы докладов Круглого стола «Цивилизационные центры и первобытная периферия в эпоху раннего металла: модели взаимодействия». М.
- Поплевко Г.Н., 2013в. Трасологическое исследование материалов поселения майкопской культуры Чекон // Материалы Шестой международной Кубанской археологической конференции. Краснодар.

Рис. 1. Ручная лепка круглодонных сосудов, по данным этнографии народов Африки. 1 – выколотка куса глины в тонкий пласт на плоскости; 2 – выколотка сосуда каменным пестом из одного куса глины в углублении в земле; 3 – разглаживание выколотченного пласта глины на круглодонном сосуде каменным пестом; 4 – лепка верхней части выколотченного в углублении в земле сосуда ленточно-жгутовым способом (раскатывание толстого жгута); 5 – выколотка круглодонного сосуда на перевернутом вверх дном сосуде, использующемся как форма-основа; 6 – надрезы на выколотченном сосуде, для выемки формы-основы, и их соединение – 8; 7 – изготовление сосуда без формы-основы из куса глины на круглодонном фрагменте керамики.

А.Д. Резепкин

Институт истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург

ПОСЕЛЕНИЕ НОВОСВОБОДНЕНСКОЕ

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 14-06-00113а

В 1990-1991 годах при раскопках в урочище «Клады» курганов 39 и 40 под их насыпями было обнаружено поселение. Всего течение 10 полевых сезонов было заложено 4 раскопа общей площадью 984 кв. м.

Выяснилось, что поселение сохранилось только под курганами, которые были насыпаны над погребениями в дольменах. Также было выяснено, что между временем сооружения курганов и временем прекращения функционирования поселения прошел значительный промежуток времени, что выразилось в накоплении гумусной прослойки толщиной 12-20 см между слоем поселения и насыпью курганов.

Под курганом 40 были обнаружены остатки жилища, разрушенного грабительской воронкой, под курганом 39 также было найдено строение подпрямоугольной формы площадью около 30 кв. м, о чем уже сообщалось (Резепкин, 2008).

Толщина культурного слоя поселения была невелика, практически «в один черепок» и находки всегда концентрировались на галечной вымостке, а там где ее не было, практически отсутствовали. Особенно это заметно на площади самого большого раскопа IV.

Как обычно, основной объем находок на поселении составила керамика. Некоторые формы уже были опубликованы и предложена их классификация (Резепкин, 2008). Сейчас, когда материалы поселения практически полностью обработаны, появилась возможность более полного представления о керамическом комплексе и некоторого уточнения предложенной ранее классификации (Резепкин, 2012).

Всего на поселении было выделено 7 типов сосудов, но поскольку на находки целых сосудов на поселениях явление довольно редкое, часть из них имеет неполную форму. Все формы и виды орнамента представлены на рис 1. Следует отметить, что в тесте практически всей керамики имеется примесь известняка и почти вся она отличного черного либо темно-серого лощения.

Тип I. Кубки. Это сосуды небольших размеров с короткими, слегка отогнутыми под углом к тулову - тип I-а (рис. 1, 1) либо прямыми - тип I-б (рис. 1, 2) шейками. Сосуды этой группы часто украшены орнаментом.

Тип II. Сосуды с прямым, высоким венчиком, кубковидной формы. Часто в основании венчика расположен орнамент «елочка». В большинстве своем это высокошейные кубки (рис. 1, 4).

Тип III. Небольшие сосуды с петельчатой ручкой, отходящей от края венчика. Часто в основании шейки расположен орнамент «елочка» (рис. 1, 3).

Тип IV-А. Амфоры. От типа IV-Б, который на поселении не найден, ее отличает короткий венчик и отсутствие орнамента (рис. 1, 5).

Тип V-А. Сосуды с прямым коротким венчиком. Они в целом имеют хорошо выраженную подреповидную форму. Орнаментом на сосудах этой формы являются горизонтальные ряды неглубоких ямочек, елочек и неболь-

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

ших круглых налепов в разных сочетаниях (рис. 1, б).

Тип V-Б. Это сосуды, аналогичные предыдущему типу, только края венчиков отогнуты, а шейки не прямые, а плавно изогнуты (рис. 1, 7).

Тип VI-А. Это сосуды горшковидной формы с широким устьем и относительно небольшим дном. Венчик отогнут настолько, что его край «свисает» вниз. По основанию плечиков иногда нанесен орнамент (рис. 1, 8).

Тип VI-Б. Венчик сосуда отогнут столь же сильно, но край не «свисает». Сосуды горшковидных форм в основании шейки украшались налепными валиками, иногда с защипами. Встречены и ряды налепных жемчужин (Рис. 1, 9).

Тип VII-А. Миски уплощенной формы. Характерной чертой является загнутый внутрь край. Иногда по срезу венчика нанесен орнамент в виде «елочки» либо рядов мелких ямочек (рис. 1, 10).

Тип VII-Б. Миски глубокие. Для них также характерны все те признаки, что и для типа VII-А (рис. 1, 11).

Вся керамика, обнаруженная на поселении, плоскодонная. Орнамент, встреченный на керамике поселения, разнообразен и выполнен в разной технике: «елочка» (рис. 1, 13), налепной – в виде продолговатых налепов иногда с защипами (рис. 1, 14), круглые налепы (рис. 1, 15), накольчатый, в виде рядов ямок, наколов треугольной либо прямоугольной формы (рис. 1, 12, 16-18). Есть ряд фрагментов с прочерченным орнаментом.

Помимо новосвободненской керамики, на поселении встречено около 20 фрагментов керамики майкопской культуры. Это венчики сосудов – тип 1, мисок – тип 2а, 4 (согласно предложенной классификации керамики майкопской культуры – Резепкин, Поплевко, 2009; Резепкин, 2012а).

Таблица 1.
Радиоуглеродные даты материалов поселения Новосвободное и могильника Клады

памятник	материал	шифр лаборатории	Даты BC cal (1 сигма, вероятность 68%)
Новосвободненское пос.	кость	Le-7725	3330-2880
Новосвободненское пос.	уголь	Le-7726	3490-3260
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13810	3696-3382
Новосвободненское пос.	уголь	Le-7727	3780-3520
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13809	3640-3372
Новосвободненское пос.	уголь	Le-7728	3635-3374
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13807	3631-3350
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13808	3633-3357
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13811	3635-3366
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13822	3703-3384
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13855	3654-3382
Новосвободненское пос.	керамика	Ki-13811	3635-3366
Клады к. 30 п. 1 (гробница)	дерево	Le-4528	3500-3342
Клады к. 31 жертвенник к п. 5 (гробница)	рог	GRA-21336	3657-3518
Клады к.31 п.5 (гробница)	Кость чел.	Ki-13822	3703-3384
Клады к.31 п.5 (гробница)	кость	Ki-13822а	3642-3378

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Кроме того, был найден костяной наконечник вытянуто-конической формы, черешок в сечении круглый. Аналогичные наконечники стрел встречены еще в трех новосвободненских погребальных комплексах: два - в могильнике «Клады» (курган 28 погребение 1 – гробница), в погребении кургана 31 у с. Чегем I в Кабардино-Балкарии (Бетрозов, Нагоев, 1984. С. 19, 47. Рис. 13,14) и в основном погребении кургана 17 у с. Бамут в Чечне (Мунчаев, 1975. С. 306. Рис. 73, 2). Четвертый наконечник найден на гибридном майкопско-новосвободненском поселении Чишхо (Резепкин, Лионе, 2007. С. 72. Рис. 59, 1). В насыпи кургана 40 было найдено также бронзовое тесло типичной для новосвободненских памятников формы: в виде короткой, слегка расширяющейся к лезвию трапеции и слабо скругленным обушком (Резепкин, 2008. С. 174. Табл. 15, 9).

Представленный материал поселения, в первую очередь, позволяет уверенно связать его с материалом из новосвободненских погребений - как по керамике, так и по таким встреченным на поселении предметам, как бронзовое тесло и костяной наконечник стрелы. Кроме того, серия радиоуглеродных дат по новосвободненскому поселению хорошо совмещается с датами, полученными для гробниц (Табл. 1).

Литература

- Бетрозов Р.Ж., Нагоев А.Х., 1984. Курганы эпохи бронзы у селений м I, Чегем II и Кишпек (I-я и 3-я группы) // Археологическое исследование на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. I. Нальчик.
- Мунчаев Р.М., 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
- Резепкин А.Д., 2008. Поселение Новосвободненское // Археология Кавказа и Ближнего Востока. М.
- Резепкин А.Д., 2012. Новосвободненская культура (на основе материалов могильника «Клады») / Труды ИИМК РАН. Том XXXVII. СПб.
- Резепкин А.Д., 2012а. Сосуды из поселений майкопской культуры: классификация // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Махачкала.
- Резепкин А.Д., Лионе Б., 2007. Поселения эпохи ранней бронзы на Кубани (предварительная публикация) // REVISTA arheologica. Vol. III, № 1-2. Chisinau.
- Резепкин А.Д., Поплевко Г.Н., 2009. Классификация мисок поселений майкопской культуры. // Записки ИИМК РАН. СПб.

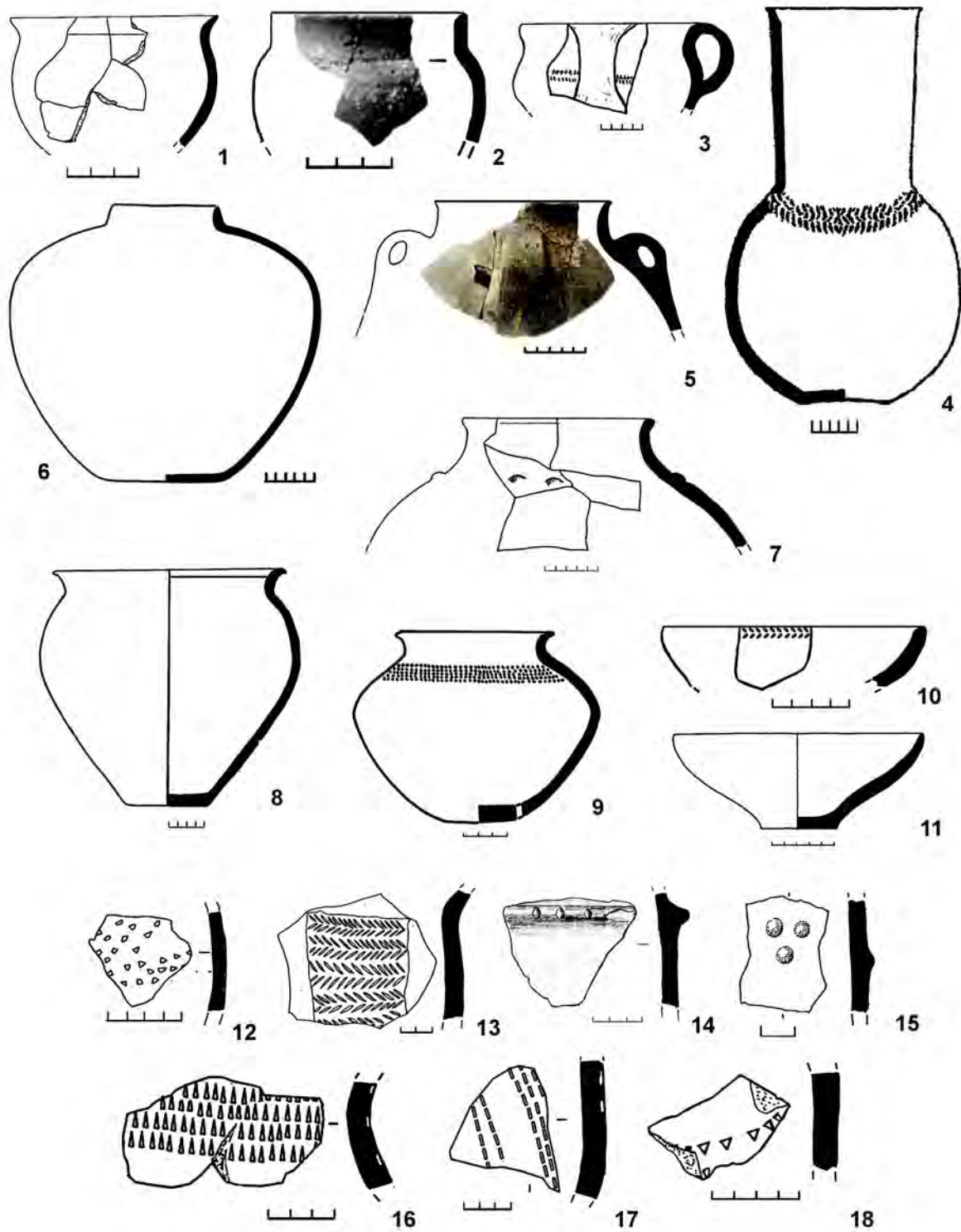

Рис. 1. Типы керамики и орнаментов новосвободненской культуры.
1 – кубки: тип I-а; 2 – кубки: тип I-б; 3 – тип III, 4 – тип II; 5 – тип IV-А: амфоры; 6 – тип V-А; 7 – тип V-Б; 8 – тип VI-А; 9 – тип VI-Б; 10 – тип VII-А: миски уплощенной формы, 11 – тип VII-Б: миски глубокие; 12-18 – орнаментальные сюжеты

В.В. Рогудеев

«Донское наследие», г. Ростов-на-Дону

ВРЕМЯ ПОЯВЛЕНИЯ КУБКОВ В СРУБНОЙ КУЛЬТУРЕ

Вопрос о появлении кубковидных форм керамической посуды и ее орнаментации в срубной КИО довольно сложный. В короткой статье С.С. Волкобой, в отличие от В.А. Городцова, обосновала раннюю хронологическую позицию кубков в срубной культуре, но совершенно не затронула проблему их происхождения (Волкобой, 1980. С. 69-75).

После выхода работ С.С. Березанской и Я.П. Гершковича (*Березанская, Гершкович*, 1983. С. 100-110) и Е.Е. Кузьминой (*Кузьмина*, 1987. С. 48-68) появление кубков в срубной культуре стали связывать с андроновской КИО - чаще всего с федоровской и черкаскульской культурами. Однако авторы не объясняли происхождение самих андроновских кубков. В то же время, авторы указывали на определенную размытость андроновских признаков, объясняя это изготовлением кубков по образцам уже в местной среде.

В связи с этим, следует обратить внимание, во-первых, на отсутствие в ареалах срубной и андроновской КИО в предшествующее время подобных форм керамики и, во-вторых, соответственно, на проблему происхождения данной формы сосудов в керамическом комплексе этих культур.

В предшествующее время местами распространения сосудов на высокой ножке были земледельческие районы Передней Азии. В ближайших регионах - на Кавказе (Закавказье), юге Средней Азии (Бактрия и Маргиана) и Балканах - кубки являлись одним из видов парадной и церемониальной посуды. Безусловно, наиболее активными в эпоху средней бронзы были связи с Кавказом, где кубки на высоком поддоне известны в это время в Дагестане (рис. 1, 1) (Рогудеев, 2004. Рис.1, 20) и более южных районах.

Однако прежде необходимо коротко коснуться проблемы местных прототипов сосудов кубковидных форм и видов орнамента.

Среди местных форм кубковидных сосудов в эпоху средней бронзы наиболее яркими образцами являлись донецкие сосуды с зональным усложненным орнаментом и сосуды на псевдоподдонах (рис. 1, 2-5). Встречаются кубковидные формы в ингульской культуре (рис. 1, 6) и в КМК-Бабино. Интересен сосуд с многоваликовым орнаментом из Новочеркасского музея (рис. 1, 9) (*Каталог...*, 1979. Табл. 6, 6). В одной из недавних работ Л.С. Ильюков уточнил его орнаментацию и опубликовал его заново (Ильюков, 2013).

В отношении орнамента преемственность зонального декора, с некоторым его упрощением, прослежена от донецких образцов к ингульским (рис. 1, 6-8). Представлен он и на раннесрубных кубках (рис. 1, 12, 18). Следует отметить проникновение катакомбников с похожими сосудами в Саратовское Поволжье.

В позднекатакомбное время появляются и другие виды орнамента, получившие распространение в последующее время: обрамление «бахромой»; двусторонний меандр, на круглодонных чашах (поздняя катакомба Западный II, 1/35; ингульские комплексы: Богачевка 10/7 и Русский колодец, к. II-3, п.2). Здесь прослеживается определенное кавказское влияние (орнамент из вертикальных и косых линий обрамленных треугольниками на сосудах эпохи средней бронзы), восходящее к куро-араксским образцам. Подобный орнамент прослежен на сосудах этого же времени из комплекса Шахаевская I 1/6 и Ливенцов-

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

ской крепости (рис. 1, 10). Еще более показательной является находка предкавказской курильницы в комплексе Розкопана Могила п. 2 (Украина) уже с развитым орнаментом (рис. 1, 11) (Полідович, 2011. Рис. 20). Таким образом, можно сделать вывод, что треугольники заменили «бахрому» и данный вид орнамента окончательно сложился в степи (лесостепи). При этом кавказский элемент выступил только одним из его компонентов.

Также широко представлен орнамент из двойной ломаной линии, выполненный разными способами: линии, шнур, валики. Он представлен на кубковидном сосуде КМК-Бабино (рис. 1, 9), на сосудах из Ливенцовской крепости, на фрагментах керамики КМК (Новосадовский к. 30).

Следует обратить внимание, что курильницы на прорезной ножке распространяются в среднедонской культуре на позднем этапе, практически миновав степь. В это же время на Нижнем Дону появляются погребения в ямах с кавказским «компонентом» и строится Ливенцовская крепость. Можно сделать вывод, что часть позднекатакомбного населения ушла из степи. Учитывая, что на Среднем Дону появляются полусферические серьги характерные для Передней Азии (Рогудеев, 2000. С. 52-54), можно предположить, что часть катакомбников могла уйти в Закавказье и дальше на юг.

К наиболее ранним срубным комплексам с находками кубковидных форм сосудов можно отнести следующие.

Погребение Прядовка 3/4 (Украина) - основное, умерший на правом боку, головой на СВ, инвентарь: два сосуда и игла (рис. 1, 12-14). Один из сосудов - кубок в виде круглодонной чаши на высокой ножке и имеет зональный орнамент (рис. 1, 12) (Рогудеев, 2004. С.195).

Еще более показательна ситуация в могильнике Ясиновский к. 1 покровского времени, на р. Чир (Рогудеев, 2004. С. 195; Шарафутдинова, Житников, 2011. С. 30-32). Основным здесь являлось погребение 2 – кенотаф, в большой прямоугольной яме. Инвентарь его представлен кубком и костяным пряслищем (рис. 1, 15, 16). В синхронных ему погребениях 5 и 6 встречены костяные медальоны с одним большим и двумя маленькими отверстиями. Погребение 1, впускное в восточный край первой насыпи с дополнительной подсыпкой, было совершено на левом боку с ЮЗ ориентировкой (обряд КМК-Бабино). При нем обнаружены аналогичные медальоны. Таким образом, судя по костяным медальонам, все погребения были практически одновременны. Кроме того, на древнем горизонте был найден фрагмент сосуда с валиковым орнаментом (рис. 1, 17), появляющимся на позднекатакомбной керамике (1-2 валика ниже венчика) и доживающим до раннесрубного времени: например, в материалах поселения на р. Оскол у с. Рубцы.

Фрагмент кубка (рис. 1, 19) происходит из срубного слоя Раздорского поселения. Он был найден на полу ранней землянки (втоптан). Орнамент его напоминает ингульский. По профилю он близок кубку из комплекса Верхняя Маевка II 3/1 (рис.1, 18). Ближайшее ингульское погребение с сосудом (рис. 1, 7) известно на о. Поречный (Рогудеев, 1997. С. 119-123). Также из этого же поселения происходит фрагмент горшка, близкий по профилю не только покровским сосудам, но и ингульским образцам (рис. 1, 8, 20).

Исходя из выше сказанного, можно уверенно связывать появление кубков с покровским временем и с поздним этапом КМК-Бабино.

Возвращаясь к проблеме происхождения кубковой формы и ее связи с кавказским регионом, следует заметить, что в это же время появляются серпы

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

близкие изделиям костромского клада на Кавказе. Еще более показательным является распространение сурьмяных украшений (*Гак и др.*, 2012. С. 174-202), так же связанных с Кавказом. При этом, на кавказские связи указывает не только материал, но и формы украшений: например, ромбовидные сурьмяные подвески, также распространенные в каякенто-харачоевской культуре. Интересны некоторые комплексы этого времени в Поволжье: в могильнике Низовка обнаружены сурьмяные ромбовидные и лапчатые украшения, валиковая керамика, напоминающая позднекатакомбную; в кургане 1 могильника Мурманский в погребениях совершенных в Н-видных катакомбах в инвентаре встречены сурьмяные бусы. Срубные погребения в катакомбах (подбоях) изредка встречены и в других районах (*Лопатин, Малов*, 1988. С. 130-139). Также обращалось внимание, что в некоторых раннесрубных комплексах (Репный I, 7/4; Николаевка 1/14 и др.) представлены ножи близкие позднекатакомбному образцу Шахаевского типа (Шахаевская I, 1/10) (*Рогудеев*, 2004. С. 194).

Вероятно, появление кубков и кратковременное проявление катакомбных «мотивов» связано с возвращением посткатакомбного населения (уже перемешанного) из Закавказья или Передней Азии. Таким образом, кубки с явным андроновским орнаментом относятся к более позднему явлению.

Литература

- Березанская С.С., Гершкович Я.П.*, 1983. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // *Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск.
- Волкобой С.С.*, 1980. Срубные погребения с кубками в Днепровском левобережье // *Курганы степного Поднепровья*. Днепропетровск.
- Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А.*, 2012. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // *Археологические Вести*. Вып. 18. СПб.
- Ильюков Л.С.*, 2013. Кубок на поддоне бронзового века из Нижнего Подонья // *Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции*. Краснодар. С. 156-159.
- Каталог археологических коллекций, 1979. Сост. Б.А. Раев. Новочеркасск.
- Кузьмина Е.Е.*, 1987. О западных связях андроновских племен // *Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины*. Киев.
- Лопатин В.А., Малов Н.М.*, 1988. Срубные погребения в подбоях на Еруслане // *СА*. №1.
- Полідович Ю.В.*, 2011. Курган доби бронзи «Розкопана Могила» поблизу м. Дружківка Донецкої області // *Археологический альманах*. № 25. Донецк.
- Рогудеев В.В.*, 1997. Ранний материал срубного слоя Раздорского поселения // *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен Южнорусских степей*. Саратов.
- Рогудеев В.В.*, 2000. Связи населения южнорусских степей с Ближним Востоком в конце средней бронзы // *Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии*. Саратов.
- Рогудеев В.В.*, 2004. Могильник Репный в системе связей посткатакомбного времени // *Тр. Археологического научно-исследовательского бюро*. Т. 1. Ростов-на-Дону.
- Шарафутдинова Э.С., Житников В.Г.*, 2011. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире. СПб.

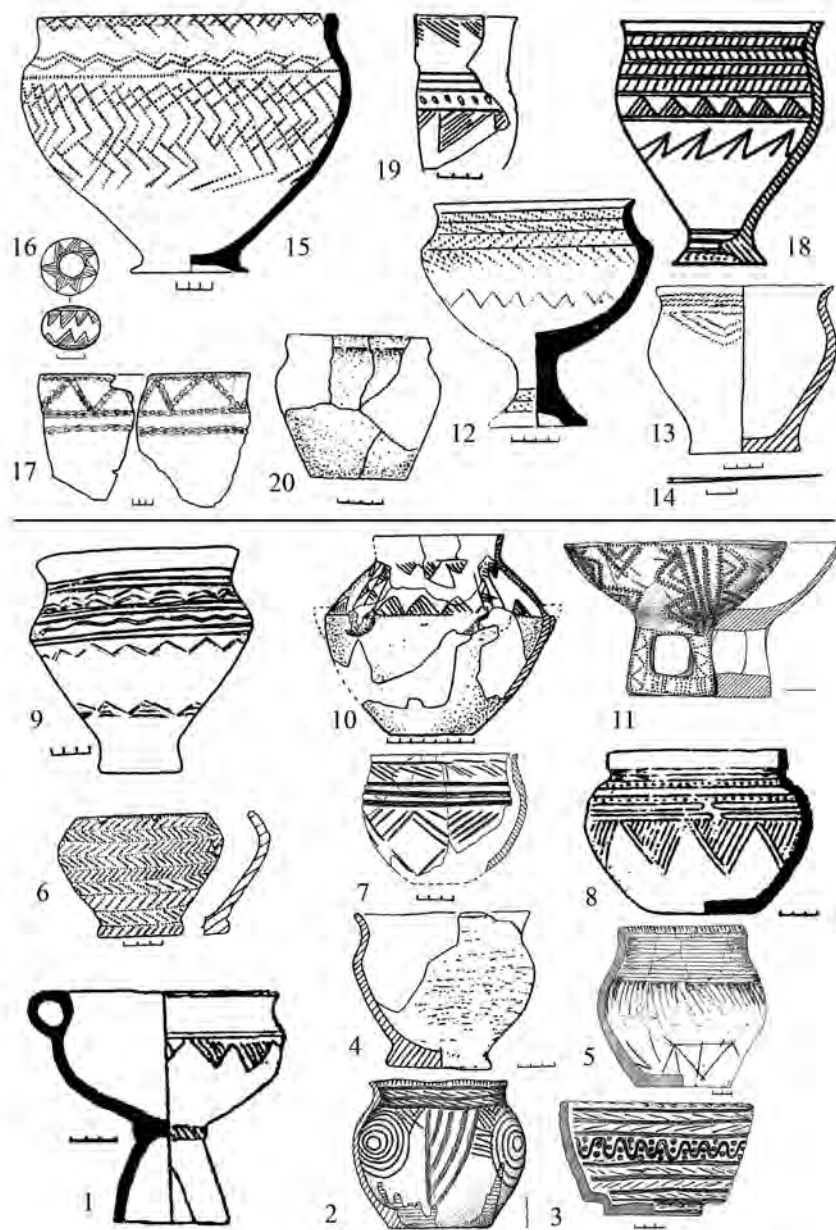

Рис. 1. Кубковидные формы керамики эпохи средней и поздней бронзы и их аналогии

1 - Каякентский VI (по: Магомедов, 2000); 2 - Кондратовка, 3/7 (по: Кульбака, Качур, 1998); 3-5 - Мухин I, 3/3 (по: Власкин, 2002); 6 - Кременское, 1/6 (по: Санжаров, 1999); 7 - Матюхин Бугор п.16 (по: Рогудеев, 1997); 8 - Долгая Могила 4/11 (по: Ковалева, Андросов, 1987); 9 - Новочеркасский музей (по: Каталог., 1979); 10 - Ливенцовская крепость, постройка 5 (по: Братченко, 2006); 11 - курган Розкопана могила п.2 (по: Полидович, 2011); 12-14 - Прядовка, кург. гр. VII, 3/4 (по: Ковалева, Ромашко, 1981); 15-16 - Ясиновский, 1/2; 17 - Ясиновский к.1, насыпь (15-17 по: Шарафутдинова, Житников, 2011); 18 - В. Маевка, кург. гр. II, 3/1 (по: Рогудеев, 2004); 19-20 - поселение Раздорское I (по: Рогудеев, 1997; 2004)

О.А. Селивантьев

ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар

НОВЫЕ НАХОДКИ КОСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ ЭПОХИ БРОНЗЫ В КУРГАНАХ СТЕПНОГО ПРИКУБАНЬЯ

Погребальный инвентарь в захоронениях эпохи бронзы Прикубанья достаточно редкое явление. Еще более редкими являются находки изделий из кости. Каждая такая находка заслуживает внимания. За последние пять лет в результате работ Западно-Кавказской Археологической Экспедиции было исследовано три погребения эпохи бронзы с костяными изделиями.

Первая находка была сделана в 2008 г. в кургане в г. Краснодар на ул. Красных Партизан (курганная группа «Колос 1») в инвентаре основного погребения №16 (Лунев, 2008).

Погребение совершено в прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии СВ-ЮЗ. Длина ямы по дну - 138 см, ширина - 80 см. В заполнении встречались угольки и фрагменты органического тлена.

Погребенный мужчина 30-40 лет, лежал в центре ямы скорчено на правом боку головой на юго-запад. Руки вытянуты кистями к коленям ног и незначительно согнуты в локтях. Запястья рук сходились в одной точке, левое перекрывало правое. Колени развернуты вправо. Справа от таза погребенного, между костями правого и левого предплечий, были обнаружены костяная булава и каменный предмет (плоская галька с отверстием в центре).

Под костями погребенного была прослежена подстилка в виде органического тлена темно-коричневого цвета. Особенно хорошо она была видна под черепом. Под черепом, вдоль правой руки, между костями предплечий обеих рук, в том числе на булавке и каменном предмете, на коленях, а так же на стопах и вокруг них, были прослежены следы охры. В ногах погребенного, вдоль северо-восточной стенки ямы, встречены угольки. Несколько угольков прослежены на груди и за тазом погребенного.

Булавка имела прямую стержневидную форму, сечение - круглое. Имеет отверстие у верхнего тупого конца. В центральной части стержень перехвачен неглубоким поперечным желобком. Размеры: длина - 11 см, максимальный диаметр сечения в центре - 0,9 см, диаметр отверстия - 0,3 см.

Следующая находка была сделана в 2011 г. в ходе раскопок кургана №3 из состава курганной группы «Сашкова балка 3», расположенной у ст. Кирпильской Усть-Лабинского района Краснодарского края (Короткий, 2012). Изделие происходит из погребения №8 (одно из трёх погребений входящих в самую раннюю группу погребений для данного кургана).

Яма подпрямоугольной формы с округленными углами длиной 143 см и шириной 88 см.

Погребенная, женщина старше 55 лет, лежала скорчено на спине головой на запад. Руки согнуты под прямым углом в локтях так, что плечевые кости лежали вдоль тела, а кисти находились на правом крыле таза сложенные крест-накрест. Левая рука перекрывала правую. Обе кисти лежали ладонями вниз. Ноги развернуты коленями на правую сторону. Под костями верхней части тела прослежена подстилка в виде тлена коричневого цвета.

В юго-восточном углу могильной ямы, в ногах погребенной, обнаружен

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

кремневый отщеп. Справа от черепа, на расстоянии 20 см, было найдено костяное изделие, выполненное из диафиза большой берцовой кости, правой конечности мелко-рогатого скота (овца или коза). Внешняя поверхность кости отполирована, торцы обточены. Размеры предмета: длина - 13,7 см, диаметр - 1,5 см.

Третья находка была сделана в августе 2013 г. в ходе исследования кургана №3 курганной группы «Кореновский 11» у г. Кореновск Кореновского района Краснодарского края (Селивантьев, 2013а). Это молоточкообразная булавка из погребения №11. Предварительная датировка погребения – вторая половина III тыс. до н.э. (по традиционной хронологии).

Погребение взрослого человека совершено в прямоугольной яме, вытянутой по линии восток – запад. Длина ямы – 1,69 м, ширина - 1 м. Поверхность костей красноватого цвета. Возможно, это следы охры или коричневого органического тлена. Справа от черепа и рёбер, вокруг фрагментов плечевой кости правой руки, у берцовых костей и в 25 см к юго-востоку от них, были обнаружены пятна тлена серо-коричневого цвета. У стоп прослеживалось пятно охры. У фрагментов костей предплечья и под ними, в районе таза, были обнаружены угольки. Кости ног посыпаны охрой.

Погребённый лежал в центре ямы скорченно на правом боку с завалом на спину головой на юго-запад. Судя по сохранившимся костям, руки были согнуты в локте под углом в 90° и их кисти должны были находиться рядом в районе правого крыла таза. Ноги были согнуты в тазобедренном суставе под углом, близким к 90°, и в коленном под острым углом.

Справа у ребер погребенного (подвздошная область) был обнаружен фрагмент костяного предмета. Еще один фрагмент, того же предмета, лежал справа от ног погребенного у стенки ямы, без сомнения, в кротовине. Оба фрагмента принадлежат одному предмету – костяной молоточковидной булавке.

Булавка имеет веретенообразный стержень и правильный молоточек. В середине головки имеется отверстие со сглаженными краями. На верхней половине стержня булавки нанесен орнамент в виде вертикального зигзага из трех горизонтально заштрихованных полос. Сверху и снизу зигзаг ограничен горизонтальными поясками из полос, заштрихованных сеткой. Общая длина булавки - 13,2 см, стержня - 11,7 см, орнаментированной части - 5,9 см, гладкой части - 5,5 см; ширина головки - 2,8 см; диаметр стержня у головки - 1 см, в средней части - 1,2 см; диаметр отверстия - 0,2 см.

Форму булавки можно отнести к варианту 3, выделенному А.Н. Геєм (Геєм, 2000. С. 165-167). Полного совпадения орнамента с орнаментами, учтенными А.Н. Геєм, нет. Наиболее близки варианты «а» и «и».

Довольно близкую схожесть по форме и орнаменту данная булавка имеет с булавкой из погребения №6 кургана «Солёный 3», исследованного в 1951 г. А.А. Иессеном. Это погребение датировалось исследователем концом III тыс. до н.э. (Иессен, 1954. С. 63, 70)

Также стоит упомянуть находку, сделанную в насыпи кургана в октябре 2013 г. в ходе доисследования кургана №1 курганного могильника «Пластуновский 12» (Селивантьев, 2013б).

Орудие изготовлено из диафиза кости животного, имеет конусовидно-вытянутую форму. Один конец срезан под острым углом и заострен. Другой - обрезан перпендикулярно оси орудия. Края срезов обточены и заглажены.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Поверхность отполирована, возможно при использовании. Размеры предмета: длина - 10,4 см; диаметр в средней части - 1,6 см; диаметр верхней части - 2 см.

Все описанные находки в той или иной степени относятся к одному широкому пласту материала эпохи ранней бронзы. Особенно стоит отметить несомненную органическую связь между комплексами из кургана в Краснодаре и кургана №3 курганной группы «Кореновский 11». Связь эта очевидна как в погребальном обряде (органический тлен, угольки, позы погребенных), так и в погребальном инвентаре. Булавки из этих двух комплексов определённо являются составными частями одного массива изделий.

Литература

Гей А.Н., 2000. Новотиторовская культура. М. 2000.

Иессен А.А., 1954. Раскопки курганов на Дону в 1951 г. // КСИИМК. Вып. 53.

Короткий Д.В., 2012. Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических работ (раскопок) на объекте археологического наследия курган № 3 из состава курганной группы «Сашкова балка 3», расположенного у ст. Кирпильской Усть-Лабинского района Краснодарского края в 2011 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 29964.

Лунев М.Ю., 2008. Отчет о выполнении научно-исследовательских охранно-спасательных археологических работ на объекте археологического наследия – кургане эпохи бронзы в г. Краснодаре на пересечении улиц Толбухина и Красных Партизан в 2008 году // Архив УГО ОКН КК. № 576.

Селивантьев О.А., 2013а. Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических работ (раскопок) кургана №3 из состава курганной группы «Кореновский 11» в Кореновском районе Краснодарского края в 2013 году // Архив УГО ОКН КК. № 1285.

Селивантьев О.А., 2013б. Отчет о выполнении охранно-спасательных археологических работ кургана № 1 из состава объекта культурного наследия «Курганный могильник «Пластуновская 12» в Динском районе Краснодарского края в 2013 году // Архив УГО ОКН КК. № 1284.

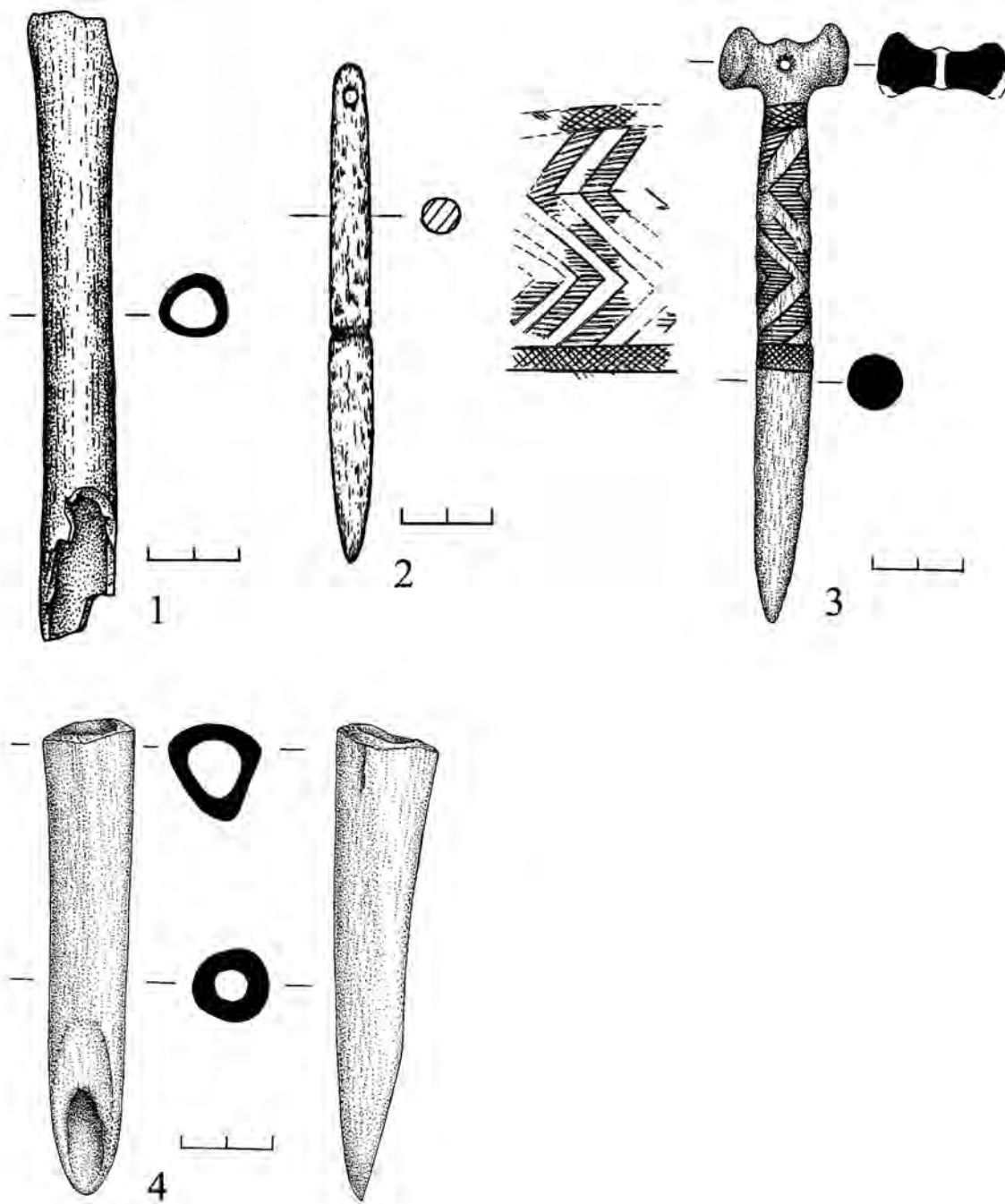

Рис. 1. Костяные предметы из погребений эпохи бронзы Прикубанья. 1 - костяная булавка из погребения №16 кургана «Колос 1»; 2 - костяной предмет из погребения 3/8 курганной группы «Сашкова балка 3»; 3 - костяная булавка из погребения 3/11 курганной группы «Кореновский 11»; 4 - костяной предмет из насыпи кургана 1 могильника «Пластуновская 12» (раскопки 2013 г.)

В.Я. Стеганцева

Институт истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург

ОСНОВНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЗАПАДНОМАНЫЧСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди большого числа погребений катакомбных культур эпохи бронзы исследователи пытались выделить особенные, принадлежавшие «вождям» или лицам с особым социальным статусом. А.М. Смирнов первым обратил внимание на погребения с насыпями и досыпками, для которых требовались значительные усилия не только для устройства могильного сооружения, но и для возведения курганной насыпи. В его выборке из 400 погребений таких оказалось 11,5 %. В них находился наиболее богатый инвентарь, в том числе бронзовые инструменты, каменные песты и кремневые наконечники стрел. Автор счел эти погребения «захоронениями лиц, стоящих на высокой ступени социальной иерархии» (Смирнов, 1979. С. 51–52; 1996. С. 120–121).

Позже, погребения, отличавшиеся от других богатством инвентаря и большими трудозатратами на совершение захоронения стали называть «элитарными», относя к ним «погребения с повозками и расширенными наборами технологически совершенных бронзовых орудий» (Власкин, 2010. С. 23).

Памятники западноманьчской катакомбной культуры (далее – ЗМКК) находятся в курганных могильниках, созданных в эпоху ранней и средней бронзы. Для Западного Маньча существует шесть хронологических схем формирования курганного пространства: основное погребение ямное, впускные – ямные; основное – ямное, впускные – раннекатакомбные; основное – ямное, впускные – раннекатакомбные, затем – ЗМКК; основное – ямное, впускные – ЗМКК; основное – раннекатакомбное, впускные – ЗМКК; основное – ЗМКК, впускные – ЗМКК (Стеганцева, 2013).

Количество основных захоронений ЗМКК составляет почти 32 %, что в три раза больше, чем в выборке А. М. Смирнова по донецкой катакомбной культуре бассейна Северского Донца. Среди них есть погребения, для которых создавались индивидуальные курганы, не использовавшиеся более в катакомбное время, например курган 1 Ажиновского II могильника (Рябова, 1983. С. 102–103. Рис. 21–23; 24, 7, 10; 25). Число таких насыпей составляет 11 % общего числа курганов и почти 35 % созданных в маньчское время.

В выборку вошли основные погребения и некоторые из первых впускных в ямные или раннекатакомбные курганы (всего 37 комплексов). Их объединяют общие черты в архитектуре погребального сооружения, в заупокойном обряде и наборе инвентаря.

Практически все погребения совершены в катакомбах Н-образного сочленения, с входной ямой в форме короткого прямоугольника с прямыми или слегка прогнутыми внутрь стенами, с прямым, слегка покатым к камере дном. Входное отверстие чаще всего овальное. Камера невелика по размеру, овальной формы, с низкокупольным сводом. Стены входных ям выровнены теслообразными орудиями, характерные следы от которых отмечали многие исследователи (Федорова-Давыдова, 1983. С. 41, 44; Парусимов, 1997. С. 13; Рябова, 1983. С. 98). Сооружения ориентированы длинной осью в различных направлениях, камеры выведены в западном – юго-восточном направлениях, преимущественно к северо-востоку (13,5 %), к востоку (43 %) и к юго-востоку (21,6 %).

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Погребенные лежат на правом боку, в скорченном положении (рис. 1), лицом ко входу в камеру. Они ориентированы головой преимущественно на запад (16 %), северо-запад (30 %) и север (27 %). Имеются случаи деформации черепа. Более половины захоронений одиночные (56,7 %), 32 % составляют захоронения взрослого с ребенком или подростком, в одном случае совместно погребены два подростка и в одном случае основным являлся кенотаф. Имеющихся определений пола недостаточно, чтобы выявить закономерности.

На дне погребальной камеры обычно находятся остатки подстилок: тлены коричневого, черного и белого цвета, стопы окрашены охрой, охра присутствует в виде порошка и кусков различной формы и цвета.

Приблизительно половина погребений снабжена костями крупного и мелкого рогатого скота, причем они распределены поровну, причем кости КРС как правило находятся во входной яме, а кости МРС – и в шахте и в камере.

В погребальном инвентаре закономерности проявляются ярче. 86 % погребений снабжены бронзовыми вещами, в 81 % случаев это инструменты. 19 % выборки сопровождаются наборами тесло-долото-нож-шило; 48,6 % – наборами нож-шило. Ножом или шильев может быть два. В двух случаях были обнаружены кольцевидные подвески с несомкнутыми концами: золотая и бронзовая. Из 9 случаев присутствия бронзовых украшений только в двух они не сочетались с инструментами (рис. 1). Украшения представлены бусами, подвесками и пронизьями, в одном случае был встречен набор из двух посоховидных булавок и букрании (Комаров I, 1-18).

Общим признаком для многих погребений выборки является наличие сочетания реповидного сосуда и курильницы (67,5 %), только в 6 случаях реповидные сосуды не сопровождаются курильницами. Реже встречаются высокогорлые сосуды (40,5 %), в 8 случаях они сопровождают реповидные сосуды с курильницами, в 2 – реповидные сосуды. Воронки встречены три раза, всегда с реповидными и курильницами (рис. 1).

35 % погребений имели в инвентаре каменные песты и / или ступы, они практически всегда сопровождали наборы тесло-долото-нож-шило (рис. 1). В единичных случаях была встречена каменная булава и ладье-видный топор-молоток с вертикальными каннелюрами в средней части.

В одном случае в шахте находилась повозка.

В целом, в выборке, созданной по признаку наличия особых трудозатрат выделяется группа погребений с наборами бронзовых орудий. Наборы инструментов находились не только в основных (4 случая из учтенных 7), но и в первых по времени впускных погребениях, из чего можно сделать вывод, что их социальный статус был примерно одинаков.

Не всегда покойника, для которого создали новый курган, снабжали набором металлических орудий. Возможность совершить большие трудозатраты далеко не всегда совпадала с возможностью обладания в потустороннем мире «расширенным» набором инструментов. Многие довольствовались малым набором – ножом и шилом. А некоторые не достаивались и этого.

Следует отметить, что новый курган для ЗМКК насыпали не потому, что негде было создать погребальное сооружение. В могильниках, как правило, имелись и ямные и раннекатакомбные курганы, куда впускались многие погребения ЗМКК.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Философский энциклопедический словарь дает определение элиты как одной из необходимых составляющих частей социальной структуры любого общества. Это высший привилегированный слой, осуществляющий функции управления, развития науки и культуры.

Погребения с наборами инструментов тесло-долото-нож-шило принято считать погребениями мастеров-плотников (Смирнов, 1996. С. 116).

По материалам Нижнего Поволжья было высказано предположение, что «наиболее квалифицированные мастера становились членами родоплеменной верхушки, что являлось одной из специфических черт начальной стадии социальной и производственной дифференциации» (Юдин, Лопатин, 1989. С. 140).

Скорее всего, в среде элитарных погребений ЗМКК, выделенных по признакам, предложенным А.М. Смирновым, существовала определенная стратификация, для выявления которой подходят признаки, предложенные Н.М. Власкиным

Литература

- Власкин Н.М., 2010. Сравнительная характеристика катакомбных культур маньчского типа эпохи средней бронзы. Автореф. дисс. ... к.и.н. СПб.
- Парусимов В.Н., 1997. Могильник Лысянский I // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1. Новочеркасск.
- Рябова В.Я., 1983. Работы Ажиновского отряда в 1976 году // Древности Дона: Материалы работ Донской экспедиции. М.
- Смирнов А.М., 1979. Погребения катакомбной культуры бассейна Северского Донца // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тезисы докладов конференции 3–6 декабря 1979 г. Донецк.
- Смирнов А.М., 1996. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М.
- Стеганцева В.Я., 2013. Доклад, прочитанный на IV Абхазской Международной археологической конференции (Сухум, 26–30 ноября 2013 г.).
- Федорова-Давыдова Э.А., 1983. Раскопки курганной группы Шахаевская II на Маньче // Древности Дона. М.
- Юдин А. И., Лопатин В. А., 1989. Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье // СА. № 3.

№ п/п	Могильник, курган, погребение	Мои́ла		Покойник								Бр. украшения		Булава			КЖК
		Ориентировка	Ориентировка	Ориентировка	Деформация												
1	Ажинов II, 1-1	■	СВ	●	+	СЗ		+	+	+	+	+		+	+		КРС
2	Северный II, 6-8	■	В	●	•	СВ СЗ		+	+				+		+	+	МРС
3	Комаров II, 1-1	■	В	●		С		+	+				+		+	+	
4	Соленка 14-3	■	З	●	+	Ю		+					+		+	+	
5	Северный II, 1-1	□	ЮВ	●	+	СВ		+	+	+	+	+		+	+		
6	Шахаевский II, 2-10	□	СЗ	●		ЮЗ		+	+					+	+		
7	Сагванский I, 8-11	□	ЮВ	●	•	С В		+	+	+	+		+		+	+	МРС
8	Каракашев 2-8	■	С	●		ЮЗ		+					+		+	+	КРС
9	Каракашев 3-6	■	В	●		С		+					+	+	+	+	КРС
10	Шахаевский II, 1-8	■	В	●		ЮВ		+	+					+	+	+	+
11	Комаров I, 1-18	■	В	●		С		+	+			+				+++	
12	Комаров II, 5-1	■	В	●		С		+	+					+	+		
13	Ажинов I, 1-4	■	С	●		З		+	+					+	+		
14	Долгий 3-7	■	В	●		С		+	+			+	+		+	+	МРС
15	Отрадный II, 15-11	□	СЗ	●		З		+	+					+			КРС
16	Тузлуки 79, 1-12	□	ЮВ	●		СЗ		+	+			+					КРС
17	Сагванский I, 10-7	□	СВ	●		СЗ		+	+			+			+		
18	Отрадный II, 7-15	□	С	●	+	З	++	+						+	+		
19	Северный II, 2-5	■	З	●		С		+	+					+	+	+	МРС
20	Северный II, 4-8	■	ЮВ	●	+	С		+	+			+	+	+	+	+++	
21	Тузлуки 79, 3-5	■	В	●		С		+	+					+	+		МРС
22	Ажинов III, 1-25	■	ЮВ	●		С		+	+						Ж	+	
23	Отрадный II, 9-4	■	В	●		С			+					+	+		МРС
24	Тузлуки 80, 6-3	■	В	●		С		+	+			+			Ж		КРС
25	Сагванский I, 7-6	■	В	?				+	+			+		+	+		
26	Лысянский I, 2-8	□	ССВ	●	•	З Ю		+	+					+++	+		МРС
27	Отрадный II, 22-4	□	СЗ	●	•	З		+	+	■	+	+	+	+	+	+	
28	Ильинов 1-16	□	В	●		С		+	+					+	+		
29	Тузлуки 80, 6-3	■	В	●		С		+	+						Ж		КРС
30	Соленка 18-1	■	ЮВ	●	+	СВ		+						+	+	+	МРС
31	Сагванский I, 6-4	■	В	?										++	++		
32	Шахаевский II, 4-3	■	В	●		СЗ								+	+	++	
33	Сагванский I, 9-6	■	ЮВ	●		С								+	+	+	КРС
34	Фрунзе I, 6-1	■	В	●		С									+	+	
35	Сагванский I, 18-8	■	СВ	●	К										Ж	+	МРС
36	Каракашев 4-1	■	СВ	●	+	З						+		+			КРС
37	Северный II, 5-3	?	ЮВ	●		ЮЗ						+		+	+		

■ -1 □ -2 ? -3 ● -4 • -5 ↵ -6 ■ -7 Ж -8 КЖК -9 КРС -10 МРС -11

Рис. 1. Некоторые черты погребального обряда и типы инвентаря основных погребений западоманычской катакомбной культуры.
1-3 – положение погребения: 1 – основное, 2 –впускное, 3 – неопределимое; 4-5 – возраст погребенного: 4 – взрослый, 5 – ребенок или подросток; 6 – поза погребенного; 7 – повозка в шахте; 8 – жаровня; 9 – кости животных; 10 – кости крупного рогатого скота; 11 – кости мелкого рогатого скота

А.И. Таймазов

Институт истории археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

О МЕЛКИХ ОРУДИЯХ СТОЯНКИ ОЛДОВАНА АЙНИКАБ 1
(СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КАВКАЗ)

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 13-06-12005 офи_м

При работе с материалами стоянки олдована Айникаб 1, расположенной в Центральном Дагестане, исследователь не может не обратить внимание на наличие в составе орудийной коллекции памятника изделий небольших размеров, изготовленных на мелких (до 3 см в длину) и средних (до 7 см в длину) отщепах и обломках. Рассматриваемые изделия происходят из раскопов 1 и 2, исследованных в 2006–2009 гг., и шурфа 2, вскрытого в 2006 г. Общая площадь этих участков равна 47 м². Мощность отложений, вмещающих в себя культурные остатки, достигает в них 11 метров. Находки из раскопа 3 (2012–2013 гг.) в работе не рассматриваются. Вскрытая толща характеризуется преобладанием крупнообломочного материала в литологическом составе в нижней и верхней части разреза и суглинистой составляющей с галечно-гравийными прослойками в средней части. По совокупности геологических, геоморфологических, палинологических, фаунистических и палеомагнитных данных отложения стоянки Айникаб 1 относятся к раннему плейстоцену, включая его нижние, средние и верхние хронологические отрезки (Амирханов, 2007. С. 14–16; Амирханов и др., 2009. С. 36–41; Дервянко и др., 2012. С. 33–34).

Всего в двух раскопах и шурфе 2 обнаружено 840 каменных изделий. Кроме того, 8 предметов найдены в обнажении, а 2 – в осыпи. Изделий с вторичной обработкой в этой коллекции 110 (13 % всех находок). Мелких орудий размерами до 7 см среди них 43, т.е. 39 %. В тех слоях, где количество орудий превышает 10 экземпляров, орудия небольших размеров составляют не менее 25 % состава и не превышают 40 %.

Рассматриваемые изделия характеризуются более или менее интенсивной обработкой и простейшими способами оформления. Наиболее распространенным приемом во вторичной обработке была мелкая и средняя крутая и полукрутая ретушь. Первоначальная форма заготовки в меньшей степени подвергается изменениям обработкой. К изделиям с модифицированными параметрами заготовки в определенной степени можно отнести такие предметы, как выемчатые орудия и мелкие простые острия. Естественные тонкие грани обломочного материала и изломы приспособляются к задуманным очертаниям предмета. При необходимости излишняя массивность орудия устраняется путем «обруба» боковых краев изделия. Несмотря на архаичность и чрезвычайную древность индустрии памятника Айникаб 1, в ней можно выделить изделия, обладающие более или менее устойчивым набором признаков. Часть этих предметов, отличающиеся мелкими размерами могут быть определены как скребла (рис. 1, 19, 20), ножи (рис. 1, 18), скребки высокой формы (рис. 1, 16, 17), скребки простые (рис. 1, 1–6), острия (рис. 1, 12–14), выемчатые (рис. 1, 7–11) и шиповидные орудия (рис. 1, 15), обломки с ретушью и отщепы с ретушью.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Средние размеры класса мелких орудий: высота 4,8 см, ширина 3,9 см, толщина 2,2 см. Средние параметры орудий на уровне типологических групп различаются (рис. 1, Б). Средние размеры скребел превышают средние значения класса мелких орудий, но не намного, а у скребков они ниже.

Орудия размерами более 7 см в поперечнике среди скребловидных и выемчатых изделий встречаются единично: в слое 11 они представлены двумя предметами, в слоях 12 и 13 – по одной. Данная особенность отражает различия между комплексами олдована и ашея, в которых заметно высоко содержание скребловидных изделий на крупных заготовках.

Заготовками для класса мелких орудий стоянки Айникаб 1 преимущественно служили обломки кремня (60 % всех мелких орудий), нежели отщепы и их обломки. При этом для отдельных категорий каменного инвентаря предпочтительно использовались в качестве заготовок отщепы. К примеру, почти все экземпляры простых скребков изготовлены на сколах. Широкое использование обломков кремня в качестве заготовок даже для класса мелких орудий вполне может быть связано двумя факторами: наличием и доступностью сырья в виде некрупных обломочных фракций на территории стоянки и в непосредственной близости от нее и культурно-хронологической позицией памятника. Применение обломков и желваков различной формы (кубовидные, плитчатые, многогранные), размеров и веса для изготовления орудий характерно для тех памятников олдована, которые расположены на месторождениях сырья и где оно представлено именно в обломочном выражении. В классических памятниках олдована Олдувайского ущелья (DK, FLK Zindj и др.) для мелких скребел и скребков помимо отщепов использованы мелкие обломки плитчатого кварца/кварцита и куски лавы (Leakey, 1971). В тех памятниках, где сырье представлено преимущественно в виде галек и валунов, содержание мелких ретушированных орудий на несколочной основе в коллекции сравнительно меньше. Это наблюдается на материалах известных североафриканских памятников олдована Айн Ханеш, Эль-Керба (Sahnouni, Heinzelin, 1998).

Подводя итоги, можно отметить следующие важные с точки зрения автора моменты. Во-первых, описываемые орудия встречаются во всех археологических комплексах стоянки Айникаб 1, относящихся к различным хронологическим отрезкам раннего плейстоцена. Во-вторых, мелкие орудия органично сочетаются с крупными и сверхкрупными орудиями, составляя в статистически значимых комплексах иногда до 40 % изделий с вторичной обработкой. Примерно столько же они составляют относительно всей орудийной коллекции памятника. В-третьих, в качестве заготовок для изучаемого класса орудий наряду с отщепами широко применялись мелкие фракции обломочного материала. Более того, мелкие орудия на обломках доминируют над орудиями на сколах. В-четвертых, класс мелких орудий типологически разнообразен. В структуре изучаемого класса выделяются скребла, скребки, ножи, остря, выемчатые и шиповидные орудия. В-пятых, для приведенного типологического ряда в целом использовались мелкие и средние заготовки размерами до 7 см. Изделия на крупных заготовках встречаются единично. Средние размеры класса мелких орудий не превышают 5 см.

Приведенные данные особо значимы в свете решения проблемы культурно-типологического облика наиболее ранних каменных индустрий Кавказа. С открытием новых памятников в различных частях региона

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

предметом изучения становятся возможная вариабельность культуры раннего палеолита в данном регионе, выражающееся в сосуществовании собственно с индустриями олдована комплексов без мелкого ретушированного инвентаря (преолдован) или же их обилием (микроиндустрия), а также раннего ашеля. На стоянке Айникаб 1 и других памятниках олдована Центрального Дагестана, где развитие культуры с перерывами прослеживается на протяжении как минимум около 1 млн. лет примерно от 2 млн. до 800 тыс. лет назад микроорудия в разной степени выраженности представлены во всех литологических уровнях содержащих археологические находки. Они являются неотъемлемой частью всех более или менее представительных в количественном отношении археологических комплексов и органично сочетаются с макроорудиями.

Литература

- Амирханов Х.А., 2007. Исследование памятников олдована на Северо-восточном Кавказе (предварительные результаты). М.
- Амирханов Х.А., Трубихин В.М., Чепальга А.А., 2009. Палеомагнитные данные к датировке многослойной стоянки раннего плейстоцена Айникаб-1 (Центральный Дагестан) // Древнейшие миграции человека в Евразии. Материалы Международного симпозиума. Новосибирск.
- Деревянко А.П., Амирханов Х.А., Зенин В.Н., Анойкин А.А., Рыбалко А.Г., 2012. Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск.
- Sahnouni M., Heinzelin (de) J., 1998. The Site of Ain Hanech Revisited: New Investigations at this Lower Pleistocene Site in Algeria // Journal of Archaeological Science. Vol. 25.
- Leakey M.D.. 1971. Olduvai Gorge. Excavations in Bed I and II, 1960-1963. Cambridge.

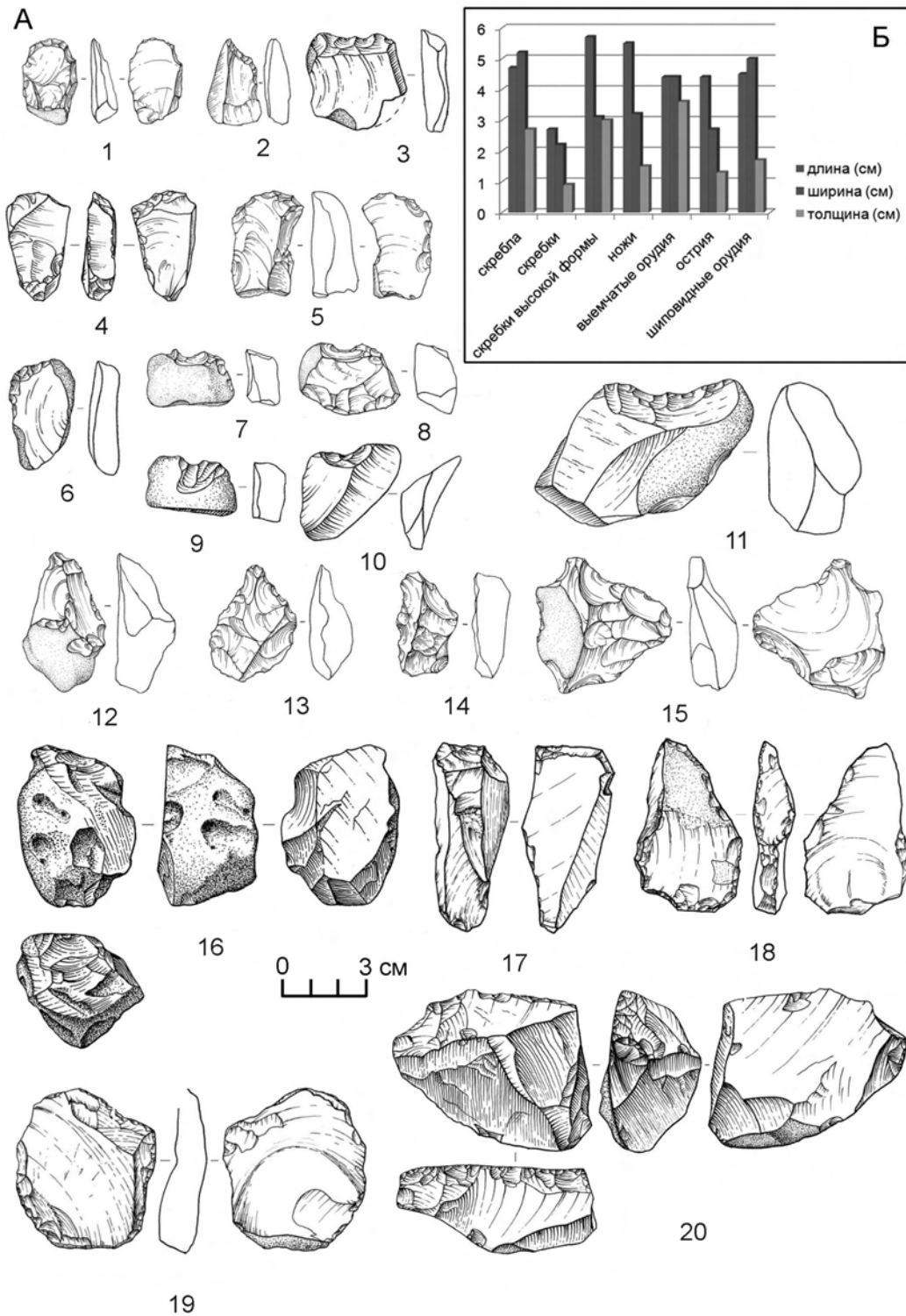

Рис. 1. Мелкие орудия стоянки Айникаб 1 (А) и средние размеры мелких орудий по типам (Б): 1-6 – скребки, 7-11 – выемчатые орудия, 12-14 – острия, 15 – шиповидное орудие, 16, 17 – скребки высокой формы, 18 – нож с обушком, 19, 20 – скребла

А.В. Шишлов, А.В. Колпакова, Н.В. Федоренко

Новороссийский исторический музей-заповедник, г. Новороссийск

ИССЛЕДОВАНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ
(МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ) КАТУСВИНА КРИВИЦА-2 ПОД
НОВОРОССИЙСКОМ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

Поселение Катусвина Кривица-2 расположено на северо-западной окраине ст. Натухаевской г. Новороссийска Краснодарского края, на мысообразном отроге, ограниченном с юго-юго-запада балкой Катусвина Кривица (Нагаева), а с северо-востока безымянным ручьём. Территория поселения подтреугольной в плане формы, ориентирована длинной стороной с юго-востока на северо-запад, длиной до 700 м, шириной до 360 м. Площадь - 16,9 га. Центральную часть поселения с северо-востока на юго-запад прорезает мелиоративная (водоотводная) траншея длиной 320 м и шириной 4 м, разделяя памятник на две части: северо-западную и юго-восточную. Северо-западная часть поселения длительное время распахивалась и использовалась под виноградники. Её размеры 420x170 м, площадь 5,5 га выявлена по подъемному материалу. Юго-восточная часть поселения, уходит под жилую застройку. Подъемный керамический материал датирует поселение двумя периодами: эпохой ранней бронзы (майкопской культурой) IV тыс. до н.э. и античностью I-IV вв. н.э. Памятник был обнаружен экспедицией Новороссийского исторического музея-заповедника (НИМЗ) в 2010 г. (Колпакова, 2012). Для получения данных о стратиграфии поселения, в 2013 г. напротив зоны распространения находок эпохи бронзы, на двух участках (Разрез 1 и Разрез 2) были сделаны зачистки СЗ борта мелиоративной траншеи.

Разрезы длиной по 5 м каждый, расположены в 50 м друг от друга. Стратиграфия разрезов показала наличие не потревоженного культурного слоя поселения майкопского времени, слой античного периода не выявлен. Культурный слой поселения представляет собой золистый серо-коричневый суглинок толщиной от 20 см (Разрез 1) до 50 см (Разрез 2), перекрытый пахотным слоем. В обоих разрезах зафиксированы хозяйственные ямы. В Разрезе 1 зафиксирована Яма №1, овальной в плане формы, размером 142x140 см, глубиной 68 см от уровня материка. Центральная и восточная часть ямы уничтожена мелиоративной траншеей. В Разрезе 2 обнаружена Яма №2, овальной в плане формы, размером 210x190 см, глубиной до 80 см от уровня материка. Яма прорезает дно ещё трёх ям и стратиграфически является частью единого с ними комплекса, предположительно - землянки, на что указывает их общее заполнение, идентичное культурному слою.

Археологический материал представлен керамикой, каменными и костяными изделиями. Основной материал - фрагменты керамических сосудов:

- фрагменты красноглиняных и сероглиняных сосудов из качественной глины без минеральных примесей (1 класса, по С.Н. Корневскому (Корневский, 2004. С. 22)): закрытого типа (рис. 1, 1-4) и мисок с венчиками формы 2 (венчик сложнопрофильный, расположен под углом к тулову миски,

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

край заовален, внутренняя часть вдаётся вовнутрь) (здесь и далее формы венчиков мисок даны по Резепкину (*Резепкин*, 2009. Табл. 1. С. 319)) (рис. 1, 5-7) и формы 3 (край венчика оттянут наружу, лежит горизонтально) (рис. 1, 8-13); с уплощенными доньями (рис. 1, 4, 15).

- фрагменты серо-коричневых сосудов из глины с минеральными примесями (2 класса, по Кореневскому): закрытого типа (рис. 1, 16-18) и мисок с венчиками формы 1 (венчик простой, край заовален) (рис. 1, 19), с плоскими доньями (рис. 1, 20, 21).

- фрагменты чернолощёной керамики, в тесте которой содержатся минеральные примеси, что характерно для новосвободненской керамики (*Резепкин*, 2008. С. 158). В составе этой группы керамики: сосуды закрытого типа (рис. 1, 22, 23), в том числе с петлевидными ручками (рис. 1, 24) и миски с венчиками формы 1 (венчик простой, край заовален) (рис. 1, 25, 26) и формы 6 (край венчика резко загнут внутрь, плоский) (рис. 1, 27, 28).

Часть красноглиняных сосудов первого класса без минеральных примесей украшена орнаментом. Наиболее часто встречается орнамент, нанесенный тёмно-красной краской: горизонтальные полосы вдоль венчика с внешней и внутренней стороны и горизонтальная полоса вдоль венчика и отходящие от нее ко дну вертикальные полосы (рис. 1, 13, 14). Реже встречается пролощённый орнамент в виде зигзагообразной линии на горле сосуда закрытого типа (рис. 1, 3) (анalogии происходят с Псекупского поселения (*Резепкин*, 2003, С. 45. Рис. 1, 7) и с поселения Натухаевское-3) и процарапанный орнамент в виде X-образных знаков, состоящих из взаимно пересекающихся тройных линий, нанесенных последовательно по верхней части тулова биконического сосуда с уплощённым дном (рис. 1, 3).

Керамический материал (1 и 2 класса, по С.Н. Кореневскому), описанный выше, а также наличие таких специфических признаков, как: пролощённый по горлу зигзагообразный орнамент и фрагменты глиняных конусовидных полых очажных приставок (*Кореневский*, 2004. С. 40) с овальной в плане и грибовидной в сечении головкой, позволяют отнести поселение Катусвина Кривица-2 к закубанской группе памятников майкопской культуры, к её псекупскому варианту (по С.Н. Кореневскому). Наличие такого компонента, как орнаментация краской сосудов 1 класса (рис. 1, 13, 14) объединяет поселение с недавно выделенным Новороссийским блоком памятников, в который входят поселения Дюрсо-1 и Натухаевское-3 (*Кононенко*, 2003. С. 40-56; *Шишлов и др.*, 2010. С. 374-377; 2013. С. 469-471). Присутствие чернолощёной керамики, схожей с новосвободненской - это отдельный вопрос, требующий уточнения и сравнительного анализа.

Дальнейшее изучение материалов памятника и получение результатов радиоуглеродных анализов позволит определить его хронологические параметры.

Литература

- Колпакова А.В.*, 2012. Отчет об археологических разведках на территории г. Новороссийска Краснодарского края в 2010 г. Новороссийск // Архив НГИМЗ. НА-8839.
- Кононенко А.П.*, 2003. Поселение Майкопской культуры Дюрсо // Исторические записки (исследования и материалы). Вып. 4. Новороссийск.
- Кореневский С.Н.*, 2004. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. М.

Археология каменного века, эпохи ранней и средней бронзы

Резепкин А.Д., 2003. Керамика Майкопской культуры с лощеным орнаментом // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3. Краснодар.

Резепкин А.Д., 2008. Поселение Новосвободненское // Археология Кавказа и Ближнего Востока. Сборник к 80-летию члена-корреспондент РАН, профессора Р.М. Мунчаева. М.

Резепкин А.Д., 2009. Миски из поселений Майкопской культуры. Классификация // Пятая Кубанская археологическая конференция. Тезисы и доклады. Краснодар.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2010. Исследования поселения Майкопской культуры у ст. Натухаевской // XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тезисы докладов. Магас.

Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., 2013. Орнаментация краской керамики на памятниках майкопской культуры в приморской части предгорий Северо-Западного Кавказа // Шестая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.

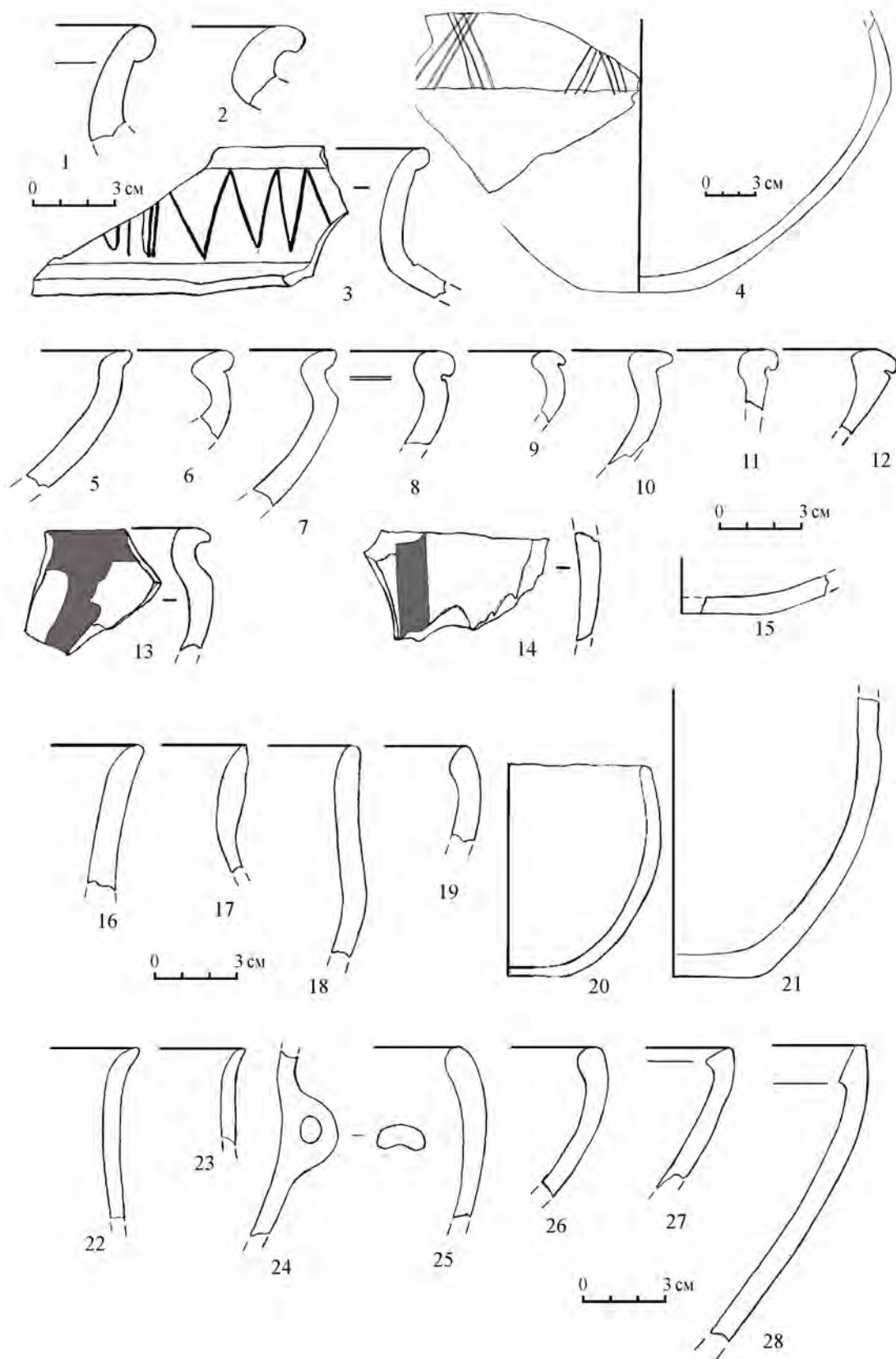

Рис.1. Поселение Катувина Кривица-2. Керамический материал.
 1-15 – сосуды без минеральных примесей, 16-21 – сосуды с минеральными
 примесями, 22-28 – сосуды чернолощенные с минеральными примесями

A. Courcier

Institut de Recherche sur les ArchéoMATériaux (CNRS), Belefort, France

B. Djallilov

Institute of Archaeology and Ethnography ANAS, Baku, Azerbaijan

N. Gailhard

Universités Paris Ouest Nanterre La Défense, Paris I, France

A. Hauptmann

German Mining Museum, Bochum, Germany

METALLURGY DURING THE CHALCOLITHIC (5-TH MILLENNIUM B.C.)
IN AZERBAIJAN: AN INSIGHT THROUGH ANCIENT EXCAVATIONS AND
RECENT DISCOVERIES (MENTESH TEPE, OVÇULAR TEPE)

The questions on the beginnings of ancient metallurgy in Azerbaijan have been the subject of studies since a long time ago and still continue to be debated today. The first metallurgical evidence, indeed mostly indirect, appeared during the 6th millennium in few sites related to Shomu-Shulaveri Culture: Gargalartepe (Азарова, Махмудов, Нариманов, 1973. С. 435), Göytepe (Courcier, in press), Hasansutepe (Museibli N., personal communication). During the 5th millennium, the metallurgy seems to be characterized by a technological development, according to the discoveries found, several decades ago, in sites related to Kul'tepe-Alikemektepe and Sioni Cultures. But, these data are too limited or too ancient in order to well define the Cultures represented, to date them and to estimate their relationships. As well as, the data concerning the metallurgy during this period are limited to few discoveries. At Kul'tepe 1 (Nakhichevan) and Alikemektepe (Imishli district), ornaments, tools and metallurgical waste were found by A.A. Abibullaev (Абibuллаев, 1965. С. 67; Selimkhanov, 1966. S. 226) and F.R. Makhmudov (Махмудов, Нариманов, 1974. С. 455). However, the levels, where the metal objects were discovered, are not dated with certainty (Lyonnet, Gulyev, 2010. S. 223-224). Two metal objects, discovered by I.G. Narimanov several years ago at Chalagantepe (Agdam district) (Нариманов, Джафаров, 1990. С. 5), illustrate the metallurgy during "Sioni Culture".

The settlement of Mentesh-Tepe is located in western Azerbaijan at the foot of the Smaller Caucasus in the Kura River valley. It was first visited by I. Narimanov in the 1960's who dated it to the Chalcolithic period, mentioning the presence of combed pottery. At that time, the site was a small and already very damaged mound 40-45 m in diameter, 1 m high (Нариманов, 1987. С. 32-33). During the 70's, the mound was totally leveled down in order to give place to a vineyard. Thanks to inhabitants' indications, its location was re-discovered in 2007, near the village of Ashagi Ayibli in the Tovuz district. Excavations have been programmed since 2008 and are still in process. Sponsored originally by the Ministry of Foreign Affairs in France, they are now part of a joint ANR-DFG project "Ancient Kura" directed by Pr. Dr. Bertille Lyonnet (Head of research, CNRS – UMR 7192, Paris) and Dr. Barbara Helwing (Head of research, Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung, Berlin). Four seasons of excavations at Mentesh-Tepe have

unearthed numerous metallurgical evidences. Most of them come from the Chalcolithic levels and date to the second half of the 5th mill. BCE, others are related to the Kuro-Araxe Culture (second half of the 4th – first half of the 3rd mill.). The number of metallurgical finds is exceptional. It is the first time indeed that so many items, including objects, ores and waste, have been discovered in a settlement of such an ancient date in the Caucasus. In order to better understand and characterize the metallurgy at Mentesh Tepe we have engaged archaeometallurgical studies in Research Laboratory for Archaeology and Materials Sciences at the Deutsches Bergbau-Museum at Bochum (Germany), under the direction of Pr. Dr. Andreas Hauptmann.

Ovçular Tepesi is a late prehistoric settlement located in western Nakhchivan, immediately to the North of the village of Dize (district of Sarur), on a natural hill overlooking the Arpaçay river. It is a multi-period site, whose archaeological deposits belong to the Chalcolithic and Early Bronze Age. The site is situated in a strategic location. It controls one of the major northbound routes in Nakhchivan, which leads from the Araxes valley to the highlands of the South Caucasus. In 2006 the excavation of the site started in collaboration with a French team under the auspices of the Azerbaijani National Academy of Sciences (AMEA, NB) and the French National Centre for Scientific Research (CNRS) under the direction of C. Marro and V. Bakhshaliyev (*Marro et al.*, 2011).

Important information relating to metallurgy issues of Caucasian Late Prehistory was made at Ovçular Tepesi during the last three excavation seasons. In 2010, three copper axes were found in a Late Chalcolithic burial jar together with the remnants of new-born child. These tools consisted of two flat axes together with a shaft-hole axe-hammer. The exceptional value of this grave is further enhanced by comparison with four other child burials discovered at Ovçular Tepesi since 2006: one of them found by chance and out of context, only contained two copper rings and a few white beads while the others contained no gift at all. But for sure, the copper axes and another found in burial are clearly the reflection of some kind of social hierarchy, which appears to have been well established at Ovçular Tepesi by the end of the 5th millennium.

Beside this discovery, we have also trace of a metallurgy production on the site with copper ore, slag, tuyère and one fragment of crucible. All these elements seem to suggest an unexpected metallurgical activity at a site like Ovçular Tepesi for the 5th and 4th millennium.

The finding of metal objects or related object to the metallurgical production in a site like Ovçular Tepesi no doubt represents an exceptional discovery, even if very little is known about this technological context: geochemical and metallographic analyses are now conduct in Research Laboratory for Archaeology and Materials Sciences at the Deutsches Bergbau-Museum at Bochum (Germany), under the direction of Pr. Dr. Andreas Hauptmann. We hope to present at this conference more details about the production system leading to the crafting of these tools.

These metallurgical evidences, found in these two recent excavations at Mentesh Tepe and Ovçular Tepe, illustrate probably the development of metallurgy during the 5th millennium BC. We will present here the preliminaries results of archaeometallurgical investigations realized in the Research Laboratory for Archaeology and Materials Sciences at the Deutsches Bergbau-Museum at Bochum in Germany. These research could contribute to better understand the beginnings of the metallurgy in the South Caucasus during the Chalcolithic.

References

- Абибуллаев О.А.*, 1965. К вопросу о древней металлургии Азербайджана // МИА. Вып. 125.
- Азарова Р.Б., Махмудов Ф.Р., Нариманов И.Г.*, 1973. Раскопки на энеолитическом поселении Гаргалар Тепеси // АО-1972 г. М.
- Махмудов Ф.Р., Нариманов И.Г.*, 1974. Поселение Аликемек Тепеси // АО-1973 г. М.
- Нариманов И.Г.*, 1987. Культура древнейшего земледельческо-скотоводческого населения Азербайджана (эпоха энеолита VI-IV тыс. до н.э.). Баку.
- Нариманов И.Г., Джафаров Г.Ф.*, 1990. О древней металлургии меди на территории Азербайджана // СА. №1.
- Courcier A.*, 2012. Mentesh Tepe, the metallurgical Evidence: preliminary results of archaeometallurgical analyses // Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan. Bd. 44.
- Courcier A.*, in press. Ancient metallurgy in the Caucasus from the middle of the Vth / beginnings of the IVth to the IIIrd millennium B.C. // *A Global Perspective in Early Metallurgy*. New York.
- Courcier A., Bode M., Hauptmann A., Jalilov B., Prange M., Ragimova M.*, forthcoming. Archaeometallurgical research on metallurgical artefacts discovered at Mentesh-Tepe (the 5th millennium BC): preliminary results // *Origeni* (in press).
- Lyonnet B., Gulyev F.*, 2010. Recent Discoveries on the Neolithic and Chalcolithic of Western Azerbaijan // TÜBA-AR. Vol. 13.
- Marro C., Bakhshaliyev V., Ashurov S.*, 2011. Excavations at Ovçular Tepesi (Nakhichevan, Azerbaijan). Second Preliminary Report: the 2009-2010 seasons // *Anatolia Antiqua*. Vol. 19. Paris.
- Selimkhanov I.R.*, 1966. Ergebnisse von spektralanalytischen Untersuchungen an Metallgegenständen des vierten und dritten Jahrtausends aus Transkaukasien // *Germania*. Bd. 44.

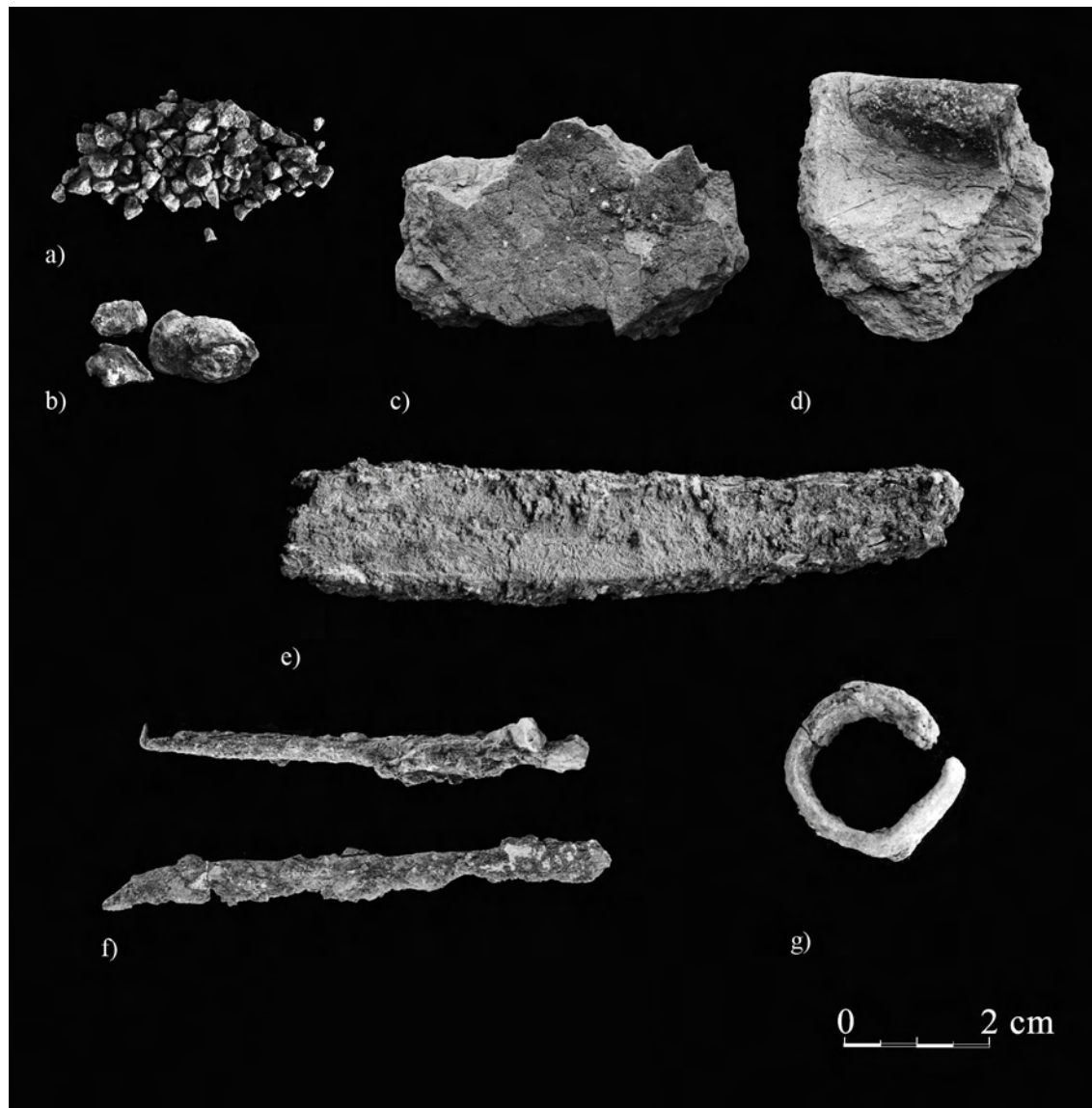

Fig.1. Diversity of metallurgical artefacts discovered in Chalcolithic levels at Mentesh-Tepe

a - copper bearing rock (azurite), b - copper bearing rock (digenite), c - crucible, d - mould, e - ingot, f - awls, g - ring

Археология позднего бронзового и раннего железного века

М.А. Бакушев, А.Ю. Чечина

ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону

ЗМЕЙСКИЙ МОГИЛЬНИК КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 2013 г. в связи с реконструкцией автомобильной трассы М29 специалистами ООО «Археологическое общество Кубани» проводились раскопки Змейского катакомбного могильника в Северной Осетии. Помимо катакомб X-XIII вв. и грунтового могильника, впущенных в слои городища первых веков н.э., был обнаружен и частично исследован могильник кобанской культуры, предположение о существовании которого было высказано ещё в 1957 году, после раскопок Д.В. Деопик Змейского поселения кобанского времени.

Могильник располагается на первой террасе на северном склоне Кабардино-Сунженского хребта. Основная территория могильника в настоящее время застроена сушильными камерами кирпичного завода; раскопками была затронута лишь его северная оконечность. Всего в ходе работ было исследовано 14 погребений кобанской культуры (погр. 3, 11, 12, 13, 15, 30, 35, 36, 50, 54, 59, 60, 61, 62 - по общей нумерации погребений раскопа), из которых 2 были парными (погр. 12, 13 и 60, 61). В трех случаях (погр. 15, 30, 36) был зафиксирован лишь погребальный инвентарь – кости скелета сохранились фрагментарно. Могильные ямы, ввиду особенностей грунта, прослежены не были.

Погребенные были положены на левый бок (кроме погр. 11 и 62) и имели ориентировку, тяготеющую к восточному сектору, за исключением двух, лежащих головой на запад (погр. 54 и 62) (рис. 2, VIII). Для всех скелетов (за исключением погр. 12) характерна слабая скорченность: были согнуты лишь кости ног и рук, в отдельных случаях наблюдался незначительный стиб позвоночника (например, погр. 50). Из деталей погребального обряда необходимо отметить куски белого известняка в двух погребениях (погр. 12 и 50), ещё в одном случае (погр. 60) был найден кремневый отщеп. Возможно, что эти камни в погребениях выполняли функцию оберегов.

Погребальный инвентарь был представлен в основном черноглиняными лепными керамическими сосудами от одного до трех в каждом погребении. В двух случаях (погр. 3 и 50) кувшинчики-черпачки (по Д.В. Деопик) были поставлены на крупный сосуд типа корчаги с преднамеренно отбитым венчиком. По численности среди сосудов преобладают упомянутые кувшинчики-черпачки, орнаментированные по тулову каннелюрами, вертикальной штриховкой или парными шишечками, а также корчаги. Интерес представляет миска из погр. 3, орнаментированная по тулову рядами треугольников, часть из которых была покрыта кривой штриховкой (рис. 1, I, 5), а также невысокая курильница-погремушка с широкой полкой ножкой в которой находились 5 (?) глиняных шариков (рис. 2, VI, 3). Надо отметить и два керамических пряслица, одно из которых конусовидной формы (рис. 2, VI, 2), а другое биконическое с выемкой в нижней части, украшенное вертикальными врезными полосами (рис. 1, II, 5).

Изделия из бронзы были найдены лишь в женском погр. 11 и ещё одна короткая бронзовая спираль была обнаружена под челюстью в мужском погр. 50. В погр. 11, в первую очередь, надо выделить бронзовый пояс, состоящий из 8 рядов спиралей с каждой стороны и оканчивающийся справа прямоугольной пряжкой со стилизованным зооморфным навершием и крючком с обратной стороны (рис. 1, II, 8). В районе пояса была найдена и бронзовая игла (рис. 1, II, 9). Показательны пластинчатые браслеты, найденные на запястьях погребенной. Они имели класси-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

ческую форму с валиком на тыльной стороне и волутообразными завитками на концах (рис. 1, II, 13). Также традиционными для кобанской культуры являются наконечники различного диаметра, изготовленные из витой пластины с продольным ребром. Их концы также украшены завитками (рис. 1, II, 12). Украшениями также являются височные кольца, изготовленные из пластины в 1,5 оборота и орнаментированные двумя продольными параллельными канавками (рис. 1, II, 3, 4). Бронзовые детали одежды представлены нашивными полусферическими бляшками (рис. 1, II, 11) и пуговицами-розетками в виде крестообразных пластин с загнутыми в одну сторону концами (рис. 1, II, 14). Загнутые концы обхватывали основу, по всей видимости, из кожи или плотной шерстяной ткани, остатки которой сохранились внутри пуговиц. Из бронзовых изделий надо отметить и найденный в разрушенном погр. 15 наконечник стрелы-площадик (рис. 2, I, 1).

В мужском погр. 3, а также в погр. 11 были найдены бусы. В погр. 3 их две, изготовленные из розовой пасты (рис. 1, I, 2). В погр. 11 были обнаружены сердоликовые бусы округлой формы (рис. 1, II, 2) и пронизь, состоящая из мелкого чередующегося голубого и белого бисера и раковин каури (рис. 1, II, 10).

Костяные изделия обнаружены в 2 погребениях. Это кабаньей клык и клык хищного животного (погр. 11; амулеты - ?) (рис. 1, II, 5, 6), а также четырехгранный втульчатый наконечник стрелы (погр. 12) (рис. 1, II, 13).

Железные изделия представлены железным ножиком со слегка загнутой спинкой (рис. 2, VII, 5) и железными штырями, обнаруженными у черепа в погр. 61 (рис. 2, VII, 6-8). Железные штыри, по всей видимости, являлись элементами крепления головного убора или головными булавками. Также следы железного изделия были обнаружены в погр. 3 (нож?).

Каменные изделия, помимо упомянутых оберегов, представлены также оселком, изготовленным из речной гальки (погр. 60, 61) (рис. 2, VII, 3).

На могильнике были обнаружены две ритуальные площадки (рис. 2, IX). Они представляли собой выкладки из речной гальки среднего размера, между камнями которой были обнаружены отдельные кости животных. На ритуальной площадке 1 обнаружены фрагменты черноглиняного сосуда, а на другой – сосуд с биконическим, сужающимся кверху туловом и круглой в сечении ручкой. Галечная выкладка площадки 1 с южной стороны была ограничена валиком обожженной глины, в то время как на самих выкладках следов обжига или кострища зафиксировано не было. Вероятно, площадки использовались для поминальной трапезы.

Коллекция вещей Змейского могильника кобанской культуры находит аналогии на Змейском поселении, с которым могильник составляет единый комплекс, а также в материалах ближайших к нему Эльхотовского и Николаевского могильников и в целом относится к центральному варианту кобанской культуры. Анализ материалов позволяет отнести исследованный участок могильника к позднему этапу и датировать VIII – первой половиной VII вв. до н.э. На нижнюю дату, помимо сосудов, указывают бронзовые браслеты и наконечники, а верхняя определяется датировкой костяной четырехгранной стрелы (рис. 1, III, 3), некоторыми формами сосудов (напр. рис. 1, I, 4; 2, III, 2), а также ножами, изготовленными исключительно из железа¹. Исследование этого могильника поможет уточнить и время прекращения существования Змейского поселения, определявшееся авторами раскопок (Д.В. Деопик, Е.И. Крупнов) в пределах середины VIII в. до н.э.

¹ Авторы благодарят научного сотрудника Института истории и археологии РСО-Алании Хасана Чшиева за помощь в хронологической интерпретации могильника.

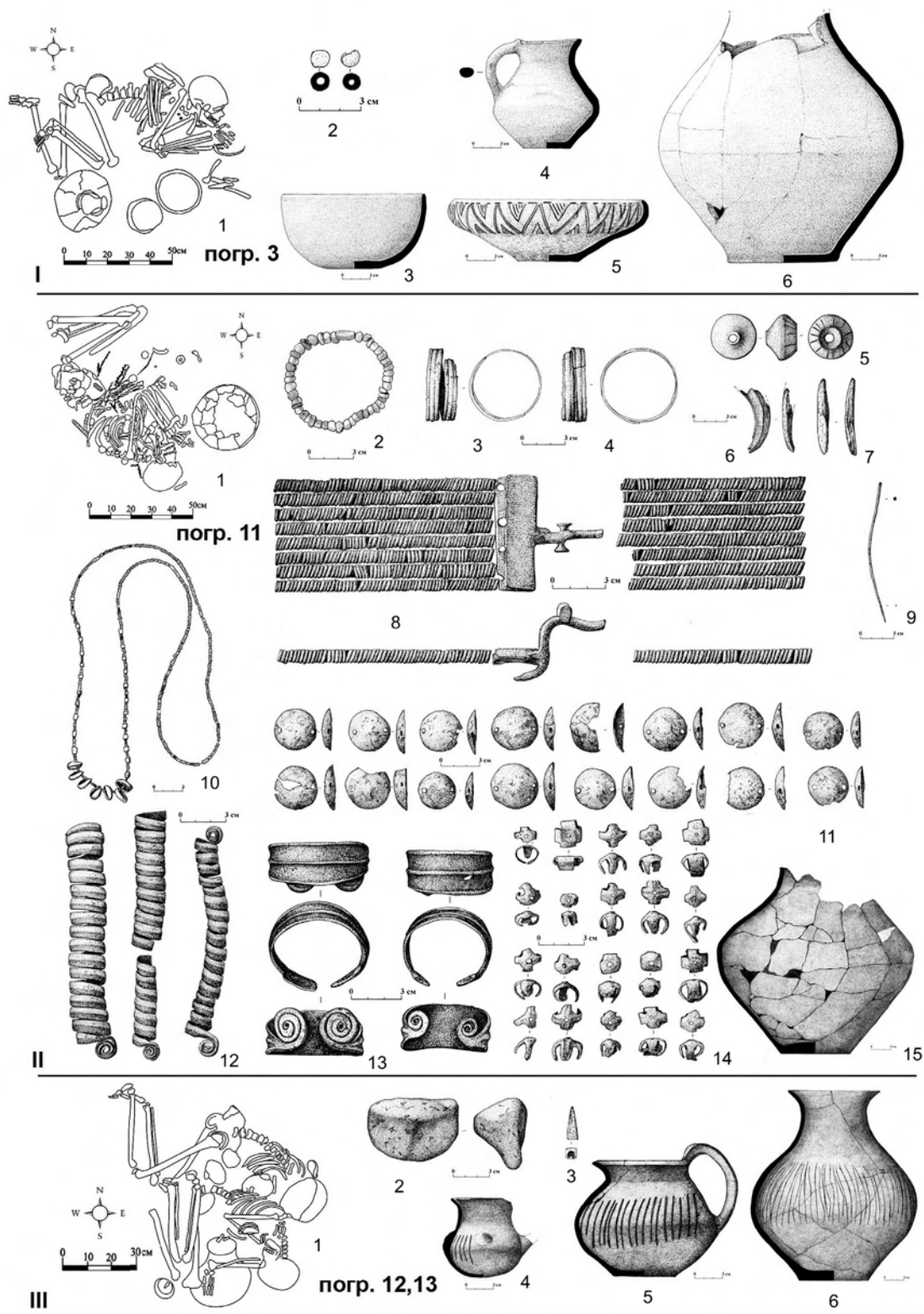

Рис.1. Змейский могильник кобанской культуры. I – погр.3; II – погр.11; III – погр.12, 13 (I, 2; II, 10 – паста, каури; I, 3-6; II, 5,15; III, 4-6 – керамика; II, 2 – сердолик; II, 3, 4, 8, 9, 11-14 – бронза; II, 6, 7; III, 3 – кость; III, 2 – белый известняк)

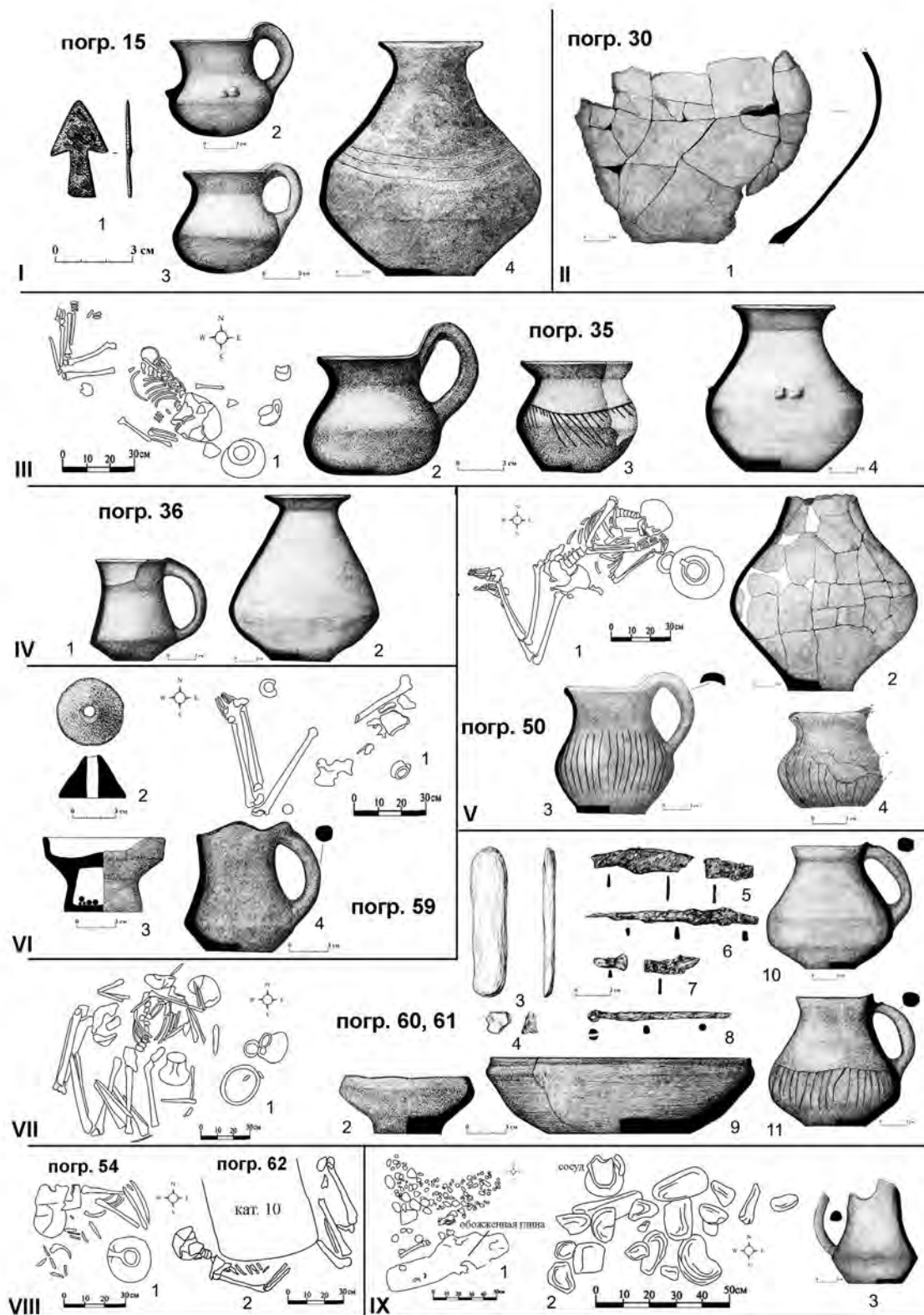

Рис.2. Змейский могильник кобанской культуры. I – погр.15; II – погр. 30; III – погр. 35; IV – погр. 36; V – погр. 50; VI – погр. 59; VII – погр. 60, 61; VIII – погр. 54, 62; IX – ритуальные комплексы 1 и 2 (I, 1 - бронза; I, 2-4; II, 1; III, 2-4; IV, 1,2; V, 2-4; VI, 2-4; VII, 2, 9-11; IX, 3 – керамика; VII, 3 – галька; VII, 4 – кремень; VII, 5-8 - железо)

А.Б. Белинский

*ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края, г.
Ставрополь*

С. Райнхольд

Германский археологический институт, г. Берлин, Германия

Т.Н. Мишина

Институт археологии РАН, г. Москва

ГУМБАШИ – «КРЕПОСТЬ» ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ПЕРЕВАЛЕ ГУМБАШИ МЕЖДУ РЕКАМИ ПОДКУМОК И МАРЫ

Крепость на перевале Гумбаши была открыта в 2009 г. По находкам с поселения, обнаруженным на первом этапе исследований, можно утверждать, что первые строения возникли здесь во II тыс. до н.э. и относятся к археологической культуре, которая с 2004 года исследуется в рамках проекта по научному сотрудничеству между ГУП «Наследие», г. Ставрополь (А.Б. Белинский), Институтом Археологии РАН, Москва (Д.С. Коробов) и Евразийским Отделом Германского археологического института, Берлин (С. Райнхольд). На сегодняшний день, с помощью данных, полученных при дистанционном зондировании и разведке, зафиксировано 282 археологических памятника, из которых почти все датируются эпохой поздней бронзы.

Однако поселение Гумбаши особо выделяется на фоне упомянутых памятников. Оно расположено на высокой террасе над одноимённым перевалом. В пределах видимости поселения находятся долина рек Подкумка и Мары, а также проход на плато Бечасын, ведущий к горному массиву Эльбруса. Таким образом, с поселения могли контролироваться ущелья вдоль реки Кубань и перевалы у восточного склона Эльбруса. Кроме того, структура самого поселения довольно необычна. В отличие от большинства ранее изученных памятников, расположенных на высокогорном плато к югу от Кисловодска, Гумбаши не имело типичной для них планировки - овальной формы с центральной площадью. На поселении находились двухкомнатные, примыкавшие друг к другу постройки, расположенные в ряд вдоль края склона (рис. 1, 1, 2).

Летом 2012 г. начались первые археологические исследования этого уникального археологического комплекса. Началу раскопок предшествовало исследование местности с помощью самой современной техники, базирующейся на определении магнитного поля Земли (рис. 1, 3). Это помогло определить точное расположение построек и детали их конструкции еще до начала раскопок. После проведения магнитометрии был заложен раскоп площадью 360 м² над постройкой «Е», которая хорошо читалась под дерном и выделялась удобством расположения среди других сооружений. С ЮВ к постройке «Е» примыкает постройка «И», с ЮЗ – постройка «З».

Хотя уже при снятии глазомерного плана было замечено, что планировка поселения имеет характер блоковой застройки, после проведения раскопок удалось уточнить приемы, используемые при сооружении этого здания. Под каменным задернованным развалом выявлены четыре внешние и одна внутренняя стены постройки (рис. 1, 4). Тем самым подтверждается предположение о том, что постройки были расположены в один или в два ряда, при этом одна или две стены являются общими для соседних конструкций. Постройки следует рассматривать как самостоятельные дома, а не как составную часть многокомнатного строительного комплекса, потому что, как правило, для каждой постройки имеется отдельный вход.

Керамический материал, найденный в раскопе, имеет аналогии на других поселениях к югу от Кисловодской котловины и датируется XIII-IX вв. до н.э. По результатам радиоуглеродного анализа, культурные слои поселения датируются 2900 ± 30 BP (1127-1025 calBC, 1σ) и 2950 ± 25 BP (1252-1126 calBC, 1σ).

Археология позднего бронзового и раннего железного века

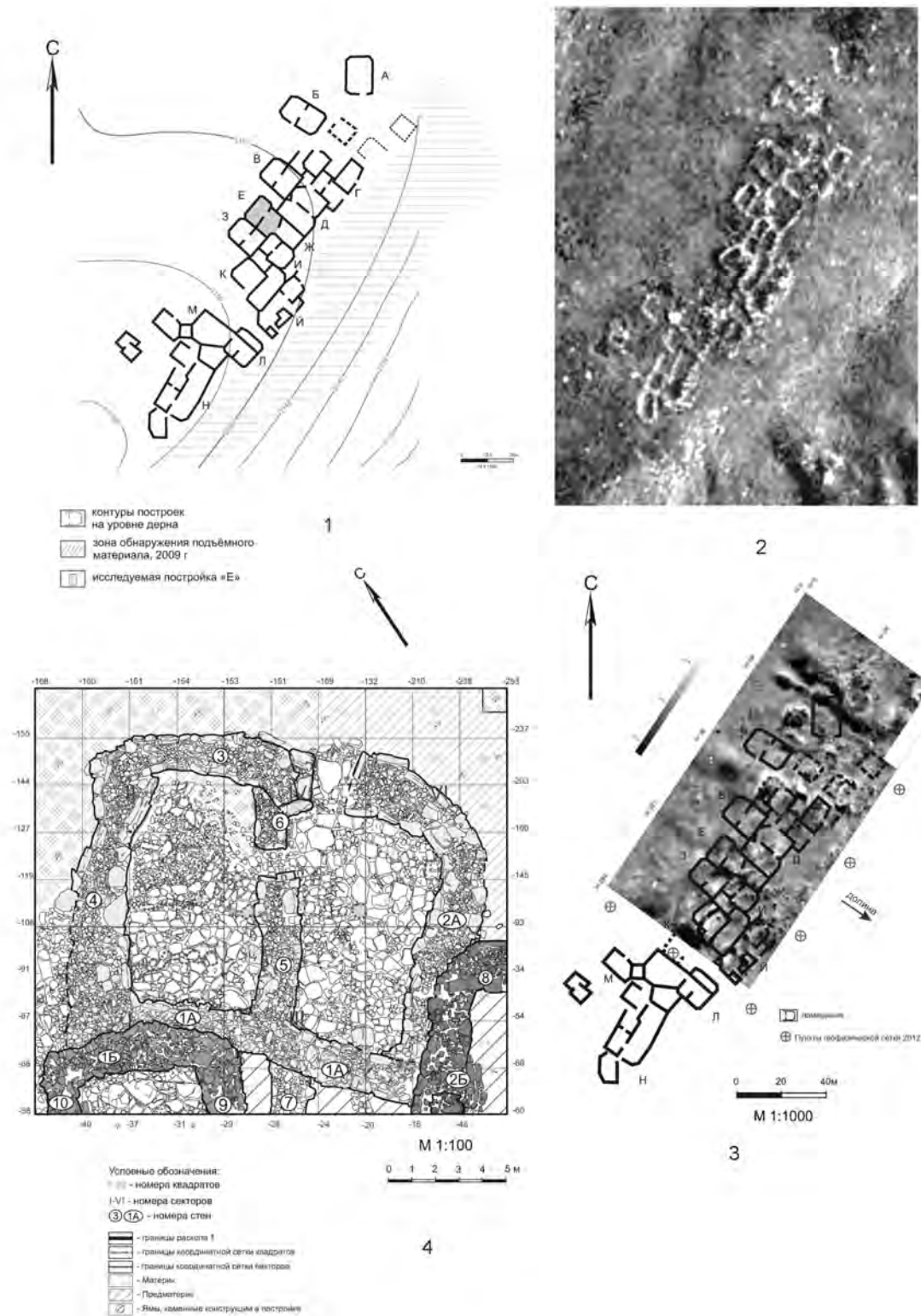

Рис. 1. Поселение Гумбаша. 1 – глазомерный план 2009 г.; 2 – аэрофото-съемка; 3 – глазомерный план 2009 г., совмещенный с данными магниторазведки 2012 г.; 4 – план раскопа 1, уровень фиксации 3

В.В. Бжания

Академия наук Абхазии, г. Сухум

С.М. Сакания, Д.С. Бжания

*Управление охраны памятников историко-культурного наследия
Республики Абхазия, г. Сухум*

ВЫЯВЛЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ В СЕЛЕ АРАСАДЗЫХЪ

В докладе сообщаются предварительные результаты работ экспедиции Управления охраны культурного наследия Республики Абхазия по фиксации памятников у крепости Ачапара с. Арасадзыхъ (2006, 2007, 2010 гг.).

Арасадзыхъ - это крупное абхазское село у места пересечения важных путей из прибрежной зоны к высокогорным пастбищам и военной стратегической колесной дороги вдоль южных склонов Главного Кавказского хребта из Закавказья к побережью Черного моря. Этим путем, вероятно, двигались скифы в Переднюю Азию, а в античное и средневековое время римские и византийские легионы, арабские и персидские конные отряды. Военно-стратегическое значение этой дороги определило появление рядом с ней оборонительных сооружений. В западной части с. Арасадзыхъ параллельно дороге тянется сплошная линия крепостных башен и стен, являющаяся одним из участков Великой Абхазской (Келасурской) стены. А в центре села на вершине горы стоит крепость Ачапара, сложенная из каменных плит и рваного камня на известковом растворе. Непрístupная крепость выглядела, очевидно, настолько внушительной, что для ее штурма понадобилась мощная катапульта. Увесистый «снаряд» такой катапульты был найден нами у подножия стен крепости. Этот снаряд-ядро представлял собой каменный шар с тщательно отшлифованной сферической поверхностью. Диаметр ядра 20 см и вес 8 кг.

На террасе перед крепостью на поверхности многократно перепаханного поля нами была собрана большая коллекция фрагментов керамики эпохи бронзы, раннего железного века, античности и раннего средневековья. У места концентрации наиболее древних находок, в юго-западной части террасы, там, где ее уклон (около 30°) начинает резко увеличиваться и превращаться в крутой склон горы, был заложен раскоп площадью 125 м². Наличие скальных оголений рядом с раскопом предполагало малую мощность культурного слоя. Однако после снятия первого пласта темно-коричневого суглинка мощностью 0,35-0,4 м оказалось, что культурный слой на всех квадратах продолжается и ниже. Из-за отсутствия возможности исследовать всю площадь раскопа за один полевой сезон нам пришлось углубиться только на одном угловом северо-западном квадрате, слой на котором продолжался до глубины 2,8 м. Квадрат был исследован только в 2010 г. В этом разведочном шурфе всю толщину грунта составляли две пачки слоистых отложений сильно гумусированного рыхловатого суглинка. До глубины 0,3-0,4 м слой был перемешан распашкой и наносами грунта из разрушающегося культурного слоя на более высоких участках поселения. Перемещение грунта и фрагментов керамики происходило и с вершины горы, где зафиксированы погребения раннежелезного века и остатки более древнего поселения.

На уровне 0,5-0,6 м картина несколько изменилась, грунт посветлел, уменьшилось содержание в нем фрагментов керамики. Нижняя пачка почти полутора-метровой мощности также состояла из слоистых темно-коричневых отложений. Но окраска слоя была все же более светлой, в ней отмечался большой процент содержания глинистых частиц. В самом низу начали встречаться мелкие уголки и частицы золы. В процессе раскопок наблюдалась следующая закономерность:

Археология позднего бронзового и раннего железного века

если в верхней пачке отложений отмеченная выше слоистость грунта имела уклон приблизительно в 30° , то в нижней пачке отложений слоистость выравнивается и становится почти горизонтальной. Эти наблюдения указывают на то, что разведочный шурф прорезал отложения древнего жилища, разрушенного пожаром. Вероятно, перед постройкой деревянного дома обитатели древнего поселения сделали подбой грунта на склоне горы для выравнивания жилой площадки. В противном случае надо предположить, что конфигурация склона горы в древности была несколько иной, склон горы был круче, основание поверхности террасы было более ровным. В результате археологических работ собрана большая коллекция керамики, зернотерок и терочников, найден обломок каменного ударного орудия (булава или молот) с просверленным отверстием.

На основании находок можно предварительно датировать существование поселения концом II - началом I тысячелетий до н.э. Затем, возможно, после пожара, жилища были перемещены ниже, к восточному краю террасы, а некоторые жилища оказались подняты выше к вершине горы. Следующая фаза жизни поселения должна относиться ко второй половине I-го тысячелетия до н.э. Ближе к восточному краю террасы на поверхности поля после распашки встречались фрагменты античных амфор.

На вершине горы, внутри крепости, у её юго-западного края, нами обнаружен человеческий костяк, ориентированный головой на юго-запад. На обломках тазовых костей лежал железный втульчатый наконечник копья с выделенной нервюрой и небольшой керамической сосудик с отогнутым и округленным венчиком. Край венчика в одном месте слегка вдавлен для слива. Поверхность сосуда носит следы горизонтальной затирки гребенкой. Гребенчатое заглаживание поверхности характерно для большинства фрагментов сосудов, найденных в раскопе в верхних отложениях культурного слоя. Погребение датируется пре-античным временем.

За террасой перед крепостью склон горы спускается вниз, образуя через 1,5 км еще одну террасу, занятую усадьбой крестьянина Каласа Капба. Эта терраса завершается невысоким, но крутым холмиком с выровненной вершиной. На вершине холма мы обнаружили развалины маленькой церквушки. Этот храм был укрыт густыми зарослями кустарника и деревьев, поэтому оставался неизвестным даже местным жителям. Храм имеет прямоугольную форму (4,5 x 3,5 м), с вписанной полукруглой абсидой в алтаре. Стены сооружения сохранились до высоты 1,5 м. Они сложены с двух сторон каменными блоками, между которыми помещена забутовка. Внутри храма на полу найдены куски штукатурки со следами росписи. В алтарной части обнаружены четыре железных креста и шестнадцать медных бубенчиков от кадильницы. На полу храма найдены: фрагмент орнаментированного оклада иконы, 27 бусинок из камней, стекла, горного хрусталя; маленькая керамическая ваза XI-XII вв., покрытая зеленой поливой, фаянсовая крышка небольшого сосудика с растительной росписью, а также рельефная иконка-панагия из смальты с рельефным изображением Иисуса Христа с архангелами по сторонам (7 x 6 см) конца XIII - начала XIV вв., четыре серебряные, две медные и одна бронзовая монеты. На двух серебряных монетах XVI-XVIII вв. сохранились надписи арабской вязью. На медных монетах, относящихся, вероятно, к XIV-XV вв., сохранились латинские буквы и изображение короны. Судя по архитектурным особенностям церкви, а также по некоторым находкам, её постройку нужно отнести к XII-XIII вв. Очевидно, позже развалины древнего сооружения почитались местным населением как святилище.

О.А. Брилева

Государственный музей искусств народов Востока, г. Москва

Ш.О. Давудов

Институт истории, археологии, этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

А.А. Чижова

Государственный Эрмитаж, г. С.-Петербург

КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА ГОРНОГО ДАГЕСТАНА

Как справедливо отмечал А.П. Круглов, «случаи находок статуэток при специальных археологических работах крайне редки» (Круглов, 1946. С. 31), поэтому представляется необходимым зафиксировать каждый из них. В августе 2013 г. в рамках работ ДНЦ РАН мы посетили некоторые культовые места Горного Дагестана: уточнили имеющиеся описания; зафиксировали их с помощью GPS; сфотографировали.

В рамках 10-дневной поездки нам удалось посетить аул Согратль и подняться на вершины Хурцы-Гаал и Росдан-Меэр; подняться на г. Зуберха близ с. Гергебиль; в с. Агвали Цумадинского района мы посетили школьный музей и поговорили с информантом – жительницей села Инхоквари; в с. Гигатль-Урух встретились с находчиком Гигатлинского клада Али Асхабом Магомедовым, который рассказал об условиях обнаружения клада и показал место находки; удалось также совершить восхождение на г. Берак близ с. Арчо; встретиться в с. Чадаколоб с находчиком Чадаколобского клада Омаром Мансуровичем Омаровым, что позволило уточнить место его находки и увидеть часть вещей, не вошедших в эрмитажную коллекцию; посетить святилище близ с. Хосрех (рис 1, 1). В школьном музее с. Агвали Цумадинского района преподаватель истории Азмай Хасбулаевна Абдулкеримова разрешила зарисовать фигурку, найденную в 60-х гг. XX в. в окрестностях с. Тлондада (рис. 1, 2).

Места обнаружения фигурок в горном Дагестане условно можно разделить на три группы: находящиеся в высокогорных долинах; на широких террасированных склонах; на вершинах гор.

На сегодняшний день известно лишь одно святилище, расположенное в долине. В 3 км к югу от с. Хосрех на юге Кулинского района Дагестана на правой надпойменной террасе р. Кулинка в 1977 г. О.М. Давудовым исследовано святилище (Давудов, 1980а. С. 277–285; 1980б. С. 20–21; 1983. С. 43–57). Памятник находится в долине на высоте 2128 м. Автор раскопок относит памятник к VIII — первой половине VII вв. до н.э. (Давудов, 1983. С. 48–51). Святилище находит аналогии среди памятников Восточной Грузии (Мели-Геле I и II, Мелаани, Шилда и др.) и синхронно им.

К памятникам на террасированных склонах относятся находки из сел Чадаколоб и Гигатль-Урух.

В 1978 г. в с. Чадаколоб Тляртинского района Дагестана Омар Мансурович Омаров, добывая камень для строительства сарая, раскопал холм, расположенный недалеко от его дома. Он находится на высоте 1562 м. Возвышенность, известная среди местных жителей под названием «Гимакин», приблизительно имела высоту 1,5 м и диаметр 10 м. Плиты обнаруженной им стены лежат в 250 м от места находки в основании построенного им сарая. В ходе работ ему удалось обнаружить прямой угол стены строения.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Стена состояла из двух стенок, прилегающих друг к другу. Внешняя стена имела толщину 1 м, внутренняя – 0,3 м.

В углу постройки лежала плита, которую находчик поддел кайлом. Плита закрывала горлышко крупного сосуда, который тут же был разбит. По описанию, сосуд был красноглиняным, без ручек, с отогнутым наружу венчиком, без орнамента. Внутри него находились бронзовые предметы. Большинство из них находчик сдал в Эрмитаж (Доманский, Пиотровский, 1981). Оставшиеся вещи дарил друзьям и знакомым. Часть из них до сих пор хранится у него (подготовлены к публикации О.М. Давудовым, в печати).

После продажи части найденных вещей в Эрмитаж жители селения продолжили раскапывать холм, но ничего ценного не нашли. Через год О.М. Омаров снова попытал счастья, прокопав экскаватором траншею с внутренней стороны стены. Оставшаяся траншея ориентирована по линии С-Ю, возможно, таким же образом была ориентирована стена строения. В итоге остатки холма были скрыты. В наши дни место находки представляет собой обширную плоскую террасированную треугольную площадку, расположенную на склоне горы. По рассказам местных жителей, к северу от места находки вещей, на склоне обрыва, находится зольник. В золе находили мелкие пережженные кости животных. В советское время из золы школьники делали чернила, разводя ее с водой. Жители села рассказали также о находках нескольких бронзовых фигурок и кладов в окрестностях.

В 1971 г. в фонды Дагестанского краеведческого музея поступило 5 фигурок из окрестностей с. Гигатль-Урух Цумадинского района (Кажлаев, 1972. С. 3-4). В первых публикациях отсутствует информация об обстоятельствах и авторе находки. Нам удалось встретиться с находчиком – Али Асхабом Магомедовым из с. Гигатль-Урух. Он рассказал, что фигурки были найдены недалеко от с. Верхний Гигатль на треугольной склоновой земледельческой террасе (1199 м над уровнем моря). Местные жители называют это место «Шарип хаталиб» (авар. – участок, поле Шарипа) по имени бывшего владельца. На этом месте Али Асхаб с другом пас скот. На восточной оконечности террасы, перебирая мягкий грунт, один из друзей вытащил из земли бронзовый диск. Под диском на плоской песчаниковой плите толщиной около 1 см лежали фигурки людей, обращенные головами друг к другу, ногами – в разные стороны. Вокруг ног фигурок, образуя окружность, в два слоя лежали обломки песчаниковой плиты длиной 13-15 см и шириной 6 см при толщине около 1 см. Бронзовый диск закрывал головы и тела фигурок. Находчик указал на грунт светло-серого цвета, состоящий из смеси песка и пепла, сказав, что в таком грунте лежали фигурки. На террасе слева от находки клада расположена группа камней высотой около 1 м, на некоторых из которых имеются углубления, которые можно использовать в качестве сидения. Все камни с углублениями обращены в сторону ущелья. Обнаруженные камни по внешнему виду схожи с камнями на осетинских ныхасах.

К памятникам на вершинах гор относится культовые места Хурцы-Гаал и Росдан-Меэр, горы Зуберха и Берак.

Вершины Хурцы-Гаал и Росдал-Меэр расположены недалеко от аула Согратль. Через них проходит «общедагестанская дорога пастухов» для перегона мелкого рогатого скота. По этой дороге нас провел житель с. Согратль Ахмед Гаджиев.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Хурцы-Гаал (2512 м над уровнем моря) (авар. Хурци-Ккал) переводится как «болотистое ущелье», начало ущелья условно называют его вершиной, над ней находится гора Шулельдериль-Меэр. В 1935 г. местный житель Усман Тавака нашел бронзовую фигурку женщины. В 1937 г. место находки было осмотрено экспедицией М.И. Артамонова и описано как «площадка длиной 18 м и шириной 8-9 м» (Круглов, 1946. С. 35), а в 1941 г. — М.И. Исаковым. Но осмотр не дал результатов (Исаков, 1966. С. 74. № 933). Вероятно, фигурка сползла со склона или вершины горы Шулельдериль-Меэр вместе с культурным слоем во время оползней. Сама «вершина» Хурцы-Гаал представляет из себя обнаженную наклоненную скалу.

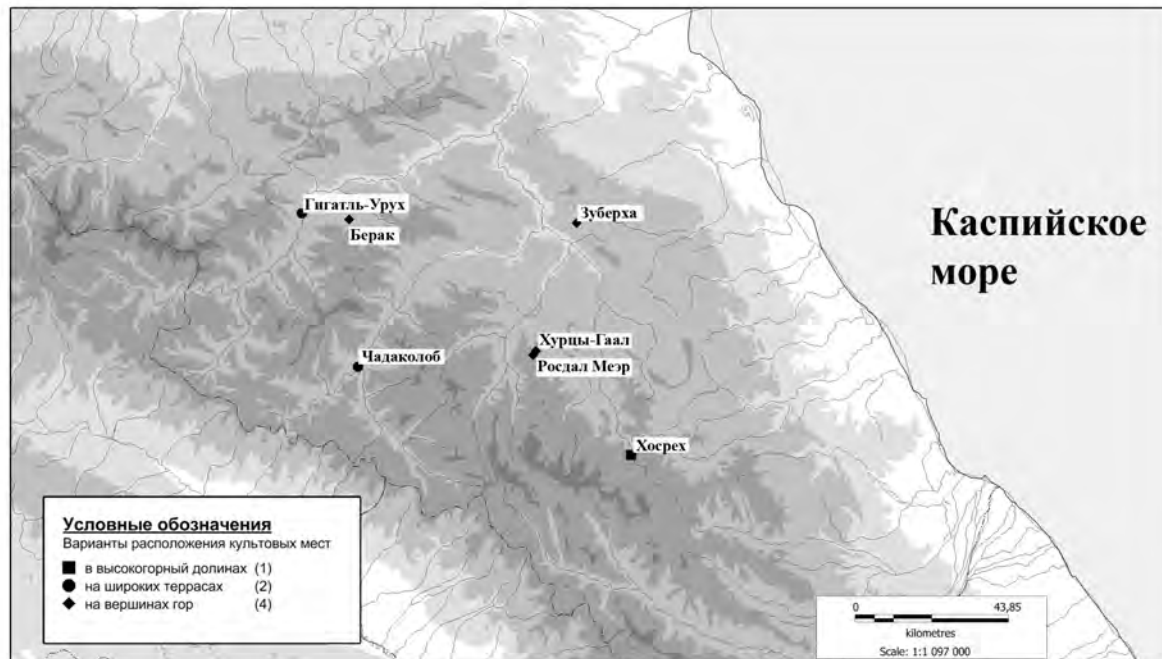
Росдал-Меэр (2608 м над уровнем моря) представляет собой небольшую долину между двумя вершинами. Здесь находится искусственный пруд – водопой для перегоняемых стад. На Росдал-Меэр в 1934 г. при земляных работах местными жителями на склоне горы у вершины случайно найдены бронзовые статуэтки женщины и «теленка» (Исаков, 1966. С. 74, № 934. Табл. 7, 2). По словам директора музея с. Согратль Магомеда Ахмедовича Ахтуханова, пруд находился здесь издавна. Возможно, земляные работы, во время которых нашли статуэтку, были связаны с очисткой или расширением этого пруда.

Горный массив Зуберха (2332 м над уровнем моря) расположен близ с. Гергебиль. Здесь в 1882 г. проводил исследования Д.Н. Анучин. Им были обнаружены статуэтки животных, бронзовые украшения, кости животных (Анучин, 1884. С. 444-445). На вершине, с восточной стороны от триангуляционного знака, нами обнаружено зольное пятно и отвал, где видны фрагменты костей животных, угольки, найден фрагмент керамики.

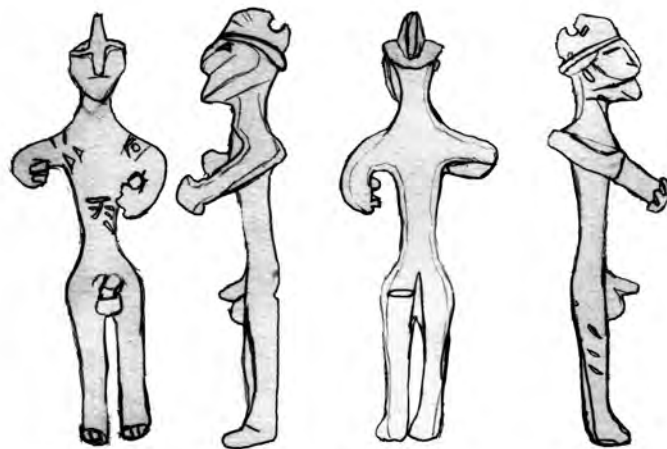
Близ с. Арчо находится г. Берак (2421 м над уровнем моря). Здесь, при проведении работ по установке триангуляционного знака, начальник землеустроительной партии Пригоровский обнаружил бронзовые статуэтки человека и козла. В 1937-38 гг. на горе провел исследования А.П. Круглов, раскопы которого были привязаны к триангуляционному знаку (Круглов, 1946. С. 32). Однако, пройдя по хребту всю г. Берак, обнаружить триангуляционный знак нам не удалось. Нет его и на соседних вершинах. Встреченный нами местный пастух, Набибула Омаров из с. Карата, подтвердил, что мы полностью обошли г. Берак. Он не помнит, чтобы на вершине горы стоял триангуляционный знак.

В Цумадинском районе нашей целью стало посещение с. Инхоквари, из окрестностей которого, возможно, происходит собрание бронзовой антропоморфной пластики А.Л. Млокосевич (сборы 1913-1914 гг.). Само селение Инхоквари нам посетить не удалось, однако, из телефонного интервью с жительницей этого селения Загат Джабраиловой, стало известно о существовании выше селения остатков христианской церкви. В ее окрестностях находили бронзовые фигурки животных (коня, овцы, быка). Вероятно, церковь могла быть построена на месте древнего святилища, с которым связаны находки фигур.

Исследование подобного характера проведено нами впервые и является перспективным не только для уточнения и дополнения данных археологической карты Дагестана, но и для разработки обширной темы домонотеистических верований народов Северо-Восточного Кавказа.

1

2

Рис. 1. 1 – карта культовых мест, посещенных исследовательской группой; 2 – бронзовая антропоморфная фигурка, обнаруженная в 1960-е гг. в окрестностях с. Тлондада. Хранится в школьном музее с. Агвали

Г.Н. Вольная

*Северо-осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова,
г. Владикавказ*

БРОНЗОВЫЕ ПОЯСНЫЕ ПЛАСТИНЧАТЫЕ ПРЯЖКИ С ЗООМОРФНЫМИ ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ – РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Поясные пряжки в кобанской культуре являлись неотъемлемой функциональной частью костюма, они выполняли защитные функции, отражали социальный статус, занятия владельца, внешние культурные воздействия.

На территории Центрального Кавказа в эпоху поздней бронзы – раннего железа (XII-IV вв. до н.э.) наряду с другими видами пряжек используются бронзовые поясные пластинчатые пряжки с изображениями животных. Для всех этих пряжек характерна прямоугольная форма, продольное углубление для отверстий вдоль спинки пряжки и крючок в центре передней части. Поясные пряжки имеют от 3-х до 26 отверстий. В большинстве случаев крючок пряжек, исходя из размещения изображений на них, расположен справа, лишь в двух случаях – слева. Крючок пряжек с горизонтальной осью симметрии рисунков мог быть направлен в любую сторону.

Для ранних типов пряжек (XII – начало X вв. до н.э.) было характерно количество отверстий от 5 до 26, вытянутая форма, вертикальное расположение животных (одно под другим), количество фигур животных от 2 до 6, использование образов оленя и волкообразного хищника. В археологической литературе они получили название «высоких пряжек».

Среди ранних пряжек выделяются типы:

- *Бронзовые прямоугольные поясные пряжки с острыми углами со слабо выступающим крючком* - 8 экз. (6 из Кобанского могильника, 1 из Цхинвальского краеведческого музея, 1 из Национального музея Украины). Имеют от 7 до 21 отверстий. Для этих пряжек характерно профильное изображение фигур хищников один над другим от 4 до 6 фигур, лапы вытянуты вперёд под углом. Хищники изображены бегущими, изображены 2 задние и 2 передние ноги. Пасть открыта. Длинный хвост загнут кверху, иногда в колечко. На выступе крючка в некоторых случаях изображён треугольник. Пряжки имеют фон из орнамента «бегущая волна», тонкую рамку с рифлением или меандром, заполнение фона меандром. Внутри туловище некоторых хищников заполнено окружностями или линиями, повторяющими контур. Поясные пряжки близки пряжкам колхидской культуры рубежа II-I вв. до н.э. – начала I тыс. до н.э. (Козенкова, 1996. Рис. 35, 34-36. С. 94-95). Они датируются XII - рубежом XI-X вв. до н.э.

- *Бронзовые прямоугольные поясные пряжки с закруглёнными углами* (12 экз.). С изображением фигурок хищников - 7 экз. (1 из Фаскау, 1 из окрестностей Владикавказа и 5 из Кобанского могильника), фигурок оленей – 5 экз. (3 из Кобанского могильника, 1 из Джизи, 1 из музея Казанского университета). Животные расположены одно над другим вертикально. Количество фигурок хищников на пряжке варьируется от 2 до 4, оленей – от 2 до 3.

Поза хищников и копытных аналогична предыдущему типу. Рога оленей изображены анфас. Олени в той же позе изображены на бронзовом поясе из Национального музея Армении (Инв. № 2151).

В качестве разделительных элементов между фигурами животных использовались треугольники и ромбы. Часть из них, как и фигуры животных, инкрустирована железом, что позволяет датировать их не ранее рубежа XI-X, начала X вв. до н.э. (Козенкова, 1996. Табл. 1. С. 90).

- *Бронзовые прямоугольные поясные пряжки с вогнутыми спинкой и передней частью со слабо выступающим крючком* (Кобанский и Тлийский могильники – 17 экз.). При этом у 3 пряжек из Кобанского могильника от 12 до 20 отверстий, у 14 пряжек из Тлийско-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

го могильника от 6 до 8 отверстий. Для пряжек из Кобанского могильника характерно горизонтальное изображение фигур бегущих хищников с зигзаговидной фигурой. Для тлийских находок характерно вертикальное изображение двух протом и фигур оленей по две на пряжке и трёх протом хищников одна над другой с разделительными орнаментальными полосами между ними (в большинстве случаев). Характерно стилизованное изображение стоящих фигурок оленей (грибовидный нос), с ногами, расположенными под прямым углом к туловищу. Изменяется композиционное решение, фигуры оленей расположены вертикально ногами друг к другу. Они датируются началом второй половины X – началом VII вв. до н.э. (Козенкова, 1996. Рис. 36. С. 90).

Поздние типы пряжек появляются с VIII в. до н.э. Для них характерно изменение пропорций, они становятся короче. На них мы видим горизонтальное расположение фигур и голов животных. Появляются новые сюжеты. Можно выявить три типа поздних пряжек:

- *Бронзовые короткие прямоугольные поясные пряжки со слабо выступающим крючком* (12 экз.). Кобанский могильник – 4 экз., Тлийский могильник – 8 экз. На 4 тлийских пряжек мы видим изображение голов хищников. К изображению фигурок оленей и хищников добавляются новые сюжеты: лошадь, птица, змея, рыба. В половине случаев по верхнему и нижнему краю проходит орнаментация «елочкой», треугольниками, окружностями, на остальных орнамент отсутствует. Если раньше изображались целые фигурки, то сейчас ещё и редуцированные головы и копыта. Вместо изображений фигурок стоящих хищников и оленей, появляются ряды изображений из горизонтальных голов хищников, фигур бегущих хищников, расположенные горизонтально. Поясные пряжки в виде скачущей лошади могут датироваться VIII-VII вв. до н.э. Пряжка с изображением ряда звериных голов датируется VIII - рубежом VIII-VII вв. до н.э. (Скаков, 2001. С. 97-122).

- *Бронзовые короткие прямоугольные поясные пряжки со средне выступающим крючком* (7 экз.). Кобанский могильник – 3 экз., Тлийский могильник – 4 экз. Для них характерны горизонтальные композиции со схематическими изображениями преимущественно рыб и змей, иногда встречаются фигурки хищников. Датируются они VII в. до н.э. (Техов, 2002. С. 41-42. Рис. 150, 10). Встречаются симметричные композиции, связанные с искусством Переднего Востока.

- *Бронзовые короткие прямоугольные поясные пряжки с сильно выступающим крючком* (5 экз.). Фаскау, Гастон Уота, Хор Гон, Тли. Используются на протяжении VI-IV вв. до н.э. На них, помимо привычных для кобанской культуры оленя и хищника, появляются новые сюжеты: козел, всадник. Однако для них используется новая стилизация, характерная для савроматского искусства. Поясная пряжка с изображением оленя «на пуантах» по аналогиям датируется V-IV вв. до н.э. (Коралькова, 2006. Табл. 7, 3). Пряжка из Фаскау датируется VI в. до н.э. (Виноградов, Шкурко, 1963. С. 49, 50; Артамонова-Полтавцева, 1950. С. 98). А.П. Мошинский датирует её, исходя из комплексов, V в. до н.э. (Мошинский, 2006. С. 59). Поясная пряжка с изображением всадника на лошади из погр. 304 Тлийского могильника датируется Б.В. Теховым переходом от скифского к сарматскому времени (2006. С. 449. Рис. 71, 3). На позднем этапе (VII-IV вв. до н.э.) поясные пряжки становятся короче и шире, появляются поясные пряжки со сквозными отверстиями фона и сплошными фигурами животных. В оформлении проявляется влияние савроматского звериного стиля.

Таким образом, бронзовые поясные пластинчатые пряжки с зооморфными изображениями на протяжении своего существования претерпевают изменения. После VIII в. до н.э. они становятся короче, уменьшается количество отверстий, композиция из вертикальной становится горизонтальной, сокращается число фигур, появляются новые сюжеты, связанные с переднеазиатскими влияниями. С V в. до н.э. в пряжках проявляются савроматские влияния, отразившиеся в стилизации изображения животных.

О.Е. Вязкова

Российский государственный геологоразведочный университет, г. Москва

А.А. Малышев, Г.В. Требелева

Институт археологии РАН, г. Москва

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ В ПЕРИФЕРИЙНЫХ РАЙОНАХ АЗИАТСКОГО БОСПОРА (НА ПРИМЕРЕ П-ВА АБРАУ)

В исследовании проанализированы все факторы, оказавшие влияние на формирование и развитие системы расселения и системы коммуникаций на юго-восточной периферии Азиатского Боспора, территории предгорий, называемой в специальной литературе полуостровом Абрау. Особенности ландшафта и речная система позволяют выделить здесь два микрорегиона. Естественной границей между ними являются отроги главного Кавказского хребта (Навагир и Маркотх).

Северный (площадь 217 км²) микрорегион отличается в целом относительно «спокойный» рельеф в пределах 20–150 м, который формируется в бассейне реки Котламы с крупным левым притоком Маскагой, впадающего в море в районе Анапы (Анапские плавни). Судя по материалам курганных захоронений, он был издавна доступен для степного кочевого населения. *Южный* (площадь 548 км²) микрорегион отличается сложным рельефом, значительным разбросом высот: 20 – почти 600 м, большое количество коротких щелевидных долин, временных и постоянных водотоков, отделенных от долин Котламы и Цемеса цепью хребтов. В юго-восточном направлении сток обеспечивает река Цемес, протекающая по глубокой и широкой долине. Это обстоятельство осложняет доступ в этот регион, превращает его в своеобразный «этнический мешок».

Система расселения, особенно в южной части, продиктована природно-ландшафтными условиями, причем основные составляющие сложились еще в эпоху энеолита. Поселения приурочены к пологим склонам, по возможности укрытым от господствующего здесь северо-восточного ветра, имеющим мало-мощный (1–2 м) покров суглинистых пород, расположены вблизи водотоков, которые в историческом прошлом вполне могли служить прекрасным источником водоснабжения. Суглинки обеспечивают сток выпадающих атмосферных осадков.

Основной транспортной артерией в этих условиях является море, являющееся катализатором этнополитических процессов. Природно-ландшафтные условия региона (пересеченная местность, обилие осадков, которое вызывает бурное развитие растительности) существенно осложняет прокладку и поддержание в надлежащем состоянии системы сухопутных коммуникаций, представляющих собой конно-пешеходные тропы и тропы, связанные с перегоном скота, локальные, не образующие единую сеть.

VI–IV вв. до н.э. – аборигенный период. Территория была освоена очень плотно – 27%, памятники распределены равномерно по всей территории северного и южного микрорегионов. Расселение в северной части было приурочено к водотокам, границами обитания керкетто-торетских кланов в южной части были горные массивы. Греческий импорт появляется в регионе в середине VI в. до н.э., в период возникновения Горгиппии-Синдской Гавани и Торика, однако это не оказало существенное влияние на развитие аборигенной системы расселения.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Потребность перевозить габаритные грузы, по-видимому, в этот период практически отсутствовала, направления обусловлены потребностями хозяйствования, поэтому дорожная сеть локальная, конно-пешеходная, не образующая единую сеть.

III-I вв. до н.э. – эпоха эллинизма. Начало внутрибоспорской колонизации, которая велась со стороны Горгииппии в северной части региона: здесь получают массовое распространение монеты Боспорского государства, засвидетельствованы монетные клады, появляются боспорские поселения. Каменное домостроительство, с применением цветных штукатурок и черепичной кровли (прежде всего, Раевское городище) свидетельствует о существовании сухопутной транспортной артерии, рассчитанной на использование колесного транспорта между Горгииппией и Раевским городищем.

Судя по имеющимся данным, во II в. до н.э. рубеж Боспорского государства проходил по границе между двумя микрорегионами: немногочисленные памятники местной культуры этого периода зафиксированы только в южном микрорегионе.

Максимальный пик плотности заселения территория выпадает на эллинистический период – 29%.

I в. до н.э. – I в. н.э. – раннеримский (колониционный), 24%. Плотность системы расселения в этот период выравнивается. Активно осваивается прибрежная зона, что свидетельствует об ее востребованности (активизации судоходства и другой экономической деятельности).

На рубеже эр существует хорошо налаженная система коммуникаций на всем пространстве, в основе этой сети древние конно-пешеходные тропы, включая побережье. Расположенные в этой сети укрепленные башни-усадьбы были предназначены для охраны и навигации на этой территории.

II – перв. пол. III вв. н.э. – римский. Наблюдаются диспропорции в системе расселения: явно процветает прибрежная зона южного региона. После гибели сигнально-сторожевой системы наблюдается существенное снижение количества поселений – 11%. Данные о востребованности прежней дорожной сети отсутствуют.

Втор. пол. III – IV вв. н.э. – позднеримский. Еще больше сокращается число памятников в позднеримский период – 9%. После готского разгрома фиксируется отток населения в континентальную часть, что повлекло дальнейшее замирание в коммунитивной сети.

А.Н. Габелия

Абхазский государственный университет, г. Сухум

МЕТАЛЛУРГИЯ И МЕТАЛЛООБРАБОТКА АБХАЗИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Изучение металлургической продукции свидетельствует о том, что Абхазия на рубеже II и I тыс. до н.э. являлась одним из крупных очагов металлопроизводства на Кавказе. В широко известном исследовании по древней металлургии и металлообработке Кавказа, опубликованном еще в 1935 г., А.А. Иессен подчеркивал важную роль Западного Закавказья и считал, что именно отсюда распространялись соответствующие бронзовые изделия, а само оно являлось составной частью Циркумпонтийской металлургической провинции (Иессен, 1935. С. 117-133).

В развитии горных работ по добыче меди в Закавказье А.А. Иессен проследил две стадии: первоначально разрабатывались лишь окисленные медные руды (малахит, азурит, куприт), добыча велась, главным образом, открытым способом, в небольших ямах глубиной 1,3 м (карьерного типа). В более позднее время разрабатывались и сернистые руды, как правило, посредством прокладки штолен. Наличие выработок обоих типов в одном районе является доказательством их одновременности. По последним сведениям, в верховьях рек Бзыбь и Кодор зафиксированы древние выработки обоих типов: закрытые и открытые (карьерные).

В 1975-1987 гг. совместная экспедиция ИА АН СССР и Абхазского НИИ провела исследования ряда таких выработок. Здесь найдено сравнительно небольшое количество археологического материала: это отбойные молоты, изготовленные из твердых пород, и несколько фрагментов керамики. Изготовление молотов в основном ограничивалось лишь небольшой подработкой валуна сколами; для привязывания же к деревянной ручке на них делались небольшие выемки часто с двух сторон или же сплошным опоясывающим желобком. В Абхазии подобные каменные молоты найдены неоднократно, и исследователи убедительно связывают их с металлургическим производством (Каландадзе, 1954. С. 90). В древних выработках Абхазии встречены остатки дерева, по-видимому, это следы крепления потолка и стен штолен. Древние выработки Абхазии и материалы, найденные в них, многими чертами напоминают хорошо известные в литературе рудники Верхнерачинского очага древнего горного дела (Гобеджишвили, 1952. С. 21).

Очевидно, что развитие металлургического производства в древней Абхазии и, в частности, в изучаемую эпоху, базировалось на местной рудной базе. К эпохе поздней бронзы население Абхазии накопило уже, видимо, значительный опыт добычи медных руд. Открытие же в древних памятниках Абхазии медеплавильных печей, мастерских, а также значительного количества металлических изделий доказывает широкое развитие здесь в рассматриваемый период металлообработки.

Приведенные данные дают основание предполагать существование в районе Сухума в изучаемую эпоху одного из центров металлообрабатывающего производства. Рудной базой этого центра могли быть месторождения верховьев реки Бзыбь (Башкапсара) или верховьев р. Амткел, в районе с. Георгиевское.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

На территории Абхазии обнаружен целый ряд памятников с остатками бронзолитейного производства. Печь для плавления меди вскрыта, например, на границе с Менгрелией на территории Ингурской плотины. Находки в Максанской пещере позволяют предполагать наличие и здесь медеплавильной печи, аналогичной изученной на Сухумской горе. Характерно, что в данном районе обнаружено большое количество бронзовых вещей. Это может служить одним из доказательств наличия здесь крупной мастерской (или ряда мастерских). По-видимому, сырье сюда доставляли из абхазских рудников (*Чартолани*, 1966. С. 106).

В связи с этим вопросом большой интерес представляют результаты работ совместной экспедиции ИА АН СССР и АБНИИ на Бамборском поселении. Здесь впервые для этого региона исследованы остатки бронзолитейной мастерской, на площади которой обнаружены многочисленные находки, связанные с производством: обломки литейных форм, тигли, сопла и т.д.

Несомненным свидетельством значительного развития местного производства металлических изделий являются находки на территории Абхазии большого числа кладов древних медных и бронзовых предметов, кладов литейщиков (*Трапиш*, 1970; *Воронов*, 1969).

Примечательным является нахождение на территории Абхазии кладов меднолитейщиков. Один из таких кладов из г. Гал опубликовал М.М. Трапиш. В состав его входило восемь топоров - прототипов колхидского топора, слитки, полуфабрикаты общим количеством свыше 50 предметов. Кроме того, на территории Галского района зафиксировано еще несколько пунктов, в которых открыты клады литейщиков с разнообразными предметами: бронзовыми слитками и бракованными изделиями из меди и бронзы. Интересный клад меднолитейщика исследован и на окраине г. Очамчира (*Трапиш*, 1970). Он состоял из двух целых и трех обломков бронзовых топоров, а так же десяти слитков металла. Топоры имеют следы производственного брака. Очевидно, они подлежали переплавке. Из этого же района происходят еще два клада меднобронзовых слитков и орудий. Можно предполагать, что в этом районе в древности функционировала крупная мастерская по изготовлению бронзовых орудий.

Судя по топографии кладов литейщиков и находкам отдельных бронзовых предметов различного назначения, устанавливается наличие на территории Абхазии в изучаемую эпоху нескольких центров металлообработки. Однако в настоящее время пока затруднительно привязать эти центры к конкретным древним поселениям. В связи с этим большой интерес представляют находки на Бамборском поселении.

Надо отметить, что на поселениях Абхазии эпохи колхидской культуры обнаружено сравнительно большое количество бронзовых предметов. Из Бамборского поселения происходят многочисленные бронзовые украшения. Они связаны в основном с погребениями, совершенными на площади поселения. Среди них браслеты, фибулы, гривны, цепочки и т.д.

Огромное количество бронзового инвентаря рассматриваемой эпохи происходит из погребальных памятников - могильников или отдельных погребений колхидской культуры. В его состав входят разнообразные предметы и украшения. Это скульптурные фигурки людей и животных, браслеты, пронизи, бусы, фибулы, цепочки, серьги, привески, поясные пряжки, булавки и др. Памятниками искусства являются бронзовые изделия, найденные в Бамборах, из них, прежде всего, интересна фигурка «винопийцы». Большой интерес представляет найденная там же «фигурка матери» - изображение обнаженной женщины, держащей ребенка.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Некоторые виды украшений одежды, по мнению многих исследователей, являются специфичными для Абхазии. Это – литые поясные пряжки, принадлежащие узкому бронзовому поясу, широкие пластинчатые браслеты цилиндрической формы с четырьмя круговыми ребрами, фигурный браслет, найденный на Бамборском поселении. Колоколообразные конические украшения с петлей внутри и фигуркой животного на вершине, условно называемые поясными бляхами, также являются специфичными только для Абхазии (Аагста, Эшера, Бамбора).

В металлическом инвентаре большое место занимают предметы вооружения – бронзовые топоры, ножи, кинжалы, наконечники копий и стрел. Наиболее характерными предметами вооружения племен колхидской культуры являются боевые топоры. Они обнаружены в Пицунде, Гагре, Гантиади, а в с. Таглан найдены формы для их отливки. На территории Абхазии обнаружены особые бронзовые топоры со скульптурной фигуркой животного на обухе, насаженные на бронзовую ручку. Такие топоры известны на Кавказе всего в четырех экземплярах, причем два из них происходят из Абхазии, а топоры с бронзовой рукоятью найдены только здесь. По-видимому, эти предметы также характерны прежде всего для культуры древней Абхазии.

Таким образом, в эпоху колхидской культуры металлообработка составляла одну из важных отраслей хозяйственной деятельности населения Абхазии. Она достигла значительного уровня развития, как и в других областях Кавказа. Широко был ассортимент металлической продукции колхидской культуры на территории Абхазии, где в изучаемую эпоху, как считает ряд исследователей, существовал крупный центр металлообработки.

А. Гасс

Фонд Прусского культурного наследия, г. Берлин, Германия

Й. Фассбиндер

Мюнхенский университет Людвига-Максимилиана, г. Мюнхен, Германия

А.Б. Белинский

ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края, г.

Ставрополь

Г. Парцингер

Фонд Прусского культурного наследия, г. Берлин, Германия

ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРИФЕРИИ БОЛЬШИХ КУРГАНОВ РЖВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА С ПРИМЕНЕНИЕМ МАГНИТОМЕТРИИ

Большие курганы раннего железного века, часто обозначаемые в литературе, как «царские» (*Забелин*, 1876. С. 228, 620–630; *Акишев*, 1974. С. 61; *Рыбаков*, 1979. С. 32, 236; *Грязнов*, 1980. С. 57), привлекали и привлекают вплоть до наших дней внимание исследователей на всей территории степной и лесостепной Евразии. Именно большие курганы, сооруженные для верхних слоев кочевого общества, содержат в себе максимальное количество информации, связанной как с архитектурой самих курганов и их внутренних конструкций, так и с погребальным инвентарем и самими погребенными. Полученный материал позволяет создавать реконструкции погребального обряда, судить о различных контактах и религиозных представлениях древних кочевников, а также строить модели их социальных взаимоотношений и стратификации. Большой курган РЖВ включает в себя не только погребения, клады, схроны, жертвенные комплексы и возведенные над ними сооружения, но и территорию вокруг подножия кургана – т.н. курганную периферию (*Nagler*, 2013. S. 618).

Геофизические измерения околокурганного пространства позволяют за довольно короткий срок получить максимальное количество информации о наличии или отсутствии каких-либо конструкций на периферии кургана. Так, например, с помощью цезиумного магнитометра возникает возможность пошагово измерять большие площади поверхности квадратами в 25 см. Последующая обработка полученных данных создает детальную картину почвенного слоя толщиной до 2-3 м в глубину. В идеальном случае созданная магнитограмма отображает все скрытые археологические конструкции, достигающие и превышающие размер в 20-25 см. К сожалению, возможности современной техники не допускают также точно работать на больших глубинах, но достигаемые результаты позволяют за относительно короткий промежуток времени получить наиболее полное представление о всех скрытых на поверхности конструкциях вокруг большого кургана до проведения раскопок (*Fassbinder*, 2009; *Гасс и др.*, 2013. С. 121–122).

Качественно новые сведения о периферии больших курганов РЖВ стали накапливаться с начала 2000-х гг. Так, были выявлены единовременные захоронения, подзахоронения, жертвенные комплексы, остатки тризн или следы архитектурных конструкций, которые свидетельствуют о проведении сложных ритуальных церемоний носителями скифо-сакской культурно-исторической общности на периферии больших курганов степной и лесостепной зон Евразии. В качестве примера можно назвать большие курганы Южной Сиби-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

ри (Курган Аржан 2: *Сигунов et al.*, 2010), Юго-Восточного (Могильник Жоан Тобе: *Самашев и др.*, 2009) или Западного Казахстана (Могильник Тёрт-Оба: *Fassbinder et al.*, 2013), а также Украины, среднего течения Днепра (Александропольский курган: *Polin, Daragan*, 2011).

Начиная с 2012 г. в круг подобных исследований была включена и территория Северного Кавказа, Ставропольский край. В первую очередь изучались могильники с большими курганами на Ставропольской возвышенности и в восточных степных районах края.

Наиболее известный пример исследованных больших скифских курганов Ставропольского края представляет изученный в 1970-80-х гг. могильник Красное Знамя (*Петренко*, 2006). Вокруг большого кургана 1, полностью раскопанного в 1973-74 гг., на месте которого теперь протекает Большой Ставропольский канал, были зафиксированы вымощенный камнем ров и каменная ограда за ним. В силу ряда причин и ров и ограда исследовались лишь частично (*Петренко*, 2006. С. 20). Для получения более полной картины о периферии кургана было решено измерить с помощью цезиумного магнитометра западный берег канала, там, где раньше стоял курган, с целью выявления остатков конструкций околочурганного пространства.

К сожалению, большое количество железосодержащего металла по берегу канала, относящегося, скорее всего, к остаткам строительного мусора, закопанного после сооружения Ставропольского канала в 1970-80-х гг., вызвало сильные магнитные помехи и негативно отразилось на качестве магнитограммы (рис. 1). Несмотря на это, удалось выявить следы кургана 2, расположенного западнее от большого кургана. При этом были определены остатки могильной ямы, центральной бровки и ров вокруг кургана, исследованный в северной части траншеей шириной 5 м (*Петренко*, 2006. С. 34).

В отличие от результатов изучения Краснознаменского могильника, итог геофизических измерений некоторых некрополей восточной степной части Ставропольского края превзошел все ожидания. Остановимся на двух некрополях в Буденновском районе, расположенных в 3 км друг от друга: Виноградный 1 и Виноградный 2.

Оба могильника находятся в 5-6 км западнее р. Кумы на восточной части водораздела в одинаковых степных ландшафтных условиях. Насыпи обоих могильников образуют курганные цепи, протянутые с небольшими отклонениями по оси запад-восток. Большой курган каждого могильника стоит в восточной половине одной из цепей, и имеет схожую форму округлой в плане насыпи полусферического кургана с уплощенной вершиной, южный склон которого является наиболее покатым. Как Виноградный 1, так и Виноградный 2 находятся большей частью на распаханых полях, и, в соответствии с этим, территория могильников сильно потревожена. Несмотря на это, вокруг каждого большого кургана просматривался на современной поверхности опоясывающий его ров.

Разница между могильниками состоит лишь в размере больших курганов и в количестве малых курганов. Если большой курган Виноградного 1 имеет 5,4 м в высоту и 58 м в диаметре, то большой курган Виноградного 2, соответственно, 10,6 м и 80-90 м. На Виноградном 1 было зафиксировано 14 курганов малых размеров, а на Виноградном 2 – около 80.

Магнитограммы двух внешне похожих могильников показали диаметрально противоположные результаты. Тогда как вся периферия большого

Археология позднего бронзового и раннего железного века

кургана Виноградного 1 довольно плотно занята малыми курганами, ямами различного характера, рвами и подковообразными конструкциями, имеющими, возможно, ритуальное значение; периферия еще большего по размерам кургана Виноградного 2 имеет лишь единичные сооружения (ямы и малые курганы). Объяснить столь поразительное различие внутренней структуры периферии больших курганов, находящихся недалеко друг от друга и проявляющих одинаковые признаки на поверхности, без проведения раскопок не представляется возможным. Затруднительным, на текущий момент, является и вопрос хронологической взаимозависимости различных конструкций и сооружений, выявленных магнитосъемкой. Дело в том, что первые полученные радиоуглеродные даты с могильника Виноградный 1 отображают временной интервал от эпохи ранней бронзы до РЖВ¹ (курган 4 [кость человека, Poz-51450, 4495±40BP] 3360-3080 BC (91,9% вероятности) 2σ; и объект 1 [древесный уголь, Poz-51451, 2340±35BP] 540-350 BC (93,9% вероятности) 2σ). Если же брать во внимание и подъемный материал, то верхняя граница может быть поднята до раннего средневековья.

Единственная пока что дата, полученная по древесному углю из рва большого кургана Виноградного 2, указывает на период раннего железного века ([Poz-51452, 2365±30BP] 540-380 BC (95,4% вероятности) 2σ).

Литература

- Акишев К.А., 1974. Курганы Иссык. Предварительные итоги раскопок // В глубь веков: археологический сборник. Алма-Ата.
- Гасс А., Фассбиндер Й., Белинский А., Парцингер Г., 2013. Большие курганы РЖВ Северного Кавказа и их периферия: первичные результаты исследований с применением магнитометрии // Кавказ и Абхазия в древности и средневековье: взаимодействие и преемственность культур. IV Абхазская Международная археологическая конференция: Тезисы докладов. Сухум.
- Грязнов М.П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.
- Забелин И.Е., 1876. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М.
- Петренко В.Г., 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum I. Степные народы Евразии. Т. III. М.; Берлин; Бордо.
- Рыбаков Б.А., 1979. Геродотова Скифия: историко-географический анализ. М.
- Самашев З., Наглер А., Парцингер Г., Наврот М., 2009. Совместные германско-казахские исследования больших сакских курганов Семиречья // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар.
- Čigunov K.V., Parzinger H., Nagler A., 2010. Der skythenzeitliche Fürstengraban Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz am Rhein.

1 Керны геологического бура в центральной части большого кургана 1 содержали древесные остатки, продатированные периодом нового времени ([Poz-51448, 250±30BP] 1620-1680 BC (54,5% вероятности) 2 σ-интервал). Такой временной отрезок, определенный полученной датой, на кургане является либо ошибочным, либо отражает какую-либо активность, начиная с периода позднего средневековья: рассмотрена может быть вероятность получения пробы с позднесредневекового или нововременного подзахоронения или с конструкции укрепления грабительского лаза.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Fassbinder J.W.E., 2009. Geophysikalische Prospektionsmethoden - Chancen für das archäologische Erbe // *Toccare - Non Toccare*. ICOMOS. Hefte des Deutschen Nationalkomitees. Vol. 47. München.

Fassbinder J.W.E., Gorka T.H., Nagler A., Chemyakina M.A., Molodin V.I., 2013. Prospecting of Kurgans by magnetometry: case studies from Kazakhstan, Siberia and North-Caucasus // *Виртуальная археология (неразрушающие методы исследований, моделирование, реконструкции)*. Материалы Первой Международной конференции, состоявшейся в Государственном Эрмитаже 4-6 июня 2012 г. СПб.

Nagler A., 2013. Grabanlagen der frühen Nomaden in der eurasischen Steppe im 1. Jahrtausend v. Chr. // *Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens*. Kat. der Ausst. des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bd. II. Bochum.

Polin S., Daragan M., 2011. Das Prunkgrab Alexandropol'-Kurgan. Vorbericht über die Untersuchungen in den Jahren 2004–2009 // *Eurasia Antiqua*. № 17.

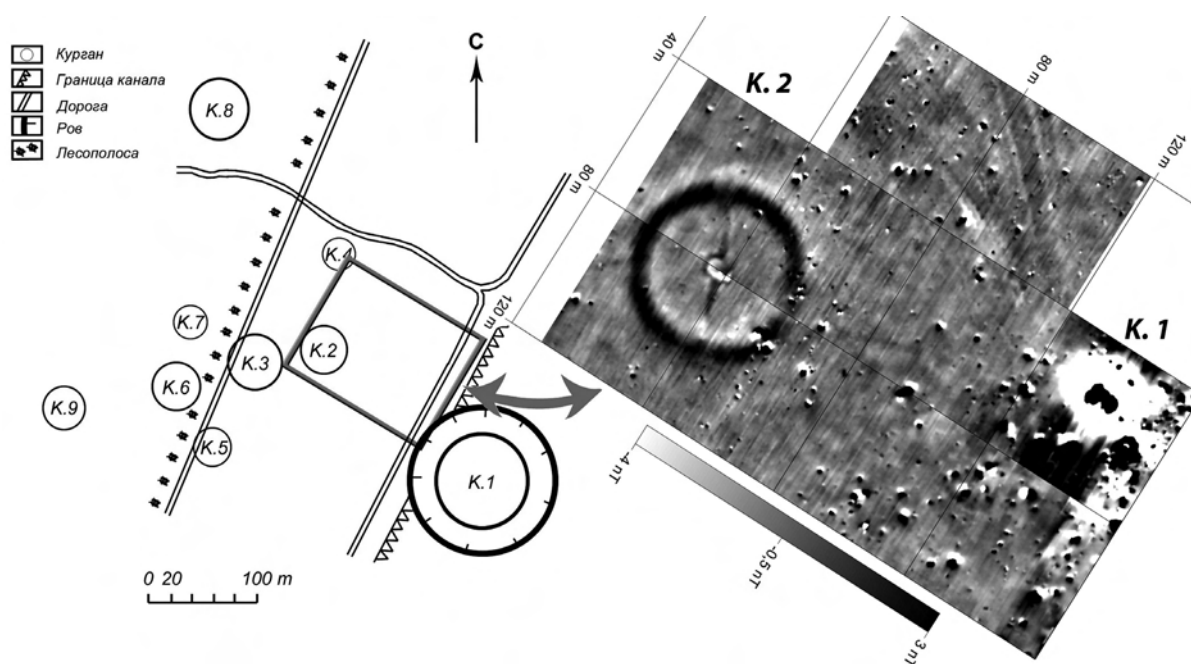

Рис. 1. Могильник Красное Знамя: план могильника по: *Петренко, 2006*.
Рис. 1 (слева); результаты магнитометрии, проведенной Й. Фассбиндером,
по квадратам размерами 40 × 40 м (справа)

Г.А. Годизов

Северо-Кавказский филиал ГМИНВ, г. Майкоп

В.В. Улитин

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына, г. Краснодар

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ МЕОТСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АДЫГЕЕ

В 2013 году в Адыгее были обнаружены два археологических памятника меотской культуры и проведено их предварительное изучение. Эти памятники пока исследовались лишь визуально и по подъемному материалу, на одном из них было проведено геофизическое исследование, никакие земляные работы не проводились.

Археологический комплекс «Дукмасов» занимает площадь порядка 80 га и представляет собой поселение и курганный могильник. Памятник расположен на границе Красногвардейского и Шовгеновского районов Республики Адыгея, а также Белореченского района Краснодарского края.

Поселение представляет собой сложную систему жилых холмов, которые выражены по высоте, иногда достигая 2 м, и с первого взгляда напоминают курганный могильник. Однако при детальном рассмотрении холмы часто выстраиваются в вереницы или гребни, образуя своеобразные улицы. Отличительной чертой жилых холмов является выраженный светло-серый цвет их вершин. Это, по-видимому, объясняется характером меотских построек, которые были выполнены из глины-сырца.

Подъемный материал с поселения многочислен и разнообразен. Это фрагменты различных типов лепной и гончарной посуды. Среди лепной керамики стоит выделить фрагмент «рогатой» ручки миски-черпака (рис. 1, 1) (Эрлих, 2007. С. 81, 337). Бытование этого типа меотских сосудов сегодня относят к середине VI в. до н. э. (Лимберис, Марченко, 2012. С. 17). Гончарная керамика примерно наполовину представлена греческим импортом. В основном это фрагменты амфор и несколько невыразительных фрагментов чернолаковой посуды.

Из фрагментов керамической тары наиболее ранним является ножка хиосской (?) амфоры, профилировке которой аналогии найти не удалось (рис. 1, 2); ближе всего она все же к ножкам середины - третьей четверти V в. до н. э. (Завойкин, 2004. Табл. LV, А, 3). Все остальные надежно датированные фрагменты относятся к IV в. до н. э. Среди них имеется фасосское клеймо (рис. 1, 3), которое надежно восстанавливается: ΛΕΩΝΙ(---)| ΘΑ[ΣΙ]Ω(N)| ΑΡΙΣΤΑ|ΓΟ(ΡΗΣ) (тот же штамп: Garlan, 1999. № 174). Магистрат Λεωνι(---) по хронологической системе И. Гарлана действовал между 390 и 380 гг. (Garlan, 1999. P. 112), по А. Аврааму — между 387 и 376 гг. (Avram, 1996. P. 51). В.И. Кац помещает его в промежуток от 390-х до середины 380-х гг. (Кац, 2007. С. 414). По любой из указанных хронологических классификаций клеймо датируется в пределах первой четверти IV в. до н. э. Нижняя часть ножки фасосской биконической амфоры (рис. 1, 4) датируется в пределах первой — третьей четверти IV в. до н.э. К первой четверти того же века можно отнести и ножку мендейской амфоры (Монахов, 2003. Табл. 62) (рис. 1, 5). Ножка гераклеиской амфоры (рис. 1, 6) по своей профилировке (Монахов, 2003. Табл. 91, 7) может быть отнесена к первой — началу второй четверти IV в. до н. э.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Среди фрагментов ручек уверенно выделяются образцы керамической тары Синопы и Коса (или круга Коса) (рис. 1, 7).

Можно уверенно говорить о существовании памятника во второй половине V — IV вв. до н. э. Это логично сочетается с тем, что описываемый комплекс находится всего в 4,5 км от известных некрополей Уляпа и, похоже, синхронен им (Лесков и др., 2005; 2013).

В северной части комплекса был обнаружен могильник. Его центром является курган высотой 2,5 м и диаметром 40 м. Глубокая распашка поля позволила выявить вокруг кургана грунтовый могильник радиусом около 80 м от вершины кургана. Из подъемного материала можно выделить бронзовый браслет, халцедоновую бусину и фрагмент венчика с ручкой амфоры Икоса второй — третьей четверти IV в. до н. э. (Монахов, Федосеев, 2013. Рис. 2).

Другой памятник, *археологический комплекс «Натухай»*, занимает площадь около 16 га и также представляет собой поселение и курганный могильник. Памятник расположен в Тахтамукайском районе Республики Адыгея.

Поселение представляет собой систему жилых холмов, расположенных с 3-х сторон кургана. Вследствие распашки, а, возможно, и небольшой интенсивности проживания, жилые холмы здесь выражены плохо — до 20 см в высоту. Здесь было обнаружено большое количество разнообразных фрагментов меотской сероглиняной, красноглиняной и лепной керамики, встречается и греческий импорт. Наиболее точную хронологическую привязку дают ножки амфор — гераклеийской первой половины IV в. до н. э., и мендейских первой четверти — первой трети IV в. до н. э., первой — третьей четверти IV в. до н. э. Таким образом, предварительная датировка археологического комплекса на основе амфорного материала — IV в. до н. э.

В центре поселения расположен курган, известный как «Натухай 3» (высота 2 м, диаметр 70 м), который, по-видимому, является центром меотского могильника. Проведенное геофизическое исследование выявило неоднородности грунта, свойственные могилам. Как указывает автор исследований К. Мисевич, скопления аномалий, которые могут возникнуть в связи с наличием археологического памятника, концентрируются к западу и, особенно, к югу от насыпи кургана.

Как видно из описаний обнаруженных меотских памятников, они во многом схожи. Сюда же можно присовокупить исследованный В.Р. Эрлихом в 2011—2012 гг. археологический комплекс «Псенафа», занимающий площадь около 30 га, находящийся в Майкопском районе Республики Адыгея (Эрлих, Годизов, 2012). Сравнивая эти комплексы, нельзя не согласиться с гипотезой В.Р. Эрлиха о том, что меотские поселения зачастую возникали вокруг курганов эпохи бронзы, которые они использовали в качестве святилищ, и которые становились центром могильника.

Литература

- Завойкин А.А., 2004. Фанагория во второй половине V — начале IV в. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города»). М.
- Кац В.И., 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // Боспорские исследования. Вып. XVIII. Симферополь; Керчь.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., 2005.* Меоты Закубанья в середине VI — начале III века до н. э.: Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.
- Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р., 2013.* Меоты Закубанья IV — III вв. до н. э.: Некрополи у аула Уляп: святилища и ритуальные комплексы. М.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2012.* Меотские древности VI-V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар.
- Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф., 2013.* Амфоры Икоса // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2013 г.). СПб.
- Эрлих В.Р., 2007.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.
- Эрлих В.Р., Годизов Г.А., 2012.* Археологический комплекс Псенафа— новый памятник меотской культуры // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. Махачкала.
- Avram A., 1996.* Les timbres amphoriques. 1. Thasos // Histria – VIII. Bucarest; Paris.
- Garlan Y., 1999.* Les timbres amphoriques de Thasos. Vol. I. Timbres Protothasiens et Thasiens anciens. Paris.

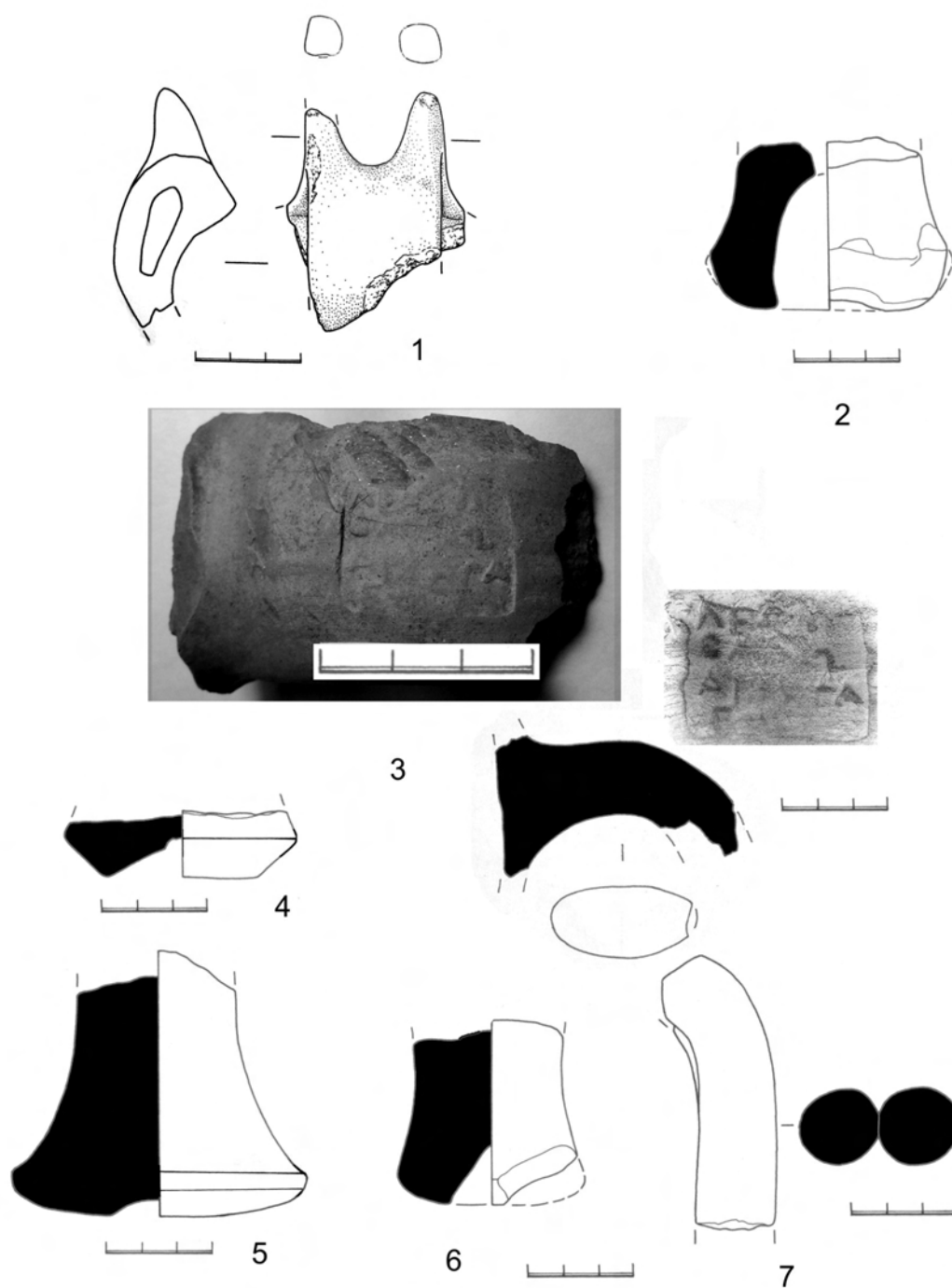

Рис. 1. Подъемный материал с археологического комплекса «Дукмасов». 1 – фрагмент «рогатой» ручки миски-черпака; 2–7 – фрагменты амфор: 2 – Хиос, 3 – Фасос (ручка, фотография и протирка клейма); 4 – Фасос; 5 – Менда; 6 – Гераклея; 7 – Кос (?)

Ф.Э. Гулиев

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку

О.А. Брилева

Государственный музей искусств народов Востока, г. Москва

Ф.Р. Гусейнов, П.П. Гасымов, Ш.А. Салимбеков, В.А. Алекперов

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, Баку

КУРГАННАЯ ГРУППА ТОПДАГДАГАН – НОВЫЙ ПАМЯТНИК НАЧАЛА I ТЫС. ДО Н.Э. НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА

В июне 2013 г. экспедиция Института археологии и этнографии НАНА провела археологические разведки в Товузском районе Азербайджана. Здесь обнаружено несколько новых курганных групп. На одной из них, получившей название Топдагдаган, проведены археологические работы.

Курганная группа Топдагдаган находится на высоте 363 м над уровнем моря, на правом берегу р. Товуз, в 1,5 км к юго-западу от берега реки, в 9 км от впадения р. Товуз в р. Кура и в 15 км от южного берега Мингечаурского водохранилища. Курганная группа представлена 21 курганом, которые можно условно разделить на три группы: малые (диаметром до 8 м и высотой 0,2-0,5 м), средние (диаметр 8-12 м и высотой 0,6-0,8 м) и большие (диаметр от 12-18 м и высотой 0,9-1,3 м). Курганная группа вытянута по линии запад-восток. Для археологических работ выбран курган 9 среднего размера, находящийся в восточной части курганной группы.

Курган 9 (рис. 1, 1) высотой 0,6 м и диаметром 12 м представлен невысоким всхолмлением. В центре кургана зафиксировано небольшое углубление. Ниже слоя дерна обнаружен хаотический наброс галечных камней различного размера. Под ним находился каменный панцирь из аккуратно уложенных галечных камней, образующих насыпь овальной формы, слегка вытянутую по линии запад-восток.

В западном секторе при расчистке обнаружен настил, состоящий из отпечатков веток небольшого диаметра. Сохранились и следы столбиков диаметром 3-4 см. Настил уходил от каменной насыпи на запад на 6 м.

При расчистке каменного панциря, на уровне его второго слоя, обнаружен кромлех из больших галечных камней, расположенных в один ряд. В 1-2 м от него в сторону центра кургана зафиксирован еще один круг больших камней. Пространство между внешним и внутренним кругом заполнено мелкими галечными камнями. В северо-западном секторе зафиксирован разрыв кромлеха шириной 0,8 м, интерпретируемый нами как «вход». Крайние от прохода камни отличаются достаточно большим размером. В правом камне зафиксировано два отверстия глубиной 3 и 5 см, слева – камень с одним углублением. Двигаясь от входа по коридору, образованному кромлехом и внутренним кругом против часовой стрелки, останавливаемся возле больших камней, перегородивающих проход. Они находятся строго по линии запад-восток и являются логическим продолжением настила. Настил и большие камни, выложенные от кромлеха и идущие поперек прохода, ведут к погребальной камере, выложенной также слоем крупных камней по краю. Далее коридор сужается и в южном секторе внутренний круг ведет к входу в погребальную камеру. Между западной и восточной линией камней в южном секторе находился выкид из могильной ямы. Восточнее нее коридор продолжается и выводит нас через восточный сектор к выходу.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

На уровне каменного панциря и под ним обнаружены куски обсидиана, белый камень и небольшие изделия из мела. Найденные здесь предметы представлены вотивными моделями топоров, изображениями зооморфных головок, образованных прочерченными линиями и округлыми углублениями на плоской поверхности. Один из топоров изображен с дважды изогнутым лезвием и напоминает кобано-колхидские формы.

При разборе второго слоя были оставлены лишь крупные камни. В результате внутреннее пространство кургана оказалось разбито на сектора. От камней вокруг погребальной камеры по направлению к кромлеху выделяется несколько направлений. Это западное, идущее четко по линии запад-восток, к западу от погребальной камеры. Остальные же камни выложены по касательной, образуя два блока. Северный и южный сектора занимают зону, отделенную от боковых линиями камней, в то время, как юго-западный и северо-восточный блоки разделены на перпендикулярные зоны.

Погребальная камера подквадратной формы вытянута по линии северо-запад – юго-восток. Её контур выложен 2-3 слоями галечных камней. Длина погребальной камеры по линии запад-восток составляет 2,4 м, по линии север-юг – 2 м, глубина камеры - 2,1 от верхнего уровня камней вокруг погребальной камеры (1,15 м ниже уровня дневной поверхности).

На уровне древней дневной поверхности и ниже, в погребальной камере, обнаружена 41 каменная стела (рис. 1, 2), уложенная в 3 слоя. Высота стел 0,85-0,35 м, все они в сечении ромбовидной, треугольной или трапециевидной формы. На самом большом из них, лежавшем в верхнем слое, с его узкой (оборотной) стороны отмечен вертикальный желобок. В.С. Ольховский отмечал, что «таким образом ваятель воспроизвел впадину, хорошо заметную на спине реального человека и совпадающую с направлением позвоночного столба» (Ольховский, 2005. С. 55). Подобный изобразительный прием встречен на армавирской, белоградцевкой, I (и II?) ольвийской, штормовской стелах и стеле из Царевой могилы. Этот прием сочтен исследователем характерным для «киммерийских» стел. По высоте стелу можно отнести к группе миниатюрных (Ольховский, 2005. С. 56). В.С. Ольховский отмечал, что среди технологических приемов обработки стел встречаются не только подтеска, гравировка и т.д., но и раскраска желтой и красной охрой, а также известняком, применяемый еще с эпохи ранней бронзы (Ольховский, 2005. С. 109). Отметим, что в погребальной камере вместе со стелами было обнаружено 2 фрагмента охры и большое количество кусков мела со следами сработанности.

Нижний слой погребальной камеры представлен углублением, вырытым в материковом грунте и вытянутым по линии запад-восток с небольшим отклонением к северу. Длина ямы составляет 2,2 м, ширина 1,2 м, глубина 2,1 м. Контур ямы расширяется в центре и сужается по краям. Скелет в погребальной камере не обнаружен. С запада и востока в углублении расположено по 2 сосуда. Три из них представлены узкогорлыми чернолощенными кувшинами с ручкой, с пролощенным орнаментом в виде пояса с наклонными параллельными линиями на шаровидном туловище, а также орнаментом в виде треугольников. Один сосуд (толстостенный и плохо обожженный без орнамента) относится к категории кухонной посуды.

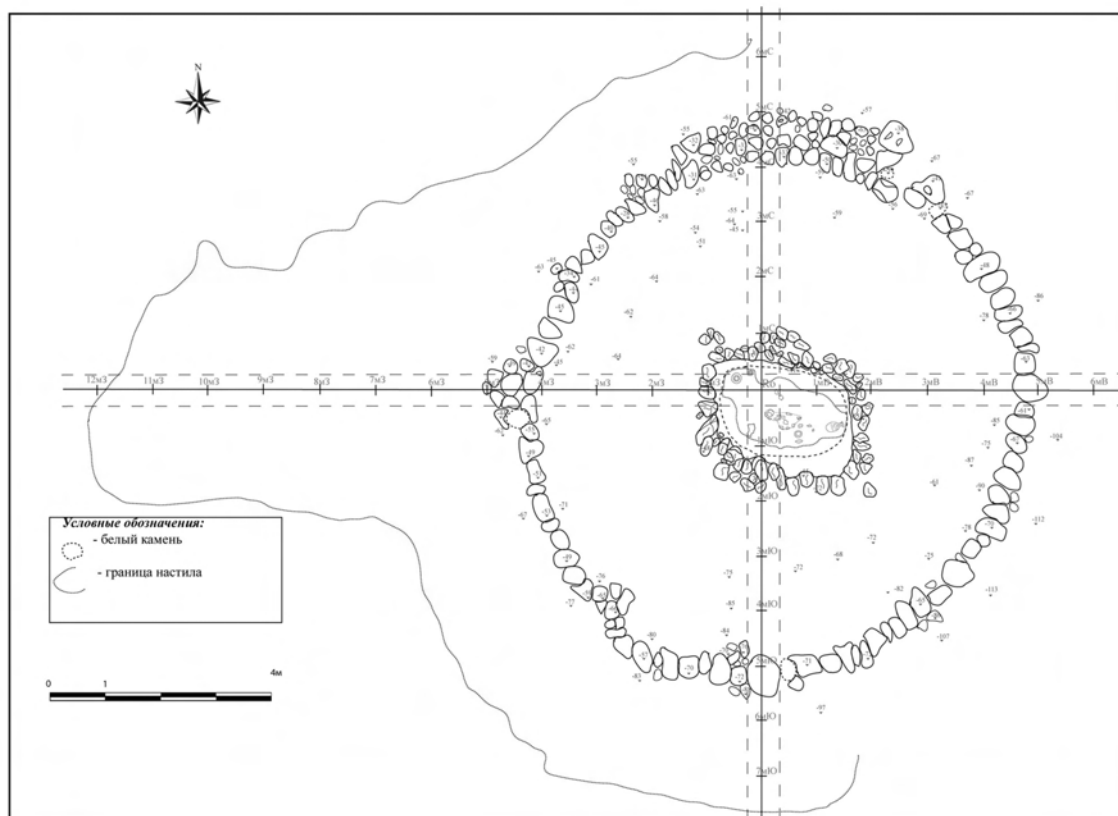
При просеивании грунта из погребальной камеры обнаружены 1 человеческий зуб и фрагменты трубчатых костей; фрагменты листовой бронзы,

Археология позднего бронзового и раннего железного века

вероятно, остатки разбитого сосуда; кольцо бронзовое, украшенное двумя прочерченными продольными линиями и елочным орнаментом; фрагменты керамики, в том числе, профильные, украшенные шишковидным налепом и прочерченным узором в виде сетки на тулове; бусины из горного хрусталя (20 экз.) и сердолика (8 экз.); 2 фрагмента охры со следами стертости; бесформенные сколы обсидиана; фрагменты мела со следами сработанности, один из которых имеет форму топора, а другой – зооморфной головки; фрагменты гальки со сколами и углублениями.

Единственным хронологическим маркером исследованного памятника является керамика, найденная в погребальной камере. Узкогорлые чернолощенные тонкостенные кувшины с ручкой и шарообразным туловом, украшенные прочерченным орнаментом, находят аналогии в Мингечаурских и Малом курганах, в погр. 55 из раскопок А.А. Ивановского в районе Кедабека (*Ивановский*, 1911, табл. XI, 24), а также в нижнем слое поселения Кара-тепе, датируемом VIII-VII вв. до н.э. (*Исмизаде*, 1965. Рис. 11; 12, 1). Толстостенная керамика из заполнения погребальной камеры с прочерченным орнаментом в виде сетки находит аналогии в лощеной керамике Уч-тепинского поселения (*Иессен*, 1965. Рис. 16, 11; 17, 1, 3), датируемого А.А. Иессеном X-IX вв. до н.э. (*Там же*. С. 126), но с оговоркой, что некоторые материалы могут доживать и до VII в. до н.э. (*Там же*. С. 122). Следовательно, керамические формы указывают на дату в пределах IX-VII вв. до н.э. В.С. Ольховский относит появление «киммерийских» стел за пределами Центральной Азии к середине – 3-й четверти VIII – первой половине VII вв. до н.э. (*Ольховский*, 2005. С. 93). Вероятно, к этому времени стоит отнести и время создания исследованного кургана.

Обнаружение стел в количестве 41 экз. не имеет аналогий и, вероятно, связано со специфическим малоизвестным обрядом. Однако стелы схожего облика встречаются на Северном Кавказе в ранних курганах могильника Нартан (кург. 11, 16, 17, 20) (*Батчаев*, 1985. С. 30, 36, 37, 40, табл. 41, 31; 42, 2; 43, 1; 47, 2). В.С. Ольховский отмечал особую роль Кавказского региона как средоточия и «киммерийских» и раннескифских изваяний (*Ольховский*, 2005. С. 121, 124), обращая внимание на особую роль Южного Кавказа.

1

2

Рис. 1. Курган 9 курганной группы Топдагдаган: 1 – общий план после разборки погребальной камеры; 2 – каменные стелы из погребальной камеры

Р.А. Даутова, М.А. Тангиев

Центр археологических исследований АН ЧР, г. Грозный

ШАРОЙСКИЙ МОГИЛЬНИК (ЧЕЧНЯ, Р. ШАРО-АРГУН)

Первые сведения о находках древностей в верховья р. Шаро-Аргун у сел. Шарой, в Горной Чечне, появились в 1868 г. в связи с бронзовыми фигурками людей и животных, опубликованными А.П. Ипполитовым (*Ипполитов*, 1868).

В 1882 г. окрестности Шароя обследовал уже известный к этому времени владикавказский археолог В.И. Долбежев. Судя по опубликованной им информации (в протоколе заседания РАО от 29 октября 1882 г. и в XIX томе «Этнографического обозрения», изданном в 1887 г. в Берлине), на большом склоне в Шарое, расположенном на левом берегу р. Шаро-Аргун ниже селения, находились захоронения различных эпох. При этом необходимо отметить, что действия археолога здесь затруднялись из-за того, что практически вся эта территория была занята участками местных жителей. Поэтому В.И. Долбежев провел «точечные» исследования в трех местах. В первой группе из 13 погребений, разбросанных на полпути к вершине склона в различных местах на границах отдельных полей, где были найдены бронзовые изделия, обломки глиняных сосудов и бусы, он не смог зафиксировать положение костяков и предметов, ограничившись «выгребанием» содержимого захоронений.

В пяти других могилах, располагавшихся южнее первой группы, присутствовали только железные предметы и небольшие кувшины. Еще южнее (т.е. выше по течению р. Шаро-Аргун) В.И. Долбежев расчистил 2 или 3 каменных ящика с костяками хорошей сохранности без вещей и черепов у погребенных.

В итоге на этом большом могильном поле было собрано немало находок – они составили содержимое нескольких планшетов, отправленных в РАО. Судя по перечисленным предметам, здесь были выявлены погребения различных эпох, как это сразу и отметил В.И. Долбежев. Часть вещей, определенная еще А.А. Спицыным эпохой «второго Кобана» (*Спицын*, 1908) т.е. поздней бронзой – ранним железом, из музея РАО попала позднее в Государственный Эрмитаж и была опубликована уже в 60-70-х гг. XX в. (*Марковин*, 1966; *Виноградов*, *Марковин*, 1966; *Козенкова*, 1977).

Остальные находки относились в основном к эпохе средневековья – судя, например, по неоднократно упоминавшимся и узнаваемым перстням со вставками, «этнографическим» сергам позднего времени, какие, по словам В.И. Долбежева, употреблялись «и поныне» (*Dolbescheff*, 1887) или же по железному топору и найденным *in situ* двум железным пластинкам, скрепленным кольцами (*Dolbescheff*, 1887), которые более всего похожи на наручи оборонительного доспеха, известные в средневековых памятниках Чечни и Ингушетии (*Нарожный*, *Чахкиев*, 2003). По информации в X томе «Известий РАО», здесь же были обнаружены и два металлических креста. Кстати, тогда же археолог впервые, видимо, применительно к Горной Чечне, собрал и небольшой антропологический материал – для исследований, проводившихся Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ были взяты черепа из Шароя, Кия и Цеча-Ахка.

Шарой и позднее привлекал внимание исследователей. Так, в коллекцию П.С. Уваровой попали металлические фигурки, связываемые с этим селением (*Брилева*, 2012). В 1903 г. А.М. Завадский купил здесь несколько разновременных предметов (*Мамаев Х.М.*, *Мамаев Р.Х.*, 2012). Известны и более поздние находки отсюда (уже в советское время) бронзовых фигурок людей и животных эпохи раннего железа

Археология позднего бронзового и раннего железного века

(Виноградов, Марковин, 1966; Козенкова, 1982). Однако попытки поиска в окрестностях Шароя в 70-х гг. XX в. мест прежних находок кобанских предметов успеха не принесли (Козенкова, 1976; сообщение М.Х. Багаева), выявив здесь лишь поселение эпохи раннего железа и средневековые петроглифы (Бараниченко, 1979).

В последние годы в Шарое был найден ряд предметов, относящихся в основном к эпохе раннего средневековья: фрагменты двух фибул VIII–IX вв. (в том числе с характерным растительным декором) (рис. 1, 9, 10), опубликованные М.Х. Багаевым и И.О. Гавритухиным (Багаев, 2008; Гавритухин, 2010); кольцевидное навершие булавки с выступами (рис. 1, 4) и накладки в виде солярного знака - «свастики» (рис. 1, 1), аналогичные более ранним находкам здесь же (Dolbescheff, 1887) и рядом - в Кенхи (Мамаев, Даутова, 1981); типичный бронзовый перстень с солярным декором (рис. 1, 3), железная м-образная застежка (?) (рис. 1, 8) и другие предметы (рис. 1, 2, 7). Среди переданного материала присутствуют и две поздние монетообразные подвески (рис. 1, 5, 6) (правда, их связь с могильником твердо не установлена) из счетных жетонов XVIII в. (?) – подобные уже встречались в погребальных позднесредневековых памятниках этой части Чечни (Марковин, 1963; Виноградов, 1982)

Таким образом, наличие в Шарое средневекового некрополя (некрополей? – так как хронологические различия раскопанных В.И. Долбежеевым групп погребений очевидны) сомнений не вызывает, как и вероятное присутствие здесь захоронений более раннего времени. Подобное совмещение разновременных могильников на одной небольшой территории можно считать обычным для горной зоны Северо-Восточного Кавказа в целом (Мамаев, 2008; 2010).

Рис. 1. Новые находки из Шаройского могильника

Г. Джафаров, Д. Джафарова
Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В НЕКРОПОЛЕ
«ПАЛЫДЛЫ»

Некрополь «Палыдлы» является одним из уникальных памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа. Памятник расположен в Гарабахской низменности между селениями Миращелли и Юзбашылы Агдамского района Азербайджанской Республики. Стационарные исследования проводятся здесь с 2009 года. Наземные сооружения в виде курганов, кромлехов, менгиров или же каменных скоплений в некрополе отсутствуют. На глубине 0,8-1,3 м прослеживаются простые грунтовые погребения. За более чем столетний период археологических исследований на территории Гарабаха подобный тип погребальных памятников выявлен впервые.

До сих пор, включая 2013 г., раскопками выявлено 22 погребения, из них 9 в 2013 г. 3 из исследованных погребений были ограблены в древности (№№ 17, 18, 22). Поэтому восстановить первоначальный погребальный обряд и точнее число предметов погребального инвентаря в них не удалось.

Другие погребения (№№ 14, 15, 16, 19, 20, 21) не были разрушены и сохранились в целостности. Размеры могильной ямы различны (2,5 x 2,5 x 0,8; 3,5 x 4,5 x 1,2; 2 x 1,8 x 1 м и т.д.). Обряд захоронения на правом или на левом боку, головой на северо-запад или запад, ногами – на восток.

Археологические материалы в основном состоят из керамических сосудов различного типа, назначения и размеров. Это хозяйственные и парадные кувшины, в основном с одной или двумя ручками, горшки, блюда, миски, кухонные горшки, миниатюрные узкогорлые кувшинчики, маслобойки. Цветовые гаммы колеблются от серого, блестящего черного, до красного. Некоторые сосуды покрыты сетчатыми, желобчатыми, спиралевидными, нарезными или лощеными линиями, насечками, выпуклыми орнаментами.

В числе артефактов также имеются бронзовые браслеты, серьги, кольца, бронзовые и железные кинжалы. Среди многочисленных украшений выделяются крупные шаровидные и рубленые бусы из красного сердолика, а также пастовые, бирюзовые, перламутровые бусины, изделия из раковин морских моллюсков.

На основе анализа всего археологического комплекса грунтовые погребения некрополя «Палыдлы» предварительно датируются XII-XI вв. до н.э. Весь комплекс хорошо вписывается во второй этап развития Ходжалы-Гедабекской археологической культуры.

И.А. Джоуа

*Управление охраны памятников историко-культурного наследия
Республики Абхазия, г. Сухум*

ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ НА ПАМЯТНИКАХ АРХЕОЛОГИИ В С. ЭШЕРА (РЕСПУБЛИКА АБХАЗИЯ)

Село Эшера богато памятниками историко-культурного наследия. Территория этого села простирается от города Сухум (нынешней столицы Абхазии) до Нового Афона - столицы древнеабхазского царства. В этом селе начиная от приморской полосы вплоть до горных хребтов разбросаны памятники древности. Поэтому этот район такой концентрации памятников издавна привлекал внимание путешественников и краеведов.

Сохранившиеся письменные данные о памятниках этого села восходят к середине XIX в. Тогда в этих местах побывал Дюбуа де Монпере, а немного позже - графиня П.С. Уварова. Они и описывают храм в пос. Абгардзых, который сохранился в неплохом состоянии и доньяне.

По плановой работе Госуправления охраны памятников, нами было осмотрено и зафиксировано современное состояние ранее изученных объектов, а вследствие этих работ среди многочисленных древностей этого села были выявлены и новые археологические памятники.

Работа была начата с посещения известных в научном мире Эшерских дольменов, которые были открыты М.М. Иващенко в 1930-е годы XX столетия. Из 15 дольменов (один из которых у здания Абхазского государственного национального музея, другой увезен в Тбилиси), открытых в то время (три из них были тогда изучены), на сегодняшний день сохранились два. В ходе нашей работы был зачищен один из дольменов, произведен обмер и сделана фотофиксация сегодняшнего состояния памятника.

Как известно, в последние годы с.н.с. отдела археологии АБИГИ А.И. Джоуа ведет археологические раскопки в пос. Амжассара. В разное время в работе экспедиции принимали участие сотрудники российских учреждений (В.Р. Эрлих, И.В. Ксенофонтова, О.А. Брилева, А.Р. Конторович, В.Е. Маслов, Ф.К. Джигунова) и археолог из Германии С. Чандрасекаран. В 45 м к северо-западу от места проведения этих работ без разрешительных документов и заключения Гос. управления охраны памятников историко-культурного наследия были проведены несанкционированные земляные работы по строительству ретранслирующей вышки. По приезде на место, нами был произведен визуальный осмотр и сбор археологического материала, извлеченного строителями в ходе несанкционированных земляных работ. Среди собранного материала, датированного III-I вв. до н.э., преобладает кухонная и хозяйственная керамика (фрагменты пифосов, корчаг, кубков, мисок и т.д.).

Как известно, в этом селе располагается памятник греческой колонизации – Эшерское городище VI-I вв. до н.э., открытый в 30-е годы XX в. С 1968 г. стационарные раскопки городища вел Г.К. Шамба, а с 2003 г. эти работы велись силами АБИГИ (Г.К. Шамба, А.И. Джоуа) и ГМИНВ (В.Р. Эрлих, И.В. Ксенофонтова). Вскрытые в ходе археологических раскопок башни и стены городища в настоящее время подвергаются естественным разрушениям и нуждаются в срочных консервационных работах с последующей музеефикацией этого уникального, еще во многом не изученного памятника.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Дальнейшие работы были посвящены известному мегалитическому сооружению эпохи бронзы и раннего железа Эшерским кромлехам, всесторонне изученным Г.К. Шамба в 1970-е годы. Здесь нами были проведены работы по очистке объекта и описанию его нынешнего состояния, для дальнейшей паспортизации этого памятника.

По заявке Гос. управления охраны памятников были произведены охраняемые археологические раскопки на пос. Амжассара 2 (Армянское кладбище), где было заложено 3 шурфа размерами 5 x 2, 3 x 2, 2 x 2 м. Послойные раскопки исследуемого памятника показали следующую стратиграфию: верхний слой, начинающийся в 20 см от дневной поверхности, в котором встречаются находки эпохи античности, заканчивался на 65 см. Данный горизонт включает многочисленные фрагменты позднеколхидской керамики (горшков, корчаг, кубков, разнообразной кухонной посуды небольших размеров) и сосудов импортного производства (в том числе, чернолаковых), датируемые VI-I вв. до н.э. Здесь содержатся материалы как позднеколхидской, так и раннеантичной эпохи. Второй слой эпохи поздней бронзы и раннего железного века мощностью от 0,65 до 1,05 м. содержал находки разнообразной керамики периода расцвета колхидской культуры. Характерным для этого периода является присутствие толстостенной керамики с чернолощеной поверхностью. Встречаются фрагменты плоскодонных горшков, глубоких мисок, корчаг, кувшинов, кубков. Здесь же найдены петлевидные ручки зооморфной формы. На керамике зафиксировано большое количество разнообразных орнаментальных мотивов. По имеющимся материалам и по аналогиям керамики соседнего поселения Амжассара 1, новый археологический памятник можно датировать IX-I вв. до н.э.

Таким образом, помимо фиксации современного состояния ранее известных памятников, нами было выявлено новое многослойное поселение колхидской культуры Амжассара 2. Дальнейшие работы на этом объекте дадут весьма ценный материал для изучения культуры Центральной Абхазии в I тыс. до н.э.

Экспедиция Гос. Управления провела и работы по фиксации, обмеру и оценке технического состояния крепости Уаз-абаа, находящейся на ключевой стратегической позиции на правом берегу р. Гумиста. Комплекс сооружения включает руинированные стены и фундаменты. И здесь требуется проведение срочных охранно-укрепительных работ для спасения и исследования памятника.

А.Р. Канторович

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г.
Москва*

МОТИВ ГОЛОВЫ ВЕРБЛЮДА В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Образ верблюда популярен в зверином стиле «савроматской» культуры (Королькова, 2006. С. 88-104), известен он и в достаточно ранних образцах искусства более восточных вариантов скифо-сибирского звериного стиля – из Уйгарака (к.47) (Вишневская, 1973. С. 40. Табл. XV, 5, XXVIII, 12) и Аржана-2 (Чугунов, 2004. Илл. на с. 23) (эти комплексы датируются, при всей дискуссионности вопроса, в пределах VII-VI вв. до н.э.). Вместе с тем, до недавних пор эта художественная тема считалась абсолютно не разработанной в северопричерноморской и северокавказской зонах скифо-сибирского мира. Е.Ф. Королькова, составившая наиболее полную сводку полнофигурных и редуцированных изображений верблюда в зверином стиле скифской и сарматской эпох (на 2006 год исследовательницей учтено 90 изделий из 35 памятников – см. Королькова, 2006. С. 88-104 сл.), пришла к выводу о том, что в искусстве Северного Причерноморья тема верблюда реализуется не ранее сарматского периода (Королькова, 2006. С. 104).

Однако находка в 2012 году уздечной бляхи с изображением головы верблюда в могильнике Уллу в Центральном Предкавказье заставляет по-новому рассмотреть этот вопрос¹.

Эта головка в сочетании со сходными изображениями на территории восточноевропейской зоны скифского звериного стиля формирует единый изобразительный тип, который можно именовать типом «Уллу-Аксютинцы».

Всего к данному типу относятся 6 оригинальных изображений (с учетом копий – 25 экземпляров), происходящих с территории Центрального Предкавказья (могильник Уллу, погребение 2; могильник Гастон Уота, погребение 19) (рис. 1, 1, 3), Прикубанья (Майкоп, покупка) (рис. 1, 2) и Среднего Поднепровья (Аксютинцы – Стайкин верх, курган 12; Броварки, курган 505; курган у с. Макеевка (рис. 1, 4-6). Все они оформляют бронзовые уздечные бляхи. Во всех случаях здесь представлена обособленная голова некоего существа с сегментовидной верхней челюстью, нависающей верхней губой, с хохолком на темени («шапка» густой шерсти), с овальным ухом, что соответствует природным признакам двугорбого верблюда – бактриана (*Camelus bactrianus*) Семейства верблюдовых Отряда мозолоногих (ср. диагностические признаки образа верблюда в скифо-сибирском и сарматском зверином стиле, установленные Е.Ф. Корольковой – Королькова, 2006. С. 88-90).

Ближайшую аналогию типу «Уллу-Аксютинцы» составляют бронзовые уздечные бляхи, оформленные в виде головы верблюда из погребения у с. Хошеутово (*Očir-Gorjaeva*, 2005. Cat. 98, 99, 118, 119). Менее близки, но сходны с данным типом головы верблюдов на бронзовых псалях из Хошеутова (*Očir-Gorjaeva*, 2005. Cat. 4-5).

¹ Раскопки А.Б. Белинского, А.Р. Канторовича, В.Е. Маслова и С. Райнхольд в 2012 г. В целом могильник Уллу датируется в пределах V в. до н.э. Дата определяется типами наконечников стрел, уздечными принадлежностями, закавказскими импортами и изображениями, выполненными в скифском зверином стиле (см. подробнее: Белинский и др., 2013. С. 18-19).

Хронологические рамки данного типа и всего мотива верблюжьей головы в восточноевропейском скифском зверином стиле определяются в пределах рубежа VI-V – сер. V вв. до н.э. на основании аналогии с Хошеутовым, датируемом в рамках V в. до н.э., возможно, его серединой (*Ocir-Gorjaeva*, 2005. С. 70-72), а также собственными показателями комплексов типа «Уллу-Аксютинцы» (бляха из Уллу (рис. 1, 1) происходит из погребального комплекса с наконечниками стрел V в. до н.э.; комплекс, содержащий изображение из Броварок (рис. 1, 5), по составу колчанного набора и типам бронзовых уздечных блях отнесён исследователями к первой пол. V в. до н.э. (*Ильинская*, 1957. С. 238; *Галанина*, 1977. С. 53); почти тождественные броварскому изображению из Аксютинцев (рис. 1, 4) и Макеевки (рис. 1, 6) должны датироваться аналогично, что подтверждает установленную В.А. Ильинской датировку аксютинецкого комплекса рубежом VI-V вв. до н.э. (*Ильинская*, 1968. С. 73)².

В литературе аксютинецкое изображение трактуется то как «голова грифона» (*Ильинская*, 1968. С. 31), то как голова «лося с чубчиком» (*Могиллов*, 2008. С. 48). Изображение из Броварок квалифицировано Л.К. Галаниной как «голова грифона» (*Галанина*, 1977. С. 53). Действительно, у представленных здесь животных загнутая морда напоминает клюв или лосиную морду с характерным переломом в верхней части, а рифленый выступ над глазом – гребень грифона (ср. изображения грифона из Грищенцев и лося из Журовки – рис. 1, Д, Е). Однако короткое овальное ухо в аксютинецком, броварском и макеевском изображениях отличается от асимметрично-ромбического уха грифонов и лосей. Поэтому, не отрицая влияния местной среднеднепровской иконографии грифона и лося на формирование этих изображений, всё же следует объяснять их появление в этом регионе проникновением сюда, хоть и в искаженном виде, мотива головы верблюда, подобной изображению из Уллу и Хошеутова. Каковы же вероятные пути заимствования этого мотива?

Е.Ф. Королькова показала, что районом наибольшей концентрации изображений верблюда в скифскую эпоху является Южное Приуралье и Западный Казахстан, где образ верблюда реализуется постоянно с конца VI-V по IV в. до н.э. (*Королькова*, 2006. С. 99-100). Именно эта зона, по мнению исследовательницы, является очагом распространения данного образа в западном и восточном направлении в рамках скифо-сибирского мира, причем в качестве таких очагов Е.Ф. Королькова рассматривает также Приаралье и Туву, учитывая уйгаракское и аржанские изображения (*Королькова*, 2006. С. 104). Надо полагать, что нижневолжские изображения из Хошеутова являются следствием ранней волны влияний из Южного Приуралья и Зауралья – ср., в частности, полнофигурные изображения борющихся верблюдов-самцов на уздечных бляхах из Пятимар первой пол. V в. до н.э. (рис. 1, А), нашедшие затем продолжение в более поздних изображениях из Филипповки (рис. 1, Г).

Следовательно, тип «Уллу-Аксютинцы» – следствие заимствования образа верблюда с территории Нижнего Поволжья (куда он пришел из Южного Приуралья) и, далее, его искажения, закономерного в тех регионах, где верблюды в это время не водились – в ареале скифской культуры и в её

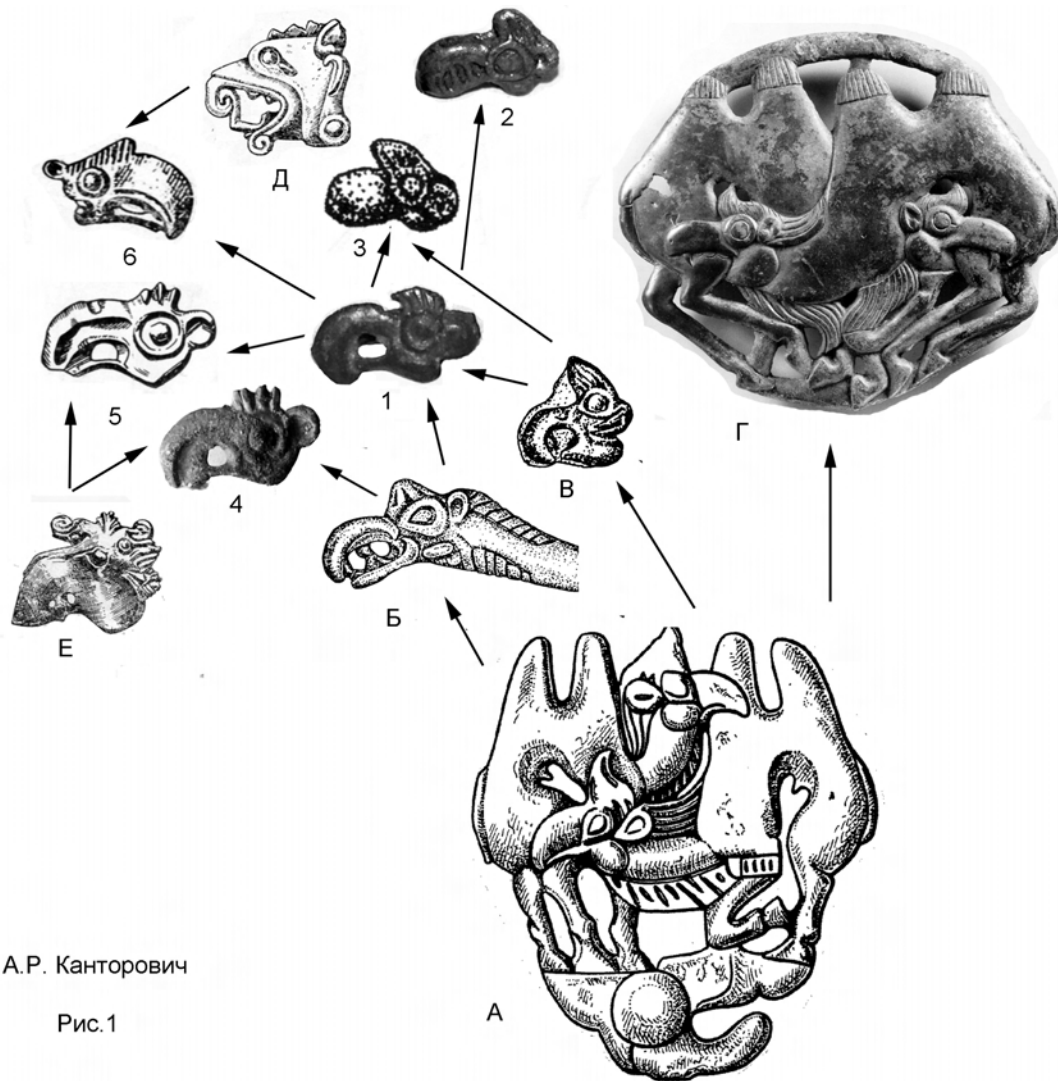
² Соответственно датировка А.Д. Могилловым аксютинецкого комплекса втор. пол. VI в. до н.э. (*Могиллов*, 2008. С. 48) представляется несколько заниженной.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

контактной зоне с кобанской и меотской культурами. Симптоматично, что на Северном Кавказе, - регионе, соседнем с Нижним Поволжьем, этот персонаж отображался более реалистично, нежели в Среднем Поднепровье, весьма отдаленном от художественных корней образа: здесь иконография верблюда, как мы видели, смешивается с местной иконографией грифона и лося (при том, что трактовка образа верблюда-самца как пограничного с образами грифона и хищника встречается и в исходных для него регионах – в Южном Приуралье и в Западном Казахстане – см. *Переводчикова*, 2009. С. 130-131).

Литература

- Белинский А.Б., Канторович А.Р., Маслов В.Е., Райнхольд С.*, 2013. Раскопки могильника Уллу в Центральном Предкавказье // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. (Сухум, 26-30 ноября 2013 г.). Сухум.
- Вишневская О.А.*, 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. М.
- Галанина Л.К.*, 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) / САИ Д1-33. М.
- Ильинская В.А.*, 1968. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев.
- Королькова Е.Ф.*, 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII-IV вв. до н.э.). СПб.
- Могилов А.Д.*, 2008. Спорядження коня скіфської доби у Лисостепу Східної Європи. Київ; Кам'янець-Подільський.
- Мошинский А.П.*, 2006. Древности горной Дигории VII – IV вв. до н.э. систематизация и хронология. М.
- Переводчикова Е.В.*, 2000. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология. М.
- Переводчикова Е.В.*, 2009. Верблюд в классификационной системе скифского звериного стиля // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т.ХV. Запоріжжя.
- Петренко В.Г.*, 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V-III вв. до н.э. / САИ Д1-4. М.
- Самоквасов Д.Я.*, 1908. Могилы русской земли. М.
- Смирнов К.Ф.*, 1976. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.
- Чугунов К.В.*, 2004. Аржан. Источник в Долине царей. СПб.
- Očir-Gorjaeva M.*, 2005. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga // Archäologie in Eurasien. Band 19. Mainz.

А.Р. Канторович

Рис.1

Рис.1. Мотив головы верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле (тип «Уллу-Аксютинцы», 1-6), его генезис и смежные типы изображений (А-Е).

1 – Уллу, п. 2 (раскопки А.Б. Белинского, А.Р. Канторовича, В.Е. Маслова и С. Райнхольд в 2012 г., фото А.Р. Канторовича); 2 - Майкоп (Государственный Эрмитаж, 2509/5-6, фото А.Р. Канторовича; впервые опубликовано в: *Переводчикова*, 2000. Рис. 1, 9); 3 - Гастон Уота, п. 19 (*Мошинский*, 2006. Рис. 15, 9); 4 - Аксютинцы – Стайкин верх, к. 12 (по: *Самоквасов*, 1908. Альбом, № 1606); 5 – Броварки, к. 505 (по: *Галанина*, 1977. Табл. 30, 13); 6 – Макеевка, курган (по: *Петренко*, 1967. Рис. 31, 13).

А - Пятимары I, курган 8 (по: *Смирнов*, 1976. Рис. 5, 7); Б, В - Хошеутово (по: *Oçir-Gorjaeva*, 2005. № 5, 118); Г - Филипповка, курган 1 (*The Golden Deer of Eurasia*, 2000. Cat. 13); Д - Грищенцы, п.7 (по: *Петренко*, 1967. Табл. 31, 10); Е - Журовка, курган 401 (по: *Петренко*, 1967. Табл. 31, 12)

В.И. Козенкова

Институт археологии РАН, г. Москва

ХРОНОЛОГИЯ ПЕРКАЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ МАТЕРИАЛОВ СКИФСКОГО ОБЛИКА В ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Перкальский могильник западного варианта кобанской культуры относится к ее малоизученным памятникам. Открытые в 30-е годы XX в. четыре погребения на склоне Перкальской скалы севернее горы Машук в Кисловодской котловине (Н.М. Егоров) оказались вне пристального внимания исследователей. Как и расположенное вблизи него древнее поселение, на котором были собраны многочисленные обломки керамики железного века (Козенкова, 1989).

Объясняется это, главным образом, тем, что материалы эти были довольно кратко опубликованы Н.М. Егоровым через более чем два десятилетия после открытия (Егоров, 1955). Причем внимание исследователей привлек, в основном, один артефакт – великолепный бронзово-железный топор-клевец (чекан), к исследованию и атрибуции которого неоднократно обращались многие из них.

Хронология самого могильника, по аналогиям в круте близких материалов, в том числе и клевца, по имеющимся на тот период хронологическим разработкам, определялась в пределах VI-V вв. до н.э. (Крупнов, 1960; Виноградов, 1972). Отнесен к этому же времени (конец VI-V вв. до н.э.) кобанский клевец и при специальной разработке типологии и хронологии данного оружия в Приуралье С.В. Кузьминых (Кузьминых, 1983). До середины 90-х годов XX в. С.Л. Дударев придерживался той точки зрения, что «их хронология вполне укладывается в рамки конца VI-V вв. до н.э.» (Дударев, 1994. С. 14).

В последние годы XX и начале XXI века на Ставрополье и в Прикубанье был выявлен огромный пласт новейших материалов по раннескифской эпохе (В.Г. Петренко, В.Е. Маслов, А.Р. Канторович, Л.К. Галанина и др.) довольно убедительно и значительно уточняющие хронологию таких памятников Предкавказья в рамках конца VII – начала VI вв. до н.э. Подобный рост количества более достоверной информации заставляет обратиться и рассмотреть вновь старые исходные материалы с Перкальской скалы.

При повторном анализе текста описания Н.М. Егоровым материалов Перкальского могильника, в контексте новых материалов многие культурные элементы этого памятника предстают во многом иначе, чем прежде. По погребальному обряду – этот объект, бесспорно, принадлежит к коренной местной культуре (грунтовые могилы под каменной наброской, погребения скорченные на боку, западная ориентировка и т.п.). Но в погребальном инвентаре заметное место принадлежит элементам, близко напоминающим вещевой материал Комаровского, Краснознаменского и Новозаведенного-2 могильников (фрагменты больших корчаг с геометрическим орнаментом, миска, «кувшинчик быкогорского типа», «миниатюрная чашечка с вогнутым дном и нарезным орнаментом», «большая кружка» и т.п.). Весь этот керамический набор находит аналогии в перечисленных памятниках и соответствует раннескифскому периоду конца VII – начала VI вв. до н.э. Треугольный бронзовый наконечник стрелы с короткой втулкой из погребения 4 аналогичен стрелам из Минералводского и Краснознаменского могильников, а также из кургана 14 могильника Пегушин-I. Чрезвычайно важным обстоятельством является наличие в Перкальском могильнике таких значимых изделий как «четыре крутых тонких золотых пластинок» с попарно отличающимся орнаментом. То есть таких, которые по описанию напоминают хорошо известные золотые узорчатые накладки из Келермесского и Новозаведенного-2 могильников (Галанина, 1997; Петренко, Маслов, Канторович, 2000). В настоящее время подобные предметы датируются исследователями также в рамках второй половины VII – начала VI вв. до н.э. Особенно показателен в погребениях Перкальского могильника набор бус

Археология позднего бронзового и раннего железного века

из ожерелий. Многие разновидности стеклянных и пастовых бус, но особенно крупные янтарные пластинки-распределители для бус, напоминают набор ожерелий из Моздокского и Краснознаменского могильников.

В контексте новых материалов раннескифского облика из Предкавказья, требуют корректировки хронология и атрибуция перкальского биметаллического топора-клевца. Большинство исследователей традиционно относят его к **случайным** находкам (Подобед, Ключнев, 1993; Алексеев, 2003, Петренко, Дударев, 2006, 2011 и др.). Однако в Личном архиве А.А. Иессена, хранящемся в ИИМК РАН (папка № 16) имеется запись со слов Н.М. Егорова: «Перкальское глиннице (могильник). Случайная находка 12 мая 1940 года... Найден около центра овала из 18 камней (ЗВ - 217 см; ЮС - 150 см). В центре овала лежала кучка из пяти камней. Клевец лежал к западу от этой кучки» (то есть внутри овала – В.К.). Описание явно не соответствует понятию «случайная находка» по отношению к предмету, а все сооружение напоминает объект типа **кенотафа**. Приведенные данные свидетельствуют, что предполагаемый **кенотаф** входил в состав могильного поля конца VII – начала VI вв. до н.э., поскольку более поздних материалов здесь не засвидетельствовано.

Биметаллический клевец остается не только наиболее важным аргументом в пользу более точной ранней датировки Перкальского могильника в целом, но и, морфологически чуждый местным типам оружия кобанской культуры, является маркером связей «кобанцев» с далекими от ареала Кобани южными территориями. Традиционно подобный вариант клевцов (КЧ-30, по С.В. Кузьминых) связывают по происхождению с Волго-Камьем, откуда он якобы попал на Северный Кавказ не ранее начала VI-V вв. до н.э. (Крупнов, 1960; Виноградов, 1972). Однако в свете выше приведенных данных о более ранней хронологии могильника это предположение является дискуссионным. Дополнительным основанием для спорности этого предположения служит очевидное поразительное, давно замеченное многими, сходство перкальского клевца с клевцом из могилы в Имерлере, самым древним (700-650 гг. до н.э.) из четырех малоазийских экземпляров (Дударев, 1994; Иванчик, 2001). Перкальская находка ни по форме, ни по ранней хронологии не выпадает из всей компактной группы (рис. 1), представленной как экземплярами из Малой Азии (Иванчик), так и находкой на Таманском полуострове (Мурзин, Шлейфер, 2007). Таким образом, более правдоподобно, что клевец из Перкальского могильника является импортом, но не конца VI-V вв. до н.э., а VII в. до н.э. И не из Волго-Камья, а из Малой Азии (Пиотровский Б.Б.).

Вышеизложенное позволяет предположить более адекватную версию появления единичных экземпляров такого оружия в ареале кобанской культуры. Не исключено, что перкальский топор-клевец маркирует, вкупе с материалами из курганов Предкавказья синхронного времени, период возвращения кочевнического воинского евразийского конгломерата из переднеазиатских походов. Поскольку в арсенале кочевников этого периода в Предкавказье подобный тип оружия не засвидетельствован, можно полагать, что принесен он был в местную среду одним из представителей воинской группы «кобанцев», принимавших участие в походах и вернувшихся вместе с кочевниками на родину. Подобная модель участия коренного населения в этих событиях неоднократно предполагалась в научной литературе (Е.И. Крупнов, В.Б. Виноградов, С.А. Дударев, В.Б. Ковалевская и др.).

Предполагаемая топография находки клевца в Перкальском могильнике свидетельствует в пользу того, что он может быть отнесен к вещам поминальной церемонии по погибшему на чужбине соплеменнику. В определенной мере подтверждением этому может служить факт отсутствия более массовых находок такого типа оружия в арсенале местной культуры.

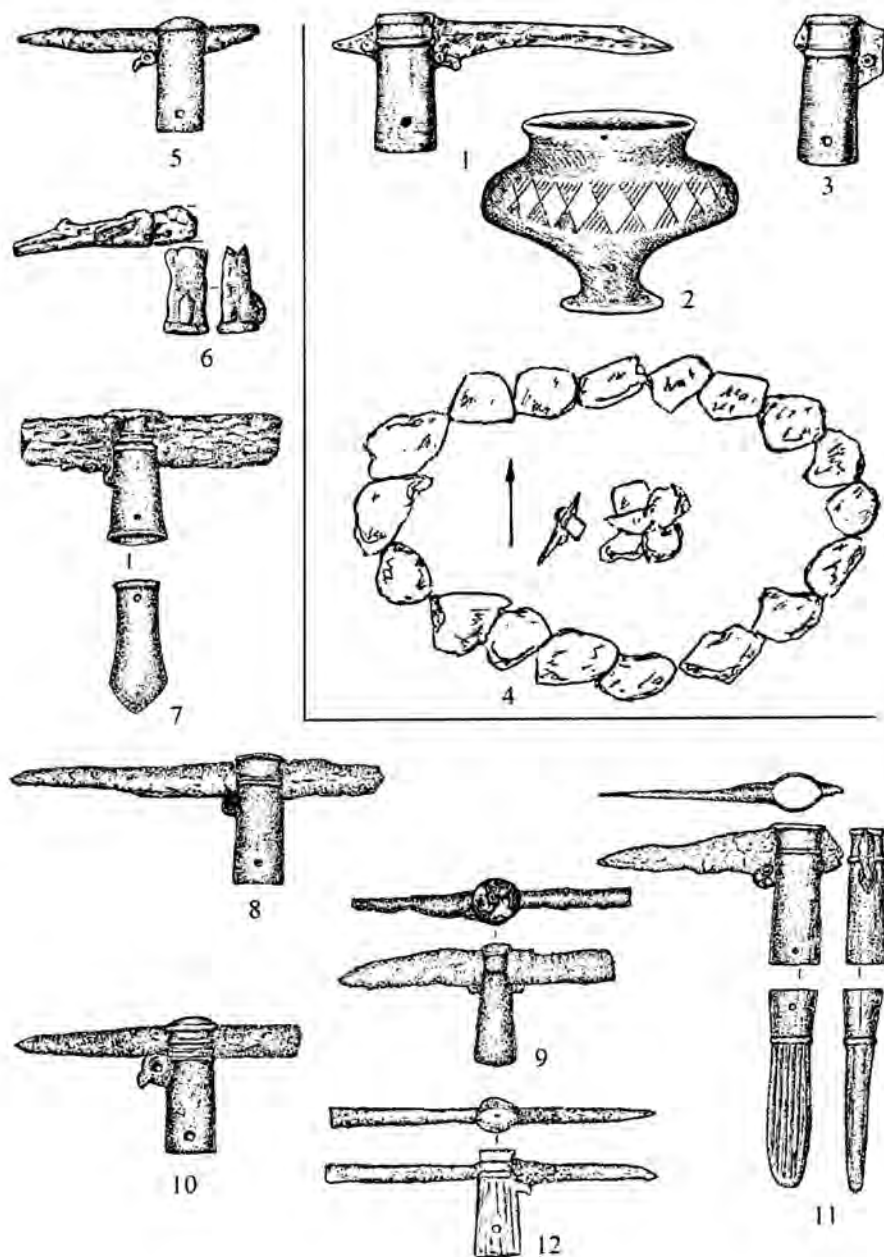

Рис. 1. 1,2 – Перкальский могильник; 3 – Гунделен; 4 – Перкальский могильник, «кенотаф» (реконструкция по описанию Н.М.Егорова); 5 – Ананьино; 6 – Сакар-чага; 7 – Уйгарак; 8 – Имирлер; 9 – место находки неизвестно. Метрополитен музей; 10 – Муш (Малая Азия); 11 – Анатолия, Стамбульский музей; 12 – Таманский полуостров

А. Козубова

Университет им. Коменского, Братислава, Словакия

О ВОСТОЧНЫХ ВЛИЯНИЯХ В КУЛЬТУРАХ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА КАРПАТО-ПОДУНАВЬЯ

Векерзугская культура (ВК), основной центр распространения которой находилась в Восточной Венгрии, наряду с чумбрудской группой (ЧБ) Центральной и Северо-Восточной Трансильвании, также, как и позднегалльштатские культурные группы Юго-Восточной Паннонии, принадлежит к культурам и культурным группам с восточными элементами.

ВК является одним из важнейших и специфичных культурных образований в рамках культурно-исторического развития галльштатской и ранней латенской эпох в Карпатской котловине (втор. пол. VII – перв. пол. IV вв. до н.э.). Здесь необходимо обратить внимание на полигенетический и синкретический характер ВК. Формирование ВК происходило при активном взаимодействии племен, связываемых с восточноевропейской степью и лесостепью, с северокавказским регионом, с территорией Центральных и Восточных Балкан и с восточногалльштатским культурным кругом. С другой стороны, часть вещевого комплекса, характерного для ВК, имеет местное происхождение. Отдельно надо рассматривать находки, появление которых в ВК может быть связано с греческими колониями в Причерноморье (в первую очередь, круговой керамики). Именно в присутствии находок галльштатского, восточного и балканского типов, распространенных на относительно ограниченной территории, заключается большой потенциал ВК и ЧБ, который в будущем может способствовать, во-первых, хотя бы частичной синхронизации хронологических систем, разработанных отдельно для этих трёх культурных регионов и, во-вторых, пониманию масштабных изменений, которые произошли в пространстве всей Восточноальпийской области в начале поздней галльштатской эпохи.

Мы рассмотрим только те находки из памятников культур и культурных групп раннего железного века Карпато-Подунавья, которые имеют северно-причерноморское и кавказское происхождение. С влиянием Северного Причерноморья и Кавказа в ВК и ЧГ можно соотнести, прежде всего, оружие и защитное вооружение т.н. восточного типа, в первую очередь, оружие дальнего боя (наконечники стрел восточного типа, некоторые детали колчанов) (рис. 1, 1-4) и ударно-рубящее оружие (железные боевые однолезвийные топоры) (рис. 1, 5, 6), частично также клинковое оружие (кинжалы и короткие двулезвийные мечи типа акинака) (рис. 1, 8, 15) и ряд деталей конского снаряжения (костьяные псалии с зооморфным окончанием, некоторые типы блях и распределителей для ремней оголовья, детали рукояток плетей) (рис. 1, 9-11). Именно эти категории находок как в ВК, так и в синхронной с ней ЧГ, связаны с «мужской сферой». Возможно, мужчины-воины, являвшиеся более подвижной частью популяции, были более открыты влияниям окружающего мира, в том числе, и с востока. Некоторые типы, к примеру, наконечники стрел, указывают в ВК на новую традицию в изготовлении данной категории предметов и, вместе с другими находками, в том числе, клинковым оружием, могут считаться важным показателем способности носителей ВК и ЧГ усвоить и переработать чужеродные элементы. Находки заготовок некоторых деталей конского снаряжения из кости и рога, в том числе, псалиев и распределителей, на поселениях ВК Северо-Восточной Венгрии свидетельствуют о местном производстве находок восточного типа. С восточным влиянием связано и появление в ВК своеобразных произведений, оформленных в зверином стиле, часто в сочетании с местными по происхождению геометрическими мотивами (рис. 1, 7, 18).

Гораздо меньше отражается восточное влияние в украшениях и элементах костюма, а именно в серьгах, раковинах каури и нашитых бляшках (рис. 1, 12, 13), кото-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

рые в ВК и ЧГ связаны с «женской сферой» а также в распространении некоторых типов предметов туалета – зеркал (рис. 1, 16, 17) и металлических зооморфных наверший (рис. 1, 14), которые часто встречаются в рамках одного комплекса вместе с уздечными комплектами типа Szentcs-Vekerzug и колокольчиками. Для женского костюма ВК и ЧГ, в отличие от синхронных с ними гальштатских культурных групп, очень характерны украшения головного убора. Данное явление не ограничивается в своем распространении только поздним гальштатским временем, эта своеобразная традиция в оформлении женского костюма прослеживается на территории Центральной и Восточной Европы и Кавказа и в предшествующее время. Однако, в раннем железном веке большое разнообразие типов украшений головного убора свойственно только памятникам ВК и ЧГ. Хотя в погребениях женщин ВК и ЧГ (м.б. также детей и подростков) восточное влияние проявилось с гораздо меньшей интенсивностью, чем в случае погребений с оружием и конским снаряжением, предметы восточного происхождения в женских погребениях относительно часто встречаются вместе с такими типами украшений и элементов костюма, для которых возможна достоверная увязка с хронологической схемой гальштатской культуры. Это имеет принципиальное значение не только для хронологического определения этих погребений, но и для изучения хронологии восточных влияний в ВК и ЧГ. Такую возможность погребения с оружием дают крайне редко.

Немаловажным является также вопрос возможного восточного влияния в погребальном обряде, которое проявляется более-менее четко в распространении конских погребений. Как представляется, захоронения лошадей в ВК имеют больше сходства с конскими погребениями протомеотских и раннемеотских могильников Северо-Западного Кавказа, чем с синхронными им памятниками такого рода Северного Причерноморья. Не исключено, что кольцевые рвы вокруг некоторых погребений ВК связаны с присутствием над этими захоронениями курганных насыпей и могут быть использованы в качестве ещё одного примера восточного влияния.

Вопрос о восточном влиянии в ВК и ЧГ необходимо рассматривать в нескольких аспектах. Один из наиболее важных – это максимально точно определить для отдельных категорий находок, присутствие которых в комплексах ВК и ЧГ может быть связано с восточными влияниями, район происхождения (степь и лесостепь Северного Причерноморья, Кавказ). С этим вопросом тесно связан хронологический аспект, поэтому их надо рассматривать в совокупности. Кавказское происхождение, вероятно, имеют железные боевые топоры и некоторые типы клинкового оружия. Для второй группы находок предполагается северно-причерноморское происхождение и они отмечены как в погребениях мужчин (клинковое оружие), так и, прежде всего, в погребениях женщин (в отличие от кавказского влияния, которое прослеживается почти исключительно в мужских погребениях). Если в ряде мужских погребений оружие и защитное вооружение имеет только восточное происхождение и инородные по происхождению типы находок этих категорий с ним не встречены, то в женских погребениях нередко наблюдается сочетание восточных элементов с элементами гальштатскими или балканскими. Третья группа находок – это предметы, для которых возможно как северно-причерноморское, так и кавказское происхождение, т.е. эти типы находок имеют широкое распространение. Важны здесь и другие аспекты, к примеру, социальный (связана ли распространенность рассматриваемых категорий находок с определённой социальной прослойкой ВК и ЧГ или нет). Здесь надо обращать внимание и на взаимовстречаемость отдельных категорий оружия в погребениях ВК и ЧГ. Важен и сам характер восточных влияний в ВК и ЧГ, т.е. являются ли находки т.н. восточного типа импортом, местными подражаниями восточным образцам или же местными изделиями, имеющими с прототипами только общие морфологические признаки.

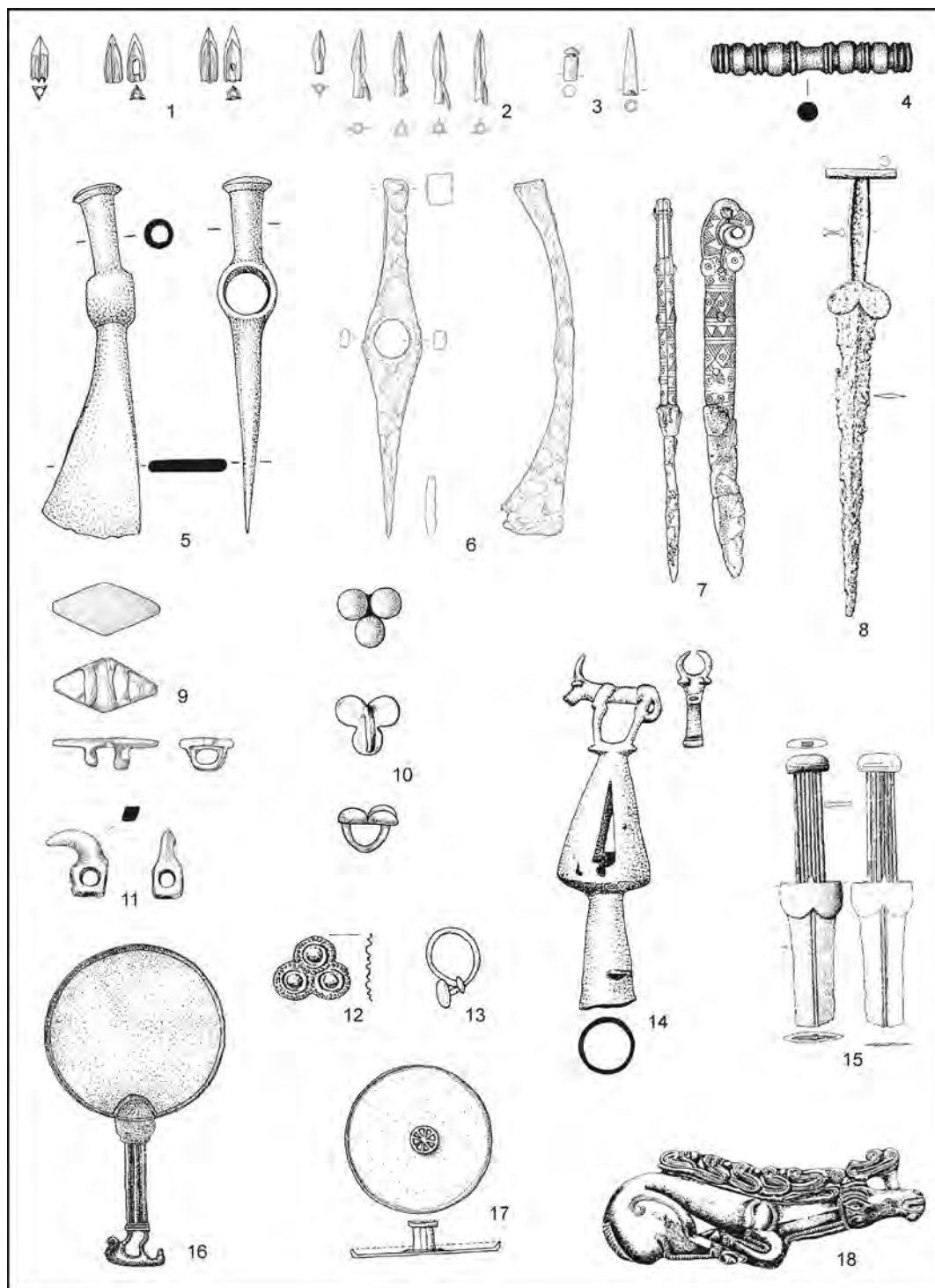

Рис. 1. 1 – Chotín IA, погребение 120/53; 2 – Delenii, погребение; 3 – Mărișelu, погребение 6; 4 – Sajószentpéter, погребение B; 5 – Alsótelekes-Dolinka, погребение 1; 6 – Chotín IB, погребение 49/61; 7 – Veľký Grob, поселение; 8 – Piliny; 9 – Chotín IA, погребение 220/54; 10 – Nitra-Dolné Krškany, погребение; 11 – Sajószentpéter, погребение B; 12 – Szentes-Vekerzug, погребение 31; 13 – Békéscaba-Fényes, погребение 21; 14 – Nagytarcsa, комплекс; 15 – Posmuș, погребение; 16 – Szécsény; 17 – Mărișelu, погребение 5; 18 – Táriószentmárton, погребение

В.Ю. Кононов

ООО «Южно-Российский центр археологических исследований»,
г. Краснодар

**«МАРЬЯНСКОЕ-1» - НОВЫЙ ПАМЯТНИК МЕОТСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРИКУБАНЬЕ (ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ
СООБЩЕНИЕ)**

Поселение «Марьянское-1» расположено в Красноармейском районе Краснодарского края, к западу от станицы Марьянской, на слабо заметной возвышенности в излучине древнего правого берега р. Старая Кубань, и относится к периоду РЖВ и средневековья. Данный памятник известен с XIX в. и был отмечен на археологической карте памятников Кубанской области составленной Е.Д. Фелицыным.

В июле–ноябре 2013 г. проводились охранные археологические исследования поселения «Марьянское-1» и его могильника, работы велись ООО «Южно-Российский центр археологических исследований» при финансировании ОАО «Черномортранснефть». В результате археологических раскопок получена информация, позволяющая сделать предварительные выводы.

В ходе работ в зоне строительства была исследована юго-восточная окраина поселения. В рамках исследованной территории на площади раскопа зафиксированы два периода существования поселения: поздний – относящийся к периоду средневековья (предварительная датировка IX–XI вв.) и ранний – VI–IV вв. до н.э.

В настоящий момент хотелось бы изложить данные о раннем периоде существования поселения, полученные в ходе раскопок.

Поселение «Марьянское-1» занимает участок в плане близкий к овалу, вытянутому с запада на восток, имеет площадь около 6 га. Длина поселения по линии запад–восток – 381 м, ширина по линии север–юг – 186 м. Мощность культурного слоя составляет от 1,4 м в центральной части до 0,6 м на окраине.

Из культурного слоя поселения происходят фрагменты как местной (меотской), так и импортной (греческой) столовой и тарной керамики.

Исходя из датировок амфорных материалов, происходящих из слоя поселения, можно заключить, что возникает оно в VI в. до н.э. Это подтверждается и временем появления других памятников на правобережье Кубани. Поселение продолжает существовать на протяжении V в. до н.э., а в IV в. до н.э., прекращает свое существование, поскольку материалов позднее этого времени в ходе раскопок и разведок не получено.

В процессе существования поселение было обнесено тремя рвами, которые выкапывались последовательно, один за другим, с внешней стороны, причем выкид из последующего рва перекрывал заполнение предыдущего. Все рвы имели крутую внешнюю стенку и пологую со ступенькой внутреннюю. Последний ров (№ 3), не был засыпан единовременно, а был заброшен и постепенно заплывал слоем поселения. Датировочный материал из заполнения рвов соответствует находкам из исследованной части поселения. Весьма интересно отсутствие оборонительного вала, остатки которого не прослеживались ни с внешней, ни с внутренней стороны рва.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

К южной границе поселения, за рвом, примыкает участок грунтового могильника, хронология погребений которого укладывается в рамки IV в. до н.э. Погребальный инвентарь в целом характерен для погребений этого периода на всей территории Кубани, занятой носителями меотской АК. Так, в погребениях встречены столовая и кухонная посуда, сосуды для питья, амфоры, оружие, предметы туалета, орудия труда, украшения и жертвенная пища (кости коровы, овцы, свиньи и собаки). В ряде погребений с ярким воинским инвентарем (сочетание меча, копий и наконечников стрел) захоронение воина сопровождалось погребением коня, однако большинство данных комплексов было ограблено в древности.

Погребальный обряд грунтового могильника также характерен для погребений данного региона в рассматриваемый период. Погребения IV в. до н.э. совершены в прямоугольных ямах, преобладает восточная ориентировка (23 погребения), встречены также юго-восточная (8), южная (8) и северо-северо-восточная (1). Амфоры, крупные сосуды и кухонные горшки, как правило, расположены в ногах, и изредка в головах. За головой погребенного в большинстве случаев находилась миска, перевернутая вверх дном, случаи помещения её на боку или на дне единичны. Наконечники копий располагались справа от черепа, остриями вверх. Жертвенная (заупокойная пища), зачастую с небольшим ножичком, находилась либо в ногах, либо по бокам от ног.

К VI–V вв. до н.э. относится одно погребение, исследованное с внешней стороны рва, на юго-восточной окраине поселения. Оно совершено в трапециевидной яме, слегка заглубленной в материк. Погребенный лежал скорчено на правом боку, головой на восток. Из инвентаря найден лишь фрагмент стенки лепного черноглиняного сосуда с подлощенной внешней поверхностью.

Материалы, найденные в результате исследований, свидетельствуют о культурных традициях данного поселения, а также позволяют провести культурно-хронологические параллели с другими памятниками этого времени.

Т.М. Кузнецова

Институт археологии РАН, г. Москва

КИММЕРИЙСКИЕ СТРЕЛЫ

По археологическим находкам исследователи выделяют две «независимые традиции» развития наконечников стрел во II – начале I тыс. до н.э.: для Ближнего Востока — только с черешковой формой насада бронзовых и железных наконечников; для Причерноморья и Поволжья — только бронзовые с втульчатой формой насада.

И.Н. Медведская отметила, что поскольку взаимодействие обеих традиций, относящееся на территории Переднего Востока к началу I тысячелетия до н.э., «не привело к подавлению одной традиции другой», можно говорить о том, что втульчатые «бронзовые наконечники стрел не были заимствованы местным населением, а распространялись вместе с представителями евразийских степей», которыми, по мнению исследователя, были киммерийцы и скифы (*Медведская*, 1980. С. 36-37).

Однако появление и развитие рассматриваемых бронзовых втульчатых наконечников стрел в Северном Причерноморье и их связь с киммерийцами и скифами исследователем не устанавливается, а отмечается только факт их существования в Припонтийском регионе, согласно данным, представленным А.И. Мелюковой (*Мелюкова*, 1964. С. 18-19; *Медведская*, 1980. С. 32).

А.И. Иванчик, напротив, считает, что находки наконечников стрел «скифского» типа в Передней Азии «ничего не говорят о присутствии здесь скифов или киммерийцев, поскольку эти стрелы были рано заимствованы местными ариями и использовались повсеместно», как в Малой Азии, так и в других районах, и это не позволяет соотнести их с реальными номадами (*Иванчик*, 2006. С. 149-152). С последними исследователь предлагает сопоставить «самые ранние образцы таких стрел из Малой Азии, датированные второй четвертью — серединой VII в. до н.э.» (*Иванчик*, 2001. С. 58).

При этом ученые определяют и киммерийцев, и скифов, как кочевников, пришедших на Ближний Восток из северопричерноморского региона, нередко отмечая их археологическую неразличимость (*Алексеев и др.*, 1993. С. 91; *Иванчик*, 2001. С. 57).

Однако, как уже говорилось ранее, письменные источники (VIII-V вв. до н.э.) не позволяют установить кочевническую атрибуцию для киммерийцев, которые, судя по информации, имеющейся в нашем распоряжении, вели оседлый образ жизни, имели поселения и обитали в горных районах Кавказа (*Кузнецова*, 2007). Вследствие этого, мнение некоторых исследователей о близости или неразличимости (с археологической точки зрения) киммерийской и скифской культур не находит подтверждения, так как киммерийцы и скифы являлись народами, имевшими различный хозяйственный уклад.

Исходя из этого, можно вполне определенно говорить и о том, что современники киммерийцев не могли ни объединять их со скифами, ни путать.

Более того, из источников известно, что на Ближнем Востоке распознавали различные по принадлежности (и, видимо, по форме) стрелы. Так хозяйственный текст (TCL XII 114) из архива Эанна в Уруке, датированный 15-м годом правления Набонида, царя Вавилона, «содержит перечень вооружения и одежды восьми лучников, которые несли сторожевую службу», и в этом перечне упоминаются 56 «аккадских» и 116 «киммерийских» стрел, 46 из которых были с железными наконечниками.

Другой текст (YOS VI 237), написанный в Уруке в том же самом году, упоминает «200 киммерийских тростниковых стрел, из которых 180 имели медные наконечники, (а также) один киммерийский лук, которые доставили сюда для обмена» (*Дандамаев*, 1977. С. 33).

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Упоминание в документе о тростниковых древках стрел позволяет говорить о том, что их наконечники могли иметь черешковую форму насада.

Несмотря на то, что сведения вавилонских хозяйственных текстов относятся к третьей четверти VI в. до н.э., можно предполагать, что и в более раннее время в стрелковое вооружение киммерийцев входили стрелы с черешковой формой насада, отличающиеся от прочих, поскольку в письменном источнике им дано соответствующее определение — «киммерийские».

Е.В. Черненко заметил, что трубчатое строение тростникового стебля затрудняло его использование при наличии наконечников с втульчатой формой насада и требовало дополнительных приспособлений на концах древка, в результате чего оно становилось составным. «Без применения дополнительных деталей тростниковым древком пользоваться было нельзя» (Черненко, 1981. С. 26).

Исследователь проследил употребление деревянных и железных «переходников» у скифов, савроматов и других народов, обитавших на огромной территории азиатских степей, но не отметил использование этих деталей для предскифского времени, связываемого с киммерийцами, в Северном Причерноморье (Черненко, 1981. С. 26-27).

Данные о наличии подобных «переходников» для втульчатых наконечников стрел, как и наконечников стрел с черешковой формой насада, в так называемых «киммерийских» памятниках, подробно рассмотренных в последнее время С.В. Махортых, также отсутствуют (Махортых, 1994; 2000; 2005).

Исходя из этого, следует заметить, что, поскольку и в источниках нет сведений об обитании киммерийцев в степях Северного Причерноморья, а представления о местах их обитания, дошедшие до нас по письменным источникам, лишь в незначительной степени (только «киммерийские переправы») связаны с Северным Причерноморьем, о чем уже приходилось говорить ранее (Кузнецова, 2007), вопрос о принадлежности археологических памятников предскифского периода в этом регионе остается открытым.

Более перспективным представляется поиск археологических данных о киммерийцах на Кавказе.

Литература

- Алексеев А.Ю., Качалова Н.К., Тохтасьев С.Р., 1993. Киммерийцы, этнокультурная принадлежность. СПб.
- Дандамаев М.А., 1977. Данные вавилонских документов VI—V вв. до н. э. о саках // ВДИ. № 1.
- Иванчик А.И., 2001. Киммерийцы и скифы. М.
- Иванчик А.И., 2006. Раннескифская хронология в свете древневосточных данных // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М.
- Кузнецова Т.М., 2007. Были ли киммерийцы кочевниками? // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М.
- Махортых С.В., 1994. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев.
- Махортых С.В., 2000. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и сарматы в VIII – VII вв. до н.э. Палеоэкология, антропология и археология. М.
- Махортых С.В., 2005. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев.
- Медведская И.Н., 1980. Металлические наконечники стрел Переднего Востока и евразийских степей II - первой половины I тысячелетия до н.э. // СА. № 4.
- Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов. М.
- Черненко Е.В., 1981. Скифские лучники. Киев.

Ю.В. Марченко

Государственный Эрмитаж, г. С.-Петербург

«МУЖСКОЙ» И «ЖЕНСКИЙ» ИНВЕНТАРЬ В СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ НАРТАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

Нартанский могильник выделяется среди других исследованных раннескифских курганных некрополей своими значительными размерами. Здесь было раскопано 24 кургана, содержащих 11 одиночных и 9 парных захоронений. Погребальный обряд был различен: 27 погребений были совершены по обряду ингумации, 2 – по обряду кремации, в 4 погребениях человеческих останков обнаружено не было. В 15 случаях можно судить об ориентировке погребенных. В целом её можно обозначить как «южная» с некоторыми отклонениями. Поза погребенного чаще всего скорченная (так были захоронены 11 человек, большинство из которых лежали на правом боку), ещё 2 погребённых – на спине с подогнутыми ногами и 1 захоронение в вытянутом положении на спине. Погребения в 18 курганах из 24 сопровождались захоронениями лошадей (*Батчаев, 1985*).

Исследования антропологических материалов из раннескифских памятников Северного Кавказа были проведены только по захоронениям могильника Новозаведенное II, причём в работе участвовало несколько специалистов и в ряде случаев есть возможность сравнить полученные результаты (напр., *Петренко и др., 2006. С. 388*). Соответственно, имея результаты, полученные антропологами на основе изученных захоронений могильника Новозаведенное II (*Медникова, 2000. С. 51*), можно сопоставить антропологические определения с археологическим материалом. В результате, соотнося половозрастные определения умерших и сопровождающий их инвентарь, можно сделать следующие выводы. В кургане № 7 была захоронена женщина, умершая в возрасте 20–24 лет. Она была положена в могилу с мечом, копьём, стрелами, топором и пятью ножами, предметами конского снаряжения, также в могиле были найдены украшавшие одежду предметы и два пряслица. Сопроводительный инвентарь погребённой в кургане № 16 незначительно отличается от инвентаря погребённой в кургане № 7 женщины, однако, по определению антрополога, здесь покоился мужчина, немного старше её по возрасту, 25–29 лет. Помимо встреченных в могиле его соплеменницы предметов вооружения в могилу воина были положены кинжал и панцирь. Предметы конского снаряжения были представлены беднее, найдены были только остатки деревянных псалий и два бронзовых колокольчика. Из предметов, традиционно относимых к предметам украшения, были найдены детали золотой диадемы и золотое ожерелье. Эти исследования подтверждают, что до проведения антропологического изучения не все погребения можно разделить на мужские и женские, опираясь только на археологический материал.

Из-за немногочисленности захоронений, их ограбленности и плохой сохранности костей провести антропологические исследования по материалам других памятников не представляется возможным. Касается это не только курганов у сел. Нартан в Кабардино-Балкарии, но и курганов у хут. Красное Знамя в Ставропольском крае и у ст. Келермесской в Краснодарском крае. Антропологический материал, происходящий из Нартанского могильника, сохранился лишь частично и на данный момент депаспортизован. Археологический материал и обряд погребения являются единственно возможными источниками для установления половой принадлежности захороненных в могильнике людей.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Анализируя взаимовстречаемость предметов погребального инвентаря (рис. 1), можно сделать следующие выводы. Мы имеем группу погребений с булавками и браслетами без предметов вооружения и группу погребений с оружием, зеркалами и серьгами, в подавляющем большинстве без браслетов и булавок либо с другими типами браслетов и булавок.

К первой группе в числе прочих относятся погребения в курганах № 6 и № 7. Они содержали парные захоронения, где останки одного погребённого были обнаружены в центре могилы или ближе к центру, а останки второго погребённого были расположены вдоль северной стенки погребальной камеры, головой на ЗЮЗ, в скорченном положении на правом боку. Эти погребения, скорее всего можно считать сопроводительными. У каждого из них были найдены булавки с цепочкой, на костях рук были браслеты. Основные погребения в обоих случаях были больше разрушены при ограблении. У основного погребения кургана № 6 был найден бронзовый наконечник стрелы, а у погребённого в центре могилы кургана № 7 – золотая серьга. Кроме того, это единственные курганы с парными захоронениями, где в погребальной камере не было лошадей. Эти погребения с булавками и браслетами являются наиболее показательными, но не единственными. Браслеты встречались в 8 погребениях. В погребениях этой группы все бронзовые браслеты имели расплюснутые концы и чаще всего были орнаментированы. Также были обнаружены фрагменты одного или нескольких железных браслетов очень плохой сохранности.

Что же касается погребений с оружием, зеркалами и серьгами, в подавляющем большинстве они не содержали браслетов и булавок. В 2 случаях, когда браслеты были обнаружены, они были представлены другими типами. Браслеты были без орнамента, 2 бронзовых браслета имели шишечки на концах, третий браслет был изготовлен из круглого в сечении прута, материал похож на серебро. Особого внимания заслуживают такие категории инвентаря как серьги и зеркала. Серьги обнаружены в 7 погребениях Нартанского могильника, в 2 случаях они были парные. Только в 2 погребениях серьги встречались вместе с булавками. Но этот тип булавок, в отличие от упомянутых выше, встречался без бронзовой цепочки. В остальных 5 случаях серьги были обнаружены без булавок и браслетов, в 2 случаях вместе с наконечниками копий и в 2 случаях с предметами защитного вооружения, панцирем и умбонами. Все зеркала находились исключительно в погребениях, содержащих богатый воинский инвентарь, в том числе предметы защитного вооружения, шлем и панцири. Ещё 2 зеркала были обнаружены в одиночном погребении кургана № 18, но здесь они сочетались с наконечником копья и 2 стержневидными булавками.

Подводя итоги, можно предполагать, что зеркала, серьги и браслеты с шишечками на концах следует считать атрибутами мужских захоронений, в то время, как булавки с цепочками и орнаментированные браслеты с расплюснутыми концами могут быть атрибутами женских захоронений.

Особо следует отметить, что при анализе не учитывалось наличие/отсутствие в захоронении наконечников стрел, так как этот признак универсален и не может быть взят за основу при определении пола погребённого. Захоронения лошадей также встречались и в погребениях с «женским» погребальным инвентарём и в «мужских» погребениях, с той лишь разницей, что в богатых погребениях воинов они представлены в большем количестве.

Задача определения пола захороненного в раннескифском могильнике человека по археологическим данным довольно сложна. Это можно объяснить

Археология позднего бронзового и раннего железного века

спецификой образа жизни и материального мира военизированной группы кочевнического общества. Но, ввиду отсутствия возможности определения антропологами половозрастных параметров захороненных в могильнике людей, это направление исследования представляется перспективным.

Литература

Батчаев В.М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972 – 1979 гг. Нальчик.

Медникова М.Б., 2000. Жизнь ранних скифов: реконструкция по антропологическим материалам могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VII – III вв. до н.э. М.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р., 2006. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное II // Древности скифской эпохи. М.

категория и тип инвентаря / № погр-я	браслет с расплюснутыми концами	булавки с петличками	булавки стержневид. с каннелюрами	браслет с шпечками на концах	серьга	накладной кончик	зеркало	панцирь	уздечка
3.2	1								
8.2	1								
5	1								
9.2	1	1							
6.2	9	1							
7.2	45	2							
10			2	1					
17			2	1	2				
7.1					1				
12					1				
8.1					1				1
4.1					1			1	2
9.1					2	1			
2.2					1	1			
18						1	2		
20						1	1	1	
16						1	1	1	
15			2					1	

Рис. 1. Взаимовстречаемость некоторых категорий погребального инвентаря в захоронениях Нартанского могильника

В.Е. Маслов

Институт археологии РАН, г. Москва

ФРАГМЕНТЫ ГОНЧАРНОЙ КЕРАМИКИ ИЗ КРАСНОЗНАМЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В ходе исследования знаменитого Краснознаменского могильника были найдены три фрагмента гончарных сосудов. Два из них приведены в публикации памятника и отнесены к числу импортов:

1) Фрагмент горла кругового розовоглиняного сосуда был найден у Южной гробницы кургана № 1 (№ 210 согласно к/о был обнаружен «у западной стены камеры 2») (*Петренко, 2006. Табл. 68. Кат. 117*). Внешняя и внутренняя поверхность «гофрированная», с четкими следами вытягивания в ходе кругового вращения (рис. 1, 1).

2) Из кургана № 3 происходит фрагмент крупного сосуда с хорошо выделенной «манжетовидной» губой и слегка выпуклым горлом (*Петренко, 2006. Табл. 73. Кат. 146*). Фрагмент имеет черный цвет. Вероятно, он вторично обожжен. На внутренней поверхности - следы обработки в ходе вращения. Реконструируемый диаметр устья сосуда не менее 12-14 см (рис. 1, 2).

В полную публикацию памятника не вошел третий фрагмент, происходящий из заполнения могильной ямы кургана № 8. Это фрагмент стенки сосуда размерами 4,2 x 3,8 x 0,5 см. Снаружи на стенке заметен небольшой заглаженный желобок, изнутри – четкие следы ротационного заглаживания. Керамическое тесто с естественным содержанием песка хорошо отмученное, красноватого цвета, с включениями мелкодробленого (?) ракушечника. На наружной поверхности заметны следы ангоба серого цвета (рис. 1, 3).

Очевидно, все три фрагмента являются обломками амфорной тары. Рассмотрим подробнее вопросы их происхождения и культурно-хронологической атрибуции.

Фрагменты из курганов №№ 1 и 8 с высокой степенью вероятности можно связывать с салтово-маяцким горизонтом древностей: их можно соотнести с амфорами причерноморского типа с мелким зональным рифлением (*Березин и др., 2012. С. 58, 59. Рис. 29, 7-10*). Подобные амфоры составляют значительный процент среди находок раннесредневековой керамики Татарского городища и датируются в пределах VIII – IX вв. Присутствие фрагментов таких амфор в раннескифских комплексах, очевидно, связано с их разграблением. Впрочем, данные комплексы могли быть ограблены несколько раз. На сегодняшний день немногочисленные свидетельства о времени ограбления курганов скифской элиты (действия современных мародеров не учитываются) связаны с начальным периодом распространения древностей сарматского горизонта (*Маслов, 1996. С. 66-71; Канторович и др., 2007. С. 169, 176. Рис. 10*). Вполне возможно, что эти ограбления прямо или косвенно связаны с историческими событиями, ознаменовавшими крушение Скифского царства.

Значительно сложнее ситуация с фрагментом из кургана № 3, поскольку найти ему соответствия пока не удастся. Однако следует учитывать, что ещё недавно возможность присутствия античной керамической тары в комплексах келермесского горизонта в Центральном Предкавказье казалась невероятной. Ныне же фрагменты самосско-милетских и лесбосских амфор обнаружены при исследовании знаменитого Костромского кургана (*Рябкова, Логинова, 2013. С. 372. Рис. 7*).

Археология позднего бронзового и раннего железного века

С накоплением археологических материалов постепенно становится ясно, что античный импорт поступал к скифской племенной элите из нескольких центров-эмпориев уже на заре греческой колонизации Северного Причерноморья начиная с третьей четверти VII в. до н. э. (Буйских, 2013. С. 226-230). Именно его наличие, а не радиуглеродные даты сомнительной достоверности, является важнейшим хронологическим репером для древностей келермесского горизонта, которые практически одновременно распространяются от Северного Кавказа до Прикарпатья.

Литература

- Березин Я.Б., Каминский В.Н., Малашев В.Ю., 2012. Татарское городище и формирование памятников типа Татарка-Вербовка. М.
- Буйских А.В., 2013. Архаическая расписная керамика из Ольвии. Киев.
- Канторович А.Р., Петренко В.Г., Маслов В.Е., 2007. Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавловска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. М.
- Маслов В.Е., 1996. Впускное погребение из кургана 13 могильника Новозаведенное-II // Историко-археологический альманах. Вып.2. М.
- Петренко В.Г., 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.; Берлин; Бордо.
- Рябкова Т.В., Логинова Е.Ю., 2013. Керамический комплекс Костромского кургана // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар.

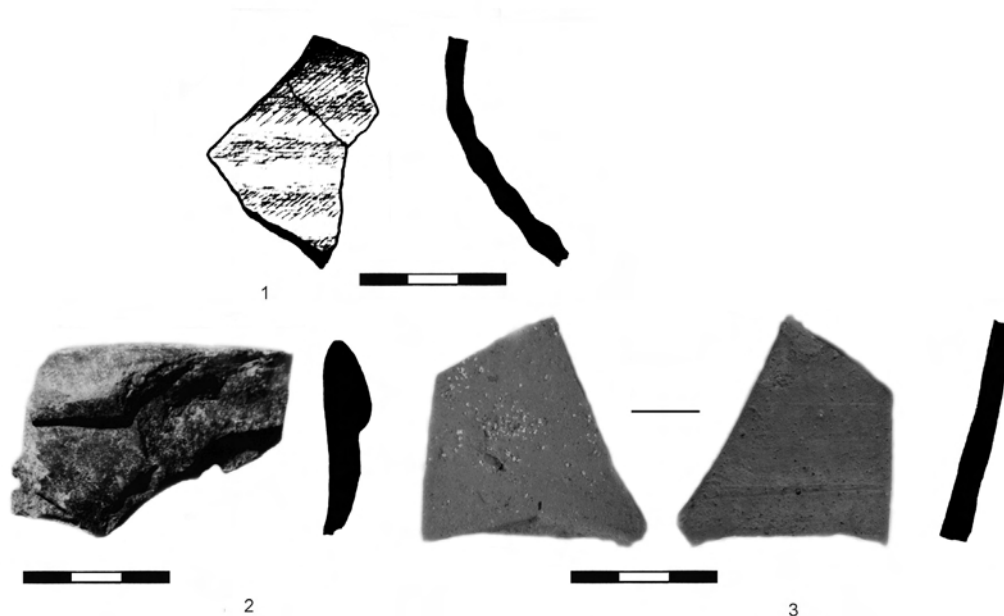

Рис. 1. Фрагменты круговой керамики из Краснознаменского могильника:
1 – курган № 1; 2 – курган № 3; 3 – курган № 8

С.В. Махортых

Институт археологии НАН Украины, г. Киев

БРОНЗОВЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ VII-VI ВВ. ДО Н.Э. ИЗ СКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Бронзовые колокольчики относятся к числу инноваций раннескифского периода и широко распространяются на территории Предкавказья в VII-VI вв. до н.э. По форме тулова они подразделяются на несколько групп, внутри которых по оформлению внешней поверхности выделяются варианты: 1) с гладкой внешней поверхностью без прорезей; 2) с гладкой поверхностью и одной прорезью; 3) с гладкой поверхностью и несколькими прорезями; 4) с рельефной или рифленой поверхностью и одной прорезью.

Группу 1 образуют не менее 8 пирамидальных четырехгранных колокольчика из Келермеса к. 2/В, к. 3 или 4/Ш; Костромского кургана, Новозаведенного II, к.16 (Галанина, 1997; Петренко и др., 2000) (рис. 1, 1-3). Они представлены **вариантом 1** без прорезей, иногда с одним - двумя небольшими округлыми отверстиями в верхней части тулова, а также **вариантом 3** с несколькими прорезями на корпусе. Их размеры варьируют от 7,2 до 9 см. Датируются они рубежом второй-третьей четверти VII – началом VI вв. до н. э. (Галанина, 1997. С. 192; Петренко и др., 2000; Рябкова, Логинова, 2013). При этом колокольчики с треугольными и стреловидными прорезями на боковых стенках являются более молодыми.

Группа 2 представлена тремя вариантами бронзовых конусовидных колокольчиков. У экземпляров **варианта 2** имеется одна вертикальная прорезь (более 10 экз.): Ульский к. 2/1909, Красное Знамя к. 7; Нартан кк. 8, 13, 16; Новозаведенное II (Батчаев, 1985; Petrenko, 1994. Fig. 1; Петренко, 2006) (рис. 1, 4). Помимо петель для подвешивания, некоторые из наиболее древних колокольчиков (середина – вторая половина VII в. до н.э.) снабжены боковыми отверстиями в верхней части тулова, через которые продевался металлический прут для закрепления железных язычков. Небольшие по размеру колокольчики из к. 2/1909 Ульского могильника и к. 8 Нартана, датируются второй половиной VI в. до н.э., а возможно даже и началом V в. до н.э. (Махортых, 1991; Алексеев, 2003). Высота колокольчиков составляет от 5,4 до 10,7 см.

Наиболее многочисленны колокольчики **варианта 3** (более 20 экз. - из Говердовского к. 1 и Ульского могильника - к. 1/1908, к. 1/1909, к. 2/1909, к. 10/1982), имеющие петлю для подвешивания, гладкое тулово с несколькими прорезями на боковых стенках (рис. 1, 7) а, иногда, и скругленную верхнюю часть тулова (рис. 1, б). При этом форма, количество и размеры самих прорезей отличаются разнообразием. Как правило, они довольно узкие и длинные, имеют треугольную, стрельчатую или подпрямоугольную конфигурацию. Высота большинства колокольчиков варьирует от 8,4 до 10,3 см, хотя среди них встречаются и экземпляры меньшего размера (около 4 см из к. 1/1909 Ульского могильника). Вариант 3 существовал в конце VII – начале VI вв. до н.э. (Говердовский к. 1,) или же в VI в. до н.э. (Ульский – к. 1/1908, к. 1/1909, к. 2/1909, к. 10/1982) (Эрлих, Нехаев, 2011; Erlikh, 2010).

Вариант 4 представлен 3 колокольчиками с усеченно-коническим туловом из южной гробницы к. 1 могильника Красное Знамя (*Петренко, 2006*) (рис. 1, 5). Они имеют рифленую поверхность со слабо обозначенными гранями. В верхней части тулова пробиты два отверстия, через которые пропускалась металлическая проволока для подвешивания железного язычка. Высота колокольчиков составляет от 8,5 до 9,3 см. Южная гробница датируется третьей – серединой четвертой четверти VII в. до н.э. (*Петренко, 2006. С. 112*).

Третья группа представлена 11 тюльпановидными колокольчиками со слегка раздутым корпусом, узким боковым вырезом и петлевидным ушком из кк. 3, 4, 9, 13, 15, 17, 18 Нартановского могильника (*Батчаев, 1985*) (рис. 1, 8-9). Господствующим является **вариант 4**, украшенный рельефным орнаментом из вертикальных полос, заштрихованных треугольников, точек и т.д. Большинство упомянутых курганов датируется второй половиной VII – началом VI вв. до н.э., тогда как курганы 3 и 4 относятся к середине – второй половине VI в. до н.э. (*Махортых, 1991; Алексеев, 2003*).

Четвертая группа представлена 3 оригинальными колокольчиками из к. 6 Краснознаменского могильника (*Петренко, 2006*) (рис. 1, 10). Они кованые и изготовлены из тонкого бронзового листа, чашевидной формы с пробитыми отверстиями в центре и по краю обода, через которые пропущена веревочка для подвешивания бронзового литого язычка. Высота – не менее 8 см, диаметр основания – 15 см.

Большинство колокольчиков группы 1 и варианта 3 группы 2 происходит с территории Закубанья, а колокольчики групп 3 и 4 – из Центрального Предкавказья. Это своеобразие, прослеживающееся и по другим категориям уздечных принадлежностей, обусловлено неоднородностью раннескифского кочевнического образования, а также его ориентацией на различные кавказские производственные центры.

Наиболее древними, вероятно, имеющими связь с древневосточным регионом, являются колокольчики с отверстиями для подвешивания язычка на проволочной дуге (середина – вторая половина VII вв. до н.э.). К концу VII – VI вв. до н.э. относятся колокольчики с несколькими вытянутыми прорезами на тулове (вариант 3).

Колокольчики считаются инновацией эпохи архаики, связанной с закавказскими походами скифов (*Галанина, 1997; Эрлих, Нехаев, 2011*). Не отрицая этого, отмечу, что среди северокавказских находок отсутствуют колокольчики, которые напрямую можно было относить к числу переднеазиатских (и в частности, урартских) импортов (*Özgen, 1984. Fig. 34-36*). Однако, следует обратить внимание на некоторые особенности (четырёхгранный корпус, наличие отверстий на тулове для крепления железного язычка и пр.) указывающие на связь некоторых экземпляров с закавказско-переднеазиатским ареалом.

Вместе с тем, значительная часть колокольчиков из раннескифских памятников Предкавказья, особенно датирующихся VI в. до н.э., имеет местное кавказское происхождение (например, колокольчики со стрельчатými вырезами на боковых стенках или тюльпановидные с рельефным орнаментом) (рис. 1, 6-9). Рассматривая генезис компонентов тех или иных компонентов скифской культуры, мы зачастую имеем дело с такой внутренней трансформацией культуры, которая происходит под косвенным воздействием внешних импульсов, но не имеет характера прямого заимствования.

Литература

- Алексеев А.Ю.*, 2003. Хронография Европейской Скифии. СПб.
- Батчаев В.М.*, 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Галанина Л.К.*, 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.
- Махортых С.В.*, 1991. Скифы на Северном Кавказе. Киев.
- Петренко В.*, 2006. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М.
- Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р.*, 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное II // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н.э. М.
- Рябкова Т.В., Логинова Е.Ю.*, 2013. Керамический комплекс Костромского кургана // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар.
- Эрлих В.Р., Нехаев А.А.*, 2011. Курганы эпохи скифской архаики у хутора Говердовского в Адыгее // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Грозный; М.
- Erlikh V.R.*, 2010. Recent investigation of the Ulski kurgans // Achaemenidian impact in the Black Sea communications of powers. Aarhus.
- Özgen E.*, 1984. The Urartian chariot reconsidered // Anatolica. XI.
- Petrenko V.*, 1994. On the interpretation of early Scythian sites in Central Ciscaucasia // The archaeology of steppes. Methods and strategies. Napoli.

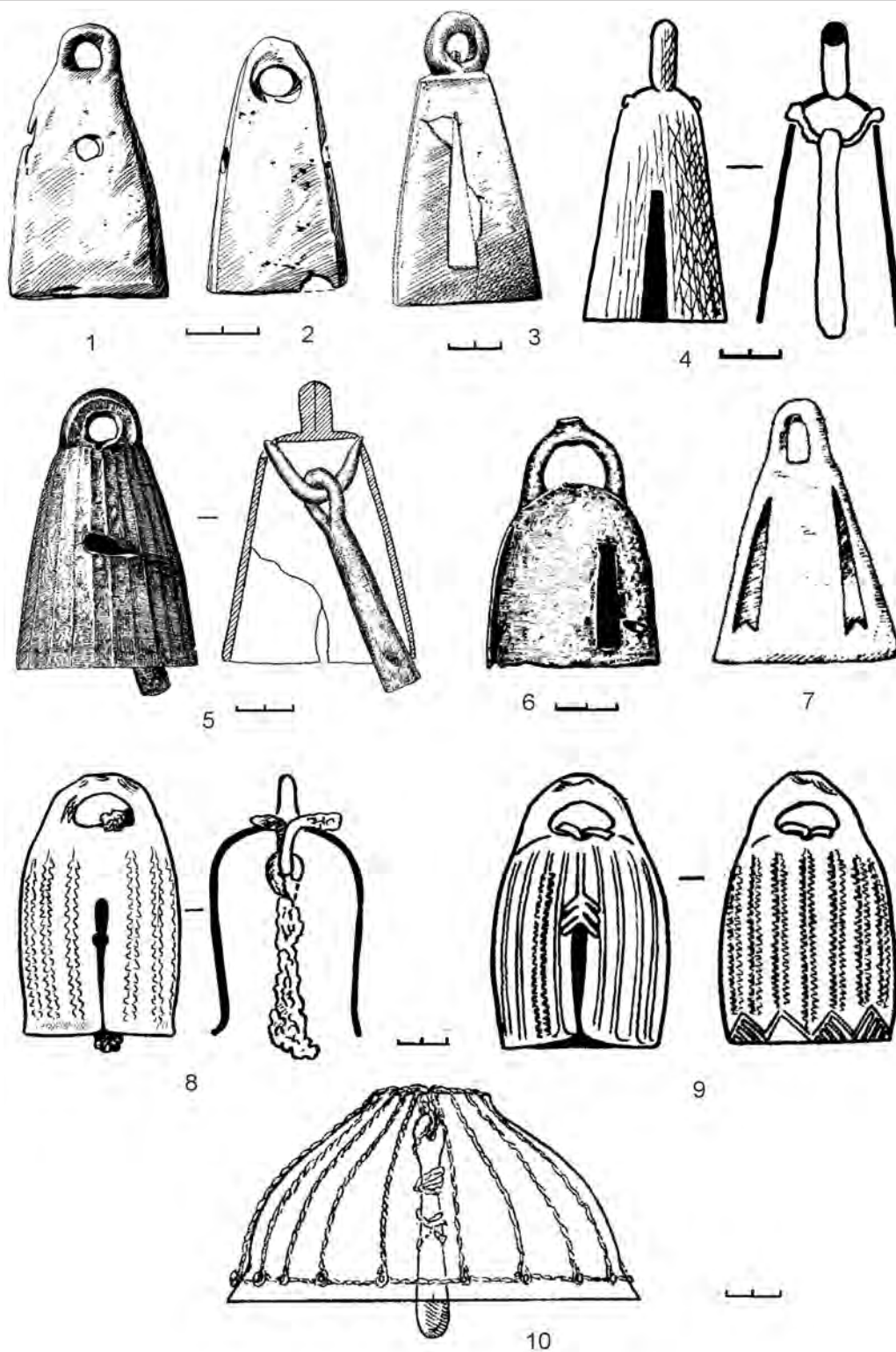

Рис. 1. Бронзовые колокольчики Северного Кавказа: 1, 2 – курган 2/В Келермес; 3 – курган 3/Ш или 4/Ш Келермес; 4 – курган 13 Нартан; 5 – курган 1 Красное Знамя; 6 – Говердовский курган 1; 7 – Ульский курган 1/1908; 8 – курган 15 Нартан; 9 – курган 9 Нартан; 10 – курган 6 Красное Знамя (по Батчаев, 1985; Галанина, 1997; Петренко, 2006; Эрлих, Нехаев, 2011)

В.Л. Мокрушин, О.Ф. Жупанин
ОАО «Наследие Кубани», г. Краснодар
П.В. Соков
ОАО «Наследие Кубани», г. Армавир

НОВОЕ СЕЛИЩЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Меотские поселения на территории Краснодарского края весьма многочисленны, особенно на высоком правом берегу Кубани. Всего их учтено не менее 150. В основном это городища, как считается, преимущественно римского времени (*Каменецкий*, 1989. С. 239-245). О многих в литературе содержатся лишь самые общие сведения, о других мы знаем по публикации подъемного материала и результатам поисковых шурфовок и лишь некоторые подвергались серьезным раскопкам (*Каменецкий*, 2000; *Марченко, Лимберис*, 2011).

В этой связи заслуживает внимания новое селище «Карское 2», выявленное в 2013 г. Р.А. Корниенко в ходе археологической разведки по трассе трубопровода. Памятник, площадью около 4,5 га, обнаружен на восточной окраине одноименного хутора и ограничен с востока крутым залесенным бортом балки Кулинская. В процессе шурфовок селища получен выразительный инвентарь, предварительно датированный IV в. до н.э. – I в. н.э.

Селище приурочено к обширному мысовидному выступу, вытянутому меридионально и поднятому до уровня 150-170 м в балтийской высотной системе. С запада он переходит в довольно пологий склон, поросший в основном густым кустарником и небольшими деревьями. Строительный отвод, пересекающий южную оконечность памятника, имеет широтную ориентацию, с отклонением 17°. В охранном раскопе (1820 м²), шириной 20 м, были открыты 25 ям и 12 объектов, обнаружены предметы наступательного вооружения (железные копье и дротик), украшения, орудия труда, керамические пряслица различной конфигурации, грузики для натяжения нитей основы ткацких станков, очажные камни, фрагменты зернотерок и жерновов. Неизвестно назначение многочисленных глиняных плиток, иногда с узорами из линий, окружностей и вдавлений. Их тесто плотное от коричневого до серого, с обильными примесями песка, толченого ракушечника, дресвы и шамота. В коллекции представлены и «таблетки» (345 экз.) - плоские плитки и «стоячие» (625 экз.), имеющие конусовидную форму, а иногда и отверстие¹.

Юго-западная оконечность селища предположительно совпадала с краем современного поля. Поле когда-то распространялось дальше к востоку, занимая западные и центральные сектора нашего раскопа. В результате маломощные культурные отложения оказались почти полностью разрушенными на глубину до 45-46 см и превратились в однородную темную пахоту, обычно с четко выраженной нижней границей.

Западная и восточная половины раскопа отличались неодинаковой экспозицией и из-за особенностей рельефа использовались по-разному.

В средней, самой высокой части исследованной площадки, имевшей относительно небольшой подъем, под пахотой выявлены фрагменты непо-

¹ Авторы выражают благодарность Е.Н. Черных за разрешение опубликовать предварительные данные о результатах ее исследований 2013 г.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

тревоженного серого перемешанного культурного слоя, включающего многочисленные обломки древней керамики, углистые вкрапления и мелкие пепельные пятна. Отмеченный слой заполнял три аморфные неглубокие западины с наклонными днищами, возможно, искусственного происхождения. Их минимальные размеры колебались в пределах 5,9-8,3 м; две из них уходили в северную стенку раскопа; с одной соседствовал зольник, характерного белесого оттенка, размерами не менее 6,2 м с запада на восток и 3,65 м с севера на юг. Второй аналогичный по составу зольник, мощностью до 18 см, засвидетельствован неподалеку и превышал в поперечнике 2,6 м.

Выявленные западины, вероятно, принадлежали крупному хозяйственному комплексу, протянувшемуся с востока на запад почти на 30 м. К данному комплексу принадлежит группа однотипных ям, с характерным плоским дном, расширявшимся книзу (колоколовидная форма). Одна из них оказалась двойной, другая – четырехчастной. На меотских поселениях подобные «хронологически близкие» ямы «расположены настолько тесно, что по нескольку раз прорезают друг друга» (Шевченко, 1995. С. 138). В науке уже давно сложилось вполне обоснованное представление, что колоколовидные ямы первоначально предназначались для хранения припасов: пшеницы, ячменя, проса и т. д. Уровень развития земледелия в синдо-меотских районах Прикубанья в последние века до н. э. мало чем уступал растениеводческим навыкам понтийских греков. Успехи, достигнутые в возделывании зерновых культур, не только обеспечивали аборигенное население продуктами питания, но и делали возможным их экспорт в достаточно крупных объемах.

Восточный склон мыса был весьма крутым. Его распашка привела к оползанию почвы и формированию обширной осыпи, по цвету, содержанию и структуре мало отличавшейся от пахотного слоя. Она тянулась в виде полосы шириной 15-30 м, достигая мощности 70-74 см. Значительный перепад высот (11,5 м) препятствовал свободному перемещению людей, что не позволяло эффективно использовать эту часть площадки в производственных и бытовых целях. Здесь, как представляется, в основном происходило накопление разного мусора - неоднородного черного грунта, толщиной до 21 см, насыщенного осколками глиняной кухонной утвари. В нем в изобилии присутствовали фрагменты песчаника с явными следами обработки. Некоторые куски достигали значительной величины, образуя вытянутое вниз по склону скопление.

В процессе работ, помимо костей животных (1556 единиц), найдены фрагменты меотских сосудов – 13947 экз. (72,2 % всей коллекции посуды). Выделяются миски и горшки; многочисленны донца, в том числе в виде кольцевого поддона; засвидетельствованы налепы, например, в форме креста. Грубая керамика, сформованная вручную, является наиболее массовым материалом. Ее рыхлое в изломе тесто, с обильными примесями шамота, дробленого ракушечника, песка и дресвы, по цвету варьирует от светло-оранжевого до черного. Сероглиняные черепки от емкостей, изготовленных с помощью гончарного круга (5%), как правило, полного прокала, плотные, с оплотнением из песка, мелких фракций известняка и естественной примесью слюды. Интересен полностью реконструированный тонкостенный канфар с двумя вертикальными ручками – подражание стеклянным изделиям этого вида, типичным для Кубани. Заслуживают упоминания обломки импортных кружальных красноглиняных сосудов – 4411 экз. (22,8 %) среди них и антич-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

ные амфоры - 41 экз., включая двустольные ручки и фрагменты ангобированных стенок.

В большом количестве присутствуют куски сильно обожженной обмазки стен жилищ (турлук), с хорошо сохранившимися отпечатками хвороста и тонких жердей, составлявших каркас.

Полученные материалы дополняют наши знания о раннем железном веке Закубанья.

Литература

Каменецкий И.С., 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. — III в. н. э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.

Каменецкий И.С., 2000. Ново-Джерелиевское IV городище // Археологические вести. № 7. СПб.

Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., 2011. Оборонительные сооружения меотских городищ хут. Ленина № 2 и Старокорсунского № 2 // Методика полевых археологических исследований. Вып. 4. Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. М.

Шевченко Н.Ф., 1995. Строительные традиции у меотов // Историко-археологический альманах. Вып. 1. М.; Армавир.

А.П. Мошинский

Государственный исторический музей, г. Москва

НОВЫЕ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ ПОСЕЛЕНИЯ САУАР

При раскопках позднекобанского производственного поселка Сауар в Дигорском ущелье Северной Осетии в полевые сезоны 2010-2013 гг. были открыты 7-я и 8-я гончарные мастерские и 5-я и 6-я металлургические мастерские. Мастерские находятся в северо-восточной части раскопа, размещаются на двух террасах, расположенных относительно друг друга с незначительным (до 30 см) перепадом. Террасы расположены над 5-ой гончарной мастерской и отделены от нее помимо высокого (до 1,5 м) уступа дренажным ровом, заложенным крупными рваными камнями. Такой способ закладки позволял воде беспрепятственно проходить по рову. Ров уходит за пределы мастерской в северо-западном и юго-восточном направлениях.

7-я гончарная мастерская включает в себя горн с хорошо сохранившейся топочной камерой (без свода), перекрытой каменным завалом, вероятно, разрушенной обжигательной камеры. Топочная камера сложена из камня и обмазана глиной. Горн относится к типу горнов с большой топочной и маленькой обжигательной камерами и имеет характерный для горнов данного типа подкос стен во внутреннюю сторону. Топочное углубление - неглубокое. На обмазке стены топочной камеры вырезано три элемента классического меандра. Два элемента хорошо сохранились. Присутствие культовых элементов на задней стенке топочной камеры на поселении отмечено не впервые. В горне пятой гончарной мастерской в эту же стенку был вмазан камень с чашечными углублениями.

8-я гончарная мастерская включает в себя гончарный горн, относящийся к типу горнов с большой подквадратной обжигательной камерой и небольшой полукруглой топочной камерой. В топочной камере сохранились прослойки золы и угля. К горну примыкает площадка, на которой, вероятно, размещался гончарный круг, от которого сохранилась ямка, облицованная сланцевыми плитками (по стенкам и дну). Рядом с ямкой обнаружено скопление из 9 необожженных глиняных круглых плоских заготовок. В непосредственной близости выявлено скопление каменных кружков (117 штук) размером до 1,5 см. Вероятно, кружки использовались для счета (обожженных сосудов?).

На площадках 7-ой и 8-ой гончарных мастерских обнаружены остатки 5-ой и 6-ой металлургических мастерских. Мастерские располагались на площадках до размещения здесь гончарных горнов. Затем горновые ямы, отрытые в культурном слое (или, что более вероятно, в специально подсыпанной платформе) были счищены до скального выхода. Нижняя часть горнов, впущенная в скалу была замазана глиной. Также глиной были замазана и площадка, на которой располагались лунки, примыкающие к одному из горнов. Лунки, предположительно, остались от крепежа мехов.

Все мастерские надежно датируются первой половиной V в. до н.э.

Е.И. Нарожный

ОАО «Наследие Кубани», г. Армавир

А.В. Дмитриев

ОАО «Наследие Кубани», г. Новороссийск

А.А. Сазонов

Краснодарский краевой центр ЮНЕСКО, г. Краснодар

ПОГРЕБЕНИЯ ВОИНСКОЙ ЭЛИТЫ ПРОТОМЕОТСКОГО МОГИЛЬНИКА «ЛИМАНОВ КУТ»

Накопление данных об археологических культурах в настоящее время во многом зависит от масштабности и географии новостроечных проектов. На территории Краснодарского края наиболее изучены обширные территории равнин по обоим берегам среднего и нижнего течения р. Кубань, прибрежные зоны Черного и Азовского морей с развивающейся инфраструктурой и экстенсивно растущим строительством. Вместе с тем значительные территории предгорно-горных районов региона остаются слабо разведанными, хотя насыщенность их памятниками археологии предполагалась еще со времени публикаций и анализа отдельных находок в трудах А.А. Иессена (Иессен, 1951).

В последнее время, в связи с расширением географии и объемов строительства, появились возможности проведения комплексных археологических работ на ранее неизученных территориях. Летом-осенью 2013 г. экспедицией ОАО «Наследие Кубани» под руководством А.В. Дмитриева и Е.И. Нарожного проводились охранные раскопки курганного могильника «Лиманов Кут» (15 насыпей). Исследования велись в рамках реконструкции газопровода «Майкоп - Самурская - Сочи». Памятник расположен в долине правого берега р. Пшеха, близ пос. Новые Поляны. В указанный период было исследовано 7 курганов (№№ 4, 6-11). Насыпи курганов в современном рельефе полностью сглажены, визуально определены по выходам скоплений камня, составляющего их основу. По наиболее сохранившимся курганам 9 и 10 реконструируются круглые в плане насыпи из крупного речного булыжника диаметром около 5 м, толщиной до 0,6 м. Основные захоронения совершены в неглубоких ямах подпрямоугольной формы, вырытых с заглублением в материковую глину от 0,1 до 0,4 м. Предположительно ямы были закрыты деревянными перекрытиями, после чего засыпаны булыжником. Исключение составляет захоронение условно выделенного кургана 6, совершенное на уровне верхнего горизонта материковой глины на тонкой галечной подсыпке, без булыжной насыпи, под слабо проявленным грунтовым возвышением. Все костяки сохранились в виде мелких фрагментов и тлена. По составу инвентаря определены три воинских всаднических захоронения (кк. 6, 9, 10), одно разрушенное воинское захоронение (к. 4), одно женское захоронение (к. 11). В разрушенной насыпи к. 8 найдены фрагменты железного наконечника дротика и бронзовой булавки. В к. 7 зафиксированы два безынвентарных захоронения с неопределимым костным тленом. По расположению инвентаря и фрагментов костей реконструирован обряд воинских погребений кк. 6, 9, 10.

Общими признаками обрядности уверенно определяются: ориентированное в западном секторе, вытянутое на спине труположение вдоль юж-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

ной стенки ямы; расположение лепной керамики (корчаги, горшки, ковши и миски) в количестве 9-11 сосудов за головой покойного, вдоль западной стенки ямы; расположение 1-2 сосудов небольших размеров у головы покойного, с левой стороны; расположение оселков, топора или скипетра за головой покойного (вариант – топор у левой руки); расположение 2 копий вдоль тела покойного, согласно ориентировке, справа (кк. 6 и 10) или слева (к. 9); расположение 1 или 2 черепов лошадей с надетой уздой, сложенных вместе с метоподиями по левую руку покойного в северо-западной углу ямы, согласно ориентации покойного. Подбор соответствий погребальным конструкциям в ареале протомеотских памятников указывает на булыжно-галечные насыпи и признаки перекрытий над погребениями на могильниках VIII - нач. VII вв. до н.э. Табор, Пшиш-1, Кочипэ и Фарс (Сазонов, 2009. С. 347). Плотность расположения погребений ряда указанных памятников дает основания предполагать совмещение подкурганного и грунтового типов захоронений. Поэтому мы допускаем что п. 1 условного к. 6 могло быть грунтовым. В аспекте сопоставлений инвентарных комплексов отмечается общее богатство и разнообразие изделий, наличие статусных предметов, свидетельствующих о высоком социальном положении покойных.

Посуда представлена черноглиняными лепными корчагами, горшками, мисками и ковшами. Часть восстановленных форм посуды аналогична образцам из известных погребений кон. VIII - нач. VII вв. до н.э. (Табор, Пшиш-1, Псекупский, Кубанский, Кочипэ, Фарс). Другая группа посуды, отличающейся богатым врезным геометрическим декором, не находит прямых аналогий и расценивается как особенность данной культурной локации (рис. 1, 8, 35). Общим признаком для всей посуды является крайняя хрупкость черепка, из-за чего значительная часть форм полностью не восстанавливается. Предметы вооружения представлены бронзовыми (рис. 1, 1, 2, 10, 24, 25) и железными (рис. 1, 9) наконечниками копий, отличающимися признаками, характерными для образцов, широко распространенных в Предкавказье во втор. пол. VIII - нач. VII вв. до н.э. Наиболее яркой чертой воинских погребений является серия из трех бронзовых топоров-скипетров (кк. 4, 6, 10) и одного железного (к. 9) (рис. 1, 3, 11, 26; 2, 1). Два бронзовых топорика (кк. 4 и 6) однотипны (небольшие отличия в рельефных оковидных символах) и принадлежат к группе местных топоров-скипетров, на которые в свое время обратил внимание А.А. Иессен (1951. С. 105), позднее же их систематизировали другие исследователи (Пелих, 2003; Сазонов, 1989; 2006; Эрлих, 2007). Образцы данного типа генетически связываются с топорами верхнекубанского типа с ребристым оформлением проушины (Пелих, 2003. С. 62) или с более близкими по времени классическими топорами периода Кобан II (Сазонов, 2006. С. 37). До раскопок могильника «Лиманов Кут» серия подобных топориков была известна лишь из случайных находок или из разрушенных комплексов, ограниченных предгорно-горными областями центральной и восточной части протомеотского ареала (Сазонов, 2006. С. 42).

Особо значимой находкой является редкий бронзовый скипетр из к. 10 (рис. 1, 26), оформленный оскаленной головой коня на изогнутой шее, выполненной в примитивно-экспрессивной манере. В подборе соответствий особо знаменательна почти полная идентичность данного образца со скипетром, найденным ранее в том же районе (Эрлих, 2007. Рис. 23), что предполагает принадлежность обеих находок к местному бронзолитейному центру. Про-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

исхождение ранее найденного скипетра В.Р. Эрлих обоснованно соотносит со средневропейскими образцами, отмечая при этом его поздние стилистические черты (Эрлих, 2007. С. 114). В то же время оба экземпляра данного типа могут являться образцами предполагаемой одним из авторов (Сазонов, 2006. С. 46-47) в развитие тезиса А.А. Иессена (1951. С. 164) протомеотской традиции производства и использования скипетров путем уменьшения и стилизации известных (престижных?) прототипов, как из соседних, так и из отдаленных регионов.

Железный топорик из к. 9 (рис. 1, 13) в контексте протомеотских древностей является также редким. Из опубликованных находок ему близки топоры из п. 77 и 107 Пшиш-1 (Сазонов, 2004. Рис. II), предположительно более ранние по отношению к данному. Основным назначением всех этих топоров и скипетра является демонстрация высокого статуса владельца (Сазонов, 2006. С. 47).

Предметы конской упряжи представлены в кк. 6, 10 и 11 комплектами бронзовых однокольчатых (рис. 1, 6), и стремявидных (рис. 1, 12) удила, распространенных в регионе в предскифское время, в сочетаниях с однотипными трехпетельчатыми псалиями, а также редких «ромбокольчатых» удила (рис. 1, 6, 14) встреченных до этого опять же на территории Апшеронского района (Сазонов, 2004. Таб. III) и, возможно, являющихся продуктом местного производства. Отдельно отметим сильно корродированные железные удила, комбинированные в подвижно-неразъемную конструкцию со стержневидными трехпетельчатыми псалиями. Ввиду плохой сохранности реконструкция этих удила не завершена, но по принципу креплений и типу псалиев предполагается их родство с бронзовым комплектом из п. 297 мог. Клино-Яр III (Белинский, Вальчак, 1998. Рис. 1). Появление подобных изделий связывается с периодом активизации контактов местного населения Северного Кавказа с культурами народов Центральной и Передней Азии в пределах втор. пол. VIII - нач. VII вв. до н.э. (Там же. С. 159-160). Бронзовые украшения оголовий и мелкие уздечные детали из указанных погребений представлены круглыми выпуклыми бляхами различных размеров (рис. 1, 29), одной бляхой-лунницей (рис. 1, 16), сдвоенной грибовидной застежкой (рис. 1, 17) и серией пластинчатых обойм (рис. 1, 30), одна из которых имеет редкую деталь – грибовидную застежку с внешней стороны (рис. 1, 31). Кроме того, во всех указанных комплексах найдены бронзовые ворворки (рис. 1, 7, 18, 32), принадлежащие к типу, известному в Северном Предкавказье в основном по всадническим захоронениям кон. VIII - нач. VII вв. до н.э. (Эрлих, 2007. С. 141). Найденная в захоронении к. 9 среди предметов конской упряжи золотая височная пронизь (рис. 1, 21) по форме близка плакированной золотом бронзовой пронизи из всаднического погребения 100 (датированного втор. пол. VIII – нач. VII в. до н.э.) могильника Пшиш-1 (Сазонов, 2004. Рис. IV). В обоих случаях условия их находки связываются с актом погребальной жертвы.

Каменные оселки из кк. 10 и 11, сделанные из местного трещиноватого песчаника, отличаются особой уплощенно-веретенообразной формой со слабо раздвоенным в виде “рожек” нижним окончанием (рис. 1, 19, 20, 33). Указанные особенности данного типа являются характерными для оселков серии воинских захоронений позднейшего предскифского времени, эпизодически сочетающихся с предметами раннескифского облика (рис. 2, 23, 32).

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Таким образом, предварительная дата публикуемой группы погребений находится в пределах кон. VIII – нач. VII вв. до н.э.

Могильник “Лиманов Кут” является первым исследованным памятником протомеотского периода в неизученном районе Центрального Закубанья, ограниченном с севера могильником Табор, расположенным на окраине предгорных равнин Центрального Закубанья, и, с юга, находками из горного поселка Мезмай (Сазонов, 2009. С. 349-350). Значимость данной территории, как уже отмечалось ранее (Дударев и др., 2007), связана с ее географическим расположением вдоль предполагаемого военного и торгового пути из Центрального Закубанья через перевалы Фишт-Оштеновского горного узла на Черноморское побережье и далее в Закавказье, что, вероятно, придавало особый импульс развитию культурной локации древнего населения этих мест.

Литература

- Белинский А.Б., Вальчак С.Б., 1998. Оригинальная группа предскифских уздечных комплексов Северного Кавказа: европейские и закавказские параллели // МИИКНСК. Вып. 1. Археология. Ставрополь.
- Дударев С.Л. Сазонов А.А., Беляев Л.А., 2007. Бронзовые изделия предскифского времени из предгорных и высокогорных районов Закубанья // XIII чтения по археологии Средней Кубани. Армавир.
- Иессен А.А., 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // МИА. № 23. М.-Л.
- Пелих А.А., 2003. Топоры верхнекубанского типа позднебронзового времени // МИАСК. Вып. 1. Армавир.
- Сазонов А.А., 1989. Новые данные о вооружении протомеотов // Студенческие археологические открытия 1987-1988 годов. Грозный.
- Сазонов А.А., 2004. О хронологии протомеотских памятников Cimmerians, scythians, sarmatians (In memory of Tadeusz Sulimirski). Krakow.
- Сазонов А.А., 2006. Бронзовые скипетры протомеотских вождей // МИАСК. Вып. 6. Армавир.
- Сазонов А.А., 2009. Протомеотский могильник Табор-1 (первые исследованные комплексы) // Пятая Кубанская археологическая конференция (материалы конференции). Краснодар.
- Эрлих В.Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.

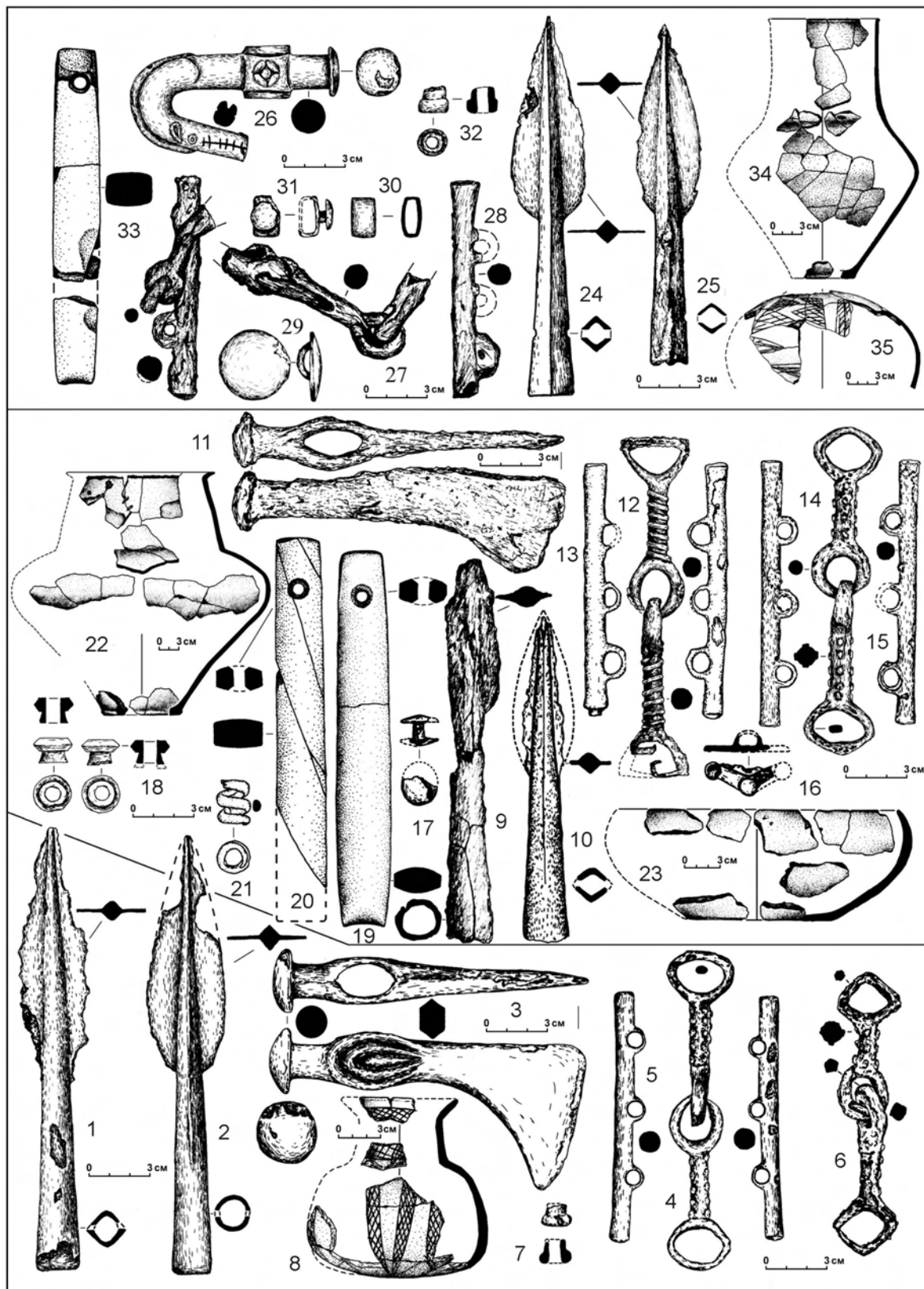

Рис. 1. Материалы могильника «Лиманов Кут»: 1-8 – к. 6, п. 1; 9-23 – к. 9, п. 1; 24-35 – к. 10, п. 1 (1-7, 10, 12-18, 24-26, 29-32 – бронза; 9, 11, 27, 28 – железо; 21 – золото; 8, 22, 23, 34, 35 – глина; 19, 20, 33 – камень)

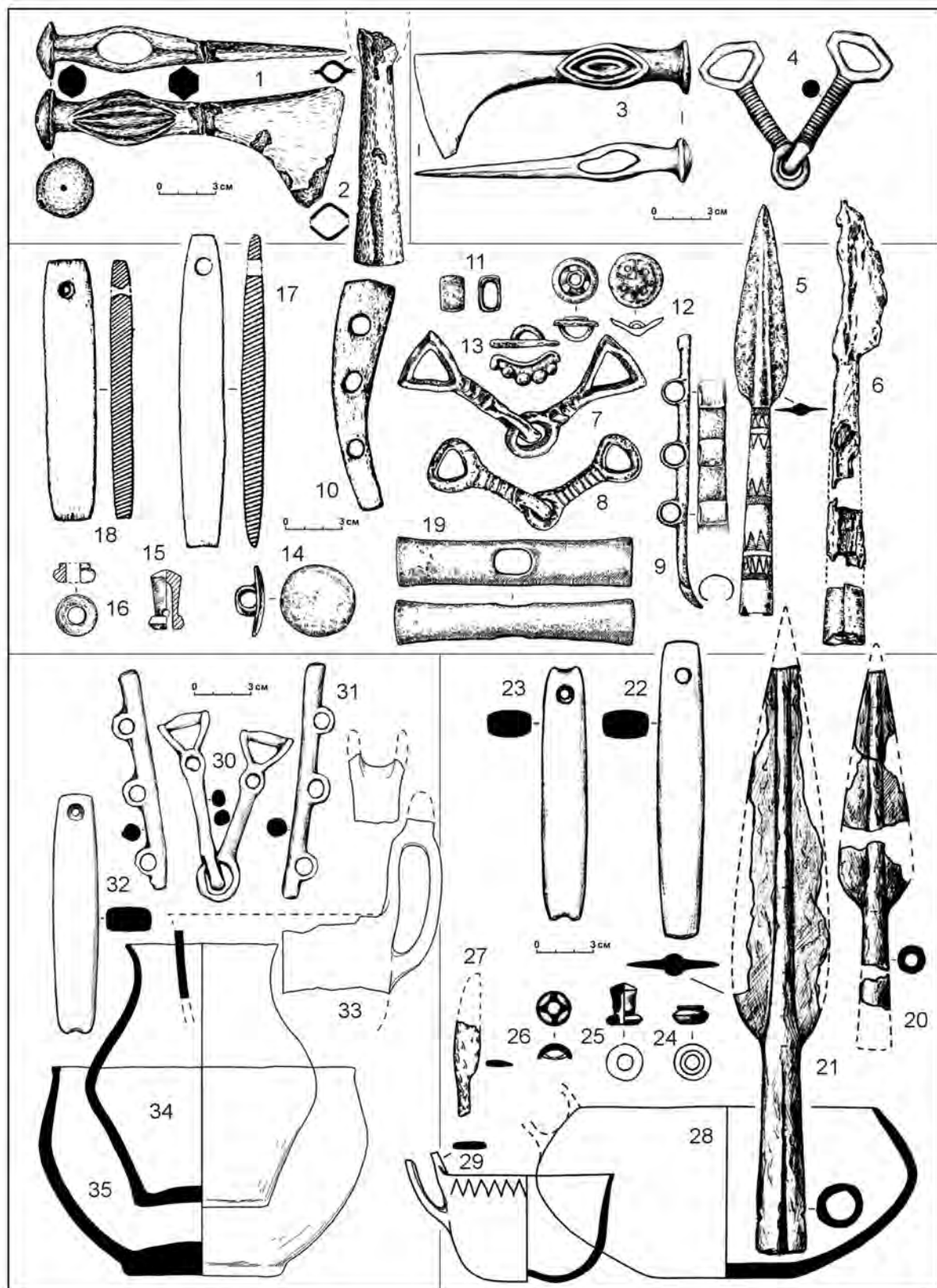

Рис. 2. Материалы могильника «Лиманов Кут» и сопоставимых с ним памятников протомеотского круга: 1, 2 – Лиманов Кут, к. 4, разруш. погр.; 3, 4 – Табор, разруш. погр.; 5-19 – Фарс (по В.Р. Эрлиху); 20-29 – Пшиш-1, п. 119; 30-35 – Пшиш-1, п. 121 (1-5, 7-9, 11-16, 19, 24-26, 30, 31 – бронза; 6, 20, 21, 27 – железо; 17, 18, 22, 23, 32 – камень; 28, 29, 33-35 – глина; 10 – рог)

В.С. Патрушев

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ БЛЯХИ С СОЛЯРНЫМИ СИМВОЛАМИ В МАРИЙСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Археологические раскопки могильников ахмыловской культуры в Марийском Поволжье – Старшего Ахмыловского, Акозинского, Козьмодемьянского – дали многочисленные предметы северокавказского происхождения. Из них самая большая группа – бляхи с солярными символами.

Символы солнца чаще всего изображены на круглых бляхах. Символ солнца может передаваться на простых плоских бляхах без узоров, но округлые или конусовидные выступы уже особым образом подчеркивают близость к образу солнца. Это находки из Старшего Ахмылова: конусовидная бляха с задней петлей из погребения 625 (*Патрушев*, 1984. Рис. 53 Г, VII, 5), аналогичная находкам из Кармир-Блура (*Пиотровский*, 1955. Рис. 36), бляха со слабо возвышающимся умбоном (погр. 871; рис. 1, 1), близкая которой найдена в Сержень-Юртовском могильнике (*Козенкова*, 1970. Рис. 4. С. 114-116) и бляха с крутым умбоном (рис. 1, 2; погр. 861), похожая на находку в Кармир-Блуре (*Пиотровский*, 1955. Рис. 25). Южные аналогии имеют и простые небольшие выпуклые бляшки с небольшими выпуклостями в центре (*Патрушев*, 1984. Рис. 15, 1-2), а также массивная бляха с выпуклиной и закраинами (Ахмылово, погр. 394; *Патрушев*, 1984. Рис. 15, 9). Но есть и более сложные изображения со спиральными узорами, своеобразными протуберанцами. Последние, скорее всего, изображают «неспокойное солнце» и наверняка изготовлены в память стихийных бедствий или особых событий. Солнце с девятью протуберанцами и 22 резными линиями в виде косых лучей внутри двойных концентрических кругов изображено на выпуклой нагрудной бляхе из погребения 947 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 1, 3).

На другой нагрудной бляхе этого же могильника солнце изображено в виде резного круга в центре с отходящими девятью лучами с выпуклыми краями, по внешнему кругу соединенными волнистой линией (рис. 1, 4; раскоп 1965 года, квадрат 3/14; *Патрушев, Халиков*, 1982. Табл. 54, 12). Подобные изображения «неспокойного солнца» не характерны для финно-угорских древностей лесной полосы. Очевидно, данное изделие является импортом из Северного Кавказа.

На нагрудной бляхе из погребения 1000 Старшего Ахмыловского могильника в центре изображены выпуклые на двух уровнях концентрические круги, вокруг них двойные 18 лучей из резных линий, двойные концентрические круги и второй круг чередующихся двойных (16) и одинарных (13) лучей (рис. 1, 5). В этом же погребении найдена выпуклая бляшка с кольцом для крепления (*Патрушев*, 1984. Рис. 53 Г, VII, 6). Подобные изделия известны из памятников Северного Кавказа – Корца, Сержень-Юрт (*Уварова*, 1900. Табл. LXXVI, 3; LXXVII, 8; *Козенкова*, 1977. Табл. XVIII, 4-5. С. 78)

Оригинально изображение солнца на нагрудной бляхе из погребения 37 Акозинского могильника (рис. 1, 7). В центре плоской бляхи возвышается небольшой ступенчатый умбон, на некотором расстоянии от него — два резных концентрических круга и девятнадцать крупных лучей. По краю бляхи проходят двойные концентрические круги с косыми насечками. Последние также

Археология позднего бронзового и раннего железного века

создают восприятие изображения двойного солнца. А.Х. Халиков (1962. С. 61), исследовавший захоронение с данной находкой, указывает на близкую форму бляхи в материалах Верхнекобанского могильника.

На одной бляхе передан четырехлучевой орнамент в круге и крест внутри концентрических кругов (Старшее Ахмылово, погр. 272; *Patrushev*, 2000. Fig. 40, 7). Здесь можно видеть двойное изображение четырех сторон света. Аналогичное изделие на Кавказе найдено близ г. Пятигорска у Лермонтовского разезда (*Тереножкин*, 1976. Рис. 17, 3-4. С. 206).

Все узоры в виде четырех сторон света имеют аналогии среди кавказских изделий (рис. 1, 1, 6, 8; *Патрушев*, 1984. Рис. 53 В, V, 18-21; 53 Г, VII, 8). В нескольких изделиях ромб с изображением четырех сторон света образует четырехлепестковую форму бляхи, внутри ромба также имеются концентрические круги (*Патрушев*, 1994. Рис. 71). Такие изделия широко представлены на Кавказе: в Верхнекобанском могильнике и могильнике № 1 у мебельной фабрики г. Кисловодска (*Уварова*, 1900. Табл. XXXVI, 2; *Козенкова*, 1975. Рис. 8, 1-2. С. 65), Березовском могильнике (*Виноградов и др.*, 1980. Рис. 6, 6. С. 198). Символы солнца и четырех сторон света в виде ромба с кружком в центре содержат выпуклые бляхи с заштрихованными косыми лучами полосами по краю (*Patrushev*, 2000. Fig. 41, 6), в других случаях концентрические круги имеются как внутри ромба с изображением четырех сторон света, так и за его пределами по краю бляхи (*Патрушев*, 1994. Рис. 70).

Двенадцать слабо выступающих лучей вокруг тройных концентрических кругов на выпуклой круглой бляхе из погребения 968 Старшего Ахмыловского могильника также передают своеобразный солярный знак (рис. 1, 10). Комплекс погребения датирован VII - началом VI вв. до н.э.

Сложную передачу символов солнца можно видеть на бронзовой бляхе с умбоном из того же могильника (раскоп 1962 г, квадрат Д/4; рис. 1, 6). Восприятие символов из треугольных лучей и концентрических кругов усиливается ступенчатой формой бляхи. С внутренней стороны бляхи у края имеется массивная петля для крепления. Также резные концентрические круги и 6 треугольников имеется на бляхе из погребения 288 Старшего Ахмыловского могильника (*Патрушев*, 1994. Рис. 73). Подобные изделия происходят также из могильника № 1 у мебельной фабрики г. Кисловодска (*Виноградов и др.*, 1980. Рис. 2, 23. С. 198-199) и с. Бутенки (*Тереножкин*, 1976. Рис. 38, 7. С. 208).

Идею мирового порядка в сопровождении символов солнца передают узоры на умбовидной бляхе из погребения 281 Старшего Ахмыловского могильника (рис. 1, 11). На выступающем конусе бляхи изображены восемь концентрических кругов, а по его краю проходит ободок с точечным узором. Подобные формы блях и узоры на них известны из ряда могильников Кавказа – Верхняя Эшера, Аапста, Малакю (погр.10), Куланурхва (*Воронов*, 1980. Рис. 1, 8, 23, 65). Комплексы погребений с аналогичными бляхами датированы концом VIII-VII вв. до н.э. (*Воронов*, 1980. С. 201 и след.). Комплекс погребения 281 Старшего Ахмылова датируется второй половиной VII - началом VI вв. до н.э.

На другой круглой ажурной бляхе двенадцать треугольных прорезей-лучей образуют изображение солнца в виде колеса (рис. 1, 9; Старший Ахмыловский могильник, погребение 24; *Патрушев, Халиков*, 1982. Табл. 43, 3e). Подобные изображения известны в районах обитания древних ираноязычных племен, а колесо в индоиранской мифологии ассоциируется с солнцем.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Более сложный орнамент из двух concentрических кружков в центре, восьми небольших кружочков вокруг них, далее шестнадцати коротких отрезков со слабо загнутыми концами и косыми насечками по краю передает символы солнца на круглой бляхе из Козьмодемьянского могильника (Большов, 1988. Рис. 10, 2; Патрушев, 1994. Рис. 53). Общая дата данного могильника—VII-VI вв. до н.э. Однако резные заштрихованные узоры и сюжеты изображений близки к кавказским изделиям, характерным для первой половины VII в. до н.э. На рубеже VII-VI вв. до н.э. связи с Кавказом были прерваны усилившимися савроматами, обитавшими в Нижнем Поволжье (Патрушев, 1984. С. 127).

Южные аналогии имеют также бляхи с двойными дуговидными узорами и зигзагом по краю (Патрушев, 1984. Рис. 15, 3; Ахмылово, погр. 700), умбоновидная бляха с прорезями и треугольными узорами (Патрушев, 1984. Рис. 15, 4; Ахмылово, погр. 908), а также слабо выпуклая бляха с небольшим умбоном в центре, 3 concentрическими кругами, а по краю с 10 выпуклинами, вокруг которых по периметру нанесены мелкие углубления (Патрушев, 1984. Рис. 15, 10; Ахмылово, погр. 101).

Всего в могильниках Марийского Поволжья близость к кавказским находкам обнаруживает около 100 предметов.

Литература

- Виноградов В.Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.
- Виноградов В.Б., Дударев С.А., Рунч А. П., 1980. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ. Киев.
- Воронов Ю.Н., 1980. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ. Киев.
- Козенкова В.И., 1970. Погребение военачальника из Сержень-Юртовского могильника // КСИА. Вып. 123. М.
- Козенкова В.И., 1975. Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром // Скифский мир. Киев.
- Козенкова В.И., 1977. Кобанская культура. Восточный вариант / САИ. Вып. В2-5. М.
- Патрушев В.С., 1982. Исследования Акозинского могильника в 1971— 1972 годах // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху. Йошкар-Ола.
- Патрушев В.С., 1984. Марийский край в VII-VI вв. до н.э. Йошкар-Ола.
- Патрушев В.С., 1994. Древнее искусство волжских финнов. Йошкар-Ола.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х., 1982. Волжские ананьинцы. М.
- Пиотровский Б.Б., 1955. Кармир-Блур. Т. III. Ереван.
- Тереножкин А.И., 1976. Киммерийцы. Киев.
- Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа. МАК. Вып. VIII. М.
- Халиков А.Х., 1962. Очерки истории населения Марийского края в эпоху раннего железа // Труды МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола.
- Patrushev V., 2000. The Early history of the Finno-Ugric Peoples of European Russia // Studia archaeologica Fenno-Ugrica. I. Oulu.

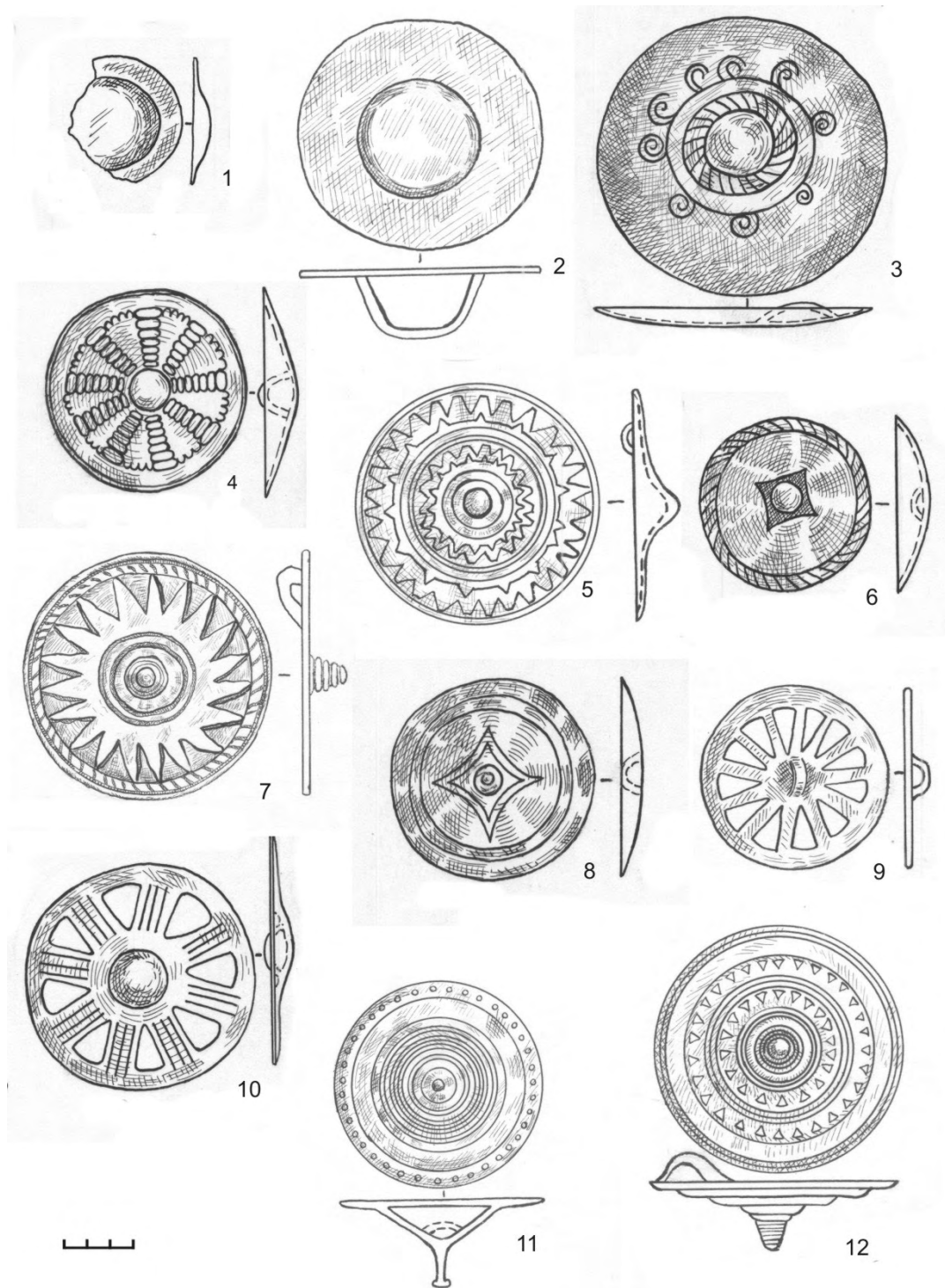

Рис. 1. Бронзовые бляхи Старшего Ахмыловского (1-6, 8-12) и Акозинского (7) могильников: 1 – п. 871; 2 – п. 861; 3 – п. 947; 4 – кв. 3/4 раскопа 1965 г.; 5 – п. 1000, 908; 6 – кв. Б/11 раскопа 1968 г., п. 861; 7 – п. 37; 8 – п. 798; 9 – п. 245; 10 – п. 908; 11 – п. 281; 12 – кв. Д/4 раскопа 1962 г.

Ю.А. Прокопенко

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
V–III ВВ. ДО Н.Э. ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ
В КОНЦЕ XX –НАЧАЛЕ XXI В.

Отдавая должное плеяде русских и европейских ученых (Г.Д. Филимонов, А.С. Уваров, П.С. Уварова, В.И. Долбежев, В.Ф. Миллер, Э. Шантр, Р.В. Вирхов, Ф. Гончар, С. Пршеворский и др.), внесшим большой вклад в изучение памятников кобанской культуры, следует отметить, что систематизация этих древностей, исторический подход к ним, классификация их на более высоком уровне – несомненная заслуга советских археологов, в первую очередь Е.И. Крупнова, А.А. Иессена, Б.Б. Пиотровского, Б.А. Куфтина, А.П. Круглова, О.А. Артамоновой-Полтавцевой.

В 90-е годы XX и в начале XXI вв. появился ряд публикаций, посвященных памятникам кобанской культуры V–III вв. до н.э.

Продолжается изучение поселений. В этой связи следует отметить статью Н.А. Охонько, в которой автор обобщил информацию о всех известных к началу 80-х годов памятниках Ставропольского плато. Кроме городищ и поселений, автор отмечает культовые сооружения этого времени. По мнению исследователя, их появление связано с изменениями в духовной жизни оседлого населения Центрального Предкавказья (Охонько, 1988. С. 253-257). К сожалению, предварительный характер публикации не позволил автору сделать глубокие обобщения и выводы.

По мнению А.А. Кудрявцева, в результате перехода кочевников к оседлому образу жизни на основе ряда кобанских поселений, занимавших наиболее выгодное географическое и экономическое положение (Татарское городище и др.), в V–IV вв. до н.э. стали появляться населенные пункты протгородского типа со смешанным составом обитателей (Кудрявцев, 2000. С. 71-72).

Результаты сравнительного анализа керамического материала городищ Ставропольской возвышенности и расположенных поблизости склеповых могильников кон. IV – III вв. до н.э. уточняют верхнюю границу существования в регионе поселений кобанской культуры – III – нач. II в. до н.э. (Прокопенко, 2001. С. 133; 2005; 2013. С. 174 и сл.)

Керамические и иные материалы Татарского городища позволили Я.Б. Березину и В.Ю. Малашеву высказать предположение о проживании населения на Ставропольской возвышенности со скифского времени вплоть до I в. н.э. (Березин и др., 2012. С. 56). Впрочем, как представляется, делать окончательные выводы в данном вопросе пока преждевременно.

В ряде работ анализируются жилища позднескифского времени Предкавказья (Прокопенко, 2002. С. 108-111; 2005; 2011; Березин и др., 2012. С. 57), а также основные виды хозяйственной деятельности населения: земледелие, скотоводство и охота (Прокопенко, 2003. С. 32-39; 2005; Прокопенко, Швырева, 2002; 2004; Швырева, 2013. С. 180 и сл.).

В 1997 г. была опубликована коллективная монография, посвященная истории древней железообработки в Восточной Европе. В книге присутствует характеристика техники обработки черного металла в Центральном Пред-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Кавказе в скифское время. Авторы дают сравнительный технологический анализ таких категорий, как предметы конского снаряжения, наконечники копий, боевые топоры, ножи и др., происходящих из могильников Нартан, Уллубаганалы II, Нестеровский, Луговой, Аллерой, Сержень-Юрт, Султан-гора III, Каррас и др. (Терехова и др., 1997. С. 48-71).

Производственные памятники V-IV вв. до н.э. известны на Центральном Кавказе. Это железоделательные, бронзолитейные (горны для плавки руд), косторезные и гончарные мастерские, открытые на поселении Сауар в Северной Осетии (Мошинский, 1990. С. 58; 2006; 2007. С. 321; 2011. С. 192 и сл.; Журавлев, Мошинский, 1992. С. 171-179; Мошинский, Скаков, 1996а; 1996б; 1999а; 1999б; 2001. С. 8 и сл.). Производственный комплекс по обжигу керамики обнаружен на поселении середины I тыс. до н.э. у ст. Ильиновской (Чеченская Республика) (Дударев, Ростунов, 1991. С. 7). Остатки керамической мастерской были выявлены на поселении середины I тыс. до н.э. Крестовая горка в г. Кисловодске (Лачинов, Савенко, 2000. С. 194).

Следует отметить исследования, посвященные керамике скифского периода (в том числе V-IV вв. до н.э.) из памятников Центрального Предкавказья (Козенкова, 1998. С. 89 - 107; Маслов, 1997; Прокопенко, 2005; 2013. С. 172 и сл.; Мошинский, 2007. С. 321 и сл.; Бурков, Прокопенко, 2008. С. 291 и сл.; Гей, Маслов, 2011. С. 156 и сл.; Reinhold, 2011. С. 176 и сл.; Коробов, Борисов, 2011. С. 47 и сл.; Березин, Каминский, Малашев, 2012).

Ряд публикаций посвящен некоторым категориям украшений из памятников V-IV вв. до н.э.: браслетам, поясным пряжкам, бусам и др. (Журавлев, Мошинский, 1994; Мастыкова, Мошинский, 1996; Мошинский, 1998. С. 92-93; 1999. С. 136-152; 2006; Козенкова, 1998; 2007; Прокопенко, 2005).

Исследуются культовые сооружения (Охонько, 1988; Мошинский, 1988. С. 86 и сл.; Мошинский, Скаков, 2001. с. 86 и сл.; Прокопенко, 2005).

В последние десятилетия появились публикации, посвященные предкавказским элементам триады V-III вв. до н.э. (конский убор и особенности звериного стиля) (Абрамова, 1990. С. 102; Королькова, 1995; 2001. С. 107; Маслов, Очир-Горяева, 1997. С. 68-70; Мошинский, Переводчикова, 1998. С. 109-110; Канторович, 2007. С. 235 и сл.; Вольная, 1997. С. 8-12; 1999. С. 4-6; 2002; 2010. С. 93 и сл.; Вольная, Денуева, 2012. С. 31 и сл.; Прокопенко, 2002а. С. 21-39; 2002б. С. 60-70; 2005; 2009. С. 5 и сл.; 2009в. С. 313 и сл.; 2010. С. 9 и сл.; 2011. С. 204 и сл.).

Следует отметить, что число специалистов, опосредованно привлекающих материалы кобанской культуры (в том числе при разработке сходных тем для других культур) доходит до полусотни. Среди них, безусловно, нельзя не упомянуть работы Г.Е. Афанасьева, В.Г. Петренко, М.Н. Погребовой, Э.С. Шарафутдиновой, И.М. Медведской, А.Ю. Алексеева, Е.А. Бегловой, С.Л. Дударева, А.Б. Белинского, С.Н. Савенко, В.А. Фоменко, Д.С. Коробова, а из зарубежных – Г. Коссака, В. Подборского, Я. Хохоровского, Т. Кеменцеи, И. Мотценбакер, Г. Харке, С. Рейнхольд и др.

Г.А. Сангулия

*Управление охраны памятников историко-культурного наследия
Республики Абхазия, г. Сухум*

ГЕНЕЗИС И ТРАНСФОРМАЦИЯ РАННИХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДОВ КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ АБХАЗИИ

1. Своеобразие и типологический состав памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа сформировали особую колхидскую культуру Абхазии с её вариантами. Эмпирическая база древнего наследия Абхазии, активно восполняемая ныне, характеризуется однородностью и специфическими вариантами в морфологическом, технологическом и орнаментально-декоративном отношении. Сильная позиция и активность предпочтений культурных форм ясно просматриваются в этапах развития (X-VIII вв. до н.э.) и расцвета (VIII-VII вв. до н.э.). Что касается начального этапа становления и формирования (XIV-X вв. до н.э.), и завершающего этапа трансформации (VI-I вв. до н.э.), то здесь, как это характерно, нет еще однозначной реализации производства стандартизированных форм носителями местной культуры. Эта ситуация иногда приводила к вычеркиванию целых периодов эпох разложения первобытности и активных процессов политогенеза и становления основ культуры Абхазии. Тем не менее, нами были выявлены и обобщены как целый ряд типов и категорий артефактов, представленных еще в эпоху мегалитической культуры Абхазии, так и последующие формы, могущие быть экстраполированы, реконструированы и продемонстрированы в древнеколхидский период (Сангулия, 2010).

2. Весьма ценны в этом отношении верхний горизонт погребений дольменов, кромлехов и пещер (следующий за прекращением их строительства и активного функционирования), который прослеживается с начала эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV в. до н.э.) и имеет два этапа. Сюда относятся и материалы эшерской подкурганной кромлеховидной гробницы с каменным перекрытием центральной зоны и с пристройками маленьких ящичков к концентрическим кругам единого ансамбля. Здесь непрерывно представлены все периоды и этапы означенной эпохи, от раннего горизонта и до первых веков. Аналогичные факты включают ближайшие шубарские находки. Кинжалы этого памятника наследуют и продолжают одну традицию. А курильница имеет аналогии по оформлению трех ножек, конической крышки и орнаментально-декоративным мотивам в керамике нижнего горизонта Тамышского поселения (XIV-X вв. до н.э.).

Столь характерные бронзовые топоры также непосредственно восходят к среднебронзовым местным формам. А миниатюрный топор-подвеска с пламевидно изогнутым лезвием (Бармыш) имеет дольменную аналогию (Эшера) и соответствие в комплексе клада прототипов колхидских топоров Абхазии первой пол. II тыс. до н.э. (Гал). Характерные круглые и уплощенные в сечении булавки, оформленные спиралевидными и валютообразными завершениями также восходят к мегалитическим типам. Различные обоймицы, привески с заходящими концами, бусы с выступающими посередине пуговичковидными элементами также имеют дальнейшее продолжение.

В целом, бытование предметов костюма погребенных сопровождается устойчивыми погребальными традициями, прежде всего, обрядом «воздуш-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

ного» (вторичного) погребения, который пережиточно сохранился в Абхазии до этнографической современности. Различные вариации его применения (с нарушенным анатомическим порядком, собранными в одну кучу костями и уложенным сверху черепом, неполным составом костей, раздробленные и разбросанные кости и т.д.) есть результат развития древнейшего на территории Абхазии погребального обряда. Сюда же относится и богатство форм погребальных сооружений (дольмен, кромлех, ящик, пещера, грунтовая могила, а также деревянные конструкции: долбленка, плетенка, ящик в позднее время).

Материалы древнейших пещерных погребальных обрядовых памятников (Апианча, Хупынипшахуа, Багада, Джампал, Хоста и др.) фиксируют зарождение этого обряда с момента формирования в эпоху мезолита и раннего неолита. Могут быть зафиксированы и его последующие трансформации. Окончательно формируется он только с победой железного века в VIII-VII вв. до н.э. С этого момента этот обряд, связанный с культом небесных божеств Афы и Щасуы (боги огня, молнии и кузни) применяется и в виде частичной и полной кремаций. Последнее ярко проявляется и во времена бытования «цельдинской» культуры I-VIII вв. н.э., с которой «колхидская культура Абхазии» генетически преемственна. Здесь есть соответствия и по сопроводительному погребальному инвентарю, и по устойчивой традиции поселенческой материальной культуре (топография, устройство полов, материал, техника и стиль домостроительства). Весь культурный фон также подчеркивает черты преемственности и трансформационные модели погребальных обрядов Абхазии, акцентируя при этом их связь с категорией поселений.

А.Ю. Скаков

Институт археологии РАН, г. Москва

А.И. Джоца

Абхазский институт гуманитарных исследований Академии наук

Абхазии, г. Сухум

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС МОГИЛЬНИКА ДЖАНТУХ

Культурную атрибуцию и «лицо» могильника Джантух (Ткуарчалский район Республики Абхазия, исследовался абхазскими археологами в 1981, 1983, 1985 гг. и нами начиная с 2005 г.) определяют не достаточно многочисленные здесь уникальные находки, а, в первую очередь, массовый материал. Благодаря особенностям обряда, предполагающего неоднократное совершение тризны на устраиваемых над комплексами погребальных ям каменных вымостках сложной формы, здесь особенно хорошо представлена керамика, при этом, преимущественно, не в виде целых форм (Скаков, Джоца, 2012. С. 225, 229, 230, 232. Рис. 12-14; Скаков и др., 2013. С. 29-34. Рис. 1-3).

подавляющая часть анализируемой керамики относится к VI – первой половине III вв. до н.э. (керамика в более ранних комплексах немногочисленна). Датировка определяется относительно многочисленной импортной античной керамикой и, в меньшей степени, некоторыми типами бус и подвесок. К сожалению, нам почти не с чем сравнивать, так как подавляющее большинство поселений этого времени других районов Колхиды введено в научный оборот лишь суммарно, без детального анализа керамического материала. Как считается, «ведущие типы керамики одинаково характерны как для приморской полосы, так и для внутренних районов Колхиды» (Гиглашвили, Качарава, 1977. С. 77), то есть колхидская керамика, как считается, однородна. В свою очередь, А.Н. Габелия отмечал, что «можно с полной определенностью говорить о теснейшей связи керамических комплексов Абхазии и Западной Грузии. Близость между ними проявляется по всем основным признакам – технологическим особенностям, полному единству форм во многих случаях, в наличии одинаковых ручек на сосудах, а также в технике и мотивах орнаментации» (Габелия, 1984. С. 8). Впрочем, и он отмечал «некоторые специфические особенности» древней керамики Абхазии, проявляющиеся как в отдельных формах сосудов, так и в мотивах их орнаментации.

Типичная «колхидская керамика» этого времени, в отличие от джантухской, «в основной массе черного обжига» (Гиглашвили, Качарава, 1977. С. 77). Для керамики Ванского городища VI-IV вв. до н.э. характернее серый или коричневый цвет глины (Лодкипанидзе и др., 1981. С. 102). Наша керамика в своем большинстве красноглиняная (или красновато-коричневая, оранжевая по цвету глины). Особенностью Джантухского могильника является и необычно небольшое для памятников этого времени количество круговой керамики. Лощеная керамика встречается чаще, но также не доминирует.

Ряд форм колхидской керамики вообще не представлен в джантухских материалах или присутствуют здесь в единичных экземплярах. Это наиболее характерные разновидности стакановидных сосудов (второго и

Археология позднего бронзового и раннего железного века

третьего типа, то есть с конусовидной расширяющейся нижней частью тулова или с донной частью, имеющей выступ. Единичен и фрагмент кубка на высокой ножке, при том, что этот тип хорошо представлен в прибрежных памятниках Западного Закавказья. Отсутствуют котловидные сосуды с вертикальными ручками, размещенными вдоль венчика («сосуды типа шайки» или «кастрюли») и крышки. Единичными находками представлены фрагменты кувшинов с вертикальными трубчатыми ручками и зооморфные (с роговидными выступами) ручки сосудов. Очень немногочисленны на памятнике миски, представленные как закрытыми, так и открытыми формами.

Сравнительно немногочисленны и крупные пифосы с каннелюрами, рельефным и геометрическим орнаментом (иногда их стенки вместе с камнями образуют вымостки). Зато встречаются необычные толстостенные сосуды плохого качества, покрытые линейным орнаментом и имеющие своеобразный невыделенный венчик, чуть скошенный вовнутрь.

Уникален и птероморфный сосуд (рис. 1, 1) (его горловина не сохранилась, вероятно, она была выполнена в виде головы или, по крайней мере, заменяла ее), находящий аналогии в памятниках Центрального Кавказа (Верхняя Рутха, кумбултский могильник Алдар-Резен, Фаскау, район Новопавловска, поселение Железнодорожный Мост у Кисловодска, погребение 51 кургана 1 могильника «Орджоникидзевский» в Чечне). Некоторые из них (к примеру, экземпляр из Фаскау) имеют, как и наш сосуд, в нижней части не выделенные ножки в виде конечностей животного, а обычный поддон. Главное отличие большинства из них (кроме экземпляра из «Орджоникидзевского») от нашего экземпляра – наличие не только слива через рот животного, но и так или иначе выделенного горла на его спине. То же самое касается многочисленных сосудов подобной формы из Восточного Закавказья (Мингечаур). Орнаментация нашего сосуда обнаруживает наибольшую близость к кумбултскому сосуду.

На могильнике преобладают тонкостенные сосуды, часть из которых можно связывать с подражаниями эллинистическим формам. Хорошо представлены горшки небольших размеров (в том числе, культовый миниатюрный горшочек (рис. 1, 2) с богатым декором, имеющим космогоническое значение) с сильно отогнутым венчиком, а также корчаги, иногда со штампованным орнаментом по венчику. Многочисленны кувшины и кувшинчики с высоким горлом прямолинейного или слегка отогнутого профиля. Изредка встречаются стаканы кубкообразного типа с прямолинейным профилем тулова (мы не можем отнести их к какому-либо типу из-за отсутствия придонной части).

В декоре преобладают орнамент в виде волны (относительно редко сочетается с другими типами орнамента – сетчатым или семечковидными насечками), а также линейный. Нередко встречается орнамент в виде косой сетки, еще лучше представлен орнамент в виде косых насечек (эти орнаменты иногда выполнены с помощью штампа), достаточно часто встречаются и насечки по венчику. В меньшей степени распространены ямочная и елочная орнаментация. Гораздо хуже представлен геометрический декор в виде треугольников и концентрических окружностей. Можно считать характерным для могильника и декор в виде своего рода «псевдоканнелюр» - узких и, нередко, косых чуть заметных желобков, отдаленно напоминающих каннелюры, известные на колхидских пифосах. Иногда для подражания кан-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

нелюрам применялись полосы («полотенца») вертикального или наклонного лощения. Встречаются и более «экзотичные» варианты орнаментации – волнистые наlepные валики с кружковым орнаментом, налeпы, вертикально расположенные ряды дуговидных линий, вертикальные насечки, декор в виде расчесов. Неожиданным, учитывая местоположение могильника, оказался фрагмент керамики с декором, напоминающим текстильный.

Для декора ручек, кроме достаточно хорошо представленных здесь налeпов-«шишечек», использовались вертикальные бороздки, «раздваивающие» ручку в её верхней части, елочный, кружковый, реже штампованный и точечный орнамент, налeпные орнаментированные валики, косые кресты.

Если сравнить керамику Джантуха и сравнительно полно опубликованный керамический комплекс близлежащего приморского Гиеноса (*Шамба*, 1988), мы увидим много общего. Тем не менее, в материалах Гиеноса многочисленны те типы сосудов, которые отсутствуют в Джантухе: стакановидные сосуды двух наиболее распространенных типов и котловидные сосуды с вертикальными ручками, размещенными вдоль венчика. Хорошо представлены эти формы и на других приморских поселениях Северо-Западной Колхиды.

Таким образом, по основным типам керамических форм и их декора Джантухский могильник демонстрирует несомненную близость к общему массиву колхидской керамики, проявляя при этом явные локальные особенности. В дальнейшем было бы целесообразно, в первую очередь, максимально полно опубликовать известные поселенческие памятники Северо-Западного Закавказья, а далее – приступить к статистическим подсчетам и картографированию ведущих типов, что позволит более уверенно говорить о границах культур, их локальных вариантов, культурно-исторических областей и общностей.

Литература

- Габелия А.Н.*, 1984. Поселения колхидской культуры (на материалах Абхазии). Автореф. дисс. ... к.и.н. М.
- Гиголашвили Е.Г., Качарава Д.Д.*, 1977. Керамика Колхиды VI-IV вв. до н.э. // КСИА. Вып. 151.
- Лорджипанидзе О.Д., Гиголашвили Е.Г., Качарава Д.Д., Личели В.Т., Пирихалава М.С., Чкониа А.М.*, 1981. Колхидская керамика VI-IV вв. до н.э. из городища Вани // Вани. Археологические раскопки. Т. V. Тбилиси.
- Скаков А.Ю., Джоуца А.И.*, 2012. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. Вып. 191. М.
- Скаков А.Ю., Джоуца А.И., Козубова А.*, 2013. Открытия Г.К. и С.М. Шамба на могильнике Джантух: новый взгляд на старые находки // Третья Абхазская международная археологическая конференция. Посвящена памяти Г.К. Шамба. Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Материалы конференции. Сухум.
- Шамба С.М.*, 1988. Гюэнос – I. Тбилиси.

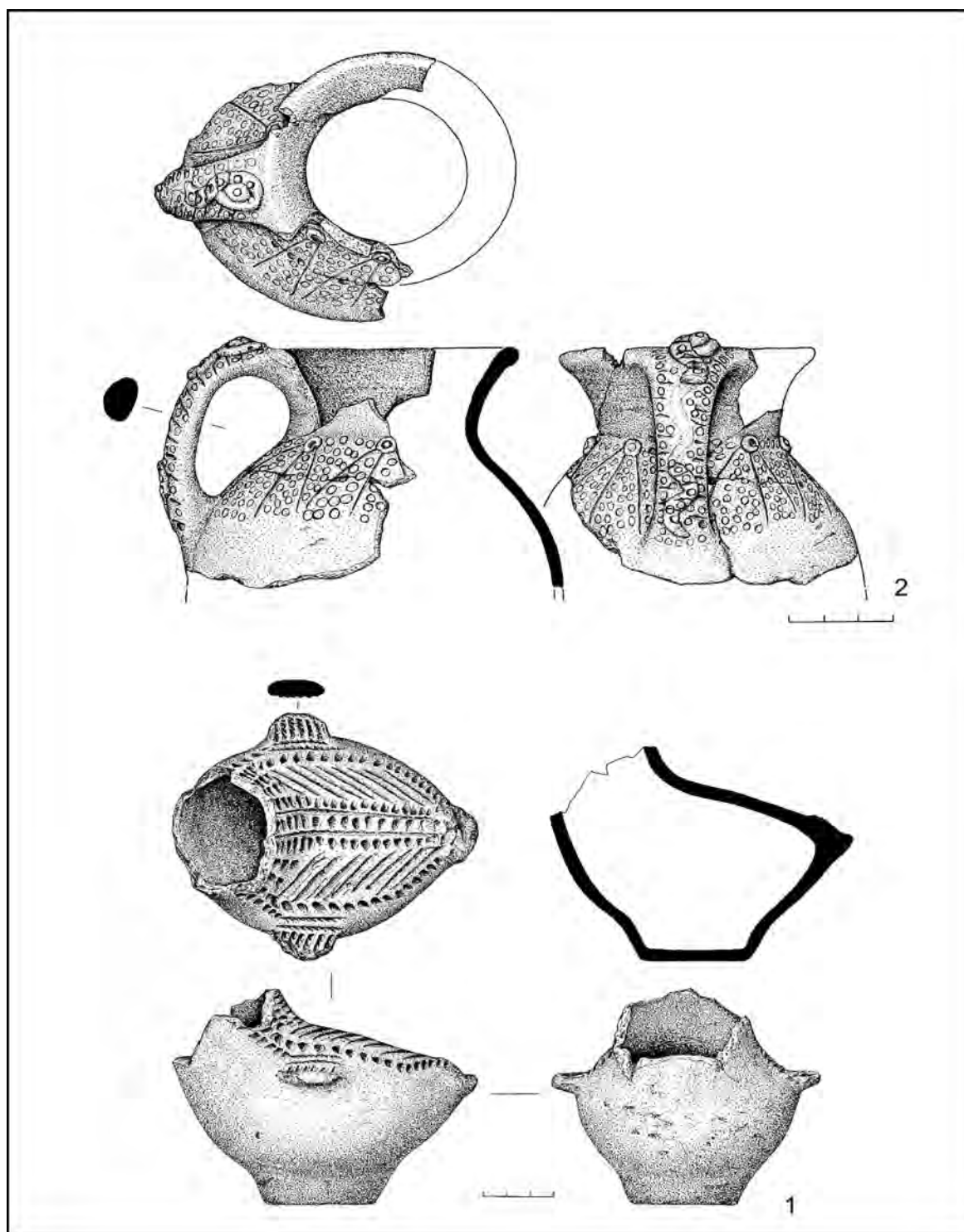

Рис.1. Некоторые уникальные керамические формы могильника Джан-тух. 1 – находка 2011 г. Культово-поминальная вымостка, верхний ярус; 2 – находка 2012 г. Культово-поминальная вымостка

Сланов А.Х., Сланов А.А.

Институт истории и археологии РСО-Алании, г. Владикавказ

ПРЕДМЕТЫ ТУАЛЕТА ИЗ ВТОРОГО КЛИВАНСКОГО МОГИЛЬНИКА

В погребальных комплексах Второго Кливанского могильника (Южная Осетия) предметы туалета представлены копоушками и флаконами. Копоушки найдены в количестве 6 экземпляров, в том числе 5 экз. из бронзы и 1 экз. из кости. Последняя представляет собой изделие в виде вытянутого равнобедренного треугольника с зазубринами по краям и приспособлением на удаленной вершине в форме округлой лопаточки. Общая длина копоушки 6 см, наибольшая ширина ручки - 5 см, диаметр лопаточки - 0,5 см (рис. 1, 1). По комплексу копоушка датируется второй половиной V – IV вв. до н.э. Точные аналогии ей нам неизвестны, хотя костяные копоушки встречаются на обоих склонах Главного Кавказского хребта (Тли, Сержень-Юрт) и датируются как и кливанские серединой I тысячелетия до н.э.

Из 5 бронзовых копоушек у 3 навершия представляют собой скульптурные фигурки птицы, скорее всего, голубя с пышным хвостом и довольно четко выступающим клювом. Туловища птиц покрыты врезным орнаментом в виде полукругов, имитирующих оперение. На спинах птичьих фигурок имеются небольшие петельки для подвешивания. Стержни у двух копоушек повреждены, однако, судя по сохранившейся части и по уцелевшему аналогичному экземпляру, можно сказать, что они имели круглое сечение и заканчивались небольшим ложечковидным приспособлением. Общая длина уцелевшей копоушки - 7,5 см (рис. 1, 3).

Особый интерес представляют копоушки, изготовленные из тонкой бронзовой пластины, на лицевой стороне которой нанесен орнамент из чередующихся рядов точек, насечек и жгутиков, отделенных друг от друга узкими поясками из двух параллельных линий. Навершия копоушек имеют форму геральдически расположенных стилизованных взнузданных конских голов, между которыми имеются небольшие отверстия, служившие, видимо, для подвешивания. На одной из копоушек стержень заканчивается миниатюрным ложечковидным приспособлением, а у другой конец поврежден. Размеры копоушек одинаковы - 6,5 см; наибольшая ширина навершия - 2 см (рис. 1, 4, 6).

Следующая бронзовая копоушка также со стержнем плоского сечения, совковидным нижним рабочим концом и навершием в виде симметрично расположенных стилизованных зооморфных фигур. На вершине навершия имеется небольшая петля для подвешивания. Общая длина копоушки - 5,5 см; длина навершия - 1,5 см; ширина его - 1 см (рис. 1, 5).

К предметам туалета имеет отношение находка, представляющая собой бронзовый бальзамарий в виде цилиндрической трубочки с кольцевидными выступами на корпусе. Трубка с одного конца наглухо запаяна, а с другого снабжена грибовидной пробкой, плотно закрывающей отверстие. Общая длина трубки - 10 см, диаметр устья - 1 см, диаметр основания - 1,2 см (рис. 1, 9).

К этой категории вещей, по-видимому, относятся и два миниатюрных бронзовых сосудика, по форме и размерам почти идентичных. Сосудики небольшой емкости имеют горшковидную форму, и закрыты с двух сторон

Археология позднего бронзового и раннего железного века

грибковидными пробками. Высота сосудиков соответственно - 2,3 и 2 см, диаметр тулова - 1,3 и 1,5 см; диаметр дна - 0,8 и 1,3 см (рис. 1, 8).

Перечисленные емкости, вероятнее всего, служили для хранения какой-то мази или благовоний, либо, возможно, каких-то лечебных снадобий. Нет сомнения в том, что изделия были изготовлены в местных производственных центрах местными мастерами, так как они выполнены в стиле и в традициях, бытовавших в кобанской культуре Центрального Кавказа.

Бальзамарии, аналогичные кливанским, нам неизвестны, поэтому датируем мы их по комплексам в целом концом V - IV вв. до н.э.

Нет сомнения в том, что перечисленные выше предметы туалета принадлежали представителям социальной верхушки, о чем в определенной степени свидетельствуют также другие сопровождающие их находки. Они также указывают на сравнительно высокий уровень художественного творчества и эстетических вкусов древних кобанцев.

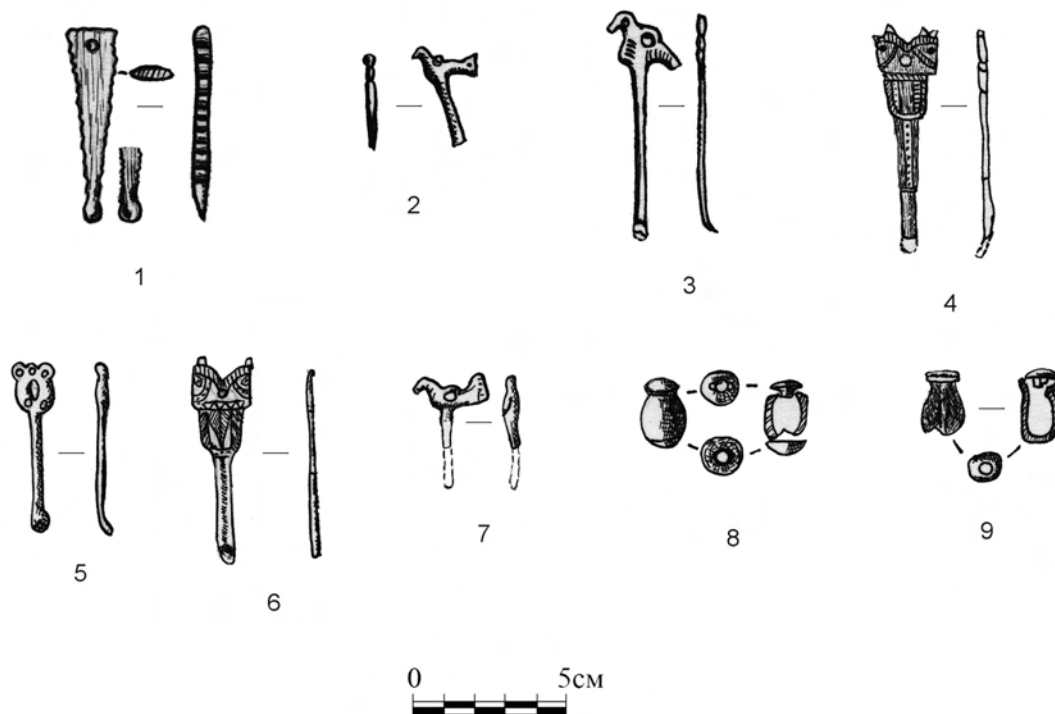

Рис. 1. Предметы туалета из Второго Кливанского могильника

Т. Сорочану

Германский археологический институт, г. Берлин

Е. Сава

Национальный музей истории Молдовы, г. Кишинев

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ СОСУДЫ ПРЕДСКИФСКОГО ПЕРИОДА МЕЖДУ КАРПАТАМИ, КАВКАЗОМ И УРАЛОМ

Изучение взаимосвязей между древними общностями, обитавшими в эпоху бронзы и в начале железного века на обширных просторах Северной Евразии, по праву принадлежит к числу важнейших проблем доисторической археологии. Наряду с типами поселений, погребальными обрядами и многими категориями находок, производство и распространение металла, а также изделий из него имеют приоритетное значение в понимании социальных, экономических и религиозных связей той эпохи.

Работы Н. Макаренко, В. Антониевича, Е.И. Крупнова, А.И. Тереножкина, Е.Н. Черных, И.Т. Чернякова, В.С. Бочкарёва, Я. Хохоровского, В.А. Дергачёва, С.В. Демиденко и др. внесли значительный вклад в определение центров производства металла, изучение распространения изделий и технологии металлургии. Хотя первым крупным комплексным исследованием по распространению металлических изделий между Индом и Дунаем являлась изданная в 1960 г. работа Жана Дешайе, она фактически выпала из поля зрения исследователей.

Особо необходимо отметить вклад Е.И. Крупнова, одного из крупнейших исследователей древностей Кавказа, работы которого имеют большое значение для изучения бронзовой металлургии. Его труды заложили фундамент не только в изучении древнего Кавказа, но также в разработке проблемы связи этих территорий с Северным Причерноморьем и Карпатским бассейном. Северокавказские металлические сосуды составляют особую группу находок, имеющих большое значение для понимания феномена появления и эволюции этой категории изделий, и, безусловно, позволяют более детально выявить конкретные типологические связи Северного Кавказа с Северным Причерноморьем и Карпато-Балканским регионом.

В данном докладе мы сосредоточили внимание на металлических сосудах, обнаруженных на Кавказе, в Северном Причерноморье и в Карпато-Подунавье. До сих пор они рассматривались либо по относительно узким типологическим группам (например, клепаные котлы, амфоры жаботинского типа или золотые сосуды), либо в рамках той или иной культуры или одной территории. Поэтому авторы попытаются впервые представить одновременно все категории сосудов с целью определения возможных взаимовлияний различных форм металлических сосудов на рассматриваемой территории, установления их общей типологии и более точной хронологии, что до сих пор активно обсуждается в специальной литературе. Другой интересующий нас вопрос касается возможного существования неких границ между различными ареалами распространения металлических сосудов, а также связей между Восточной и Центральной Европой, отразившихся в распространении различных категорий сосудов из металла, и, кроме того, возможного конкретного взаимодействия между производительными центрами.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Можно констатировать, что Карпатская горная цепь является четкой границей распространения сосудов из металла – это, в свою очередь, свидетельствует о том, что «предметы импорта» в чужой культурной среде являются исключением и определяют границы ареалов. Примером «прямого экспорта» между Трансильванией и Молдовой через перевалы Восточных Карпат является клад из Жиосень, в котором был обнаружен фрагмент миски типа Заттельдорф-Блатиница, характерной для восточной части Центральной Европы.

Показателем хронологической границы служат чаши полусферической формы. В то время как экземпляры типа Дремайловка на западе распространены до Восточных Карпат в период BгD и HaA1 (Пыхнешть и Тэтэрань), в Трансильвании присутствие этих форм наблюдается только в фазе HaB, что, скорее всего, отражает некое локальное, трансильванское развитие такой категории сосудов. В противоположном направлении – к востоку от Восточных Карпат – после фазы HaA1 полусферических чаш не обнаружено. Таким образом, мы можем обозначить хронологический разрыв между двумя культурными ареалами, в которых представлена одинаковая форма металлических сосудов.

Возможности проникновения некоторых форм сосудов из металла в обоих направлениях через «границы» имелись либо вдоль Дуная (например, находка из Месич с восточной стороны и, возможно, Дриду с западной), либо, скорее, через северные перевалы Восточных Карпат или перевалы Лесистых Карпат, через которые перевозились из центрально-европейского металлургического центра на восток котлы с крестообразными ручками, чаши типа Фуксштадт или Киркендруп, а также типа Халсау (Руда).

Самым достоверным маршрутом торгового и культурного обмена, где невозможно определить точные границы на основе металлических сосудов (или других изделий из того же материала), является тот, который соединяет территорию Южного Урала и Северного Кавказа, степи Северного Причерноморья, южную часть Пруто-Поднестровья и Нижнего Подунавья вплоть до Балканского полуострова. На этих огромных территориях наблюдается постоянный приток товаров в обоих направлениях.

Важным моментом, который практически не исследовался на рассматриваемой нами территории, являются условия, в которых были обнаружены металлические сосуды. Важно определить, с какой целью и как они были депонированы в кладах, погребениях или были расположены как отдельные предметы. Сложными вопросами являются, с одной стороны, попытка установить, в какой типологической связи возможна типологическая индивидуализация, и, с другой стороны, необходимость выяснить, какая связь могла существовать между менталитетом населения восточных и западных территорий в предскифский период.

Сделанные нами выводы свидетельствуют о том, что изучение металлических сосудов на рассматриваемом пространстве следует проводить с широким территориальным охватом и более тщательным анализом, с учетом всех известных компонентов, учитывая собственно типологию, а также распространение и использование сосудов. По нашему мнению, только так можно получить надежные результаты, на основе которых может быть реконструировано культурно-историческое развитие и, в дальнейшем, этапы древней истории рассматриваемого периода.

А.Ю. Худавердян

Институт археологии и этнографии НАН Республики Армении, г. Ереван

О ВЗАИМОСВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ КАВКАЗА И ЕВРАЗИИ В
ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА: ПО
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Территория Кавказа с эпохи ранней бронзы была заселена представителями средиземноморского типа южноевропеоидной расы. Несмотря на огромную территорию распространения (Передняя и Средняя Азия, Европа и т.д.), этот антропологический комплекс, имеющий некоторые локальные варианты, оставался достаточно стабильным на протяжении эпох бронзы и железа. В эпоху поздней бронзы и раннего железного века основное население Кавказа представляло собой модификации долихокранного краниологического типа со среднешироким и выше среднего по высоте лицом, сильной горизонтальной профилировкой и сильным выступанием носовых костей (Алексеев, 1974; Абдушеллишвили, 2003; Паликян, 1990; Khudaverdyan, 2010).

Проведен анализ 165 краниологических серий с территории Евразии. Для многомерного анализа измерительных признаков применялся канонический анализ с одновременным вычислением матрицы обобщенного расстояния D^2 Махаланобиса для межгруппового сравнительного анализа. Была использована статистическая программа А.Г. Козинцева и Б.А. Козинцева (Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого, Санкт-Петербург). Серии были изучены по полной программе, из которой взято 14 признаков (три диаметра черепной коробки, ширина лба, ширина и высота лица, носа и орбиты, назомалярный и зигомаксиллярный углы, симотический указатель и угол выступления носа) и по неполной, из которой взято 10 линейных размеров (основные диаметры черепной коробки, наименьшая ширина лба, ширина и высота лица, ширина и высота орбиты и носа). Выделенные векторы-дискриминаторы дифференцируют весь массив сравниваемых серий по высотам лица, носа и орбит, а также ширине головы, лица и тех же орбит и углам выступления носовых костей.

Результаты межгруппового статистического анализа демонстрируют морфологические аналогии представителей Армянского нагорья (Норадуз, Ором, суммарная группа) и Поволжья (Кривая Лука, Чистый Яр I, Н. Орлянка I, Новоселки). В комплексе морфологических признаков, который фиксируется у черепов из могильников срубной культуры из Поволжья, преобладают антропологические особенности, свойственные группам из Кавказа. Еще Г.Ф. Дебец (1948, 1954) отмечал большую грацильность племен срубной культуры по сравнению с древнеямной и выделил среди ее носителей два антропологических типа – умеренно гиперморфный европеоидный и умеренно брахикранный монголоидный. В дальнейшем были представлены доказательства принадлежности срубников западных окраин ареала к кругу средиземноморских форм (Кондукторова, 1969; Зиневич, Круц, 1968; Круц, 1976). Наличие средиземноморских компонентов отмечалось А.В. Шевченко (1984) и А.А. Хохловым (2000) у носителей срубной культуры Лесостепного Поволжья, а также Р.М. Юсуповым (1989) – в Южном Приуралье.

Связь к мужской группе из могильника Самтавро в Грузии (поздне-бронзовый период, второй этап) обнаруживают черепа из могильников сруб-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

ной культуры Среднего Поволжья (Уранбаш, Н. Орлянка I) и Украины (Чернянка, Широкое). И у более поздней группы с территории Грузии (Самтавро, X-VI вв. до н.э.) выявлены близкие параллели со срубниками Среднего Поволжья (Рождественно I, Н. Орлянка I). Отмечена ближайшая параллель краниологической серии из Самтавро (позднебронзовый период, первый этап) с группой Чистый Яр I. Северокавказская суммарная серия (II-I тыс. до н.э.) демонстрирует аналогию с носителями срубной культуры из Среднего Поволжья (Съезжее).

Обнаружены также наиболее близкие аналогии срубников Волго-Уралья с более древними группами Армянского нагорья, Кавказа и Средней Азии. У черепов куро-араксской эпохи из Армянского нагорья и Грузии обнаружены близкие аналогии со срубниками Волго-Уралья (Алексеевский, Поплавское). С южными европеоидами Армянского нагорья (объединенная куро-араксская группа) в одном кластере оказались срубники Подонья (Ясырев) и Волгоградско-Астраханской области. Обнаружены наиболее близкие аналогии южных европеоидов из Грузии (куро-араксская культура), Иранского нагорья (Тепе-Гиссар II), Средней Азии (Пархай, Геоксюр, Алтындепе, Джаркутан) с группами из Рождественно I (Среднее Поволжье) и Кивуткалнский (Латвия). Зафиксирована аналогия суммарной группы из Северного Кавказа (3, энеолит-бронза) со срубниками Среднего Поволжья (Алексеевский, Уранбаш). И для группы Гинчи из Дагестана отчетливы параллели с черепами срубной культуры Среднего Поволжья (Чистый Яр I, Уранбаш) и Украины (Широчанский и др.).

У 34 срубных групп с территории Подонья, Волго-Уралья, Башкирии и Украины наиболее отчетливы краниологические аналогии со средиземноморцами Армянского нагорья, Кавказа, Ближнего Востока и Средней Азии. Результаты нашего анализа подтверждаются с суждениями А.В. Шевченко (1984) и А.А. Хохлова (2000) о том, что происхождение гипоморфных черт у носителей срубной культуры поволжской лесостепи вряд ли можно объяснить только эволюционно-эпохальными причинами. Можно полагать, что в конце среднебронзового века в восточноевропейскую равнину проникает новое население – носители южноевропейских морфологических черт. Автор разделяет мнение Н.А. Дубовой (2010. С. 76), о том, что схожесть срубников со средиземноморцами «свидетельствует о движении с юга (возможно, конечно намного в более раннее, чем бронзовый век время) в степные районы, чем из степей – в южном направлении».

На плоскости первого дискриминатора оказались серии из Кокчи 3 и алакульцы Западного Казахстана, что лишний раз подтверждает особенность населения этой территории, на которую было обращено внимание еще В.П. Алексеевым (1964), В.В. Гинзбургом и Т.А. Трофимовой (1972). Хочется напомнить, что черепа из Кокча 3 М. Carrièri (1965) относят к восточносредиземноморскому типу. Однако с ним не согласны В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова, по мнению которых тазабагьябское население (его и представляет Кокча 3) «формировалось на базе смешения срубных и андроновских племен лишь при некотором участии южных элементов» (Гинзбург, Трофимова, 1972. С. 54-55). Люди, захороненные в могилах с алакульской или смешанной алакульско-федоровской керамикой на территории Западного Казахстана, характеризовались морфотипом, который В.В. Гинзбург (1962) отнес к средиземноморскому (Тасты-Бутак I), а В.П.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Алексеев (1964) назвал его гипоморфным узколицим. В.В. Гинзбург (1962) указал на родство алакульцев с населением юга Средней Азии и со срубниками Нижнего Поволжья. Следует также отметить, что сходства между популяциями из Западного Казахстана (Тасты-Бутака I) и Северо-Восточного Ирана отмечали В.П. Алексеев, А.А. Аскарлов, Т.К. Ходжайов (1990). Выборки из могильников Западного Казахстана (андроновская культура), Северного Кавказа (энеолит-бронза), Украины, Поднепровья (катакомбная культура) и Среднего Поволжья (Студенцы) объединились в единую, довольно компактную группу. К ним примыкают краниосерии с территории Армянского нагорья.

Кластерный анализ выявляет для мужской норадузской серии (Армения) ближайшие параллели к группам из Франции (Лозере /большие известняковые плато/, Авейрон) и Силезии. Суммарные группы позднебронзового времени из Армянского нагорья, Грузии демонстрируют морфологические аналогии с людьми культуры Тисаполгар (Венгрия), с населением районов Авейрон (Франция), Силезия и Мекленбург (Германия).

Исходя из результатов канонического и кластерного анализов, можно составить представление о прямых контактах южных европеоидов Кавказа, Ближнего Востока и Средней Азии с представителями Восточной и Западной Европы. Проблемы переселения отдельных (малых или больших) групп населения на значительные расстояния – одни из базовых во многие периоды истории человечества. Для территории Кавказа они имеют огромное значение. С IV тыс. до н.э. представители южноевропейского облика проникают и обосновываются на Днестре (трипольская культура), в Крыму, Причерноморских степях (культуры кеми-обинская, катакомбная), в Подонье, в Прикаспии (катакомбная культура) и в Поволжье (культуры абашевская, фатьяновская) (Khudaverdyan, 2008; 2010). И на рубеже II и I тыс. до н.э. долихомезокранные группы со среднешироким и выше среднего по высоте лицом, сильной горизонтальной профилировкой и сильным выступанием носовых костей были широко распространены на территории Европы. Следовательно, генетические импульсы, идущие из первоначального очага формирования, продолжались. Среди восточноевропейских групп эти черты наиболее отчетливо проявились у племен срубной культуры Поволжья, Приуралья, Башкирии, Украины и Подонья. Для представителей Армянского нагорья, Кавказа, Передней и Средней Азии выявлены также многочисленные параллели на территории Центральной Европы.

Литература

- Абдушелишвили М.Г., 2003. Антропология древних и современных народов Кавказа // Горизонты антропологии. М.
- Алексеев В.П., 1964. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Книга 49, вып. 235. Ташкент.
- Алексеев В.П., 1974. Происхождение народов Кавказа. М.
- Алексеев В.П., Аскарлов А.А., Ходжайов Т.К., 1990. Историческая антропология Средней Азии. Палеолит - эпоха античности. Ташкент.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

- Гинзбург В.В.*, 1962. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы. Захоронения могильника Тасты-Бутак в Актюбинской области // Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак-1 в Западном Казахстане. МИА. № 120.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.*, 1972. Палеоантропология Средней Азии. М.
- Дебец Г.Ф.*, 1948. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Т. 4. М.; Л.
- Дебец Г.Ф.*, 1954. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. I. МИА. № 42.
- Дубова Н.А.*, 2010. Процессы этногенеза на Евразийском пространстве (антропологические следствия миграций и торговли в бронзовом веке) // Человек: его биологическая и социальная история. Том 1. М.; Одинцово.
- Зиневич Г.П., Круц С.И.*, 1968. Антропологічна характеристика давнього населення території України (за матеріалами експедицій 1961-1963 рр.). Київ.
- Кондукторова Т.С.*, 1969. Антропологический облик племен территории Украины в эпоху бронзы // Материалы з антропології України. Вип. 4. Київ.
- Круц С.И.*, 1976. Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.
- Паликян А.К.*, 1990. Новые палеоантропологические материалы с территории Армении // Биологический журнал Армении. № 4 (43).
- Шевченко А.В.*, 1984. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения Евразии. Л.
- Хохлов А.А.*, 2000. Краниологические материалы срубной культуры юга Среднего Поволжья // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2. М.
- Юсупов Р.М.*, 1989. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. Уфа.
- Cappieri M.*, 1961. Die asiatische Proto-Mediterranen // Ethnographisch-Archaeol. Zeitschrift. № 2.
- Khudaverdyan A.Yu.*, 2008. Indo-Europeans migrations: the origin, moving from the point of view of anthropology // Indian Journal of Physical Anthropology and Human Genetics. Vol. 27. № 1-2.
- Khudaverdyan A.Yu.*, 2011. Migrations in the Eurasian steppes in the light of paleoanthropological data // The Mankind Quarterly (Washington). Vol. LI. № 4.

Х.(В.)Т. Чшиев

Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

КАМЕННАЯ СТЕЛА НИКОЛАЕВСКОГО МОГИЛЬНИКА КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В 2012 г., при раскопках грунтового могильника кобанской культуры IX – нач. VII вв. до н.э. близ ст. Николаевская Дигорского р-на РСО-А в одном из погребений был найден менгировидный камень. Камень (гранитный валун) располагался над захоронением № 7, в южной части, параллельно длинной оси погребения (рис. 1, 1) Само погребение представляло собой мужское захоронение, произведенное в овальной грунтовой яме вытянутой по оси восток – запад. Соответственно и рассматриваемый камень ориентирован также. Форма камня – подпрямоугольная, верхняя и нижняя стороны – заовалены. Поверхность частично обработана, видимо, с целью придания камню подпрямоугольной формы. Размеры камня: длина – 65 см, ширина – 48 см, толщина (макс.) – 22 см (рис. 1, 2)

Погребальный обряд Николаевского могильника представлен захоронениями в овальных или подпрямоугольных грунтовых ямах, перекрывавшихся двумя – тремя слоями валунов. Аналогичным образом произведено захоронение и в погребении № 7. Несмотря на большое количество камней, найденных при раскопках данного погребения, рассматриваемый валун значительно превосходит всех них. Кроме того, он располагался непосредственно над погребением, сразу под дерном, почти строго горизонтально. Таким образом, форма, размеры, месторасположение в погребении и ориентировка камня, а также некоторые следы его обработки, могут свидетельствовать о его присутствии здесь в качестве стелы или менгира. Важным фактом является то, что вышеописанное погребение Николаевского могильника относится к числу немногочисленных пока неограбленных захоронений памятника. Таким образом, камень над погребением № 7 зафиксирован в положении *in situ*. По сопутствующему погребальному инвентарю (небольшой бронзовый кинжал, керамические корчага, черпачок с петлевидной ручкой, миска и др.) погребение № 7 датируется в рамках VIII в. до н.э., т.е. предскифским временем.

В этот же полевой сезон 2012 г., рядом с погребением № 7, нами было исследовано несколько грунтовых захоронений, перекрытых слоем валунов. Все они были потревожены и ограблены. Но в заполнении одного из них, погребении № 5, находился массивный гранитный валун вытянуто-овальной формы (рис. 1, 3) Размеры камня: длина – 58 см, ширина – 45 см, толщина (в нижней расширенной части) – 32 см. По нашему мнению, данный валун, опять же резко отличающийся формой и размерами от других камней заполнения погребения № 5, мог также служить в качестве стелы.

На территории западного варианта кобанской культуры, при исследовании в 1978 г. гробницы № 3 могильника Терезе предскифского времени (раскопки В.И. Козенковой), была выявлена нижняя часть каменной стелы, морфологически близкая к конусовидной форме (Козенкова, 2004. С. 62). Еще один памятник западного варианта кобанской КИО, в погребальном обряде которого присутствуют надмогильные каменные стелы – Нартанский могильник VII-V вв. до н.э. Здесь, в трех курганах, №№ 11, 17 и 20, камни-стелы антропоморфных и овальных очертаний были найдены на надмогильных выкладках. И еще в одном случае, в престижном захоронении кургана № 16, антропоморфная каменная стела была установлена на вершине насыпи (Батчаев, 1985. С. 36, 40, 45. Табл. 30; 41-43; 47).

Для памятников кобанской культуры Северной Осетии предскифского времени наличие в комплексе погребального сооружения каменной стелы или менгира ранее считалось нехарактерным. В то же время, как справедливо отмечает В.И. Козенкова, надмогильные сооружения над кобанскими грунтовыми погребениями, безусловно существова-

Археология позднего бронзового и раннего железного века

ли, так как на обширных некрополях кобанской культуры не зафиксированы случаи «нарушения более раннего погребения более поздним» (Козенкова, 2002. С. 44). Т.о., наличие в захоронении № 7 Николаевского могильника каменной стелы является новым элементом погребального обряда и позволяет дополнить наши знания о памятниках кобанской культуры предскифского времени Осетии.

Литература

Батчаев В.М. 1985. Курганы скифского времени у селения Нарган. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972 – 1979 гг. Том 2. Нальчик.

Козенкова В.И. 2002. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы - раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. III. М.

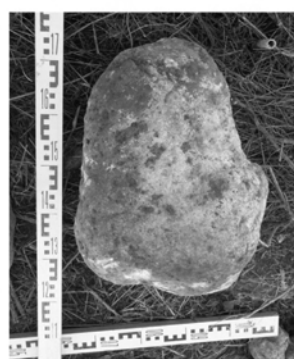
Козенкова В.И. 2004. Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII – VIII в. до н.э. // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. V. М.

1

2

3

Рис. 1. Каменные стелы Николаевского могильника. 1 – погр. № 7 в процессе расчистки; 2 – погр. № 7, вид сверху; 3 – предполагаемая каменная стела из погребения № 5

В.Р. Эрлих, С.Б. Болелов

Государственный музей искусств народов Востока, г. Москва

ПОСЕЛЕНИЕ «ДЕМЕТРА» И НЕИЗВЕСТНЫЙ РАННЕЕ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ ПЕРЕХОДА К ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ

Работами совместной археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока и ООО «Культурное наследие» в 2011-2012 гг. был исследован культурный слой поселения «Деметра», расположенного на территории Адыгеи между хутором Говердовский и станицей Ханской. Данные работы проводились в рамках реконструкции газопровода «Майкоп - Самурская – Сочи». Всего было вскрыто более 7 000 кв.м. относительно разреженного культурного слоя.

В центральной части «строительного коридора», представляющей собой ложбину, археологический материал отсутствовал. Этот участок разделял поселение «Деметра» на два участка или отдельных поселения: «Деметра-1» (юго-западный) и «Деметра-3» (северо-восточный).

Большую помощь в осмыслении ситуации с поселениями «Деметра-1» и «Деметра-3» нам оказал почвенный анализ, проведенный почвоведом О.С. Хохловой, которая высказала гипотезу о существовании в центре поселения древнего озера. Во влажный период это озеро могло переполняться, и часть воды по протоке устремлялась в сторону р. Белой. Хотя ландшафт поселения значительно изменен недавней антропогенной деятельностью (в настоящее время это пахотное поле), но и сейчас в части террасы, обращенной к р. Белой, можно отметить фрагменты извилистой ложбины, напоминающей русло водотока, по которому могла время от времени спускаться вода из озера. Возможно, влажный период наступил в протомеотское время, когда протока от озера к реке возобновлялась ежегодно и произошло переселение на северный берег озера. В связи с возникновением такой протоки можно найти объяснение, почему керамика поселения «Деметра-1» (к югу от прото-озера) имеет следы размыва, окатанности и переотложенности (Хохлова, Эрлих, 2013. С. 335-337).

Отметим, что слой северного участка поселения «Деметра» («Деметра-3») был более насыщен археологическим материалом, имеющим лучшую сохранность. Здесь обнаружен и ряд хозяйственных комплексов (объектов): очаг, скопление костей животных, развалы крупных керамических сосудов.

В целом следует отметить определенную гомогенность керамического материала, открытого на обоих участках поселения «Деметра». Керамика отличается преобладающим охристым цветом поверхности сосудов, наличием валика под венчиком, практически полным отсутствием прочерченного и штампованного орнаментов, характерных для кобьяковской культуры. В то же время, керамика южного участка «Деметра-1» отличалась окатанностью, хрупкостью и имела пачкающую поверхность. Фрагменты керамики этого участка были полностью лишены всякой орнаментации.

Наиболее насыщенный археологическими находками слой выявлен в юго-западной части поселения «Деметра-3» т.е. ближе к «берегу» древнего озера.

Культурный слой, соответствующий периоду существования поселения, здесь залегал достаточно глубоко под толщей наносов на глубине 1-1,20 м. На этом уровне фиксируется значительное количество камней, в том числе обломков зернотерок, а также костей животных и керамики. Кроме того, на этом

Археология позднего бронзового и раннего железного века

же уровне выявлены профильные фрагменты более чем 20 керамических сосудов. В основном это крупные тарные или хозяйственные сосуды.

Весьма примечательно скопление 2, обнаруженное в квадрате -14/1 на глубине 152-166 см. Оно имело размеры 2x2 м и состояло из трех тарных сосудов, два из которых удалось реставрировать. Один из них представлял собой крупную красноглиняную корчагообразную форму на сплошном поддоне с яйцевидным туловом и вертикальным воротничковым венчиком, имеющим налепной валик. Тесто с примесью дресвы, частицы проступают на поверхность. Высота сосуда - 42 см, максимальный диаметр тулова - 45 см (рис. 1, 23). Отметим, что крупный корчагообразный сосуд с почти вертикальным венчиком был встречен на поселении Красногвардейское II в нижнем кобяковском слое (*Шарафутдинова*, 1989. С. 64. Рис. 3, 10). Однако, он не имеет налепного валика и украшен сосцевидным налепом.

В этом же скоплении был обнаружен сосуд открытого типа (чан) желто-розового цвета. Он имел также сплошной прилепленный поддон, тулово, приближающееся к усечено-конической форме с небольшим закруглением в верхней части, а также загнутый венчик, оформленный налепным валиком. Высота сосуда - 50 см, диаметр устья - 49,5 см (рис. 1, 22). Близкие аналогии этой форме пока нам неизвестны, в то же время его верхняя часть напоминает верхнюю часть сосуда из поселения Лесное в Майкопском районе Адыгеи, датированное автором раскопок эпохой поздней бронзы (*Черных*, 2009. С. 418. Рис. 4, 1).

Еще один сосуд удалось реконструировать лишь частично. Он представлял собой округлобокую глубокую большую миску, со слегка загнутым венчиком диаметром 30 см, подкрепленным налепным валиком. На тулове сосуда имелось процарапанные знаки (рис. 1, 24).

В целом, полученный керамический материал поселения «Деметра», представленный исключительно лепной керамикой, предварительно можно разделить на несколько основных категорий.

Открытые формы сосудов представлены двумя основными типами:

1. Округлобокие чаши или миски с загнутым внутрь краем (рис. 1, 14-17). Черепок в изломе черного цвета, костровой обжиг. Глина с примесями дресвы и слюды. У одного сосуда под краем проходит налепной валик.

2. Открытые сосуды со слегка отогнутым венчиком, тулово не округлое, а близкое к усечено-конической форме (лохани) (рис. 1, 19, 20), иногда в утрированном виде представляют собой тарелку (рис. 1, 18).

Отметим что эти формы не находят полных аналогий, как в памятниках финальной бронзы (Красногвардейское I, II), так и в протомеотских памятниках предгорного варианта, хотя и в тех и в других имеются глубокие миски (*Шарафутдинова*, 1989. С. 63. Рис. 2, 13; *Эрлих*, 2007. Рис. 145, 4).

К открытым формам относятся и два из трех уникальных сосудов из скопления 2, описанные нами выше (рис. 1, 22, 24).

Закрытые формы сосудов (рис. 1, 1-13) представлены венчиками горшков или корчагообразных сосудов, с низкой, но выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком, часто подкрепленным налепным валиком. Этот признак, который ярко выражен на керамике поселения «Деметра-1», очевидно, восходит еще к финалу средней бронзы.

Характерным признаком керамики поселения «Деметра» являются и сосцевидные налепы, встреченные на ряде сосудов (рис. 1, 4, 13). Такие налепы имеются, как на протомеотской керамике (Кочипэ), так и на некоторых сосудах из поселения Красногвардейское II (нижний горизонт эпохи финальной бронзы) (*Эрлих*, 2007.

Археология позднего бронзового и раннего железного века

Рис. 144, 11; *Шарафутдинова*, 1989. С. 64. Рис. 3, 9, 10). Весьма интересен горшкообразный сосуд с гравированной ручкой-петелькой. Близкий сосуд происходит из погребения 103 могильника Пшиш-I (*Сазонов*, 2004. С. 396. Рис. IV; *Эрлих*, 2007. С. 263. Рис. 65, 22).

Изделия из камня представлены многочисленными кремневыми отщепами, а также рядом хозяйственных орудий — терочников. Одно каменное изделие можно соотнести с фрагментом каменного птицеголового скипетра (рис. 1, 21), характерного для протомеотской группы памятников (*Эрлих*, 2007. С. 354. Рис. 164, 8-10).

Таким образом, на сегодняшний день мы можем констатировать, что исследование поселения с керамическим комплексом типа «Деметра-1, 3» знаменует собой открытие своеобразного керамического комплекса, бытовавшего в Закубанье на границе равнины и предгорий в эпоху финала поздней бронзы — протомеотского времени. Для поселения «Деметра-3» была получена дата по костям животных, оказавшаяся на «галыштатском плато» и давшая очень широкий хронологический диапазон — 2650±400 ВР (рис. 2).

Тем не менее, подобные даты характерны для протомеотского периода и эпохи скифской архаики (см. *Эрлих*, 2007. С. 186. Табл. 9), а это позволяет думать, что поселение «Деметра-3» относится уже к началу раннего железного века.

Подводя предварительные итоги изучения поселения (или системы поселений) «Деметра», мы можем в качестве рабочей гипотезы принять версию, высказанную почвоведом О.С. Хохловой, предположившей, что первоначально была заселена территория к югу от древнего озера — «Деметра-1». Отсутствие в керамическом материале этого участка протомеотских соответствий позволяет думать, что он был несколько древнее, чем «Деметра-3», и может быть отнесен к эпохе поздней бронзы.

Более разнообразный керамический комплекс поселения «Деметра-3», генетически связанный с комплексом «Деметра-1», несмотря на свою своеобразность, тем не менее, имеет определенные соответствия как с памятниками финальной бронзы Закубанья (кобяковская культура), так с керамикой протомеотской группы памятников, что позволяет отнести его ко времени перехода к раннему железному веку.

Таким образом, открытие керамического комплекса типа «Деметра» знаменует собой открытие еще одного местного, но не «кобяковского» компонента в формировании протомеотской группы памятников (VIII-VII вв. до н.э.) в ее предгорной версии. Все это имеет чрезвычайно важное значение для понимания механизма формирования памятников протомеотской группы эпохи раннего железа и меотской культуры в целом.

Литература

- Сазонов А.А.*, 2004. О хронологии протомеотских погребений Закубанья // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci. Księga poświęcona pamięci Profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków.
- Хохлова О.С., Эрлих В.Р.*, 2013. Изменчивость увлажненности климата и комплексного почвенного покрова мочарного ландшафта во времени на основе изучения археологического памятника Деметра близ г. Майкопа, Адыгея // Современное состояние черноземов. Международная научная конференция. Материалы конференции. Ростов-на-Дону.
- Черных Е.Н.*, 2009. Новые данные о керамическом комплексе Закубанья в конце эпохи бронзы // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.
- Шарафутдинова Э.С.*, 1989. Двуслойное поселение Красногвардейское II - памятник эпохи поздней бронзы - начала раннего железа // Меоты - предки адыгов. Майкоп.
- Эрлих В.Р.*, 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.

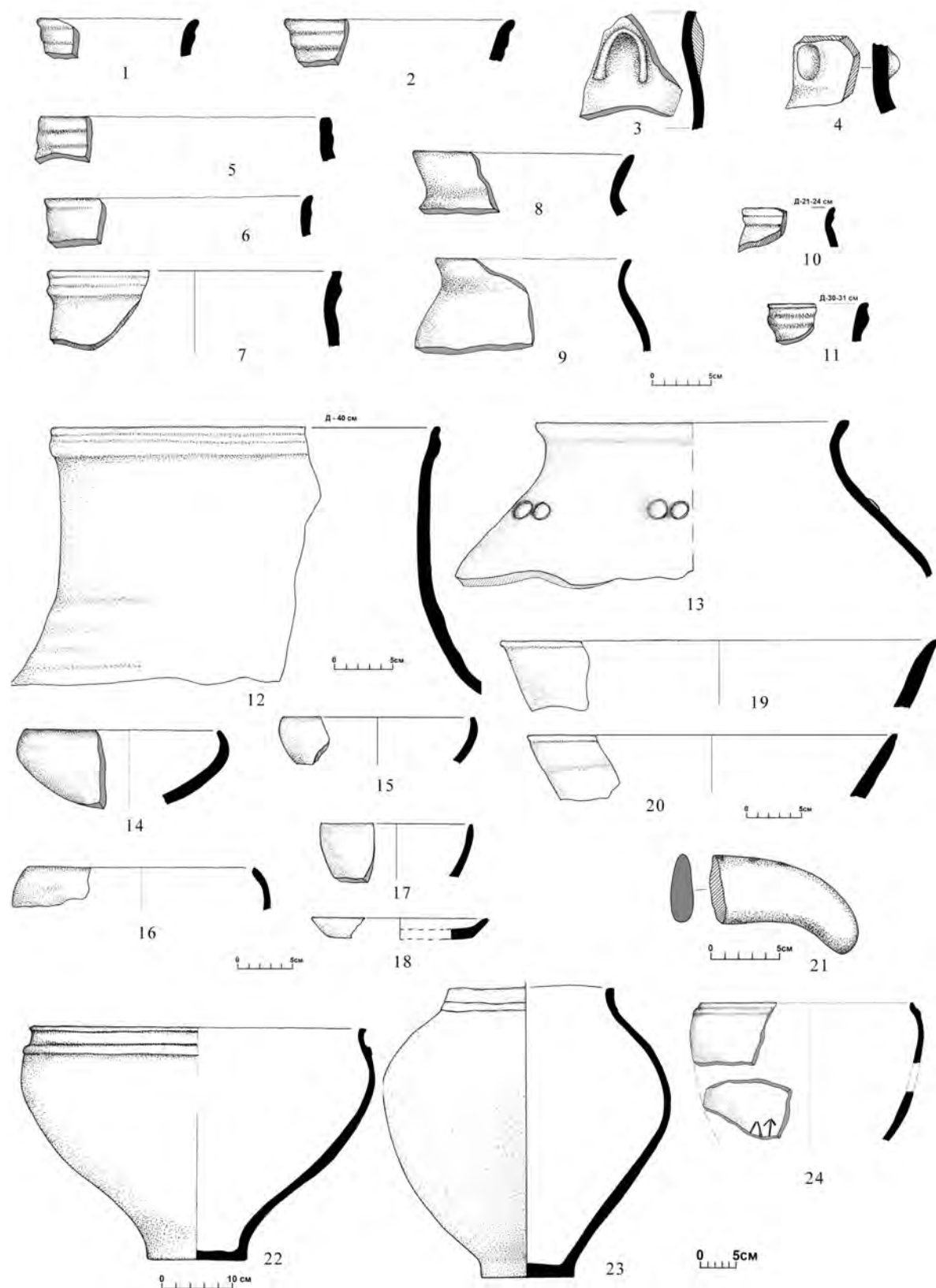

Рис. 1. Керамика (1-20, 22-24) и фрагмент каменного скипетра (21) из поселений «Деметра-1» (4, 7, 10, 15, 18-20) и «Деметра-3» (1-3, 5, 6, 8, 9, 11-14, 16, 17, 21-24)

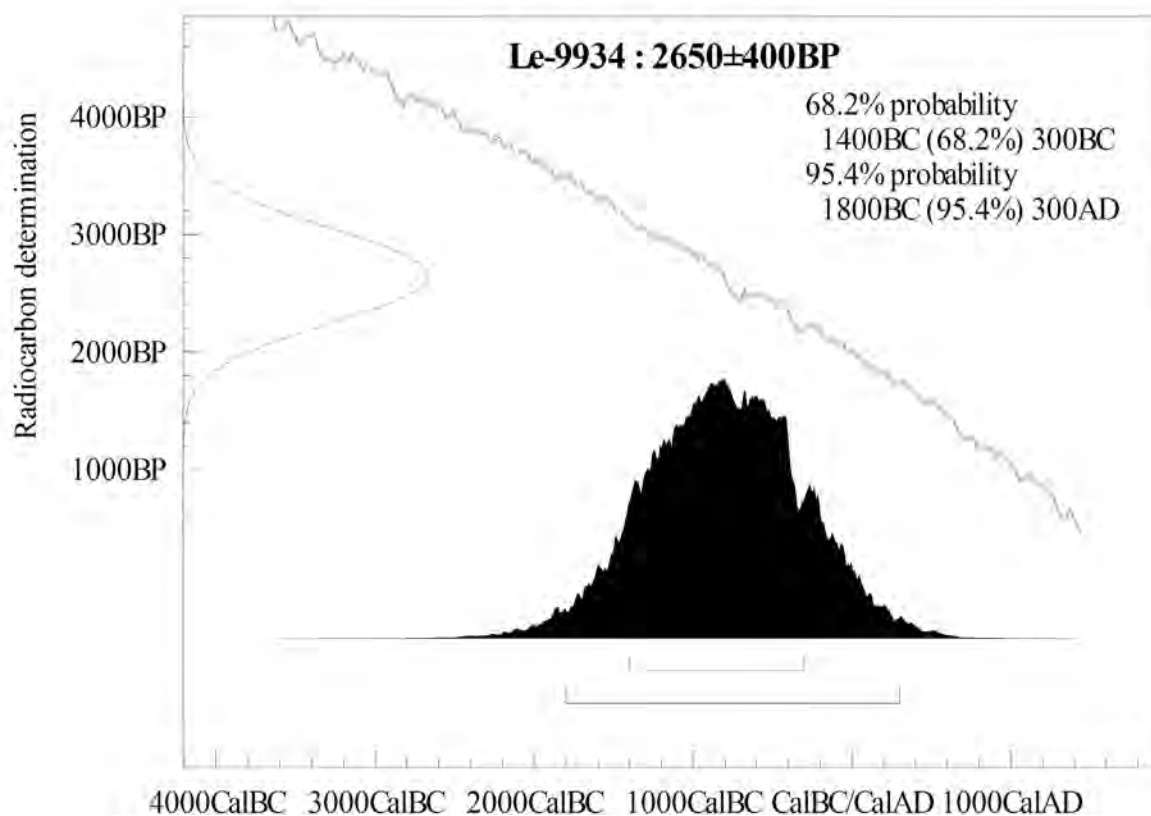

Рис. 2. Интервалы калиброванного календарного возраста, полученного по костям животных с поселения «Деметра-3»

Археология сарматского времени и эпохи Великого переселения народов

З.Х. Албегова, В.Б. Ковалевская
Институт археологии РАН, г. Москва

СОЛЯРНО-ЗООМОРФНЫЕ ФИБУЛЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

*Работа проводилась в рамках программы сотрудничества ИА РАН и
Института археологии ВАН на 2010-2013 гг. по теме исследования
«Археология Центральной и Восточной Европы в раннем средневековье»*

Генезис солярно-зооморфных фибул – тематика археологии эпохи переселения народов в широких географических рамках от Испании до Кавказа. Вопросы происхождения и распространения моды на подобные фибулы до сих пор носят дискуссионный характер. Центральные и западноевропейские фибулы имеют свою историю развития, и отличаются от северокавказских морфологией и технологией изготовления. На Северном Кавказе солярно-зооморфные фибулы были широко распространены, в первую очередь в среде носителей аланской культуры.

Северокавказские фибулы неоднократно привлекали внимание исследователей. Согласно типологии В.Б.Ковалевской они относятся к Отделу 2, типу 1 металлических амулетов Северного Кавказа (Ковалевская, 1995). Исследованию фибул с птичьими головами посвящена часть монографии А.В.Мастыковой (Мастыкова, 2009). В ее работе фибулы разделены на птицевидные и солярные. К птицевидным фибулам она относит фибулы, изображающие птицу с одной или двумя головами, к солярным фибулам – круглые броши с тремя и более головами птиц.

Материалы по солярно-зооморфным фибулам постоянно накапливаются, поэтому мы решили обратиться к ним еще раз. Нашей задачей было картографировать находки и еще раз обратиться к вопросу хронологии и выделению основных вариантов фибул. В этом исследовании использована информация о 44 экземплярах солярно-зооморфных фибул и нашивок (в некоторых случаях задняя поверхность у них гладкая без иглы, рис. 1, 2). Из 44 находок только 23 происходят из опубликованных комплексов.

Фибулы изготавливались из бронзы и серебра, в виде хищных птиц, либо в виде диска, с расположенными по его периметру головами хищных птиц. Наиболее часто встречаются амулеты с 1, 2, 4 головами, реже – с 6, уникальны находки амулетов с 3 головами. Амулетов с 5-ю головами мы пока не знаем. Если на амулетах с 1-3 птичьими головами головы птиц всегда направлены слева направо «посолонь», то на фибулах с 4, 6 головами, как правило, головы в их вихревом движении направлены справа налево. Большинство фибул инкрустировано стеклянными вставками. Изредка на них имеется нижняя петелька.

Иногда амулеты изготавливались из довольно массивной серебряной пластинки, иногда использовалась тонкая рельефная штампованная бронзовая пластинка, которая закреплялась на более толстой серебряной или бронзовой нижней пластинке. В последнем случае промежуток между ними за-

полнялся алебастром. Для инкрустации использовались вставки бесцветного или зеленоватого стекла. В единичных случаях стекло выглядело красным (имело красную подложку?) (Нальчик, ГИМ; Рутха, МАК, VIII, Т. СIII, 7 – соответственно рис. 1, 2: вар. 1, 4 и вар. 2, 11). Вставки крепились на алебастр в гнезде, которое устанавливалось в специально сделанном отверстии в верхней штампованной пластинке. Края отверстия украшались ложной зернью. Центральная часть амулета инкрустировалась одним стеклянным кабошоном или несколькими стеклянными вставками. Иногда вставкой украшался хвост и глаз птицы. Ряд амулетов (видимо, литых) стеклянных вставок не имеет, но иногда места, где они должны были бы находиться переданы рельефом (рис. 1, 2: вар. 3; вар. 4, 9).

Абсолютное большинство северокавказских находок сосредоточено на территории, протянувшейся с запада на восток от верховий Кубани до притока Терека р. Урух (рис. 1, 1), и с севера на юг – от верхнего течения р. Кумы и р. Терека до Большого Кавказского хребта.

Общая статистика распределения фибул в указанном ареале такова: из Мокрой Балки 1 происходит 13 экз., из Рутхи – 6 экз., из Гижгида – 3 экз., из Гиляча, Нальчика, Пашковского, Чегемского общества – по 2 экз., из Байтал-Чапкана, Бермамыта, верховий Сукан-Суу, Гвелети, Гоуста, Донифарса, Квемо Алеви, Константиновки, Кугуля, Пятигорска, Стырфаза, Хулама, Хумары, Цебельды – по 1 экз. Зоной наибольшей концентрации амулетов являются окрестности Кисловодска: Мокрая Балка и тяготеющие к ней, Бермамыт, Кугуль, Пятигорск, Константиновка. Еще одно место концентрации – Рутха и тяготеющие к ней ущелья Кабардино-Балкарии. Можно выделить в отдельную зону небольшую группу памятников Верховьев Кубани и Малого Зеленчука (Байтал-Чапкан, Хумара, Гиляч). Особое внимание обращают на себя единичные находки амулетов на памятниках, расположенных в отдалении от основного ареала. Среди них: Гвелети, Гоуст, Квемо Алеви, Пашковский, Стырфаз, Цибилуум. Они маркируют пути миграций данных предметов.

Морфологически фибулы неоднородны. По количеству птичьих голов их можно разделить на несколько вариантов, которые представляют собой генетически связанные типологические ряды.

Вариант 1 (рис. 1, 2) – наиболее натуралистичные птицевидные фибулы – с 1 птичьей головой (10 экз.). Голова птицы развернута вправо. Туловище, как правило, украшено кабошоном (исключая экземпляр из Гвелети). Хвост обычно треугольной формы, кроме экземпляров из погребения № 414 Цебельдинского могильника, из кат. 25 Мокрой Балки (раскопки В.Б.Ковалевской) и из Квемо Алеви, где он серповидно изогнут вниз. Фибулы распространены от Цебельды на западе до Гвелети на востоке. Однако основной их ареал расположен на Северном Кавказе от Бермамыта и Мокрой Балки 1 до верховий Сукан-Суу. Этот наиболее простой по морфологии вариант, на основе которого формировались другие, более сложные, варианты.

Вариант 2 – фибулы с двумя птичьими головами (16 шт.). Все головы развернуты вправо. Фибулы встречены на пространстве от Хумары до Стырфаза.

Вариант 3 – птицевидные фибулы с тремя соколиными головками крайне редки. Известен лишь один экземпляр из Чегема/Зилги. Две головы птиц развернуты вправо и одна влево.

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

Вариант 4 – фибулы с 4 птичьими головами (13 шт.). Ареал занимал пространство от Гиляча до Рутхи. Головы птиц развернуты влево, против часовой стрелки.

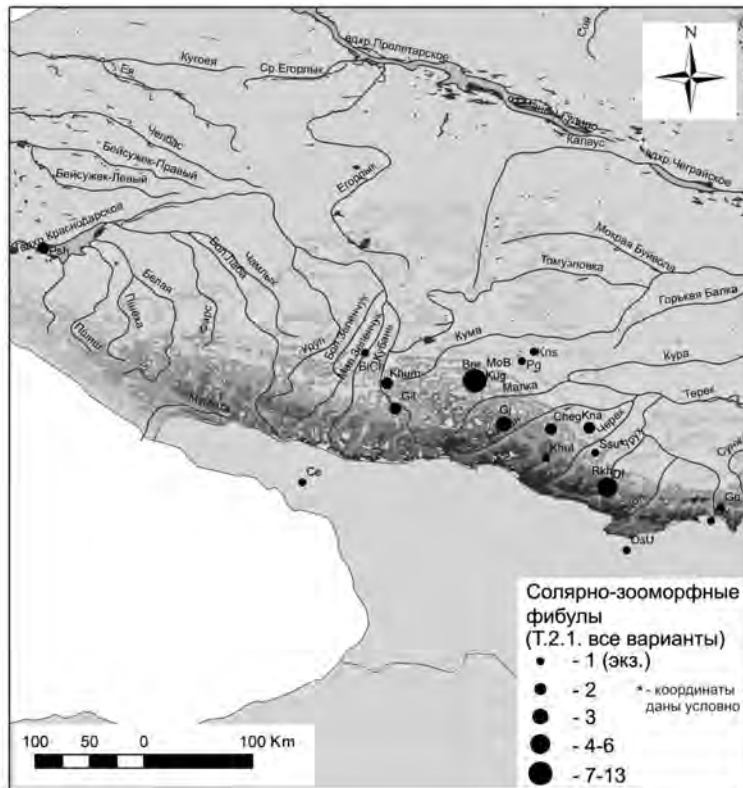
Вариант 5 – с 6 головами (4 шт.) распространен от Мокрой Балки до Рутхи. Головы развернуты против часовой стрелки.

Первостепенное значение для датировки фибул имеют комплексы могильника Мокрая балка, где в 11 погребениях найдено 13 птицевидных фибул. Хронология могильника разрабатывалась Г.Е.Афанасьевым, В.Б.Ковалевской, В.Ю.Малашевым и И.О.Гавритухиным, ряд комплексов эпохи переселения народов рассматривался А.В.Мастыковой. Датировки разных авторов несколько расходятся. Анализ комплексов, сопровождавшихся хорошо датируемыми металлическими предметами и керамикой, большинством специалистов, говорит о том, что в целом пик распространения варианта 1 приходится на вторую половину VI в. – VII в. На территории могильника Мокрая Балка 1 нет погребений с солярно-зооморфными фибулами, которые датировались бы временем ранее середины VI в. В ряде представительных комплексов фибулы коррелируют с элементами геральдических поясных наборов.

К наиболее ранним погребениям с птицевидными фибулами можно предположительно отнести кат. 9 Байтал-Чапкана. Этот комплекс может заходить в V в. (Минаева, 1956; Абрамова, 1997; Мастыкова, 2009). Но жестких доказательств этому нет. Верхние границы даты могут довольно глубоко заходить в VI в. Основная же масса погребений с солярно-зооморфными фибулами по керамической шкале, привязанной к шкале пряжек, поясных накладок, фибул, датируется второй половиной VI в. – VII в. Единичный «поздний» экземпляр в сильно разрушенном виде встречен в катакомбе 9 Гоуста, датировка которой также расходится у разных исследователей, но нижняя его дата не выходит за рамки VIII в.

Ни в европейской, ни в кавказской историографии вопрос происхождения фибул пока не решен. Версия об их византийском происхождении гипотетична. Г.Е. Афанасьев на материалах Мокрой Балки сделал наблюдение, что византийские импорты чаще встречаются в катакомбах середины V – середины VI в. Однако в это время солярно-зооморфных фибул на могильнике – нет. мода на них начинает распространяться у носителей аланской культуры с середины VI в период, когда оживляются связи с Ираном, Закавказьем, когда аланы попадают под влияние Тюркского каганата, хотя на этих территориях мы не видим явных прототипов птицевидных фибул. находки вне пределов основного ареала фибул скорее маркируют влияние аланской культуры на соседние регионы. Вместе с тем, наличие более ранних европейских фибул, элементов конского убора Прикубанья (Ахмедов, 2009) синхронных византийских пряжек Крыма (Засецкая, 2005; Фурасьев, 2009) со сходными морфологическими деталями определенно говорит об импульсе извне, послужившим основой для распространения моды на солярно-зооморфные фибулы на Северном Кавказе.

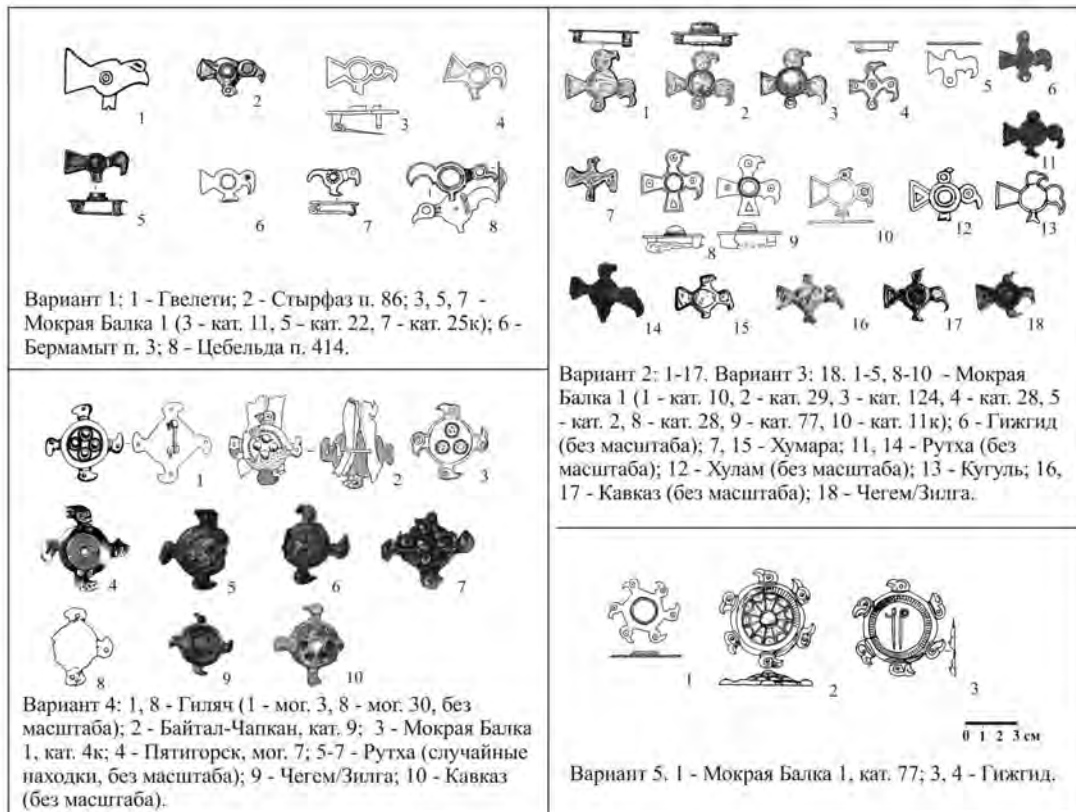
Археология сарматского времени и эпохи ВПН

Расшифровка сокращений:

Ber - Бермамыт, ViCh - Байтал Чапкан, Ce - Цебельда, Cheg - Чегемское общество, Df - Донифарс, Gil - Гиляч, Gj - Гижгид, Go - Гоуст, Gv - Гвелети, Khul - Хулам, Khum - Хумара, Kna - Нальчикский округ, Kns - Константиновка, Kug - Кугуль, MoB - Мокрая Балка, OsU - Стырфаз, Pg - Пятигорск, Psh - Пашковский, Rkh - Рутха, Ssu - верховья р. Сукан-Суу.

1

2

Рис. 1. 1 – распределение солярно-зооморфных фибул на Кавказе; 2 – варианты солярно-зооморфных фибул

М.А. Бакушев

ООО «Археологическое общество Кубани», г. Ростов-на-Дону

М.С. Гаджиев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

О ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ АНТРОПОМОРФНЫХ СТАТУЭТОК ДАГЕСТАНА АЛБАНО-САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ

Одной из категорий культовых предметов являются антропоморфные статуэтки, очевидно, использовавшиеся при совершении религиозных ритуалов. На территории Дагестана обнаружено несколько статуэток, как бронзовых, так и керамических, которые, по нашему мнению, относятся к албано-сарматскому периоду (III в. до н.э. – IV в. н.э.). Это – бронзовая статуэтка из с. Тинди (Цумадинский район) (рис. 1, 1) и типологически близкие ей фигурки из горного Дагестана (рис. 1, 2-5), изображающие обнаженную женщину, держащую в руках баночный сосуд; бронзовая фигурка из могильника у с. Хадага (Кайтагский район) (рис. 1, 6); терракотовые статуэтки из Шаракунского могильника (Сулейман-Стальский район) (рис. 1, 7, 8) и Дербентского поселения (рис. 1, 9, 10).

А.А. Иессен датировал дагестанские бронзовые антропоморфные статуэтки широким диапазоном – I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (1935. С. 34, 37). А.П. Крутлов (1946. С. 38; 1958. С. 70) и И.В. Мегрелидзе (1951. С. 291) отнесли их к V-IV вв. до н.э. О.М. Давудов, датируя статуэтку из Тинди, отмечал, что представленные на ней украшения «бытовали в Дагестане в X-IV вв. до н.э.» и в сводной таблице помещал ее и близкие ей фигурки в комплекс мутерганской культуры (1974. С. 84-85, 89. Табл. XVII, 5, XIX, 110, 111; см. также: Давудов, 1991. С. 83). Исследователь верно подметил сходство изображенной на статуэтке из Тинди прямоугольной поясной пряжки с ажурными двусторчатными бронзовыми пряжками-бляхами из Согратля (рис. 1, 1а) и Хабады, которые относил к скифскому времени. Подобные ичкеринские бляхи В.Б. Виноградов датировал V-III вв. до н.э. (1972. С. 277), но позднее В.А. Петренко расширил их хронологию до V-I вв. до н.э. (1984. С. 35-43). Наконец, М.С. Гаджиев, датируя данные пряжки-бляхи IV-I вв. до н.э., синхронизировал с ними статуэтку из Тинди (2002. С. 143. Прим. 65).

Тиндинской статуэтке типологически и иконографически близки бронзовые фигурки из культового места на г. Хурци-раал близ с. Согратль (рис. 1, 2), из Цумадинского района (место находки не известно) (рис. 1, 4), из Дагестана (место находки не известно) (рис. 1, 3). Все они выполнены также в объемной манере, хотя не столь выразительны как фигурка из Тинди, и изображают обнаженную опоясанную женщину в специфическом головном уборе, держащую в руках на уровне груди баночный сосуд. Эти черты позволяют синхронизировать данные статуэтки и отнести их к одному культурно-хронологическому ареалу. Им сюжетно близка статуэтка из с. Анди (Ботлижский район), но выполнена она в объемно-плоскостной манере (рис. 1, 5).

Эту категорию статуэток О.А. Брилева датирует I-II вв. н.э. (2012. С. 206-207, 269, 351-352. №№ 49, 489, 490, 493, 494), кроме фигурки с г. Хурци-раал, которую относит в целом к албано-сарматскому периоду. В качестве аналога поясной бляхе статуэтки из Тинди она приводит ажурные прямоугольные бляхи из Осетии и Грузии, которые на территории Ичкерии и Дагестана, откуда происходят данные статуэтки, не встречаются. Этим же периодом исследовательница датирует большинство бронзовых антропоморфных фигурок Дагестана: I-II вв. н.э. – статуэтки женщин с сосудом в правой руке (у некоторых отсутствует сосуд, вставлявшийся в отверстие в кисти) (2012. С. 206, 351-352, 362-363. №№ 488, 491, 492, 556-559) и с распростертыми руками (2012. С. 352, 369. №№ 498, 352); III в. до н.э. – II в. н.э. и I в. до н.э. – V в. н.э. – статуэтки т.н. копьеносцев (2012. С. 74-77, 210-211, 268-269, 363-364. №№ 45-47, 560-564); не ранее II в. н.э. – фигурки в позе ферта и адоранта, в т.ч. происходящие из культового места на г. Кидилашани (Цунгинский район) (2012. С. 271-303, 375-405).

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

№№ 57-284, 639-673, 682-693). Но предложенные даты требуют более веского обоснования. Автор относит к III-V вв. н.э. статуэтки из Гигатлинского клада (Цумадинский район) (2012. С. 111-115, 312-313. №№ 318-321) и фигурку воина из окрестностей с. Карата (Ахвахский район) (2012. С. 365. № 571), которые, на наш взгляд, датируются не ранее V в. н.э. (о дате гигатлинской статуэтки воина и фигурок копьеносцев см.: *Гаджиев*, 1997. С. 222-228; 2011. С. 76-86; *Gadjiev*, 2006. P. 199-212).

Концом албано-сарматского периода (III-IV вв. н.э.) датируется на основе сопутствующего инвентаря (бронзовые круглорамчатые и овальнорамчатые пряжки, сьюльгамы, подвески в форме бычьей головки и др.) миниатюрная бронзовая объемная фертообразная фигурка (рис. 1, б) из разрушенного погребения грунтового могильника близ с. Хадага.

Две своеобразные, однотипные глиняные фигурки обнаружены в погр. 15 Шаракунского могильника. Они представляют женскую головку на длинной шее, увенчанную головным убором типа кокошника, который украшен точечным рисунком (имитация нашивных бусин?) (рис. 1, 7, 8). По свидетельству М.И. Пикуль, головки были покрыты красной краской (1961. С. 138). Погр. 15 было датировано ею IV-II вв. до н.э. О.М. Давудов отнес его первоначально (1974. С. 96) к VI-V вв. до н.э., а затем (1996. С. 154. Рис. 53, 1-б) включил терракоты из этого погребения в круг культовых изделий Дагестана албано-сарматского времени. М.С. Гаджиев вслед за М.И. Пикуль датировал погр. 15 IV-II вв. до н.э. (2002. С. 142).

Очевидно, что к первым векам н.э. следует относить и две однотипные удлиненно-конической формы терракотовые женские статуэтки (целая и фрагмент), найденные в Дербенте. Целая статуэтка (рис. 1, 10), получившая с легкой руки журналистов название «Дербентская мадонна», по информации А.А. Кудрявцева была найдена «в культурном слое конца IV – начала III тыс. до н.э.», а другая (рис. 1, 9) – «на дне крупной зерновой ямы хозяйственного комплекса, выявленного на этом же древнейшем поселении Дербента» (1994. С. 28). С такой датировкой эти фигурки вошли в научный оборот. Но обстоятельства их обнаружения противоречат данным заключениям. Статуэтки были обнаружены в ходе работ на раскопе XIV, где был исследован хозяйственно-бытовой комплекс, датированный албано-сарматским периодом и перекрытый погребениями второй пол. III – нач. IV в. н.э. (*Кудрявцев* 1988). Целая статуэтка была найдена в слое данного комплекса, относящегося к I – первой пол. III в. н.э., в котором какие-либо выразительные материалы раннебронзового периода не представлены. В полевом отчете отмечено, что «самостоятельно на этом участке, в отличие от территории цитадели (раскоп XII), культурный слой эпохи ранней бронзы не выделяется» (1988. С. 38). Обломок второй статуэтки был обнаружен в хозяйственной яме № 9 данного комплекса. Помимо нее в яме были найдены 5 фрагментов керамических шптырей (типичных для первой пол. I тыс. н.э.), керамическое пряслице, многочисленные обломки кухонной, столовой, тарной керамики албано-сарматского времени. К эпохе ранней бронзы, по данным А.А. Кудрявцева, из ямы № 9 относятся фрагменты коричневоолощенной толсто-стенной керамики с серой прослойкой в изломе и шамотом в тесте (1988. С. 25). Но данные фрагменты стенок сосудов не выразительны и не показательны. Даже учитывая возможное наличие в яме фрагментов керамики раннебронзового времени, мы имеем дело с закрытым комплексом албано-сарматской эпохи, что не позволяет датировать данные фигурки периодом ранней бронзы.

Статуэток, четко датируемых раннебронзовым временем, в Южном Дагестане найдено около 10: курган Катарагач-тапа, Джемикентское поселение, Карацан и несколько на поселении Великент II. Все они однотипны и резко отличаются от дербентских статуэток. Находки терракот в комплексе первых веков н.э. Дербента следует рассматривать в контексте многочисленных и типологически разнообразных антропоморфных терракот Кавказской Албании (*Алекперов*, 1994. С. 40-53).

Антропоморфные статуэтки Дагестана албано-сарматского времени отражают развитый аграрный культ плодородия.

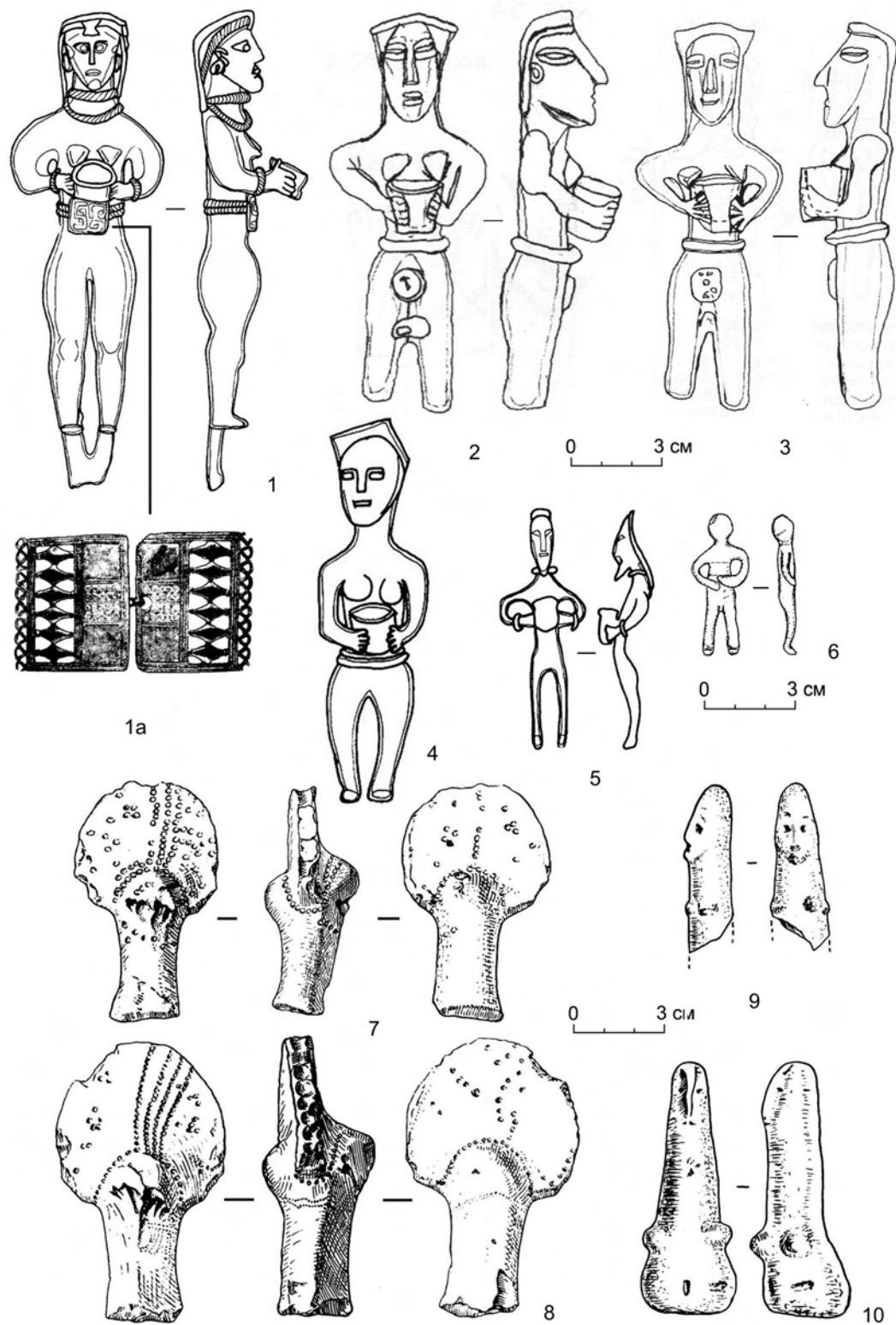

Рис. 1. Антропоморфные статуэтки Дагестана албано-сарматского времени: 1 – Тинди, 1а – поясная бляха из Согратля, 2 – Согратль (г. Хурцираал), 3 – Дагестан, 4 – Цумадинский район, 5 – Анди (1-5 – по: Брилева, 2012), 6 – Хадага, 7, 8 – Шаракун (по: Пиккуль, 1961), 9, 10 – Дербент (по: Кудрявцев, 1988). 1-6 – бронза, 7-10 – керамика

С.Б. Бурков

Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ И ПРЕДГОРНО-ПЛОСКОСТНАЯ ЭКСПЕДИЦИИ:
ЭТАПЫ В ИЗУЧЕНИИ ПАМЯТНИКОВ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА
ЧЕЧНИ

1. В 1936 г. была организована Чечено-Ингушская археологическая экспедиция (А.П. Круглов), с 1937 г. – СКАЭ ИИМК (ГАИМК). Ею, на 8 городищах и 2 поселениях были найдены предметы, относящиеся к сарматскому времени. В 3 курганах у хут. Веселый в 1937 г. были исследованы ряд впускных захоронений эпохи раннего железа и 5 курганов – на Алхан-Калинском могильнике, в 1938 г. – еще 4, а также могильник и поселение у с. Исти-Су и Гордали, городище Алхан-Кала; кроме того, были открыты 5 новых городищ с материалами, в том числе, раннего железного века.

2. Послевоенные работы Т.М. Минаевой, Н.И. Штанько и Т.И. Кранцевича связаны с городищами долины р. Сунжа. Прикаспийской археологической экспедиции ИИМК (Е.И. Крупнов) значительное внимание было уделено Ачикулакскому району Грозненской области (март 1944 – январь 1957), где были раскопаны и впускные погребения раннего железного века.

3. В 1956 и 1959 гг. СКАЭ были изучены 5 погребений IV-II вв. до н.э. в курганах у ст. Мекенской. В 1958 г. исследованы 5 насыпей у с. Гойты, курган на р. Аргун. В 1960 г. раскопаны 2 кургана в районе с. Сержень-Юрт (в отчете СКАЭ – насыпь у с. Ачхой-Мартан), 1961 г. у хут. Н. Аршти – 3 впускных погребения сарматского типа. В 1962 г. изучены 6 курганов у с. Гойты и впускные погребения в Бамутском могильнике № 2 и у ст. Савельевской. В 1963 г. в Бамутском могильнике № 2 исследованы 6 погребений III-I вв. до н.э. и 5 курганов у с. Братское II-III в. н.э.; В.Б. Виноградов раскопал курган у с. Старая Сунжа с впускным погребением VI-V вв. до н.э. Ряд раскопанных памятников не был включен в отчетные материалы СКАЭ. Их сложно использовать при последующих исследованиях. Доследуются отдельные захоронения в Наурском, Шелковском и Ачхой-Мартановском районах и у Грозного, раскапываются могильники у с. Сержень-Юрт, Ялхой-Мохк, Яман-Су, Балан-Су, Бетти-Мохк, Зандак, Аллерой, Лехкч-Корт и у Гудермеса.

4. С 1970 по 1975 гг. исследования в Чечне ведутся в рамках деятельности ЧИНИИСФ, ЧИГУ и РДЭТС (В.А. Петренко), в основном, на разрушаемых памятниках: в 1972 г. у хут. Степного и ст. Шелковской; в 1973 г. у ст. Шелковской, в 1974 г. у ст. Старощедринской, в 1975 г. у г. Грозного, с. Урус-Мартан. Изучены Новогрозненский и Хаян-Кортовские могильники, впускные погребения у хут. Степного, ст. Шелковской, поселения №№ 2 и 3 у с. Мартан-Чу, Горячеводские городища №№ 1 и 2, Гумси-Корт, Сержень-Юртовское поселение № 6.

5. С образованием ППАЭ (1976 г.) интенсивность работ и их объемы возросли. Разведки и исследование отдельных погребений велись в Шалинском и Ачхой-Мартановском районах, у г. Аргун и Грозного. В 1977 г. проведены исследования у ст. Шелковской и могильников у г. Гудермес. В Ножай-Юртовском районе раскопаны поселения и могильники скифского и сарматского времени в районе с. Бельты и г. Сярмик-Дук, Ялхой-Мохковские могильники №№ 3 и 4, Гудермесский могильник II-IV вв. н.э.; в Шалинском районе – Майр-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

тупские могильники №№ 2-4, Курчалойский грунтовой могильник IV-IV вв. до н.э., поселение и могильник у с. Шикарой. В основном, доследовались разрушаемые погребения, на поселениях и городищах производились шурфовки и сборы отдельных находок.

6. Разведками 1983 г. были выявлены более 150 курганов, частично изученные в 1986 г. (32 комплекса и более 130 погребений V в. до н.э. – I в. н.э.). В 1988-1991 гг. Археологической лабораторией НИСа ЧИГУ, структурным подразделением ППАЭ, были раскопаны курганы в Ачхой-Мартановском, Сунженском, Гудермесском, Наурском, Шелковском районах (могильники «Бамутский поворот», «Новосельские сады», «Орджоникидзеvский», «Бамутские сады», «Ассиновские курганы», «Самашкинские курганы»), курганы у г. Гудермес, с. Н. Энгеной и Ачхой-Мартан, у ст. Калиновской и с. Коби. Разведочные изыскания велись в 1986 г. у с. Сержень-Юрт (в 1987 г. здесь копаются одноименный могильник), в 1989 г. – у Гудермесского биохимзавода и у восточной оконечности Сунженского хребта, а также курганных могильников в Наурском, поселений в Ачхой-Мартановском районах, у Шелкозаводского городища, в округе с. Самашки, Закан-Юрт, Алхан-Кала, у г. Грозного. В 1991 г. разведками Г.Н. Вольной (НПЦ по охране памятников) обнаружены 79 курганов в зоне строительства Терской ГРЭС, найдены керамика и оружие раннежелезного века.

7. Для работ 30–40-х гг. XX в. характерна комплексность, широкий территориальный охват, детальная дневниковая фиксация полевых изысканий, небольшие объемы раскопочных работ. Традиция малоинформативности отчетов продолжилась в последующие годы: в 50 – 60-х гг. XX в. отсутствуют привязки к местности, нивелировки, чертежи погребений даны без детализации, вещевой материал описан поверхностно, в основном вместо рисунков – фотографии. В курганах даны привязки, но без нивелировок, как и чертежи погребений и бровок, рисунки – часто без масштаба, практика внесения подробных записей в раскопочные дневники сохраняется. В то же время, СКАЭ в начале 50-х гг. применялись и новые методы раскопок (использование скрепера для исследования курганов), что не было характерно для ППАЭ вплоть до 1986 г. В конце 50-х гг. продолжалась практика раскопок курганов с помощью т.н. «колодцев», с оставлением перемычки по диаметру (Е.И. Крупнов). Подобные методы раскопок курганов применялись и в дальнейшем (В.Б. Виноградов, 1975 г., с. Урус-Мартан). Постоянно совершенствовалась методика раскопок Сержень-Юртовских поселений. Послойная регистрация находок на Бамутском поселении не применялась, есть лишь данные о поквадратной фиксации. Эта тенденция прослежена и для последующих этапов. Детализация в оформлении результатов полевых научных изысканий произошла в конце 70-х гг. XX в. После 1970 г. масштабные работы были свернуты, за исключением работ на Сержень-Юртовских поселениях. Исследованиям подвергались отдельные погребения и могильники, в основном, в горно-предгорной зоне. Для работ на поселениях и городищах характерна шурфовка и закладка траншей, зачистка обнажений и сбор подъемного материала. Стационарные работы большими площадями велись редко и недолго. Отчеты ППАЭ, в ряде случаев, стали более детальными. Исследования курганов были связаны, в основном, с доследованием уже разрушенных насыпей. Фиксация отдельных захоронений происходила с использованием методических приемов, применяемых для некрополей грунтового типа, погребальные

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

конструкции фиксировались редко, информативность полевых работ незначительна, материалы опубликованы фрагментарно. С началом деятельности археологической лаборатории возрос объем выполняемых работ, в основном на курганных некрополях. Улучшилось качество отчетных материалов, применялись статистические приемы обработки данных. Учет находок при раскопках поселений – поквadratный, планиграфические данные фиксируются редко, хотя эта методика и начинает применяться (В.Е. Ростунов). В отчетах присутствует детальное описание найденных предметов, создаются коды для описания погребений и отдельных находок (С.Н. Савенко). Точная стратиграфическая ситуация для большинства бытовых памятников не прослежена, большая часть находок не опубликована. Сборы керамики с поверхностей поселений и городищ представляют собой разрозненные серии и не «привязаны» к конкретному участку культурного слоя. События конца 90-х гг. в Чечне привели к утрате большинства отчетных материалов прошлых лет и уничтожению документации на хранящиеся коллекции, которые депаспортизированы. Часть материалов утрачена полностью, остальная нуждается в обработке и разборе. В последнее время часть керамических коллекций, ранее отнесенных к эпохе средневековья, соотнесена с древностями предшествующего периода (М.Х. Багаев, Х.М. Мамаев). Это связано, в том числе, с неразработанностью критериев выделения производственных традиций позднего этапа раннего железного века – раннего средневековья, с несовершенством примененных методик полевого изучения памятников, незначительным объемом опубликованных отчетных данных. Все это негативным образом сказывается и на ряде современных исторических выводов относительно древностей раннего железного века Чечни, до сих пор базирующихся на данных середины прошлого столетия.

А.Ю. Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

К ЛОКАЛИЗАЦИИ ВИЗАНТИЙСКИХ КРЕПОСТЕЙ В АПСИЛИИ

По сей день не утихают дискуссии относительно места ссылки и смерти сосланного в Лазикку прп. Максима Исповедника и его спутников. Рассмотрим их локализацию с опорой на источники, особенно VII в., в частности, Письмо Анастасия Феодору (ПАФ) и Воспоминания Феодора Спудея (ВФС) (рис. 1).

1) Расположенная в Мисимиании на границе с аланами (ПАФ 4) крепость Букол (идентичная Бухлою Агафия), куда первоначально отправили Анастасия Апокрисиария, должна находиться в зоне расселения древних мисимиан, т. е. в верховьях р. Кодор. Двукратно упоминаемый (у Агафия и в ПАФ 4) факт занятия этой крепости аланами в качестве места для сбора переправляемой в Аланию дани (у Агафия) говорит о ее близости к перевалу через Главный Кавказский хребет. Отсутствие же крепостей в течение р. Чхалты, на пути к Марухинскому перевалу, заставляет искать ее близ Клухорского перевала в течении р. Клыч, где, действительно, рядом с перевалом расположена византийская крепость — Клычская.

2) Мукурисий, очевидно, идентичен Мохирисии Прокопия и Мухирисии Агафия: если у Прокопия это название целой области с центром в Котаисе (совр. Кутаиси), то у Агафия это укрепление в долине р. Риони. ПАФ 5 не уточняет характер Мукурисия.

3) Факирия («близ Иверии»), куда сослали Анастасия Апокрисиария, отождествляется с Таквери/Лечхуми, а Свания — это Сванетия.

4) В данном в ВФС 5 определении крепости Фусумий, селения Мохой и усадьбы Зихахорий вызывает вопросы только соседство с аланами, которых от Апсилии отделяла Мисимиания. Но учитывая высокий статус Зихахория как резиденции правителя Лазики, следует искать его именно в Апсилии. Принимая же во внимание его явно искусственное лазское имя (из Джихахора «дом-крепость»), следует видеть в нем переименованную правителем-лазом крупную крепость Апсилии. Из Агафия мы знаем, что верхней границей Апсилии была крепость Тибелей, идентичная Цибиле Прокопия и надежно отождествляемая с Цебельдинской крепостью. Следовательно, Зихахорий не мог находиться выше по течению Кодор и должен идентифицироваться с одной из крупнейших крепостей Апсилии: Цебельдинской, Герзеульской или Шапкинской.

Такое отождествление подтверждается положением Зихахория примерно в 7,5 км от крепости Фусумий, расположенной над селением Мохой, т. е., судя по отсутствию упоминания селений в горной части Кодорского ущелья, над приморской равниной. Следует сосредоточиться на поиске пары крепостей на расстоянии ок. 7,5 км друг от друга, одна из которых является крупным центром (Зихахорий), а другая расположена над равниной (Фусумий). Такому условию соответствуют только две пары крепостей: Цебельдинская — Шапкинская и Цебельдинская — Герзеульская (расстояние между Шапкинской и Герзеульской ок. 3 км). Действительно, логично, что резиденцией лазского правителя оказывается крупнейший центр Апси-

лии — Цибилла/Тибелей. На роль же Фусумия, «поистине пригодного для мо-нахов», подходит и Шапкинская, и Герзеульская крепости, где были храмы. Кроме того, локализация Фусумия в Герзеульской или Шапкинской крепости идеально соответствует указание ВФС 5 на расположение Мохоя «в конце климата Апсилии... близ страны христолюбивых абасгов».

5) Описание местоположения крепости Скоторий «в Апсилии, близ Абасгии» (ПАФ 4) аналогично описанию расположения селения Мохой. Ее имя сопоставляют обычно с гидронимом Кодор и локализуют ее где-то в среднем течении р. Кодор. На берегу р. Кодор лучшим претендентом на эту роль оказывается византийская Пскальская крепость близ Цебельды. Однако против локализации Скотория на берегу р. Кодор говорит указание ПАФ 4 на его соседство с Абасгией: описанная аналогично крепость Фусумий должна была находиться в районе Герзеула. Итак, на тождество со Скоторием могут претендовать крепости Герзеульская, Лар, Бат и Ахыста.

6) Фуста должна находиться где-то в верхнем или среднем течении р. Кодор, так как через нее у Епифания Монаха апостол Андрей проходит из Алании в Севастополь Великий. Эпитет «город» указывает на ее значительность. ПАФ 6 подтверждает и локализацию Фусты на р. Кодор: в «краях Апсилии и Мисимиании», тогда как другие крепости ПАФ определяет либо как находящиеся в Мисимиании, близ алан, либо в Апсилии, близ Абасгии. Согласно ПАФ 7, с дороги из Фусты в высокогорный Схимар Анастасия «отвели обратно» в Фусумий, над равниной. Учитывая негативную характеристику Фусты в ПАФ 6, это было трудная для проживания, т.е. горная крепость.

Из крепостей в верхнем и среднем течении р. Кодор на роль Фусты оказывается не много претендентов. Чхалтинскую крепость (Чиркс-Абаа), где была найдена монета Юстиниана I, следует отождествлять со знаменитой крепостью Цахар/Железной (Сидирон) в Мисимиании, на что указывает не только схожесть имени, но и тот факт, что она единственная полностью перегораживает на р. Кодор дорогу от алан к морю, как то упомянуто у Феофана; изменение ее имени на Фусту представляется маловероятным. То же самое относится и к Цибилле/Цебельде. Поскольку в течении р. Чхалта и Сакен нет ни одной византийской крепости, а в течении р. Клыч — одна, Клычская, с большой долей вероятности отождествляемая с Бухлоем/Буколом, то круг претендентов еще более сужается.

По созвучию лучший из них — урочище Апушта в стратегически важном низовье р. Амткел, где дорога из Алании к Севастополю Великому отклонялась от р. Кодор на запад. Но расположенная в этом урочище, на западном склоне г. Пшоу крепость слишком мала и примитивно (насухо) построена, чтобы быть крупным центром. А вот соседняя крепость Пал (с двойной стеной, рвом и поселением), на другом склоне той же горы, контролировавшая выход древней дороги из теснины р. Кодор на равнину, вполне могла быть древней Фустой, которую нельзя было миновать на дороге от алан к морю. Эта крепость находится как раз на границе Апсилии и Мисимиании, начинавшейся где-то за Цибиллой, около Багадских скал.

6) На место нахождения Схимара не могут претендовать долины р. Сакен (крепость бронзового века), Чхалта (нет крепостей) и Клыч (единственная византийская крепость, Клычская, отождествляется с Бухлоем/Буколом, который находился ближе к аланам, чем Схимар). Остается среднее и верхнее течение р. Кодор (выше Апушты), т. е. Дальское ущелье, однако из-за указан-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

ной в источниках близости Схимара к аланам и «вершине Кавказа» может рассматриваться только верхнее течение р. Кодор.

Крепости в Лате и Ажаре малы для гарнизона во главе с комитом и относятся скорее к XI–XIV вв. Кроме того, они не подходят на роль Схимара как точки на пути из Сванетии в Аланию через ущелье р. Ненскра и верховья р. Кодор. Теоретически на отождествление со Схимаром подходит Чхалтинская крепость, однако последняя скорее носила в VI–VIII вв. имя Цахар/Железная.

Больше на эту роль подходит крепость в Омаришаре у слияния р. Гвандра и Клыч. Здесь имеется и кладка на известковом растворе, и остатки церкви, где позднее (в начале IX в.) могли почитаться мощи прп. Максима. Подходит она и по расположению на пути из Сванетии в Аланию, и по близости к «вершине Кавказа», и по близости к «аланам». Понятным в этом случае становится и «дозор», который несет комит Схимара: раз соседняя крепость Букол/Клычская перешла к аланам, то он оказался границей византийских владений. Отсутствие здесь топонима, похожего на Схимар, легко объясняется многократной сменой населения в Дале. В случае же, если топоним Схимар все же происходит из сванского стимар, «минеральные источники», он мог возникнуть здесь еще в эпоху обитания здесь мисимиани (родственников сванов): минеральные источники известны в 4 км от Омаришары.

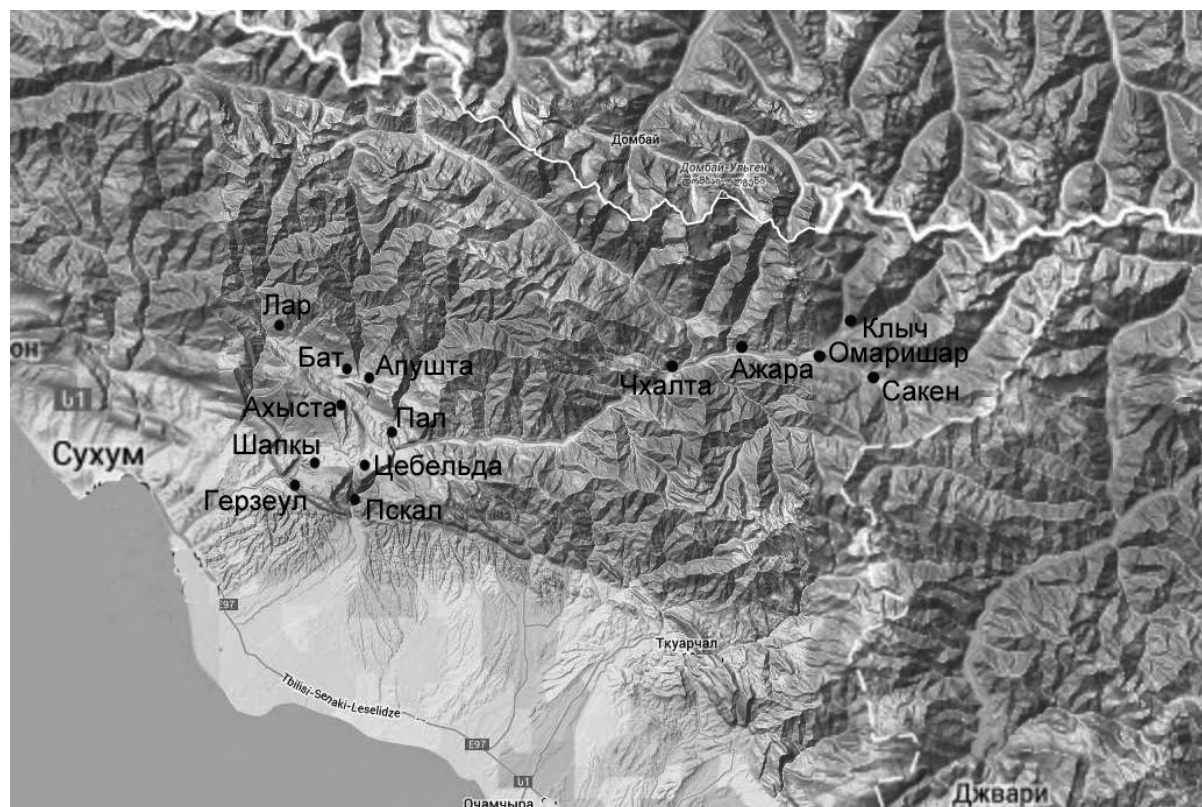

Рис. 1. Карта византийских крепостей, локализованных в Апсилии

Т.А. Габуев

Государственный музей искусства народов Востока, г. Москва

АЛАНСКИЕ КУРГАНЫ У КИЕВСКОГО ГОРОДИЩА В МОЗДОКСКОМ РАЙОНЕ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

В 2012 г. экспедицией ГМИНВ были проведены работы у с. Киевское Моздокского района РСО-Алания. Исследовался участок, являющийся частью курганного могильника, относящегося к Киевскому городищу, расположенному к востоку от него. Городище расположено на правом берегу р. Терек к юго-востоку от с. Киевское. Площадь городища свыше 40 га. Городище относится к раннеаланской культуре и его можно датировать первыми вв. н.э. Нижнюю дату Киевского городища можно установить по горлу амфоры (середина – третья четверть II в. н.э.), переданному мне местными жителями (Габуев, 2011). Городище окружает курганный могильник. Он фиксируется по визуально наблюдаемым курганным насыпям, а так же по данным космосъемки. Могильник распространяется к востоку, югу и западу от городища.

На территории могильника, был устроен карьер по добыче глины, где был снят чернозем и грунт до материковой глины на глубину 1,2-1,5 м. Трудность по выявлению погребений заключалась в характере грунта. Чтобы понять специфику грунтов был раскопан курган, примыкающий к котловану с севера. После установления характера грунтов работы на котловане возобновились. В результате этой работы были выявлены и исследованы четыре аланских катакомбных захоронения. Судя по раскопанному кургану, эти катакомбы так же должны были располагаться под курганными насыпями.

Всего в 2012 г. было раскопано 5 катакомб. Катакомбы однотипные, они имели перпендикулярное соотношение длинных осей входной ямы и камеры, прямоугольную форму входной ямы и камеры с вынесенным вверх сводом, настоящие дромосы, соединяющие входную яму и камеру. Ступеньки во входной яме были зафиксированы во всех, за исключением кургана № 4, катакомбах. Этот курган имел незначительную глубину залегания. Дно камеры катакомбы кургана № 1 было покрыто слоем угля толщиной до 3 см и остатками органической циновки. Сохранившиеся участка циновки указывают, что она была сплетена из тростника или камыша и покрывала сверху слой угля.

Все катакомбные погребения были ограблены в древности. Наиболее от действий грабителей пострадали курганы №№ 2, 4. В них не было найдено никаких предметов. Остальные курганы содержали керамические сосуды, фрагменты железных предметов, бронзовые пряжки и фрагмент фибулы. Пряжки и фибулу, как и сами курганы, следует датировать IV-V вв. н.э.

Раннеаланские подкурганные катакомбы распространены в степной полосе Центрального Предкавказья от г. Грозного на востоке – со II в. н.э. (Нечаева, 1956), до г. Новопавловска в Ставропольском крае на западе – III-V вв. н.э. (Габуев, 2011). На Среднем Тереке в Моздокском районе Северной Осетии они были раскопаны у ст. Виноградная (IV в. н.э.) (Габуев, 1985) и хут. Октябрьского (IV в. н.э.) (Абрамова, 1975), а так же у с. Братское (III в. н.э.) (Мунчаев, 1965) в Чечне. М.П. Абрамова отмечая территориальную близость последних двух курганных могильников связывает их с раннеаланским городищем Братское.

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

Курганы Среднего Терека некоторыми деталями отличаются как от курганов г. Грозного и г. Новопавловска, так и от большинства курганов раскопанных в более южных, предгорных районах Центрального Предкавказья (Брут 2, Беслан). Во-первых, раннеаланские курганы Среднего Терека не имели ровиков вокруг них, тогда как курганы предгорий (исключение могильник Брут 1) и у г. Новопавловска (исключение курганы № 1-3 могильника Пегушин) ровики имели. Что касается курганов у г. Грозного (Абрамова, 1997), то вопрос о наличии или отсутствии ровиков во всех известных случаях пока остается открытым. Известно, что А.А. Бобринский в 1888 г. зафиксировал на могильнике Алхан-Юрт (селение южнее г. Грозного) курганы с квадратными ровиками, но не ясно были ли ровики во всех остальных случаях. Во-вторых, курганы Среднего Терека имели широтную ориентировку входных ям катакомб, а входные ямы других территорий чаще всего были ориентированы меридионально. Возможно, эти различия указывают на присутствие в Предкавказье несколько отличающихся друг от друга аланских группировок.

Литература

- Абрамова М.П., 1975. Катакомбные погребения IV-V вв. из Северного Кавказа // СА. № 1.
- Абрамова М.П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. М.
- Габуев Т.А., 1985. Аланские погребения IV в. н.э. в Северной Осетии // СА. № 2.
- Габуев Т.А., 2011. Об ареале раннеаланской культуры и алано-гуннских взаимоотношениях // Вестник Дагестанского Научного Центра РАН. № 43. Махачкала.
- Мунчаев Р.М., 1965. Новые сарматские памятники Чечено-Ингушетии // СА. № 2.
- Нечаева Л.Г., 1956. Могильник Алхан-Кала и погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Дис. ... канд. ист. наук. Л. // Архив ИА АН СССР. Р-2, № 1338.

Гаджиев М.С.

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

Малашев В.Ю.

Институт археологии РАН, г. Москва

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ IV-V ВВ. Н.Э. ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

Первые века новой эры и особенно III-V вв. н.э. характеризуются активным освоением Прикаспийского Дагестана, как местным оседло-земледельческим населением, так и пришлыми кочевыми племенами. На это указывает значительно возросшее по сравнению с предшествующим периодом количество поселений и могильников, относящихся к первой пол. I тыс. н.э. Значительная роль в Прикаспийском Дагестане в III-V вв. принадлежала пришлому кочевому населению, как об этом можно судить по курганным могильникам, расположенным компактными группами в северной и южной зонах равнинного Дагестана. В отличие от курганных некрополей Северного Дагестана (прежде всего, Львовских могильников), находящихся в Терско-Сулакском междуречье, курганные могильники Южного Дагестана, расположенные южнее Дербентского прохода, указывают на проникновение на территорию Кавказской Албании компактных групп кочевников. Последние представлены, прежде всего, крупнейшим и наиболее представительным в Евразии Паласа-сыртским могильником, насчитывающим свыше 2500 курганов, а также курганными могильниками Кухмазкунт, Сугют и некоторыми другими, еще не подвергавшимися исследованиям. Материалы этих памятников, датируемых серединой (началом?) IV – первой половиной V в. н.э., позволяют в немалой степени осветить картину этнокультурной истории региона в финале позднесарматского и в гуннский периоды. В освещении поставленной проблемы основополагающее значение имеет определение этнокультурной принадлежности названных некрополей, а также культурно и хронологически близких им памятников.

Анализ погребального обряда данных могильников позволяет выделить две группы погребений, представляющих различные культурные составляющие. Это: 1) погребения в катакомбах типа I с Т-образным расположением входной ямы и камеры (Паласа-сырт, Кухмазкунт, Сугют); 2) погребения в катакомбах типа IV с Н-образным расположением входной и погребальной камер (Паласа-сырт, Кухмазкунт), подбоях и ямах (Паласа-сырт). Группа погребений в катакомбах типа I по комплексу признаков, связанных с конструкцией катакомбы и чертами обряда, сближается с погребальными памятниками аланской культуры центральных районов Северного Кавказа. Группа погребений в катакомбах типа IV, подбоях и ямах генетически связана с обрядовыми традициями присулакских Львовских некрополей (за исключением могильника Львовский VI с катакомбами типа I), в погребальном обряде которых также фиксируются два культурных компонента со своими чертами – преобладающие традиции среднесарматской культуры Волго-Донского междуречья (ориентировка погребенных в южный сектор, преобладание широких подбоев и генетически родственных им катакомб типа IV, средние и широкие прямоугольные ямы; захоронение с диагональным положением погребенного) и недоминантные традиции аланской культуры Северного Кавказа (катакомбы типа I).

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

Сказанное позволяет говорить о культурогенезе южнодагестанских курганных некрополей, связанном с традициями, с одной стороны, средне-сарматской культуры, с другой – аланской культуры центральных районов Северного Кавказа. Вместе с тем, определение хронологии и культурных составляющих названных могильников позволяет говорить о двух этапах миграции носителей аланской культуры на территорию Прикаспийского Дагестана:

1-й этап – в первой половине III в. н.э. в Терско-Сулакское междуречье (Львовские могильники);

2-й этап – около середины (в начале?) IV в. н.э. в Южный Дагестан (могильники Паласа-сырт, Кухмазкунт и др.) вместе с населением Терско-Сулакского междуречья (Львовские могильники).

При определении этнической принадлежности населения, оставившего курганные некрополи Южного Дагестана середины (начала?) IV – первой половины V в. н.э., важно учесть, что, во-первых, могильники среднесарматской культуры идентифицируются с племенами сарматского круга, и, во-вторых, связь памятников аланской культуры Северного Кавказа II-IV вв. н.э. с историческими аланами данного региона достаточно надежно устанавливается на основе: 1) соответствия памятников аланской культуры центральных районов Северного Кавказараннего средневековья аланам письменных источников на этой же территории; 2) соответствия упоминаемым Аммианом Марцеллином аланам-танаитам развитого IV в. н.э. нижнедонских могильников, непосредственно связанных с северокавказскими памятниками аланской культуры III-IV вв. н.э. (Безуглов, 1990). Это позволяет определять этнокультурную принадлежность данных могильников в широком смысле как сармато-аланскую.

Вместе с тем, на территории расположения названных курганных могильников Южного Дагестана надежно локализуется засвидетельствованное письменными источниками (Бузанд, Хоренаци, Агатангехос, Егишэ, Каланкатваци) племя маскутов, игравших важную роль в политическом и культурном развитии Восточного Кавказа IV-V вв. н.э. и которым ранее неоднократно приписывался могильник Паласа-сырт (В.Г. Котович, В.А. Кузнецов и др.). С ними же следует связывать и другие курганные некрополи Южного Дагестана указанного времени, которые имеют ближайшие параллели в погребальной обрядности с Паласа-сыртским могильником.

Маскутов древнеармянских источников вполне оправданно сопоставлять с массагетами греко-латинских авторов на основании не только созвучия этих этнонимов, но и замечания Хоренаци со ссылкой на Флегониоса (Флегон Тралийский, II в. н.э.) о войне Кира с маскадами (Хоренаци, II, 13), имевшего в виду гибель ахеменидского царя в столкновении со среднеазиатскими массагетами, с которыми позднеантичная традиция устойчиво связывает происхождение алан (Dio Cass. Hist. Rom. LXIX.15; Amm. Marc. XXIII.5.16, XXXI.2.12). Примерно в этой же зоне Восточного Кавказа, по соседству с Албанией (patria Albania), Равеннский Аноним помещает patria Massagetai (Raven. Anon. Cosm. II.12).

По данным Хоренаци, Бузанда, Каланкатваци, к 330-м гг. маскуты во главе с царем Санесаном уже продвинулись на территорию приморской части Южного Дагестана к югу от Дербентского прохода, т.е. в зону расположения курганных могильников Паласа-сырт, Кухмазкунт, Сугют и др. Археоло-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

гические данные позволяют считать, что они мигрировали из Северо-Западного Прикаспия. Можно полагать, что это продвижение маскутов на юг было связано с обострением политической ситуации в Закавказье (окончание срока действия Нисибинского мирного договора, претензии Ирана на господство на Восточном Кавказе, борьба за армянский престол) и они были поселены в пределах Кавказской Албании на правах федератов. Нижняя дата (середина/начало? IV в. н.э.) этих могильников почти соответствует времени появления здесь маскутов по данным письменных источников. Время прекращения функционирования названных могильников (середина V в. н.э.), видимо, связано с участием маскутов в неудачном антисасанидском выступлении албанского царя Ваче II в начале 460-х гг., когда они поддержали восставшего правителя (Егишэ, Каланкатуаци). Поражение в восстании, очевидно, послужило поводом для ухода маскутов с обжитой территории и к прекращению функционирования рассматриваемых некрополей.

Вместе с тем, приведенные археологические доводы и сведения письменных источников позволяют также определять этнокультурную принадлежность курганных некрополей Северного Дагестана позднесарматского и гуннского времени как маскуто-аланскую.

Литература

Безуглов С.И., 1990. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Вып. 9. Азов.

Л.Б. Гмыря, Ю.А. Магомедов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

**РАСКОПКИ НА ПАЛАСА-СЫРТСКОМ КУРГАННОМ МОГИЛЬНИКЕ IV-V
ВВ. ОБОСОБЛЕННЫХ ГРУПП ЗАХОРОНЕНИЙ**

Работы проведены по проектам РГНФ №№ 12-01-18022е и 13-01-18017е

В 2012-2013 гг. Паласа-сыртская археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН продолжила исследование Паласа-сыртского курганного могильника IV-V вв. На южном участке могильника изучались обособленные курганные группы №№ 3, 4 (Гмыря, 2012; 2013).

Курганная группа № 3 (кк. 254–260) располагалась на участке протяженностью 120 м, между двумя крупными курганами эпохи бронзы. Группа состояла из одного кургана среднего размера (0,65 м) и 6-и мелких курганов, располагавшихся двумя рядами. Под земляными насыпями находились 6 индивидуальных захоронений, под курганом среднего размера – парное захоронение мужчины и женщины и индивидуальное ребёнка полутора лет.

Погребальный обряд в группе № 3 не имел устойчивых признаков. Погребённые захоронены в могилах 4-х типов – катакомбах Т-образной формы (3 п.), катакомбе одноосевой формы, подбоях (3 п.) и яме. Погребальные камеры ориентированы по направлениям СЗ–ЮВ и СВ–ЮЗ, погребённые – в 4-х направлениях: ЮВ (2 п.), ЮЗ (4 п.), СЗ (1 п. в Т-образной катакомбе), СВ (1 п. в одноосевой катакомбе). Северные ориентировки погребённых и захоронение в одноосевой катакомбе зафиксированы на могильнике впервые.

Все погребения кроме детского ограблены в древности. Инвентарь сохранился в 6-и погребениях. Комплексы погребений женщин включали керамику и предметы декора костюма. Среди предметов декора костюма имелись: серебряные серьги петле-видной формы с перекрученными концами, обломки серебряной и бронзовой фибул, набор из 39 бус из сердолика и стекла, среди которых имелись три многогранника (сердоликовый и стеклянные кобальтового цвета) и три стеклянные подвески роговидной формы (лунницы) кобальтового цвета (парное погребение в Т-образной катакомбе); железная фибула, две бусины калачиковидной формы (стеклянная и меловая), бисеринка (Т-образная катакомба). Декор костюма ребенка полутора лет (Т-образная катакомба) состоял из ожерелья из 9-и крупных бусин (2 из них были стеклянные с глазчатым орнаментом, 5 –фаянсовые бирюзового цвета округлой формы с рифлением, 2 продолговатые – из оникса). Инвентарь мужских захоронений состоял из железной фибулы (одноосевая катакомба); железного ножа, кресала, бронзовой пряжки (подбой); железного ножа, железных деталей декора сапог (пряжки, стержневые наконечники, накладки-лунницы) (подбой).

Большой интерес представляют керамические сосуды из погребений курганной группы № 3. В парном погребении находились два кувшина – небольшого размера терракотового цвета с желобчатой поверхностью тулова и ручки и большого размера розовато-бежевого цвета, с высокой горловиной, грушевидным туловом, который декорирован зооморфными деталями (слив клювовидной формы с наклепками «глазками»), глубоким полосчатым лощением (горловина, нижняя часть тулова) и двумя рядами волнистых желобков (плечики сосуда). Кувшин с желобчатой поверхностью выявлен на могильнике впервые. Кувшины этого типа, в том числе со сливами, декорированными видовыми чертами свиньи, характерны для среднего и верхнего слоёв Паласа-сыртского поселения III–VI вв. Начало их производства на поселении относится к середине V в., они сменили распространенные в конце IV – первой половине

V в. на поселении и на могильнике кувшины стандартной формы с красным ангобом (Гмыря, 2005). В Т-образной катакомбе с женским погребением находился красноангобированный кувшин небольшого размера. В Т-образной катакомбе с детским захоронением имелось три сосуда – два сероглиняных горшка разной формы и редкая для могильника серолощенная кубышка.

Курганная группа № 4 (кк. 262-266, 268-272) примыкала с юга к курганной группе № 3. Захоронения располагались на участке протяжённостью 88 м, между двумя крупными курганами эпохи бронзы. Группа состояла из одного крупного кургана (1,1 м), 2-х средних (0,6-0,7 м), 7-и мелких, располагавшихся тремя параллельными рядами. Под земляными насыпями находились индивидуальные захоронения мужчин, в одном кургане – два индивидуальных захоронения (мужчины и ребенка).

Погребальный обряд в группе № 4 не имел устойчивых признаков. Погребённые захоронены в могилах 3-х типов - катакомбах Т-образной формы (2 п.), катакомбах одноосевой формы (3 п.), подбоях (6 п.). Погребальные камеры ориентированы по направлениям СЗ-ЮВ и СВ-ЮЗ, погребённые – в 5-и направлениях: ЮВ (2 п.), ЮЗ (3 п.), СВ (3 п. в Т-образной и одноосевой катакомбах, подбое), С (2 п. в подбоях), СЗ (1 п. в одноосевой катакомбе). В целом, северную ориентировку имели шесть погребённых, южную – пять. Нетипичными для могильника чертами погребального обряда, зафиксированными в курганной группе № 4, являются: захоронения в подбоях (6 п.) и одноосевых катакомбах (3 п.), северная ориентировка погребённых (6 п.), сооружение погребальной камеры катакомбы к югу от входной ямы (2 п.), положение погребённого головой ко входу в камеру (2 п.).

Все погребения кроме детского ограблены в древности. Инвентарь сохранился в 6-и погребениях. Комплексы включали: сероглиняный кувшин, украшенный полосчатым лощением, сероглиняный горшок с желобком для крышки и псевдоваликами на тулове, на донце которого имелось клеймо в виде креста, вписанного в круг (подбой); обломок сероглиняного кувшина (горловина), обломки сероглиняного горшка, обломки курильницы прямоугольной формы с плоским дном и низкими бортиками (рис. 1), которая выявлена на могильнике впервые (одноосевая катакомба в крупном кургане); сероглиняный кувшин с зооморфной ручкой (подбой); две бусины – крупная фаянсовая бирюзового цвета шаровидной формы с рифлением и мелкая стеклянная продолговатой формы (детское захоронение в подбое); сероглиняный кувшин, украшенный на горловине и тулове желобками, на донце которого имелось клеймо в виде креста, вписанного в круг (Т-образная катакомба).

Сравнительный анализ материалов раскопок курганных групп №№ 1-4 южного участка Паласа-сыртского могильника показывает: 1) характерные черты погребального обряда могильника (захоронение в Т-образных катакомбах; ориентировка входных ям по направлению СЗ-ЮВ; камер – СВ-ЮЗ; ориентировка погребённых головой в южном направлении; помещение в могилу личных вещей погребённого - красноангобированных кувшинов, традиционных предметов декора костюма) проявились во всей полноте только в курганной группе № 1, удаленной от южной оконечности могильника на 1700 м; 2) в группе № 2, удаленной от края могильника на 1300 м, хотя основные принципы погребальной обрядности были соблюдены, но проявился новый фактор – гомогенный характер захоронений (на участке погребены в основном женщины разного возраста, за исключением одного парного захоронения); 3) в группе № 3, удаленной от края могильника на 600 м, основные принципы погребального обряда были соблюдены в 2-х погребениях, находившихся под одним курганом (парное погребение мужчины и женщины и индивидуальное ребенка), но использованы 4 типа погребальных сооружений – наряду с Т-образными катакомбами и новые типы

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

– подбой, яма, одноосевая катакомба; наряду с традиционной южной ориентировкой погребенных появилась северная (2 п.); 4) в группе № 4, удаленной от края могильника на 500 м, инновационные явления в погребальной обрядности усилились: только в 2-х погребениях проявились традиционные черты обряда, в 9-и – погребальные сооружения были новых форм (подбой, одноосевые катакомбы), 50% погребенных были ориентированы нетрадиционно – головой на север, появились новые варианты в расположении погребальных камер (к югу от входных ям) и погребенных в камере (головой ко входу в камеру). Изменился и керамический комплекс (вся керамика сероглиняная). Наиболее полно в курганной группе №4 проявились особенности погребального обряда – наличие растительных подстилок под погребенным в 6 погребениях из 11 (54,5%), в группе № 3 растительная подстилка выявлена только в одном подбойном погребении.

Наличие инновационных черт в погребальной обрядности в курганных группах №№ 3 и 4 свидетельствует о внедрении в сообщество с устоявшимися традициями в погребальной обрядности новых групп населения с поликультурными традициями в погребальной обрядности (одноосевые катакомбы, подбой, ориентировка погребенных к северу и югу). Погребения курганных групп №№ 3, 4 датируются серединой V в.

Литература

Гмыря Л.Б., 2005. Кувшины с желобчатой поверхностью Паласа-сыртского поселения // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Сб. статей, посвящ. 70-летию со дня рождения проф. М.Г. Гаджиева. Махачкала,

Гмыря Л.Б., 2012. Исследование обособленной курганной группы № 3 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. № 3.

Гмыря Л.Б., 2013. Исследование обособленной курганной группы № 4 на южном участке Паласа-сыртского могильника IV–V вв. // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. № 4.

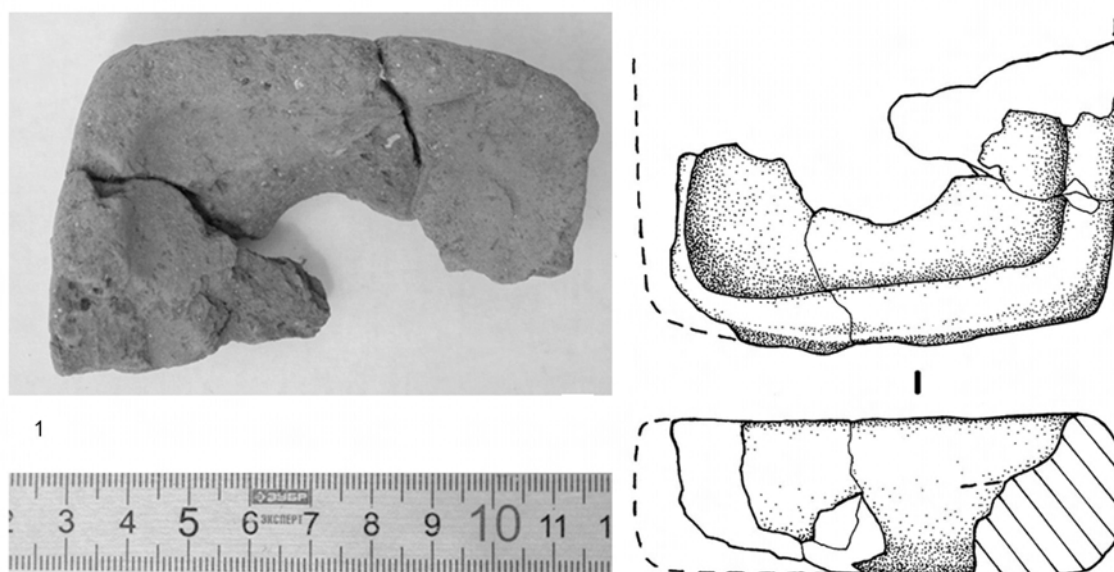

Рис. 1. Керамическая курильница из кургана 264 курганной группы № 4 могильника Паласа-сырт

А.А. Горбенко

Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, г. Азов

В.М. Косяненко

Ростовский областной музей краеведения, г. Ростов-на-Дону

РЕДКИЙ НАБОР АМУЛЕТОВ ИЗ НЕКРОПОЛЯ КРЕПОСТНОГО ГОРОДИЩА (г. АЗОВ)

Погребение было обнаружено в некрополе Крепостного городища (ул. Измайлова, 18). Могильная яма прямоугольной в плане формы со скругленными углами. Обнаружена на глубине 3,34 м от современной поверхности. Погребенный подросток лежал на спине, ориентирован головой на север. Отсутствовала часть костей рук, ребер и стоп. В ориентировке и позе погребенного, инвентаря, а также в форме ямы нет ничего необычного для некрополя Крепостного городища. Инвентарь погребенного состоял из сероглиняной гончарной кубышки, находившейся слева от черепа и подвесок на шее.

Набор подвесок, которые можно рассматривать как амулеты–обереги, представляет собой редкость. В его состав входили бронзовые предметы (монета, колокольчик, зеркало, фигурка собачки) и две мраморные бусины.

Находки монет в погребениях могильников поселений округа Танаиса большая редкость. В некрополе Крепостного городища это первый случай. Монета из некрополя Крепостного городища, к сожалению, представляет совершенно стертый диск с едва фиксируемыми остатками рельефных изображений. Монета не атрибутируется. В древности в ней было пробито отверстие, превратившее монету в подвеску.

Известно, что в древней Греции было распространено помещение монеты в погребение в качестве «обола Харона», необходимого для оплаты перевоза в загробный мир. Литературные источники, например Страбон (Strabo, VII, 6, 12), свидетельствуют, что монеты, как правило, клались в рот умершему. В Херсонеском некрополе они найдены в основном в области головы погребенного, но, наряду с этим, обнаружены в изголовье, в руках, у локтя, на груди, у пояса (Зубарь, 1982. С. 107). Та же картина наблюдается и в некрополе Золотое (Корпусова, 1983. С. 54, 55). Некоторые из монет имели отверстия. Таким образом, нахождение монеты в связке с другими амулетами и помещение ее на шею погребенному вполне могло отражать как общие греческие представления о загробном мире, так и локальные семейные, которые не устанавливали строгого соблюдения ритуала положения «обола Харона».

Бронзовый колокольчик из погребения Крепостного городища усечено-конической формы с петлей для подвешивания. На тулове – треугольные прорезы. Колокольчик оказался в погребении фрагментированным: сохранилась приблизительно одна треть. Роль колокольчиков в погребальном обряде достаточно изучена, им приписывается ряд черт, оберегающих погребенного. Чаще всего колокольчики встречаются в детских погребениях. Известны они в некрополях Кобякова и Крепостного городищ, в Танаисе, в сарматских курганах Нижнего Дона (Косяненко, 2008. С. 123-133) и других территорий. Основная магическая роль колокольчика заключается в сочетании формы и звука. Колокольчик из некро-

поля Крепостного городища можно считать амулетом, предназначенным отпугивать злые силы и оберегать владельца в загробном путешествии.

Зеркало представлено фрагментом диска треугольной формы с прямоугольной ручкой, имеющей отверстие. О религиозно-магической роли зеркал известно много, в том числе и связанных с ними различных легенд более позднего времени, включая даже наши дни. Магия зеркала, как известно, заключается в его отражательной способности и круглой форме – символе солнца, неба. В погребениях находят как целые зеркала, так и целенаправленно разбитые. Особняком стоят находки треугольных фрагментов зеркал с ручкой-петелькой. Так, в некрополе Кобякова городища в четырех детских погребениях обнаружены подобные фрагменты (Косяненко, 2008. С. 118). Пока детализировать особенности присутствия треугольного обломка зеркала в погребениях очень трудно, как и семантический смысл, связанный с фрагментом.

Подвеска в виде собачки с вытянутой мордой, шея и туловище округло-уплощенные, ноги в форме заостренных выступов, уши и хвост торчком. В древности у фигурки отломаны часть задних лап, одна передняя и часть хвоста. В передней части туловища имеется круглое отверстие.

Население Нижнего Дона использовало собак в хозяйстве и в погребальном обряде: захоронения собак иногда сопровождают погребения людей (Крепостное и Кобяково городища). Известны случаи приношения собак в жертву при совершении погребения (Горбенко, Косяненко, 2011. С. 384). В древнеиранском эпосе именно собаке отводилась роль проводника пути из одного мира в другой. Помещения амулетов в виде собаки вполне обоснованно.

Подобные амулеты встречены в памятниках Нижнего Дона: на Сухочалтырском, Кобяковом городищах, в курганах Танаиса и могильнике Долгова (Кругликова, 1974. С. 181. Табл. IV, 1; Косяненко, 2008. С. 140. Рис. 61, 7; Ильюков, Власкин, 1992. С. 162. Рис. 41, 12).

Помимо бронзовых изделий, собака изображалась и на ручках сероглиняных кувшинов. Подобные стилизованные зооморфные ручки известны как на донских, так и северокавказских памятниках. Отличаются изображения некоторыми деталями и способом крепления.

Кроме бронзовых украшений в погребении подростка находились две округлые продольно-вытянутые мраморные бусины. Они относятся к типу 3 по Т.М. Алексеевой; данные для датировки отсутствуют (Алексеева, 1982. С. 29. Рис. 44, 5). Мраморные бусы в погребениях Нижнего Дона встречаются нечасто. Роль бусин в религиозно-магической практике известна (Чурсин, 1929. С. 28, 29). Мраморные бусы из некрополя Крепостного городища, будучи редким изделием, вполне могли надеяться магической силой и служить амулетом.

Следует отметить, что все бронзовые предметы положены в погребение разбитыми; возможно, в данном случае совершен обряд «умерщвления вещи» вслед за смертью владельца.

Дату погребения – I в. н.э. – помогают определить морфологические особенности колокольчика и обломка зеркала. Этой датировке не противоречит и фигурка собачки, часто находимая в комплексах I в. н.э.

Выразительный набор амулетов мы наблюдаем в детском погребении I в. н.э. из Кобяковского некрополя. В погребении 17/1958, кроме подвески

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

в виде собачки, был обнаружен бронзовый колокольчик с прорезями, три ребристые бусины из фаянса, низка сердоликовых бус, низка египетского бисера, гагатовая бусина, керамическая пронизь, гончарный кувшинчик с зооморфной ручкой и фрагмент дна стеклянной кружки (Косяненко, 2008. С. 140. Рис. 61). В отличие от комплекса из Крепостного городища, все вещи были целы, кроме обломка стеклянного сосуда, который служил своеобразным амулетом (Косяненко, 2008. С. 41).

Литература

- Алексеева Е.М., 1982. Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Г1-12. М.
- Горбенко А.А. Косяненко В.М., 2011. Некрополь Паниардуса (Крепостного городища) // Донские древности. Вып.11. Азов.
- Ильюков Л.Л., Власкин М.В., 1992. Сарматы междуречья Сала и Маныча. Ростов-на-Дону.
- Зубарь В.М., 1982. Некрополь Херсонеса Таврического I-IV вв. н.э. Киев.
- Корпусова В.П., 1983. Некрополь Золотое. Киев.
- Косяненко В.М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.) // Донские древности. Вып. 9. Азов.
- Кругликова И.Т., 1974. Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. II. М.
- Чурсин Г.Ф., 1929. Амулеты и талисманы кавказских народов. Махачкала. Ротопринтное издание. 1992. Липецк.

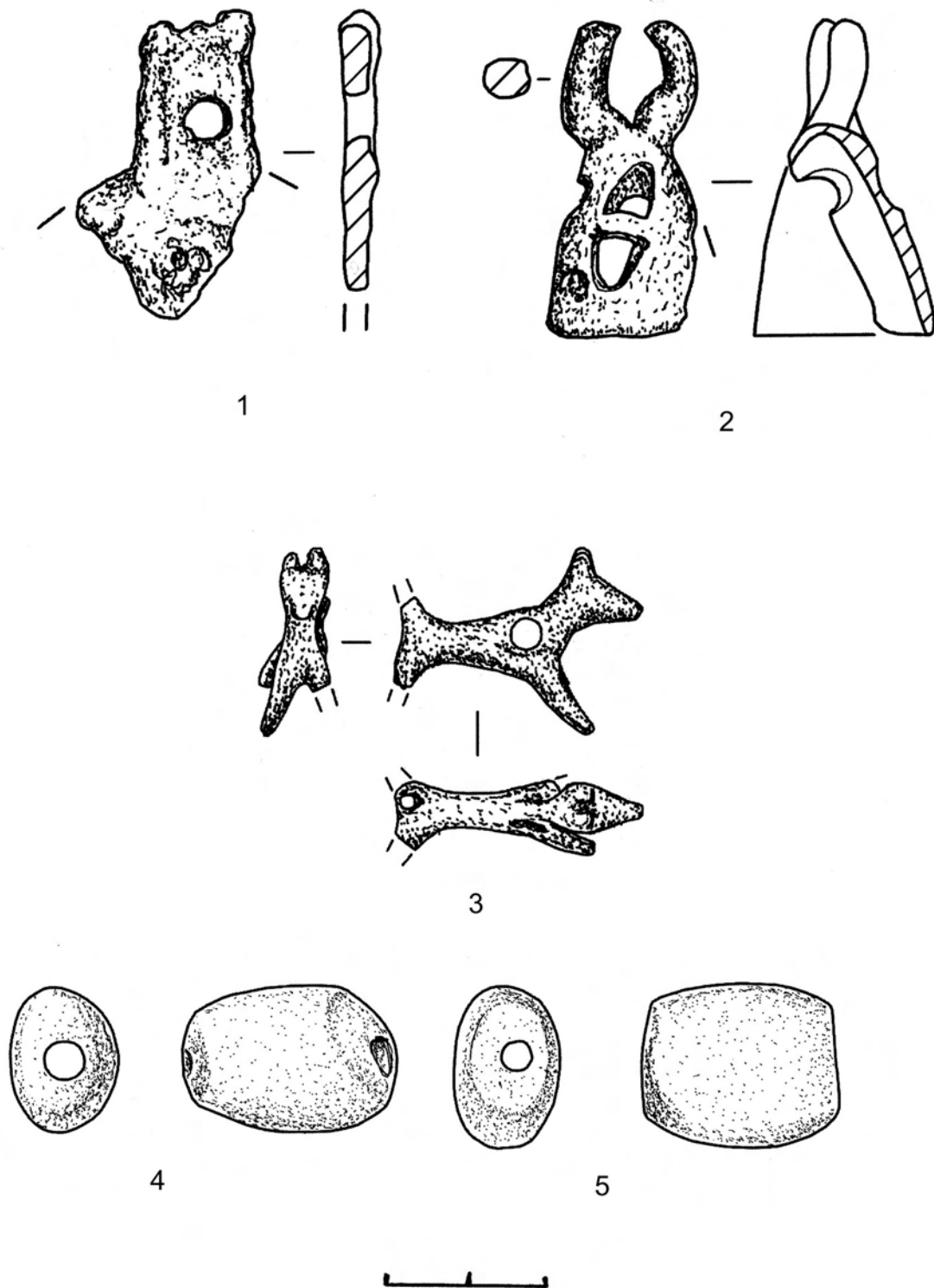

Рис. 1. Предметы из погребения Крепостного городища: 1 – фрагмент зеркала; 2 – фрагмент колокольчика; 3 – подвеска в виде фигурки собаки; 4, 5 – бусины. 1-3 – бронза; 4, 5 – мрамор

Г.О. Гошгарлы

Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана, г. Баку

ПРОТИВОРЕЧИЯ В СООБЩЕНИЯХ СТРАБОНА О КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1. В ряде параграфов (1, 3, 4, 5) главы IV книги XI «Географии» Страбона приводятся, на первый взгляд, противоречащие друг другу сведения об албанах. С одной стороны, по сообщениям Страбона: а) албаны склонны к пастушескому образу жизни и близки кочевникам; б) за землей здесь нет ухода, и блага произрастают сами по себе; в) албаны не знают точных мер и весов, у них нет чеканной монеты, занимаются меновой торговлей, не знают счета более ста; г) они беззаботны в делах войны и государственного устройства. С другой стороны, Страбон же сообщает, что: а) албанские земли вспахиваются и орошаются лучше, чем вавилонские и египетские, и дают высокий урожай; б) войска выставляют больше, чем иберы, вооружая 60 тыс. пехоты и 22 тыс. всадников; в) албаны сражаются как пешими, так и на конях, в легком вооружении и в панцирях.

2. В историко-археологической литературе (К.В. Тревер, С.Т. Еремян, И.Г. Алиев, К.Г. Алиев, Я.А. Манандян, З.И. Ямпольский, С.М. Казиев, Г.А. Меликишвили, О.Д. Лордкипанидзе, Е.А. Пахомов, Дж.А. Халилов, И.А. Бабаев, Ф.Д. Мамедова, Ю.Р. Джафаров, А.А. Акопян и др.), посвященной Кавказской Албании античного периода, дается развернутый анализ этих сообщений с попыткой научного обоснования имеющихся противоречий. В целом, можно выделить три основных вывода, к которым приходят исследователи: а) Албания на рубеже двух эр в политическом и социально-экономическом аспекте находилась на более низкой ступени развития, нежели соседние Армения и Иберия; б) многие сведения Страбона почерпнуты из недошедших до нас трудов Патрокла и Эратосфена, а, следовательно, характеризуют албанское общество IV-III вв. до н.э., а не рубежа эр; в) основным информатором Страбона является Феофан Митиленский – участник похода Помпея, который ввиду кратковременного пребывания на территории Албании и специфики действий не имел возможности для подробного изучения страны и его сведения не отражают политические и социально-экономические реалии того времени; г) римляне были только в Камбисене – области Албании, где преобладало кочевое население, и полученные здесь сведения распространены на всю Албанию.

3. На основе изучения памятников материальной культуры Кавказской Албании рубежа эр можно в определенной степени скоррелировать те или иные сообщения Страбона. Явно не соответствуют применительно ко всему населению Албании такие положения древнегреческого автора, как: а) отсутствие ухода за землей; б) отсутствие склонности к торговле и монетного обращения; в) незнание точных мер и весов, счета более ста; г) беззаботность в военных делах.

По археологическим материалам установлено, что пахотное земледелие в Албании, основанное в т.ч. и на ирригационной системе, достигло высокого уровня развития уже во второй половине I тыс. до н.э. Зона интенсивного земледелия охватывала всю Кура-Араксинскую низменность. Многочислен-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

ные и разнообразные орудия и средства сельскохозяйственного труда, обнаруженные при раскопках, выявленные здесь нескольких сортов пшеницы, ячменя, проса, овса и т.д. свидетельствует о высокой культуре земледелия. Обнаруженные на территории Албании многочисленные монеты эллинистической и позднеантичной эпох, местные подражаний им, импортные изделия, прохождение через Албанию международных торговых трасс указывают на развитый в целом в стране характер как внутренней, так и внешней торговли, нужды которой обеспечивались как привозными монетами, так местным чеканом. Указание же Страбона на близость албан к кочевникам является, как и обширный остеологический материал по домашним животным, свидетельством развитого отгонного скотоводства (Гаджиев, 2002. С. 198-199).

4. Учитывая, что основным источником для Страбона по Кавказской Албании является информация Феофана Митиленского, мы склонны считать, что указанные противоречия Страбона по сути отражают процесс накопления знаний об Албании у самого Феофана по мере продвижения римлян вглубь албанской территории. Это полностью согласуется со временем похода и его маршрутом. Вероятнее всего, Страбон сохраняя порядок изложения сведений в том виде, в котором они изложены у Феофана Митиленского, показывает многоукладный характер хозяйства Кавказской Албании, существование различных хозяйственно-культурных типов, а не ее отставание в социально-экономическом развитии от соседних стран, как это нередко преподносится в историко-археологической литературе.

Э.Г. Джанаев

Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

РАЗВЕДКИ НА ЭЛЬХОТОВСКОМ ГОРОДИЩЕ «ВОСТОЧНОЕ II»

Городище Эльхотовское «Восточное-II» расположено в Кировском районе Республики Северной Осетии-Алании на одном из отрогов Сунженского хребта, в двух километрах от «Эльхотовских ворот» – естественного и наиболее удобного прохода во Владикавказскую низменность и к Дарьяльскому перевалу. Наиболее высокая точка городища по отношению к подножию хребта, где находится центральный въезд на городище, возвышается на 45 м. Городище представляет собой искусственно укрепленный мыс, а окружавшие его природные балки, впоследствии были углублены и грунт из них использовался для подсыпки холмов.

Холм № 1 (цитадель) представляет собой округлую возвышенность, слегка вытянутую к северо-востоку. Цитадель имеет два въезда, которые находятся с юго-восточной и северной сторон холма цитадели. Склоны холма крутые, до 60°, хорошо задернованы. Глубина рвов составляет 10-15 м. Ров между цитаделью и холмом № 2 сильно оплывший, вероятно, из-за хозяйственной деятельности местных жителей.

Холм № 2 располагается к северу от цитадели, имеет форму неправильного треугольника. Этот холм имеет 2 въезда со стороны западного и восточного рвов. В северной части холма имеется вынесенная эскарпированная площадка, фланкировавшая въезды на городище с северной стороны. Глубина западного рва составляет 15-18 м. Крутизна склонов 60-75°.

Холм № 3 так назван условно, поскольку представляет собой искусственно устроенную террасу. От подошвы холма № 2 через эту террасу проходила древняя дорога, огибающая холм № 2 и ведущая к въезду на цитадель. В центральной части также имеется въезд на холм № 2 с восточной стороны. На северо-восточной оконечности террасы есть фланкирующая въезд на террасу укрепленная площадка. По восточной кромке террасы прослеживаются следы заплывшего эскарпа. Длина террасы 230 м, склоны крутые – угол наклона до 60°.

В ходе разведочных работ на городище были заложены два шурфа – один на территории цитадели городища (холм № 1), второй – к северу от цитадели (холм № 2). Кроме этого, был собран подъемный материал с территории городища.

Мощность культурного слоя на городище, судя по стратиграфии шурфов, доходит до 90 см. В шурфах выявлены 8 хозяйственных ям, некоторые углублены в материк до 130 см.

Находки из шурфов представлены фрагментами керамических сосудов (221 шт.), костями домашних животных, фрагментами турлука и каменным оселком.

Керамическая посуда Эльхотовского городища представлена фрагментами тарной, кухонной и столовой керамики (кувшины, корчаги, горшки, миски, кружки). Керамика изготавливалась на гончарном круге и обжигалась в горне, имеет черно-серо-коричневый цвет. В качестве добавок в тесто использовался песок реже ракушечник и дресва.

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

Горшки – самая массовая категория посуды на памятнике (рис. 1, 9). Тесто горшков рыхлое, содержит существенную примесь песка, реже ракушки. Размеры сосудов разнообразны. Для всех горшков характерен низкий венчик. Значительная часть венчиков орнаментирована по верхней поверхности косыми насечками. Тулово горшков орнаментировались редко.

Кувшины представлены в основном фрагментами горловин и ручек (рис. 1, 1-3, 7). Ручки часто украшены налепами, либо оформлены в зооморфном стиле. Встречаются круглые, витые, сегментовидные и овальные в сечении ручки. Кувшины разнообразны по составу теста – с примесью песка и без него.

Кружки на городище представлены тремя фрагментами – 2 ручки и придонная часть (рис. 1, 4). Ручки небольшие с проемом под один палец, чернолощенные, тесто плотное с примесью ракушечника и мелкозернистого песка. На одном фрагменте – два круглых налеха. Придонная часть кружки серого цвета, тесто грубое с примесью песка. Дно – с выраженной закраиной.

Миски – это один из наиболее характерных элементов керамической утвари, бытовавшей в рассматриваемый период. Из шурфов Эльхотовского городища происходят десять фрагментов венчиков мисок (рис. 1, 5, 6), которые могут быть классифицированы в соответствии с системой признаков, разработанной Д.В. Деопиком (*Деопик*, 1988). Первый тип (рис. 1, 5) представлен девятью фрагментами, семь из которых черного цвета и два серого. Второй тип (рис. 1, 6) представлен одним фрагментом венчика миски с высоким, слабо отогнутым наружу венчиком, верхняя часть которого оформлена в виде валика с двумя горизонтальными бороздками; под валиком миску опоясывают два горизонтальных желобка и одна волнистая линия. Тесто мисок плотное, с небольшими добавками песка; наружная и внутренняя поверхности покрыты лощением.

Пифосы – крупные толстостенные сосуды, узкодонные, со сферической верхней частью и конической нижней. Венчики сосудов массивные. Стенки орнаментированы горизонтальными, косыми и вертикальными валиками.

Практически весь керамический комплекс предметов идентичен керамике с таких городищ как Зильги и Брут, что позволяет отнести эти памятники к одному хронологическому периоду. Наиболее изученным, из перечисленных выше памятников, является Зильгинское, датирующееся II-IV вв. н.э.

Материалы из шурфов позволяют отнести рассматриваемый памятник к аланской культуре и предварительно датировать его II-IV вв.н.э.

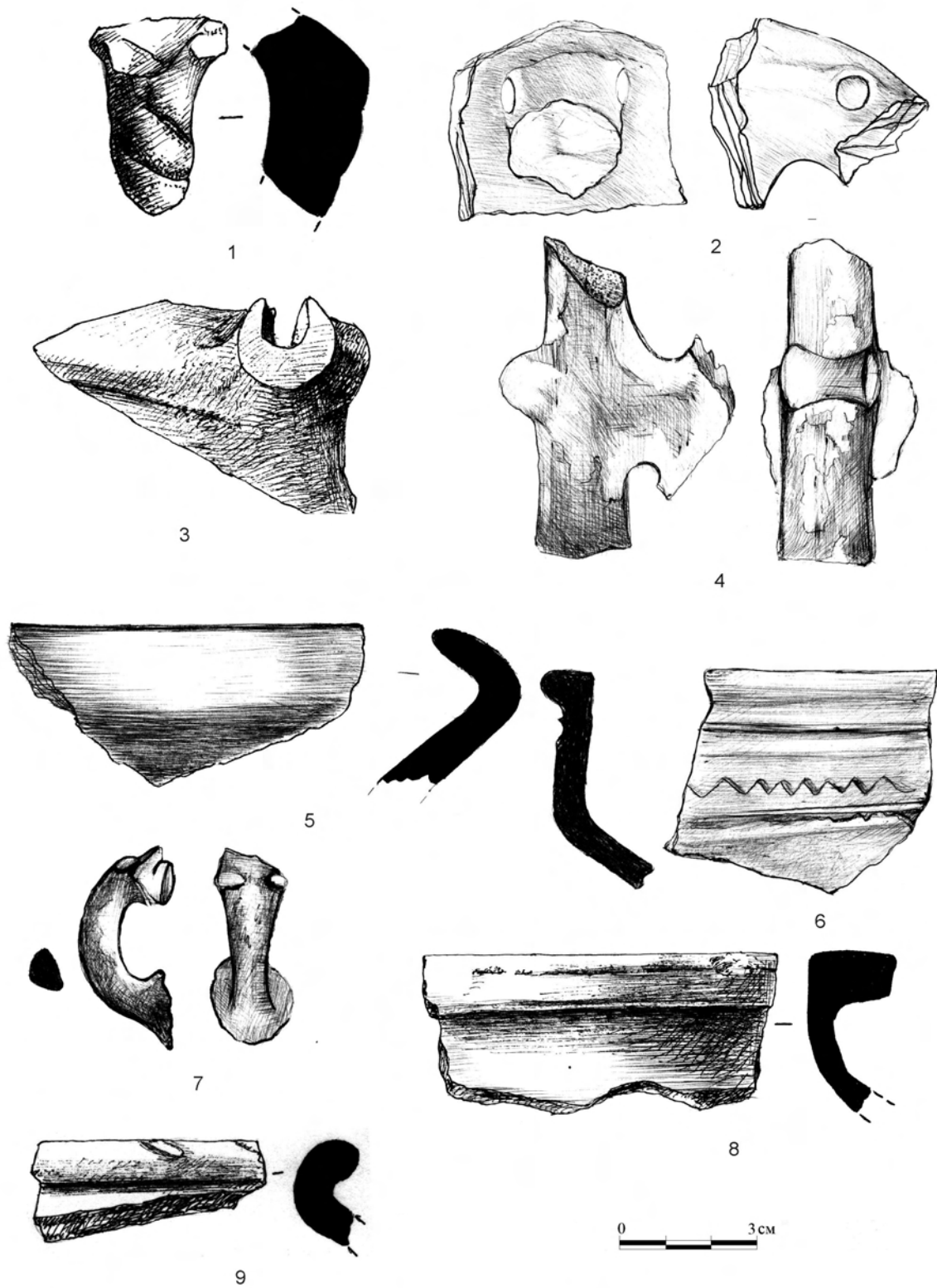

Рис. 1. Керамическая посуда с Эльхотовского городища «Восточное-II»

А.В. Иванов

ООО «Южно-Российский центр археологических исследований», г. Краснодар

ФОРТИФИКАЦИЯ ЦИТАДЕЛИ ГОРОДИЩА «ФУРОЖАН»

В 2010 г. экспедицией Южно-Российского центра археологических исследований были проведены исследования на цитадели городища «Фурожан», относящегося к меотской культуре. Городище находится на высокой пойме западного основания одноименной балки, которая расположена у х. Трудовой в Крымском районе Краснодарского края. Памятник обнаружен в 1986 г. разведочным отрядом под руководством Б. А. Раева.

Цитадель занимает локальный, замкнутый и ограниченный с трех сторон (север, восток и юг) овальный в плане мыс высокого берега балки, образованный безымянным ручьем; длинной осью мыс ориентирован широтно. С запада он ограничен глубоким широким рвом, за которым располагалась неукрепленная часть поселения. Ров отделил цитадель от прилегающей территории, замкнув ее высокими крутыми склонами по периметру. С восточной и южной стороны городища протекает небольшой ручей, глубина его «поймы» от наивысшей точки цитадели – 23 м. Площадь цитадели – 1300-1400 м². Таким образом, территория цитадели со всех сторон была хорошо защищена.

Исследованная площадь на памятнике составила около 800 м². Мощност культурного слоя на цитадели достигала 1,7 м. В культурном слое прослеживаются несколько напластований, относящихся к периоду функционирования укрепления. Слой рыхлый, золистый, со следами крупных пожаров, состоит из строительного мусора, беспорядочных каменных и сырцовых завалов, слоев обожженной обмазки, золы и угля. Выделяются два строительных горизонта.

Возникновение поселения связано с горизонтом «А», и по находке медной монеты (дихалк) Митридата VI Евпатора 109-100 гг. до н. э. в основании слоя начало его формирования можно датировать началом I в. до н. э. Здесь, на территории далеко выдающегося в балку мыса, без фортификации, были сооружены сырцово-турлучные постройки, которые сохранились в виде сырцовых завалов, перекрытых слоями обожженной обмазки и золы. Прекращение существования первых построек на поселении, соотносящихся с горизонтом «А», связано с пожаром, который нашел отражение в виде слоев обожженной обмазки и золы, перекрывающих сырец.

После разрушений территория осваивается снова (строительный горизонт «Б», массовый материал из которого относится к I-II/III вв. н. э.), но теперь территория представляет собой укрепление. Склон мыса эскарпируется, его периметр обносится турлучной стеной. Глубина эскарпа от современной дневной поверхности – 2,75 м; крутизна эскарпированного склона – до 45°. В склоне была отрыта выемка таким образом, чтобы получить горизонтальную площадку, заканчивающуюся искусственной стенкой. Эскарп был заполнен строительным мусором, а также светло-коричневой материковой глиной – выкидом из рва, ограждавшего территорию городища с запада; на дне прослежена тонкая золистая прослойка. С внутренней стороны эскарпа, вплотную к нему находилась турлучная стена. Линия стены относительно ровная. Фасы стены отбивались прослойками красной обожженной обмазки; заполнение стены представляло собой смесь серого грунта, смешанного с золой и камнями. В заполнении стены найдена закладная медная монета (халк) Пантикапея с надчеканкой около 294-284 гг. до н. э. и сквозным отверстием в центральной части. Высота стены в наиболее сохранившейся части составляла 0,60–0,65 м, длина исследованной части стены – 9,47 м, толщина – до

1,13 м. Вдоль стены на материке были обнаружены три столбовые ямки, видимо, предназначенные для деревянных опорных конструкций с внутренней стороны.

В данном виде фортификация просуществовала относительно недолго – цитадель снова гибнет в пожаре. Стена была сожжена, но в дальнейшем не разобрана. После этого западный сектор мыса обносится рвом глубиной до 5 м. По всей видимости, с сооружением рва необходимость в эскарпе исчезла, и он засыпается выкидом из рва, а также строительным мусором, образовавшимся после пожара. Периметр отделенной территории цитадели от napольной части памятника рвом вновь обносится высокой турлучной стеной, которая фиксировалась в виде столбовых ямок под опорные деревянные конструкции по периметру и мощных слоев обожженной обмазки.

Столбовые ямки можно условно разделить на два вида: крупные (диаметром до 1,2 м) столбовые ямки под опорные конструкции и столбовые ямки меньшего диаметра, которые располагались в некоторых случаях между крупными ямками, но чаще окружали их с внутренней стороны укрепления. В последнем случае часть из них имели наклон в сторону крупных столбовых ямок. Ямки, преимущественно, круглые в плане. Крупные ямки располагались, примерно, на равном расстоянии друг от друга; в случаях, когда это расстояние было больше, между крупными ямками мелких не обнаружено. Возможно, в этих местах были проходы за пределы укрепления. Глубина ям под опорные конструкции в некоторых случаях могла достигать 2 м. В заполнении крупных ямок и на дне был встречен рваный бутовый камень. Дерево во всех ямках отсутствовало. Общая протяженность периметра исследованной части стены – 88 м, расстояние между северным и южными фасадами стены – 10-13 м.

Таким образом, в конструкции стены были использованы крупные столбы, вкопанные через определенное расстояние друг от друга. Длина их, видимо, была значительная, что вызвало необходимость в дополнительном укреплении: для этого были использованы подпорные бревна меньшего диаметра, расположенные наклонно к опорам с внутренней стороны укрепления, а также бутовый камень. Сама стена, судя по значительному количеству обожженной обмазки, была турлучной. Вход на территорию укрепления находился с запада через небольшие проходы в северной и южной части стены.

Территория внутри укрепления в это время застраивается; об этом свидетельствуют многочисленные столбовые ямки, выявленные на материке, и заполненные слоем, соответствующим строительному горизонту «Б». Однако, как и в слое предыдущего горизонта, полностью отсутствовали конструктивные детали построек. В связи с этим можно предположить, что опорные конструкции могли быть подведены под навес, который перекрывал центральную часть укрепления. В напластованиях данного горизонта много рваного камня, который, в основном, лежал бессистемно; те выкладки, в которых наблюдалась какая-то логика, интерпретировать сложно. Не совсем ясно назначение некоторых ямок. Возможно, в них устанавливались пифосы, как например, на городище Новоджерелиевское III (Шевченко, 1995. С. 134).

В планиграфии поселения горизонта «Б» снова происходят изменения. После очередного пожара, следы которого фиксируются в заполнении всех столбовых ям, стена и наземные постройки были уничтожены. Остатки всех столбовых конструкций, по каким-то причинам были изъяты из грунта. В более позднее время поселение фортификационной системы не имело, и погибло в крупном пожаре, о чем свидетельствуют завалы обожженной обмазки на поверхности строительного горизонта «Б».

М.М. Казанский

Национальный центр научных исследований Франции, г. Париж
(Франция)

А.В. Мастыкова, И.А. Сапрыкина
Институт археологии РАН, г. Москва

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА
РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ПАШКОВСКОГО МОГИЛЬНИКА № 1 НА
НИЖНЕЙ КУБАНИ

Пашковский могильник № 1 на Нижней Кубани (территория современного г. Краснодар) принадлежит оседлому, скорее всего протоадыгскому населению середины/второй половины V – начала VII вв. Памятник изучался несколькими исследователями, в том числе К.Ф. Смирновым в 1948-1949 гг. (Смирнов, 1951). Вещи из раскопок 1948-1949 гг. ныне хранятся в ГИМ, а полевые отчеты и рукопись К.Ф. Смирнова, посвященная этому некрополю, находятся в архиве ИА РАН. В настоящий момент материалы Пашковского могильника № 1 подготовлены авторами к публикации. Проведенное трасологическое исследование изделий из цветного металла из раскопок 1948-1949 гг. выявило некоторые интересные детали погребального обряда древнего населения, оставившего Пашковский могильник.

Предметы, изготовленные специально для погребального ритуала (рис. 1, 1). Браслеты, помещенные в погребения 5.1948 г., 12.1948 г., 13.1948 г., 14.1948 г., представляют собой заготовки или имитации украшений, произведенные, скорее всего, специально для погребальных действий. Такой обычай хорошо известен в соседнем Боспоре Киммерийском позднеримского времени и начала эпохи Великого переселения народов, где в погребениях, включая и аристократические гробницы, представлены имитации золотых вещей, изготовленные из тонкого золотого листа, явно непригодные для использования в повседневной жизни (см., например, фибула из так называемого погребения Мессаксуди, на горе Митридат, 1918 г.: *Beck et al.*, 1988. P. 66. Fig. 4; *Shchukin et al.*, 2006. Fig. 10).

Погребения с заготовками браслетов концентрируются только на западном, более раннем, участке сектора могильника, исследованного в 1948-1949 гг. Они относятся к так называемому шиповскому хронологическому горизонту (430/470 – 530-570 гг.), кроме погребения 5.1948 г., которое может принадлежать ранней фазе горизонта геральдических гарнитур (скорее всего 550-е – 570/600-е гг.).

Намеренная деформация предметов погребального инвентаря (рис. 1, 2). Некоторые браслеты (погребения 5.1948 г., 7.1949 г.), а также их заготовки-имитации (погребения 5.1948 г., 12.1948 г., 13.1948 г.) перед помещением в могилу были подвергнуты преднамеренной деформации, а именно сгибанию. Гривна из гладкого стержня-дрота из тайника погребения 1.1949 г. также была намеренно согнута.

Гривны из витой проволоки из погребений 2.1948 г., 15.1948 г., 10.1949 г. имеют следы намеренного разрубания изделий на несколько фрагментов. При этом в погребении 15.1948 г. находилось две гривны, и обе они были разрублены. Отметим, что такие же следы разрубания были

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

отмечены на золотой витой гривне из Киевского клада 450-480-х гг. (Ахмедов, Казанский, 2004. С. 169. Рис. 1, 3).

Погребения с деформированными вещами встречаются как в западном, так и в восточном секторе участка 1948-1949 гг., и в обеих группах эти захоронения в равной степени относятся как к шиповскому горизонту, так и к начальной фазе горизонта геральдических гарнитур. Это позволяет нам предположить, что преднамеренная деформация предметов, вполне возможно, характерна для всего населения, оставившего Пашковский могильник № 1, с периода 430/470 гг. по, примерно, 570/600 гг.¹

Помещение в могилы вещей со следами использования. На застёжке серебряной гривны из тайника погребения 1.1949 г. с преднамеренной деформацией (см. выше), обнаружены характерные следы от постоянного застегивания, что свидетельствует о ее частом ношении. Это не единственный зафиксированный нами случай – так, серебряная двупластинчатая фибула с треугольной головкой из тайника погребения 5.1949 г. имеет следы ремонта. По всей видимости, эта застёжка находилась в интенсивном и/или долгом использовании.

К сожалению, отсутствие трасологических исследований металла из других памятников Северного Кавказа не позволяют сказать, насколько эти выявленные нами детали погребального обряда характерны для изучаемого региона.

Литература

- Ахмедов И.Р., Казанский М.М., 2004. После Аттилы. Киевский клад и его культурно-исторический контекст // Культурные трансформации в Днепровском регионе на исходе римского времени и в раннем средневековье. СПб. С. 168-202.
- Лунёв М.Ю., 2012. Раскопки некрополя Цемдолина в 2009 г. // ИАА. Вып. 11. Армавир; Краснодар; М. С. 70-94.
- Мальшев А.А., 2011. (отв. ред.). Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху. По материалам некрополя в Широкой Балке. (Некрополи Черноморья IV). М.
- Смирнов К.Ф., 1951. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана // КСИИМК. Вып. XXXVII.
- Beck F., Kazanski M., Vallet F., 1988. La riche tombe de Kertch du Musée des Antiquités Nationales // Antiquités Nationales. Vol. 20.
- Shchukin M.B., Kazanski M., Sharov O., 2006. Des Goths aux Huns: Le Nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. BAR, Inter. Series. Vol. 1535. Oxford.

¹ Не исключено, что следы этого обряда присутствуют и на других могильниках Западного Предкавказья. Так, в погребении 7 могильника Широкая Балка и в погребении 8.2009 г. могильника Цемесская Долина найдены фрагменты гривен (Мальшев, 2011. С. 41, Рис. 28, 10; Лунёв, 2012. С. 85, Рис. 9, 2). Возможно, эти предметы были тоже намеренно повреждены в древности.

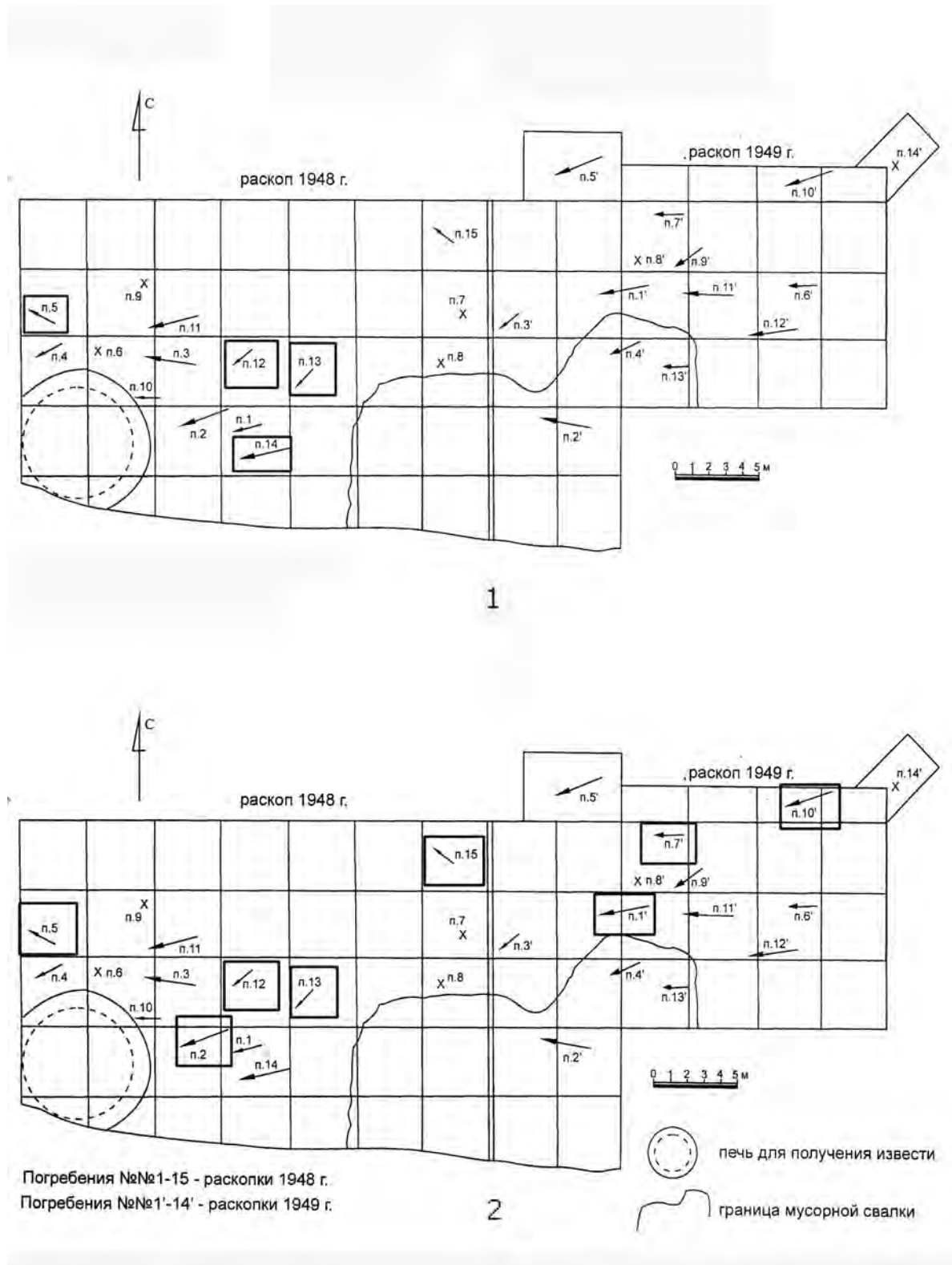

Рис. 1. Находки заготовок браслетов (1) и преднамеренно деформированных предметов (2) на участке, раскопанном в 1948-1949 гг.

А.И. Казанцева

ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар

**ФИБУЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА И ГОРОДИЩА
ЕЛИЗАВЕТИНСКАЯ 2 (РАСКОПКИ 2013 г.)**

Летом 2013 г. Западно-Кавказская археологическая экспедиция провела на территории Краснодарского края раскопки городища Елизаветинская 2 и соответствующего ему могильника. В ходе исследований было обнаружено 233 погребения. Среди погребального инвентаря безусловным хроноиндикатором являются фибулы. Они были найдены в 45 погребениях, из них в 10 погребениях обнаружено по две фибулы и в одном три фибулы. Кроме этого, несколько находок фибул было сделано в слое городища и на территории могильника, но не в погребениях. Всего обнаружено 68 экземпляров.

Все найденные при раскопках могильника и городища фибулы изготовлены из бронзы и представляют перечисленные ниже их варианты по типологии А.К. Амброза (Амброз, 1966). В тех случаях, когда фибула не была представлена в типологии А.К. Амброза, использовалась работа В.В. Кропотова (Кропотов, 2010).

Группа 5. Раннеримские шарнирные дуговидные фибулы типа «*Aucissa*» (5 экз.). Дата: 1-я половина I в. н.э.

Группа 8. Фибулы-броши.

Серия 2. Круглые броши с шарниром из двух стоек (2 экз.). Дата: 2-я половина I – начало II в. н.э.

Серия 3. Ромбическая брошь (1 экз.). Дата: 2-я половина I – 1-я половина II в. н.э.

К этой же группе можно отнести брошь из еще одного погребения, не представленную в типологии А.К. Амброза. В типологии В.В. Кропотова ее аналогия относится к группе 16 форма 11 и датируется 2-й четвертью – серединой I в. н.э. (Кропотов, 2010).

Группа 11. Сильно профилированные фибулы причерноморских типов.

Серия I вариант I-2 (3 экз.). Дата: II в. н.э.

Серия I вариант I-3 (2 экз.). Дата: II – 1-я половина III в. н.э.

Группа 12. Пружинные фибулы с гладким корпусом и кнопкой на конце пластинчатого приемника.

Вариант 2 (1 экз.). Дата: I в. н.э.

Вариант 4б (4 экз.). Дата: 2-я половина II – III вв. н.э.

Возможно, к этой группе относятся фибулы еще из 3 погребений (окончание приемника не сохранилось).

Группа 13. Фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника. Вариант 2 (2 экз.). Дата: 2-я половина I – начало II вв. н.э.

К данной группе относятся еще 2 фибулы, но окончание приемника у них сохранилось не полностью, поэтому отнесение их к какой-либо серии было бы условным.

Группа 14. «Смычковые» фибулы (2 экз.). Данные фибулы отнесены к этой группе условно. На спинке одной из рассматриваемых фибул заметны следы от припаянной бронзовой пластины, обнаруженной в этом же погребении. Пластина покрыта позолотой, на ней расположено изображение античной богини. Поскольку данная находка является уникальной и ее аналогии мне неизвестны, находка заслуживает в дальнейшем более детального изучения.

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

Группа 15. Лучковые подвязные фибулы.

Серия I вариант 2 (14 экз.). Дата: 2-я половина I – начало II вв. н.э.

Серия I вариант 3 (19 экз.). Дата: II в. н.э.

Серия I вариант 4 (1 экз.). Дата: 2-я половина II в. н.э.

Серия VI вариант 2 (3 экз.). Дата: I в. н.э.

К серии I относятся еще 3 фибулы. Отнесение их к конкретному варианту не представляется возможным из-за плохой сохранности.

Таким образом, самой многочисленной является группа 15 – лучковые подвязные фибулы (40 экземпляров, то есть 59 % от выборки).

6 экземпляров фибул найдено в детских погребениях, 2 экземпляра – в погребениях подростков. Остальные фибулы обнаружены в погребениях взрослых индивидов. Разделение фибул на встреченные в мужских и женских погребениях осложнено из-за отсутствия на момент написания работы окончательных результатов антропологического исследования. Однако отметим, что 10 погребений определены как воинские, вследствие находок в них мечей, наконечников копий, дротиков, удила, ножей, серпов и др. Зависимость между встречаемостью определенного типа фибул и видом погребения (с оружием, без оружия, детское) не наблюдается. Во всех видах погребений преобладают лучковые фибулы.

Важным является вопрос о взаимовстречаемости фибул в одном погребении. Во всех детских погребениях встречено по две фибулы. Закономерность ли это – вопрос дискуссионный. В двух детских погребениях обе фибулы являются лучковыми (группа 15 серия I вариант 2), в третьем погребении одна фибула лучковая (группа 15 серия I вариант 2), другая – пружинная (группа 13 вариант 2).

Четкую взаимосвязь встречаемости типов фибул проследить трудно из-за недостаточной выборки материала, но отметим некоторые особенности. Во-первых, только лучковые фибулы встречаются в количестве более одного экземпляра в одном погребении. Во-вторых, для погребений с несколькими фибулами, при наличии в них лучковых фибул группы 15 серия I вариант 3, датировка погребения становится более поздней.

Функционально застежка-фибула была предназначена для скрепления между собой деталей одежды. Таким образом, по месту расположению фибул на погребенном можно говорить о вариациях одежды. Наиболее часто фибулы располагались в области шеи и на груди, что вполне соответствует имеющимся реконструкциям костюма местного населения (Кропотов, 2010). Примечательны находки фибул под черепом, на локте и в центре таза.

Подводя итог, можно сказать, что фибулы являются часто встречающимся инвентарем погребений. Самыми ранним из них являются фибулы типа «*Aucissa*» (1-я половина I в. н.э.), наиболее поздними – пружинные фибулы с кнопкой на конце приемника варианта 4б (2-я половина II – III вв. н.э.). Наиболее массовой находкой являются лучковые подвязные застежки, датируемые II в. н.э. Вопросы встречаемости фибул в различных видах погребений и взаимовстречаемость разновидностей фибул требуют более глубокой разработки и являются перспективными для дальнейшего изучения.

Литература

Амброз А.К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. М.

Кропотов В.В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.

Ш.Г. Кайтан

*Управление охраны памятников историко-культурного наследия
Республики Абхазия, г. Сухум*

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ ВЕЛИКОЙ АБХАЗСКОЙ СТЕНЫ

Великая Абхазская стена фактически является самым масштабным и наиболее крупным фортификационным сооружением Кавказа. Максимальная протяженность ее линии обороны составляет 160 км. Основные вопросы, связанные с периодом возведения и функционирования этого объекта до сих пор не разгаданы. Все существующие точки зрения об её хронологии подразделяются на четыре группы. У истоков научного осмысления данной стены стоит французский путешественник первой половины XIX в. Ф. Дюбуа де Монпере, который отнес её к VI в. до н. э. Тот же автор заключил, что в античных источниках именно эта стена известна как «Кораксийская (крепость)» (Гекатей Милетский) и «Сильная крепость» (Птолемей). С этой точкой зрения согласилась П.С. Уварова (конец XIX в.).

В.И. Чернявский предложил считать Тхубынскую крепость Трахеей Прокопия Кесарийского, тем самым впервые связав памятники Келасурской стены с Юстиниановской эпохой. К этой мысли присоединился и А.А. Миллер. М.М. Иващенко также утверждает, что Абхазская стена могла быть сооружена византийцами в период византийско-персидских войн VI в. Существует и версия о постройке стены персами в VI в., с ссылкой на пока не опубликованный источник, найденный З. Алексидзе в Синае.

В.И. Сизов (конец XIX в.), ссылаясь на древнегрузинские сведения о походе арабского полководца Мурвана Кру, писал, что источник вводит нас в ту эпоху, когда побережьем этого края владели византийцы. И здесь очень важно упоминание о стене, которая сохранилась до сих пор у р. Келасур. М.М. Гунба полагал, что стена своим фасом была обращена на восток. По его мнению, граница между владениями Византии в Закавказье и Картли, которая упоминается в письменных источниках, проходила по реке Келасур.

Недавно появилась и версия о постройке стены в период генуэзской колонизации, которая соотнесена с материалами генуэзской крепости Санто-Томазо (Са-тамаша//Тамц). Эта стена, как предполагают, охраняла «Абхазскую дорогу».

Мнение о том, что Келасурская стена была построена в XVII в. Леваном II Дадиани, было высказано в 70-е годы XX в. (хотя в письменных источниках говорится о том, что Леван II Дадиани выстроил деревянную стену). Авторами этой концепции являются Т. Берадзе и Ю.Н. Воронов.

Необходимо проанализировать всю историографию, стратиграфические данные, учесть компонентный химический анализ наполнителей раствора и привлечь вещественный состав находок для новой постановки комплексной научной проблемы. В этом отношении весьма ценен новый стратифицированный материал (керамика, металл, камень, кости), полученный экспедицией охранно-спасательных работ Гос. управления охраны памятников историко-культурного наследия РА. Состав находок пока не включает ряд поздних категорий, в том числе, глазурованную керамику. Результаты исследований уточняют датировку, свидетельствуя о раннесредневековом времени функционирования памятника (VI/VII –X/XII вв.).

Д.С. Коробов, В.Ю. Малашев
Институт археологии РАН, г. Москва
Й. Фассбиндер

Управление по охране памятников Баварии, г. Мюнхен, Германия

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОЯВЛЕНИИ АЛАН В КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЕ, ПОЛУЧЕННЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ АЭРОФОТОСЪЕМКИ И МАГНИТОМЕТРИИ

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 12-06-00072а.

Одним из актуальных вопросов представляется определение времени заселения окрестностей современного Кисловодска носителями аланской культуры, многочисленные укрепленные поселения и катакомбные могильники которых характеризуют максимальную плотность населения котловины в эпоху раннего Средневековья (V-VIII вв. н.э.). Памятники раннего этапа аланской культуры (II-IV вв. н.э.) пока что мало изучены в микрорегионе; они представляют собой в основном небольшие «земляные городища», расположенные на южных отрогах Боргустанского хребта и левого берега р. Подкумок. Особой задачей стоит поиск курганных катакомбных могильников, являющихся одним из определяющих культурно-хронологических признаков раннего этапа аланской культуры. Предварительным результатам раскопок подобного памятника, найденного в Кисловодской котловине, посвящен данный доклад.

Курганный катакомбный могильник Левоподкумский 1 был обнаружен в процессе дешифрирования аэрофотосъемки Кисловодской котловины на первой речной террасе левого берега р. Подкумок. На аэрофотоснимке, сделанном в сентябре 1970 г., различается городище с площадкой подтреугольной формы, отделенной с напольной части балками, склоны одной из которых эскарпированы и превращены в ров (рис. 1, 1). С северной стороны от площадки через небольшую балку находится ровный склон, на котором видны крупные курганы курганной группы Джагинская 5 (рис. 1, 2). С западной и с восточной стороны от наиболее крупного кургана 1 видны следы распаханых в советское время небольших курганных насыпей, отображенных на снимке в виде осветленных пятен округлой формы. Некоторые из этих пятен окружены линейными структурами подквадратной формы – предположительно ровиками. Наилучшим образом читается крупный ров с перемычками с южной и северной стороны, расположенный к западу от кургана 1 группы Джагинская 5 (рис. 1, 3).

В мае 2012 г. на изучаемом нами памятнике Й. Фассбиндером было проведено магнитометрическое обследование, осуществленное на двух участках размерами 80 x 80 м (к западу от кургана 1) и 120 x 160 м к востоку от него (рис. 1, 3-4). В результате были выявлены структуры в виде ровиков подквадратной в плане формы с перемычками, по центру которых, как правило, имеются пятна округлой формы с позитивными значениями магнитного поля, которые, скорее всего, маркируют затянутые гумусированным грунтом грабительские лазы во входных ямах катакомбных захоронений. Аналогичные пятна распознаются и за пределами ровиков, что, скорее всего, является результатом ограбления бескурганных захоронений, устроенных между курганами.

По результатам магнитометрических измерений в 2012 и 2013 гг. были проведены тестовые археологические раскопки. На участке 1 был раскопан объект, получивший условное название «курган 28». Он представлял собой крупный ров

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

подквадратной формы с двумя перемычками, расположенными с северной и южной стороны. В результате раскопок было установлено отсутствие как курганный насыпи над данным объектом, так и захоронения внутри огороженного рвом пространства. Внушительные размеры рва (18 x 19 м по внешнему контуру, ширина 2,2-2,5 м на уровне зачистки, глубина до 1,5 м) позволяют предположить, что данный объект выполнял функции ритуально-поминального сооружения. Он имеет аналогии в Бесланском могильнике на территории Северной Осетии. Найденные в верхней части заполнения рва немногочисленные фрагменты керамики могут быть уверенно отнесены к раннему этапу аланской культуры (II-IV вв. н.э.).

Для проведения археологических раскопок также были выбраны курганы 1 и 2, обнаруженные в виде ровиков при магнитометрическом обследовании в юго-восточном углу участка 2. Они были возведены над катакомбными захоронениями. Входные ямы ориентированы широтно; камеры находятся у западных стенок входных ям. У одной из катакомб длинные оси входной ямы и камеры взаимоперпендикулярны, у другой длинная ось камеры является продолжением длинной оси входной ямы. Во входных ямах катакомб обнаружены захоронения лошадей, нарушенные грабительскими лазами, а также часть инвентаря, выброшенная из камер во время ограбления. Судя по сохранившимся предметам погребального инвентаря (лучковая двучленная и сильно профилированная фибулы, пряжки, 14-гранные литые золотые напускные бусины, очевидно относящиеся к серьгам, наконечник копья, керамика), погребения в катакомбах были совершены в первой половине IV в. н.э. К несколько более позднему времени (середина – вторая половина IV в. н.э.), стратиграфически и по инвентарю, относятся захоронения в двухкамерной бескурганной катакомбе I, находившейся между ровиками курганов 1 и 2 и также ограбленной в древности.

Проводились исследования укрепленного поселения Подкумское 2, представляющего собой «земляное городище». Оно занимает мысовую площадку подтреугольной формы общими размерами 140 x 165 м, расположенную на первой террасе левого берега р. Подкумок. Площадка отделена от напольной стороны рвом, по дну которого проходит проселочная дорога. Ров имеет внушительные размеры и, скорее всего, является древней балкой, склоны которой были подработаны путем эскарпирования. Его длина по линии северо-восток – юго-запад достигает 170 м, ширина в средней части – 50 м, глубина 10-12 м. Склоны площадки городища также имеют значительную крутизну за счет эскарпирования, особенно с южной и западной стороны. Площадка городища неровная, она покрыта остатками строений, которые прослеживаются на поверхности в виде ряда западин, отдельных задернованных возвышенностей от развалов построек и соединяющих их стен, сложенных из речной гальки. При этом примерно 1/3 площадки с юго-западной стороны не имеет на поверхности видимых сооружений, что также прослеживается на аэрофотоснимке.

Для определения мощности культурного слоя городища и времени его функционирования были заложены два шурфа размерами 2 x 2 м. В шурфе 2 на юго-западной оконечности площадки городища была расчищена хозяйственная яма округлой формы диаметром 1,2 м и глубиной 2,5 м от уровня современной дневной поверхности. В яме обнаружен многочисленный материал: фрагменты сосудов II-IV вв., халцедоновая шаровидная бусина, куски глиняной обмазки, кости животных. Были получены две радиоуглеродные даты из пласта 3 (2 δ 130-390 AD) и 6 (2 δ 50-350 AD) заполнения ямы. Таким образом, описанное укрепление, несомненно, относится к «земляным городищам» раннего этапа аланской культуры (II-IV вв. н.э.).

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

Следует отметить, что городище Подкумское 2 и сопровождающий его курганный катакомбный могильник Левоподкумский 1 являются одними из первых достоверных свидетельств присутствия носителей аланской культуры в Кисловодской котловине уже в первой половине IV в. н.э. В совокупности с разграбленными подкурганными катакомбными захоронениями возле южной окраины пос. Терезе, которые в 1961 г. исследовала Е.П. Алексеева, эти сведения дают первое представление о путях проникновения носителей аланской культуры в Кисловодскую котловину и начальном этапе ее освоения этим населением в предгуннский период. Исходя из имеющихся на сегодняшний день материалов, начало этого процесса можно отнести ко времени около рубежа III-IV вв. н.э.

Рис. 1. Аэрофотоснимок курганного могильника Левоподкумский 1 и его окрестностей. Цифрами обозначены: 1 – городище Подкумское 2; 2 – курганы курганной группы Джагинская 5; 3-4 – участки 1 и 2 геофизического обследования могильника Левоподкумский 1

Е.С. Левин, Д.В. Короткий, М.Ю. Лунев

ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция», г. Краснодар

НОВОЕ САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ С РИМСКИМИ ИМПОРТАМИ ИЗ ПРИКУБАНЬЯ

Осенью 2012 г. «Западно-Кавказской Археологической Экспедицией» был раскопан курган у ст. Журавской Краснодарского края. Насыпь кургана расположена на расстоянии немногим более километра от правого берега р. Журавка на естественной возвышенности. К моменту исследования курган имел высоту 2,8 м и диаметр 76 м. В западной части насыпи было обнаружено и исследовано погребение, которое, без сомнения, можно отнести к богатейшим сарматским захоронениям.

Погребение совершено в катакомбе III типа по типологии К.Ф. Смирнова (Смирнов, 1972). Погребальная камера была вырыта в торцевой стенке входной ямы и находилась под тупым углом по отношению к ней. Переход от входной ямы к камере ни чем не выделен. Дно плавно понижается от входной ямы к передней стенке камеры. Входная яма ориентирована длинной осью по оси север-юг, камера – северо-запад – юго-восток. Стенки и дно входной ямы были покрыты меловым раствором.

Погребение принадлежит мужчине 35–45 лет. Погребённый лежал на деревянном настиле прямоугольной формы, вытянуто на спине головой на юго-восток. Руки вытянуты вдоль тела, ладонями вниз. Ноги вытянуты параллельно и сведены в стопах. На костях и под костями погребенного прослежен органический тлен. На лицевых костях черепа погребенного так же прослеживался достаточно толстый след тлена коричневого цвета. Погребальный инвентарь располагался слева от погребенного, за исключением бронзового котла, находившегося слева. Инвентарь погребения обилен и многообразен: бронзовый котел, стеклянный скифос, бронзовая патера, красноглиняный кувшин, бронзовый кувшин, длинный железный меч, кинжал в ножнах с золотой обкладкой, наконечники стрел, колчаный крюк, золотая фибула и множество мелких золотых бляшек, украшавших одежду погребенного. Каждая из этих находок достойна отдельного внимания, но наше сообщение носит предварительный характер и посвящено датировке комплекса и, в этом плане, нас будут интересовать в первую очередь импортные вещи.

1. Бронзовый кувшин из тонкого кованого листа, со скруглённым в придонной части туловом. Венчик резко отогнут наружу, край бортика загнут вверх. Дно вогнутое. Ручка бронзовая, литая, в виде арбалета, атташи в виде лебединьих головок, которые охватывали верхний бортик сосуда. В верхней части ручки имеется литой овальный в сечении отросток; нижний атташ выполнен в виде мужского лица, возможно, изображение сатира. Наиболее близкая аналогия – кувшин № 808 по каталогу В.В. Кропоткина из погребения Кобанского могильника (раскопки Г.Д. Филимонова). Итальяское производство II – I вв. до н.э. (Кропоткин, 1970. С. 23. Рис. 60/6). По форме тулова наша находка близка и кувшину № 779 по каталогу В.В. Кропоткина из кургана у с. Калиновка (раскопки В.П. Шилова), также итальянского производства II – I вв. до н.э. (Кропоткин, 1970. С. 23. Рис. 60/5). Б.А. Раев связывает появление подобной бронзовой посуды в Кубанском регионе с войнами Митридата VI Евпатора с Римом и относит ко времени I в. до н.э. (Раев, 1994).

2. Скифос стеклянный, литой с двумя ручками. Венчик прямой, край устья закруглён. Тулово чашевидное. Дно с кольцевым поддоном. Ручка имеет два выступа. Верхний выступ с прямыми сторонами и прямым срезом на выступающем конце. Перемычка соединяющая верхний и нижний выступы прямая. Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко датирует скифосы с таким вариантом оформления ручек серединой II в. до н.э. – началом I в. до н.э. (Лимберис, Марченко, 2003).

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

3. Фibuла золотая проволочная, среднелатенской схемы. Пружина многовитковая длинная, с верхней тетивой. Завязка помещена на середине спинки и оформлена в виде трех восьмерок. Относится к подгруппе гладких проволочных надвязных фибул по классификации А.К. Амброс (*Амброс*, 1966. С. 21-22). В работе В.В. Кропотова приведен подробный перечень аналогий нашей находки и обоснована дата: вторая половина или последняя четверть II – первая половина I в. до н.э. (*Кропотов*, 2010. С. 55-56).

4. Патера бронзовая, из тонкого кованого листа, с округлыми стенками, расширяющимися к венчику; широкий венчик резко отогнут наружу под прямым углом. В придонной части имеется желобок, опоясывающий сосуд. Дно слегка вогнуто, с внутренней стороны орнаментировано концентрическими кругами. Сосуд имеет многочисленные следы ремонта. Ручка бронзовая, горизонтальная, округлая в сечении, полая, крепилась тремя заклёпками к стенке под венчиком. Орнаментирована 9 поперечными валиками, 2 рядами точечных насечек и имела навершие в виде головы собаки. Атташ ручки оформлен пластиной с пятью выступами; часть выступов обломана. С противоположной стороны от ручки крепилась бронзовая пластина подтреугольной формы вершиной вниз, верхние углы которой закруглены, а нижний (вершина) раздваивается на два выступа-уса. В центре пластины размещается изображение сатира.

Насегодняшний момент нам сложно говорить об аналогиях, которые, несомненно, будут предложены при полной публикации комплекса. Однако, учитывая датировку уже рассмотренных предметов, можно с уверенностью говорить, что это самая ранняя находка бронзовой патеры в Северном Причерноморье. Все приведенные находки в работах В.В. Кропоткина (1970), Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (2006) относятся ко времени не ранее начала I в. н.э. Исключение составляет ручка патеры найденная у хут. Эриванский, дата которой остаётся неопределенной и нельзя исключать II в. до н.э. Необходимо отметить, что именно находка у хут. Эриванский по оформлению ручки является наиболее близкой к нашей находке.

В целом исследованное нами погребение можно датировать последней четвертью II – началом I в. до н.э. Оно, несомненно, принадлежит к элитным комплексам сарматских древностей Прикубанья.

Литература

- Амброс А.К.*, 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. / САИ. Вып. Д1-30. М.
- Кропоткин В.В.*, 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (III в. до н.э. – V в. н.э.) / САИ. Вып. Д1-27. М.
- Кропотов В.В.*, 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.*, 2003. Стекланные сосуды позднеэллинистического и римского времени из Прикубанья // МИАК. Вып. 3. Краснодар.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.*, 2006. Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // *LiberArchaeologicae*: сборник статей, посвященный 60-летию Б.А. Раева. Краснодар, Ростов-на-Дону.
- Смирнов К.Ф.*, 1972. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья, Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА. №1.
- Raev B.A.*, 1994. Bronze Vessels of the late La-Tene-Period from Sarmatia // *Akten der 10. Internationalen Tagung über Bronzen*. Stuttgart.

А.М. Новичихин

Анапский археологический музей, г. Анапа

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ ФИБУЛЫ ИЗ СЛУЧАЙНЫХ НАХОДОК В РАЙОНЕ АНАПЫ

Металлические застёжки-фибулы на протяжении нескольких столетий служили практически неизменным атрибутом костюма позднеантичного и раннесредневекового населения Юга Восточной Европы и Кавказа. Нередко они становятся известны археологам в качестве случайных находок. Этому способствовали, по меньшей мере, два обстоятельства: 1) фибулы входили в состав инвентаря подвергшихся разрушению погребений; 2) фибулы, имея не самый совершенный механизм крепления, часто терялись.

В собрании фибул Анапского археологического музея, происходящих из случайных находок, на фоне явного преобладания застёжек позднеантичного времени, выделяется группа предметов из 5 экземпляров, относящихся к периоду раннего средневековья.

1. Бронзовая фибула (рис. 1, 1) с ленточной равномерно изогнутой спинкой, слегка сужающейся к ножке, с кольцом для оси пружины, ширина которого меньше, чем ширина спинки. На оси закреплена трехвитковая пружина с нижней тетивой, переходящая в иглу. Ножка оформлена в виде пластинчатого приемника, конец которого косо срезан и не имеет характерного выступа-завитка. Случайная находка в 1977 г. в окрестностях ст. Натухаевской.

2. Фрагмент бронзовой фибулы (рис. 1, 2): часть ленточной спинки, с кольцом для оси пружины, ширина которого почти равна ширине спинки. На оси закреплена трехвитковая пружина с нижней тетивой, переходящая в иглу. Подъемный материал 1991 г. с территории средневекового могильника Андреевская щель.

3. Фрагмент бронзовой фибулы (рис. 1, 3): ленточная, равномерно изогнутая.

4. Железная фибула (рис. 1, 4) с ленточной равномерно изогнутой спинкой с кольцом для оси пружины, ширина которого равна ширине спинки. На оси закреплена трехвитковая пружина с нижней тетивой, переходящая в иглу. Ножка оформлена в виде пластинчатого приемника, на конце которого сохранились остатки завитка. Несет следы пребывания в огне. Найдена в 1992 г. вместе с фрагментом бронзового зеркала, украшенного рельефным ячеистым орнаментом (рис. 1, 5), в с. Су-Псех, на распаханной вершине г. Школьной. Судя по всему, оба предмета являются остатками инвентаря разрушенного вспашкой кремационного погребения.

5. Железная фибула (рис. 1, 6) с равномерно изогнутой витой спинкой с кольцом для крепления оси пружины, укрепленной на медной оси трехвитковой пружины с нижней тетивой, переходящей в иглу, и пластинчатым приемником. Случайная находка в 1972 г. в долине Сукко, на территории распаханного средне-векового могильника.

По классификации А.К. Амброза рассмотренные фибулы следует относить к особо выделенному варианту фибул группы 13 «с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника», распространенному в памятниках Кавказа и салтово-маяцкой археологической культуры VIII-IX вв. (Амброз,

1966. С. 45, 46). По классификации, предложенной А.В. Дмитриевым для фибул могильника Дюрсо, находки из Натухаевской, Андреевской щели, Бужора, Су-Псеа и Сукко могут быть отнесены к типу 7 (Дмитриев, 1982. С. 79, 80. Рис. 4, 2, 4, 5). Фибулы этого типа встречены в кремационных погребениях поздней группы могильника, датирующихся VIII-IX вв.

Для экземпляров из Андреевской щели и Бужора нельзя не отметить их сходства с более ранними прогнутыми подвязными фибулами типа 2 и фибулами с трубчатым приемником типа 3 (Дмитриев, 1982. С. 78. Рис. 3, 3, 10, 23). Сохранность этих фибул, прежде всего отсутствие приемника, не позволяет конкретизировать отнесение их к какому-либо из указанных типов. Однако, с учетом того, что комплексы могильника Дюрсо, содержавшие фибулы типа 7, хронологически ближе к остальным находкам из Андреевской щели и Бужора, более предпочтительным представляется отнесение этих фибул к данному типу.

Фибула из Натухаевской может быть отнесена к варианту 7б, единственному в материалах могильника Дюрсо, в котором помимо железных представлены фибулы из цветного металла (Дмитриев, 1982. С. 79. Рис. 4, 4). Необычным выглядит отсутствие у нее традиционного завитка на конце приемника.

Фибула из Су-Псеа относится к варианту 7а, самому многочисленному в материалах могильника Дюрсо и представленному в комплексах этого некрополя исключительно железными экземплярами (Дмитриев, 1982. С. 79. Рис. 4, 2). Близкие по форме фибулы имеются среди находок из других могильников VIII-IX вв. с погребениями по обряду кремации Закубанья и Северо-Восточного Причерноморья: Молдавановского (Пьянков, Тарабанов, 2004. С. 279. Рис. 10, 12), Казазово II (Пьянков, 1990. С. 161, 162. Рис. 50, 1), Тауйхабль (Носкова, 2002. С. 174. Рис. 3, 17), Борисовского (Саханев, 1914. С. 148. Табл. V, 21). Известны подобные фибулы в материалах эталонного для древностей салтово-маяцкой культуры Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. Рис. 59), причем в одном из погребений (катакомба 81) фибула найдена в комплексе с бронзовым зеркалом, украшенным ячеистым орнаментом (Плетнева, 1989. Рис. 52, тип. 7). Аналогичная железная застежка входила также в состав инвентаря кремационного воинского погребения VIII-IX вв. из с. Кочеток в верховьях Северского Донца (Дегтярь, 1984. С. 243. Рис. 1, 16).

Фибула из Сукко относится к варианту 7г, представленному в материалах могильника Дюрсо единственной находкой в кремационном погребении 80 (Дмитриев, 1982. С. 79. Рис. 4, 5). Еще два экземпляра аналогичных фибул происходят из разрушенных погребений могильников Псекупского и Казазово II в Закубанье (Ловпаче, 1985. Табл. XXXIII, 5; Пьянков, 1990. С. 162. Рис. 10, 5). В материалах кремационного могильника Сухая Гомольша в Подонье известен экземпляр фибулы с двойной витой спинкой (Михеев, 1986. Рис. 6, 19).

Таким образом, все раннесредневековые фибулы из случайных находок в районе Анапы однотипны и относятся к одному и тому же времени – VIII-IX вв. Судя по следам воздействия огня на отдельных экземплярах (Су-Псеа) и контексту находок ближайших аналогий, их бытование следует связывать с носителями традиции погребения по обряду кремации, распространение которой в регионе приходится как раз на этот период.

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

Литература

- Амброз А.К.*, 1966. Фибулы юга европейской части СССР / САИ. Вып. Д1-30. М.
- Дегтярь А.К.*, 1984. Комплекс из погребения воина у с. Кочеток на Северском Донце // СА. № 2.
- Дмитриев А.В.*, 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо // Древности эпохи великого переселения народов V-VIII вв. М.
- Ловпаче Н.Г.*, 1985. Могильники в устье Псекупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Михеев В.К.*, 1986. Сухогомольшанский могильник // СА. № 3.
- Носкова Л.М.*, 2002. К вопросу об этническом составе Закубанья в эпоху раннего средневековья // Материальная культура Востока. Вып. 3. М.
- Плетнева С.А.*, 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Пьянков А.В.*, 1990. Новый средневековый могильник у аула Казазово // Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А.*, 2004. Воинский комплекс 25 из Молдавановского могильника (раскопки 1989 г.) // МИАСК. Вып. 3. Армавир.
- Саханев В.*, 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911-1912 гг. // ИАК. Вып. 56. СПб.

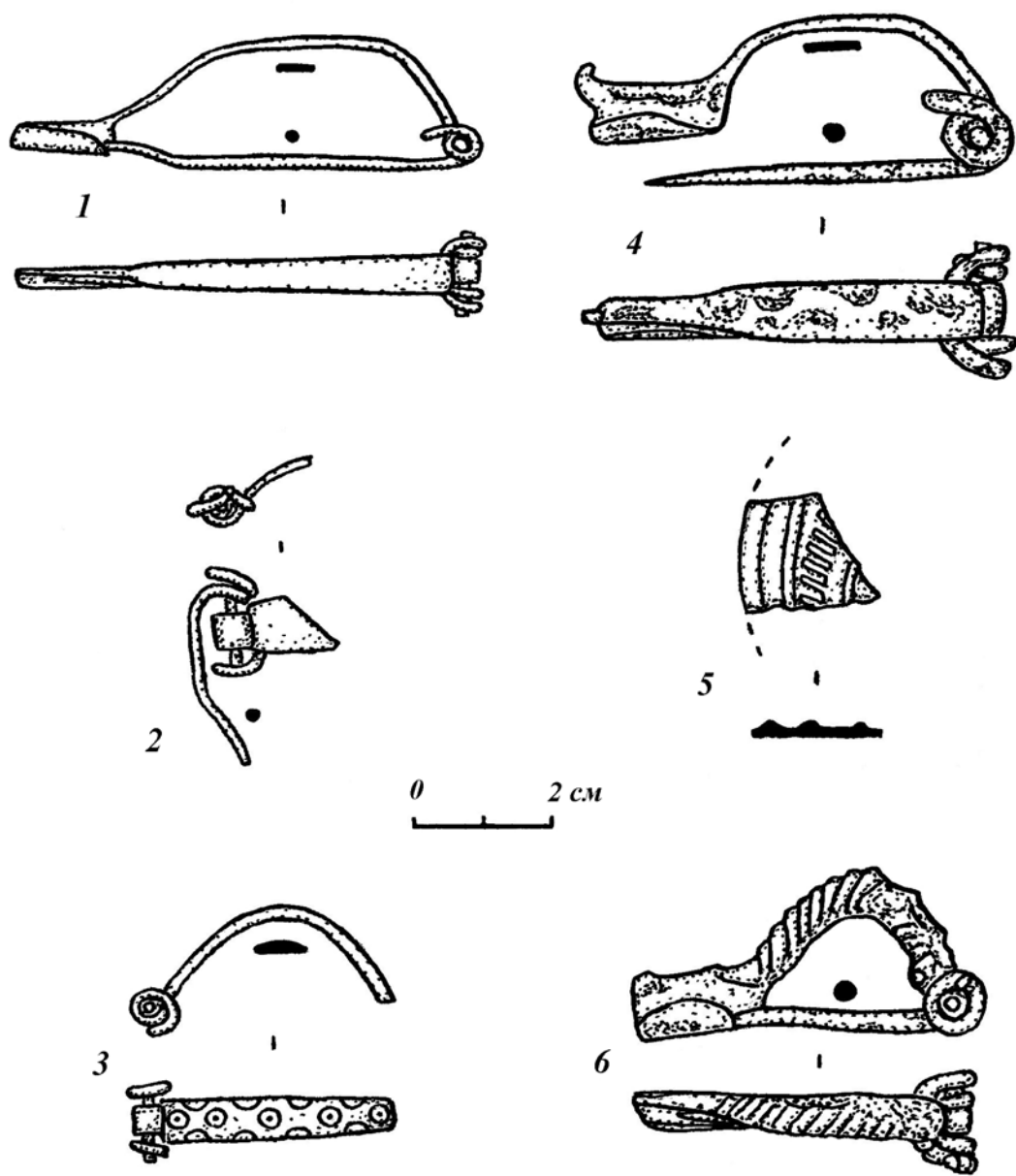

Рис. 1. Фибулы и сопутствующие им находки из района Анапы: 1 – Натухаевская; 2 – Андреевская щель; 3 – Бужор; 4, 5 – Су-Псех; 6 – Сукко. 1-3, 5 – бронза; 4, 6 – железо

А.В. Пьянков

ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция», г. Краснодар

И.Н. Анфимов

г. Краснодар

О ПОЗДНЕЙ ГРУППЕ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ЕЛИЗАВЕТИНСКОГО ГОРОДИЩА № 2 (РАСКОПКИ 1978 Г.)

Могильник Елизаветинского городища № 2, о котором пойдет речь, был открыт в 1966 г. в 2 км к востоку от ст. Елизаветинской в карьере кирпичного завода. Памятник раскапывался в 1966 и 1967 гг. Р.С. Якимовой под научным руководством Н.В. Анфимова.

В 1978 г. при строительстве канализационного коллектора между г. Краснодаром и ст. Елизаветинской были обнаружены древние погребения в 800-х м от ранее исследованной площади. Экспедиция Краснодарского музея-заповедника (начальник И.Н. Анфимов) вскрыла 2800 кв. м площади, где было исследовано 107 погребений, относящихся к трем хронологическим группам. Первую составили 17 пог. IV–I вв. до н. э.; вторую – 71 пог. I–II вв. н. э. В научный оборот введена только 2-я группа пог. этого могильника (Анфимов, 1984. С. 83-111).

Цель настоящего доклада дать предварительные сведения о поздней группе погребений из раскопок 1978 г., которую образуют 16 захоронений:

пп. 47, 48, 50–57, 61–65, 92. Формы могильных сооружений проследить не удалось. Глубина могил колебалась в среднем от 1,3 до 1,7 м. Наименьшая глубина – 1,24 м, наибольшая – 1,9 м. Скелеты сохранились в 14 могилах из 16. Все костяки, без исключения, ориентированы головой на север (рис. 1, 1), иногда с незначительным отклонением к западу (5 пог.) или востоку (3 пог.). Погребенные лежали на спине, вытянуто, с руками вытянутыми вдоль тела (10 погребений). В пог. 65 правая рука была несколько согнута, так, что дистальный конец предплечья лежал на костях таза. В другом случае (пог. 54) обе руки были согнуты в локтевых суставах так, что кисти рук находились в области головок плечевых костей. В пог. 51 у костяка правая нога была слегка согнута в колене.

Инвентарь в погребениях скромнен и ограничен глиняными сосудами, располагавшимися в головах, за черепом (рис. 1, 1), поясными пряжками, ножами и украшениями.

Посуда, изготовленная на гончарном круге, представлена кувшинами, мисками, горшкам и кружкой. Вся керамика, за исключением кружки, сероглиняная. Кувшины плоскодонные, с округлым туловом (пп. 47, 57, 61). Покатые плечи плавно переходят в желобчатое горло, расширяющееся к устью. Кувшин из пог. 47 имеет слив (рис. 1, 14), у остальных двух кувшинов верхняя часть горла не сохранилась.

Две сероглиняные плоскодонные миски: одна из пог. 53 (рис. 1, 18) имеет раздутое в верхней части тулово и отогнутый наружу край; вторая (пог. 61) имеет прямой бортик, плавно переходящий в стенки тулова, отогнутый наружу и закругленный венчик. На дне миски из пог. 61 в центре имеется неглубокое пальцевое вдавление. Горшок (пог. 47) плоскодонный с округлым, выпуклым в средней части, туловом и отогнутым наружу краем. Кружка (пог. 57) красноглиняная, плоскодонная, с несколько сужающимися

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

ся кверху желобчатыми стенками (рис. 1, 19). Ручка прямоугольной формы прикреплена к тулову в средней его части.

Лепные сосуды, изготовленные без помощи гончарного круга, или доработанные на медленно вращающемся круге, встречались наравне с кружальной посудой и представлены миской и горшками разнообразных форм. Горшки встречены в шести могилах (пог. 47, 52, 53, 55, 56, 61); все они плоскодонные, сравнительно небольшие. Средние размеры: высота 11–16 см, диаметр устья 6–9 см, диаметр тулова 10–13 см, с расширенным в верхней или средней части туловом и невысоким горлом со слегка отогнутым наружу краем. Все горшки тонкостенные, поверхность сосудов тщательно заглажена. Горшок (рис. 1, 16) из пог. 53 имел массивную крышку с выступающей ручкой (рис. 1, 12). По краю и плечикам сосуда процарапан сложный геометрический орнамент, состоящий из вертикальных линий, зигзагов и косых насечек. У другого горшка (пог. 55) по венчику – орнамент в виде косых вдавлений.

Импортная посуда встречена только в одном полуразрушенном погребении (пог. 63) и представлена краснолаковой миской (рис. 1, 20) на кольцевом поддоне с вертикальным бортиком, имеющим снизу горизонтальный валик. Рядом с миской находилась красноглиняная амфора (рис. 1, 15) средних размеров (высота 46 см, диаметр тулова 21 см) с коротким горлом, оканчивающимся валикообразным венчиком и продолговатым, слегка сужающимся ко дну, туловом. Стенки тулова, закругляясь, переходят в дно полусферической формы с небольшим круглым выступом в центре. Ручки амфоры, овальные в сечении, нижними концами опираются на плечи сосуда, а верхними – крепятся к горлу под венчиком. Вся наружная поверхность амфоры покрыта горизонтальными желобками.

Стеклянные сосуды были найдены в двух погребениях: в пог. 63 обнаружен фрагмент края бокала (рис. 1, 17), изготовленного из прозрачного бесцветного стекла; в пог. 61 находился небольшой кувшинчик с округлым туловом, переходящим в высокое цилиндрическое горло, расширяющееся к устью, дно вогнуто внутрь сосуда, ручка – пластинчатая. Кувшинчик из бесцветного, прозрачного стекла сохранился во фрагментах.

Украшения были встречены только в трех погребениях – двух детских и в одном взрослом. Украшения представлены янтарными бусами уплощенно-цилиндрической формы (рис. 1, 4-6) и грибовидными подвесками (рис. 1, 2-4), а также бронзовыми пластинчатыми подвесками (рис. 1, 9), имевшими выпукло-вогнутую форму, раздвоенными снизу. Подвески изготовлены из листового металла, верхний край их загибается, образуя петлю для подвешивания. Не исключено, что данные предметы могли служить в качестве амулетов. К предметам культового назначения следует отнести небольшой бронзовый колокольчик (рис. 1, 7), найденный в одной из детских могил (пог. 56).

Бытовые предметы представлены двумя железными ножами (пп. 47, 65) и поясными пряжками. Первый нож небольших размеров, очень плохой сохранности, и его форма полностью не восстанавливается. Нож (рис. 1, 13) из пог. 65 более крупный (длина 15,2 см, ширина клинка у основания – 2,2 см), однолезвийный со спинкой в последней трети, опускающейся к острию, с заклепкой на черенке.

Две поясные пряжки – бронзовые (пп. 54, 65), литые, овальнорамчатые с расширенной передней частью рамки, за пределы которой слегка выступа-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

ют язычки (рис. 1, 10, 11). Один язычок с гладким прямоугольным выступом в основании, второй – округлый в сечении утолщается к задней части. В пог. 47 была найдена железная пряжка (рис. 1, 8) с овальной рамкой и коротким сегментовидным в сечении, язычком (реконструкция).

В четырех погребениях инвентарь отсутствовал или содержал отдельные пастовые бусы, которые не сохранились. Погребения первой и второй хронологических групп, составляющие основную массу могил Елизаветинского могильника № 2, как по погребальному обряду, так и по материалу, являются типичными для меото-сарматской культуры нижнего Прикубанья. Погребения третьей хронологической группы отличаются от более ранних ориентировкой костяков и отдельными чертами погребального обряда.

Наиболее ранним захоронением является пог. 51 с грибовидными подвесками, которые поступали в Прикубанье во втор. пол. III–IV вв. (Анфимов и др., 2008. С. 11). Пог. 63 по краснолаковому блюду (тип F по Дж. Хейсу) и желобчатой амфоре (близка по форме типу 28А по А. Сазанову) может датироваться в пределах втор. четв. VI – пер. пол. VII вв. (Hayes, 1972. P. 331; Sazanov, 1997. P. 94). Самым поздним захоронением, вероятно, было пог. 55, с горшком, имевшим косые вдавления по венчику, которые позволяют датировать сосуд серед. – втор. пол. VII в. (Баранов, 1990. С. 89, 112, 112). Инвентарь остальных погребений датируется широко в пределах конца V–VII вв.

Поздние погребения могильника Елизаветинского городища № 2 имеют мало общего с предшествующими погребениями этого же могильника, но заметно некоторое сходство с захоронениями, расположенного к востоку от г. Краснодара Пашковского могильника № 1 (Анфимов, 1941. С. 214-219; Покровский, 1936. С. 159-169). Однако имеющихся материалов недостаточно для однозначных выводов об этнической близости обоих памятников. Среди керамики присутствуют отдельные формы, характерные для кавказских алан.

Литература

- Анфимов Н.В., 1941. Река Кубань // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. Под ред. В.В. Гольмстейн. М.-Л.
- Анфимов И.Н., 1984. Меотский могильник I–II вв. н. э. близ станицы Елизаветинской // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Анфимов И.Н., Пьянков А.В., Тарабанов В.А., 2008. О погребениях позднесарматского времени на могильниках меотских городищ правого берега р. Кубань // «Фелицынские чтения» (X). Материалы межрегиональной научной конференции (г. Краснодар, 8–9 октября 2008 г.). Краснодар.
- Баранов И.А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.
- Покровский М.В., 1936. Пашковский могильник № 1 // СА. Вып. I. М.-Л.
- Hayes J.W., 1972. Late Roman Pottery. London.
- Sazanov A., 1997. Les amphores de l'antiquité tardive et du Moyen Age: continuité ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La céramique médiéval en Méditerranée. Actes du VIe Congrès de L'AIECM2. Aix-en-Provence 13-18 novembre 1995. Aix-en-Provence.

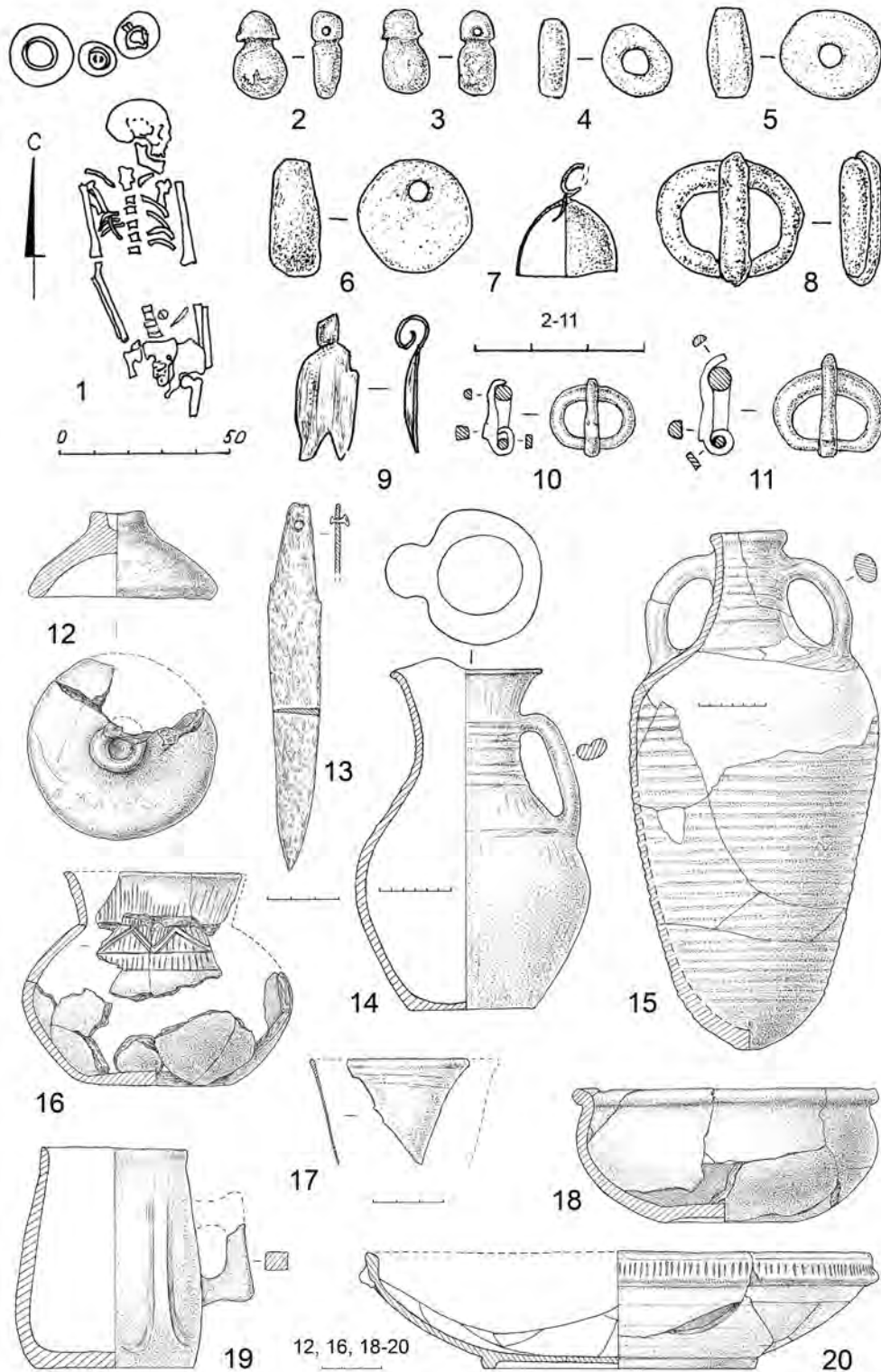

Рис. 1. Погребения могильника № 2 Елизаветинского городища: 1, 8, 14 – п. 47; 2, 3 – п. 51; 4, 5, 8 – п. 56; 6, 9 – п. 62; 10 – п. 54; 11, 13 – п. 65; 12, 16, 18 – п. 53; 15, 17, 20 – п. 63; 19 – п. 57. 1 – план; 2-6 – бусы; 7 – колокольчик; 8, 10, 11 – пряжки; 9 – подвеска; 12 – крышка; 13 – нож; 14-20 – сосуды. 2-6 – янтарь; 7, 9-11 – бронза; 8, 13 – железо; 12, 14-16, 18-20 – керамика; 17 – стекло

С.Н. Савенко

Пятигорский краеведческий музей, г. Пятигорск

ЭЛИТНЫЕ КЕНОТАФЫ СЕРЕДИНЫ V – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI ВВ. Н.Э. ИЗ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Интересным явлением погребальной обрядности вообще, и на Северном Кавказе в частности, являются кенотафы – символические захоронения («пустые могилы»), не содержащие человеческого тела. Обычно их связывают с людьми, умершими или погибшими на чужбине вдали от родных мест. Могли быть и иные причины потери тела умерших или пропавших без вести людей: необнаруженные утопленники, полностью сгоревшие в пожаре, провалившиеся в пропасти и в трещины ледников в горах, растерзанные (съеденные) животными и т.п. Не исключено, что кенотафы могли создаваться на общих кладбищах для людей, которые не могли быть похоронены там, в связи с особыми условиями смерти (убитые молнией, самоубийцы и др.).

Кенотафы обычно включают предметы погребального инвентаря и материальные следы погребально-поминальных действий, характерных для полноценных захоронений людей. Известны также отдельные захоронения животных, включавшие предметы человеческого обихода, и сопровождающие кенотафы погребения, которые сами могли выступать частью погребального инвентаря.

На Северном Кавказе, включая Кисловодскую котловину, известны комплексы, обладающие признаками и (или) относимые к категории кенотафов различных эпох, в том числе и раннего средневековья. Однако они пока редко подвергались специальному научному анализу. Определенное отношение к теме могли иметь дромосы без камер на могильнике Клин-Яр III, изученные В.С. Флёровым, который, однако, не склонен относить их к кенотафам (Флёров, 2000. С. 53-55).

В Кисловодской котловине нам известно два катакомбных комплекса начала эпохи раннего средневековья, не содержавших признаков человеческого погребения. Это комплекс № 1 могильника Острый мыс 1 у северной окраины Кисловодска, раскопанный в 1974 г. А.П. Руничем (Рунич, 1974. С. 2-3; Абрамова, 1997. С. 43. Рис. 28), и доследованное кисловодскими краеведами М.А. Гуськовым и В.А. Лученковым 8 октября 1988 г. частично разрушенное захоронение под условным № 13 (34) на могильнике Клин-Яр – III, полевой чертеж (Нвф. 3706/33) и погребальный инвентарь (Оф.4696) которого хранятся в Кисловодском историко-краеведческом музее «Крепость».

Комплекс № 1 могильника Острый мыс 1 находился в катакомбе с овальной в плане камерой (198 × 102 см), ориентированной по линии ЮЗ-СВ, и перпендикулярно подходящей к ее средней части входной ямой (ширина – ок. 60 см) с немного суженным входным лазом, закрытым вертикальной каменной плитой с подставками. В сохранившейся части входной ямы у заклада расчищено 4 керамических сосуда во фрагментах в виде кувшинчиков и кружек с полосчатым орнаментом. У дальней от входа СЗ стенки камеры располагались железные меч с прямым перекрестьем плохой сохранности общей длиной около 84 см, крупный нож или кинжал, фрагментированные удила, фигурная позолоченная пряжка В-образного контура без щитка, железная овальнорамчатая пряжка с продолговатым сплошным щитком, малая

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

двупластинчатая фибула из бронзы или низкокачественного серебра, 2 позолоченные заклепки, кубическая гагатовая и овальная стеклянная бусина. Еще одна группа предметов расчищена у СВ короткой стенки. Здесь были: еще 3 глиняных сосуда малых размеров с умбоновидными выступами и орнаментом из линий, треугольников и точек, плохо сохранившийся стеклянный сосуд и медный (бронзовый) кованный и клепанный котел с отогнутой кромкой и железной дужкой диаметром ок. 270-280 мм.

Комплекс 13(34) могильника Клин-Яр III располагался в катакомбе аналогичной формы и близкой ориентировки, но больших размеров: камера – 205 × 130 × 145, входная яма – 260 × 70 × 300 см. Под высоким (ок. 1 м) порогом камеры была яма подпрямоугольной формы (120 × 50 × 25 см) (рис. 1, 1-2). Лаз с заплечиками был плотно заложен кладкой из камней и плит. В дальней от входа части дромоса на полу расчищены истлевшая кибить лука с костяными обкладками (рис. 1, 6-10), около 15 железных наконечников стрел с трехгранными бойками и фрагменты железного каркаса колчана (рис. 1, 12-15). В средней и передней части ямы на дне были следы огня и древесные угли. В припорожной яме лежали фрагментированные железные удила с прямыми псалиями, завершающимися овальными утолщениями (рис. 1, 24), 3 овальнорамчатые, 1 прямоугольная без щитков и «В»-образная с небольшим прямоугольным щитком железные пряжки (рис. 1, 16, 18-21). Овальные рамки имеют утолщения в передней части и язычки с небольшими хоботками. Обнаружены также железный нож и бронзовая пластинчатая эллипсовидная оковка ножен кинжала или меча (рис. 1, 17, 22). В средней части камеры также были следы огня и угли. У дальней стенки расчищен фрагментированный бронзовый котел с железной дужкой диаметром ок. 240 см (рис. 1, 23), фрагментированный керамический кувшинчик с четырьмя умбоновидными выступами с обводами, полосчатым орнаментом и линиями вдавления (рис. 1, 4). Еще один подобный кувшинчик с тремя выступами и кружка без орнамента во фрагментах выявлены у СВ короткой стенки камеры (рис. 1, 3, 5).

Предложенную М.П. Абрамовой широкую датировку комплекса Острый мыс № 1 в пределах V-VI вв. н.э. (Абрамова, 1995. С. 29) можно уточнить, учитывая фибулу, тип меча и набор керамики, ограничив ее серединой V – первой половиной VI в. н.э. Примерно к тому же времени относится и клин-ярский комплекс.

Площади камер (1,6 и 2,3 кв. м соответственно) таковы, что в ней вполне могло быть совершено захоронение одного и более человек (исходя из рассчитанной необходимой площади на одного погребенного – Савенко, 1989. С. 2). Конечно, следует допускать, что люди, совершавшие ритуальное захоронение, могли как построить новую, так и в использовать готовую для другого захоронения катакомбу. Но два выявленных случая скорее свидетельствуют о первом варианте.

Представленные комплексы явно были связаны или посвящены воинам-всадникам. В них входили: меч, кинжал или крупный боевой нож, железные удила, медные котлы с железной ручкой. Показательны стеклянный сосуд и уникальная богатая поясная пряжка в Остром мысе 1, и лук со стрелами в могильнике Клин-Яр III. Все эти предметы относятся к числу особо престижных (Коробов, 2003. С. 197; Казанский, 2008. С. 748). Наличие богатых пряжек также являлось показателем престижности пояса для раннесредневекового воина, хотя В.С. Флёрв и Г.Е. Афанасьев отстаивают мнение

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

о том, что пояса в большей степени отражали возрастную принадлежность погребенных и не были связаны с их социальным положением (Афанасьев, 1993. С. 131-144). Часть предметов (пряжка, стеклянный сосуд и др.) явно неместного производства и характеризуют так называемую «княжескую моду» (Казанский, Мастыкова, 2001. С. 139-161; Мастыкова, 2008. С.26-34). Именно рассмотренные кенотафы позволяют представить, какие предметы должны входить в состав погребального всаднического набора высокого социального уровня (военачальника).

Нередким явлением богатых комплексов является большое число керамических сосудов. В кенотафе Острого мыса (в камере и во входной яме у плиты) было семь кружек и кувшинчиков. А в катакомбе 10 могильника Лермонтовская скала 2 находилось 10 глиняных сосудов, помимо стеклянных. По всей вероятности, подобные факты отражают заупокойную тризну по умершему и число близких к нему участников поминального ритуала.

Литература

- Абрамова М.П., 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв.н.э. М.
- Афанасьев Г.Е., 1993. Система социально-маркирующих предметов в мужских погребальных комплексах донских алан // РА. № 4.
- Казанский М.М., 2008. Ранневизантийские парадные мечи на Северном Кавказе и в Северо-Восточном Причерноморье // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971-2006. М., Ставрополь.
- Казанский М.М., Мастыкова А.В., 2001. Центры власти и торговые пути в западной Алании в V-VI вв. // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. Сборник статей. М.
- Коробов Д.С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. СПб.
- Мастыкова А.В., 2008. «Княжеская» мода эпохи великого переселения народов и северокавказский женский костюм // РА. № 3.
- Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. М.
- Рунич А.П., 1974. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1974 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 5249.
- Савенко С.Н., 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X-XII вв.н.э. // Автореф. дис... канд. ист. наук. М.
- Флёров В.С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V-VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. М.

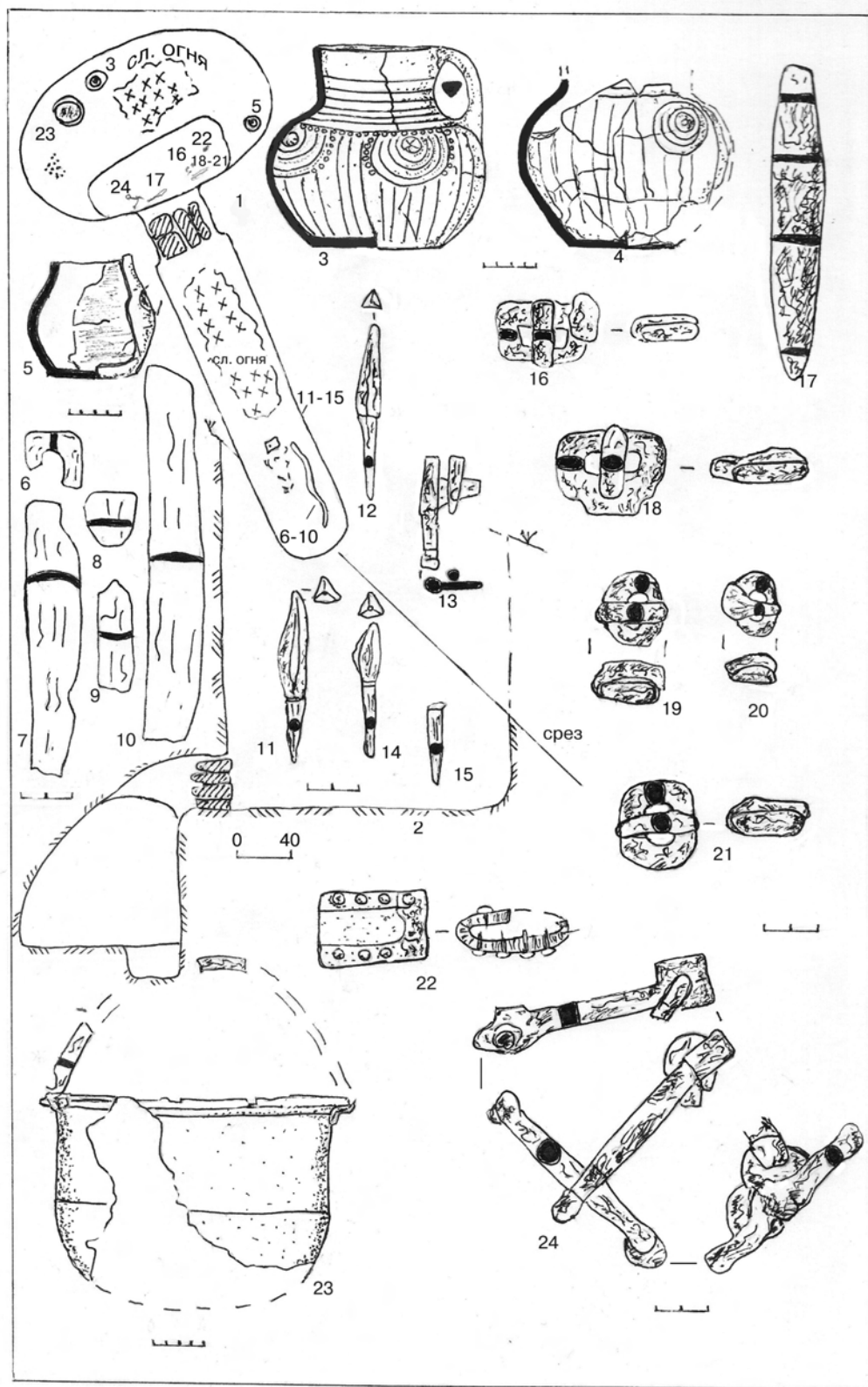

Рис.1. Комплекс катакомбы – кенотафа №13 (34) могильника Клинь-Яр III. 1-2. План и разрез катакомбы: 3-5 – сосуды; 6-10 – обкладки кибиты лука; 11-15 –наконечники стрел и фрагменты каркаса колчана; 16, 18-21 – пряжки; 17 – нож; 22 –оковка ножен с гвоздиками на деревянной основе; 23 – фрагменты котла; 24 – удила с псалями. 3-5 – керамика, 6-10 – кость; 11-21, 24 – железо; 22 - бронза, край покрыт окислом железа; 23 – бронза, железо

В.А. Саидов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКИЕ МЕЧИ С ТЕРРИТОРИИ ДАГЕСТАНА

На территории Дагестана обнаружено несколько мечей, характерных для скифского и раннесарматского времени, представляющих несколько типов и происходящих из памятников как местного, так и степного населения.

Тип 1. Мечи с бабочковидным перекрестием и антенновидным навершием - 4 экз. (рис. 1, 1, 2). Клинки обоюдоострые, откованы из цельной железной полосы, в верхней части клинка приварены куски железа в виде узкого бабочковидного перекрестья. Три экземпляра таких мечей происходят из погребений Бежтинского могильника (раскоп 4 1957 г., погр. 2; раскоп 1959 г., погр. 2; один меч найден строителями), который датируется VIII-X вв. н.э. Сразу укажу, что в этих же комплексах были найдены железные двух- и трехлопастные втульчатые и черешковые наконечники стрел. Длина мечей составляет 54-85 см, ширина у основания клинка – 3-5 см. Из местности Тлярахотль (Цунтинский р-н РД) происходит кинжал этого типа (рис. 1, 2), случайно обнаруженный при дорожных работах (сохр. длина – 26,5 см; ширина пяты клинка – 4,9 см; длина рукояти – 11,8 см; ширина рукояти – 1,9 см; разворот навершия – 6,4 см). Подобные мечи (с почковидным, бабочковидным и сердцевидным перекрестьем) характерны для памятников скифского времени, но известно также присутствие подобных форм оружия в более поздних комплексах. Наличие мечей подобного облика в погребениях Бежтинского могильника VIII-X вв. н.э. говорит о присутствии в этом же могильнике более ранних групп захоронений. Характерными предметами для этого времени являются головные булавки с гвоздевидной и шаровидной головкой, бронзовые подтреугольные ажурные пряжки и подвески, железные двухлопастные и трехлопастные втульчатые и двухлопастные черешковые (типа «площиков») наконечники стрел, которые укладываются в хронологические рамки около рубежа эр.

Многие из вышеперечисленных нами предметов весьма близки комплексу инвентаря коллективной грунтовой могилы № 1 Урцекского некрополя и Хабадинского могильника. Прежде всего, это касается железных двухлопастных и трехлопастных втульчатых наконечников стрел в сочетании с железными трехлопастными черешковыми, а также костяными трех- и четырехгранными наконечниками стрел с внутренней втулкой, датирующимися последними веками до н.э.

Известно, что наконечники стрел указанных типов (втульчатые железные и костяные) были известны на Северном Кавказе еще в скифское время, где они использовались довольно долго, продолжив свое сосуществование с железными черешковыми до рубежа эр.

Наконечники стрел типа «площиков» с округлыми черешками и плоскими треугольными головками с опущенными вниз жалъцами были характерны для памятников Кавказа эпохи раннего железа, изготовленные, как правило, из бронзы и кости. Наиболее ранние железные образцы указанных стрел появились на Северном Кавказе в конце VI в. до н.э. (одновременно с подобными им бронзовыми образцами) и бытовали до сарматского времени.

Тип 2. Кинжал с прямым перекрестием и брусковидным навершием (рис. 1, 3) представлен единственным экземпляром, происходящим из коллективной грунтовой могилы № 2 некрополя городища Урцеки. Клинок ромбической в сечении формы с выраженным продольным ребром. В верхней части брусковидного навершия имеется слабый выступ, что выделяет его на фоне других кинжалов и мечей этого типа. Общая длина кинжала – 34 см, ширина пяты клинка – 5 см. Датируется по сопутствующему инвентарю (ойнохоевидный кувшин, бронзовые гвоздевидная и ложечковидная булавки, костяные четырехгранные наконечники стрел с внутренней втулкой) последни-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

ми веками до н.э. Хорошим хронологическим маркером этой могилы служит бронзовая гвоздевидная булавка, аналогии которой известны в погребениях I в. до н.э. – II в. н.э. Карабудахкентского 1-го и Новолакского могильников. Ближайший аналог урцекскому экземпляру – кинжал, найденный на территории Боспора в некрополе Тирамбы IV–III вв. до н.э. Кинжалы-акинаки подобного типа являлись характерным видом оружия Предкавказья в скифское время. Единичные случаи присутствия таких акинаков в Северном Причерноморье и Прикаспии В.Б. Виноградов связывал с вероятностью контактов с Северным Кавказом. Мнение это правомерно, но ограничение времени бытования подобных акинаков скифским временем представляется спорным. К числу мечей и кинжалов VII–IV вв. до н.э. О.М. Давудов и В.Б. Виноградов причисляли и урцекский кинжал, что, на наш взгляд, неправомерно. Акинак из Урцекского некрополя относится, скорее всего, к раннесарматскому времени. На это указывает вышеупомянутый погребальный инвентарь, датируемый последними веками до н.э.

Тип 3. Мечи без перекрестия с серповидным и волнитообразным навершием – 2 экз. (рис. 1, 4, 5). Меч с серповидным навершием происходит из разрушенного погребения могильника Черкес-кутан (рис. 1, 4). Сохранившаяся длина его – 48 см, клинок треугольно-вытянутой формы (ширина у основания – 5,8 см), рукоять – плоская в сечении, навершие – круглое в сечении с раскованными прямоугольными в сечении концами. Датировочными материалами из этого могильника служат различные бронзовые ажурные бляхи, орнаментированный фалар, ложечковидные булавки, серебряные омеговидные и подковообразные подвески, керамика (миски и ритуальные сосуды) и т.д., укладываемые в рамки III–I вв. до н.э.

Оригинальный меч с волнитообразным навершием был найден в погр. 29 кургана-кладбища № 4 II–I вв. до н.э. Львовского-VII могильника. По своим морфологическим признакам он близок черкескутанскому мечу, но отличается навершием, выделяющим его в самостоятельный подтип. По наблюдениям исследователей, навершие рассматриваемого экземпляра первоначально было восьмерковидным и состояло из двух (уцелело одно) сомкнутых волют. Размеры: общая длина – 73,5 см; длина рукояти с навершием – 12 см, ширина пяты клинка – 6,7 см; ширина рукояти – 2–3 см; диаметр уцелевшего кольца волют – 3,8 см. Помимо меча, датировочным материалом из этого же погребения является чернолощенная миска с плоским расширенным венчиком.

Типологически и хронологически близкими аналогиями данным мечам являются клинки из погребений II–I вв. до н.э. могильников Чегем (погр. 3 и погр. 42), Чегем I (кург. 1, погр. 4), Чограй II (кург. 19, погр. 3). Все они (4 экз.) длинные (до 73 см), как и львовский экземпляр (73,5 см); три из них имеют серповидные навершия, четвертый – волнитообразное. Переход клинка в рукоять во всех случаях (включая и черкескутанский меч) происходит через покатые плечики.

Мечи из Черкес-кутанского и Львовского-VII могильников относятся к числу «поздних дериватов мечей синдо-меотского типа» (по К.Ф. Смирнову). М.П. Абрамова предложила рассматривать подобные «дериваты» по общепринятой схеме деления оружия, согласно которой собственно «синдо-меотские» мечи определенно имеют (по сложившейся традиции) брусковидные навершия без перекрестия.

По поводу генезиса мечей «синдо-меотского типа» или «синдо-меотского облика» существуют различные точки зрения (К.Ф. Смирнов, М.П. Абрамова, В.Р. Эрлих), но, видимо, следует говорить о скифском и северокавказском компонентах в их формировании. «Дериваты» мечей «синдо-меотского типа» существовали у населения Северного Кавказа вплоть до рубежа эр. Вероятно, появление мечей «синдо-меотского» облика на территории Дагестана связано с продвижением в Терско-Сулакское междуречье степного населения и их влиянием на вооружение местных племен.

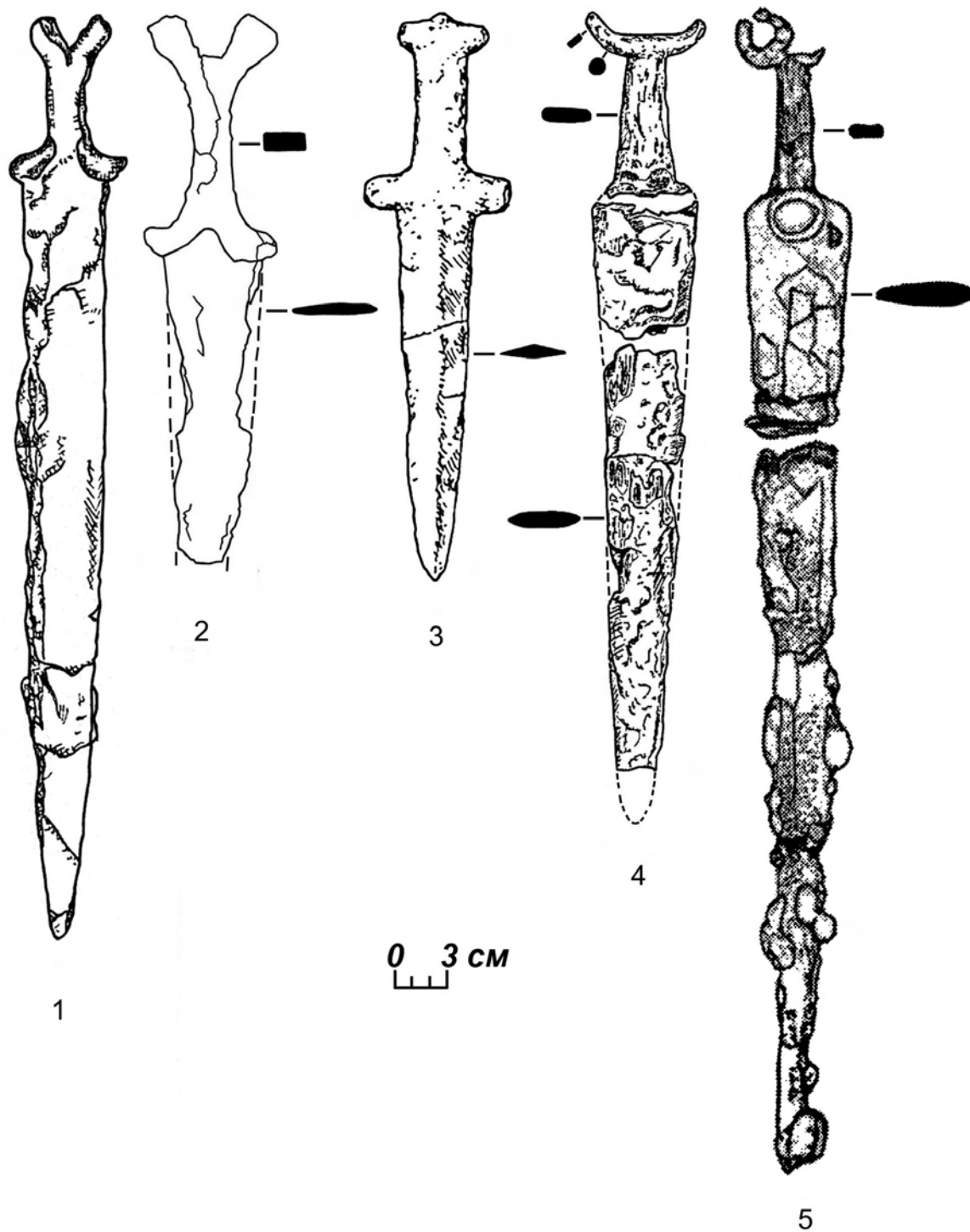

Рис. 1. Мечи и кинжалы «синдо-меотского облика» с территории Дагестана: 1 – Бежта (раскоп 4 1957 г., погр. 2); 2 – Тлярахотль (случ. находка); 3 – Урцеки (грунт. могила № 2); 4 – Черкез-кутан (разр. погр.); 5 – Львовский-VII (кург. 4, погр. 29)

С. М. Сакания

*Управление охраны памятников историко-культурного наследия
Республики Абхазия, г. Сухум*

ТИПОЛОГИЯ АПСИД В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ХРАМАХ АБХАЗИИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект №13-21-12001 а (м) и РФФИ, проект № 13-06-00077.

Распространение христианской религии на территории Абхазии среди привело к появлению совершенно новой архитектуры, которая обслуживала новую конфессию. После официального признания христианской религии в Римской империи в Абхазии также развивается церковное зодчество. Наиболее ранние его образцы относятся к IV-V вв. Расположены эти сооружения как в прибрежной зоне, так и в глубине территории Абхазии. Ранние храмы здесь возникают вблизи тех мест, где были сосредоточены римские воинские контингенты. В раннюю эпоху в Абхазии строили церкви базиликального типа. Однако они отличались формой плана, апсиды и пропорциями.

Среди ранних церквей Абхазии встречаются зальные, однефные с полукруглой апсидой, трехнефный с полигональной апсидой, имеющий нартекс и крещальню (с мозаикой в ней), трехнефный, классического эллинистического образца с пятигранной апсидой и нартексом. Все они находятся на Пицундском позднеантичном городище. Восточнее городища была расположена церковь № 6 с выступающей полукруглой апсидой, позже она стала частью большой церкви с крестовидной формой в плане. В это же время в Себастополисе (Сухум) был построен октогональный храм с полукруглой апсидой-экседрой в середине. Рядом с храмом расположена трехнефная базилика с пятигранной апсидой и наборной мозаикой на полу. В Гиеносе (Очамчыра) находится зальная церковь с полукруглой апсидой и с разнообразными пристройками: нартексом и притворами. Юго-восточнее г. Очамчыра в местечке Гуда (Зиганис) была обнаружена небольшая церковь (баптистерий), с полукруглой апсидой и заплечиками. Северо-западнее Пицунды, в п. Алахадзы, были найдены остатки трехнефной базилики с тремя апсидами и широким нартексом. Центральная апсида - семигранная, а боковые апсиды - полукруглые с заплечиками.

В Абхазии имеется ряд церквей, которые предположительно датируются концом V – нач. VI вв. К ним можно отнести храм Абаата в Гагрской крепости. В XIX в. он претерпел серьезные изменения. Рисунки Ф. Дюбуа де Монпере, который обследовал этот храм в 1833 г., показывают, что церковь имела выступающую апсиду полукруглой формы. В VI в., особенно в эпоху Юстиниана, христианская религия в Абхазии получает новый мощный импульс, к этому периоду относится церковь № 4 на Пицундском городище. Она - однефная с трехгранной апсидой и нартексом. Юго-западнее городища и крепости находится церковь № 5. Она - двухнефная с двумя многогранными апсидами. В Цандрипше расположена трехнефная базилика с тремя выступающими апсидами с нартексом и притвором. Центральная апсида – пятигранная, боковые имеют полукруглые формы. Внутри северной апсиды имеется крещальня-купель, что делает этот храм уникальным не только для Абхазии, но и для всего христианского Кавказа. Севернее Цандрипша, в глубине Абхазии, внутри крепости Хашупса, находится однефная церковь с нартексом. Церковь имеет полукруглую в плане апсиду, переходящую в продольные стены.

В предгорьях, северо-восточнее Сухума, на территории крепости Цибилеум, расположен церковный комплекс (три храма). Более древними являются церкви № 2 и № 3, которые относятся к VI в. У обоих храмов апсиды имеют полукруглую

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

форму. Ряд исследователей считает, что третий храм имел граненую апсиду. Полукруглая апсида храма № 2 переходит в продольные стены. Апсида храма № 3 (независимо от того, была ли она полукруглая или граненая) имеет заплечики. В с. Мрамба имеется однефная церковь VI в. Апсида церкви – пятигранная с заплечиками.

В 1930-е гг. на южной стороне Бедийского храма была выявлена однефная церковь с выступающей полукруглой апсидой с заплечиками. В 2011 г., во время археологической разведки, был выявлен неизвестный храм с трехгранной апсидой, который стоял с северной стороны Бедийского храма. И первый и второй храмы в Бедиа предварительно датируются эпохой Юстиниана. На юго-восточной окраине с. Река, западнее Бедиа, нами была зафиксирована однефная церковь с выступающей полукруглой апсидой с сильно выступающими заплечиками. Параметры и форма храма в плане близки к баптистерию в Зиганисе (Гудаа). Мы предполагаем, что церковь в с. Река может относиться к V-VI вв.

В Новом Афоне, в столице раннесредневекового Абхазского царства, внутри крепости Анакопия, находятся две однефные церкви. Эти церкви датируются исследователями различными периодами. Мы, однако, считаем, что изначально оба сооружения могли быть возведены в V-VI вв. У нижнего храма, названного «солдатским», апсида полукруглой формы имеет значительные заплечики. Второй храм (Св. Феодора) был возведен в цитадели верхней крепости и несколько раз обновлялся, что хорошо заметно по кладке апсиды и продольных стен. Изначально апсида была полуциркульной с заплечиками, но позднее была превращена в пятигранную. Продольные стены также были усилены двусторонней обкладкой. Анализ известкового раствора, взятого из различных частей церкви, позволяет выделить, как минимум, три строительных периода, что согласуется с нашей позицией. Ранний период, на наш взгляд, охватывает V-VI века. По данным анализа известкового раствора к этому периоду можно отнести небольшую церковь, зафиксированную в 2013 г. в с. Мыркула. Церковь имеет полукруглую апсиду, переходящую в продольные стены. На горе Лашкиндар (Ткуарчал), сохранился одноименный храм с полукруглой апсидой с заплечиками.

Среди купольных храмов раннего типа знаковым является Драндский собор VI в. Его центральная апсида имеет в плане пятигранную форму, а боковые апсиды - трехгранную.

В раннесредневековую эпоху в Абхазии у культовых сооружений встречаются следующие типы апсид:

1. Апсидное полукружие, переходящее в продольные стены: Пицундская церковь № 1, Хашупсинская церковь, Цебельдинская церковь № 2, Маркульская церковь.

2. Полукруглые апсиды с заплечиками: Пицундская церковь № 6, первоначальный Гагрский храм Абаата, солдатский храм в Анакопийской крепости, Анакопийский храм Св. Феодора, Цебельдинский храм № 3, Гиеносская церковь, Зиганейский баптистерий, Рекская церковь, Бедийская южная церковь, Лашкиндарский храм.

3. Полигональные апсиды в храмах: Пицундская церковь № 3 и № 4, Цандрипшский храм, Себастопольский храм (Сухум), Мрамбская церковь, Драндский храм, Бедийская северная церковь.

Среди рассмотренных сооружений особняком стоит Пицундская церковь № 2 с мозаикой. Апсида у нее пятигранная с переходом на шестую грань, слегка овальной формы и охватывает все три нефа ассиметрично, что делает ее уникальной среди известных храмов Абхазии и даже всего Кавказа.

А.А. Сланов

Институт истории и археологии РСО -Алания, г. Владикавказ

ДАРЬЯЛЬСКАЯ КРЕПОСТЬ

Как справедливо было подмечено исследователями, из всех населенных пунктов, связанных с аланами, в письменных источниках чаще всего упоминается знаменитая крепость в Дарьяльском ущелье.

С момента появления алан на Кавказе они тесно связаны с Дарьяльским укреплением, носившим название “Железные ворота”. Иосиф Флавий (37 – около 100 г. н.э.), повествуя о нападении алан в 72 г. на Мидию, пишет: “они (аланы - С.А.) вступили в переговоры с царем ирканцев (иберов – С.А.), ибо он владел проходом, который царь Александр запер Железными воротами. И когда тот открыл им доступ, аланы, напав огромной массой на ничего не подозревавших мидян, стали опустошать ... страну”.

Название *Дарьяла* ущелье получает именно с приходом алан; действительно, у арабских авторов оно зовется *Bab-al-Alan* – “врата алан”, а общеизвестное Дариал (груз.: *Dariala, Darialani*) происходит от перс.: *Dar-i-Alan* – “аланские врата”, “*porta Alanorum*”. У ранних армянских авторов Дарьял назван “*аланац дур*”, то есть те же аланские ворота.

Даже грузинские летописи, не зафиксировавшие этнонима “аланы”, знают с древнейших времен и Аланскую дорогу, и аланскую крепость, и аланские ворота, которые назывались у грузин иначе – “*Арагвские ворота*” (“*Арагвис кари*”). У осетин Дарьяльское ущелье зовется “*Arvy-kom*”, что значит “небесное ущелье”, “ущелье, ведущее в небо”. Дарьяльская крепость, находящаяся на границе между Аланией и Грузией, запирала основную стратегическую дорогу, соединяющую Северный Кавказ с Закавказьем, поэтому ею всегда владел тот, кто доминировал на Кавказе.

У Мовсеса Хоренаци (V в.) упоминаются “аланские ворота” в связи с деятельностью Св. Нуны (Нины) в Грузии. Другой армянский историк Агафангел (V в.) в рассказе о войне армянского царя Хосрова I (217-238 гг.) с Сасанидами говорит, что Хосров открыл ворота аланские из Тифлиса (т.е. с помощью или через грузин, своих союзников). Мартиан Минней Фелик Капелла (пер.пол. V в.), ошибочно именуя их Каспийскими, пишет: «Кавказ имеет ворота, которые зовутся Каспийскими; это обреза скал, заложенные еще железными брусками для недопущения прохода посторонних, хотя в весеннее время они непроходимы из-за змей». Как пишет Приск Панийский (V в.): «Персы...отправили к римлянам посольство с просьбой дать им денег или людей для охраны укрепления Юройпаах (по др. чтению Уроисах)», но получили отказ.

В середине V в. во время войны персов с гуннами-эфталитами, восстали охранявшие Аланские ворота гарнизоны, состоявшие из армян, иверов и алан. Как считает В.А. Кузнецов, ключевую роль в системе обороны “Аланских ворот” играла крепость Юройпаах, что соответствует армянскому “Иберийское укрепление”.

Во время ирано-византийских войн в VI в. шах Ирана через своего наместника в Восточной Грузии держал в Дарьяльской крепости гарнизон, снабжавшийся всем необходимым из Тбилиси, поэтому позднейшая ирано-арабская историческая традиция приписывала основание Дарьяльской крепости иранскому шаху Хосрову I Ануширвану (531-579 гг.). Именно со временем го-

сподства в этом регионе в V-VI вв. Ирана А.П. Новосельцев связывает возникновение нынешней формы Дарьяльского укрепления. Грузинские источники также связывали постройку крепости с персами: “проникли они к кавказцам и соорудили они себе врата Овсети, одни большие врата – в собственно Овсети и четверо врат – в Двалети, и одни – в Паргуане Дурзукетском; а тех горцев поставили *гомардами* (пограничной стражей)”.

На наш взгляд, с VI веком следует связывать оформление в Дарьяльском ущелье системы обороны из самой крепости, состоящей из цитадели с прилегающими к ней стенами и башенками, и запирающей ущелье стены с башнями на ее концах.

В период арабо-хазарских войн арабы, захватив Дарьяльскую крепость, поставили в ней свой гарнизон. Так, полководец ал-Джаррах в 729-733 гг. из Тифлиса ходил походами на хазар через страну алан, а в 737г. этим же путем вел основное войско на хазар Марван ибн абд-ал-Малик. Однако уже со второй половины VIII в. Дарьяльское укрепление, вероятно, вновь попадает под контроль алан, о чем можно косвенно догадываться по отрывку из “Мученичества Або Иоанна Сабаниедзе” грузинского автора второй половины VIII в.: “и прошел он те ворота осетин, которые именуются Дари-Алан”. Подтверждением этому может служить и повествование Шапуха Багратуни (IX в.) о походе в Аланию багдадского войска под предводительством Ахмада и Мелима.

Подробная характеристика Дарьяльского укрепления имеется у арабских авторов. Абульфед, рассказывая в своей географии о Кавказе, пишет: “в этих горах есть очень трудные проходы и самый большой их этих проходов находится в середине. Он перекрыт стеной и воротами, которые называют “ворота Аллан”. Масуди (в 956 г.) сообщает: “Между царством аланов и горами Кабх есть крепость и мост, перекинутый через громадную реку. Эта крепость называется “крепость Алан”. Она построена некогда древним персидским царем Исбендияром, сыном Гистаспа. Там помещалась стража, на обязанности которой лежало защищать от аланов дорогу к горам Кабх. Для этих народов не было иной дороги, как через мост, над которым господствовал замок. Замок был построен на недостижимой скале, и не было средства захватить его и даже пройти к нему без соизволения находящихся в нем. Среди этого укрепления на самой вершине скалы бьет источник пресной воды, так что эта крепость одна из крепостей, знаменитых в целом свете по своей неприступности. Персы упоминали в своих стихотворениях о том, как построил ее Исбендияр, сын Гистаспа.

Когда Маслама-ибн-Абдилмелик-ибн-Мерван (688-750 гг., был наместником Армении – С.А.) пришел в эту область и покорила жителей ее, то поместил в этом укреплении арабский гарнизон, до настоящего времени защищающий это место. Им часто доставляют пищу сушей из пограничной местности Тифлис, отстоящей от крепости на расстоянии пятидневного пути по владениям кяфиров. Хотя бы один человек был в этой крепости, он отразил бы всех царей кяфирских, если бы они проехали у этого моста, благодаря воздушной позиции, командующей разом над дорогой, мостом и долиной”.

Ибн-Рустэ (X в.) пишет, что на расстоянии десяти дней пути от аланской столицы находится крепость, называемая “*Баб-ал-лан*”, т.е. “Ворота алан”. “Она находится на вершине горы, а под горою – дорога, и вокруг крепости высокие горы. Стену этого укрепления охраняют каждый день 1000 человек из ее обитателей; они располагаются гарнизоном на день и ночь”. В письменном

источнике “Худуд ал-Алам” *Дар-и-Алан* упоминается среди аланских городов, как “расположенный подобно крепости на вершине горы. Каждый день 1000 человек по очереди несут стражу на его стенах”. Хазарский царь Иошер (X в.) пишет: “Между царством аланов и горами Кабх есть крепость и мост, перекинутый через громадную реку. Эта крепость называется: “Крепость алан”.

С усилением Грузии в XI-XII вв. Дарьяльская крепость находилась под контролем грузин, а в XIII-XV вв. за эту твердыню разворачивается борьба между Золотой Ордой и Хулагидами. В этот период Дарьяльское укрепление вновь начинает именоваться “Железными воротами”. Данный термин встречается у Вильгельма де Рубрука и в русской Воскресенской летописи. Европейский путешественник XII в. Вениамин Тудельский говорит об “Алании, окруженной горами и не имеющей другого выхода, кроме “железных ворот”, построенных Александром Македонским, жители которой называются аланами”.

Дарьяльское укрепление представляет собой систему оборонительных построек, перегораживающих долину реки Терек в самых выгодных для обороны местах (рис. 1). Фортификационная система состояла из двух участков. Первый представлен мощной стеной на левом берегу Терека, перегораживающей ущелье в самом узком месте, где, вероятно, и располагались знаменитые “Железные ворота” (на сегодняшний день стена полностью уничтожена прокладкой газопровода и каким-то незавершенным строительством, но А.П. Круглов в 30-х годах XX века еще успел зафиксировать ее). Стена дополнялась размещенными по обеим ее концам, на противоположных берегах реки на большой высоте, укреплениями башенного типа (остатки двух башен на правом берегу Терека, о которых писал А.П. Круглов, нами не были обнаружены, и, по всей вероятности, они тоже оказались разрушены строительством, зато на левом берегу нами были найдены развалины еще одной башни).

Второй участок обороны состоит из самой Дарьяльской крепости – она как бы венчает вершину скалистого холма, возвышающегося на левом берегу Терека. Дорога, соединяющая Северный Кавказ с Закавказьем, проходила по неглубокой ложбине, отделяющей холм с укреплением от основного горного массива. Прилегающий к крепости участок дороги перегорожен с обеих сторон мощными каменными стенами толщиной 2,5–3 м. В толщине одной из них проложены глиняные водопроводные трубы, подававшие воду с противоположного горного склона; вероятно, это и есть тот источник пресной воды, о котором упоминает арабский географ X в. Масуди.

На сегодняшний день относительно хорошо сохранилась только северная стена, имевшая длину около 60 м. К ней примыкает небольшая четырехугольная башенка, располагающаяся у края дороги. На западном окончании стены на довольно большой высоте остатки маленького укрепления. С южной стороны к цитадели примыкает небольшой мысок, на вершине которого также имеются следы укреплений.

Что касается основного укрепления, то площадка, которую оно занимает, практически ровная и оборонительные стены располагаются по ее периметру, переходящему в отвесные обрывы. Толщина стен колеблется в пределах 1,5-2 м, кое-где доходя до 2,5 м. В некоторых местах стены укреплены контрфорсами. С восточной стороны, по-видимому, от подземного хода, к Тереку спускается извилистый ход с каменными ступенями. С обеих сторон он защищался стенами высотой в рост человека. В кладке стен сохранились следы

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

прутьев, благодаря которым конструкции придавалась сейсмостойкость. На западной стене цитадели, являющейся одной из наиболее уязвимых, имеются развалины двух башенок. Несмотря на неоднократную перестройку крепости, заметную по различным типам кладки стен, места возведения укреплений оставались прежними, что обусловлено, в первую очередь, горным ландшафтом, который отводит строго определенные места для организации системы обороны.

Стены, перегораживающие дорогу, прилегающую к крепости, выступали не только пунктами таможенного контроля, но и являлись главными линиями обороны ущелья, поскольку крепость было невозможно штурмовать, не овладев стенами. Если такое все же удавалось, гарнизон переходил из всех укреплений в основную цитадель и отсиживался там. Измерив длины наиболее опасных для атак участков и разделив полученное число на площадь, занимаемую воином в бою, мы увидим, что минимальный гарнизон крепости, способный оказать сопротивление до подхода основных сил, составлял около 100 человек. Максимальное же число защитников могло насчитывать несколько тысяч. Поэтому Дарьяльскую систему укреплений можно считать идеальным местом для проведения генерального сражения.

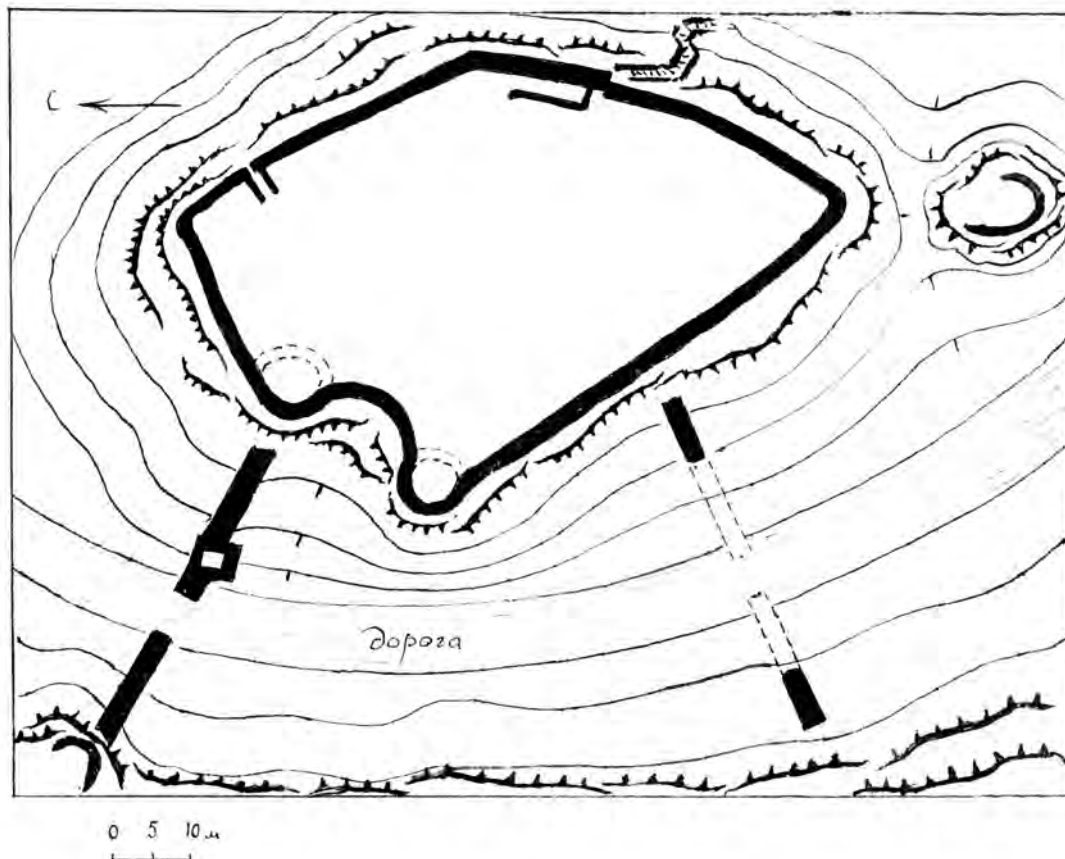

Рис. 1. План Дарьяльской крепости

Г.В. Требелева

Институт археологии РАН, г. Москва

Г.Ю. Юрков

Институт металлургии и материаловедения РАН, г. Москва

Ю.В. Горлов

Московский государственный университет технологий и управления, г. Москва

Г.А. Сангулия, И.И. Цвинария, С.М. Саканиа, Ш.Г. Кайтан

Абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии, г. Сухум

РАЗВЕДКИ ПО ВОСТОЧНОЙ АБХАЗИИ 2013 Г. НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

В рамках двух проектов (РГНФ № 13-21-12001а(м) и РФФИ № 13-06-00077) в полевой сезон 2013 г. были проведены разведки в Восточной Абхазии (Гулрипшский, Очамчирский, Ткварчальский и Галский районы). Целью разведок была локализация памятников на местности с помощью приемника GPS, составление топографического плана, взятие образцов связующего раствора в кладке для определения его химического (элементного и компонентного) состава. В ходе этих разведок были обследованы Приморский, Багмаранский, Мачарский, Кодорский и Отапский участки Келасурской стены, а также укрепления Оджиху и Реч-абаа в Ткварчальском районе, которые большинство исследователей относят к системе Келасурской стены (Адзинба, 1958. С. 129-133; Воронов, 1973. С. 134; Пачулиа, 1969. С. 95; Трапи, 1975. С. 188, 204). Все полученные данные были внесены в ГИС археологических памятников Абхазии и сопоставлены с данными Ю.Н. Воронова. Относительно Приморского участка можно констатировать, что не сохранилась башня № 2 – на ее месте стоит здание постройки второй половины XX столетия. Схожая картина сложилась и на Багмарановском участке: из трех гарнизонов, фиксируемых Вороновым на данном отрезке, нам удалось обнаружить лишь два – Багмарановский и Пшауш-абаа. Следов Келасурского гарнизона зафиксировать не удалось – территория, на которой, согласно картам и данным GPS, должен был находиться данный гарнизон, была полностью застроена. Нами были зафиксированы множественные следы фундаментов, разрушенных в ходе войны 1992-1993 гг. и в послевоенные годы, частично или полностью (до фундамента) разрушенных строений второй половины XX столетия. Далее, из 14 башен Багмарановского участка, севернее гарнизона Пшауш-абаа, в ходе разведок удалось зафиксировать восемь, предположительно это башни №№ 15, 17, 18, 20, 21, 22, 26 и 28.

Мачарский участок был пройден нами на отрезке вдоль реки Большая Мачара от башни № 45 до башни № 58 по нумерации Ю.Н. Воронова. Все зафиксированные им башни на данном участке были обнаружены, более того, на вершине холма, благодаря эрозии почвы, за башней № 45 нами были зафиксированы следы кладки в земле, которые не были отмечены нашими предшественниками. Кладка выглядит стандартной, из булыжника на известковом растворе, на стандартном расстоянии башен между собой – 70 м.

Кодорский участок. По карте Ю.Н. Воронова на данном участке фиксируется четыре башни: две на левом берегу реки Кодор и две – на правом. На правом берегу реки на окраине селения Ганахлаба нам удалось зафиксировать одну из башен. Место, где вероятнее всего должна была бы быть

вторая башня, разрушено взрывом скалы (целенаправленный взрыв для предотвращения ее обвала на дорогу). Следов башен на левом берегу зафиксировать не удалось. Местность поросла субтропическим лесом, поэтому там требуются дополнительные разведки, проводимые в зимний период.

Отанский участок – наиболее сохранившийся участок стены. Здесь фиксируются не только сами башни, но и стена между башнями. Однако и тут, из 25 фиксируемых Ю.Н. Вороновым башен нам удалось обнаружить лишь 20.

Отдельно стоит сказать об укреплениях Оджиху и Реч-абаа. Как уже упоминалось, по мнению многих авторов (*Адзинба*, 1958. С. 129-133; *Воронов*, 1973. С. 134; *Пачулиа*, 1969. С. 95; *Трапиш*, 1975. С. 188, 204) эти крепости относятся к системе Великой Абхазской (Келасурской) стены. Однако проведенные нами разведки показали, что по своим архитектурным особенностям они никак не могут входить в единый комплекс Келасурской стены. В первую очередь, в силу того, что обращены они не против гор (как башни Келасурской стены), а против долины, и позволяют осуществлять визуальный контроль над ней вплоть до моря. Далее, на расстоянии примерно 2 км от обеих этих крепостей по данным Абесалона Гамисония, жителя села Чхортол Ткварчалского района, на окраинах которого находятся эти крепости, в лесу, в предгорье находятся еще «какие-то древние стены». Данные развалины были нами осмотрены. Они представляли собой остатки однефного храма, предположительно периода развитого Средневековья, со следами храмовой ограды непосредственно около самого храма, а также следы оборонительных стен и башни у основания холма, на котором расположен храм. Сам этот комплекс с крепостями Оджиху и Реч-абаа представляет собой равносторонний треугольник. Таким образом, скорее всего, следует утверждать, что вышеназванные крепости были форпостами обнаруженного комплекса с храмом и никак не могли относиться к системе Келасурской стены. «Восточный конец» Келасурской стены однозначно следует искать западнее данных крепостей, возможно, в районе крепости Бичикуач, с. Поквеш Очамчирского района. Открытый в районе с. Чхортол храм требует дальнейшего изучения.

Еще одним важным открытием сезона стало обнаружение в селе Маркула Очамчирского района ранее неизвестного комплекса, включающего в себя оборонительные стены с башней и небольшой храм в центре укрепления. Комплекс представляет собой окруженный оборонительными стенами вытянутый холм, замыкающийся на севере внизу у дороги, ведущей на холм, оборонительной башней. На самой возвышенной части холма находится небольшой храм, обнесенный оградой. Храм представляет собой чуть вытянутый прямоугольник с полукруглой апсидой на восточной стороне, переходящей в продольные стены без заплечиков. Кладка не регулярная, бутовая с двусторонней обкладкой со слегка обработанными блоками. Подобные церкви-часовни с выступающими полукруглыми апсидами встречаются в Абхазии и за ее пределами в IV-VI вв. Это церковь № 1 на Пицундском городище, церковь в Хашупсинской крепости, церкви №№ 1 и 2 в крепости Цибилиум. За пределы Абхазии в столице Лазики в Археополисе-Нокалакеви встречаются церкви с подобными апсидами, переходящие в продольные стены (например, церковь № 1). Там же в городе располагается вторая малая церковь. Выступающие полукругом апсиды, но с заплечиками, встречаются в упомянутый период в пределах Абхазии. Это церковь в Гиеносе-Очамчыра, бап-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

тистерий в Зиганисе-Гудаа и др. Не противоречит этим хронологическим и типологическим особенностям техника и характер кладки стен. Подъемный материал с комплекса (множественные фрагменты черепицы, 8 стенок красноглиняных пифосов, 6 венчиков и 5 стенок красноглиняных кувшинов, 2 донца) и данные анализа связующего раствора из кладки храма (содержание извести в растворе составляет 90%) также не противоречат этим датам. Как и Чхортольский, Маркульский храм требует дальнейшего изучения.

Литература

Адзинба И.Е., 1958. Архитектурные памятники Абхазии. Сухуми.

Воронов Ю.Н., 1973. В мире архитектурных памятников Абхазии. М.

Пачулиа В.П., 1969. По древней, но вечно молодой Абхазии. Сухуми.

Трапиш М.М., 1975. Материалы по археологии средневековой Абхазии / Труды в 4-х томах. Т. 4. Сухуми.

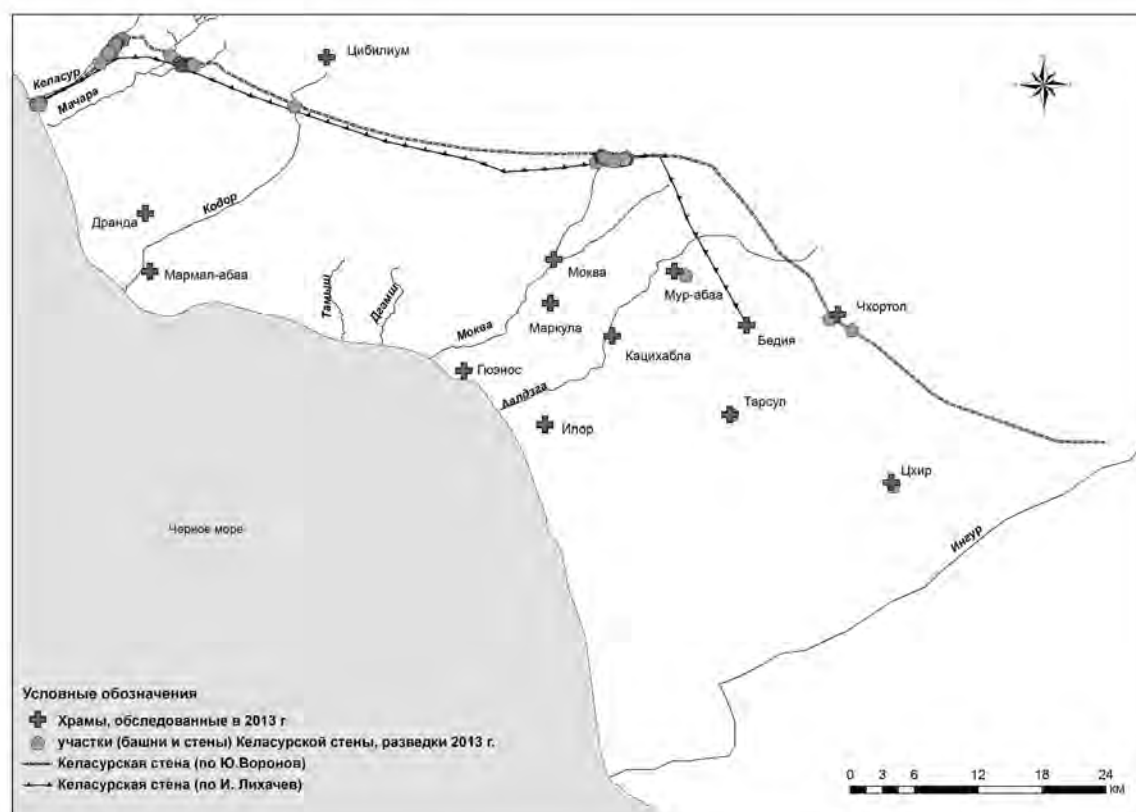

Рис. 1. Карта-схема обследованных объектов в ходе разведок 2013 г.

НОВЫЕ НАХОДКИ САСАНИДСКИХ ДРАХМ НА ТЕРРИТОРИИ ОСЕТИИ¹

Наиболее ранние из зафиксированных находок сасанидских драхм на территории Осетии происходят из могильника Чми-Суаргом в Дарьяльском ущелье, 36 катакомб которого были исследованы в 1882 г. Д.Я. Самоквасовым. Среди прочих находок на этом памятнике, в тот момент уже основательно раскопанном местным населением, обнаружены серебряные драхмы Сасанидов: в кат. №№ 12 и 23 – Хосрова I (531–579 гг.), одна из которых с нечеткой датой, вторая фальшивая, датированная 11 годом царствования (541 г.); Хосрова II (591–628 гг.): четвертого года правления (594 г.) в кат. № 16, пятого или восьмого года правления (595 или 598 г.) в кат. № 27, 15-го года царствования (605 г.) в кат. № 14 или № 26, а также неопределенная фрагментированная драхма в кат. № 14 или № 26. В описании своих раскопок (*Самоквасов*, 1908. С. 181-185) автор упоминает еще одну серебряную сасанидскую монету конца VIII в. из кат. № 22, однако в сводной публикации находок сасанидских и куфических монет А.К. Марков ее не приводит, хотя ссылается на непосредственное сообщение Д.Я. Самоквасова (*Марков*, 1910. С. 48). Возможно, при детальном рассмотрении она была определена как аббасидский дирхем VIII в., которых в катакомбах Чми было найдено 11 экз.

Следующая обстоятельная сводка находок сасанидских монет была сделана В.В. Кропоткиным. Он отмечает, что «работа А.К. Маркова сильно устарела... Появилась настоятельная необходимость ввести в научный оборот новые сведения о находках сасанидских и куфических монет, которые не вошли в книгу А.К. Маркова» (*Кропоткин*, 1971. С. 77). К уже известным находкам драхм с территории Осетии добавилась всего одна: в 1957 г. на одном из приусадебных участков в левобережной части г. Орджоникидзе (Владикавказ) найдена монета Хосрова I, датированная четвертым годом правления (534 г.) и отчеканенная на монетном дворе AYLAN (Hulwan, Мидия) (*Пахомов*, 1966. С. 26; *Кропоткин*, 1971. С. 87).

Отмечу, что сводки А.К. Маркова, А.Е. Пахомова и В.В. Кропоткина не являются для территории Осетии исчерпывающими. В частности, П.С. Уварова сообщает о находке трех сасанидских драхм в могильнике Камунта, которые не учтены в названных работах. Это монеты Кавада I: 521 г., чеканенная в Си..., и 525 г., чеканенная в Бите (П.С. Уварова ошибочно называет Кавада Фирузом), а также драхма Хосрова I 545 г., чеканенная в Ас... (*Уварова*, 1900. С. 324). Кроме того, в обобщающем труде по археологии Северной Осетии В.Б. Ковалевской и В.А. Кузнецовым упоминаются находки серебряной сасанидской монеты в могильнике Дунта и сасанидской монеты VI в. из Кобана (*Ковалевская, Кузнецов*, 2007. С. 142-143). Более обстоятельного определения названных монет, видимо, не проводилось.

К настоящему моменту количество найденных на территории Осетии сасанидских драхм возросло. Они не введены в широкий научный оборот и практически не известны исследователям, что и послужило причиной появления данной публикации.

¹ Автор выражает искреннюю признательность Р.Г. Дзаттиаты, Э.Ю. Шестопаловой и З.П. Кадзаевой за любезно предоставленные материалы, а также форуму сайта исламской нумизматики «Расмир» (<http://rasmir.com/FORUM/>) за неоценимую помощь в определении публикуемых монет.

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

В 1978 г. Т.Б. Тургиевым была исследована раннесредневековая аланская катакомба могильника у с. Садон, где была найдена драхма Хосрова II, датированная третьим годом правления (594 г.), чеканенная в АНМ (Намадан, Мидия) (рис. 1, 1). В последние годы раскопки этого памятника проводила З.П. Кадзаева. В 2001 г. при расчистке кат. № 32 была обнаружена еще одна монета Хосрова II, вероятнее всего, 26-го года царствования (616 г.), выпущенная в Фарсе (монетный двор YZ, Yazd) (рис. 1, 2).

Еще две сасанидские драхмы были найдены в 2003 г. Э.Ю. Шестопаловой в процессе раскопок Дагомского катакомбного могильника VI-VII вв. В кат. № 2 найдена монета Хосрова I, отчеканенная в 44-й год правления (574 г.) на монетном дворе PL (Furat-i-Meshan, Южный Ирак) (рис. 1, 3). В кат. № 4 монета того же шахиншаха сопровождала довольно богатое мужское погребение. Драхма, чеканенная в Хузестане (монетный двор AY, Eran-khvarrah-Shapur), датирована 20-м годом царствования (550 г.) (рис. 1, 4).

Еще один аланский катакомбный могильник в горной части Осетии, расположенный близ с. Даргавс, исследуется с 1993 г. экспедицией под руководством Р.Г. Дзаттиаты. В 1994 г. при расчистке мужского погребения в кат. № 13 была обнаружена сасанидская драхма. К сожалению, монета не была своевременно определена, а в настоящий момент из-за затянувшихся строительных работ и консервации фондов в Национальном музее РСО-Алания, она оказалась недоступна. Мы приводим рисунок монеты из полевого отчета, выполненный Р.Г. Дзаттиаты (рис. 1, 5). Имеющееся изображение не позволяет ее точно атрибутировать, но, вероятнее всего, монета относится ко времени царствования Хосрова I (531–579 гг.) или Хормизда IV (579–590 гг.).

К монетным находкам с территории Северной Осетии мы посчитали целесообразным добавить драхмы, найденные на территории Южной Осетии. Два экземпляра были обнаружены в погребении 7 Едысского могильника. Одна монета принадлежит Перозу I (457–484 гг.), предположительное место чеканки – AS (неустановленный монетный двор в Хузестане). Дата на монете отсутствует, но судя по короне «третьего типа», она чеканена между 474 и 484 гг. (рис. 1, 6). Вторая монета из того же погребения – драхма Хосрова I, отчеканенная на 30-м году его правления (560 г.) на монетном дворе ART (Ardashir-Khurra) (рис. 1, 7). В погребениях 8 и 14 Едысского могильника были обнаружены еще две фрагментированные сасанидские драхмы, не поддающиеся определению (Дзаттиаты, 2006. С. 19, 22).

В 1987 г. в Знаурском районе Южной Осетии была случайно найдена драхма Йездигерда II (438–457 гг.) без даты, с надписью pwku (Герат?) (рис. 1, 8). В 1988 г. во время раскопок могильника первых веков н.э. в местности Жакулта Дзауского района в выбросе грунта была обнаружена монета Валкаша (484–488 гг.) без даты, чеканки монетного двора LD (Ray, Мидия) (рис. 1, 9).

Публикуемые материалы являются очередным свидетельством тесных алано-сасанидских связей. Отсутствие отверстий на найденных сасанидских монетах позволяет видеть в них именно средство платежа, а не украшение или драгоценность, в отличие от византийских золотых монет, как правило, имеющих отверстия, свидетельствующие об их вторичном использовании. Отметим также, что абсолютное большинство находок сасанидских драхм (в тех случаях, когда это удастся точно установить) сопровождается мужские погребения.

Литература

Дзаттиаты Р.Г., 2006. Царциатские памятники: Едысское городище и могильники. Владикавказ.

Ковалевская В.Б., Кузнецов В.А., 2007. Памятники эпохи раннего средневековья (IV – XIII вв.) // Археология Северной Осетии: сб. научных трудов. Часть 2. Владикавказ.

Кропоткин В.В., 1971. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // Нумизматика и эпиграфика. Вып. IX. М.

Марков А.К., 1910. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб.

Пахомов Е.А., 1966. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IX. Баку.

Самокасов Д.Я., 1908. Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей проф. Д.Я. Самокасова. М.

Уварова П.С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. М.

Рис. 1. Новые находки сасанидских драхм с территории Осетии

Е.В. Чернышева, А.В. Борисов

*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, г.
Пуццано*

Д.С. Коробов

Институт археологии РАН, г. Москва

УРЕАЗНАЯ АКТИВНОСТЬ ПОЧВ И КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ПАМЯТНИКОВ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЕ

*Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ
(проекты № 12-06-00072 и 12-06-00272)*

До настоящего времени основная часть археологических исследований базируется на изучении минеральных или минерализованных остатков, так как именно минеральные субстраты способны сохраняться в почвах и культурных слоях в течение неопределенно долгого времени. Органические субстраты, исходно поступавшие в почву археологического памятника, полностью разлагаются и не сохраняются до наших дней.

Однако, несмотря на то, что органическое вещество, как таковое, исчезает, в памяти почвы сохраняется информация о факте поступления в нее того или иного органического субстрата. Эта информация сохраняется в виде количественных и качественных изменений микробного сообщества и ферментативной активности почв.

По данной теме имеется лишь ряд работ О.Е. Марфениной с коллегами, где были установлены значительные изменения свойств сообщества микроскопических грибов в результате древнего антропогенного воздействия, последствия которого сохраняются до настоящего времени. Кроме того, в этих работах была показана возможность использования отличий в сообществе микроскопических грибов антропогенно-преобразованных почв и их фоновых аналогов для выявления специфики культурных слоев древних поселений (*Марфенина и др., 2001; Марфенина и др., 2008; Иванова и др., 2006*).

Одним из органических субстратов, в больших количествах, попадающим в почву на территории поселений и способным изменять ферментативную активность, является мочевина. Особенно значительные ее объемы поступают в почву в местах содержания скота, а также при внесении органических удобрений. Разложение мочевины до аммиака и углекислого газа происходит под действием фермента уреазы.

Таким образом, целью исследования было изучение уреазной активности почв и культурных слоев археологических памятников для установления особенностей инфраструктуры поселений и выявления мест содержания скота.

Объекты исследования расположены в пределах Кисловодской котловины в центральной части северного склона Главного Кавказского хребта. Исследования проводились во время работы Кисловодской археологической экспедиции ИА РАН на территории укрепленного поселения аланской культуры Подкумское 2 (II-IV вв. н.э.) и на прилегающих участках. Кроме того, образцы почв и культурного слоя отбирались в непосредственной близости от укрепления Подкумское 3 и 7 (V-VIII вв. н.э.). Уреазную активность определяли модифицированным индофенольным методом (*Kandeler, Gerber, 1988*).

На поселение Подкумское 2 определение уреазной активности проводилось в образцах культурного слоя памятника и на фоновых дерново-карбонатных почвах вблизи поселения, с различным хозяйственным использованием в настоящее время (залежь, выпас, эталонный участок).

На прилегающих к поселению участках максимальная уреазная активность была выявлена в современной почве выпаса, где она составляла 140 мкг NH_4^+ /г почвы

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

в верхнем горизонте. На залежном участке она была несколько ниже, а в почве эталонного участка значения уреазной активности были вдвое ниже, чем в почве выпаса.

На территории поселения была заложена серия зондажей в двух различных зонах освоения. Первая представляла собой, очевидно, жилую зону с развалами стен построек, вторая – территорию, без развалов стен, возможно, имеющую хозяйственное назначение. Уреазная активность почв поселения практически во всех контекстах была выше, чем в почве эталонного участка, – она варьировала в пределах от 130 до 200 мкг NH_4^+ /г почвы. Исключение составили лишь два зондажа внутри построек 1 и 10, где в верхних горизонтах уреазная активность была на уровне эталонной почвы, тогда как в нижележащем горизонте наблюдалось ее двукратное увеличение. Кроме того, во всех почвах первой зоны освоения в подповерхностных слоях наблюдались довольно высокие значения уреазной активности, а в почве второй зоны они были значительно ниже.

С целью изучения особенностей изменения уреазной активности по мере удаления от поселения было проведено исследование почв, расположенных в непосредственной близости от укрепления аланской культуры Подкумское 3 (V-VIII вв. н.э.). Здесь была заложена серия разрезов, удаленных на различное расстояние от укрепления: разрез Б-345 был расположен от него в 60 м, разрез Б-344 в 150 м, разрез Б-346 в 200 м; разрез Б-352 был заложен на водораздельном участке, на расстоянии около 2 км от укрепления. Максимальная уреазная активность была выявлена в почве ближайшей к поселению территории (разрез Б-345), где она составляла 160 мкг NH_4^+ /г; по мере удаления от поселения происходило уменьшение ее значений до 8 мкг NH_4^+ /г в почве водораздельного участка (разрез Б-352). Тем не менее, следы антропогенного воздействия на почву в виде повышенного уровня уреазной активности сохраняются на расстоянии до 200 м от памятника.

На укреплении Подкумское 7, расположенном вблизи от укрепленного поселения Подкумское 3 и также относящееся к эпохе раннего Средневековья, были заложены разрезы, удаленные от памятника на расстояние: 40 м (разрез Б-357), 500 м (разрез Б-356) и 800 м (разрез Б-358). Здесь также наблюдалось уменьшение уреазной активности по мере удаления от поселения.

Таким образом, повышенный уровень уреазной активности в культурных слоях поселений может выступать в качестве интегрированного показателя антропогенного воздействия на почвы в связи с проживанием человека и содержанием скота. Высокие значения уреазной активности на значительных площадях вблизи поселений можно связать с дополнительным поступлением мочевины вместе с навозом при удобрении почв сельскохозяйственных угодий. Этот вывод подтверждается тесной корреляцией величины уреазной активности и количеством содержащихся в почве фрагментов керамики.

Литература

- Иванова А.Е., Марфенина О.Е., Кислова Е.Е., Зазовская Э.П., 2006. Микологические характеристики культурного слоя средневекового поселения на дерново-карбонатных почвах // Почвоведение. № 1.
- Марфенина О.Е., Горбатовская Е.В., Горленко М.В., 2001. Микологические характеристики культурных слоев почв древнерусских поселений // Микробиология. том 70. № 6.
- Марфенина О.Е., Иванова А.Е., Кислова Е.Е., Зазовская Э.П., Чернов И.Ю., 2008. Грибные сообщества почв раннесредневековых поселений таежно-лесной зоны // Почвоведение. № 7.
- Kandeler E, Gerber H., 1988. Short-term assay of urease activity using colorimetric determination of ammonium // Biology and fertility of soils. Vol. 6. № 1.

И.М. Чеченов

*Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, г.
Нальчик*

К ВОПРОСУ О РАННИХ ЭТАПАХ ТЮРКИЗАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОКАВКАЗСКОГО СУБРЕГИОНА

Начиная с эпохи бронзы, следы продвижения и влияния кочевников на процессы этнокультурного развития в Центральнокавказском субрегионе (далее ЦКС), занимающим территорию от верховьев Кубани до Аргуни, наиболее активно проявлялись в тех местах, где проходили пути, ведущие к более или менее удобным перевалам через Кавказский хребет (Клухорский и Марухский в верховьях Кубани, Дарьяльский и Мамисонский проходы в верховьях Терека и др.). Причем, наиболее глубоким и устойчивым проникновение степных племен было в западной части ЦКС, ограничиваемой нами в пределах верховьев р. Большая Лаба – Кума – Баксан (Чеченов, 1967; 1984; 1986. См. также: Ковалевская, 1984; Абрамова, 1989; Кузнецов, 1997)

Несмотря на определенные достижения в кавказоведении, все же в трудах даже опытных специалистов проблема этнокультурных взаимоотношений разноязычного населения ЦКС со степными кочевниками, включая также вопросы иранизации и тюркизации, освещены пока поверхностно, а нередко и искаженно. Так, еще в 1970-х годах В.А. Кузнецов (1975), основываясь на результатах исследований Т.М. Минаевой и других авторов, писал: «Создавший довольно яркую культуру средневековой народ алан в течение тысячелетия (IV–XIII вв.) играл на Центральном Кавказе роль доминирующей силы». Вместе с тем он считает, что отдельные группы тюрков (булгар) стали в основном проникать в те же западные районы ЦКС лишь с VIII в. (Кузнецов, 1997 и др.). Не трудно заметить, что такие суждения, по сути, в значительной мере согласуются с ошибочными суждениями этнолога С.А. Арутюнова (1992) о том, что в северокавказском регионе «основным фактором этнических процессов..., занявших всю античность и развитое средневековье..., становится все возрастающее аланское наследие...» На Кавказе «тюркские элементы начинают играть роль основных компонентов... лишь с XIII – XIV вв.» (Арутюнов, 1992).

В отличие от этих и других подобных суждений и выводов разных авторов, не соответствующих действительности, мы считаем возможным значительно углубить время появления тюрков на Северном Кавказе и выделить в процессе тюркизации ЦКС пять этапов: а) гунно-булгарский (от I – II до IV вв.); б) булгаро(оногуро)-сабирский (конец IV – VII вв.); в) хазаро-булгарский (конец VII – X вв.); г) кыпчако-половецкий (XI – начало XIII вв.); д) кыпчако-золотоордынский (XIII – XIV вв.). В наших тезисах мы пока рассмотрим лишь два первых этапа: гунно-булгарский и булгаро(оногуро)-сабирский.

а) Гунно-булгарский этап. Как известно, среди родственных по языку общностей булгар и гуннов (Серебрянников, 1952; Баскаков, 1988) выделялись в разное время и на разных территориях более или менее крупные подразделения племен: оногуры, сарагуры, утиргуры, басилы (баслы или пасианы), сабиры и др. По всем данным, в степную и предгорно-плоскостную зоны Северного Кавказа они стали проникать не позднее первых веков н.э., с чем предположительно можно связать начало слабой тюркизации отдельных групп ираноязычного и автохтонно-кавказского населения ЦКС.

На вероятность появления на Северном Кавказе в столь ранний период (I – середина IV вв.) отдельных подразделений древних булгар и гуннов, перечисленных выше, прямо или косвенно указывают множество разнообразных источников. Так, если верить сообщениям Птоломея (172 – 182 г.), какие-то группы «сафиров» (сабиров) продвинулись в Европу и Предкавказье под давлением хуннов (гуннов) и вскоре оказались «в глубине Понтики», где-то между Каспием и Причерноморьем (Птоломей, 1948). А не позднее того же времени Дионисий Периегет писал (160 г.), что хунны являются соседями местных племен «каспиев и воинственных албанов» (Дионисий, 1948). И далее, по косвенным све-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

дениям историков V в. Агафангела и Бузанда, а также летописца XI в. Мровели и других авторов, уже с 30-х годов III в., а возможно и раньше, гунны совместно с аланами и автохтонно-кавказскими племенами начали совершать грабительские походы в страны Закавказья и Ближнего Востока. Имеются также некоторые основания полагать, что их стали приглашать в те же страны в качестве наемников (Артамонов, 1962; Гмыря, 1995).

В связи с такими сведениями особого внимания заслуживают суждения и выводы ряда исследователей о том, что «одной из самых ранних тюркоязычных групп, продвигнувшихся к Западу от Волги», были булгары (Гадло, 1979).

По всей видимости, не позднее названных выше племен тюрко-булгарской общности в Северном Причерноморье и Предкавказье появились и базилы (баслы, барсилы), которых отдельные исследователи считают возможным отождествлять с племенами базиликами, базилами и т.п., упоминавшимися античными авторами I в.н.э. (П. Мела, Плиний и др.) в числе разноразличных групп населения Юго-Восточной Европы («Античные источники...», 1990). В связи с вопросом о начале тюркизации ЦКС большой интерес представляет «История Армении» М. Хоренского (V в.), в которой содержатся сведения о том, что уже во II в. до н.э. булгары будто бы жили в горах Большого Кавказа и что в период правления царя Аршака I (131 – 118 до н.э.), «когда возникли большие смуты в цепи великой Кавказской горы, в земле булгаров..., многие, отделившись, пришли на нашу землю и надолго поселились на юге от Коха». Кроме того, М. Хоренский дает краткие сведения и о базилах, неоднократно вторгавшихся в Закавказье в конце II-III вв. (Хоренский, 1893, кн. II). Следует заметить, что сведения о столь древнем периоде появления булгар и базилов (II в. до н.э.) на Северном Кавказе и их вторжениях в Закавказье во II в. до н.э. являются анахронизмом. Но вместе с тем, по всем данным, представляется вполне возможным, что эти события могли иметь место гораздо раньше времени массового нашествия гуннов в 70-х гг. IV в.

Одним из достоверных источников, аутентичность которого признают видные специалисты (Артамонов, 1962; Гадло, 1979; Новосельцев, 1990 и др.), считается Латинский Хронограф 354 г. Судя по его содержанию, булгары не позднее середины IV в. (а вероятно, и раньше) проживали уже рядом с зихами и относительно недалеко от лазов (Гадло, 1979; Новосельцев, 1990). Причем, мифический предок зихов считался и предком булгар (Гадло, 1990), что может свидетельствовать об их более или менее продолжительных этнокультурных взаимосвязях. И, наконец, на возможность появления на Кавказе булгар или каких-то других тюрков может указывать тот примечательный факт, что на золотом перстне, обнаруженном близ г. Мцхети в гробнице крупного представителя власти Грузии, было начертано имя Аспарук (Анакидзе, Гобеджшвили и др., 1958; Анакидзе, 1968). Ряд широко известных зарубежных ученых (Немет, Моравчик, Альтхайм, Хауссиг) в основном считают такое имя тюркским (конкретнее, тюрко-булгарским) и переводят его в целом как «тот, чье племя всадники», или как «отряд всадников» (Чичуров, 1980). По нашему мнению, имя Аспарук состоит из трех слов: иранского «аспа» - конь; и двух тюркских – «ар» («ер») – мужчина, человек, и «ук» («ок») – род, племя (Кельмаков, 1970).

Таковы в основном прямые и косвенные сведения о вероятности проникновения отдельных групп тюркоязычных племен (преимущественно булгар и гуннов) в пределы Северного Кавказа в I – середине IV вв. По всем признакам, тогда же началась тюркизация некоторых районов ЦКС, включая и междуречье верховьев Лабы – Кумы – Баксана, но этот процесс развивался здесь довольно слабо и не оставил сколько-нибудь глубокого следа в этнической истории данной территории.

б) Булгаро(оногуро)-сабирский этап. В результате массового вторжения гуннов в 372 г., наступавших главным образом со стороны Поволжья и продвигавшихся на запад через низовье Дона и, вероятно, через Таманский полуостров, одна часть алан Подонья и степно-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

го Предкавказья была истреблена или вовлечена в походы кочевников, другая отступила к предгорьям Северного Кавказа. Возможно, что тогда же в предгорно-плоскостную часть региона отошли какие-то группы предкавказских булгар. Еще одно мощное вторжение гуннов, продвигавшихся из Северного Причерноморья через Подонье и Центральный Кавказ в страны Закавказья и Ближнего Востока, состоялось в 395 г. Эти и последующие походы племен гунно-булгарской общности в конце IV – начале VII вв. приводили к перемещениям и смешиваниям многих групп разноязычного населения, что значительно ускорило на Северном Кавказе, в т.ч. и в пределах ЦКС, процессы тюркизации.

С V в. военно-политическая роль булгар Западного и Центрального Предкавказья явно возросла, чему, среди прочих причин, способствовало продвижение на их территорию родственных им племен оногуров. Процессы тюркизации особенно заметно активизировались в тех предгорных и горных зонах ЦКС, куда неоднократно и стабильно проникали булгаро-оногуры. В этой связи интересно отметить, что, по словам Прокопия (VI в.), после конфликта с византийцами, правитель абхазов Опсит с «небольшим отрядом... удалился к жившим поблизости гуннам, в пределы Кавказского хребта» (*Прокопий из Кессарии*, 1950). На наш взгляд, Опсит скорее всего «удалился» в верховья р. Кубани и Лабы. Здесь же надо добавить, что продвигаясь по тем направлениям, где имелись хорошие горные пастбища и удобные перевалы, гунно(оногуро)-булгары местами вплотную приближались к границам стран Закавказья и временами даже закреплялись в таких местах. К примеру, по сообщению Прокопия из Кессарии, неприступная крепость на юге Дарьяльского ущелья, называвшаяся Каспийскими воротами, принадлежала в конце V – начале VI вв. гунну Амбазуку, а позднее его сыновьям (*Прокопий*, 1876).

И далее, тюркизации ЦКС значительно способствовал факт перехода части булгар к оседлой жизни. Так, Захарий Ритор (VI в.), имея в виду Дарьяльский проход, писал, что «за Каспийскими воротами живут булгары со своим языком... у них есть города; и аланы, у них пять городов» (*Пигулевская*, 1941). Кроме того, в сведениях конца VI – VII вв. упоминается город Бакаф, построенный оногуро-булгарами (*Феофилакт Симокатта*, 1957).

И, наконец, особый интерес представляют сведения о том, что вблизи от алан, «около Кавказских гор... живут сабирь» (*Прокопий*, 1876), так как они подтверждаются и уточняются данными топонимики, свидетельствующими о проживании отдельных групп этих племен не только на равнине, но и в предгорной и даже горной зонах ЦКС. В частности, имеется в виду тот факт, что один из холмов южнее с. Урух в Кабардино-Балкарии кабардинцы называют «Курган саби́ров», а урочище близ того же села – просто «Сыбы́р» (т.е. «Сабир»); кроме того, глубокая балка в верховьях р. Курп именуется по-кабардински «овраг саби́ров» (*Кокоев*, 2000). На вероятность их оседания в высокогорной зоне ЦКС указывают топонимы «Сафьры ком» (с осетинского яз. – Ущелье саби́ров) и «Сапыры ком» – древнее название Дигорского ущелья, а также одного из пахотных участков в ущелье р. Геналдон (*Цагаева*, 1971). Среди других топонимов, свидетельствующих об оседании саби́ро-булгаров в Дигории весьма значимым является название «Тенгрицау» (с тюрк. яз. – «Гора Тенгри» или «Небесная гора»), связанная с именем верховного божества почти всех тюрков Евразии (*Цагаева*, 1971). И в заключение, кстати будет добавить достаточно ценные сведения о проживании в VI в. на р. Боас в горах Сванетии отдельных групп саби́ро-булгар; причем, предполагается, что гидроним Боас имеет тюркское происхождение (*Чичуров*, 1980). Эти сведения вполне согласуются с тем фактом, что сваны своих издревле хорошо знакомых соседей – балкарцев и карачаевцев продолжают и в наше время называть «савиар», т.е. саби́ры (*Робакидзе, Харадзе*, 1960).

Таковы далеко не полные сведения о том, что в ЦКС, включая и междуречье верховьев Лабы – Камы – Баксана, процессы тюркизации в конце IV – начале VII вв. существенно активизировались. И все же преобладающую часть населения в целом на данной территории составляли в тот период ираноязычные аланы и автохтонные племена.

О.В. Шаров

Институт истории материальной культуры РАН, г. С.-Петербург

СИНХРОНИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСОВ ЗНАТИ ПОЗДНЕСАРМАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ, БОСПОРА И ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА

В работе В.Ю. Малашева (*Малашев, 2000*) о хронологии позднесарматской культуры, охватывающей обширные регионы Приуралья, Поволжья, Подонья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа, были предложены на основе корреляционного метода абсолютные даты для 6 выделенных групп. Благодаря выделению хронологических групп, стало возможным проследить эволюцию изделий в полихромном стиле для регионов, не входящих в обширный ареал позднесарматской культуры. Попытаемся синхронизировать ряд комплексов, происходящих из Боспора и Центрального Кавказа, с комплексами позднесарматской культуры, опираясь на типологию и хронологию В. Ю. Малашева (*Малашев, 2000. Рис. 1, 2*).

Группа I (150-210/220) В. Ю. Малашева соответствует периодам В2/С1 (150/160-200/210 гг.) и С1а (170/180-210/220 гг.) центральноевропейской хронологии по К. Годловскому (*Godlowski, 1970*). Индикаторами синхронизации данного периода выступают одночленные лучковые фибулы 4-5 вариантов 15 группы и сильно профилированные фибулы 1 серии 1-2 варианта по А.К. Амброзу (*Амброз, 1966*).

Для всех деталей позднесарматской ременной гарнитуры прослежено полное отсутствие фасетировки. Пряжки, в основном, имеют круглую гладкую раму без утолщения и короткий прогнутый язычок. Появление длинных обойм у пряжек и длинных зажимов у наконечников — это нововведение, которое фиксируется только с середины II в. н. э, так как раньше наконечники и пряжки крепились прямо к ремням, а не посредством металлических обойм или зажимов.

Боспорский и центральноевропейский материал имеет существенные отличия. Большинство комплексов Боспора, которые относятся к этому времени, уже содержат пряжки с гранеными рамками разных типов. В германском мире известны пряжки типа «U» с гранеными рамками и длинными обоймами с начала I в. н. э. В период В2/С1 на обширных пространствах европейского Барбарикума были распространены разнообразные пряжки: типы «С», «D», «Q», пряжки с прямоугольными, гранеными рамками и обоймами различной длины по Р. Мадьде-Легутко (*Madyda-Legutko, 1986*). На Боспоре появляются пряжки типа «С» римских образцов с гранеными рамками и обоймами еще в первой половине II в. н. э. Комплексы, датированные стеклянными сосудами и боспорскими монетами, подтверждают эту дату (*Кунина, Сорокина, 1972. Рис. 7, 8*).

Таким образом, можно видеть серьезное расхождение боспорской хронологии с позднесарматской, но при этом, соответствие боспорской и центральноевропейской хронологии, опирающейся на датировки *римских* типов вещей. Боспор находился под протекторатом Рима с I в. н. э., поэтому новые типы деталей одежды, амуниции, бронзовой и стеклянной посуды, керамической тары появлялись там почти одновременно с их бытованием в Империи. Народы «Германии» Птолемея также находились в контактах с Империей с I в. до н. э., поэтому можно видеть почти синхронное появление большинства типов римских изделий в Барбарикуме с их появлением в Римской Империи. *«Поздние сарматы»* вступили в первый контакт с Империей во времена Маркоманнских войн, и этим объясняется запаздывание целого ряда типов вещей и более позднее применение технологических приемов римских мастеров.

Группа I выделена В.Ю. Малашевым на основании 6 комплексов, происходящих из ареалов Северного Кавказа, Прикубанья и Подонья. Попытаемся синхронизировать комплексы этой группы с комплексами из Центрального Кавказа. Это, прежде всего, комплекс погребения № 905 из Самтавро, в котором пряжки и наконечники ремней именно этого типа, но с одним отличием: они украшены вставками бирюзы и сердолика в на-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

напаянных кастах, а зажимы или обоймы наконечников сделаны в «инлайт-стиле»: в прорезных отверстиях находятся плоские вставки бирюзы. Сюда же нужно отнести и погребение № 1 питиахша Аспаруха из Армазисхеви. В нем помимо богатого инвентаря представлены две пряжки и два наконечника именно тех типов, которые характерны для 1 группы. Для всех полихромных изделий характерно сочетание красного и зеленого цветов — красные гранаты-альмандины и бирюза, причем бирюза вставлена в прорези золотой обкладки ножен в «инлайт-стиле», характерном в целом для изделий Ирана (рис. 1, 2). Если привлечь также материалы погребений № 7 и № 6 Армазисхеви с монетами 166–167 и 190 гг. соответственно, то мы увидим, что предметы в «инлайт-стиле» украшены только мягкой пластичной бирюзой, гранатовые вставки — все кабошоны и вставлены в напаянные касты (рис. 1, 4–10). Выпиливать тонкие пластинки граната и вставлять их в специально напаянные касты (подлинная техника «клуазоннэ») стали позднее: еще в погребении 1981 г. в Армазисхеви с монетой 226–242 гг. на гранатовом браслете золотая накладка украшена в «инлайт-стиле» и только бирюзой (рис. 1, 11).

Отметим, что все типы предметов, украшенные в полихромном стиле хронологической группы I В.Ю. Малашева, изготовлены особым образом: это массивные золотые предметы, а не золотая или позолоченная фольга, и они украшены настоящей зернью и филигранью, а не псевдозернью и псевдофилигранью в технике тиснения.

Группа IIa В.Ю. Малашева (220–260 гг.) соответствует периоду C1b центрально-европейской хронологии К. Годловского (*Godłowski*, 1970). Главным стилистическим и хронологическим признаком является появление фасетировки практически на всех деталях позднесарматской ременной гарнитуры. В это время появляются все типы пряжек с полукруглой и прямоугольной рамкой и с круглым и прямоугольным щитком. Рамки становятся граненые, язычки пряжек фасетированные. В группе IIa представлены почти исключительно одночленные лучковые фибулы 4–5 вариантов по А.К. Амброзу, среди них уже встречены фибулы с фигурной обмоткой (*Малашев*, 2000. Рис. 5, 13). В это время начинается повсеместно подражание типам римской гарнитуры, которые сарматы и германцы могли захватить в ходе Маркоманнских войн. Боспорские воины участвовали совместно с римскими когортами в войне 186–193 гг., подчинив сираков и тавров, поэтому новая мода могла появиться на Боспоре также в это время. С эпохи Маркоманнских и Боспорских войн можно говорить о возможности синхронизации сарматской, боспорской и центральноевропейской хронологии.

Комплексы группы IIa представлены на очень обширной территории, наиболее богатые комплексы происходят с территории Нижнего Подонья (*Малашев*, 2000. С. 199). На Северном и Центральном Кавказе вещи «фасетированного стиля» отсутствуют.

К группе IIa можно отнести ряд погребений знати Центрального Кавказа, в которых появляются изделия в подлинном «клуазоннэ». Погребение № 3 Армазисхеви питиахша Берсума с последней монетой 251 г. содержало среди многочисленного богатого инвентаря кинжал, золотая рукоять которого была выполнена в «инлайт-стиле», но украшена уже плоскими, вероятно, шлифованными гранатами и всего лишь несколькими вставками бирюзы (рис. 1, 12). В погребении № 2 Армазисхеви с блюдом питиахша Папака и последней монетой Валериана 253–260 гг. уже можно видеть настоящий стиль «клуазоннэ»: шлифованные плоские гранаты в напаянных кастах вокруг геммы украшают золотой медальон (рис. 1, 14). Ту же дату (254–260 гг.) нам дает погребение № 13 Арагвистпири, где также представлены предметы в стиле подлинного «клуазоннэ» (рис. 1, 17).

Таким образом, во втором периоде мы видим принципиальное изменение в стиле всех деталей ременной гарнитуры: они начинают ограняться, подражать «провинциальной-норимской моде». Также можно проследить и некоторое влияние Ирана, ввиду появления предметов в стиле «клуазоннэ» не только в Иберии, но и в позднесарматских комплексах уже группы IIб.

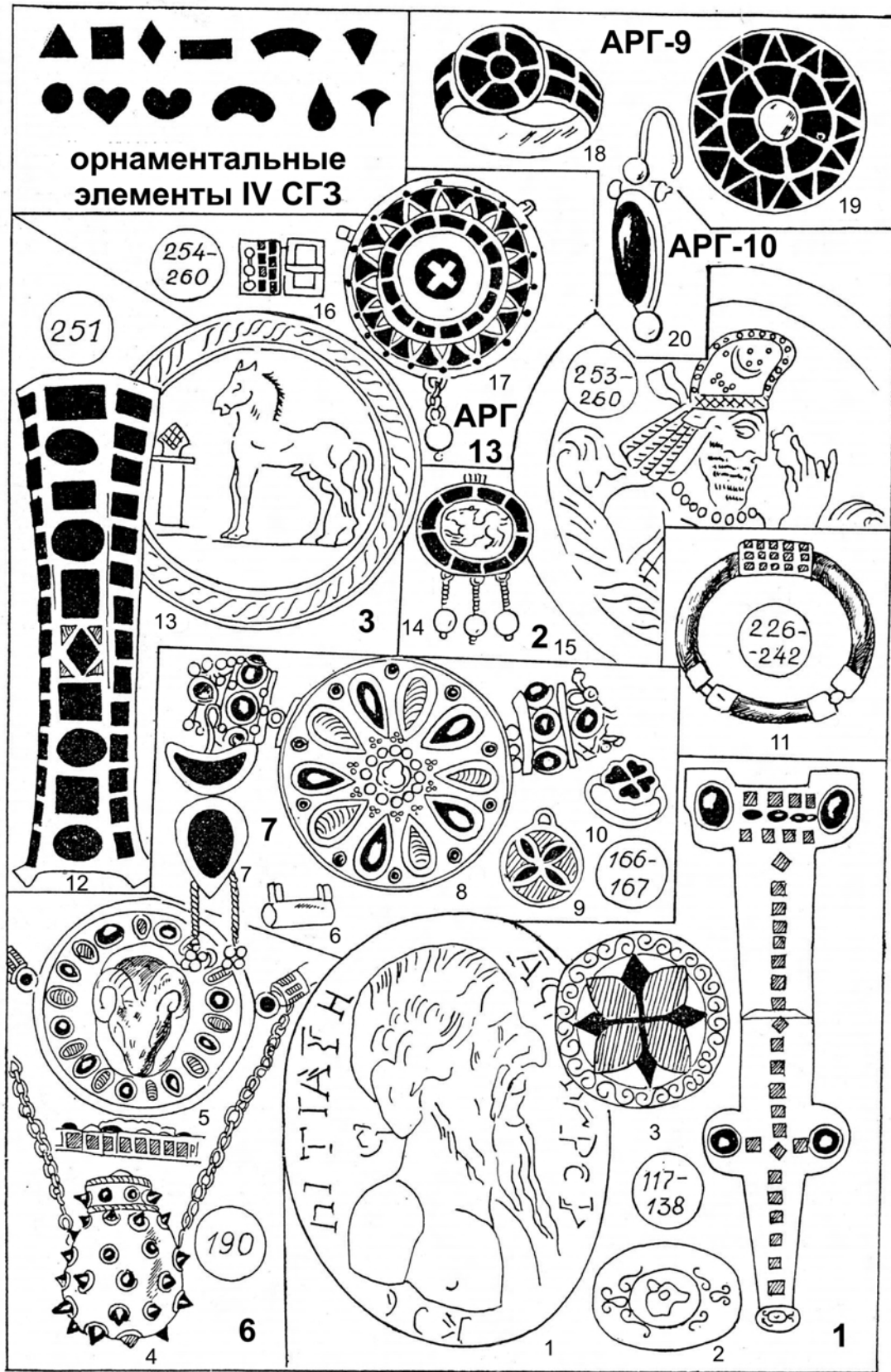

Рис. 1. Предметы в полихромном стиле, происходящие из мог. Армазисхеви и Арагвиспири Центрального Кавказа (по: Бажан, Шукин, 1990. Рис 1 – с дополнениями автора)

Н.Ф. Шевченко

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ДРЕВНЕГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА МЕЗМАЙ 1)

Грунтовый могильник Мезмай 1 расположен в Апшеронском районе Краснодарского края на высоте около 800 метров над уровнем моря в районе перевальных троп, соединяющих районы Нижнего Прикубанья с черноморским побережьем и далее с Малой Азией (т. н. «меото-колхидская дорога»). Памятник является богатым некрополем, сочетающим различные типы погребальных конструкций, тризновые площадки, культовые курганообразные сооружения и т.п. К сожалению, в течение многих лет на данной территории ведется массовое разграбление могил, которое разрушило или повредило большинство поверхностных объектов. Предварительно некрополь занимает около 1 га поросшей лесом пересеченной местности, хотя разброс случайных находок и расположение грабительских шурфов позволяют предполагать, что его территория значительно больше. Захоронения, вероятно, имеют «кустовое» распределение с тяготением к северо-восточному склону без устойчивой связи с рельефом местности. Несмотря на то, что здесь наряду с крутыми склонами присутствуют сравнительно ровные площадки, деление на элитарные и эгалитарные участки достоверно не прослеживается. Внутри такого «куста» могилы расположены очень плотно, иногда они прорезают края соседних конструкций, но ни разу не отмечены случаи разрушения ранних комплексов более поздними. Формирование могильника происходит около середины II в. до н.э. и датировка большинства исследованных комплексов не выходит за пределы эпохи позднего эллинизма; только одно захоронение можно уверенно отнести к началу I в. н.э. Особенностью данного некрополя является то, что он включает почти исключительно захоронения взрослых мужчин. Женские и детские комплексы не зафиксированы как на периферии, так и на прилегающих территориях. Инвентарь, куда входят многочисленные предметы паноплии, и особенности обрядов позволяют говорить, что могильник оставлен группой населения, объединенной по профессиональному признаку и представлявшей замкнутую дружинную субкультуру. Возможно, некрополь был ритуально вынесен в сторону от мест захоронения других членов племени или находился в месте сезонного поста на караванном пути; в нем явно прослеживаются элементы иерархии, сопоставимые с воинскими структурами. Подобная обособленность очень ценна, так как позволяет проследить нюансы социальной градации внутри подобных формирований.

В могильнике предварительно выделены четыре типа захоронений, характеризующихся конструкциями погребальных сооружений, наборами инвентаря и обрядовыми особенностями, указывающими на социальное положение их носителя. При этом почти все захоронения совершены по обряду ингумации, вытянуто на спине и имеют устойчивую северо-западную ориентировку.

Захоронения

1. Включает так называемые княжеские комплексы, отличающиеся богатством инвентаря и особенностями обряда.

а. Погребение совершено в большой яме овальной формы, уступообразно понижающейся к дну. Размер по верхнему контуру – 3,8 x 4,3 м, глубина – 2,6 м. (рис. 1, 1). В заполнении, поверх гробницы крестообразно были уложены жертвенные животные (4 взнузданные лошади и корова). Захоронение человека совершено в каменном ящике, перекрытом плитой. В погребальный набор входит

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

подборка статусных атрибутов, включающих украшения из золота, бронзовую посуду и предметы вооружения. При этом особо ценные вещи уложены в нескольких экземплярах: два бронзовых шлема, четыре меча и т.п. Обязательно присутствует ритуальный жезл в виде мирового дерева.

б. Полукенотаф, представляющий собой сложную погребальную конструкцию, аналогичную описанной выше. В огромной яме захоронен череп взрослого человека, с приставленным вместо туловища мечом. При этом керамика и предметы вооружения уложены в яму как при обычном захоронении (рис. 1, 2). В заполнении, поверх центральной ямы зафиксирован костяк лошади. Традиция доставки головы погибшего человека на родину хорошо известна по этнографическим данным, но в данном случае этот обряд, вероятно, являлся привилегией высших слоев общества.

с. Представлено единственным женским захоронением, исследованным в могильнике на настоящий момент. Погребение датируется началом I в. н.э. и совершено в сравнительно обширном подбое. Инвентарь отличается исключительным разнообразием и включает, наряду с многочисленными украшениями из золота, бусы, бронзовую игольницу и зеркало. В набор также входят две стеклянные чаши и различная керамика. Особый интерес представляет свернутая кольчуга (вес с окислами – 16 кг); для сравнения, вес кольчуги из мужского погребения – 9,62 кг. Не исключено, что данный доспех является катафрактной, но развернуть спекшийся металл невозможно. Две лошади были захоронены во входной яме, при этом одна из них была взнуздана, упряжь другой украшена золотыми и стеклянными бусами. Определять социальное положение погребенной женщины можно лишь условно, но, несомненно, что она относилась к высшим слоям общества, а захороненный с ней очень дорогой доспех подчеркивает высокий статус и особое положение в мужском социуме.

2. В эту группу входят захоронения воинов, составляющие наиболее многочисленную группу комплексов в могильнике. Глубина ям в плотном каменистом грунте редко превышает один метр, поэтому большинство могил ограблено. Тем не менее, обрядовое разнообразие в группе прослеживаются достаточно четко.

а. Захоронения совершенны в катакомбах (рис. 1, 3). Входные ямы и камеры расположены на одной оси. Комплексы отличаются сравнительным богатством инвентаря, включающего предметы вооружения, шлемы, кольчуги, многочисленную керамику. Жертвенные животные в количестве 2-3 лошадей (иногда добавляется корова) укладывались на дно входной ямы.

б. Захоронения совершены в сравнительно тесных подбоях (рис. 1, 4). Количество инвентаря значительно меньше, чем в первой группе, но оружие также представлено мечами, наконечниками копий и дротиков. Жертвенное животное (одна лошадь) уложена во входной яме и занимает часть подбоя.

3. Представители этой группы условно определены как «ополченцы». Сюда входят погребения совершенные в обычных грунтовых ямах подпрямоугольной формы при глубине не более 0,4 м (рис. 1, 5). Сопутствующие захоронения лошадей отсутствуют. Предметы вооружения малочисленны и представлены только наконечником копья и дротиком. Керамика не зафиксирована, зато в набор входят орудия труда: кремневые отщепы, нож, оселок, серп.

4. Группу составляют захоронения людей, вероятно, низшего социального слоя. Костяки лежат практически под дерновым слоем в узких прямоугольных ямах, инвентарь отсутствует. В обоих исследованных захоронениях прослеживаются следы декапитации. В одном случае отрубленная голова отсутствует в могиле, в другом она уложена на левую руку погребенного (рис. 1, 6).

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

Тризовые комплексы

На всей территории могильника часто встречаются отдельные фрагменты керамики и кости животных, что позволяет предполагать совершение тризовых обрядов не только во время погребения, но и по прошествии времени. Подобная керамика может быть вымыта, отброшена грабителями или смещена оползнями. Наряду с этими, неопределенными по времени и отношению к комплексу фрагментами, исследовано несколько объектов, которые являются синхронными погребению «тризовыми площадками». Среди них выделяется несколько типов:

1. Тризна совершена на лежащей у края могильной ямы каменной плите.
2. Тризна совершалась одновременно с засыпкой ямы, поэтому керамика и кости животных находятся в заполнении.
3. Тризна совершена на сравнительно небольшой выложенной мелкими камнями площадке.
4. Тризна связана с «поминальным объектом», представляющим собой курганообразную каменную наброску диаметром около 6 м. Среди камней расчищены многочисленные фрагменты керамики и кости животных. Под насыпью лежал обезглавленный костяк взрослого человека. Возможно, данная конструкция не относится к конкретному погребению и создана при отправлении общественных культов.

Таким образом, исследования могильника позволяют уверенно выделять две группы людей, составляющих это военизированное сообщество. Они кардинально разделяются по социальному статусу – свободное и зависимое население. Первая категория более многочисленная и в ней хорошо прослеживаются следы развитой социальной стратификации.

Погребения людей отнесенных к высшему слою, условно определенному как княжеский, выделяются даже на фоне богатых дружинных захоронений. Вероятно, представители элиты имели не только имущественные привилегии, но уже сформировались институты власти, которые определяли особый погребальный обряд, правила обращения с телом умершего вождя и, возможно, оговаривали присутствие женщин высшего происхождения в подобном мужском союзе.

Захоронения воинов-дружинников отражают не только нюансы социального положения человека, но позволяют проследить структуру военного формирования. В него входит: а) элитная часть – всадники (катакомбный обряд, мечи, шлемы, кольчуги, несколько лошадей), б) легкая кавалерия (погребение в подбое, мечи, копья, дротики, одна лошадь), в) ополчение (погребение в яме, легкие копья и дротики в сочетании с орудиями труда и инструментами, отсутствие лошадей).

Безынварные погребения с отсеченными головами, скорее всего, принадлежат представителям зависимого населения. Термин зависимость может иметь широкое толкование, но в данном случае (замкнутая военная структура, возможность принесения в жертву) он охватывает категорию людей рабского состояния. Вряд ли, в дружинном сегменте варварского общества рабы были многочисленны.

Тризны, вероятно, совершались по всем категориям людей свободного положения, и их формы не были жестко регламентированы, в отличие от общественных ритуалов, которые могли сопровождаться человеческими жертвоприношениями, и требовали значительного числа участников.

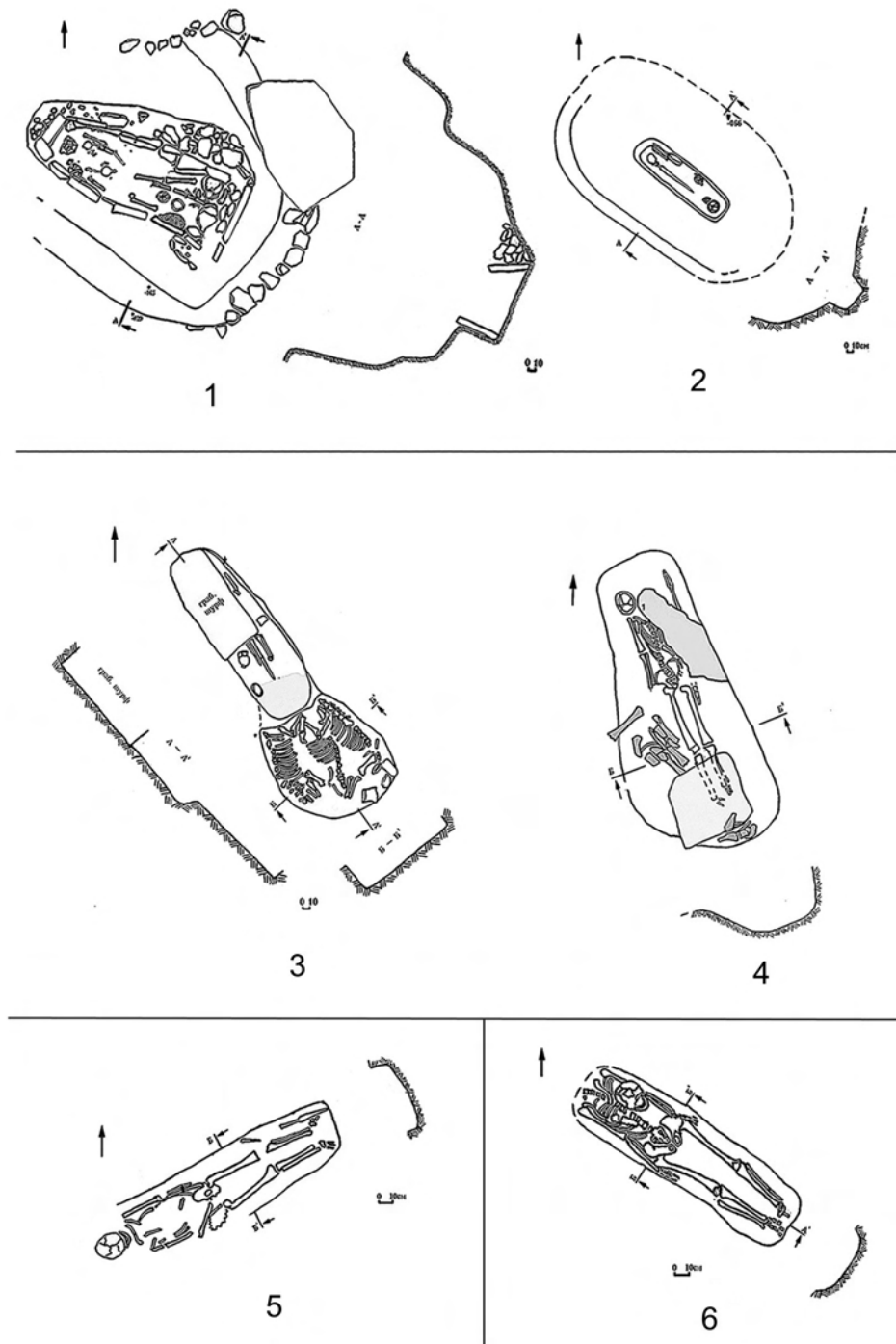

Рис. 1. Грунтовый могильник Мезмай 1: 1 – погр. 3; 2 – погр. 5; 3 – погр. 6; 4 – погр. 9; 5 – погр. 8; 6 – погр. 7

Э.Ю. Шестопалова

Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

ОБРЯД ПРЕДНАМЕРЕННОГО РАЗРУШЕНИЯ ПОГРЕБЕНИЙ В КАТАКОМБАХ ДАГОМСКОГО МОГИЛЬНИКА

При исследовании катакомбных захоронений часто выявляются детали погребальной обрядности, малопонятные современному человеку. Дагомский могильник VI-VIII вв. не является исключением. Памятник находится в Урсдонском ущелье Алагирского района, на высоте 1300 м над уровнем моря, исследовался с 2003 по 2007 гг. В камерах, где кости сохранились относительно хорошо и погребения не потревожены, обнаруживаются очевидные детали, которые можно объяснить только наличием какого-то особого ритуала. Цель этого ритуала до конца не выяснена.

В восьми катакомбах (кат. 2, 4, 5, 6, 9, 12, 16) были отмечены конкретные следы умышленного разрушения и перемещения костей погребенных. Всего ритуальному действию подверглись 12 человек. В шести случаях это касалось мужских погребений (кат. 2, 4, 6, 12, 16), в трех – женских (кат. 9, 16), в трех случаях – детских (кат. 2, 10, 16).

Умышленному разрушению или перемещению подвергались практически все части скелета (или тела) мужчин, женщин и детей независимо от возраста и социальной принадлежности: череп, позвоночник, тазовый пояс, ноги (чаще колени и стопы). В некоторых случаях это касалось всех погребенных в камере (кат. 16), иногда следы этого ритуала выявлены только у одного из погребенных (кат. 4). Нет полной уверенности, что ритуалу подвергались не все, возможно, просто не сохранилось его видимых следов.

У мужчин изымалась коленная чашечка одной ноги и помещалась сбоку на некотором удалении от места своего анатомического расположения. Это могла быть коленная чашечка левой ноги (кат. 2, погр. 2; кат. 5, погр. 1) или правой (кат. 12, погр. 2). У женщин, по материалам Дагомского могильника, такая деталь пока не отмечена.

Отчетливо прослеживается неестественно сильное разъединение челюстей у мужчин в кат. 2 (погр. 4), кат. 4 (погр. 1), кат. 16 (погр. 2), независимо от положения головы. С женскими погребениями такие детали не выявлены.

В нескольких случаях ритуальному разрушению подверглись черепа. Самое заметное и хорошо зафиксированное перемещение черепа отмечено в кат. 4 (погр. 1), где голова мужчины была умышленно свернута набок влево с отделением от позвоночного столба, с неестественно сильным разъединением челюстей. Особо следует отметить, что один из шейных позвонков (верхний) был удален с места своего анатомического расположения на 35-40 см и находился справа от плеча правой руки погребенного воина. Такой же случай умышленного разрушения черепа (или головы) и перемещения шейных позвонков отмечен в кат. 16 у женского погр. 1, два шейных позвонка были отделены от позвоночного столба и положены отдельно позади черепа у стены, также на неестественном удалении находился и один из позвонков поясничного отдела. Совершенно очевидно, что они оказались там не случайно.

У женщин отчетливо прослеживается разрушение костей тазового пояса. В кат. 9 (погр. 1) и в кат. 16 (погр. 1) тазовые кости у женщин были смещены со своих мест и развернуты почти в противоположную от естественно-

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

го положения сторону. Разрушений тазового пояса у мужчин не наблюдалось.

Хорошо сохранившихся и неповрежденных детских погребений недостаточно для аргументированных выводов, но, по всей видимости, разрушению подвергались, прежде всего, черепа детей. В кат. 2 (погр. 3) и в кат. 10 (погр. 3) от них не сохранилось ни костей, ни четких следов пятна тлена, но в кат. 10, позади женского погребения 2, у стены зафиксировано локальное пятно, состоящее из крошева и мелких фрагментов черепа. Можно предположить, что это и был череп (или голова) ребенка, перемещенный туда умышленно.

Помимо четко выраженных и видимых деталей ритуального разрушения погребений, почти в каждой катакомбе можно обнаружить еще и косвенные указания на этот же обряд, пусть не столь очевидные и бесспорные.

На могильнике встречаются катакомбы, в которых погребения разрушены полностью, ни одна кость не находилась на месте своего анатомического расположения и даже приблизительное положение погребенных не определяется. Например в кат. 11 с парным захоронением все кости были беспорядочно разбросаны так, как будто стремились не оставить на месте ни одной из них, а один череп не просто был отброшен в сторону, но и перевернут. Вероятно, помимо грабительских разрушений, эти погребения имели еще и ритуальные. То же можно предположить и о разрушенных катакомбах 7 и 8, где все кости были сильно перемешаны.

Плохая сохранность остеологического материала не позволила выявить устойчивые факты умышленного разлома костей или полного отсутствия каких-то костей у погребенных. Но в кат. 3 у мужского погр. 4 полностью отсутствует голень и стопа правой ноги, нет даже следов тлена, как будто этой части тела не было вовсе, а бедро левой ноги сломано и смещено в двух местах, возможно, это прижизненные травмы, а возможно и результат каких-то изошренных ритуальных действий.

В кат. 9, помимо очевидных следов умышленного разрушения тазовых костей женского погр. 1, зафиксирована еще одна деталь, которая может быть связана с этим же обрядом. Слева от лаза, у стены, на заметном расстоянии от погребений, находились компактно и вперемешку кости стоп, которые были, вероятно, специально изъяты у кого-то из погребенных и положены отдельно у стены. Они могли принадлежать одному из погребенных или даже нескольким и эта деталь, скорее всего, как-то связана с фактом отсутствия голени у погр. 4 из кат. 3.

Материалы Дагомского могильника содержат вполне очевидные факты соблюдения какого-то строгого и жестокого ритуала, связанного с обрядом преднамеренного разрушения и перемещения отдельных костей погребенных. В основе этого обряда лежат сложные, малопонятные для нас представления древних людей о жизни и смерти, реконструкция которых на данном этапе наших знаний пока не поддается расшифровке.

С.А. Яценко

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГРУПП ВОИНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ В САРМАТСКИХ НЕКРОПОЛЯХ

Анализ массивов воинских захоронений в могильниках среднесарматского и раннего периода позднесарматского времени позволяет выделить несколько заметно различающихся их групп. К распространенному типу *клановых ополчений* «народа-войска» на Нижнедонском Левобережье можно отнести погребения (197 комплексов) *среднесарматской культуры* (со 2-й половины I в. до н.э. по В.П. Глебову) могильника Новый (*Ильюков, Власкин, 1992*). Здесь почти все мужчины до 30 лет (средняя продолжительность жизни) сопровождалась оружием (у пожилых индивидов оно во многих случаях отсутствовало). Типовым набором вооружения мужчин являлся короткий меч и набор стрел (от 8 до 120 экз.) – 35 погребенных (22 нетронутых и, предположительно, 13 нарушенных грабителями), 86 % которых были «молодыми» (в возрасте от 18 до 30 лет). 14 погребенных мужчин (от 8 до 60 лет, чаще «пожилых») сопровождал только меч. Эти воины – явно представители рядового населения (обычно сопровождалась 1-2 гончарными, реже – лепными сосудами и жертвенными мясом барана на деревянном блюде с ножом, иногда лепными курильницами и др.). Кинжалы встречены в трех могилах, узда – в четырех. Три воительницы (в возрасте от 18 до 35 лет – курганы 14/1, 17/1 и 85/1) здесь имели либо только стрелы или кинжал, или меч с боевым ножом. В могильнике выделяются три ограбленных могилы мужчин 25-40 лет (*Батиева, 2011*) с копьями – погр. 1 кургана 48, погр. 1 кургана 125 и в парном погр. 8 кургана 80 (в последнем у умершего сохранились пластинчатый *панцирь* в сочетании с копьем, стрелы от колчана и удила); эти могилы *военных предводителей* относятся к обеим фазам функционирования некрополя.

Для раннего периода *позднесарматского времени* в этом регионе показательным можно считать некрополь из групп курганов отдельных кланов Высочино-Новоалександровка (*Беспалый, 1990; Беспалый, Лукьяшко, 2008*). Здесь в могилах мужчин преобладают кинжалы, лишь в одном случае достоверно сочетающиеся с колчаном (15 стрел – Высочино V, кург. 6, погр. 1), к пожилым погребенным иногда положены ногойки. Единственная уцелевшая небогатая могила, вероятного военного предводителя, (Новоалександровка I, кург. 25) включала копье, длинный меч и кинжал. У обеих воительниц (Высочино I, кург. 10 и Высочино V, кург. 18) состав вооружения в каждом случае весьма оригинален (меч и кинжал; клевец) и отличен от всех мужских.

В верховьях Дона в *среднесарматское* время для данной группы показателен некрополь Чертовицкое I (*Медведев, 1990*). Здесь, все 16 могил с мужским инвентарем содержат оружие. Преобладает, как и в могильнике Новый, набор «меч + колчан» с 10-60 стрелами (в половине случаев); один меч встречен трижды; удила положены в 6 случаях. «Лидерами» здесь могли быть воины из кург. 6 (к мечу крепилась гагатовая подвеска со скоплением оригинальных тамг) и из кург. 14 (высокого роста погребенный с массивным мечом).

Для *позднесарматского* времени на этой территории важен некрополь в Ново-Никольском. Из раскопанных А.П. Медведевым 23 могил, мужскими по инвентарю были около 75 %, однако оружие встречено лишь в половине из них (8). Здесь явно отсутствовал принятый набор оружия, однако показательна высокая доля копий и кинжалов (по 5-6 могил), реже встречались мечи. Стрелы

Археология сарматского времени и эпохи ВПН

обнаружены лишь у одного из вероятных «лидеров» в кург. 51 (с копьем и кинжалом). Клинки мечей и кинжалов здесь подчас клали в виде фрагментов (кург. 49 и 74). Оба названных воинских могильника практически не ограблены в древности.

В целом, в позднесарматское время уменьшается доля воинских мужских погребений, что связано не столько с социальной дифференциацией, сколько с растущей специализацией (увеличение роли воинов в кожанно-войлочных панцирях, подчас с металлическим покрытием, вооруженных длинными копьями; рост престижа героического поединка врукопашную, без стрельбы издали стрелами) (ср.: *Нефедкин*, 2011).

К вероятным некрополям стабильных территориальных дружин хорошо экипированных воинов можно отнести «Золотое кладбище» прикубанских сираков между станицами Усть-Лабинская и Казанская, существовавшее, видимо, до войны с Боспором 193 г. н.э. (ОАК, 1901-1908; *Гущина, Засецкая*, 1994 и др.) Здесь преобладают погребения среднесарматского времени, а среди них – мужские. Уникальная форма курганов здесь сочетается с весьма стандартизированной обрядностью. Судя по лучше документированным раскопкам А.М. Ждановского 1977-1978 гг. у Тбилисской (Тифлисской) (*Ждановский*, 1984), в каждой воинской могиле имелся кольчужный или комбинированный доспех, во многих – шлем (его, видимо, обычно уносили грабители); в некоторые могилы помещали лошадь. Судя по единственной не ограбленной воинской катакомбе (Тифлисская, кург. 15), в комплект вооружения, кроме копья и кинжала, входил колчан со стрелами. Показателен разноразмерный в таком важнейшем атрибуте катафрактария как копья (4 разновидности), в облике 4 найденных шлемов, а также отсутствие в могилах по-настоящему массивных золотых изделий (похороненные здесь семьи явно не принадлежали к высшей знати).

Содержание дружин, подобных позднесиракской, было необходимо сарматам лишь при наличии стабильных столкновений с сильным, хорошо вооруженным противником, имевшим отряды собственных катафрактариев (Иран и страны Закавказья, римляне на Дунае со времени Адриана) и, несомненно, требовало регулярного «кормления» у поселений зависимых земледельцев. Последнее удалось организовать лишь на Средней Кубани и, вероятно, в Венгрии, а в конце II в. н.э. – у окраинных городов Боспора, где сарматские дружины были, видимо, сформированы впервые Савроматом II (некрополи Илурата и поздней военизированной «общины танаитов» в Танаисе).

К особому типу можно отнести небольшой могильник рубежа II-III вв. н.э. у с. Новые Бедражи (Молдова), где почти полностью раскопан ряд из 7 квадратных оград-ровиков (со сторонами около 12 м) с погребениями в 1,5-6 м к юго-западу от друг от друга (*Курчатова и др.*, 1995) по стандартному обряду. Умершие воины (все – не моложе 30 лет, т.е. по тогдашним меркам не молодые) сопровождалась однотипным коротким мечом, 1-2 сосудами и обычно – амфорами (1-5 экз.). Восточный край этого ряда, видимо, предназначался для более значимых лиц. Так, у сооружения 6 рядом находились две могилы (мужчины и женщины-воительницы около 40 лет с фрагментом того же меча). Мужчина из самой дальней могилы 7, кроме короткого, имел длинный меч и кинжал иного типа, чем у других, и отличался наличием дополнительных аксессуаров костюма (пряжки обуви, фибула, бусина на шее). Этот необычный некрополь можно считать *одноразовым памятником жертвам некой военной акции (сражения, набега)*, для создания которого использовали линии ритуальных рвов (единственный случай, когда они тесно увязаны с погребениями!).

Археология Средневековья

А.К. Абиев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

С.Ю. Фризен

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГОЦАТЛИНСКОМ 3-М (ОРТОКОЛИНСКОМ) МОГИЛЬНИКЕ В ГОРНОМ ДАГЕСТАНЕ В 2012-2013 ГГ.

*Палеоантропологические исследования выполнены при поддержке РФФИ
– проект 12-06-31045*

Гоцатлинский 3-й (Ортоколинский) могильник расположен в урочище Ортоколо, на расстоянии 3 км к югу от селения Большой Гоцатль, к западу от шоссейной дороги на левом берегу р. Аварское Койсу. Расстояние от могильника до берега реки составляет примерно 0,5 км. Памятник находится на восточном склоне горы, занимает положение между двумя скальными выступами и спускается до высокой горизонтальной террасы, на которой расположено Гоцатлинское 1-е (Ортоколинское) поселение. Склон над шоссе (к западу от него) порос кустарником и перекрыт слоем делювиальных отложений. Его поверхность частично нарушена бульдозером в ходе работ по прокладке дороги. Помимо этого, современная шоссейная дорога разрушила большую часть погребений. Склон ниже шоссе полностью перекрыт сельскохозяйственными террасами, которые разрушили часть погребений. На сегодняшний день террасы не используются и заросли деревьями и кустарником. Фиксируемые погребения перекрыты мощным слоем делювиальных отложений. Толщина слоя отложений достигает 2-2,5 м.

В ходе разведок 1956 г. в окрестностях селения Большой Гоцатль и на территории самого села было открыто 7 памятников, в том числе и Гоцатлинский 3-й (Ортоколинский) могильник, где было исследовано одно погребение (*Пиккуль*, 1956. С. 102-109). В 2010 г. в связи с началом строительства Гоцатлинской ГЭС были произведены археологические разведки. Отрядом были обнаружены и исследованы два погребения в обрыве осыпающегося склона (*Давудов*, 2010. С. 1-14).

В 2012-2013 гг. на 3-м Гоцатлинском (Ортоколинском) могильнике были произведены масштабные археологические работы под руководством В.Ю. Малашева (*Малашев*, 2013). В ходе работ на могильнике вскрыта площадь 415 кв. м и исследовано 61 погребение в каменных гробницах, содержащих многообразные захоронения (до 12 погребенных в одном погребении).

Захоронения были совершены в каменных гробницах, предназначенных для многообразного использования, исключение из которых составляют детские захоронения, изначально предполагающие однократное использования каменной гробницы. Погребальные сооружения представляли собой каменные гробницы, сооруженные на дне грунтовых прямоугольных ям. Форма гробниц прямоугольная, стены выложены из нескольких рядов частично обтесанных камней, сверху перекрытых большими плоскими каменными плитами (рис. 1, 3-5). Дно гробниц – грунтовое. Погребения были расположены вдоль склона горы, что и обусловило разную глубину их залегания. Гробницы на исследованном участке располагались очень насыщенно, часто их стенки

сооружались вплотную друг к другу. В некоторых случаях соседние гробницы имели одну общую боковую или торцевую стену. Ориентированы погребения длинной осью по линии запад-восток с незначительными отклонениями к северу или югу. В заполнении встречаются небольшие кусочки угля.

Особенностью погребального обряда является многоразовое использование погребальных сооружений: в заполнении ямы над гробницами, а в основном на каменных перекрытиях гробниц, и редко внутри них, находились кости человеческих скелетов, относящиеся к более ранним захоронениям, а также отдельные предметы погребального инвентаря. Костные останки на перекрытиях гробниц лежали аккуратно сложенными кучками, рядом с ними в некоторых случаях находились керамические сосуды (рис. 1, 1).

Основное погребение – самое позднее – совершалось на дне гробницы. Погребенный был положен в вытянутом положении на спине, головой на запад, в некоторых случаях с незначительными отклонениями. Руки и ноги погребенных были вытянуты вдоль оси гробницы, в некоторых случаях ноги перекрещены в стопах (рис. 1, 2). В мужских захоронениях у костей таза погребенного находился железный нож. В женских – набор бронзовых украшений. В погребениях устанавливались керамические сосуды, в том числе импортные, покрытые зеленой поливой. Общее количество находок целых керамических сосудов составляет 47 единиц. Значительный объем находок приходится на женские украшения. В состав данных наборов входили бронзовые (16 шт.) и серебряные кольца (1 шт.) и перстни (4 шт.), бронзовые серьги (33 шт.), булавки (8 шт.), бронзовые (16 шт.) и железные (7 шт.) браслеты, стеклянные и каменные (халцедон, сердолик, яшма, лазурит, гагат, янтарь, коралл) бусы. Самостоятельную группу находок составляют железные ножи (18 шт.), оселки (6 шт.), а также железные пряжки (16 шт.), характерные для мужских погребений. Изредка встречаются предметы вооружения: в одном случае клинок, в нескольких комплексах железные наконечники стрел. В нескольких погребениях сохранились фрагменты одежды и кожаной обуви погребенных, а также фрагменты одежды и тканевых покрывал (погр. №№ 13, 28 и 41).

Предварительный палеоантропологический анализ костных останков не позволяет назвать состав погребенных однородным, однако все краниологические варианты относятся к европеоидному краниологическому комплексу. На данном этапе исследования можно выделить два антропологических варианта: первый – наиболее многочисленный, характеризуется долихокранной мозговой коробкой, узким высоким сильно профилированным лицом и сильно выступающими носовыми костями; второй – брахикранный с низким, широким уплощенным лицом и слабо выступающими носовыми костями. Оба эти варианта встречаются как в погребениях, так и на перекрытиях погребений. Необходимо также отметить, что данное население было достаточно высокорослым для своего времени, средний рост по предварительным данным, составлял порядка 175-178 см. Таким образом, на данном этапе исследования антропологических материалов данное население можно охарактеризовать как неоднородное по своему составу, европеоидное и довольно высокорослое.

Валеологическое состояние популяции в целом можно охарактеризовать как благополучное, большинство травм носят «бытовой» характер (в основном переломы конечностей и носовых костей), только в четырех случаях

Археология Средневековья

на черепах были зафиксированы рубленые раны. Необходимо также отметить, что среди детских захоронений на могильнике не было обнаружено погребенных младше 1-1,5 лет, а в ряде помещений связанного с могильником Гоцатлинского 1-го (Ортоколинского) поселения были зафиксированы захоронения новорожденных, что является довольно распространенной этнографической особенностью.

Таким образом, в ходе охранно-спасательных работ на 3-м Гоцатлинском (Ортоколинском) могильнике были уточнены его границы. Анализ погребального инвентаря позволяет предварительно датировать могильник X-XII вв. Полученные в результате исследования археологические материалы из раскопок 3-го Гоцатлинского (Ортоколинского) могильника на сегодняшний день можно считать опорными в изучении средневековой истории Горного Дагестана, давшими наибольшее количество погребальных комплексов этого времени. Серия палеоантропологических материалов, полученных в ходе раскопок памятника, также на сегодняшний день является наиболее представительной для Горного Дагестана X-XII вв.

Литература

- Давудов Ш.О.*, 2010. Отчет об археологических разведках в зоне строительства Гоцатлинской ГЭС на реке Аварское Койсу в Гунибском, Гергебильском и Хунзахском районах Республики Дагестан в 2010 г. // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.
- Пикуль М.И.*, 1956. Результаты археологических исследований 2-го горного отряда ДАЭ // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Д. 11.
- Малашев В.Ю.*, 2013. Отчет об охранно-спасательных исследованиях на Гоцатлинском 3-м (Ортоколинском) могильнике в Хунзахском районе Республики Дагестан в 2012-2013 гг. // Архив ИА РАН. Р-1, б/н.

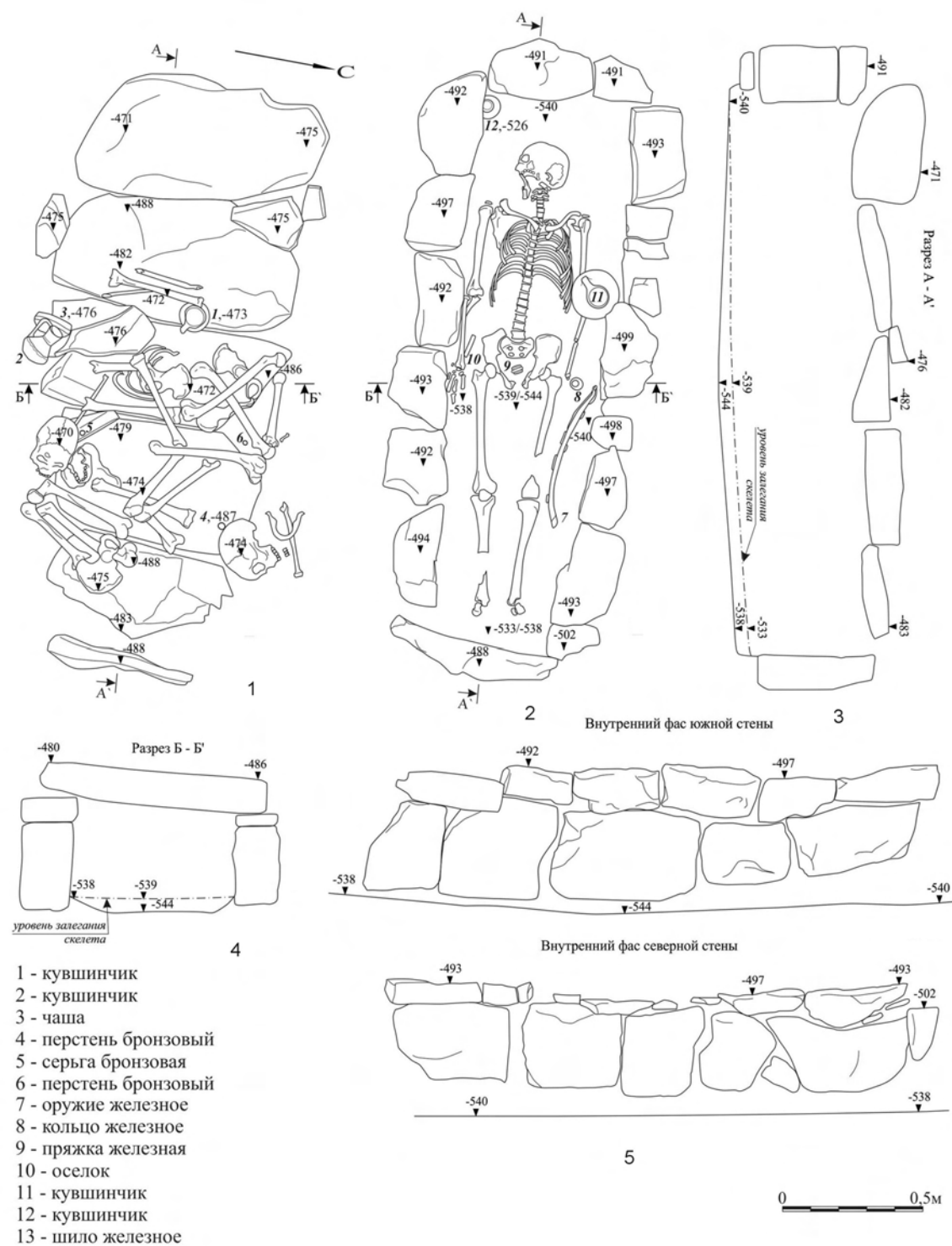

Рис. 1. Гоцатлинский 3-1 (Ортоколинский) могильник. Погребение 30.
 1 – план на уровне перекрытия; 2 – план на уровне дна; 3 – разрез А-А'; 4 – разрез Б-Б'; 5 – внутренние фасы боковых стенок

А.В. Акопян

г. Москва

К ПОИСКАМ ЭМИТЕНТА ТАК НАЗЫВАЕМЫХ
«ЗАГАДОЧНЫХ ГРУЗИНСКИХ МОНЕТ С ПОБЕРЕЖЬЯ КАСПИЯ»

В 1966 г. крупнейший исследователь нумизматики Кавказа Е.А. Пахомов опубликовал заметку о примечательных медных монетах, в центре лицевой стороны которых помещена крупная грузинская буква Ч «Б» шрифтом асомтаврули (Пахомов, 1966. С. 167-169). Вокруг этой буквы на монете линейный ободок, за пределами которого надпись тем же шрифтом асомтаврули – სჟიღჳს ჳსჳსღჳს «во имя Божье» (т.е. ს[ჯ]იღ[ჳ]ს ჳ[ს]ჳსღ[ჳ]ს), легенда эта на монете сокращалась не обычными грузинскими сокращениями სჟიღჳს ჳსჳსღჳს или სჟიღჳს ჳსჳსღჳს (Капанадзе, 1955. С. 102). На оборотной стороне – имитативная арабская надпись в четыре строки (возможно, в первой строке ك ل م 'царь'), окруженная линейным ободком. Е.А. Пахомову были известны 9 экз. таких монет: 5 – безпаспортных, 1 – из окрестностей Сумгаита (эти 6 монет ныне хранятся в Государственном музее Грузии, Тбилиси) и 4 – найденные в дербентском кладе (из них 3 – хранились в Дербентском музее-заповеднике). В составе дербентского клада были эдигюзидские, ширванские, сельджукские, дербентские и грузинские монеты XII-XIII вв. В 2013 г. стало известно о находке в кладе из Шемахи, состоявшем из ширваншахских монет сер. XIII в., еще одной монеты обсуждаемого типа (медь, 14 × 16 × 4 мм, 4,5 г, краевая легенда почти не сохранилась – рис. 1). Исходя из состава кладов, в которых находят монеты с буквой Ч «Б», выпуск их должен датироваться кон. XII – нач. XIII в. Это подтверждается также фактурой (в особенности – толщиной), технологией (чекан по заготовкам неправильной формы) и металлом самих монет, являющихся совершенно обычными для XII-XIII вв. (т.н. медные монеты «неправильного чекана»).

Е.А. Пахомов справедливо указывал, что выставленная в центре монеты буква не может быть обозначением ни места чеканки, ни года (Ч = 2 год короникона = 782 или 1314 г.), но только инициалом эмитента. Однако он воздержался от атрибуции этих монет какому-то определенному правителю, ибо для XII-XIII вв. никакого грузинского царя, имя которого начиналось бы на Ч «Б» неизвестно. К этому соображению необходимо добавить то, что эти монеты никогда не находили в самой Грузии, но только за ее пределами, на Восточном Кавказе – в Дербенте, Сумгаите и Шемахе. Не обратив внимание на этот факт, Д.Г. Капанадзе, базируясь только на наличии грузинской легенды и твердо принимая Ч «Б» за имя «Баграт», связывал эти монеты с Багратам V (1360–1396) (Капанадзе, 1955. С. 101-102, № 126). После же находки дербентского клада Д.Г. Капанадзе приписал их чекану ближайшего к XII-XIII вв. грузинского царя Баграта IV (1027–1072) ([Капанадзе], 1970. С. 292-293, № 12). Однако эти соотнесения становятся несостоятельными при сопоставлении фактуры обсуждаемой монеты и ее легенды с известными монетами Баграта IV (серебряные драмы византийско-грузинского типа) и Баграта V (мельчайшие серебряные акче раннеосманского типа). Необходимо также отметить, что монетная легенда, начинающаяся со слов სჯიღჳს ჳსჳსღჳს ექს ჰედაე ვეცხლსი ჳძის... «во имя Божье, чеканен этот...» (перевод начала стандартного формуляра выпускных данных мусульманских монет ...مسب لال ابرض اذہ) «во имя Аллаха, чеканен этот...») появляется на

грузинских монетах только в 1187 г. при царице Тамаре (Пахомов, 1970. С. 90-92, № 56-58).

Таким образом, мы имеем несколько исходных положений: а) известны монеты кон. XII – нач. XIII в., б) находимые исключительно в Южном Дагестане и Восточном Азербайджане, в) чеканенные неким правителем, чье имя начинается на «Б», г) правитель этот был христианином и использовал грузинскую графику и д) в грузинской истории указанного периода не было правителя с именем на букву «Б». Эти данные заставляют нас обратить внимание на восточных соседей Грузии, которые находились в сфере ее культурного влияния в нач. XIII в.

Известно, что до нач. XII в. в Дагестане существовало крупное христианское царство Сарир (Серир) в Нагорной Аварии с центром в Хунзахе. В нач. XII в. Сарир распался на несколько государств – Аварское нуцальство (вокруг Хунзаха), Андалал и Гидатль, в которых христианство полукчило широкое распространение и бытовало вплоть до XV в. (о христианстве в Сарире, Аварии см.: Тахнаева, 2004). Крупнейшее из них, Аварское нуцальство, испытывало политическое и идеологическое влияние соседней Грузии, да и сам титул его владельцев *нуцал*, очевидно, происходит от груз. *нацвал* – ‘наместник’.

В 654 г.х. / 1256 г. Хунзах и все Хунзахское плато в ходе очередной экспедиции были захвачены мусульманскими газиями (Тахнаева, 2004. С. 67). В ходе боев нуцал Байар, сын нуцала Сураки, терпит поражение от газиев и бежит в Туш(ети). Однако вскоре Амир-Султан, сын Байара, собрав войско «начиная от Цумтал и кончая Аришти», т.е. в высокогорной Чечне и Дагестане, и тайно заключив союз со своими сторонниками в Хунзахе, возвращается в Хунзах, где разбивает мусульман, и 14 лет воюет с ними, в конечном итоге принимая ислам, о чем в подробностях пишет Мухаммад Рафи в «Тарих Дагестан» (Мухаммед Рафи, 1993. С. 101-104).

По нашему мнению, именно в этом нуцале Байаре, правившем в Аварии в нач. XIII в., и надо видеть эмитента описанных монет. Усиление экономической активности в Хунзахе и развитие в нем мелкой внутренней торговли (а именно эту сферу в первую очередь призваны обслуживать медные монеты) послужили причиной для чеканки нуцалом Байаром небольшим тиражом собственной аварской монеты. Разумно локализовать место чекана этих монет именно в Хунзахе, столице христианской Аварии. Места находок монет (Дербент и Ширван) указывают на направления наиболее интенсивных экономических контактов Аварского нуцальства.

Легенда обсуждаемых монет, сочетающая в себе надписи грузинским и арабским письмом, являет собой пример той эволюции монетного типа, которая протекала в христианско-мусульманском пограничье Южного Кавказа. Нововведения такого рода начались в первой пол. XI в. в царстве Кахети и Эрети (Акопян, Варданян, 2013. С. 43-44), а затем использовались в Картли и объединенной Грузии XI–XIII вв. В Аварии, как и на Южном Кавказе, они были обусловлены тесной связью христианских правителей с мусульманскими амирами. Это иллюстрирует и ономастикон аварских нуцалов того времени – у отца Байара арабское имя Сурака, сам Байар известен также как Байар-Габбас, а сын его носит чисто мусульманское имя Амир-Султан. Этот процесс созвучен проникновению арабских имен в христианскую среду и на Южном Кавказе.

Археология Средневековья

Наряду с известными грузинографичными памятниками западного Дагестана на аварском и грузинском языках, чекан медных монет с грузинской буквой Ч «Б» является еще одним фактом истории христианской Аварии. Надо отметить что чеканка монет в Дагестане нигде, кроме как в Дербенте, ранее не была известна.

Литература

Акопян А.В., Варданян А.Р., 2013. Монеты Квирике III, царя Кахети и Эрет // Семнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Москва, Пущино. 22-26 апреля 2013. Тезисы сообщений и докладов. М.

Капанадзе Д.Г., 1955. Грузинская нумизматика. Тбилиси.

[*Капанадзе Д.Г.*], 1970. Комментарий // *Пахомов Е.А.*, 1970. Монеты Грузии. Тбилиси.

Мухаммед Рафи, 1993. Тарих Дагестан // *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.-М.Р.* Дагестанские исторические сочинения. М.

Пахомов Е.А., 1966. Загадочные грузинские монеты на побережье Каспия // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси.

Пахомов Е.А., 1970. Монеты Грузии. Тбилиси.

Тахнаева П.И., 2004. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII–XVI вв.). Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала.

Рис. 1. Находка монеты в кладе из Шемахи

З.Х. Албегова

Институт археологии РАН, г. Москва

Р.Г. Магомедов, А.И. Таймазов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

СТЕЛЫ ГОЦАТЛИНСКОГО (ОРТОКОЛИНСКОГО) 1-ГО ПОСЕЛЕНИЯ X-XII ВЕКОВ

В 2013 г. силами ДНЦ РАН и ИА РАН проводились охранные раскопки в зоне за-топления строящейся Гоцатлинской ГЭС. В ходе работ исследовались поселение и синхронный ему могильник (раскопки В.Ю. Малашева). По находкам керамики (в том числе поливной и кашинной), стеклянным браслетам, кольцам, бусам, полым пуговкам поселение предварительно датируется X-XII вв. Ценность полученных материалов состоит, прежде всего, в том, что поселение однослойное, соответственно, и могильник существовал в ограниченных временных рамках, поэтому найденные здесь материалы станут во многом эталонными для памятников этой эпохи в регионе.

В данной работе речь пойдет об интереснейшей категории находок – каменных стелах, выявленных на поселении, в цокольных (хозяйственных) этажах построек (рис. 1), часто рядом с пифосами, в которых хранились продукты. Стелы антропоморфные, с выделенными плечиками и округлой или вытянутой верхней частью («головой»). В настоящее время раскопки еще не завершены, поэтому мы не можем предоставить полную картину распределения стел по постройкам; тем не менее, мы уже можем говорить о вполне определенной закономерности местонахождения стел и связывать с ними ранее неизвестный комплекс традиций и верований.

На поселении было заложено три раскопа. Антропоморфные стелы выявлены на Раскопах 1 и 2, где располагался основной массив построек. В постройках найдено 4 неповрежденных и 6 фрагментированных стел, форма которых полностью восстанавливается. Большинство стел не орнаментировано. Только две из них, обнаруженные на Раскопе 2, украшены резьбой (рис. 1, 2, 3). Следует отметить, что на территории поселения неоднократно находили обломки резных каменных плит с «плетеным» узором, а также узором «елочкой».

На Раскопе 1 найдено 7 антропоморфных стел, из них 4 целые. Все стелы неорнаментированные: в постройке № 1 была обнаружена массивная целая стела из песчаника (рис. 1, 5); в постройке № 5 – одна слегка поврежденная в древности песчаниковая стела; в соседней постройке № 6 – обломок известняковой плиты и одна целая известняковая (рис. 1, 7); в постройке № 7 также найдены две стелы – одна целая песчаниковая (рис. 1, 6) и фрагмент другой известняковой плиты; и, наконец, в постройке № 12 – одна известняковая плита, разбитая на 3 части (рис. 1, 4). В двух случаях (постройки №№ 7 и 12) стелы были обнаружены в едином контексте с глиняными сосудами-пифосами; в постройке № 12 со стелой связаны до конца пока неисследованные остатки некоего святилища с большим количеством определенных костей жертвенных животных (задние конечности МРС), частично уложенных в миниатюрный каменный ящичек.

На Раскопе 2 обнаружена одна целая стела из известняка (постройка № 12, рис. 1, 2), одна расколовшаяся на три части стела из песчаника (постройка № 13, рис. 1, 3), и одна фрагментированная стела, форма которой восстанавливается (постройка № 3). Из них *in situ* были найдены стелы из построек №№ 12 и 13. Это наиболее интересные находки, так как они были орнаментированы. Чтобы лучше понять контекст находок, остановимся подробнее на обстоятельствах обнаружения стел.

Постройка № 3 сильно пострадала от пожара. Это квадратная в плане ориентированная по сторонам света постройка размерами 7 × 7 м по внутреннему периметру. Саманный пол постройки был прокален. На полу лежали мощные обгоревшие плахи и бревна, а также прокаленный суглинок, насыщенный углем и золой (видимо, представлявший собой пол, обрушившийся с верхних этажей, с элементами деревянных конструкций). Толщина

Археология Средневековья

слоя пола вместе с остатками обрушений достигала местами 0,6 м. Постройка являлась цокольным этажом дома. Изначально на этом этаже в восточной стене находился дверной проем. Однако позже он был застроен, и цокольный этаж превратился в подвал, вход в который шел со второго этажа. О хозяйственном назначении помещения говорят обнаруженные в слое пожара под ним находки: три каменные ступки, каменные крышки от пифосов, вкопанный в пол прокаленный и разрушенный пифос. На дне пифоса обнаружено скопление обугленных зерен проса «*Setaria italica*» (определение Е.Ю. Лебедевой, ИА РАН). В постройке, ближе к восточной стене, рядом с пифосом лежала прокаленная, растрескавшаяся и распавшаяся на множество обломков стела из песчаника. Стела упала по линии С-Ю, однако, неясно, как она располагалась до падения.

Постройки №№ 12 и 13 не пострадали от пожара, хотя находились в нескольких метрах от сильно горевшей постройки № 3 (рис. 1, 1). Внутри них не найдено следов крупных разрушений, кроме обвалившихся со стен камней, не было также следов горения и больших пятен прокала, лишь отдельные вкрапления угольков.

Постройка № 12 представляла собой каменное сооружение прямоугольной формы ориентированное по оси ЮВ – СЗ. Размеры постройки 3,8 × 2,6 м (по внутреннему периметру). Небольшое количество угля, большой каменный завал мощностью до 1,3 м сверху постройки и наличие замковых камней, скорее всего, говорят о том, что постройка была полностью каменной, со сводчатым или арочным перекрытием. В слое каменного завала выявлены склеивающиеся фрагменты стенки пифоса, орнаментированного расчесами. Очевидно, фрагмент пифоса обрушился откуда-то сверху вместе со стеной. В самом помещении никаких сосудов, каменных крышек и подставок выявлено не было. Пол в постройке был саманным, основанием для него служила подтесанная скала. К северной стене постройки была прислонена орнаментированная с лицевой стороны розетками, плетенкой и «птичьими следами» плита из известняка (рис. 1, 2). Основание плиты стояло на полу. Плита обращена к югу. За плитой в грунтовом заполнении находился фрагмент черепа мелкого рогатого скота и фрагмент маловыразительного красноглиняного сосуда. Эта небольшая постройка являлась проходной с улицы в хозяйственную постройку № 13.

Постройка № 13 прямоугольной в плане формы. Размеры постройки 2,8 × 5,6 м (по внутреннему периметру). Она соединялась проходами с постройками № 4 (к северу от нее) и № 12 (к востоку). В ЮЗ углу постройки находилась каменная кольцевая кладка для фиксации пифоса с развалом пифоса внутри. Рядом с пифосом найден бронзовый браслет и фрагменты двух плоских круглых подставок из подработанных камней. Еще одна каменная подставка была выявлена в заполнении на уровне верха стелы. На уровне пола обнаружено несколько круглых плоских окатанных речных камней разного размера – «крышек» сосудов. В северо-восточном секторе постройки находился небольшой погреб.

Орнаментированная стела из мягкого желто-коричневого песчаника стояла на полу постройки, была прислонена к северной стене и обращена орнаментированной, лицевой стороной к югу. Декор: розетка, обрамленная плетенкой – в верхней части стелы, плетенка – в нижней части стелы. Орнамент не являлся оригинальным. Почти полную аналогию этой стеле мы находим в кладке мечети с. Согратль (см. тезисы Е.Ю. Ендольцевой в настоящем издании, с описаниями гоцатлинских стел, их аналогий и обзором литературы). Е.Ю. Ендольцева отмечает, что подобные стелы встречаются чаще всего как случайные находки или вторично использованные при строительстве камни. На Гоцатлинском 1 поселении они впервые были найдены *in situ*, что позволяет поднять вопрос об их назначении.

Предварительное исследование поселения позволяет предположить, что Гоцатлинское (Ортоколинское) 1-е поселение было одномоментно покинуто, после чего сгорело или было подожжено. О намеренном уходе населения говорит полное отсутствие в постройках металлической посуды (в частности котлов), оружия и орудий труда. Интересен тот факт, что, забрав все необходимое с поселения, люди не забрали каменные стелы.

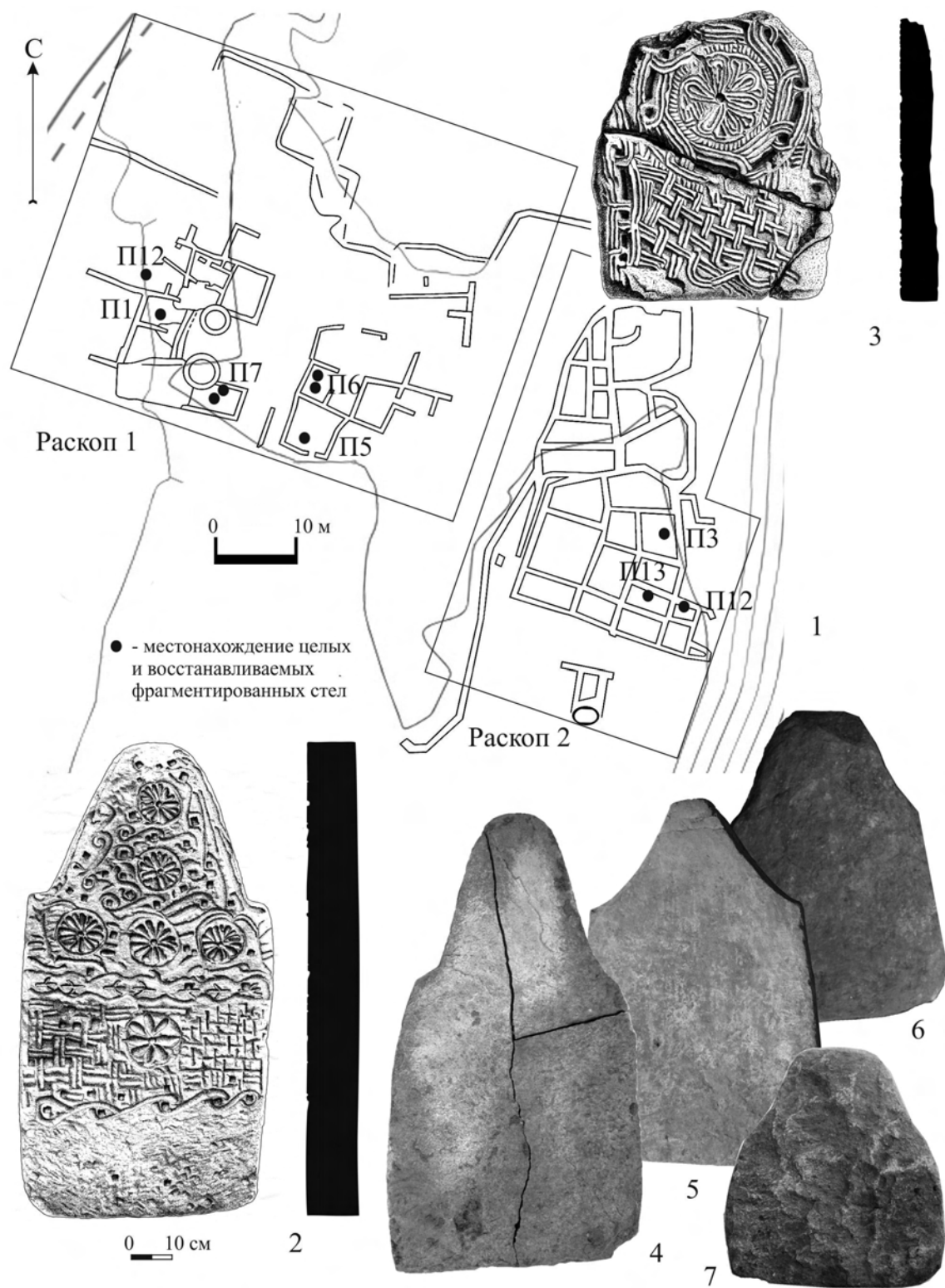

Рис. 1. Гочатлинское (Ортоколинское) 1-е поселение. 1 – план распределения целых и восстанавливаемых форм стел (составлен А.Б. Гаджиевым и А.М. Мусеевым); 2-7 – каменные стелы: 2 – постр. № 12, Раскоп 2; 3 – постр. № 13, Раскоп 2 (рисунок О.И. Фризен); 4 – постр. № 12, Раскоп 1; 5 – постр. № 1, Раскоп 1; 6 – постр. № 7, Раскоп 1; 7 – постр. № 6, Раскоп 1

Г.Е. Афанасьев, М.В. Добровольская, Д.С. Коробов, И.К. Решетова
Институт археологии РАН, г. Москва

О КУЛЬТУРНОЙ, АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ И ГЕНЕТИЧЕСКОЙ СПЕЦИФИКЕ ДОНСКИХ АЛАН

Появление в середине VIII в. в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья нового этнического компонента - переселение в регион части северокавказских аланских племен, маркируется выделенной в 1926 г. С.Н. Замятниным салтово-маяцкой культурой. Вклад донских алан в культурогенез и в этногенез населения Хазарского каганата, его наследников, тюркских, славянских и финно-угорских соседей обсуждается на протяжении последних 100 лет. В середине прошлого века сложилась концепция, согласно которой в Хазарском каганате ираноязычное аланское население активно ассимилировалось тюркоязычными булгаро-хазарскими племенами, вплоть до потери своего языка (Артамонов, 1954) и этнокультурных традиций (Плетнева, 1967). Любая археологическая находка на обширной территории от Балкан до Аральского моря, от Закавказья до Волго-Камья, проявляющая сходство с артефактами салтово-маяцкой культуры, наделялась этнической спецификой и рассматривалась как доказательство пребывания в том или ином регионе именно булгаро-хазар. На этом основании очерчивались границы Хазарского каганата и порой они принимали гипертрофированные размеры (Brook, 1999).

Новые исследовательская парадигма и методические приемы анализа, междисциплинарный подход к изучению материала открывают возможности более глубокого извлечения исторической информации из археологического источника. В рамках проекта РФФИ (13-06-12010 офи-м) «Хазарские конфедераты в бассейне Дона (археологические, антропологические и генетические аспекты)» проведено изучение пространственного распределения основных типов погребальных сооружений в бассейне Дона методами ГИС-анализа. Полученная карта (рис. 1) показала, что зоной с наивысшей плотностью подкурганых погребений, оставленных хазарским этносом (около 350 объектов), является территория Нижнего Дона с центром в районе Большой Орловки. Ареал связываемых с аланами катакомбных могильников (10 памятников) имеет наибольшую плотность на Осколе, в районе Волоконовки, и на Сев. Донце, в районе Верхнего Салтова. К югу от них, на Сев. Донце, расположена территория с высокой плотностью кремационных некрополей (10 памятников). На севере она частично перекрывается зоной катакомбных могильников. Отдельные ямные захоронения и могильники, принадлежность которых или исключительно булгарам, или самым разнообразным по этническому составу группам местного и пришлого населения продолжает дискутироваться, встречаются как в трех выделенных ареалах, так и на обширном пространстве между ними в степях бассейна Среднего Дона.

Каким образом результаты ГИС-анализа археологического материала сопряжены с данными палеоантропологии и генетики в контексте реконструкции этнического состава населения Хазарского каганата? В процессе работы над проектом были проведены комплексные антропологические исследования новых скелетных материалов из катакомбных некрополей Дмитриевский и

Археология Средневековья

Верхнесалтовский-IV. Они осуществлялись с использованием традиционных методов физической антропологии (краниометрии, остеометрии, одонтологии), палеодемографической программы Д.В. Богатенкова, программы палеопатологических исследований (Бужилова, 1998), изотопного анализа коллагена костной ткани ($\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$) и зубной эмали ($^{87}\text{Sr} / ^{86}\text{Sr}$), программы анализа палео-ДНК, что позволило выделить ряд биологических и культурных особенностей.

В целом, для индивидов из катакомбных погребений, ассоциируемых с аланской этнической общностью, установлено единство морфологического облика, проявляющегося в чертах строения черепа и посткраниального скелета. Половозрастные характеристики изученных выборок, позволяют считать палеопопуляции, оставившие эти некрополи, оседлыми, стационарными, динамично развивавшимися. В пределах единства краниологических особенностей, описанных ранее для аланских групп, (Чучукало, 1926; Дебец, 1948; Алексеев, 1959) выявлены два комплекса краниологических особенностей, которые встречаются в каждой из исследованных серий. Возможно, наличие этих двух комплексов указывает на структурированность аланского населения Донецко-Донского междуречья. Средние характеристики остеометрических параметров свидетельствуют о грацильном сложении индивидов из катакомбных погребений. Остеометрические исследования позволили выявить единые тенденции в скелетной конституции, в частности, проявляющиеся в стабильности пропорций продольных размеров сегментов верхней и нижней конечности. Относительно удлиненная голень и относительно удлиненное предплечье позволяют относить эти группы населения к южным адаптивным формам.

Одонтологический источник создает впечатление относительной однородности компонентов внутри аланского кластера, говорящий о европеоидном происхождении, в отличие от индивидов из ямных погребений, среди которых присутствует примесь восточного одонтологического типа.

Выявлена демографическая специфика аланских групп, проявляющаяся в относительно высоких для средневековья в целом, и для групп из некрополей салтово-маяцкой культуры с ямным погребальным обрядом, в частности, показателях продолжительности жизни и уровня рождаемости. Сходство параметров демографической структуры групп из различных некрополей с катакомбами, вероятно, является следствием единства образа жизни и элементов социальной организации аланских обществ Донецко-Донского междуречья.

Оседлость групп подтверждается данными о соотношении стабильных изотопов углерода и азота в коллагене костной ткани, которые указывают на высокую долю растительного компонента в структуре традиционного питания и умеренное употребление мясомолочных продуктов, а также традицию разведения культурных растений типа фотосинтеза C4 (предположительно - просо). Отметим, что этот рацион стабилен, типичен для мужчин, женщин и детей из обоих могильников. Для индивидов из Дмитриевского и Верхнесалтовского-IV некрополей получены величины $^{87}\text{Sr} / ^{86}\text{Sr}$ (0,708250 и 0,709595 соответственно). Низкая индивидуальная изменчивость подтверждает тезис об оседлости и стационарности населения.

Для анализа аланского палео-ДНК на уровне гаплогрупп (лабораторные работы выполнялись В.В. Ильинским) были отобраны 12 образцов

Археология Средневековья

человеческих зубов и фрагментов костей из катакомбных могильников (10 из раскопок В.С. Аксенова в Верхнесалтовском IV могильнике и 2 из раскопок В.А. Сарапулкина в Дмитровском могильнике). После того как костная ткань и зубы поверхностно обработались деконтаминирующим раствором, проводилось механическое снятие их верхнего слоя на глубину 1-3 мм, а затем отбиралось 3-10 г материала из внутренних слоев. Образцы измельчались и декальцифицировались раствором EDTA и SDS. Экстракция ДНК из полученной надосадочной жидкости проводилась этанольным переосаждением.

Исследование мужской линии проводилось путем анализа 23 микросателлитных локусов (STR) Y-хромосомы человека. Определение гаплогруппы женской линии осуществлялось изучением гипервариабельных регионов мтДНК. Задача состояла в выявлении нуклеотидных последовательностей гипервариабельных регионов HVS-1, HVS-2, HVS-3 мтДНК с последующим определением гаплогруппы индивидуумов и предсказаний путей миграции. В итоге, в 6 образцах была обнаружена мужская **гаплогруппа G2** и в 6 образцах – женская **гаплогруппа I**.

На Северном Кавказе, с территорией которого связаны своим происхождением донские аланы, у современного населения G2 встречается в виде двух ветвей. Среди представителей иранской лингвистической группы (осетины) преобладает G2a1, тогда как для носителей адыго-абхазской лингвистической группы (абхазы, адыгейцы, шапсуги, черкесы, кабардинцы, абазины) характерна G2a3. В значительно меньшей степени G2a фиксируется у представителей центрально-кавказских тюркоязычных (карачаевцы, балкарцы) и нахских (ингуши, чеченцы) народов (*Насидзе, 2004; Дибирова, 2011; Балановский, 2012*). Решение проблемы аланской ДНК, неразрывно связанное с исследованием роли алан и кавказского субстрата в формировании осетинского народа, теперь принимает более отчетливые очертания. Мы получили первые и чрезвычайно перспективные для исторической интерпретации данные об аланской ДНК хазарского времени. Необходимы дальнейшие глубокие исследования палео-ДНК на уровне субкладов не только аланского материала хазарского и предхазарского времени, но и исследования палео-ДНК носителей подкурганного и ямного обрядов погребений на территории Хазарского каганата, а также одновременного и предшествующего им центрально-кавказского субстрата, практиковавшего захоронения в каменных ящиках, в подземных и наземных склепах. Тогда станет ясно: является ли мужская G2 у донских алан наследием сармат, кангюйцев или это вклад центрально-кавказского субстрата.

В целом же полученные в ходе работы над проектом РФФИ (13-06-12010 офи-м) результаты анализа археологического и антропологического источников указывают на единство генетических, морфологических черт, сходство хозяйственных и культурных традиций внутри аланского кластера, на правомерность отнесения населения, оставившего катакомбные некрополи Донецко-Донского междуречья к единому консолидированному этническому объединению. Можно говорить о своеобразной консервации морфологических и генетических особенностей большинства изученных аланских серий, что свидетельствует о сохранении традиционной структуры брачных связей и низком уровне метисационных процессов.

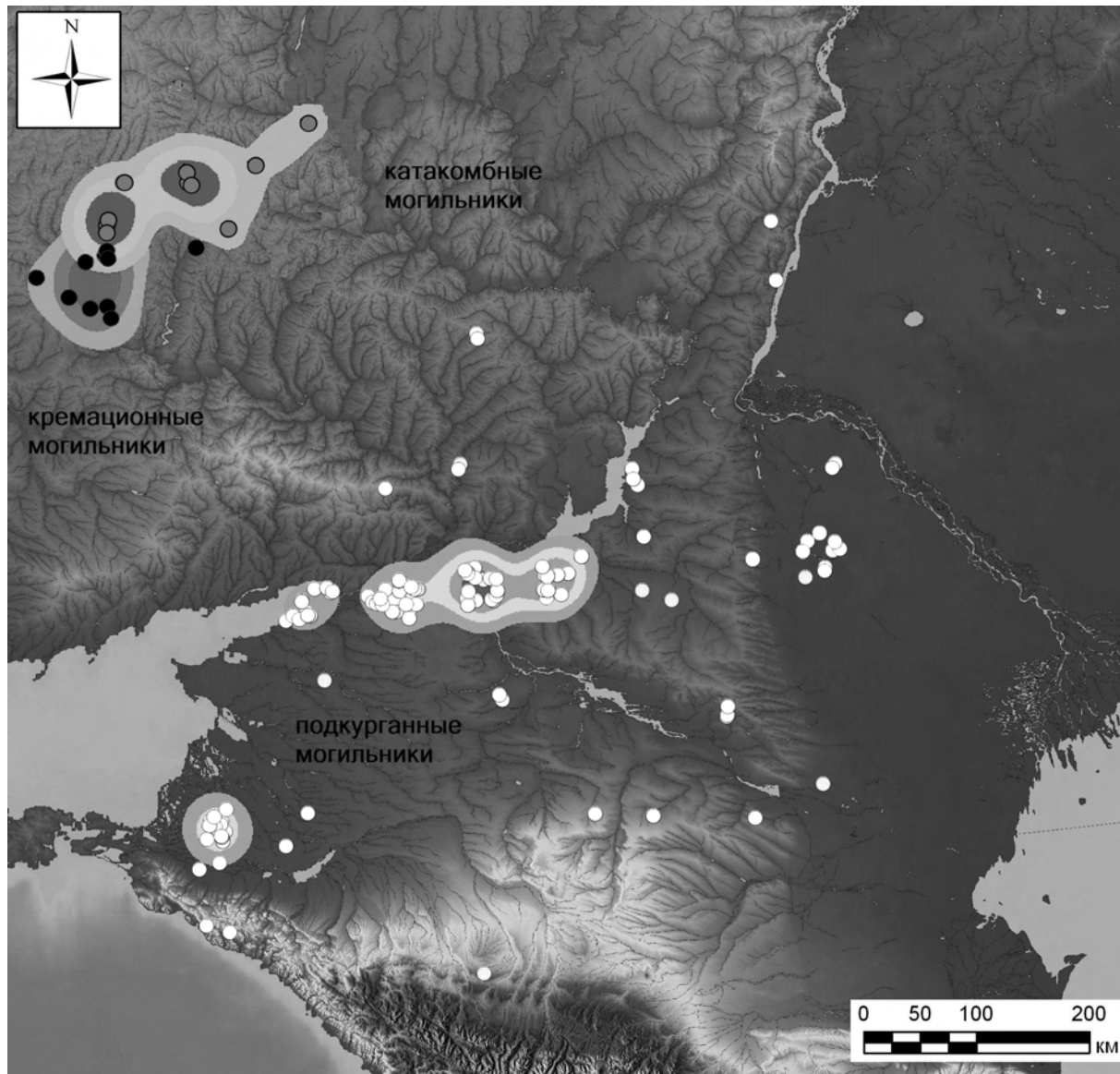

Рис. 1. Ареалы катакомбных, кремационных и подкурганных могильников середины VIII – середины X вв. в Донецко-Донском междуречье

В.А. Бабенко

ГУП «Наследие» Министерства культуры Ставропольского края, г.
Ставрополь

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ ГОРОДА МАДЖАРА

Одним из дискуссионных вопросов истории города Маджара является личность его основателя. В источниках город упоминается как Маджар, Куммаджар, Сарай Маджар и др. На основании использования такой формы его названия как Сарай Маджар Э.В. Ртвеладзе допустил возможность его наименования в честь правителя. Воздержавшись от предположений относительно кандидатуры на роль основателя города, он наметил круг Джучидов, носивших имя Маджар: потомки Шибана, Тангкута, Шингкура, Чимпая и др. (Ртвеладзе, 1972. С. 155-156). Несомненно, что в подобной роли мог выступить потомок какого-либо джучидского царевича, отличившегося в «семилетнем походе» (1236-1242 гг.).

Е.Ю. Гончаров, анализируя монетный чекан Маджара 1370-х гг., предположил, что наличие тамги Токтамышша на маджарских монетах можно объяснить его принадлежностью к роду Тука-Тимура. Он считает публикуемую тамгу принадлежностью одного из тука-тимуридских родов, «управлявших, как минимум, восточной частью Северного Предкавказья» (Гончаров, 2012. С. 306). Версия Е.Ю. Гончарова, основанная на свидетельстве из сочинения Махмуда ибн Вали, вызывает ряд вопросов и уточнений. Прежде всего, следует отметить, что у Тука-Тимура неизвестны потомки по имени Маджар (Сабитов, 2009. С. 109).

В сочинении Махмуда ибн Вали «Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйар» («Море тайн относительно доблестей благородных») действительно содержатся сведения, что Бату, особо отметив заслуги тринадцатого сына Джучи Тука-Тимура во время семилетнего похода, пожаловал ему вилайет (область) ясов и Мангышлак; впоследствии его потомки «согласно воле Бату» осуществляли власть также над Хаджи-Тарханом (Кляшторный, Султанов, 2000. С. 196). Но «вилайет асов» по Махмуду ибн Вали не мог охватывать все степное Предкавказье. Значительную его часть при жизни Бату занимал улус Берке, что подтверждается сведениями Г. де Рубрука (Рубрук, 1997. С. 115). Его границы нуждаются в уточнении. По мнению А.И. Ракушина, административным центром улуса и местом зимовки самого Берке являлись окрестности Маджара (Ракушин, 2007. С. 220).

Время возникновения Маджара нуждается в уточнении. Вероятно, когда Берке принадлежал улус на Северном Кавказе (до 1253 г.), город еще не возник. Ю.Д. Обухов предлагает считать дату попадания китайской монеты в культурный слой памятника (до начала 60-х гг. XIII в.) временем основания города (Обухов, 2001. С. 129.). Границы маджарской округи к северу от Маджара еще не определены, но она должна быть отделена от северо-восточных склонов Ставропольской возвышенности, где отмечена высокая концентрация позднекочевнических погребений. Расположение ставки Берке в этих районах, сравнительно недалеко от излучины Кумы, вполне допустимо.

Владения Тука-Тимура следует искать в Восточном Предкавказье. На раннем этапе главной его территорией являлись Северный Кавказ и Мангыш-

лак, а затем – территория будущего Астраханского ханства (Алексеев, 2006. С. 58). По данным Г.-Р.А.-К. Гусейнова, в Кумыкии в 1397-1867 гг. правила династия, восходящая к потомкам Тука-Тимура (Гусейнов, 2010. С. 200).

По итогам «семилетнего похода» восточные авторы более чем Тука-Тимура, выделяют пятого сына Джучи Шибана. Он должен был получить владения на западной границе, но в целях укрепления восточных рубежей был направлен в Восточный Дешт-и-Кипчак. Кто-то из его сыновей мог остаться в западных кочевьях. (Костюков, 2008. С. 77). Возможно, это были Балакан, участвовавший при Берке в покорении Ирана и Маджар, подробности биографии которого неизвестны.

За отрывочными сведениями источников скрываются как противоречия становления нового государства, так и межличностные отношения преемников Бату и остальных Джучидов. В.П. Костюков аргументировано усмотрел в перемещениях внутри джучидской иерархии во времена Берке и Менгу-Тимура проявления неприязни Берке к Шибану и его потомкам и «восстановление справедливости» при Менгу-Тимуре (Костюков, 2010. С. 84-85). Он приводит в качестве подтверждения свидетельство Мухаммеда Эльташкенди, что дети Шибана, первого чингизида, воцарившегося в Дешт-и-Кипчаке, были отстранены от власти сыновьями Саинхана (Тизенгаузен, 1884. С. 537). При Менгу-Тимуре внук Шибана от четвертого сына Балакана Тама-Тогдай стоял во главе сторожевого корпуса у Дербенда (Рашид ад-Дин, 1960. С. 74). Доверие, оказанное внуку Шибана Тама-Тогдаю, свидетельствует о возможности выделения одиннадцатому сыну Шибана Маджару владений в Среднем Прикумье.

Независимо от личности основателя, возникает вопрос принадлежности города той или иной аристократической семье. В период становления Золотой Орды города, в отличие от кочевых владений, не могли принадлежать единолично какому-либо аристократическому роду. Известны примеры «перекрестного владения» джучидскими семействами городами как на территории Золотой Орды, так и за ее пределами (Федоров-Давыдов, 1973. С. 31-34.). Возможно, отдельные кварталы Маджара принадлежали как Тука-Тимуридам, так и Шибанидам. Появление тамги Токтамышша на монетах Маджара может свидетельствовать о появлении у Тука-Тимуридов прав на Маджар или его часть во второй половине XIV в.

Литература

- Алексеев А.К., 2006. Политическая история Тукай-Тимуридов. По материалам персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.
- Гончаров Е.Ю., 2012. Джучидские тамги на монетах города Маджара // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23-28 апреля 2012 г. Махачкала.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К., 2010. Северо-Восточный Кавказ и Дагестан в составе Золотой Орды: об этническом составе населения, территориальных и административных пределах, статусе и генеалогии правителей // Золотоордынская цивилизация. Вып. 3. Казань.
- Костюков В.П., 2008. Железные псы Батуидов (Шибан и его потомки в войнах XIII в.) // Вопросы археологии Западного Казахстана. № 1.

Археология Средневековья

- Костюков В.П.*, 2010. Улус Шибана Золотой Орды в XIII-XIV вв. Казань.
- Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.*, 2000. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб.
- Обухов Ю.Д.*, 2001. Китайская монета с городища Маджары // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск II: Археология, антропология, палеоклиматология. М.
- Рашид ад-Дин*, 1960. Сборник летописей. Т. II. М.
- Ракушин А.И.*, 2007. Кочевые улусы Золотой Орды (по материалам курганных могильников Нижнего Поволжья XIII-XV вв. // Археология восточноевропейской степи. Вып. 4. Саратов.
- Ртвеладзе Э.В.*, 1972. К истории Маджар // СА. № 3.
- Рубрук Г.*, 1997. Путешествия в восточные страны // Джованни дель Пано Карпини. История монгалов; Гильем де Рубрук. Путешествие в восточные страны; Книга марко Поло. М.
- Сабитов Ж.М.*, 2009. Таварих-и гузида-йи нусрат-нама как источник по генеалогии Джучидов // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань.
- Тизенгаузен В.Г.*, 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.
- Федоров-Давыдов Г.А.*, 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.

Д.В. Белецкий

«Наследие Алании», г. Владикавказ

А.Ю. Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

Д.Д. Ёлшин

Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург

КИРПИЧ В ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ ЗАКАВКАЗЬЯ IX–X ВВ.

В монументальном церковном строительстве Закавказья IX–X вв. кирпич не являлся основным строительным материалом¹. Тем не менее, известны примеры полностью кирпичных построек, а случаи применения кирпича в качестве вспомогательного материала довольно многочисленны. В концепции развития кахетинской архитектуры, разработанной Г.Н. Чубинашвили, ряд памятников, возведенных с применением кирпича, получил роль опорной хронологической группы (*Чубинашвили*, 1959. С. 94, 97). Общий обзор применения кирпича в Грузии с IV по XIX вв., включая сводную таблицу форматов, был выполнен Д.К. Джгамая (*Джгамая*, 1980).

Целью нашего исследования стало комплексное изучение применения кирпича в закавказских храмах IX–X вв. Исследованиями были охвачены территории Абхазского царства (Абхазия, Мегрелия, Западная Картли), Кахетинского хорепископства (Кахетия, Восточная Картли) и государств Багратидов (Тао, Шавшетия, Кларджетия, Самцхе). Основными задачами были: выявление типов использованного кирпича, анализ контекста и характера применения кирпича. Эти данные, полученные на основании собственных натуральных наблюдений (2013), позволили зафиксировать закономерности, дающие почву для определения наличия и отсутствия связей между кирпичом отдельных памятников, зачастую имеющих расплывчатые датировки.

Основные результаты натуральных наблюдений заключаются в следующем. В IX–X вв. для территории Закавказья, за исключением Абхазии, не характерно массовое вторичное использование строительной керамики, то есть можно уверенно говорить о местном производстве кирпича для нужд строительства. На основании различий формата и технологических следов формовки, выделяются три основных традиции кирпича: 1) Малоформатный квадратный кирпич, сформованный в неразборной рамке, размерами 19–29 × 19–29 × 4–7 см (преимущественно 22–27 × 22–27 × 4,5–6), применявшийся в Кахетинском хорепископстве (Санагире, Квелацминда близ Гурджаани, Бодбе, Амаглеба близ Озаани, Натлисмцемели близ Алвани, Агурис Сакдари близ Сагурамо, Зедзени) и Абхазском царстве (Пицундский собор, Мюссера (ремонт)); 2) Крупноформатный толстый (6–9 см) прямоугольный кирпич, сформованный в неразборной рамке, характерен для Кахетии (Квелацминда близ Вачнадзиани, Натлисмцемели близ Калаури, Акура; в двух последних храмах, а также в храме Барцана близ Шильды (во вторич-

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 году.

ном использовании) встречен особый лекальный кирпич для двойных полуколоннок); схожие кирпичи обнаружены в Кларджетии (Долисхана). Вместе с тем, крупноформатные и толстые кирпичи Дёрт-Килисе (Тао) существенно отличаются по характеру теста и способу изготовления (в разборной рамке); 3) Тонкий (3-4 см) прямоугольный кирпич, сформованный в разборной рамке, характерен для храмов Абхазского царства (Лыхны, Мокви, возможно, Мартвили); возможно, к той же традиции принадлежит пока точно не определенный тип кирпича в арочных проемах храмов в верховьях р. Лиавхи: в Хеити и Эредви (последний построен в т.ч. абхазским царем Константином III в 906 г.).

Контекст использования кирпича сводится, в основном, к трем вариантам: 1) выравнивающие прокладки (вставки) в каменной кладке: на территории Абхазии и Эгриси, входивших с IX-VI вв. в орбиту византийского влияния, в этом случае часто вторично используется античная и ранневизантийская плинфа и черепица (Алахадзы, Бамбора, Нокалакеви); 2) применение кирпича для арочных конструкций, причем набор конкретных разновидностей арок (подпружные, арочные перемычки проемов и т.д.) значительно варьируется (Акура, Алвани, Зедазени в Кахетинском епископстве; Лоо, Веселое, Лыхны, Мокви, Мартвили в Абхазском царстве), иногда в дополнение к сводам (Вачнадзиани, Санагире); применение лекального кирпича для имитации «валиковой» декорации (Акура, Калаури, Озаани в Кахетии); 3) практически полное возведение здания из кирпича в порядовой технике кладки (Бодбе, Озаани, Агурис Саакдари и Гурджаани в Кахетии) или в технике *opus mixtum* (пицундский собор и храм № 7 в Абхазии, Дёрт-Килисе в Тао) (рис. 1).

Отдельно следует отметить использование кирпича в качестве декоративного элемента: в кладках *cloisonné* и псевдомеандрах (Санагире в Кахетии и Пицундский собор в Абхазии), в зубчатых карнизах (Лыхны в Абхазии и Санагире, Гурджаани, Алвани, Бодбе и Озаани в Кахетии); ср. также кирпичные поребрики в Васпуракане (Апаранк) и бегунец в Алании (Средний Зеленчукский храм). Как декоративный элемент в некоторых случаях может рассматриваться и тщательно выполненная кладка в технике *opus mixtum* (см. выше), встречающаяся в том числе в сводах и конхе апсиды (храм-усыпальница в Дёрт-Килисе, ремонт Мюссерской церкви). Уникальным примером является применение пережженного кирпича для создания геометрических орнаментов на фасадах клеристория Санагире (рис. 1).

Позволим себе высказать несколько предварительных гипотез: 1) Традиция производства квадратного малоформатного кирпича появляется на местной почве в рассматриваемый период, но в дальнейшем вплоть до позднего средневековья не подвергается существенным изменениям, поэтому этот тип кирпича является малоэффективным хронологическим маркером. Тем не менее, использование такого кирпича вместе с уникальными в Закавказье приемами техники кладки позволяет увидеть большое сходство между базиликой в Санагире и Пицундским собором. Возможно даже, что на возведении этих памятников работали одни и те же мастера, скорее всего, во второй пол. X в.; 2) В ряде кахетинских памятников (Акура, Калаури, Вачнадзиани, Сабуэ) выявляется традиция использования толстого крупноформатного прямоугольного и лекального кирпича – весьма вероятно, что эти памятники являются результатом деятельности одной группы

Археология Средневековья

Таблица основных параметров кирпича храмов Закавказья IX-X вв.
(жирным выделены форматы толстого кирпича; курсивом – квадратные форматы кирпича)²

Памятник	Тип формовки	Основные форматы
Синкоти	Неразборная форма	<i>18-20,5 × 18-20,5 × 4,5-5</i>
Долисхана	Неразборная форма	29-31 × 29-31 × 6-7 48 × 36 × 5,5-7; 45 × ? × 7; ? × 22 × 6-7; <i>30-32 × 21-23 × 3,5-4;</i> 22 × 22 × 3,5-4
Дёрт Килисе, базилика	Разборная форма	48-50 × ? × 7,5-8; 44-46 × 22-24 × 6-8
Дёрт Килисе, зальный храм	Разборная форма	43-47 × 23-24 × 6-8; 43-47 × 14,5-15,5 × 6-8
Базилика в Эзбеки	Неразборная форма	<i>24 × 17,5-20 × 4,5;</i> <i>23 × 22+ × 5,5-6</i>
Мама-Давид в Акура	Неразборная форма	37 × 17-19 × 8-9; 37 × 23-25 × 8-9; 23-25 × 18 × 8-9
Натлисмцемели близ Калаури	Неразборная форма	38,5 × 27+ × 6-8; 30-30,5 × ? × 6-8; 26-29 × 26-29 × 6-8
Квелацминда близ Вачнадзиани	Неразборная форма	33-35 × 23-25 × 5,5-7
Санагире в Вазисубани	Неразборная форма	<i>22-24 × 22-24 × 4,5-6,5;</i> <i>29-30 × 20 × 4,5-5</i>
Квелацминда в Гурджаани	Неразборная форма	<i>25-27 × 25-27 × 5,5-6</i> <i>22-23,5 × 22-23,5 × 5,5-6</i>
Базилика монастыря св. Ннно в Бодбе	Неразборная форма	<i>26-27 × 26-27 × 5-6</i>
Амаглеба близ Озаани	Неразборная форма	<i>23-25 × 23-25 × 4,5-6;</i> <i>26-27 × 26-27 × 4,5-5</i>
Натлисмцемели близ Алавани	Неразборная форма	<i>27 × 27 × 5-6</i>
Агурис Саакдари	Неразборная форма	<i>25-26 × 25-26 × 6,5-7,5;</i> <i>23-24 × 23-24 × 4,5-5;</i> <i>20-21 × 20-21 × 4,5-5;</i> <i>24-25 × 24-25 × 6</i>
Пицундский собор	Неразборная форма	<i>22-23 × 22-23 × 4-5;</i> <i>32-34 × ? × 4,5-5;</i> <i>27-28 × ? × 4,5-5</i>
Мюссера (ремонт)	Неразборная форма	<i>23 × 23 × 5;</i> <i>29 × 23 × 5</i>
Лыхны	Разборная форма	<i>30-32 × 22-23 × 3,5-4</i>
Мокви	Разборная форма	<i>38-41 × 24-25 × 4;</i> <i>44-45 × 24-25 × 4</i>

мастеров. Возможно, источник этой традиции лежит в архитектуре Тао, где при строительстве трех датированных памятников середины X в. (Долисхана и два храма Дёрт-Килисе) был применен похожий крупноформатный и толстый кирпич; 3) Использование тонкого прямоугольного кирпича ис-

² Карта на рис. 1 имеет упрощенный и предварительный характер. Подробное картирование признаков кирпича будет опубликовано нами позже.

Археология Средневековья

ключительно в арочных конструкциях позволяет связать в одну традицию такие памятники Абхазского царства 1 пол. – сер. X в., как Мокви, Лыхны и, возможно, Мартвили. Эта традиция имеет, вероятно, византийское происхождение.

Выводы о связях традиций кирпичного зодчества в Закавказье могут быть значительно скорректированы и дополнены после проведения петрографических анализов закавказского кирпича, а также после обследования сохранившихся кирпичных конструкций памятников Малой Азии, Армении и Алании.

Литература

Чубинашвили Г.Н., 1959. Архитектура Кахетии. Тбилиси.

Джгамая Д. К., 1980. Строительная керамика феодальной Грузии. Тбилиси.

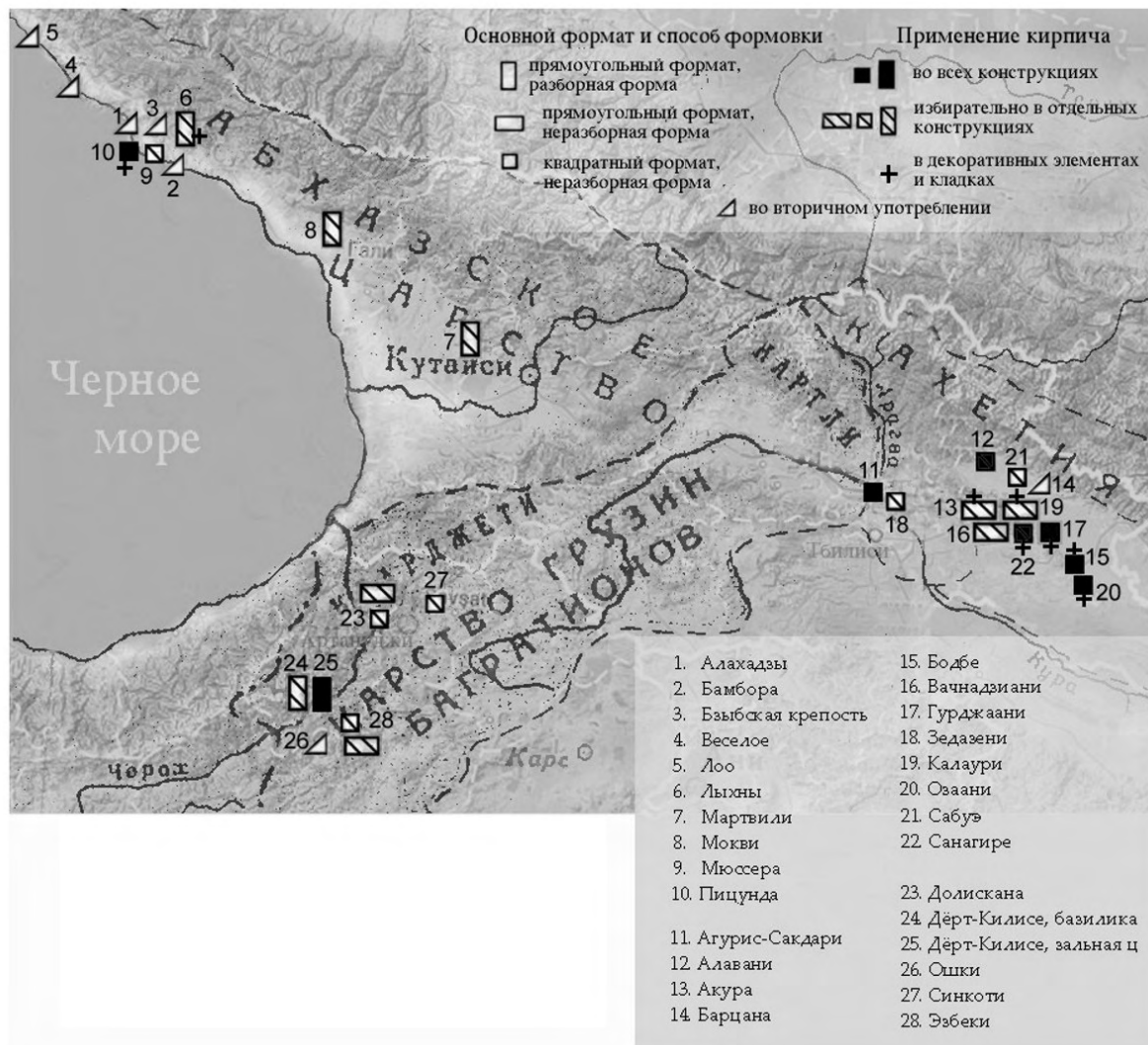

Рис. 1. Карта распределения вариантов использования кирпича в церковном зодчестве Закавказья в IX-X вв.

А.В. Борисов

*Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения
РАН, г. Пущино*

Д.С. Коробов

Институт археологии РАН, г. Москва

Р.Г. Магомедов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала

ПОЧВЕННО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРАСНЫХ ПОЛЕЙ В РАЙОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА ГОЦАТЛИНСКОЙ (ОРТОКОЛИНСКОЙ) ГЭС В ДАГЕСТАНЕ

В мае-июне 2013 г. проведены почвенно-археологические исследования земледельческих террас в зоне охранно-спасательных раскопок при строительстве Гоцатлинской (Ортоколинской) ГЭС. Объекты исследований расположены на террасе левого берега реки Аварское Койсу на склоне восточной экспозиции.

С помощью GPS-навигатора картографировано 411 участков террасирования общей площадью 9,7 га (рис. 1). Все они относятся к выделяемому исследователями типу террас с каменными подпорными стенками (Агларов, 1986. С. 53). По площади террасы предварительно можно разбить на два основных подтипа:

- подтип 1 – обширные террасы с подпорными стенками по периметру, в основном расположенные на выположенных участках рельефа;
- подтип 2 – небольшие по площади узкие террасы с подпорными стенками, как правило находящиеся на крутых склонах по периметру изучаемого участка террасирования.

На террасах обоих подтипов проведено морфолого-генетическое описание почвенных профилей, отобраны образцы почв на химические и микробиологические анализы. Обследование почв и отбор образцов проводились в траншее, пересекающей весь террасный комплекс и проходящей через террасы первого и второго подтипа в направлении запад-восток. Глубина траншеи достигает 100-120 см.

Два выделенных подтипа террас значительно отличаются по своей площади. Подтип 1 включает 149 участков площадью от 100 кв. м до 0,8 га. Основное количество террас этого подтипа (79 из 149) имеет площадь от 200 до 600 м². 36 террас обладали площадью менее 200 м², 34 террасы – более 600 кв. м. Общая площадь, занимаемая террасами подтипа 1, составляет 8,2 га.

На первом этапе эти террасы использовались в качестве пахотного угодья для выращивания зерновых в богарных условиях. Это предположение подтверждают свойства почв террас первого подтипа. В нижней части профиля почв на этих террасах выделяется горизонт В1 с нарушенной почвенной структурой и равномерным распределением мелких камней. Размер камней не превышает 4-5 см, а их дисперсное распределение указывает на многократное перемешивание почвенной массы, которое происходит при обработке почвы.

После первого пахотного периода наступил период запустения, в течение которого верхняя часть почвенного профиля оказалась проработан-

Археология Средневековья

ной почвообразованием по черноземному типу, что может указывать на большую норму осадков в это время.

Далее последовал второй этап освоения территории, с которым, вероятно, следует связывать создание большей части террас второго подтипа. Подтип 2 объединяет 262 участка общей площадью 1,5 га; площадь отдельных участков колеблется от 4 до 627 м². Основной диапазон площадей лежит между 50 и 100 кв. м (76 из 262 террас).

Второй этап связан с использованием данной территории под поливные сады. При этом часть террас второго подтипа относится к поливным (разрез Б-359), часть – к неполивающим (разрез Б-362). Предполагаемое использование поливных террас второго подтипа на склонах до 30° связано с выращиванием косточковых плодовых культур, в то время как неполивные террасы второго подтипа на крутых склонах, вероятнее всего, использовались под виноградники.

Если исходить из предположения о существовании изучаемых террас первого подтипа в эпоху развитого Средневековья, то можно гипотетически реконструировать количество населения, которое могло снабжаться сельскохозяйственной продукцией с террасных полей. Исходя из расчетов, приводимых в работе Р. Эберсбах, можно принять за основу размер надела в 0,15 га на душу населения, что характерно для высокоинтенсивных земледельческих систем с применением террасирования (*Ebersbach, 2007. S. 43-46*). В этом случае количество населения, которое могло снабжаться зерновыми культурами с террас первого подтипа, приблизительно равно 55 человекам, что составляет около 10 малых семей.

Литература

- Аглазов М.А.*, 1986. Террасное земледелие Дагестана (Вопросы генезиса, культурной типологии и социальной роли системы) // *Studia Praehistorica*. Вып. 8.
- Ebersbach R.*, 2007. Glückliche Milch von glücklichen Kühen? Zur Bedeutung der Rinderhaltung in (neolithischen) Wirtschaftssystemen // *Beiträge zum Göttinger Umwelthistorischen Kolloquium 2004-2006*. Göttingen.

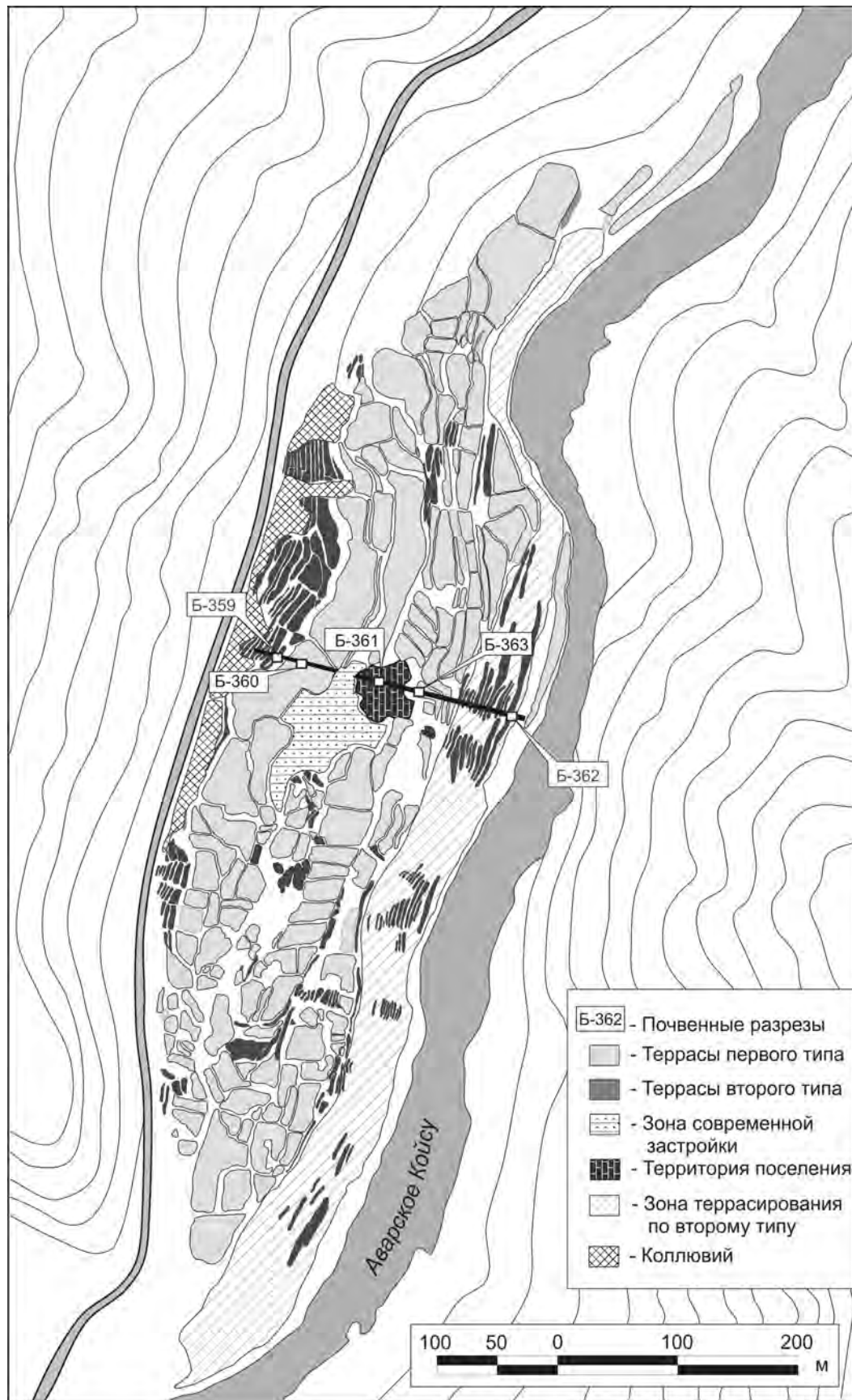

Рис. 1. Результаты ГИС-картографирования участков террасного земледелия в окрестностях Гочатлинского поселения X-XII вв.

Д.Э. Василенко

ООО «Памятники Кубани», г. Краснодар

Е.И. Нарожный

Армавирская государственная педагогическая академия, г. Армавир

П.В. Соков

ОАО «Наследие Кубани», г. Краснодар

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫХ
РАБОТ НА ПОСЕЛЕНИИ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ
«ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ-1»
(КРЫМСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)

Охранно-спасательные работы на поселении «Железнодорожное-1», открытом в 2010 году,¹ проводились в 2012 году. Проводились они двумя археологическими отрядами – из ОАО «Наследие Кубани» и ООО «Кубаньархеология». Необходимость проведения исследований была обусловлена попаданием данного археологического объекта в зону строительства «ж/д станции в районе разъезда «9-й км» СКЖД» в рамках реализации федеральной программы по «комплексному развитию Новороссийского транспортного узла».

Археологический объект был расположен на территории современного Южного сельского поселения в Крымском районе Краснодарского края, между хут. Черноморский и хут. Красный. Работы производились с февраля по конец сентября 2012 г.² Вся территория поселения была размечена квадратами 10 x 10 м (с внутренним подразделением каждого из них на 4 сектора). В ходе проведенных охранно-спасательных археологических исследований была вскрыта общая площадь, равная 13987,5 м² раскопа. Верхние напластования памятника сильно переотложенные (длительная и глубокая распашка, военные действия периода Великой Отечественной войны, мелиоративные работы 1970-80-х годов). Мощность культурного слоя колеблется в пределах 0,4-0,6 м.

На всей раскопанной площади выявлено 387 хозяйственных ям и более 40 объектов. Среди ям особо выделяется их группа, представленная объектами значительных размеров и глубиной до 2 и более метров (колодцы-?); все ямы соединены между собой неглубокими канавками. Ямы, при расчистке, быстро заполнялись водой, не без труда откачивавшейся при помощи помпы. По всей вероятности, колодцы, сооруженные на некотором удалении друг от друга, но соединявшиеся между собой канавками (по принципу «сообщающегося сосуда»), используя незначительные перепады высот окружающего микрорельефа, предназначались для подачи воды на прилегающие пространства, не только в качестве питьевой, для водопоя животных, но и для орошения неподалеку расположенных участков. Их наличие, представляется, документирует распространение в Золотой Орде не только привнесенной из Средней Азии чигирной системы орошения, но и подобной системы, опирающейся на обилие водных ресурсов и водоносных слоев.

Заполнение абсолютного большинства хозяйственных ям слабое. Три ямы предварительно интерпретированы как возможные остатки жилищ-полуземлянок. Расчищено несколько развалов турлучных построек жилого или хозяйственного назначения, выявлено несколько прямоугольных «хозяйственно-бытовых площадок» с хозяйственными и бытовыми ямами по их периметрам.

Керамический материал из хозяйственных ям и из культурного слоя разнообразен и представлен типичной керамикой, характерной для поселений Золотой Орды Приазовья и Нижнего Поволжья. Индивидуальные находки представлены разными категориями – предметы вооружения (наконечники копий, крепления ножен рубящего оружия, наконечники стрел и пр.). Обнаружено несколько фрагментов зеркал, разнотипных ножей, кресал, изделий из кости и рога. Интересна немногочисленная коллекция орудий сельского хозяй-

1 Историю открытия памятника см.: (Нарожная, 2012).

2 Держатель Открытого листа – П.В. Соков (лист №13 выдан 8 февраля 2012 года).

ства. Последние, наряду со следами искусственного орошения, позволяют относить данное поселение к разряду сельских поселений Золотой Орды.

Небольшая часть керамического материала - фрагменты округло, плоскодонных и амфор с плоско-вогнутым доньями. Заметно количество фрагментов т.н. «трапезундских» амфор; единичны фрагменты амфор «клейма SSS» (Валков, 2001а; 2001б; ср.: Коваль, 2010. С. 152). Наличествуют фрагменты поливных сосудов и сосудов с росписью вертикальными полосами белого ангоба, а также фрагменты пифосов, датировка которых в литературе несколько занижена. Импортная столовая керамика малочисленна, но при этом очень разнообразна по составу. Другая часть керамики, в основном, лепная, из самых нижних слоев поселения, имеет прямые и близкие аналогии среди лепной керамики из кочевнических курганов XIII-XIV вв. из-под Новороссийска – Геленджика (Нарожный, 2012. С. 138-142).

Ряд хозяйственных ям, компактно группируется на отдельных участках поселения с заполнением керамикой протомеотского и меото-сарматского времени, подстилая поселение золотоордынского времени. Вероятно, такие ямы могут быть синхронны и подкурганным захоронениям, исследованным в непосредственной близости от поселений «Железнодорожное-1» и «Железнодорожное-2» (Бочковой и др., 2013. С. 40-50).

На территории поселения «Железнодорожное-1» было выявлено и два компактных грунтовых могильника, впущенных в культурный слой памятника, вероятно, в последние годы его функционирования. Могильник № 1 содержал всего 9, в основном, индивидуальных погребений – захоронения взрослых мужчин, женщин, подростков и детей. Все характеризуются положением на спине, вытянутыми нижними конечностями при вариации положения рук; ориентированы головой на западный (с сезонными отклонениями) сектор. В нескольких случаях выявлено присутствие в захоронениях отдельных или разрозненных костей от неполных скелетов. Некоторые погребения имеют признаки легкого разворота на правый бок. Сопутствующий инвентарь немногочислен, или отсутствует совсем; представлен железными ножами с прямой или горбатой спинкой, кресалами и бронзовыми пуговицами с коническим оформлением.³ Судя по находкам, могильник следует относить к XIV веку, связывая его возникновение с заключительным периодом функционирования поселения.

На территории могильника № 2 исследовано 17 грунтовых индивидуальных (и одно коллективное) погребений. Как и на могильнике № 1, здесь скелеты уложены вытянуто на спине, головой на запад (с сезонными отклонениями) и значительной вариативностью положения рук. Значительно разнообразен сопроводительный инвентарь, позволяющий датировать весь могильник в рамках XIV века и последним этапом в жизни поселения.

Исследованный комплекс памятников (поселение и два компактных могильника в его культурном слое) значительно расширяют представления о золотоордынском этапе в истории Прикубанья и, в особенности, его бытовых памятниках. Сведения о таковых, как известно, до недавнего времени ограничивались лишь лаконичными данными об Ангелинском Ерике – «городе Шахраке» (Валков, 2005; Валков, Лопан, 2009; 2013 и др.), а также о «поселении и могильнике Жукова» (Ларенок, Нечипорук, 2012; Нечипорук, Ларенок, 2012) в системе иных поселений эпохи Золотой Орды в регионе (Нарожный, 2013).

Раскопочные материалы вполне определяют и место данного сельского поселения в историческом контексте золотоордынской эпохи, позволяя видеть в нем, впрочем, как и в других синхронных бытовых памятниках округи – производителей сельскохозяйственных культур, впоследствии поставляемой в приазово-причерноморские и крымские итальян-

³ Исчерпывающую подборку таких предметов XIV века известны, к примеру, в погребениях Миатлинского грунтового могильника в Северном Дагестане (Пикуль, 1959. С. 12). Есть они и в кочевнических захоронениях Восточного Приазовья. (Армарчук, Сорокина, 2001. С. 203, 207. Рис. 3, 2; Дружинина и др., 2011. Рис. 20, 7; 21, 6; 22, 8; 23, 7; 51, 1; 52, 1), а также и в Крыму (Майко, 2007. Рис. 34; 56, 3; 60, 3; 79, 2; 83, 6 и др.).

Археология Средневековья

ские фактории для нужд южно-европейских метрополий. Завершающий этап в жизнедеятельности изучаемого поселения, вероятно, следует сопоставлять с периодом «великой замятни» в Золотой Орде, или же, что наиболее вероятно, с периодом появления войск среднеазиатского эмира Тимура в Золотой Орде на отрезке его передвижения из Азака на Кубань.

Литература

- Армарчук Е.А., Сорокина И.А., 2001. Богатое средневековое погребение воина-всадника в Западном Закубанье // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 15: Средневековые древности евразийских степей. Воронеж.
- Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И., 2013. Протомеотские погребения из курганов могильника Железнодорожный-2 // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.
- Волков И.В., 2001а. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // Морська торгівля в Північному Причорном'ї. Київ.
- Волков И.В., 2001б. Трапезундские керамические клейма из Азова // Морська торгівля в Північному Причорном'ї. Київ.
- Волков И.В., 2005. Золотоордынское поселение Ангелинский Ерик в Краснодарском крае (Предварительное сообщение) // МИА Кубани. Вып. 5. Краснодар.
- Волков И.В., Лопан О.В., 2009. Работы на городище Ангелинский Ерик и возможности локализации золотоордынского города Шакрак // Пятая Кубанская археологическая конференция. Материалы международной конференции. Краснодар.
- Волков И.В., Лопан О.В., 2013. Мечеть золотоордынского городища Ангелинский Ерик // Археология евразийских степей. Вып. 17: Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II-го международного Болгарского форума (21-23 мая 2011 г., г. Казань). Казань.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М.
- Коваль В.Ю., 2003. Амфоры византийского культурного круга в средневековой Руси (X-XIII вв.) // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.
- Ларенок П.А., Нечипорук А.А., 2012. Средневековое поселение и грунтовый могильник «Жукова» // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения». Материалы международной научной конференции. Махачкала.
- Майко В.В., 2007. Средневековые некрополи Судакской долины. Киев.
- Нарожная Ф.Б., 2012. Отчет об итогах проведения археологических разведок на участке строительства железнодорожной станции в районе разъезда «9-й км» «Северо-Кавказской железной дороги по проекту «Комплексное развитие Новороссийского транспортного узла» в Крымском р-не Краснодарского края в 2010 г. // Архив ОАО «Наследие Кубани». Краснодар.
- Нарожный Е.И., 2013. Северокавказские города и поселения XIII-XIV вв. Некоторые итоги и перспективы изучения // Археология евразийских степей. Вып. 17: Средневековая Евразия: симбиоз городов и степи. Материалы II-го международного Болгарского форума (21-23 мая 2011 г., г. Казань). Казань.
- Нарожный Е.И., 2012. Средневековые кочевники Восточного Причерноморья // Кочевье цивилизации народов Центральной Азии: история, состояние проблемы Сборник материалов III международной научно-практической конференции. Красноярск; Кызыл.
- Нечипорук А.А., Ларенок В.А., 2012. Поливная керамика поселения Жукова // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 13. Армавир.
- Пиккуль М.И., 1959. Раскопки на Сулаке // МАД. Т. 1. Махачкала.

Д.Э. Василенко

ООО «Памятники Кубани», г. Краснодар

С.Е. Жеребилов

Государственное учреждение культуры Ростовской области «Донское наследие», г. Ростов-на-Дону

И.Б. Тищенко

ОАО «Наследие Кубани», г. Краснодар

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ
«ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ 2» В КРЫМСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
(ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ)

В 2012 г. ОАО «Наследие Кубани» с участием субподрядных организаций ГАУК РО «Донское наследие», ОАО «Волго-Донское археологическое общество», ООО «Кубаньархеология» были проведены охранно-спасательные археологические исследования поселения «Железнодорожное 2», расположенного в зоне строительства железнодорожной станции «9-й км» СКЖД.

Поселение было расположено в 1,25 км к востоку от впадения р. Адагум в Варнавинское водохранилище, в 0,8 км к юго-востоку от поселения «Железнодорожное 1», примыкая к северной окраине хут. Черноморский. В ходе раскопок была исследована часть поселения не разрушенная при строительстве полотна Новороссийского участка Северо-Кавказской железной дороги и застройкой хутора. Участок исследованного объекта историко-культурного наследия составил 19979 м². Мощность культурного слоя исследованной части поселения составляла 0,6–0,8 м, верхняя часть культурного слоя была в значительной степени разрушена хозяйственной деятельностью.

На раскопанной площади поселения было выявлено и исследовано 425 хозяйственных, бытовых и мусорных ям и 38 объектов: остатков полуземлянок, обожженных глинобитных полов и стен, суф, канов, кухонных печей и открытых очагов, а также 4 погребения, синхронные поселению. Большая часть объектов, соотнесенных с жилищами, концентрировалась в восточной части исследованной площади, в восточной же части были обнаружены наиболее крупные траншееобразные ямы, условно отнесенные к хозяйственным.

В ходе работ открыто значительное количество археологических находок: фрагментов керамических сосудов, строительного и хозяйственного мусора, орудий труда, предметов вооружения, костей животных (около 24500 единиц) и прочих. Основная масса представлена фрагментами керамических сосудов. Всего выявлено около 48000 фрагментов.

Преобладающее количество фрагментов и целых форм сосудов отнесены к XIII – XIV вв. Импортная керамика представлена тарной, кухонной и столовой (парадной) посудой. Найдены фрагменты кругло- и плоскодонных амфор т.н. «трапезунской группы», «клейма SSS», в том числе со штампованными клеймами (восьмилучевым и сетчатым) на ручках, немногочисленные фрагменты «амфор Трилии». В яме № 203 в западной части поселения была обнаружена амфора с плоско-вогнутым дном. Пифосы и пифоидные сосуды (корчаги) обнаруживают значительное сходство с сосудами, происходящими из Северного и Северо-Восточного Причерноморья. Поливная керамика представлена небольшими и малоинформативными фрагментами сосудов т.н. группы «Византия» «комплекса Кабарди», сосудами с вертикальными полосами белого ангоба. Значительное количество фрагментов и целых форм импортной керамики представлено сосудами группы «Юго-Западный Крым» (ЮЗК). Вероятно, здесь, как и на других поселениях дельты Кубани (Волков, 2007. С. 31), часть местных изделий могла быть изготовлена по образцам сосудов этой группы.

Местная кружальная керамика обнаруживает значительное сходство форм и технологических особенностей изготовления с сосудами Нижнего и Среднего Закубанья и

Археология Средневековья

Северо-Восточного Причерноморья.

Лепная керамика имеет значительное сходство с сосудами, найденными при исследованиях поселения «Жукова» в Крымском районе (*Ларенок*, 2013. С. 99-104. Рис. 8-13).

В нижних ярусах культурного слоя юго-западной части поселения были обнаружены немногочисленные фрагменты амфор Хиоса и Менды V в. до. э. Этот материал, по всей видимости, маркирует остатки небольшого поселения, синхронного курганным могильникам, исследованным поблизости (*Бочковой и др.*, 2013. С. 40-50) и уничтоженного средневековым поселением.

В культурном слое западной части поселения отмечены немногочисленные фрагменты кувшинов с цилиндрическими рифлеными горлами. Сходные сосуды в памятниках низовий Кубани и Крыма датируются временем не ранее XV в., причем крымские сосуды отнесены к группе «горшков с рельсовидными венчиками» (ГРВ) (*Волков*, 2007. С. 31; *Алядинова*, 2012. С. 254). Следует отметить, что сосуды ЮЗК и ГРВ на поселении, как правило, найдены в культурном слое и не отмечены в хозяйственных и мусорных ямах. Единственным исключением является сосуд из объекта (ямы) № 21, стратиграфически соотношенного с обожженным глинобитным полом (объект № 14), перекрывающим хозяйственную яму в западной части поселения.

Приведенные данные могут свидетельствовать об уменьшении селитебной зоны поселения в определенной исторической период и продолжении существования небольшой, периферийной части поселения в XV в.

В верхней части культурного слоя поселения были зафиксированы предметы наступательного и оборонительного вооружения, несколько конских костяков в анатомическом порядке, но без упряжи. На поселении также зафиксировано 3 ямы, в которых были обнаружены компактно уложенные целые очажные цепи. Принимая во внимание этнологический контекст – общекавказское почитание очага и очажной цепи возможно отождествление этих комплексов с ритуальными, отражающими прерывание жизнедеятельности патронимий (*Кобьчев*, 1982. С. 128, 130-131). Грунтовой могильник, исследованный к северо-востоку от поселения, перекрывал периферийную часть памятника.

Вероятно, уменьшение количество жителей поселения, и соответственно, уменьшение его селитебной зоны явилось результатом военных действий конца XIV в. Из событий, известных в письменных источниках им соответствуют поход эмира Тимура в 1394-1395 гг. либо похода его полководцев в 1395-1396 гг.

Литература

- Алядинова Д.Ю.*, 2012. Неглазурованная керамика позднесредневекового Судака: по материалам раскопок 2008-2010 гг. // Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный 1800-летию города Судака. Археологический альманах. № 28. Донецк.
- Бочковой В.В., Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.*, 2013. Протомеотские погребения из курганов могильника Железнодорожный-2 // Шестая международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.
- Волков И.В.*, 2007. Поливная керамика могильника Черный Ерик-1 // Поливная керамика Восточной Европы, Причерноморья и Средиземноморья в X-XVIII вв. II международная научная конференция. Ялта (19-23 ноября 2007 г.). Ялта.
- Кобьчев В.П.*, 1982. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М.
- Ларенок П.А.*, 2013. Саркел-Псебепс – гузы-печенег-касоги // МИАСК. Вып. 13. Армавир.

Л.Э. Голубев

г. Краснодар

ОБ ОДНОМ ИЗ ВИДОВ РЫБНОЙ ЛОВЛИ У СРЕДНЕВЕКОВЫХ АДЫГОВ

Несколько лет назад мне были переданы предметы археологии, найденные в окрестностях города Апшеронска на пахотном поле, на одном из берегов реки Тухи, левого притока Пшехи, входящую в водную систему реки Кубани. Среди подъемного материала XIII-XIV вв., переданного мне, особый интерес представляют два железных коррозированных кованых крючка напоминающие рыболовные, но большие по размерам. Первый крючок имел длину 7,7 см толщина стержня 0,6 x 0,5 см, петля для подвешивания отсутствовала. Острие крючка, возможно, имело жало (рис. 1, А). Второй крючок в длине 6 см, толщина стержня 0,8 x 0,7 см. Кверху стержень сужается, а затем он расплюсчен, вероятно, под «ушко» для привязывания снасти (рис. 1, Б).

Как позже мне разъяснили опытные рыбаки, данные крючки используются в запрещенном теперь способе ловли рыбы «переметом», который снабжен «крючками-самоловами». Современные браконьеры используют такие же по размеру крючки, сделанные из стальной проволоки. Способ ловли этим снастями был красочно описан Виктором Астафьевым в новелле «Царь-рыба». «Перемет» это система, состоящая из «базы» или как её называют рыбаки «хребтины». Обычно это толстая веревка, к которой на некотором расстоянии крепятся веревочные (сейчас из лески) поводки, к ним в свою очередь крепились очень острые крючки. «Переметом» поперек перекрывалась река. На крючки не насаживалась наживка, рыбе достаточно зацепится, чтобы самой нанизаться на крючок. Особенно эффективны такие снасти были при «ходе» рыбы на нерест в верховья рек. Ловля «переметом» была рассчитана на крупную рыбу без чешуи осетровых, сомов. Кроме них на эту снасть ловили и водоплавающих млекопитающих выдр, ондатр и т.д.

Традиции рыболовства на Северо-Западном Кавказе имеют древние корни. Причерноморье, побережье Азова и бассейне Кубани во все времена изобиловали рыбой. Рыба была одним из основных видов пищи, а также была предметом торговли на внешнем рынке (*Щербина*, 1992. С. 706-708). Рыболовство, как и другие промыслы, у адыгов имело своего бога – Кордеша. Анализируя средневековые итальянские документы, Е.С. Зевакин и Н.П. Пенчко пришли к выводу, что наибольший удельный вес товарооборота между Северным Причерноморьем, Генуей и Венецией наравне с работоторговлей, сбытом мехов, хлеба, и воска была торговля рыбой (*Зевакин, Пенчко*, 1938. С. 91). По мнению Л.И. Лаврова и Е.П. Алексеевой, промысловое рыболовство было развито в приморских районах региона и низовьях Кубани, в горных и предгорных районах рыбная ловля имела второстепенное значение (*Лавров*, 1952. С. 221; *Алексеева*, 1971. С. 231). Адыгский просветитель XIX в. Хан-Гирей отмечал что, невзирая на изобилие вод, и рек богатых рыбою, адыги редко занимаются рыболовством и мало употребляют в пищу (*Хан-Гирей*, 1992. С. 248).

Вероятно, данные крючки были предназначены для рыбной ловли способом «перемета» на реке Пшехи, куда вовремя нереста заходили осетровые породы рыб.

Археология Средневековья

Литература

Алексеева Е.П., 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.

Зевакин Е.С., Пенчко Н.А., 1938. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII-XV вв. // Исторические записки. Вып. 3. М.

Лавров Л.И., 1952. Развитие земледелия на Северо-Западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в. // Материалы по истории земледелия СССР. Т. 1. М.

Хан-Гирей, 1992. Записки о Черкесии. Нальчик.

Щербина Ф.А., 1992. История Кубанского казачьего войска. Т.1. (репринт. Екатеринодар, 1910). Краснодар.

М.В. Горелик

Институт востоковедения РАН, г. Москва

МОНГОЛЬСКИЕ, ЧЕРКЕССКИЕ И ПОЛОВЕЦКИЕ ВОИНЫ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ КОНЦА XIII–XIV вв.

Монгольские нашествия, завоевания и образование монгольского государства Улус Джучи, правое крыло которого разместилось на территории Восточной Европы сильно и надолго изменили этнокультурную и военно-политическую ситуацию в Предкавказье. Рассмотрим военно-археологический аспект истории и культуры ряда народов, от которых остались яркие и многочисленные воинские погребения, и столь же яркие и достаточно обильные письменные источники. Кроме того, некоторые категории изобразительных источников дают нам вполне конкретное и точное представление о том, как воины выглядели «во всей славе своей». Следует оговорить, почему не все основные этнические компоненты населения Предкавказья попали в орбиту данного исследования. Дело в том, что отмеченные в заглавии этносы достаточно полно освещены всеми категориями источников, тогда как, например, аланы и асы, будучи неоднократно, часто подробно и обильно освещены письменными источниками, практически не оставили хоть сколько-нибудь подобных монгольским, черкесским и половецким по полноте и яркости воинских погребений золотоордынской эпохи. Великолепные же фрески 1 пол. XIV в. в Нузальской часовне показывают нам аланскую аристократию в парадных одеяниях мирной жизни – монгольских и итальянских. Одеяния аланской знати XIV в., обнаруженные в склепах, представляют собой часто локальные варианты имперского монгольского костюма, сшитые как из местного холста, так и из китайского шелка. Зато горские памятники – археологические и изобразительные – дают великолепный материал для картины воинства всего региона, хотя горцы, судя по всем письменным источникам, не участвовали сколько-нибудь систематически в военной жизни Улуса Джучи (как и Улуса Хулагу).

Монгольское воинство Улуса Джучи, как и вообще населявшие его и правящие там монголы, в отечественных исследованиях выносятся как бы за скобки. Хотя в мусульманских и европейских источниках о них говорится много и подробно, до сих пор держится миф, согласно которому у Бату было всего 4000 монголов из трех племен, даденных еще его отцу Джучи дедом Чингиз-ханом, да и те после западных походов и образования Улуса Джучи были в большинстве возвращены в Монголию. Таким образом, монголами в монгольском государстве Улус Джучи были лишь несколько сот, пусть даже тысяч членов Золотого рода, их приближенных и гвардейцев. Но уже в конце XIII в. один из мусульманских авторов свидетельствует, что только одно из упомянутых племен в западном крыле Улуса Джучи разрослось и в его время уже насчитывало 10 000 «живого войска», т.е. тумэн полного состава (что вообще-то было нечасто). А если учесть, что на каждого воина приходилось около 5 человек его семьи, то только одно монгольское племя насчитывало 50 000 человек. И уже в XIV в. в текстах мы встречаем названия почти всех главных монгольских племен, многие тысячи представителей которых кочевали в благодатных восточноевропейских степях. Разумеется, монголами считали себя и полностью (кроме языка) омонголившиеся многочисленные тюркские кочевники, инкорпорированные в состав монгольских соединений и принявших не только костюм, прическу, вооружение и другие элементы монгольской

имперской культуры, но и монгольские племенные самоназвания и самоидентификацию. Недаром знаменитый, но неграмотный баварец И. Шильтбергер, в посл. трети XIV в. около 30 лет проживший среди кочевников Улуса Джучи, называл их не татарами (или тартарами), как было принято среди европейцев, а монголами, как эти кочевники сами себя называли. Благодаря исследованию изобразительных источников – сотен миниатюр, выполненных в Улусе Хулагу, многих десятков произведений графики, живописи и скульптуры из Империи Юань нам прекрасно известны монгольское вооружение, костюм, прическа, аксессуары, конское снаряжение, жилище и утварь монголов эпохи империи Чингиз-хана и империй Чингизидов. Практически полное совпадение этих категорий на столь разных по стилю и созданных столь далеко друг от друга привело автора в 1986 г. к постулированию такого явления, как монгольская имперская культура (подобное же понятие тогда же было предложено и для хазарской империи). Работы археологов на территориях монгольских империй, особенно Улуса Джучи и Империи Юань, всецело подтвердили наш постулат, показав, вместе с тем, и локальное разнообразие деталей декора при полном единстве форм. Из изобразительных источников с территории правого крыла Улуса Джучи монгольский имперский комплекс ярко отразился на каменных рельефах (почти горельефах) из дагестанского аула Кубачи (Зирехгеран, Ульбут), выполненных в XIV в. пришлыми «тазиками» – мусульманскими камнесечцами первой школы, связанными, вероятнее всего, с Джазирой. Не будем описывать здесь боевое снаряжение монгольского воина – автором этому посвящены многие страницы его работ.

Обратимся к черкесам. Почти во всех мусульманских письменных источниках черкесы упоминаются первыми в ряду инородческих контингентов Улуса Джучи. Это при том, что они заведомо не могли выставить крупные формирования под единым командованием, что определяло и невысокий уровень дисциплины в сражении, и невозможность качественно, да и вообще выполнять ряд боевых приемов, требовавших именно слаженности крупных масс конницы и неукоснительной дисциплины. Но как одиночные бойцы, как участники координированных действий небольшими отрядами, не говоря уже о разведке боем и скрытой, засад и внезапных нападений, в т.ч. и ложных – черкесы, вне сомнения, действовали чрезвычайно эффективно. Но главное же достоинство черкесов для монгольской администрации состояло в том, что они выставляли массовые контингенты тяжелой (в полном защитном вооружении) и средней (с саблями и с отдельными предметами защитного вооружения) конницы. Важнейшим фактором было то, что черкесы сами производили всю массу вооружения, да еще и снабжали им практически все золотоордынское Предкавказье, в том числе монгольские, половецкие и аланские контингенты. Об этом недвусмысленно говорят находки оружия в черкесских воинских погребениях – сотни сабель, многие десятки шлемов, десятки кольчуг (иногда по две в могиле), умбоны щитов, копья, саадаки – обилие их превосходит находки оружия XIII–XIV вв. на всем пространстве между Тихим и Атлантическим океанами. Черкесы выработали на базе общеимперских стандартов собственные варианты сабель и умбонов щитов, которые распространились чуть ли не по всей империи Чингизидов, а сформировавшийся в XIV в. знаменитый «черкесский клинок» с длинным граненым концом стал популярен от Польши и Московии до Средней Азии и Индии в XV–XVII вв. Более того, клинки, ковавшиеся черкесами с XIII в. были высочайшего качества. Как показали ис-

Археология Средневековья

следования, все они были из дамасской стали. Монгольские власти щедро отличали черкесов: во многих их погребениях находят монгольские, имперских стандартов, награды – специфические портупейные пояса с набором из драгоценных металлов и пиршественные питьевые сосуды – чаши, ковши, кубки. Скорее всего, именно с исключительной ценностью черкесов для правителей Улуса Джучи связано полное отсутствие упоминаний их среди военного истеблишмента и гвардейских контингентов, сформированных из представителей народов Восточной Европы – русских, алан, половцев, служивших Юаньским императорам и охранявшим сердце империи – столицу Даду (ныне Пекин). Ханы Золотой Орды не собирались отпускать куда бы то ни было людей народа, выставявшего латную конницу, да еще и вооружавшего воинские контингенты соседей – монголов и половцев. Ведь, как показали подсчеты И.А. Дружининой и В.Н. Чхаидзе, только в восточном Приазовье, где дисперсно обитали монголы, половцы и черкесы, 30% воинских погребений содержало останки тяжелых конников, 30% – средних, и только 30% – легких лучников. Подобная статистика не проводилась относительно Белореченской культуры золотоордынских адыгов XIV–XV вв., но цифры там будут не менее, если не более впечатляющими. Это совершенно беспрецедентные для средневековой Евразии цифры (правда, у монголов такой процент конных латников был нормой вплоть до XIX в.). Но и черкесы платили признанием монголам: черкесские мамлюки в кон. XIII–XV вв. носили в Египте и Сирии, кроме арабо-мусульманских, сплошь монгольские и тюркские имена (включая ханские), популярные в Золотой Орде.

Иную военно-политическую ситуацию мы наблюдаем в положении половцев золотоордынского Предкавказья. Половцы, как и черкесы, также сопротивлялись монгольским войскам. Но их степи были намного просторнее и являлись много более лакомым куском для монголов. И начали они воевать много раньше, и сопротивлялись дольше. Так что монголы половцев очень не любили за упорное сопротивление, и загоняли их то в Кавказские горы, то в степи Венгрии и Болгарии, где их ближайшие родичи – куманы и куны – нашли пристанище еще в XII в. Возвращавшиеся после Батыева погрома с Запада половцы, расселялись, видимо, в отведенных монголами местах кочевания, и до времени сохраняли этно-политическую самобытность, не входя в монгольские войска и оставаясь инородческими соединениями: в текстах это отмечено тем, что они стоят именно в списке инородческих войск, и чуть ли не в конце. А нелюбовь к ним монголов выразилась в полном отсутствии в погребениях всех слоев военной аристократии драгоценных наград монгольских властей – поясов и сосудов из драгоценных металлов. В начале XIV в. половцы даже пережили в Прикавказье некий, весьма недолгий, «ренессанс» своей культуры и военно-политической значимости. Это отразилось и в археологических находках погребений конных латников с половецкими символами мужа-героя – «боевыми бюстгальтерами», и на кубачинских рельефах 2-й школы, и на стенописи церкви в Гвигети (Северо-Восточная горная Грузия), где святой воин изображен в половецком «боевом бюстгальтере». Но, вероятно, уже при Узбеке с половцами как самобытным этносом было покончено: они были раскассированы и влиты в состав монгольских контингентов, что привело их к потере этнической самоидентичности и тотальной (кроме языка) монголизации. Исчезают не только яркие элементы половецкой культуры, но и племенные названия, полностью замененные монгольскими.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАСКОПОК ДАРГАВССКОГО КАТАКОМБНОГО
МОГИЛЬНИКА

1. Раскопки Даргавсского катакомбного могильника ведутся с 1993 года. За прошедшее время было раскопано 92 катакомбы. Хотя работа предстоит еще огромная (площадь могильника 40 га), но некоторые итоги подвести возможно. Наметились некоторые специфические черты погребального обряда и погребальных сооружений. Любой могильник в кругу других могильников той же культуры отличается какими-то специфическими особенностями, которые являются отражением объективных условий – географических, природных или иных.

2. Аланские могильники в горной местности отличаются от аланских могильников, располагающихся на равнине, насыщенностью катакомбами площадей могильников. Скорее всего, это является следствием известного дефицита удобных для совершения погребений земельных площадей, которые в первую очередь предназначались для пахоты. Этот же дефицит позже заставил строить склепы на непригодных для сельскохозяйственных работ земельных участках. Отмечается, что в отличие от равнинных катакомб входные проемы горских катакомб всегда закладывались плитами из шиферного сланца и ничем иным.

3. Из экономии земли под погребения катакомбы в Даргавсе нередко имели по две, три, а то и четыре камеры с одной общей входной ямой. При этом сохранялась каноническая ориентировка погребенных – головой влево от входного проема. Но исключения из этого правила составляют катакомбы с несколькими камерами, в которых соблюдалось правило укладывать покойного головой вверх по склону. В этом случае, иногда покойник бывал ориентирован головой вправо от входного проема. Такое расположение погребенных в камерах зафиксировано в катакомбах №№ 7, 37, 56, 61, 68, 73. В остальных восьмидесяти шести катакомбах покойники уложены головой влево от входного проема (рис. 1).

4. Особенностью наборов инвентаря Даргавсских катакомб являются и многочисленные находки стеклянных браслетов и колец, объясняющихся близостью их производства – т.е. из восточной Грузии. Кроме этих предметов в Даргавсских катакомбах часты находки деревянных черпаков, чаш и ритуальных столиков.

5. Во всем остальном (орудия труда, оружие, конское снаряжение, посуда, в том числе и импортная, украшения, предметы культа и пр.) Даргавсский могильник не выходит за рамки аланских катакомбных могильников, что позволяет говорить о единой аланской культуре.

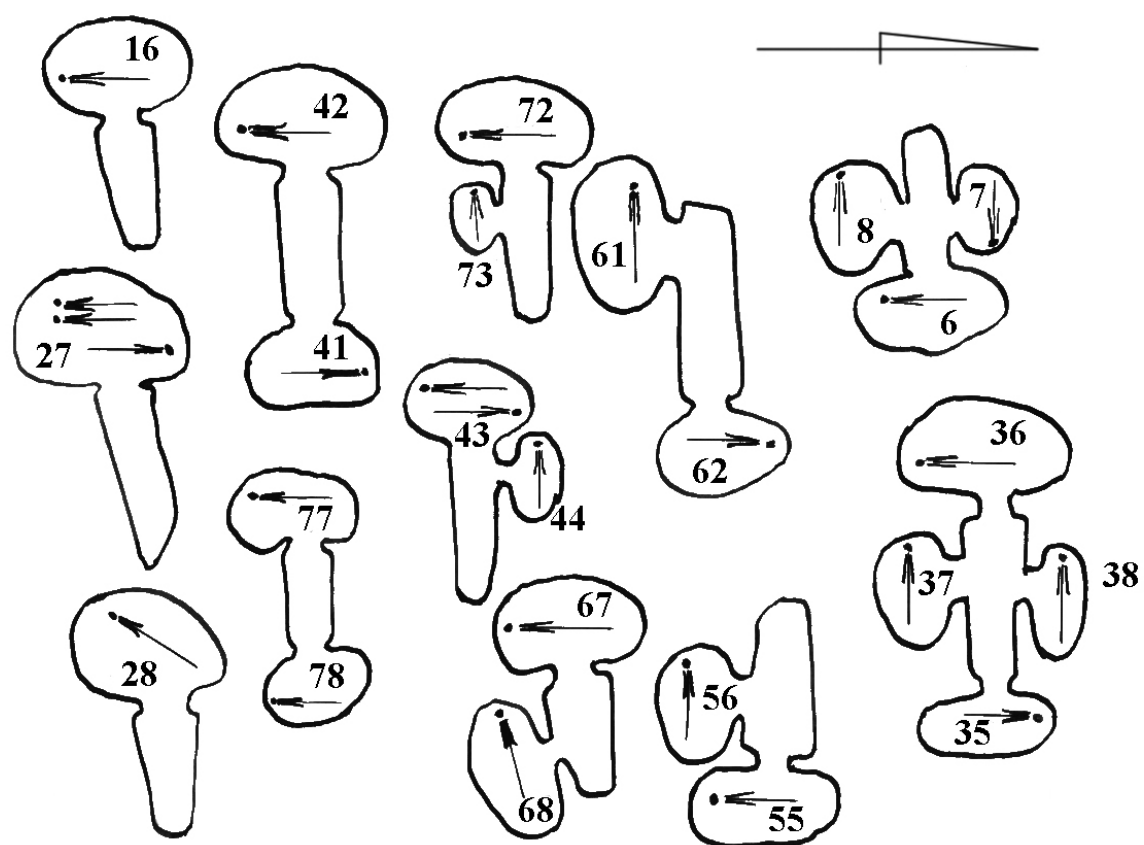

Рис. 1. Типы катакомб Даргавского могильника с указанием ориентировки костяков

З.В. Додэ

*Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
ЮНЦ РАН, г. Ставрополь*

КОСТЮМ МОНГОЛЬСКОЙ ЭЛИТЫ В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОГО РИТУАЛА

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 12-01-00038.

Церемониальный костюм отличается от повседневной одежды и подчеркивает особенность момента для его обладателя. Семантика церемониального костюма монгольской элиты раскрывается через воспроизводимые стереотипы поведения, соответствующие обрядовым действиям, отражающим социальные связи, возобновлявшиеся в символических процедурах праздничных и траурных церемоний. В контексте государственных церемоний костюм является визуализацией символов власти.

Структура монгольского общества воспроизводилась на курултаях и общеимперских праздниках, появление на которых для всех участников предполагало облачение в костюм, предусмотренный ритуалом. Торжественность государственных церемоний подчеркивалась пышностью наряда и блеском тканей, что известно из письменных источников, в которых также отмечены особенности церемониального костюма монгольской элиты: использование одежды одного цвета, переодевание в платья разного цвета в течение праздника, коллективное снятие головных уборов и набрасывание поясов на плечи.

В письменных источниках содержатся сведения о массовых раздачах почетной одежды подданным и послам в ходе государственных церемоний. Смысловую основу почетной одежды составляли «халат власти» и «пояс покорности». Одежды, входящие в почетный набор, в письменных источниках упоминаются с эпитетами, коннотация которых связана с понятием «власть»: «царские одежды», «падишахский халат», «императорская парчовая одежда», «царственные одежды» «халат Чингис-хана», «каба управления», «одежда везиратства», что позволяет рассматривать халат как символ власти. Указания на пояса сопровождаются другими эпитетами, коннотация которых связана с идеей служения: «пояс покорности и верности», «пояс повиновения», «пояс служения», «пояс повиновения и преданности». Массовые раздачи почетной одежды на курултаях визуализировали обоюдную связь между подчиненными и правителем и являлись своеобразным отражением политической организации Монгольской империи.

Особенности погребального костюма монгольской элиты, известные по закрытым археологическим комплексам, в некоторых случаях проясняют отрывочные сведения современников (писателей и художников). В сохранившихся в отдельных погребениях одеждах было преднамеренно изменено направление запаха, место расположения имперских эмблем луны и солнца на рукавах; умышленной также была деконструкция головного убора, что следует расценивать как ритуальные действия, связанные с наделением умершего признаками нового состояния, отличного от состояния живых (См. *Байбурин*, 1993. С. 10-13). Монгольский обычай сопровождать погребенного дополнительным набором одежды, зафиксированный археологически, вос-

Археология Средневековья

производится на миниатюрах. Его проясняют сообщения монаха Рикольдо де Монте Кроче из монастыря Санта Мария Новелла, который в своей книге «Путешествие по Святой Земле», записал уникальные сведения об использовании одежды в татарском погребальном обряде (*Рикольдо де Монте Кроче*, 2006. С. 154).

Траурный костюм монгольской элиты характеризовался особым цветом одежды и отказом от праздничных элементов декора. По данным письменных и изобразительных источников известно, что представители монгольской знати, участвовавшие в траурных церемониях, облачались в одежды голубого или черного цвета, заменяли пояса с ременной гарнитурой на матерчатые кушаки, снимали перья с мужских головных уборов и наверхия с женских шапочек, распускали волосы, и разрывали одежды.

Включение в систему монгольской власти представителей элиты покоренных территорий (Русь, Армения, Грузия, Персия и др.) предполагало их облачение в монгольский костюм, что одновременно было знаком их политической лояльности. В мультирелигиозной, мультиязычной, мультиэтнической и мультикультурной империи, созданной монголами, костюму участников политических ритуалов отводилось центральное место, что позволяет рассматривать костюм монгольской кочевой элиты как семиотический ключ к устройству имперской иерархической системы.

Литература

Байбурин А.К., 1993. Некоторые общие соображения о ритуале // *Aequinox*. Т. МСМХСШ. М.

Рикольдо де Монте Кроче, 2006. Путешествие по святой земле // Горелов Н. Книга странствий. СПб.

И.А. Дружинина

Институт археологии РАН, г. Москва

ДВА ТИПА ДРЕВКОВОГО ОРУЖИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

1. Наконечники копий с подтреугольными упорами у перехода втулки в перо (рис. 1, 1-2). Сведения об этих наконечниках появились в научной литературе уже более ста лет назад (Миллер, 1909. С. 95-96. Рис. 24, фиг. 7¹), но особый интерес к ним возник в последние годы, во многом благодаря работам Л.Э. Голубева (Голубев, 2008. С. 122-124; 2012. С. 36-38).

Большинство известных наконечников с подтреугольными упорами происходят из памятников района Сочи (Воронов, 1979. С. 97. Рис. 52, 24; Иванова, 1997. С. 57. Табл. XIX, 5; Овчинникова, 1997. С. 33. Табл. XV, 4; Половинкина, 2006. С. 301; Голубев, 2008. С. 122, 124. Рис. 1, 3) и Туапсе (Миллер, 1909. С. 95-96. Рис. 24, фиг. 7; Соков, Хатинюк, 2003. С. 199. Рис. 1, 2; Голубев, 2012. С. 36-38), единичные находки – из Закубанья (Голубев, 2012. С. 36-37) и района Новороссийска².

Из-под Туапсе происходит и наконечник из фондов ГИМ (инв. № 26768) (рис. 1, 1). Общая длина – 53,5 см, длина втулки – 15,3 см. Ширина между вершинами упоров – 5,4 см, наибольшая ширина пера – 3,2 см. Сечение пера – ромбовидное. Диаметр устья втулки – 3 см, толщина – 2 мм, диаметр втулки у основания упоров – 1,8 см. На втулке на 7,5 и 8,5 см от устья два близко посаженных отверстия (диам. 1,9 и 2,1 мм) для гвоздей, крепивших наконечник к древку.

Еще один наконечник поднят, по сведениям А.Ю. Скакова, в 2013 г. в районе Туапсе (рис. 1, 2). Длина – 52 см, ширина между вершинами упоров – 6,5 см, сечение ромбовидное.

Е.П. Алексеева отмечала, что наконечники копий данного типа характерны только для Восточного Причерноморья и Закубанья (Алексеева, 1963. С. 233, 245. Табл. X, 8). К монгольским их относит М.В. Горелик, датируя XIII–XIV вв. (Горелик, 2002. С. 66. Рис. 1, 20). К этому же периоду относят данные наконечники П.В. Соков и О.А. Хатинюк (Соков, Хатинюк, 2003. С. 199). Е.И. Нарожный также согласился с предложенной датировкой, при этом обратил внимание на находку такого наконечника в крепости близ устья р. Годлик, в истории которой есть и «генуэзский» период. Вопрос об этнокультурной привязке наконечников исследователь оставил открытым (Нарожный, 2006. С. 183). По мнению Л.Э. Голубева, такие копыя «не совсем характерны для традиционного комплекса вооружения адыгского населения Северо-Западного Кавказа» (Голубев, 2008. С. 122). Исследователь усматривает значительное сходство их с широко известными в Европе первой пол. XVI в. протазанами. Он полагает, что в XIII–XV вв. подобные наконечники могли быть экспортированы из Европы на территорию Северо-Западного Кавказа итальянскими купцами. Но, как отмечает Л.Э. Голубев, этому предположению противоречит отсутствие подобных находок в генуэзских и венецианских факториях Крыма и Приазовья. Согласно второй версии иссле-

1 Рисунок этого же наконечника в несколько искаженном виде приведен в работе Е.П. Алексеевой (Алексеева, 1963. С. 233, 245. Табл. X, 8).

2 Несколько наконечников данного типа хранятся в Новороссийском музее-заповеднике и являются случайными находками. Выражаю глубокую признательность за информацию А.В. Шишлову.

дователя о происхождении наконечников с подтреугольными упорами, они могут быть «генетически связаны с более ранним типом наконечника копий – с острым волнообразным выступом в районе перехода втулки в перо, известным еще с «салтовского» времени и просуществовавшим в Северно-Восточном Причерноморье до XII в.» (Голубев, 2012. С. 38).

В решении вопроса о времени бытования наконечников с подтреугольными упорами принципиальное значение имеют находки их в погребальных комплексах грунтовых могильников – на Кадошском мысу и в имении Дузу (Миллер, 1909. С. 95-96)³. Помимо наконечников, в составе инвентаря погребений на Кадошском мысу было выявлено стремя (Отдел IV тип 3) XII – первой пол. XIII в. (Армарчук, 2006. С. 22, 27, 29). В имении Дузу вместе с наконечником копья с подтреугольными упорами в погребении выявлены сабля, нож, мотыжка, пряжка, точильный брусок, спиральное кольцо и удила (тип Б1-2, XI–XIII вв.) (Армарчук, 2006. С. 20). Представляется, что такие признаки как грунтовое погребение в каменном ящике, наличие предмета конской упряжи, не позволяют датировать комплекс в имении Дузу позднее XIII в.

Использовались эти копья пешими воинами против конных. Показательно, что большинство подобных наконечников происходит из районов, для которых в XII–XIII вв. не характерны погребения воинов с лошадьми, находки их в районе Новороссийска, где подкурганые всаднические погребения этого времени в сопровождении захоронений лошадей хорошо известны, единичны.

Их прототипом могут являться известные в памятниках Восточного Причерноморья еще с эпохи Великого переселения народов наконечники: район Туапсе, могильник Сопино (Анфимов, 1980. С. 103-104. Рис. 10, б), Абхазия – Лар (Воронов, 1975. С. 90. Рис. 29, 11), могильник у известкового завода (Воронов, 2009. С. 470. Рис. 9, 5-6), а также в более позднее время: в комплексах IX в. могильника Дюрсо, р-н Новороссийска, в могильниках XI–XIV вв. Аджарисцкальского ущелья Западной Грузии (Крым..., 2003. Табл. 89, 44, 48; 126, 26). На наш взгляд, наконечники копий с подтреугольными упорами можно считать специфической особенностью комплекса вооружения населения Северо-Восточного Причерноморья XIII–XIV вв.

2. Наконечники дротиков пропеллеровидного сечения (рис. 1, 3).

В 2007 г. при раскопках адыгского подкурганного погребения Грузинка Хб-3/1 обнаружен наконечник дротика (Дружинина и др., 2010. С. 264-265). Длина наконечника – 22,1 см, длина пера – 13,5 см. Сечение: верхняя часть пера (6,7 см) – ромбовидная, наибольшая ширина данной части пера – 1,3 см. Ниже перо расковано, лопасти смещены относительно друг друга, сечение пропеллеровидное. Наибольшая ширина этой части пера – 3,3 см. Диаметр устья втулки: внешний – 2,4 см, внутренний – 2,05 см. Внутри втулки сохранился гвоздь (диаметр 3,5 мм) для крепления древка. Погребение датировано рубежом XVII–XVIII вв.

Аналогичные наконечники известны только на территории Северо-Восточного Причерноморья – в районе Сочи (Воронов, 1979. С. 107. Рис. 62, 20), Туапсе: могильники Свистунова щель, кк. 16, 19 (Беспалый, 2000), Бжид 2, кк. 5, 8 (Шишлов и др., 2003. С. 62, 65. Рис. 17, 1; 25, 1), Алепси (Голубев

³ А также Азаринского могильника, датированного В.А. Баранюком XIII–XIV вв., материалы которого еще ждут своей публикации (Голубев, 2012).

и др., 2013. С. 29-30), Геленджика: Церковная щель, к. 10 (Носкова, 1991). Абинская находка – единственная с территории Закубанья.

Могильник Свистунова щель датирован XIV–XVI вв. (Беспалый, 2000. Л. 19), Церковная щель – не ранее XVI–XVII вв. (Носкова, 1991. Л. 39), Бжид 2 – XVI–XVII вв. (Шишлов и др., 2003. С. 65). На наш взгляд, все эти памятники относятся к XVII–XVIII вв. и вместе с поздними погребениями могильника Грузинка X, в одном из которых выявлен наконечник дротика, объединены общими особенностями погребального обряда и инвентаря. Среди специфических признаков этих могильников – сложенные из галечника или песчаника 4-5-ярусные гробницы-крепиды, погребения на горизонте или в неглубоких ямах, перекрытые доской (Дружинина, 2010. С. 102-106). Помимо оригинальных наконечников дротиков пропеллерообразного сечения, состав погребального инвентаря этих могильников отличают бронзовые поясные бляхи-пафты (Дружинина, 2014), складные бритвы, турецкие курительные трубки. Для датировки данной группы памятников важными являются находки в курганах Бжид II и Церковная щель I шашек, известных на Северном Кавказе не ранее конца XVII в. Шашка выявлена и в погребении с дротиком могильника Алепси, датированного XVII–XVIII, не исключая XIX в. (Голубев и др., 2013. С. 29).

Наконечники дротиков с пропеллеровидным сечением являются специфическими образцами древкового метательного оружия адыгских «племен» Северо-восточного Причерноморья конца XVII–XIX вв.

Литература

- Алексеева Е.П., 1963. Материальная культура черкесов в средние века. (По данным археологии) // Тр. КЧНИИ. Вып. IV. Черкесск.
- Анфимов Н.В., 1980. Зихские памятники Черноморского побережья Кавказа // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.
- Армарчук Е.А., 2006. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.
- Беспалый Г.Е., 2000. Отчет о раскопках могильника «Свистунова щель 1» на трассе газопровода Россия-Турция в 2000 г. в Туапсинском районе Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р-1, № 24523.
- Воронов Ю.Н., 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.
- Воронов Ю.Н., 1979. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар.
- Воронов Ю.Н., 2009. Научные труды. Том II. Сухуми.
- Голубев Л.Э., 2008. Случайные находки предметов средневекового вооружения из окрестностей Сочи // АЖ. № II. Армавир.
- Голубев Л.Э., 2012. Новая находка позднесредневекового наконечника копья с треугольными выступами // Вопросы истории Поурупья. Материалы краевой научной конференции, посвященной 50-летию открытия и изучения Ильичевского городища. Вып. 1. Отрадная.
- Голубев Л.Э., Схатум Р.Б., Полицын Е.Б., 2013. Воинское погребение на реке Алепси в Туапсинском районе Краснодарского края // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Тезисы докладов. Сухум.

Археология Средневековья

- Горелик М.В.*, 2002. Армии монголо-татар. М.
- Дружинина И.А.*, 2010. Распространение ислама у адыгов Северо-Западного Кавказа (по материалам курганных могильников XVII–XVIII вв.) // ПИФК. № 3. М.; Магнитогорск; Новосибирск.
- Дружинина И.А.*, 2014. Погребение с пряжками-пафти из адыгского могильника Грузинка Ха // КСИА. Вып. 232. М. (в печати).
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Успенский П.С.*, 2010. Работы в Абинском районе Краснодарского края // АО-2007 г. М.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н.*, 2011. Адыги предгорий Северо-Западного Кавказа в XIV–XVIII вв. (по материалам курганных могильников среднего течения р. Абин) // ЭО. № 2. М.
- Иванова С.Н.*, 1997. О раскопках на «цитадели» крепости в устье р. Годлик // Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург.
- Миллер А.А.*, 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // Изв. ИАК. Вып. 33. СПб.
- Нарожный Е.И.*, 2006. Новые находки предметов средневекового вооружения с территории Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 6. Армавир.
- Носкова Л.М.*, 1991. Отчет о работе Приморского отряда Кавказской археологической экспедиции ГМИНВ в 1991 году. // Архив ИА РАН. Р-1, № 16039.
- Овчинникова Б.Б.*, 1997. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького (1987–1997 гг.) // Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург.
- Половинкина Т.В.*, 2006. Сочинское Причерноморье. Нальчик.
- Соков П.В., Хатинюк О.А.*, 2003. О двух случайных находках копий с территории Кубани // МИАСК. Вып. 2. Армавир.
- Шишлов А.В., Колпакова А.В., Федоренко Н.В., Кизинек Л.Н., Дмитрук В.В.*, 2003. Исследование курганного могильника Бжид 2 в 2001 г. // Исторические записки. Вып. 4. Новороссийск.

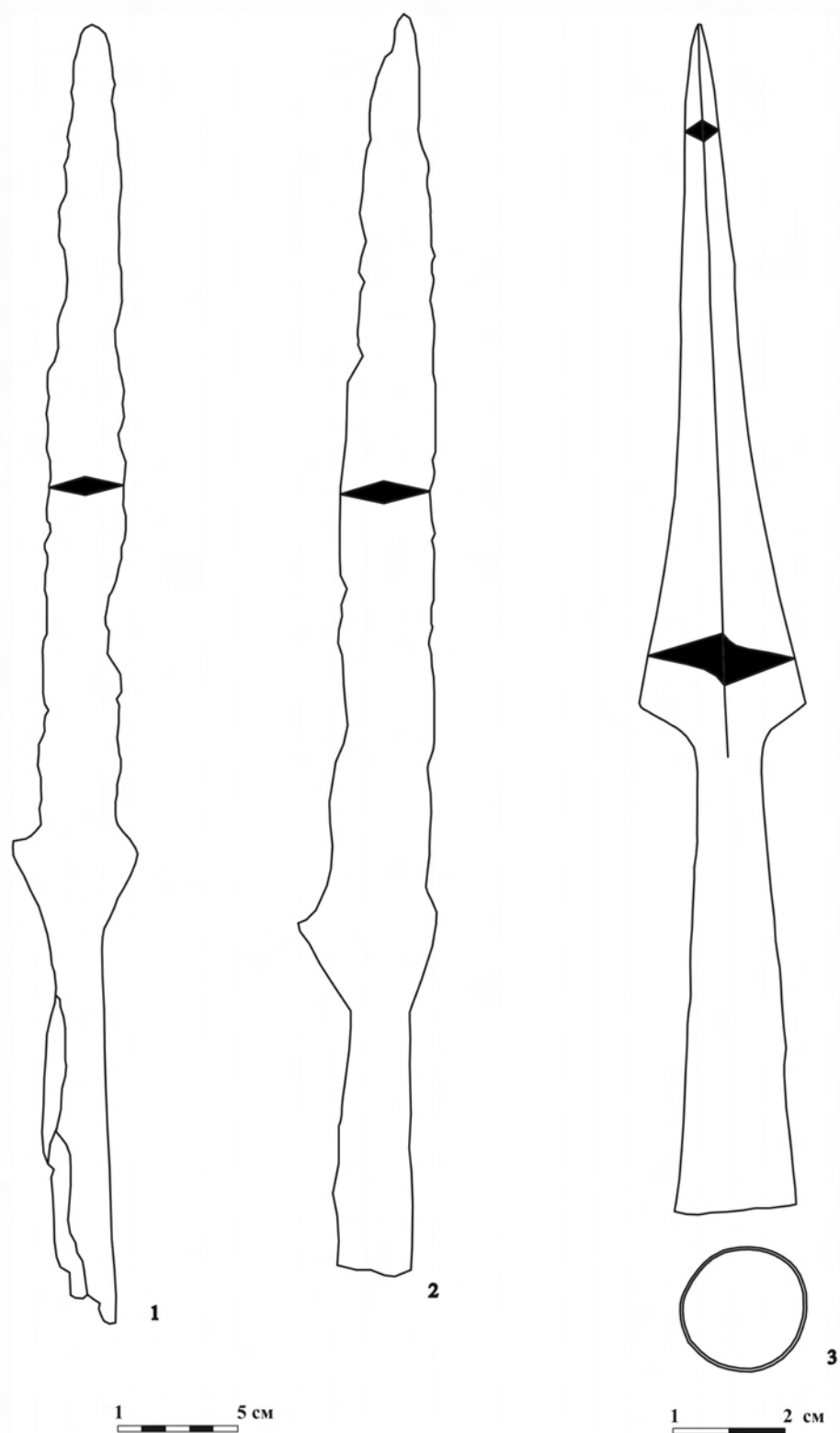

Рис. 1. Наконечники копий (1-2) и дротика (3) Северо-Западного Кавказа.

1-2 – с подтреугольными упорами у перехода втулки в перо (XIII–XIV вв.); 3 – пропеллеровидного сечения (конца XVII – XIX вв.)

Е.Ю. Ендольцева

Институт востоковедения РАН, г. Москва

СТЕЛЫ С 1-ГО ГОЦАТЛИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ: ИКОНОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

При охранных раскопках в зоне затопления строящейся Гоцатлинской ГЭС в 2013 г. были выявлены две стелы из известняка, украшенные орнаментами разных видов. Судя по описанию и опубликованным отрисовкам, это стелы антропоморфной формы «с выделенными плечиками и округлой или вытянутой верхней частью («головой»)» (см. статью З.Х.-М. Албеговой, Р.Г. Магомедова и А.И. Таймазова в настоящем издании, рис. 1). Система украшения стелы из постройки № 12 может быть условно разделена на две части. В верхней изображены пять розеток в виде линий, исходящих от центра, на фоне S-образных узоров с высверленными углублениями на концах. В нижней части представлена розетка вышеуказанного типа посреди пересекающихся под прямым углом лент в две полосы, образующих орнамент типа простой «решетки». Верхняя и нижняя части отделены друг от друга полосой орнамента типа «птичий след», окаймленного с двух сторон волнообразными линиями. Завершают композицию S-образные узоры с высверленными углублениями на концах.

На лицевой стороне стелы из постройки № 13 вырезан ленточный орнамент. В центре верхней части – четырехлепестковая розетка, обрамленная косыми насечками типа «жгут». Этот узор вписан в окружность из переплетающихся петелек, составленных из ленты в три и четыре полосы. Такая же цепь обрамляет левый (сохранившийся) край нижней части стелы. Ее основное поле занято диагональными пересекающимися линиями, составленными из лент плетения в две полосы, которые образуют «решетку».

Среди ближайших географических, типологических и, судя по всему, функциональных аналогий необходимо отметить группу памятников, в которую входят орнаментированные с одной стороны каменные мемориальные плиты. Как отмечает П.М. Дебиров, по форме все плиты этой группы похожи. Они имеют как бы «головку и плечики» (Дебиров, 1966. С. 31). При этом все выявленные до сих пор плиты сохранились лишь во фрагментарном состоянии, будучи обнаруженными на случайных местах в кладках стен зданий в аварских селениях Дагестана (Дебиров, 1966. С. 31). Как и стела из постройки № 13, все выявленные резные камни этой группы украшены ленточным орнаментом типа «плетенки». К примеру, в реконструированную композицию памятника из с. Согратль Гунибского р-на (Дебиров, 1966. Рис. 54; Тахнаева, 2004. С. 121) (рис. 1) входит дискообразная фигура (верхняя часть плиты) и плотная сеть «плетенки» (нижняя трапециевидная часть). Дискообразная фигура с розеткой по центру в верхней части композиции угадывается также на фрагментах плит из некоторых селений Гунибского р-на: с. Корода (Дебиров, 1966. Рис. 55), с. Коммуна (Дебиров, 1966. Рис. 60), с. Кулла (Дебиров, 1966. Рис. 59). Дискообразная фигура без розетки по центру видна на фрагменте из с. Дусрах Чародинского р-на (Дебиров, 1966. Рис. 61, а, б). Фрагмент, украшенный орнаментом типа «решетка», практически идентичным узору, вырезанному на нижней части стелы из постройки № 13, выявлен, к примеру, в с. Телетль Шамильского р-на (Дебиров, 1966. Рис. 56). В вышеупомянутой группе, как отмечает П.М. Дебиров, нет датированных памятников. Па-

раллели для их орнамента встречаются в архитектурном декоре грузинских храмов X-XII вв. Что же касается их функции, то «мемориальные плиты, аналогичные по форме и характеру декора описанным, бытовали в Грузии в X-XI вв. Они ставились на «священных местах», там, где раньше были языческие капища, а также использовались как пограничные знаки. Такие плиты служили часто предметом поклонения» (Дебиров, 1966. С. 32). Таким образом, выявленные стелы являются первыми из памятников вышеописанной группы, найденными *in situ* (что может существенно скорректировать информацию по поводу их функции). Кроме того, датировка этих памятников, полученная в результате археологических изысканий, подтверждается данными иконографического анализа вырезанных на них орнаментов.

Возвращаясь к анализу некоторых элементов орнамента, украшающего стелы, отметим, что S-образные линии с высверленными углублениями на концах на верхней части стелы из постройки № 12 напоминают, как кажется, лаконичный растительный орнамент, украшающий боковые грани деревянных столбов в мечети из с. Рича, которые датируются П.М. Дебировым XI-XII вв. (1966. Рис. 73, а, з). Предполагаемое сходство не противоречит мнению С.О. Хан-Магомедова (2001. С. 190), который считал эти столбы, как и аркаду галереи, арочные проемы, силуэт минарета, выполненными в ходе капитальной перестройки мечети в XVIII-XIX вв. Ведь новые столбы могли копировать первоначальные. В этом случае, орнамент верхней части стелы из постройки № 12 можно интерпретировать как схематичный вариант орнамента типа «вьюн» с вписанными в завитки розетками.

Отдельные элементы декора рассматриваемых стел в изобилии встречаются в архитектурной пластике Армении, Грузии и восточной Турции указанного периода. Для примера отметим лишь некоторые. Так, из Армении (с территории, прилегающей к часовне Маштоца IX-XIII вв. в Гарни), происходит фрагмент плиты, напоминающий орнамент нижней части («решетка») стелы из постройки № 12 (Петросян, 1988. Табл. VI. 3), а также надгробная плита с лопастными розетками (Петросян, 1988. Табл. XIII). Похожий орнамент типа «решетка» встречается также в нижней части хачкара, вмонтированного в стену коридора, ведущего в притвор кн. Папака и Рузукан (1288 г.) в монастыре Гегард (Токарский, 1961. С. 295-300). Розетки с расходящимися от центра линиями можно видеть на портале церкви Лусаворич (ок. 1237 г.) в монастыре Нор-Гетик (Токарский, 1961. Табл. 70).

На территории Грузии особенное распространение получил ленточный орнамент. Так, например, орнамент, составленный из ленты плетения в две полосы, встречается на храме в Надарбазеви (X в.) (Аладашвили, 1977. Ил. 67. С. 71), в обрамлении окна восточного фасада храма в Кумурдо (X в.) (Аладашвили, 1977. Ил. 74. С. 79) или на восточном фасаде храма в Никорцминде (XI в.) (Аладашвили, 1977. Ил. 148. С. 149).

В этот же временной отрезок укладываются фрагменты сходных орнаментов, происходящих из церквей на территории Турции: дискообразная фигура, вставленная в кладку южного фасада церкви Ени-Рабат (*Djobadze*, 1992. Pl. 100), «вьюн» с розетками из обрамления окна на южном фасаде храма в Ошки (*Djobadze*, 1992. Pl. 168), ленточный орнамент с южного фасада собора в Хахули (*Djobadze*, 1992. Pl. 201) и многие другие.

Археология Средневековья

В целом, отдельные элементы украшения стел (к примеру, ленточный орнамент в две и три полосы плетения, «вьюн» с розетками и др.) получают распространение в архитектурной пластике на территории всей Византийской империи, особенно в период правления так называемой Македонской династии (*La sculpture byzantine*, 2008. Fig. 10. P. 32 ; Pl. 11. P. 79; Abb. 3. P. 117; Fig. 13. P. 137; Fig. 16. P. 157; Fig. 18. P. 158; Fig. 1. P. 194 etc.).

Литература

- Аладашвили Н.А.. 1977. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V-XI вв. М.
- Дебиров П.М.. 1966. Резьба по камню в Дагестане. М.
- Петросян Г.А.. 1988. Гарни в IX-XIV вв. Ереван.
- Тахнаева П.И.. 2004. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII-XVI вв.). Махачкала.
- Токарский Н. М.. 1961. Архитектура Армении в IV – XIV вв. Ереван.
- Хан-Магомедов С.О.. 2001. Агульская архитектура. Архитектура Дагестана. Вып. 4. М.
- Djobadze W.. 1992. Early medieval Georgian monasteries in historic Tao, Klarjeti and Savseti. Stuttgart.
- La sculpture byzantine VII-XII siècles*, 2008. Actes du colloque international organisé par la 2 Ephorie des antiquités byzantines de l'Ecole française d'Athènes (6 – 8 septembre 2000). Athènes.

Рис. 1. Мемориальная плита из с. Согратль Гунибского р-на (полевая зарисовка, реконструкция). По: Дебиров, 1966. Рис. 54

Ю.В. Зеленский

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар

ДОНСКИЕ И ПРЕДКАВКАЗСКИЕ ПОЛОВЦЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Русские историки приступили к изучению истории половцев в XVIII – начале XIX вв., и первые труды были посвящены взаимоотношению Руси и кочевников. Эти взаимоотношения характеризовались как враждебные.

Прежде всего, взаимоотношения русских князей с донскими половцами рассматривались В.Н. Татищевым, Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьевым, Н.И. Костомаровым, В.О. Ключевским в обобщающих трудах по русской истории. В конце XVIII в. В.Н. Татищев, а в начале XIX в. – Н.М. Карамзин, рассматривая походы русских князей против половцев в начале XII в., основное внимание уделили «крестовому» походу 1111 г. против донских половцев. Этнополитическая и социально-политическая история кочевников В.Н. Татищевым и Н.М. Карамзиным не исследовалась. Походы против донских половцев в XIX в. описывали С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров. В это время историки при описании походов опирались на летописные свидетельства. С.Ф. Платонов полагал, что постоянные набеги, совершаемые донскими половцами, способствовали утрате русскими Тмутаракани.

П.Г. Бутков, рассматривая изгнание сына Андрея Боголюбского Юрия из пределов Владимиро-Суздальского княжества, а затем пребывание его в половецких степях и в Грузии, полагал, что русский князь жил среди половцев либо на Дону, либо на Северном Кавказе, поставив Дон на первое место. Впоследствии возобладала точка зрения, что он жил на Северном Кавказе в городе Сунджа во владениях хана Севенджа.

Н.О. Аристов рассматривал историческую географию Половецкой земли. Особое внимание было уделено донским половцам, прежде всего местоположению их городов Шаруканя, Сугрова и Балина. Во время раскопок на территории Кубанской области В.А. Беренштамом и Н.И. Веселовским были открыты половецкие погребения золотоордынского времени. Однако на момент раскопок исследователи ничего не писали об этнической принадлежности этих захоронений.

П.В. Голубовский в своей монографии «Печенег, тюрки и половцы до нашествия татар», уделив внимание рассмотрению этнополитической истории половцев, главным образом проанализировал взаимоотношения половцев с Киевской Русью и древнерусскими княжествами XII–XIII вв. Он писал о походах русских князей против донских половцев. Упомянув, что половцы кочевали в прикубанских степях, исследователь, тем не менее, опроверг существовавшую тогда гипотезу о том, что куманы (половцы) получили свое название по р. Кубани (с заменой буквы м на б). П.В. Голубовский справедливо отметил, что берега Кубани не были основным местом обитания половцев.

Такие историки как С. Баратов, Ф. Жордания, М.Г. Джанашвили исследовали также различные аспекты пребывания донских половцев в Грузии. При этом роль кочевников в истории Грузинского царства часто преувеличивалась. М.Г. Джанашвили совершенно необоснованно называл Атрака главнейшим из кипчаков.

Археология Средневековья

Известный кубанский историк Ф.А. Щербина в первом томе «Истории Кубанского казачьего войска» изложил древнюю и средневековую историю Кубани. Касаясь событий XI-XIII вв., он упомянул, что половцы оставили более значительный след в Предкавказье, чем печенеги. Это действительно так, поскольку в Предкавказье до сих пор открыто всего два печенежских погребения и около ста половецких. Ф.А. Щербина считал, что половцы кочевали, прежде всего, на Тамани, но это мнение ошибочно, так как говорить об их постоянном присутствии здесь нельзя. Ссылаясь на П. Бурачкова, Ф.А. Щербина довольно уверенно заявил, что каменные изваяния на Кубани были сооружены именно половцами.

В.Г. Ляскоронский предположил, что предкавказские половцы защищали границы степи от вторжения кавказских народов. Но непонятно о каких границах степи идет речь, их просто не было, и к тому же кавказские народы вряд ли стремились вторгнуться в степь.

При рассмотрении истории донских и предкавказских половцев до-революционный период в русской историографии можно назвать временем собирания материала. Основное внимание историками уделялось изучению русско-половецких войн, другим контактам Киевской Руси с половцами. История собственно половецких племен практически не рассматривалась.

Э.Д. Зиливинская

Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

**СКЛЕПЫ-МАВЗОЛЕИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ,
ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА.
(ГИПОТЕЗА ГЕНЕЗИСА)**

Склепы-мавзолеи известны, в основном, в Нижнем Поволжье. Они в большом количестве встречаются на территории Селитренного городища, а также в его округе. Эти склепы представляют собой постройки, сложенные из обожженного кирпича вторичного использования. Нижняя их часть, обычно квадратная или прямоугольная в плане, находилась в специально вырытом котловане. Стены постепенно переходили в полусферический купол, который полностью или частично возвышался над землей. В прошлые времена эти купола жители называли «каменными кибитками» или «выходами» (*Малиновский*, 1892. С. 14; *Спицын*, 1893. С. 83-86; *Баллод*, 1923. С. 31, 32, 45, 46. Табл. 16). Многие из этих построек дожили до наших дней.

В большом количестве купольные склепы-мавзолеи исследованы при раскопках городища Сарайчик в Западном Казахстане (*Бисембаев*, 2010. С. 202-215). По некоторым данным на небольшой площади находилось около 130 подобных сооружений (*Скисов*, 2011. С. 269). Авторы исследований относят эти склепы к ногайско-казахскому периоду, то есть к XV-XVI вв.

На Северном Кавказе на городище Верхний Джулат исследовано несколько склепов сходной конструкции. Один из склепов находился на христианском кладбище недалеко от церкви № 4. Он состоял из квадратной в плане погребальной камеры и дромоса. При помощи арочных тропов квадрат переходил в круг, и перекрывался полусферическим куполом. (*Кузнецов*, 2003. С. 145-146).

Еще два склепа находились внутри христианских храмов под алтарями. (*Крупнов*, 1963. С. 54-56. Рис. 8-9; *Кузнецов*, 2003. С. 133-139). По своей структуре склепы внутри христианских церквей и на христианском кладбище в Верхнем Джулате практически идентичны мусульманским склепам-мавзолеям Нижнего Поволжья и Западного Казахстана. Склеп в церкви № 1 был назван Е.И.Крупновым криптой – подалтарной усыпальницей (*Крупнов*, 1963. С. 54). Однако В.А. Кузнецов отмечает, что крипты подобной конструкции в христианских церквях не известны, и в европейской католической архитектуре крипты располагаются не только под алтарем, но и под всем зданием. Исследователь видит в архитектурных формах этих сооружений восточные корни (*Кузнецов*, 2003. С. 133).

Купольные склепы-мавзолеи представляют собой довольно интересные архитектурные сооружения. Подобные склепы в качестве подземных или полуподземных погребальных камер под мавзолеями хорошо известны в различных частях мусульманского Востока. Распространение их столь широко, что не имеет смысла приводить аналогии. Но в качестве самостоятельных погребальных построек они известны пока только в Западном Казахстане и на Нижней Волге.

По поводу появления склепов-мавзолеев на Нижней Волге и их датировки у исследователей нет единого мнения. Все они сходятся только в том, что эти сооружения относятся к самому позднему строительному горизонту, то есть к тому времени, когда город прекратил свое существование, и на его месте возникли некрополи. Е.М. Пигарев, анализируя обряд захоронения собак рядом с людьми в купольных склепах, считает, что данный ритуал появился в XV в. с приходом на Нижнюю Волгу кочевников-ногайцев с территории степного Предкавказья.

Наиболее полный и подробный разбор всех аспектов, связанных с подобными склепами на Нижней Волге содержится в работе С.Ю. Скисова (*Скисов*, 2011. С. 266-270). Автор приходит к выводу, что обряд захоронения в склепах появляется

Археология Средневековья

на Нижней Волге во второй половине XV в. в связи с переселением части населения Мангытского Юрта их окрестностей Сарайчика, где такие погребальные сооружения существовали и до этого. Сам обряд семейного захоронения автор выводит из Средней Азии (Скисов, 2011. С. 270). Исследователь считает, что пришлое население хорошо владело строительными навыками и являлось оседлым или полuosедлым (Скисов, 2011. С. 268). Здесь присутствует явное противоречие. Мангыты, а в последствии ногайцы, вели преимущественно кочевой образ жизни и никогда не были искусными строителями. Ареал расселения мангытов в XIV-XV вв. достаточно велик, по крайней мере, в него входит весь Западный Казахстан от Урала до Эмбы (Трешалов, 2002. С. 54-55), однако, склепы-мавзолеи этого времени встречаются только в Сарайчике и на Нижней Волге (в окрестностях Сарая). Объяснить этот факт вполне возможно: именно здесь, в крупных городах, но уже пришедших в запустение было много строительного материала и оставалось население, сохранившее навыки строительства монументальных зданий. Все известные нам подземные склепы возведены из кирпичей вторичного использования, но при строительстве применяются довольно сложные приемы, такие как использование парусов и тромпов. В то же время единообразные по своей архитектуре погребальные сооружения отличаются в деталях. В частности переход к куполу может быть осуществлен при помощи ложного свода, простых или консольных парусов, арочных тромпов с полуциркульным или стрельчатым завершением. Вероятнее всего, мангыты или ногаи были только заказчиками строительства купольных погребальных сооружений. Непосредственными исполнителями были местные мастера, возводившие их несколько по-разному, в зависимости от размеров постройки и собственного умения.

Также необходимо объяснить присутствие склепов подобной конструкции на Северном Кавказе. Здесь они появляются гораздо раньше. Е.И. Крупнов датировал церковь № 1 Верхнего Джулата с подземной «криптой» концом XII – началом XIII вв. (Крупнов, 1963. С. 65). Однако, несомненно, более верна датировка В.А. Кузнецова, который относит все кирпичные постройки Верхнего Джулата к XIV в., а именно к его первой четверти (Кузнецов, 2003. С. 135). Весьма интересно и то, что здесь склепы, идентичные нижневолжским и западноказахстанским, известны пока только в христианских памятниках, но они также имеют восточное происхождение.

Суммируя все факты можно высказать гипотезу о генезисе погребальных сооружений данного типа. По мнению В.А. Кузнецова, церкви Верхнего Джулата должны были обслуживать местное алано-асское население, принявшее христианство в начале X в. и продолжавшее исповедовать его в золотоордынский период (Кузнецов, 2003. С. 149). Церкви, в которых находились склепы, были мемориальными постройками над погребениями аланской духовной и светской элиты (Кузнецов, 2003. С. 157). Д.В. Белецкий и А.Ю. Виноградов обратили внимание на то, что по своим размерам и устройству верхнеджулатские склепы напоминают аланские катакомбы и более поздние горские склепы (Белецкий, Виноградов, 2011. С. 267). Конструктивно христианские склепы Верхнего Джулата близки погребальным камерам под мусульманскими мавзолеями. Таким образом, можно предположить, что они были созданы по заказу аланских ктиторов руками азербайджанских или среднеазиатских мастеров, строивших церкви, по образу и подобию аланских катакомб.

Мангыты, входившие в вилайет Мамай, после его разгрома, переселились на Кубань и в долину Терека. Существуют различные письменные свидетельства, легенды и предания, которые повествуют о пребывании «крымцев» в долине Терека в конце XIV-начале XV вв. В частности, ряд исследователей связывает второе название Верхнего Джулата – Татартуп именно с этими группами татар (Трешалов,

Археология Средневековья

2002. С. 58-62). Таким образом, погребальные постройки в виде подземных склепов могли быть принесены и внедрены в ногайскую среду асами, вошедшими в состав ногайского объединения. В дальнейшем они трансформировались в мусульманские мавзолеи и распространились в Западный Казахстан и Нижнее Поволжье.

Косвенным подтверждением последнего предположения может служить антропологическое исследование черепов из склепа Нижнего Джулата. В этом склепе, построенном позже, но также, вероятно, среднеазиатскими строителями были найдены европеоидные (аланские) черепа и черепа южносибирского типа, принадлежащие ногайцам или их предкам (Алексеев, 1967. С. 177-182), а вокруг этого места вплоть до XVIII в. существовал обширный некрополь с ногайскими погребениями (Klaproth, 1812-1814. Bd. I. S. 430, 539; Bd. II. S. 359).

Конечно, пока предложенная гипотеза о генезисе склепов-мавзолеев этого типа, не может быть достоверно доказана. Можно согласиться с В.Г. Рудаковым, который считает, что вопрос истоков данной строительной традиции еще далеко не решен, и требует дополнительных материалов (Рудаков, Мазур, 2011. С. 148).

Литература

- Алексеев В.П., 1967. К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии // Уч. зап. КБНИИ. Т. XXV. Нальчик.
- Баллод Ф.В., 1923. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. (Результаты археологических работ летом 1922 года). Казань.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю., 2011. Нижний Архыз и Сенты: древнейшие храмы России. М.
- Бисембаев А.А., 2010. Кочевники средневековья Западного Казахстана. Актобе.
- Крупнов Е.И., 1963. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА № 114. М.
- Кузнецов В.А., 2003. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ.
- Малиновский К.Н., 1892. Отчёт о поездке в село Селитренное (Княжевской волости, Енотаевского уезда), летом 1888 года члена Общества К.Н. Малиновского // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань.
- Пигарев Е.М., 2008. Погребения в склепах гурхана Селитренного городища (по материалам раскопок 2004-2005 гг.) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М.
- Рудаков В.Г., Мазур А.Д., 2011. Полуподземный купольный склеп под жилым домом в селе Селитренном // От палеолита до средневековья. Сборник научных трудов памяти Г.А. Федорова-Давыдова. М.
- Спицын А.А., 1895. Отчёт о поездке члена Археологической комиссии А.А. Спицына летом 1893 г. на Жарёный бугор и некоторые приволжские золотоордынские города // ОАК 1893 г. СПб.
- Скисов С.Ю., 2011. Курхана на Нижней Волге // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Федорова-Давыдова. 2-6 октября 2011 г. Казань; Астрахань.
- Трепавлов В.В., 2002. История Ногайской Орды. М.
- Klaproth J., 1812-1814. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Bd. I, II. Halle u. Berlin.

С.Х. Исаев

Центр археологических исследований АН ЧР, г. Грозный

НАДМОГИЛЬНЫЕ КАМНИ (ЧУРТЫ) С ПЕТРОГЛИФАМИ ИЗ ГОРНОЙ ЧЕЧНИ

Петроглифы Чечни стали изучаться еще в конце XIX века. Впервые на них обратили внимание, первые исследователи археологических памятников Чечни Н.С. Семенов и В. И. Долбежев (ОАК, 1888).

Позднее ими также занимались В.Ф. Миллер, И.П. Щерблякин, М. Акбулатов, Л.П. Семенов, Б. Плечке, Е.И. Крупнов. Особенно усилился интерес к петроглифам с конца 50-х годов, начиная с В.И. Марковина, А.А. Исламова, В.Б. Виноградова, И.Д. Магомадова, В.П. Кобьчева (Смирнова, 1979). Позже работу по изучению петроглифов продолжили Р.М. Даутова, М.Б. Мужухоев, Д.Ю. Чахкиев, Р.Д. Арсанукаев, Л. Ильясов, М. А. Тангиев.

В результате был собран значительный петроглифический материал из большинства горных районов Чечни. Эти знаки довольно часто встречаются на каменных блоках башен, склепов, реже – на надмогильных камнях-стелах. (Арсанукаев, 2002) Если быть точнее, большинство известных петроглифов Чечни – это изображения с башен и склепов, в то время как чуртов с петроглифическими изображениями в Чечне опубликовано всего лишь два – это стела-чурт в селении Пакоч, на котором изображены двойная спираль, перекрещенный ромб, круг с радиусами, наконечник стрелы с тремя шипами и лежащая мужская фигура (Марковин, 1963), и вторая – это плита крестовидной формы, обнаруженная у селения Тундухой, близ местечка Буни, лицевая сторона которой украшена петроглифами (Марковин, 1979).

География распространения петроглифов в Чечне обширна. Она охватывает ущелья рек Хулхулау, Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна, Гехи, обширные зоны вокруг высокогорных озер Кезеной и Галанчоуж. (Тангиев, 2010).

В 2007 г. автор обнаружил в верховьях р. Чанты-Аргуна три чурта с петроглифами.

Первый чурт был найден в местечке Тас-Гут у села Тазбичи в к востоку от с. Итум-Кали. Стела лежала на обочине дороги. По свидетельству местных жителей, плиту извлекли из земли при ремонтных работах на дороге в 1999 г., при которых было разрушено несколько раннемусульманских погребений. Верхняя часть чурта вытесана из камня в форме человеческой головы. Размеры стелы: длина – 1.30 м; толщина – 0.10 м; ширина – у основания 0.26 м, в центральной части 0.24 м, в области «плеч» 0.30 м, в области «шеи» 0.17 м, головная часть 0.28 м.

Форма чурта достаточно типична, но интерес к этой стеле заключен в том, что петроглифы нанесены на лицевую и тыльную стороны плиты, в то время как на других известных плитах изображения нанесены только на одной стороне камня.

На лицевой стороне головной части видно условное изображение лица человека, от макушки которого вниз идут четыре линии, по две с каждой стороны. На уровне «шеи» эти линии перекрещиваются, образуя изображение, наподобие перевязанного платка и далее по контуру плиты опускаются до основания стелы. Ниже уровня «плеч» и до основания эти линии пересекаются короткими по 4 см отрезками через 5 см, образуя рисунок, напоминающий лестницу.

От точки пересечения линий вниз прочерчен луч, соединяющийся с солярным знаком, выполненным в виде колеса с шестью радиусами. Под колесом изображен тонкий полумесяц, концами обращенный вверх. Ниже, в центре плиты, изображение кисти руки с направленными вверх пальцами, под которым расположено второе колесо с шестью радиусами.

Археология Средневековья

На тыльной стороне плиты, в области «головы» находится солярный знак, идентичный двум другим на лицевой стороне. В центральной части стелы петроглиф, образованный тремя прямоугольниками помещенными друг в друга, в центральном прямоугольнике по диагонали пересекаются два луча, образуя крест (рис. 1, 1, 2).

Само место, где была найдена эта плита, ранее являлось культовым (название местности Тас-Гут I переводится как святой холм-курган). Поэтому стела, возможно, является идолом, о чем свидетельствует и наличие большого количества петроглифов.

Второй чурт обнаружен в местности Верхние Оышни, в ущелье реки Бара, примерно в одном километре к юго-востоку от Моцороя, на раннемусульманском кладбище. Размеры плиты: высота – 1.70 м, ширина – 0.50 м, и толщина – 0.14 м. Плита с ровными краями завершается сверху острым углом.

В верхней части чурта рисунок в виде буквы Ж. Ниже изображен лук со стрелой, направленный вверх, под которым изображение руки с пальцами, направленными также вверх. Чуть выше от центральной части плиты изображены три петроглифа в виде скоб, один с концами, обращенными кверху, два других горизонтальных с концами, обращенными к краям стелы. Еще ниже петроглиф – триквестр в виде круга с тремя лучами, загнутыми вправо. В нижней части чурта помещено изображение мужчины (рис. 1, 3).

Третий чурт был обнаружен в местности Нижние Оышни, в 300 метрах к северо-западу от вышеописанного. Данный чурт так же расположен на кладбище, на крутом склоне горы. Размеры чурта: высота – 1.40 м, ширина – 0.50 м, толщина – 0.12 м плита с ровными краями, с немного закругленным верхом.

В верхней части чурта петроглиф, П-образно обрамляющий верхнюю часть плиты, выполненный из двух параллельных линий соединенных 28 поперечными лучами. Внутри его расположены четыре знака в виде скоб, с концами направленными наружу – они вместе образуют крест. У левого нижнего конца П-образного петроглифа изображен наклоненный влево небольшой крест. В центре плиты находится изображение мужчины с заряженным луком в руке, направленном вправо. Под лучником изображена кисть руки с пальцами книзу, а под луком расположено изображение второго мужчины с двумя точками под руками, под которым левосторонний триквестр в виде круга с тремя лучами. В нижней части чурта – два квадрата (рис. 1, 4).

Датировка подобных памятников проблематична из-за малочисленности материалов. В.И. Марковин, проанализировав результаты раскопок и фольклора, сопоставил их с аналогичными памятниками Азербайджана и Дагестана и датировал чурт в Пакоче XVII – началом XVIII в. (Марковин, 1963), а чурт из Тундухоя XVI в. (Марковин, 1979). Полагаем, что и публикуемые стелы можно датировать XVII-XVIII вв.

Литература

Арсанукаев Р.Д., 2005. Чеченские петроглифы. Париж.

Марковин В.И., 1963. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргун // Древности Чечено-Ингушетии. М.

Марковин В.И., 1979. Археологические памятники чеченского исторического общества Чаберлой // Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.

ОАК, 1888. Отчет Императорской археологической комиссии за 1882–1888 гг. СПб.

Смирнова Г.Р., 1979. Кобанские аналогии некоторых петроглифов Чечено-Ингушетии // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный.

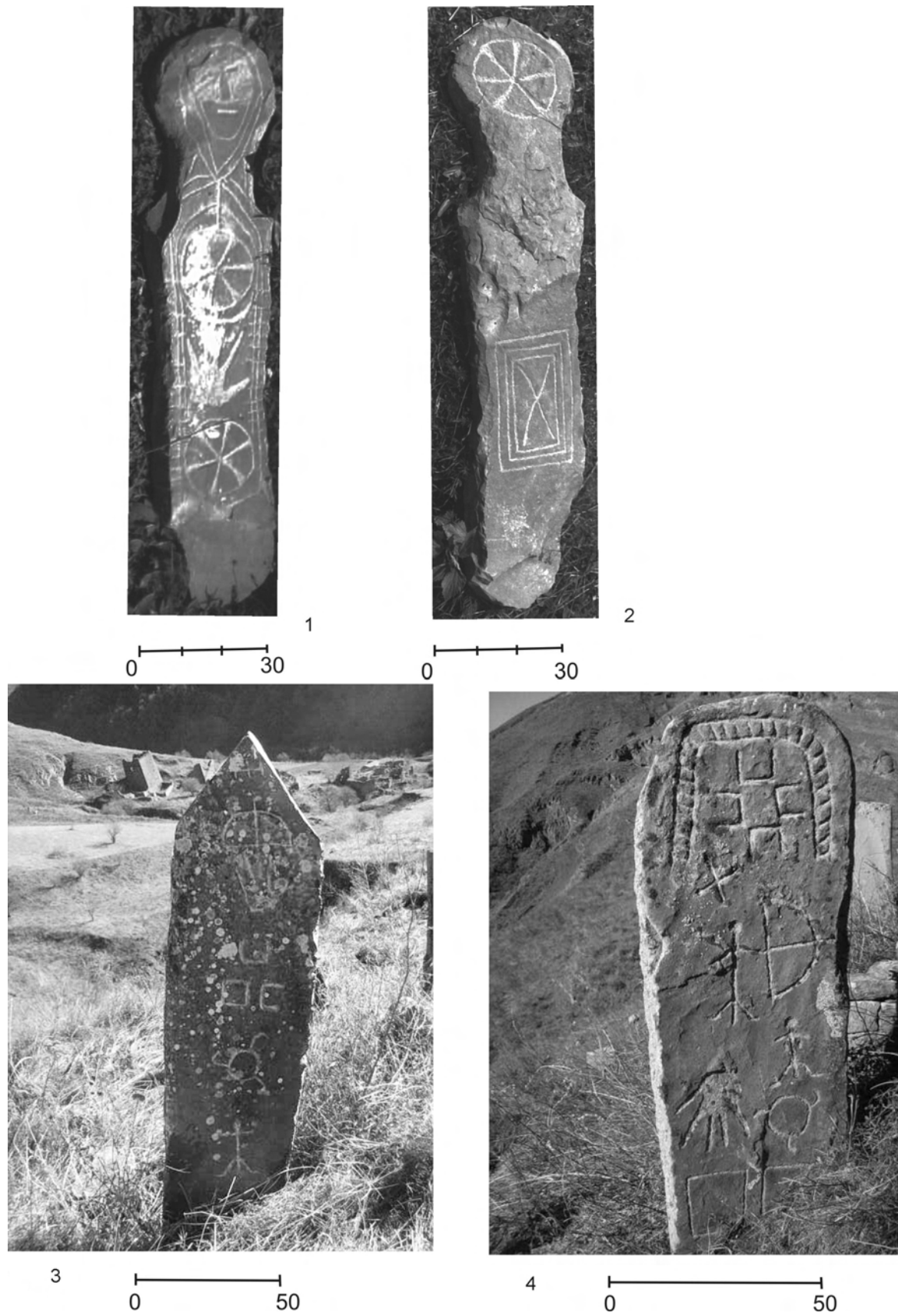

Рис. 1. Чурты из Горной Чечни.
1-2 – Тас-Гут; 3 – Верхние Оьшни; 4 – Нижние Оьшни

А.А. Кадиева

Государственный исторический музей, г. Москва

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС, ВКЛЮЧАЮЩИЙ ПОЯС С
ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ФАНТАСТИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ, ИЗ МОГИЛЬНИКА
ПЕСЧАНКА В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ НАЛЬЧИК (РАСКОПКИ И.А.
ВЛАДИМИРОВА)

Материал из могильника Песчанка (верховья р. Нальчик, Кабардино-Балкария) благодаря выразительности вещевого материала, а также высокому качеству иллюстраций автора раскопок И.А. Владимирова, прочно вошел в научный оборот и неоднократно использовался как опорный памятник для построения хронологических схем древностей Восточной Европы предсалтовского времени.

Однако существенным недостатком первой публикации была фрагментарность приведенного материала, в связи с чем доступными широкому кругу исследователей оказались только отдельные предметы, а не полный состав комплексов, что, разумеется, не вносило ясности в понимание памятника. Данная работа призвана ввести в научный оборот хранящиеся в Государственном Историческом музее предметы из катакомбы 5 могильника Песчанка, являющейся наиболее богатым комплексом некрополя. Погребальный инвентарь представлен следующими категориями предметов:

Керамика. Два кувшина, не поступившие в Исторический музей. Тулово обоих сосудов яйцевидной формы и, по крайней мере, у одного из них, наблюдается выделенный слив. У головы погребенной 1 было найдено два сосуда: кувшин без слива и кувшинчик-кружка с битрапиевидным расширенным в нижней части туловом, снабженным ручкой, схематично изображающей животное. Еще одна черноглиняная кружка была найдена в ногах погребенной 2.

Золотая монета императора Юстина II (565 – 578 гг.) обнаружена на груди костяка 2, среди бус.

Серьги проволочные золотые были обнаружены у головы костяка 2. На одной из серег сохранилась жемчужная напускная бусина, аналогичная которой, вероятно, когда-то украшала и вторую.

Двучастная застежка, инкрустированная стеклами, представляет собой две подквадратных пластины, украшенных вставками из зеленого стекла и снабженных перегородками, между которыми, очевидно, также находились вставки. Пластины соединены перемычкой, на которой изображена голова барана. Рога барана обрамляют гнездо утраченной вставки.

Пояс, надетый на погребенную 1 (рис. 1), представлен двумя обрывками кожи с остатками тисненых бляшек, наконечником и пряжкой из медного сплава. Основа пояса представляет собой полосу кожи, согнутую по краям. Практически полностью сохранилась только одна из бляшек, однако сохранность остальных позволяет говорить, что все они идентичны. Внутри бордюра изображено фантастическое животное со звериным телом и птичьей головой на длинной тонкой шее, развернутой вправо. На наконечнике изображен крылатый зверь, терзающий существо с головой копытного животного и рыбьим туловищем. Пряжка пояса цельнолитая с овальной рифленой рамкой, овальным щитком и плоским язычком. На щитке изображение змеевидного фантастического животного.

Археология Средневековья

Тисненая серебряная бляшка, найденная при просеивании земли, имеет полукруглую форму. В центре бляшки изображено человеческое лицо. Оставшееся пространство занято изогнутыми линиями, отдаленно напоминающими изображения птиц.

Фибулы. Эта категория предметов представлена тремя экземплярами. Согласно отчету И.А. Владимирова, все фибулы были найдены на груди костяков, одна у первого, две – у второго.

Вытянутая пластина, орнаментированная полушариями и пунсонным орнаментом, была найдена у пояса погребенной 2. Пластина украшена орнаментом из скрещенных линий, образованных точечным узором, оттиснутым с внутренней стороны пластины.

Гривна сделана из витого дрота с застежкой в виде двух крючков.

Амулеты. Всего в погребении было обнаружено четыре амулета. Все они, кроме одного, относились к погребенной 1. Два из них колесовидные с внутренним кольцом, четырьмя тяжками и подпрямоугольными внешними ушками. В одном случае внутреннее кольцо имеет округлую форму, в другом – форму ромба. Кольцевидный амулет с семью выступами и одним коррозированным выступом, возможно, служившим ушком для подвешивания. Еще один амулет изображает всадника, развернутого влево. Возможно, в роли амулетов выступали два пластинчатых кольца, найденные на груди второго костяка. Предметы представляют собой узкую бронзовую пятиугольную в сечении пластину, согнутую в кольцо и скрепленную заклепками. Поверхность колец покрыта точечным пунсонным орнаментом.

Стеклянные перстни (5 экз.) на груди костяка 2. Учитывая, что погребенные были захоронены со скрещенными на груди руками, вероятно, перстни были надеты на пальцы. Стекло перстней темное (черное).

Браслетов в погребении обнаружено пять. Два из них с зауженными неорнаментированными концами, один с елочным орнаментом на концах и один с геометризированными звериными головками.

Пятый браслет представляет собой поздний вариант браслетов с концами, расплюснутыми в виде лопастей. На лопасти и прямоугольное расширение спинки нанесен пунсонный орнамент, имитирующий змеиную кожу.

К *туалетным принадлежностям* можно отнести туалетный набор, найденный у пояса костяка 2. Набор состоит из витого стержня, загнутого на конце, и туалетной ложечки также с витым стержнем. Оба предмета крепятся к цепочке из S-образных звеньев. В эту же категорию следует включить зеркало из белого сплава, найденное около головы костяка 2.

В погребении находились два *бубенчика*, установить принадлежность которых к определенному костяку не представляется возможным. С определенной долей вероятности можно предположить, что меньший из них находился на груди погребенной 1, поскольку он включен в состав низки из нескольких бус, найденных там.

Бусы представляют довольно значительную категорию инвентаря. Соотнесение их с определенным погребением затруднено, поскольку, как правило, у автора раскопок отсутствует подробное описание бус, а при нашивании на планшеты комплексы были перепутаны.

По составу инвентаря, катакомбу 5 могильника Песчанка можно датировать предсалтовским периодом, а именно второй – третьей четвертью VIII в. Рассмотрение полного состава комплекса лишь подтверждает предложенную

дату. Однако интересны культурные составляющие комплекса. В целом, предметы из погребения распадаются на три группы.

Предметы, восходящие к материальной культуре эпохи Великого переселения народов и так называемого «горизонта геральдических гарнитур». К этой группе относятся монета, гривна, браслет с расплюснутыми концами, туалетный набор, двучленная фибула, дериват двупластинчатой фибулы.

Предметы, относящиеся ко времени бытования сатово-маяцкой культуры: фибула, близкая серии Чми, колесовидный амулет и амулет в виде всадника, стеклянные перстни, бубенчик; близок салтовскому времени также набор бус.

Предметы, характерные исключительно для предсалтовского горизонта. Предметы данной группы обладают чертами как предшествующей, так и последующих эпох, однако не встречаются в них полных аналогий. В группу входят фибула с пуансонным орнаментом, плоские кольца, амулет с завершениями в виде лап и птичьих голов, а также поясной набор.

В целом же исследуемый комплекс, подобно Галиатскому склепу 1935 г., включая в себя предметы различных эпох, демонстрирует переходный характер материальной культуры предсалтовского горизонта. Однако по сравнению с погребением из Галиата, в Песчанке встречено гораздо больше предметов, тяготеющих к позднейшей эпохе, хотя говорить о более поздней его дате пока нет достаточных оснований. Таким образом, в условиях ограниченного количества полевых археологических работ, направленных на изучение эпохи раннего Средневековья в центральных районах Северного Кавказа, представляется перспективным более подробное исследование ранее опубликованных комплексов, хранящихся в музеях.

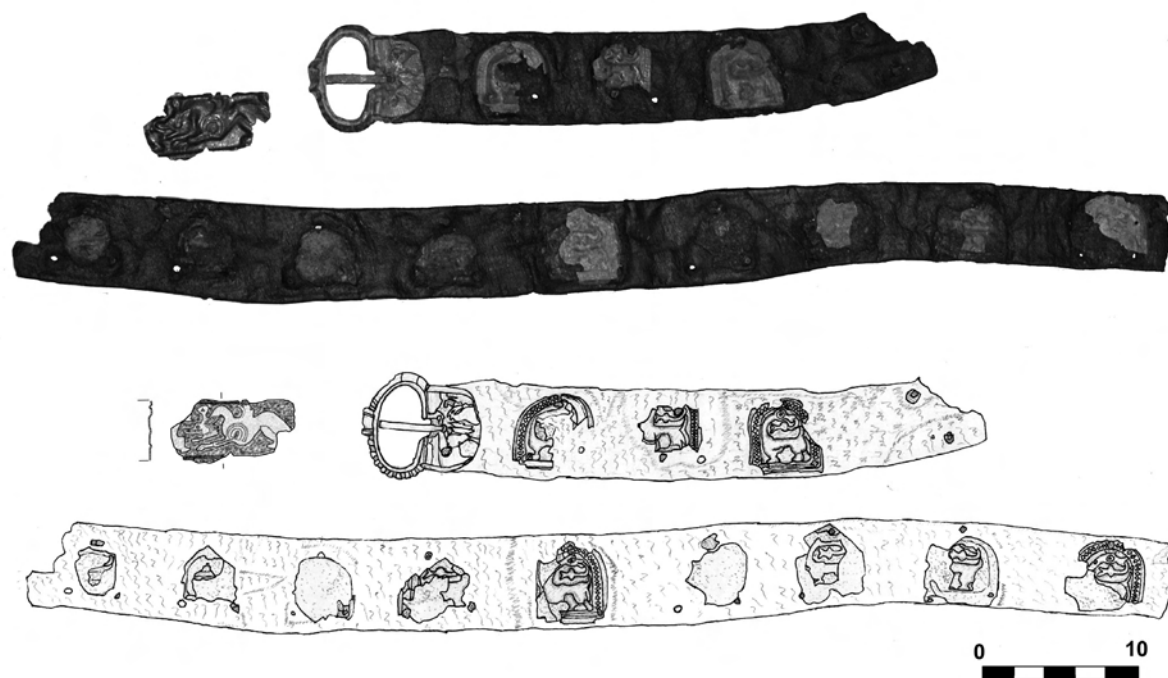

Рис. 1. Фрагменты пояса, надетого на погребенную 1 в катакомбе 5 могильника Песчанка

Д.В. Каштанов
г. Долгопрудный

КАЗУС МИЛЛЕНА: *DOMINUS ALANORUM* ИЛИ
TSCHRKASSISCHER FÜRST?

В историографии средневекового Кавказа нередко упоминается один сюжет, связанный с черкасским князем Милленом в Крыму. Он восходит к информации, которая содержится в описании Крымского ханства, выполненном шведским историком Иоганном Эрихом Тунманном в последней четверти XVIII в. Там читаем: «Ein tscherkassischer Fürst Millen herrschte sogar im Jahr 1333 über Kjersch», «Sie [Kjersch] stand damals unter dem alanischen (tscherkassischen) Fürsten Millen» (*Büschings*, 1785. S. 317, 365; ср. *Тунманн*, 1936. С. 22, 45). Ориентируясь на это указание, Ф. Брун в статье 1877 г. назвал Миллена владельцем Керчи и зихским князем (*Брун*, 1880. С. 323). Вслед за Бруном Е.С. Зевакин и Н.А. Пенчко утверждали, что Миллен был по происхождению черкес, или зих (*Зевакин, Пенчко*, 1938. С. 119).

Л. И. Лавров в статье 1941 г. писал, что «около 1330 года во главе города Боспора стоял татарский начальник Миллен, который был по происхождению черкес» и что «керченский начальник черкес Миллен был католиком» (*Лавров*, 2009. С. 27, 32). Также он указывал, что «папа римский в 1333 году посылал грамоту какому-то черкесскому князю Верзахту», уточняя, что послание было направлено «по случаю принятия последним католицизма» (*Лавров*, 2009. С. 31, 32). В публикации 1957 г. Лавров утверждал, что «в начале XIV в. миссионер Франческо де Камерино обратил в католицизм адыга Верзахта, занимавшего пост ханского наместника в г. Воспоро (Керчь)» (*Лавров*, 1957. С. 20; 2009. С. 185). Смешение «татарского начальника» Миллена и «ханского наместника» Верзахта (статус, который им обоим присвоил Лавров, не находит подтверждения в источниках) привело к тому, что в статье 1981 г. исследователь отождествил обоих: «Католиком был, вероятно, и адыгейский князь Миллен или Верзахт, с которым в 1329 и 1333 гг. сносился папа римский» (*Лавров*, 1981. С. 12).

Такое отождествление и датировки были «канонизированы» в позднесоветской «Истории народов Северного Кавказа» (авторы главы И.М. Мизиев, Е.П. Алексеева, М.Б. Мужухоев, В.Х. Тменов, А.Р. Шихсаидов), где эти обстоятельства были изложены в точности теми же словами, как у Лаврова (*История*, 1988. С. 235). Сведения из «Истории» активно тиражируются в провинциальных сборниках юга России (*Чамокова*, 1993. С. 148; *Ляушева*, 2002. С. 102; *Ляушева*, 2004. С. 101; *Южнороссийское...*, 2009. С. 119; *Жадеи др.*, 2010. С. 117; *Садченко*, 2011. С. 271; *Бочаров*, 2013. С. 39) и попали в обобщающую работу (*Гутнов*, 2008. С. 151).

На утверждения Зевакина и Пенчко сослался В.А. Кузнецов, который писал, что «усилиями Франческо да Камерино обращаются в католичество черкесские князья Верзахт и Миллен» (*Кузнецов*, 2003. С. 153).

К статье Лаврова 1957 года восходит информация ряда авторов, которые называют Верзахта правителем или наместником Воспоро (*Бетров*, 1990. С. 94; 1991. С. 128; 1993. С. 9; *Емельянова*, 1999. С. 25; *Гутнов*, 2008. С. 145). На публикацию 1981 г. ссылается И. М. Чеченов, упоминающая 1329 г. (*Чеченов*, 1987. С. 98).

Адыгский исследователь С. Х. Хотко из работы в работу утверждает, что черкесские князья владели территориями в восточном Крыму, указывая среди них Верзахта и Миллена (Хотко, 2001а. С. 164; 2001б. С. 38; 2002. С. 194). Эти недостоверные сведения воспроизводятся в Черкесске (Озова, 2013. С. 147), Майкопе (Бузаров, Надюков, 2005. С. 32) и Краснодаре (Узлов, 2010. С. 6). Миллен назван зихом и в сочинениях Н.Г. Ловпаче (Ловпаче, 1997. С. 157) и А.Ж. Кафоева (Кафоев, 1999. С. 49).

Однако если задаться вопросом, к какому источнику, в свою очередь, восходят сведения, сообщаемые Тунманном, то окажется, что речь идет о «Церковных анналах» Барония, где говорится о двух посланиях папы Иоанна XXII от 2 июля 1333 г. Они адресованы «Milleno domino Alanorum» (*Acta Iohannis XXII*, 1952. P. 243-244, № 131) и «Versacht regi Ziccorum» (*Caesaris*, 1880. P. 525-526, № 38-39). В последнем нигде не отмечается того, что он имел какие-либо владения в Крыму. Зато в послании к Миллену Воспоро назван «*tuο dominio temporalι subiecto*», а в послании к Верзахту Миллен характеризуется как «*dominus dicti [i.e. Vospori] loci*».

Никакого другого источника сведений о Миллене у Тунманна не было. К тому же он не первый отождествил алан с черкесами. Укажем пассаж из анонимного труда о российско-иранской войне 1722-1723 годов: «*Zu den Circassen werden auch die Allanes, oder die Einwohner des Caucasi, ingleichen die Suanes, Gignes Caracioles, und Caracherkes gerechnet*» (*Der Allerneueste Staat*, 1723. P. 136, §II.5.24).

1329 г. тоже появился по недоразумению. Источником Лаврова была статья Ю.А. Кулаковского, который со ссылкой на «*Baronii Annales Ecclesiastici*; s. a. 1329 № 96 и 1333 № 37» пишет: «О христианстве алан на их прикавказской родине в 1329 и 1333 году дают свидетельство сношения папы с аланским князем Милленом, который, по-видимому, был обращен в католичество благодаря стараниям римских миссионеров» (Кулаковский, 1898. С. 10). В «Церковных анналах» Цезаря Барония упоминается о послании Папы Римского Миллену (*Caesaris*, 1880. P. 525, № 37), а письмо 1329 г. адресовано «*Dilectis filiis Jeretanny, et universis Christianis Ungaris, Malchaytis et Alanis*» (*Caesaris*, 1880. P. 431-432, № 96).

Таким образом, между *dominus Alanorum* папской канцелярии и *tscherkassischer Fürst Millen* Тунманна необходимо без колебаний выбрать первое. Несмотря на это, ясная информация папских посланий претерпела значительные искажения.

Правитель Воспоро Миллен назван черкесом.

Начало сношений Папы Римского с Милленом отнесено к 1329 году.

Верзахт и Миллен отождествлены.

Верзахт и Миллен владели территориями в восточном Крыму.

Хотелось бы, чтобы долгая жизнь этих недостоверных сведений подошла к концу, а вместо этого исследователи обратились к обсуждению действительных проблем, которые ставят папские послания, например, статуса их адресатов.

Литература

Барков Ф.А., Ляушева С.А., Черноус В.В., 2009. Религиозный фактор межкультурной коммуникации на Северном Кавказе // Южнороссийское обозрение. Вып. 56. Ростов-на-Дону.

Археология Средневековья

- Бетрозов Р.*, 1990. Адыги. Истоки этноса. Нальчик.
- Бетрозов Р.*, 1991. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик.
- Бетрозов Р.*, 1993. Два очерка из истории адыгов. В помощь учителям-историкам, краеведам, студентам и учащейся молодежи. Нальчик.
- Бочаров С.Г.*, 2013. Поселения XIII-XV вв. на побережье Керченского полуострова – связи с регионом Кубани // Шестая Международная кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.
- Брун Ф.*, 1880. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в средние века // Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России Ф. Бруна (1852-1877 г.). Часть II. Одесса.
- Бузаров А.Ш., Надюков С.А.*, 2005. Христианство в Шапсугии: исторический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. № 2. Майкоп.
- Гутнов Ф. Х.*, 2008. Горский феодализм. Часть II. Владикавказ.
- Емельянова Н.*, 1999. Мусульмане Кабарды. М.
- Жаде З., Куква Е., Ляушева С., Шадже А.*, 2010. Российская идентичность на Северном Кавказе. М.; Майкоп.
- Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.*, 1938. Очерки истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. Т. 3. Л.
- История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.*, 1988. М.
- Кафоев А.Ж.*, 1999. Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника. Нальчик.
- Кузнецов В.А.*, 2003. Эльхотовские ворота в X-XV веках. Владикавказ.
- Кулаковский Ю.*, 1898. Христианство у алан // ВВ. Т. V. СПб.
- Лавров Л.И.*, 1957. Кабардино-адыгейская культура XIII-XV вв. // СЭ. № 4.
- Лавров Л.И.*, 1981. Культура и быт народов Северного Кавказа в XIII-XVI веках // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе.
- Лавров Л.И.*, 2009. Избранные труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик.
- Ловпаче Н.Г.*, 1997. Этническая история Западной Черкесии. Майкоп.
- Ляушева С.А.*, 2002. Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность (философско-культурологический анализ). Ростов-на-Дону.
- Ляушева С.А.*, 2004. История православия адыгов // Южнороссийское обозрение. Вып. 20. Православие в исторических судьбах юга России. Сборник научных статей. Изд. 2-е дополненное. Ростов-на-Дону.
- Озова Ф.А.*, 2013. Черкесо-итальянские исторические пересечения и параллели // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 2. Нальчик.
- Садченко В.Н.*, 2011. Из истории христианского миссионерства на Северном Кавказе до начала XX века (католические, протестантские и восточно-христианские миссии) // Вестник СГПИ. Вып. 14. Ставрополь.

Археология Средневековья

- Тунманн И., 1936. Крымское ханство. Пер. с нем. издания 1784 г. Н. Л. Эрнста и С. Л. Белявской.
- Узлов Ю.А., 2010. Северный Кавказ в культурно-историческом поле евразийской цивилизации // Теория и практика общественного развития. № 1. Философские науки. Краснодар.
- Хотко С.Х., 2001а. История Черкесии в средние века и новое время. СПб.
- Хотко С.Х., 2001б. Очерки истории черкесов. Этногенез, античность, средневековье. СПб.
- Хотко С.Х., 2002. Генуя и Черкессия: политическое и культурное взаимодействие в XIII—XV вв. // Сборник Русского исторического общества. № 4 (152). М.
- Чамокова С.Т., 1993. К вопросу о распространении христианства среди адыгов // Сборник статей молодых ученых и аспирантов. Майкоп.
- Чеченов И.М., 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии центрального Кавказа // Археологические исследования на ново-стройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. Т. 3. Нальчик.
- Büschings, 1785. A. F. Büschings große Erdbeschreibung. Bd. IV. Das asiatische Russland und die Krimische Tatarei. Troppau.
- Acta Iohannis XXII (1317-1334) e registris Vaticanis aliisque fontibus collegit Aloysius L. Tautu canonicus Magnovaradinen. Rumenorum e Potifica commissione ad redigendum C. I. C. O. (Pontificia Commissio ad redigendum Codici Iuris Canonici Orientalis. Fontes. Series III. Vol. VII. Tom. II). Typis Polyglottis Vaticanis, 1952.*
- Caesaris S. R. E. Card. Baronii, Od. Raynaldi et Jac. Laderchii Congregationis Oratorii presbyterorum Annales ecclesiastici denuo et accurate excusi. Barri-ducis; Parisiis; Friburgi Helv., 1800. T. 24. 1313-1333.
- Der Allerneueste Staat, 1723. Der Allerneueste Staat von Casan, Astracan, Georgien und vieler andern dem Czaren, Sultan und Schach, zinsbaren und unterthanen Tartarn, Landschaften und Provinzien; samt einer kurzen Nachricht von der Caspischen See, dem Daria-Strom, ingleichen von dem Persischen Hof, und dessen allerneuesten Staats- und Kriegs- Verfassung; zur Erläuterung der Russisch- und Persischen Kriegs-Operationen entworfen, und mit dienlichen Kupfern ausgezieret. Nürnberg.*

Р.Х. Мамаев

Центр археологических исследований АН ЧР, г. Грозный

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Ф.С. ПАНКРАТОВА (ГРЕБЕНЦА) В ЧЕЧНЕ

Начало XX в. ознаменовалось на археологическом поприще Северного Кавказа появлением нескольких новых лиц, занявшихся изучением древностей, в том числе и Чечни, на краеведческом уровне.

В 1912 г. в числе тех, кто проводил исследования в Терской области на основании выданных ИАК открытых листов, впервые появился известный впоследствии есаул Ф.С. Панкратов, печатавшийся в краеведческой литературе под псевдонимом «Гребенец». Начало его деятельности было весьма заметным – помимо раскопок и разведок в Северной Осетии (у станций Змейская, Тарской и др.), он в том же году провел небольшие работы на территории Сунженского округа Грозненской области, краткий отчет о которых поступил в ИАК (*Приложение*, 2009).

В отличие от результатов исследований на территории Северной Осетии, публиковавшихся в таких изданиях, как «Сборник сведений о кавказских горцах», итоги работ на территории Чечни были изданы краеведом в виде газетных статей в «Терских ведомостях» (Панкратов, 1914а).

В 1913 г. основные раскопки Ф.С. Панкратов провел на Сунженском хребте и в Алхан-Чуртской долине, где на территории земельных наделов станции Карабулакской казаки давно находили «черепки битой глиняной посуды, бронзовые и железные секиры разных форм и размеров, бронзовые браслеты, фибулы, бусы и всевозможные украшения». При этом краевед полагал, что предметы эти происходили не из разрушенных погребений или курганов, а с территории поселений, которые, по его словам, располагались почти на самом водоразделе Терского и Кабардинского (Сунженского) хребтов и в местах существования «давних» водных колодцев вокруг засушливой Алхан-Чуртской долины.

Однако предметом главного интереса Ф.С. Панкратова здесь были курганы, самый большой из которых, высотой до 14 аршин – около 10 м – неясно, где расположенный, был разрыт последним еще в 1912 г. траншеей, правда, с соответствующим результатом – в насыпи на глубине около 1,5 м был обнаружен лишь раздавленный черный горшок. Более, несмотря на углубление ниже основания кургана, Ф.С. Панкратов ничего не нашел, придя к обычному в таких случаях (еще со времен П.С. Уваровой), «утешительному» выводу – курган был сторожевым, а не погребальным сооружением.

В 1913 г. уже на землях станции Троицкой возле р. Ачалук он раскопал с помощью такой же траншеи небольшой курган высотой 4 аршина и диаметром 20 аршин – видимо, первый неудачный опыт работы с большой насыпью запомнился Ф.С. Панкратову. Здесь на глубине 2,5 аршина был обнаружен костяк, головой на запад в сопровождении бронзовых браслета и наконечника стрелы, железного ножа (?) и черноглиняного кувшина. Под черепом лежал булыжник. Более ничего найдено не было, хотя, если замеры Ф.С. Панкратова были верны, то он скорее всего не добрался до уровня погребенной почвы, и вопрос об основном захоронении кургана остался открытым.

Еще один курган был раскопан в 1,5 верстах от разъезда Карабулак у полотна железной дороги. Здесь маленькая насыпь высотой 2,5 аршина и диаметром 14 аршин была вскрыта с помощью колодца размером 2 × 2 аршина. В результате был обнаружен гроб, сбитый из дубовых досок с помощью железных скоб, в котором лежал вытянутый костяк головой на север, с куском коррозированного железа в области таза. Вне гроба – над ним и вокруг – были найдены два черноглиняных кувшина, два бронзовых колокольчика с железными язычками, известковая бусина, два оселка, железный «треножник». Предполагая, что это погребение относится к калмыкским («...могила принадлежала ламаитскому духовному лицу «гелюну», атрибутами которого являлись колокольчики и «треножник» в роли музыкального инструмента» – *Панкратов, 1914а*), он связал с калмыками также Алхан-Калинское городище и Улус-Керт, заодно приписав им и все «широкие» («распльывчатые») курганы на Чеченской равнине.

Другим объектом раскопок на территории Сунженского округа в том же году стал известный могильник у станицы Фельдмаршальской, где Ф.С. Панкратов провел исследования после появления у властей сведений о разграблении казаками древних погребений под видом поиска неких церковных ценностей, о которых якобы рассказывал последним какой-то грек много лет тому назад. На могильнике, расположенном в полуверсте от станицы, краевед вскрыл три погребения, выделявшихся на дневной поверхности кучами булыжника. С обрядом захоронения в них Ф.С. Панкратов не разобрался, сочтя, что «... могилы эти собственно не могилы, а ... образовавшиеся на поле брани погребальные ямы, братские могилы, наскоро вырытые, куда с поспешностью, без всякого соблюдения погребального ритуала сваливались трупы людей и животных». В первом же из вскрытых захоронений раскопщик отметил восемь костяков в разных местах «ямы», а в целом – достаточно обильный и разнообразный инвентарь, среди которого выделялись сабли, части конской сбруи, женские украшения и т.д.

Рядом с могильником было осмотрено и поселение, составлявшее, по мнению краеведа, единый комплекс. На его территории он отметил остатки стен «бывших когда-то здесь каменных избушек, в данное время сравнявшихся с землей» (*Панкратов, 1914б*).

Культурная и хронологическая принадлежность этих древностей была определена просто – эти находки, по словам Ф.С. Панкратова, лишний раз подтвердили существование в Ассинском ущелье «римских и греческих колоний на заре человечества». Позднее Фельдмаршальский могильник был определен как аланский катакомбный VIII-IX вв. (*Захаров, 1935; Крупнов, 1948*).

В 1915 г. Ф.С. Панкратов вновь получил открытый лист на исследования археологических памятников в Сунженском округе, однако сведения в ИАК о проведенных работах не поступили (*Приложение, 2009. С. 134*). Но среди материалов его раскопок, относящихся к Сунженскому отделу и уже в советское время попавших в Чеченский краеведческий музей, оказался и комплекс находок (железные пряжки, обломанный наконечник копья (?), колчаный крюк и т.д.), нашитых на планшет с пометкой «Станица Новогладковская (Гребенская). 1915 г.». Эти предметы, относящиеся к позднекочевническим (*Мамаев, 2006*), скорее всего, происходили из указанных раскопок Ф.С. Панкратова.

Археология Средневековья

Последним известным ныне эпизодом краеведческой деятельности Ф.С. Панкратова стали публикации в середине 20-х гг. прошлого века в периодической печати Грозного статей о развитии краеведения в Чеченской области в связи с созданием комиссии по краеведению при Чечоблисполкоме и открытием в Грозном краеведческого музея (Мамаев, 2012). После этого сведения об одном из северокавказских археологов-краеведов, относительно благополучно переживших самые острые революционные потрясения первых десятилетий XX века, больше уже не появлялись (Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., 2013).

Литература

- Захаров А.А., 1935. Древности из Ассинского ущелья. Дзауджикау.
- Крупнов Е.И., 1948. К историко- археологическому изучению Грозненской области // Известия ГОИМК. Вып.1. 1947 год. Грозный.
- Мамаев Х.М., 2006. Поздние кочевники в бассейне среднего течения реки Терек // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Выпуск VIII. Крупновские чтения. 1971-2006 гг. М.
- Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., 2013. Археологические исследования в Чечне во второй половине 40-х первой половине 50-х гг. // РА. №4
- Мамаев Р.Х., 2012. К историографии археологии Чечни (конец XIX – начало XX в.) // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23 – 29 апреля 2012 г. Махачкала.
- Панкратов Ф.С., 1914а. Древнейшие могильники в Ассинском ущелье (отчет о раскопках, произведенных 25-го августа 1913 года в окрестностях станции Фельдмаршальской, Сунженского отдела) // Терские ведомости. 1914 г. №№ 54-58.
- Панкратов Ф.С., 1914б. По Алхан-Чуртовской и Сунженской долинам (Отчет о раскопках, произведенных 8 сентября 1913 года) // Терские ведомости. 13 марта 1914 г. №№ 58-60.
- Приложение, 2009. Императорская археологическая комиссия (1859-1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.

Х.М. Мамаев

Центр археологических исследований АН ЧР, г. Грозный

БЕЧИКСКИЙ МОГИЛЬНИК В ГОРНОЙ ЧЕЧНЕ

В 1984 г. у сел. Бечик (Бечит) Советского района ЧИАССР (ныне это территория Итум-Калинского района ЧР) был случайно обнаружен могильник, располагавшийся на плоской террасе левого берега р. Чанты-Аргун у места впадения в последний небольшого притока. Ныне этот участок долины р. Чанты-Аргун частично занят постройками одной из погранзастав.

При первом обследовании могильника весной 1984 г. здесь были зафиксированы остатки разрушенного каменного сооружения (погребение 1) – небольшого подземного склепа с плоским перекрытием, лазом квадратной формы с останками 2-3 погребенных и остатки инвентаря, из которого сохранился одноручный гончарный красноглиняный кувшин (рис. 1, 3), бронзовые орнаментированные браслеты (рис. 1, 6), маленький бронзовый крест (рис. 1, 5) и стеклянные бусы, среди которых были характерные византийские из черного непрозрачного стекла с восьмеркообразным орнаментом и «глазками» (рис. 1, 4) (Щапова, 1998).

В дальнейшем здесь же, на площади около 20 кв. м были выявлены четыре других захоронения: две каменные гробницы и два подземных склепа. К сожалению, в результате событий в Грозном в 90-х гг. прошлого века из всего полученного тогда при раскопках в Бечике материала – находок, рисунков, чертежей и фотографий (как и в случае с Марган-Чуйским 1 могильником), сохранились лишь отдельные снимки погребений.

Погребение 2. Это был также частично разрушенный склеп, аналогичный 1, сложенный из колотого подработанного камня с использованием плоского речного булыжника. Сооружение имело подпрямоугольную форму со слегка выпуклыми длинными, немного наклоненными вовнутрь стенками, длиной изнутри около 2 м и наибольшей шириной в центре немногим более 1 м. Нижний ряд кладки состоял из относительно крупных, установленных на ребро плит, которые сверху были дополнены четырьмя рядами уложенных плашмя камней на земляном растворе. Сверху камера, ориентированная по линии З-В с небольшим отклонением, перекрывалась массивными поперечными плитами, стыки между которыми были закрыты более мелкими обломками (рис. 1, 1).

В восточном торце сооружения находился прямоугольный лаз, вертикальные стенки которого представляли подработанные прямоугольные плиты, нижняя часть была составлена из трех плашмя уложенных камней; верхняя, видимо, также была составной. Перепад уровней основания лаза и камеры составлял около 0,4 м. На грунтовом дне последней были расчищены разбросанные в восточной части разрозненные останки двух или трех погребенных, включая фрагментированный череп. Сведения о находках не сохранились.

Погребение 3 представляло собой гробницу овальной формы со стенками, сложенными из плоских камней в несколько рядов, нижний был составлен из более крупных камней, среди которых оказались и необработанные обломки сланца, извлеченные, видимо, при сооружении захоронения (рис. 1, 2). Верхний ряд кладки находился на глубине 0,20-0,25 м от дневной поверхности. Покровные плиты, скорее всего, были сброшены при ограблении – одна из них стояла вертикально в грунте, заполнявшем камеру, общая длина которой по линии СЗ-ЮВ составляла 1,9 м, максимальная ширина – 0,8 м при глубине 0,6-0,7 м.

На грунтовом дне оказались останки нескольких погребенных, один из которых (последний ?) был положен в скорченном виде или с подогнутыми ногами. В разных местах камеры были найдены разбросанные предметы – бронзовые височные кольца в полтора оборота, браслет, перстень, застёжка, булавка, стеклянные бусы, а также желез-

Археология Средневековья

ные нож и обломанный наконечник копья. В заполнении могилы и на дне встречались древесные угольки.

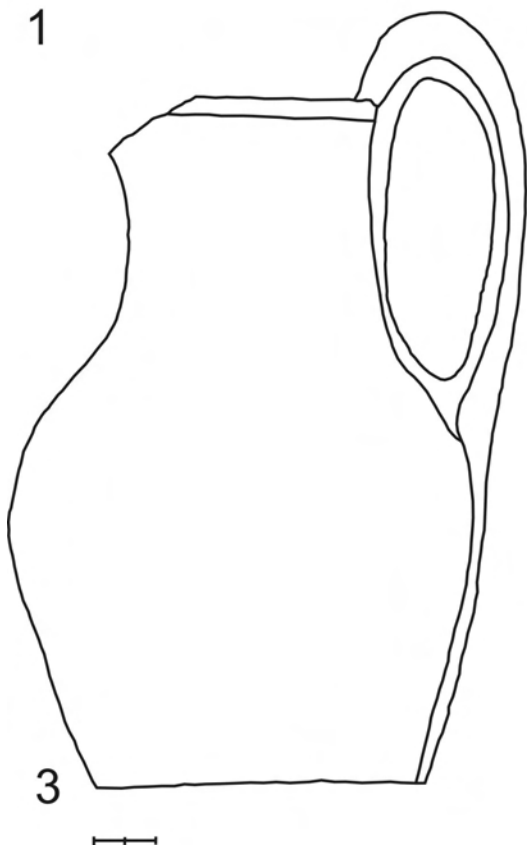
Погребение 4. Известно, что это был подземный склеп с останками нескольких погребенных и инвентарем. В перечне находок, относящимся к обоим склепам 2 и 4, можно выделить предметы из последнего, где были найдены фрагменты железных ножей и сабли (?), некоторые украшения и детали костюма – бронзовые орнаментированные браслеты, пуговицы с ушками, застёжки, височные кольца и цепочки, антропоморфная подвеска, металлические детали головных уборов (в том числе с инкрустацией), а также разнообразные бусы – стеклянные и каменные. Отдельно следует отметить находку двух маленьких бронзовых нательных крестов.

Погребение 5 примыкало к погребению 3 и имело такую же ориентировку. Это была небольшая каменная гробница аналогичной конструкции – в виде овала со «срезанными» короткими сторонами, длиной около 1 м и максимальной шириной около 0,60 м, стенки которой были составлены из крупных плит, дополненных сверху обломками; восточная короткая стенка представляла собой целую плиту высотой более 0,4 и шириной более 0,6 м. Противоположная (западная) стенка отсутствовала, из плит перекрытия сохранилась одна. На дне были обнаружены разрозненные части детского костяка и остатки инвентаря – бронзовое колечко и мелкие стеклянные бусы. В заполнении гробницы и на дне встречались отдельные древесные угольки.

Материалы Бечикского могильника, состоящего из небольших подземных склепов и каменных гробниц, можно датировать X–XI вв. (Мамаев, 1986). В целом синхронные и более ранние склепы известны в долине р. Чанты-Аргун – это Бугаройский 1 могильник, Чааре, Цой-Педе (Даутова, Мамаев, 1985). Вместе с тем необходимо отметить, что погребальные сооружения обоих типов и, прежде всего гробницы, находят очевидные аналогии в некрополях Восточной Грузии (Джорбенадзе, 1991), свидетельствуя о близости раннесредневековых культур горных социумов этой части Кавказа, располагавшихся на трассах и в округе перевальных путей (Дарьяльское, Аргунские ущелья и др.), издревле связывавших северные и южные склоны Большого Кавказа (Ростунов, 2007). Дальнейшее сравнительное изучение средневековых погребальных памятников по обе стороны Кавказского хребта, начавшееся в 70–80 гг. прошлого века (Виноградов и др., 1985) откроет еще немало страниц истории их взаимодействия и взаимовлияния.

Литература

- Виноградов В.Б., Дударев С.А., Мамаев Х.М., 1985. К выходу научного сериала «Археологические памятники Иорского ущелья» // Мацне (серия истории, археологии и этнографии, истории искусства). Вып. 1. Тбилиси.
- Даутова Р.А., Мамаев Х.М., 1985. Новые данные о средневековых подземных склепах Чечено-Ингушетии // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Джорбенадзе В.А., 1991. Могильники развитого средневековья в Арагвском ущелье. Тбилиси.
- Мамаев Х.М., 1986. Исследование средневековых памятников в Чечено-Ингушетии // АО-1984. М.
- Ростунов В.А., 2007. Эпоха энеолита – средней бронзы Центрального Кавказа. Т. I. Расселение древних обществ на Центральном Кавказе в эпоху энеолита – средней бронзы и роль географической среды в миграционном процессе. Владикавказ.
- Щапова Ю.А., 1998. Византийское стекло. Очерки истории. М.

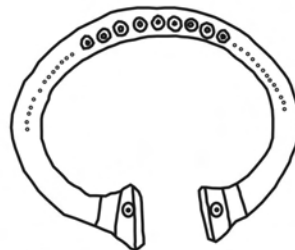
2

4

5

6

Рис. 1. 1 – склеп 2 Бечигского могильника; 2 – гробница 3 Бечигского могильника (до расчистки); 3-6 – находки из склепа 1 Бечигского могильника

М.Э. Мамиев

Институт истории и археологии РСО-Алания, г. Владикавказ

О ВРЕМЕНИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПОЯВЛЕНИЯ АЛАНСКОГО ДИНАСТИЧЕСКОГО ИМЕНИ АЕГЪУЗАТÆ

Правитель Алании Росмик упоминается в «Алексиаде» Анны Комниной в связи с его участием в отражении императором Алексеем I нападения на фему Диррахий в Эпире антиохийского князя Боэмунда. Согласно устоявшейся с первой половины X в. в византийском дипломатическом протоколе практики именованья аланских государей (*Алемань*, 2003. С. 242-243), византийская царевна называет Росмика эксусиократором. Однако на дошедшей до нас печати аланского властодержца, датируемой началом XII в., значится другой титул – севаст (*Seibt*, 2003. С. 53; Илл. 4, 55), который в рассматриваемое время жаловался императором членам своей семьи. Кажущееся противоречие снимается при ближайшем рассмотрении.

Титул *эксусиократор* (греч. *властодержец*) в дипломатии империи применялся исключительно к аланским монархам (*Алемань*, 2003. С. 242; *Белецкий, Виноградов*, 2011. С. 40-41). В «Книге церемоний» Константина Багрянородного среди примерно семи десятков титулов, жалуемых чужеземцам, этот занимал первое место (*Люттвак*, 2010. С. 197-198). Соответствующее отношение к нему прослеживается и внутри аланского царского дома – *эксусиократор* значится на царской печати Гавриила (*Seibt* 2003: 53 ил. 3, 54), правившего примерно век (3-4 поколения) спустя после первого известного упоминания данного титула (соотнесение Гавриила с правившим после него Дургулелем (*Малахов*, 1995. С. 376-378) не подтвердилось (*Seibt*, 2003. С. 54; *Белецкий, Виноградов*, 2011. С. 54)). За титулом *эксусиократор* скрывалось признание почти царской власти его носителей (*Кулаковский*, 1899. С. 53; *Белецкий, Виноградов*, 2011. С. 244). Внутри византийского мира положение, безусловно, очень престижное. Однако, несмотря на высокий престиж и даже уникальность титула, он находился в списке именованний иноземных, а значит «варварских» правителей.

Титул *севаст* не имел такого недостатка. Будучи греческой калькой с латинского *август*, *севаст* означал ‘августейший’, ‘священный’ и мог использоваться императорами (*Токарев*, 2005). Несмотря на сложности, связанные с его появлением и изначальной семантикой, смысл и значение в рассматриваемый период хорошо известны. Со второй половины XI в. *севаст* выделяется в отдельный титул. Скорее всего, это произошло при Алексее I, который жаловал им преимущественно своих родственников. Специально для своего брата Исаака Алексей I учредил титул, производный от *севаст*, – *севастократор*, бывший до XIII в. первым после императорского.

Для виртуозной византийской дипломатии присваивание титулов являлось одним из важных рычагов внутренней и внешней политики. Это связывалось со спросом – ценился престиж и определенные выгоды от принадлежности, пусть даже символической, к имперской иерархии даже за пределами культурного пространства империи, а тем более внутри византийского мира. С другой стороны, активная эксплуатация «титального воздействия» приводила к довольно быстрому обесцениванию титулов и званий, что, в частности, и становилось следствием введения новых. Однако в годы прав-

ления Алексея I титул *севаст* не устарел и отличался высокой статусностью. Он означал принадлежность или, по крайней мере, определенное отношение к императорской семье. Предшествовавшие алано-византийские междинастические связи, заключенные в период, когда империя находилась на волне своего могущества, свидетельствуют о признании высокого статуса аланского государства и аланских единовластных правителей, монархов (Малахов, 2007. С. 126-127; Белецкий, Виноградов, 2011. С. 57).

В 1054–1056 гг. императрица Феодора удочерила дочь Борены, сестры аланского царя Дургулея и грузинского царя Баграта IV, Марию Аланскую. В 1065 г. Мария вышла замуж за наследника престола, будущего императора Михаила Дуку (1071–1078), а впоследствии, в силу ряда причин, усыновила будущего императора Алексея Комнина. Показательно, что несмотря на то, что отцом Марии был грузинский царь, при константинопольском дворе ее прозвали по материнской линии – Аланской. Двоюродная сестра Марии, аланская царевна Ирина, стала женой родного брата Алексея, Исаака Комнина, который одновременно приходился свойственником Марии Аланской. Росмик являлся последующим представителем царского дома Алании, а значит родственником Марии Аланской и Ирины. Соответственно, он находился в родстве с императором Алексеем I и его родным братом *севастократором* Исааком Комнином.

Согласно устоявшейся византийской государственно-идеологической традиции браки представителей императорской семьи с чужеземными, а значит варварскими, дворами заключались редко. Даже несомненная политическая выгода обесценивалась представлением о сакральном значении императорской власти и ее международного престижа. Поэтому состоявшееся установление династической связи с чужеземным («варварским») царским домом не могло остаться формальным и всегда имело значимые практические основания. Алания не стала исключением из фундаментального правила имперской идеологии. Росмик являлся важным военно-политическим союзником Алексея I, который испытывал острую потребность в войсках на протяжении всего своего 37-летнего правления. Кроме того, Росмик и Алексей состояли в родстве, соответственно присвоение аланскому царю исключительно престижного в то время титула было идеологически обоснованно и взаимовыгодно. Алексей I продолжал получать столь необходимое ему военное сотрудничество, стабильно сохранявшееся на протяжении всего периода правления династии Комнинов (Алемань, 2003. С. 309), а Росмик – усиление престижа не только собственной власти, но и всего царского дома Алании. В этой связи следует отметить, что описанное Анной Комниной личное участие в кровопролитной битве против норманнов родственника правящей династии и самого императора, царя-эксусиократора Росмика, свидетельствует не о наемнических, а союзнических отношениях с империей.

Присвоение нового титула отразилось на царской печати – фигурировавший с первой половины X в. титул *эксусиократор* был заменен на *севаст*, т. е. *август*. Если прежде имперский протокол определял высочайший монарший статус аланских *властодержцев*, то теперь признание пошло дальше – до констатации родственной связи с единственным, согласно византийской религиозно-идеологической парадигме, легитимным императором всего христианского мира. Признание этой доктрины и закономерное вхождение в нее надежно устанавливается народной осетинской традицией. Имеется в

Археология Средневековья

виду название колена *Æghuzatæ*. В базовой трехфункциональной социальной структуре аланского, осетинского общества, восходящей к индоевропейской традиции, *Æghuzatæ* ассоциировались с военно-управленческой, т. е. царской функцией. Обоснованное В.И. Абаевым происхождение этого имени восходит к латинскому царскому титулу *Augustus*, *Август* (Абаев, 1990. С. 413-416).

Можно предположить, что в результате вышеописанных событий произошла легитимизованная замена именованная военно-управленческой элиты общества, давно оформившейся в царский дом аланского государства. Таким образом появление династического имени, дошедшего до нас в форме *Æghuzatæ* (*Августовичи*) и оформление связанных с ним претензий, может восходить к *севасту-августу* Росмику. В пользу этого предположения говорит и то, что на печати другого аланского царя, Иоанна Хотеситана, датируемой серединой XII в. (1-2 поколения после Росмика) вместо титула *севаст*, вновь фигурирует *эксусиократор* (Seibt, 2003. С. 53; Илл. 5, 55, 56). В заключении отметим, что еще один известный представитель аланского царского дома – Сослан Давид, живший во второй половине XII – начале XIII в., принадлежал к роду Цæразонтæ, название которого восходит к латинскому *Caesar*, *Цезарь* и в дословном переводе дает форму Цезаревичи (Абаев, 1990. С. 411-412).

Литература

- Абаев В.И., 1990. Происхождение осетинских фамильных имен *Sægazontæ* и *Æghuzatæ* // Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ.
- Алемань А., 2003. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.
- Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю., 2011. Нижний Архыз и Сенты – древнейшие храмы России. Проблемы христианского искусства Алании и Кавказа. М.
- Кулаковский Ю.А., 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.
- Люттвак Э.Н., 2010. Стратегия Византийской империи. М.
- Малахов С.Н., 1995. Алано-византийские заметки (часть I) // Аланы: история и культура. Вып. 3. Владикавказ.
- Малахов С.Н., 2007. К истории алано-византийских отношений в 1045-1055 гг. // Власть, общество и церковь в Византии. Армавир.
- Токарев А.Н., 2005. AUGUSTUS И ΣΕΒΑΣΤΟΣ: о семантике терминов // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков.
- Seibt W., 2003. Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10.-12. Jahrhunderts // Новое в византийской сфрагистике. СПб.

Д.А. Мусеев

*Бахчисарайский историко-культурный заповедник, г. Бахчисарай
(Украина)*

СТРОИТЕЛЬНАЯ КЕРАМИКА КРЫМА И КАВКАЗА
СРЕДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ВРЕМЕНИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
МОРФОЛОГИИ ИЗДЕЛИЙ

Выявленная в ходе археологических исследований памятников Кавказа строительная керамика средневизантийского времени имеет множество рудиментарных черт технологического процесса позднеримского периода. В этой связи она имеет множество общих признаков с черепицей, происходящей с территории Тамани и Крымского полуострова. К примеру, возможно говорить о такой общей традиции, как изготовление плоской черепицы методом ее оттиска в рельефной деревянной матрице, благодаря чему мастера могли наносить на изделие рельефные ремесленные метки, водосливные валики, сложные коленчатые изгибы и верхние бортики.

В то же время важно отметить, что строительная керамика Крыма и Кавказского региона заметно отличаются друг от друга. Во-первых, различна технология изготовления глиняного теста черепицы. Во-вторых, отличается морфология изделий, тех же ремесленных меток, форм бортов, коленчатых изгибов и общие линейные размеры керамид.

Поиск аналогий черепицы на основе ее технологических особенностей является теоретически наиболее надежным способом определения ареала бытования тех или иных рассматриваемых форм. Однако, ввиду того, что кавказская строительная керамика недостаточно описана и опубликована, применить данную методику на практике затруднительно. Остается, по сути, лишь одно – изучение и сравнение имеющегося опубликованного материала на основе морфологических признаков черепицы. Именно этот способ использован нами в настоящем исследовании особенностей строительной керамики, происходящей с территории Крыма и Кавказа.

Помимо оригинальной формы боковых бортов, важной и хорошо определимой чертой средневековых керамид, как известно, является их коленчатый изгиб. На Кавказе получили распространение керамиды с хорошо выраженным изгибом на внешней стороне бокового борта и плохо выраженным с его внутренней стороны. На таких керамидах, как правило, имеются подпрямоугольные боковые бортики (см. черепицы из раскопок храма у г. Сахарная Головка в районе Большого Сочи и храма в Гурджани, Кахетия[□]).

Для Юго-Западного Крыма такая форма черепицы, в целом, не характерна. Среди известных на сегодняшний день гончарных центров по производству строительной керамики в средневизантийский период, лишь на одном делалась продукция, имеющая аналогии среди кавказского материала. Таковую черепицу производил гончарный центр в балке ручья Суаткан, расположенный в округе Мангупского городища. Речь идет о керамидах с высокими подпрямоугольными в сечении боковыми бортиками и хорошо выраженными с внешней стороны коленчатыми изгибами. Скорее всего, это одна из наиболее ранних хронологических групп изделий этого центра. Подобные керамиды хорошо известны и на Мангупском городище в слоях IX-X вв. (рис. 1, 1).

Археология Средневековья

Изготовление коленчатого изгиба с плохо выраженной внутренней частью получило распространение в Юго-Западном Крыму как в римское, так и в ранневизантийское время. Собственно, эту традицию можно назвать римской. Ранняя хронологическая группа керамид из Суаткана с такими морфологическими признаками резко выделяется на фоне других известных в Крыму групп черепицы, так как сохраняет более ранние принципы изготовления керамид. В то же время на Кавказе керамиды с близкими морфологическими чертами преобладают в средневизантийское время.

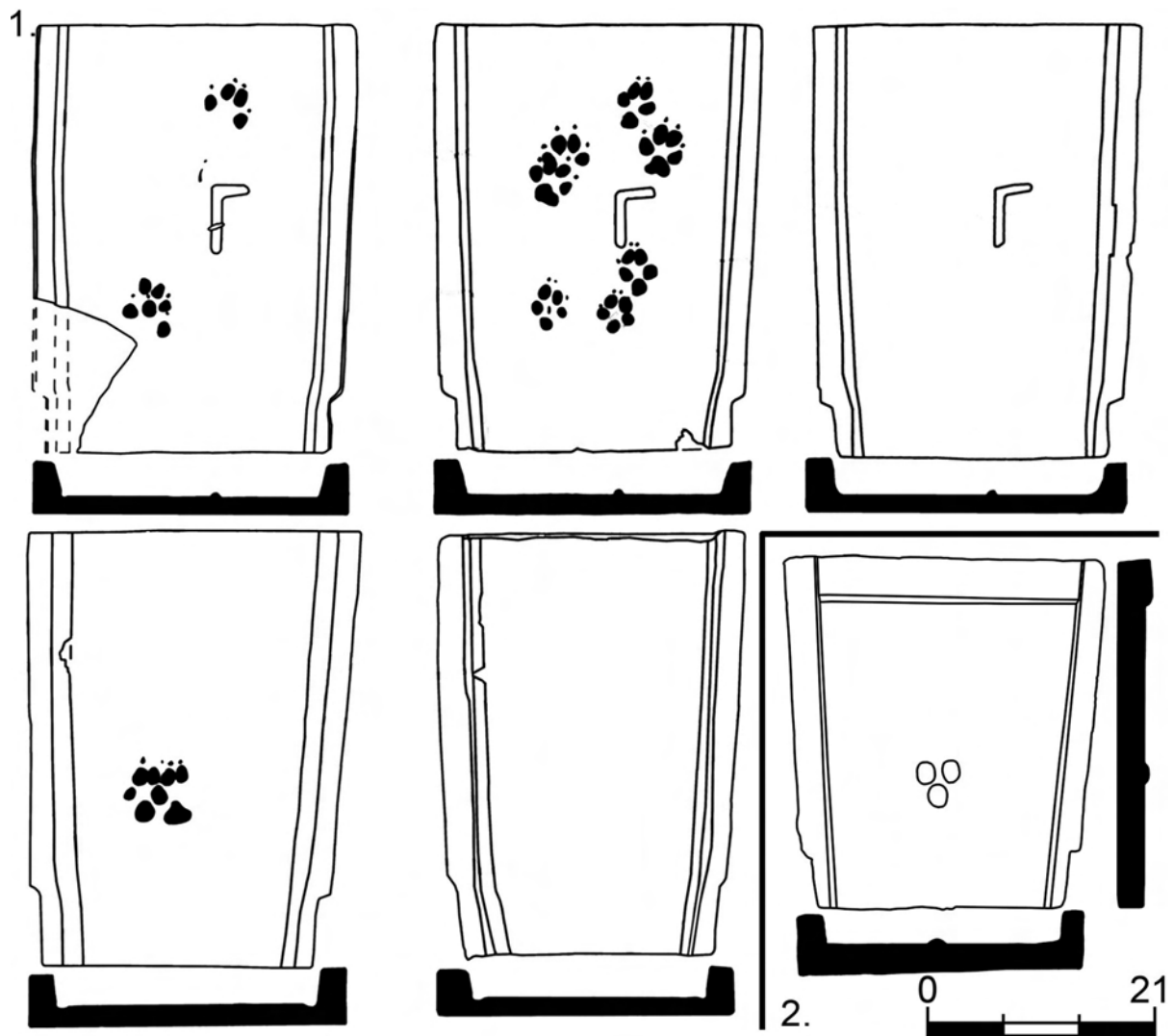

Рис. 1. Черепица Крыма и Кавказа средневизантийского времени: 1 – керамиды из раскопок раннесредневекового поселения в Лагерной Балке (Мангупского городище), производства гончарного центра Суаткан; 2 – керамида из раскопок Таманского городища

Е.И. Нарожный

Армавирская государственная педагогическая академия, г. Армавир

П.В. Соков, И.Б. Тищенко

ОАО «Наследие Кубани», г. Краснодар

**ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ГРУНТОВОМ
МОГИЛЬНИКЕ ПОСЕЛЕНИЯ «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЕ-2»
(КРЫМСКИЙ РАЙОН КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

Могильник находится на территории Южного сельского поселения Крымского района Краснодарского края, между современными хуторами Черноморский и Красный. Охранно-спасательные археологические исследования проводились в зоне строительных работ, выполнявшихся в рамках «Комплексного развития Новороссийского транспортного узла» («Строительство железнодорожной станции в районе разъезда «9-й км» СКЖД»). Грунтовый могильник находился с южной стороны грунтовой дороги: хут. Черноморский – хут. Красный; с востока разрезан современной железнодорожной веткой. С западной стороны ограничен ирригационным каналом. Аналогичные каналы отмечены также с севера и южной сторон археологического памятника. Могильник был обнаружен при снятии плодородного слоя грунта под строительство новых ж/д путей. Общая и изученная площадь грунтового могильника составила 9232 кв.м. Верхний уровень грунта на могильнике был частично срезан при возведении действующего участка ж/д. Некоторая, расчищенная и подготовленная к фиксации часть могильника была размыва известным наводнением 6-7 июля и начала августа 2012 года, а также, последующими водоотводными работами, проводившимися строителями.

Всего на раскопе было вскрыто и изучено более 210 грунтовых захоронений. Половозрастная характеристика погребенных определена к.б.н. Е.Ф. Батиевой (ЮНЦ РАН, г. Ростов-на-Дону). Раскопанные погребальные комплексы были совершены в неглубоких ямах, вытянутой формы с округлыми углами. Длинной осью они вытянуты с запада на восток. На отдельных участках угадывается рядность могил с севера на юг. Основная масса погребенных уложена вытянуто на спине, головой на западный сектор (с различными сезонными отклонениями от запада). Подавляющее количество захоронений – индивидуальные; в нескольких случаях захоронения были коллективные (два-три скелета в одной яме). Преобладающий характер захоронений – вытянутое на спине положение с разными вариантами положения рук. Эпизодически, погребения слабо скорченные, на боку (погр.№72); аналогии известны в материалах хазарского времени на Кубани и в памятниках СМК.

Погребальный инвентарь, сопровождающий захоронения разнообразен. В целом ряде мужских захоронений находились предметы вооружения – сабли, наконечники стрел и остатки колчанов, наконечник копья и пр. Особенностью значительного количества сабель является заметная кривизна лезвий, обоюдоострая заточка нижней трети, а также наличие перекрестий, более характерных для подкурганых «кабардино-черкесских» захоронений Северо-Западного и Центрального Предкавказья, в то время как наконечники стрел находят полные аналогии в материалах золотоордын-

ского времени. Другие предметы вооружения представлены фрагментами кольчужной сетки и всего одним наконечником копья.

Представителен набор предметов сельскохозяйственного производства из погребений – железный насошник, железная коса (?), набор железных серпов, в т.ч. и т.н. «складных», хорошо известных на Северо-Западном Кавказе еще с хазарского времени (Пьянков, 2013. С. 359-364); имеются различные поделки из кости и рога, по внешней поверхности декорированные циркульным орнаментом. Не менее представительна коллекция железных разнотипных ножей, в т.ч. и с «горбатой» спинкой, как, например, в подкурганных захоронениях Цемдолинского некрополя (Армарчук, Малышев, 1997). Иные предметы быта единичны – молоток с железной рукоятью, оселки, железные разнотипные кресала. Округлые пряслица из фрагментов сосудов, обычно использовались в качестве противовеса веретена в процессе производства шерстяных нитей. Бронзовые круглые диски зеркал, с петель для подвешивания, без орнаментов. В инвентаре были и предметы усеченно-конической формы из свинца, пружинные ножницы для стрижки овец, шилья и проколки, а также наперстки. Один из наперстков с декором (скань) всей внешней поверхности.

В погребальном инвентаре ряда захоронений находились разнотипные, характерные для территории Золотой Орды керамические сосуды, включая несколько поливных чаш на кольцевом поддоне. Сразу в трех захоронениях (погр. 116, погр. 151, погр. 210) были обнаружены разноцветные стеклянные изделия стаканообразной формы с гладкой поверхностью. Близкие аналогии им происходят из погребений черноморского побережья (Армарчук, Малышев, 1997. С. 190. Рис. 8); самая восточная находка зафиксирована на границе Чечни и Дагестана (Мамаев и др., 2012).

Детали одежды представлены разнотипными пряжками пуговиц-ми-бубенчиками, включая и бубенчики конической формы.

Выразительны наборы различных категорий украшений – провололочные, в т.ч. витые перстни и браслеты, подборка нашивных розеток и бляшек в виде бутонов, выполненных из золотой фольги (погр. 118), бубенчик со сканью и зернью, аналогии которым известны среди материалов Шуанского склепового могильника «Мохде» в высокогорной Ингушетии (Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2009. Рис. 3, 14-15). Представительна и коллекция разнотипных бус, различающихся по форме, материалу изготовления, цветовой гамме. Каменные бусы – из горного хрусталя, сердолика, халцедона; стеклянные бусы разнообразны, в т.ч. мозаичные и глазчатые. Разнотипны серьги и височные подвески, среди которых – в виде несомкнутого проволочного кольца с одним приостренным и вторым, закрученным в колечко краем (Федоров-Давыдов, 1966; Дружинина и др., 2011. С. 76. Рис. 31, 16 и др.). Есть и серьги с дугой, ассиметричной бусиной, считающимися производными от «черноклобуцких», или «половецких» украшений; все увеличивающаяся коллекция таких украшений (Нарожный, 2003. С. 212-223; Армарчук, 2008. Рис. 1, 4) становится характерной для причерноморо-приазовских территорий. Эпизодически, в женских погребениях присутствовали серьги в виде знака вопроса (бронза, серебро; серьга из погребения №108 вытянута из тонкой золотой проволоки). Отдельные подвески в виде полой трубки, свернутой в 1,5 и 2,5 оборота. Аналогии им происходят из захоронений в у Сентинского храма (Марковин, 1996. С. 190, 191. Рис. 11,

Археология Средневековья

13-14; 12, 1-2; Жилина, Нарожный, 2004. С. 355-357), а также и из женских погребения Келийского могильника XIII-XIV вв. в высокогорной Ингушетии (Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2009).

Известные аналогии указанным выше категориям погребального инвентаря позволяют предварительно датировать грунтовый могильник поселения «Железнодорожное-2» в рамках XIV столетия, чему не противоречит и небольшая коллекция нумизматических находок из погребений данного некрополя. Впрочем, окончательная характеристика и датировка памятника может быть определена в ходе дальнейшей и более детальной обработки раскопочных материалов.

Литература

- Армарчук Е.А., 2008. «Половецкие серьги» // Средневековая археология евразийских степей. Сборник статей к юбилею профессора С.А. Плетневой. М.; Йошкар-Ола.
- Армарчук Е.А., Малышев А.А., 1997. Средневековый могильник в Цемесской долине // ИАА. Вып. 3. Армавир; М.
- Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И., 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир; М.
- Жилина Е.В., Нарожный Е.И., 2004. О датировке половецких погребальных памятников Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 4. Армавир.
- Мамаев Х.М., Мамаев Р.Х., Нарожный Е.И., 2012. Археологические памятники Гудермесского района Чеченской Республики (материалы к археологической карте) // Вестник АН ЧР. № 1 (10). Грозный.
- Марковин В.И., 1996. Исследование Сентинского храма и некрополя у р. Теберды в Карачаево-Черкессии // ИАА. Вып. 2. Армавир; М.
- Нарожный В.Е., Нарожный Е.И., 2009. Горная зона Восточного Придарьяля и золотоордынские владения // Донские древности. Вып. 10. Азов.
- Нарожный Е.И., 2003. Половцы или черные клобуки? (По поводу критических замечаний И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // МИАСК. Вып. 2. Армавир.
- Пьянков А.В., 2013. К вопросу о происхождении складных серпов хазарского времени // Шестая Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

М.Д. Сагитова
НПЦ ДАРС, г. Махачкала

КУЛЬТОВАЯ ПОСУДА ИЛИ КУЛЬТ ПОСУДЫ: ФЕНОМЕН «ДОМАШНИХ МУЗЕЕВ» В ДАГЕСТАНЕ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ РАКУРС)

В культуре народов Дагестана «сохраняются до настоящего времени архаизмы совершенного исключительного научного значения» (Миллер, 1927. С. 19). В докладе речь пойдет о роли культовой посуды и ритуальных обрядов, связанных с возникновением такого явления, как «домашний музей». Поскольку эти архаизмы лучше всего сохранились в быту аварцев в наидревнейшем виде, поэтому я их сопоставляю со знаменитыми кубачинскими «домашними музеями» наших дней.

Исследователь кубачинской культуры Е.М. Шиллинг дает перечень сотен единиц посуды из рядового кубачинского дома, который он видел в 1936 г. «Кубачинское жилище – стены и полки, сплошь увешано и заставлено различной самодельной и привозной утварью. Так украшать жилище издавна было в обычаях кубачинцев. Самобытная и древняя культура воспитала в них необычайную восприимчивость к предметам искусства и стремление их собирать» (Шиллинг, 1937. С. 38) (рис. 1, 1). Но такие «музеи» были во многих селах Дагестана – Губдене, Ругудже, Короде, Мегебе и т. д. – еще в 1980-е годы. Для объяснения этого явления необходимо ознакомиться с характерными особенностями однокамерного жилища аварцев с устойчивой системой деревянного интерьера XIV-XV вв. Нас интересует место посуды в этом интерьере.

Такой тип действующего жилища XIV-XV веков, где «жизнь текла неизменно так, как лет 500-600 тому назад, когда дом был построен» изучил в 1946 г. архитектор Г.Я. Мовчан (Мовчан, 2001. С. 135). Он пришел к заключению, что этот тип жилища был общим для всего Кавказа и является родственным средиземноморскому очагу культуры в древности (Мовчан, 2001. С. 438). Это большое помещение-зал, вдоль задней стены которого размещалось особое помещение *цУлал рукъ* («деревянный дом»). Его, вместе с перегородкой, за которой в амбарах-цагурах хранились мука, зерно и другая провизия, образуют грандиозные столбы-колонны с двуволютными резными навершиями, символом Древа жизни.

«В *цУлал рукъ*, как в иконостасе, вставленном в каменные стены православного храма, сосредоточились и воплотились все представления о жилище, как предмете культа здесь живущих. Это их алтарь и их престол» (Мовчан, 2001. С. 488). Стена *цУлал рукъ* «сплошь увешана утварью, посудой, в том числе старинной... старинные бронзовые литые котлы с рельефами, медные кувшины различной величины и формы с чеканкой и гравировкой... подойники, огромные медные плоские блюда... с рельефной выколоткой... разные глиняные кувшины, всевозможная деревянная резная утварь» (Мовчан, 2001. С. 135) (рис. 1, 9). Очевидна родственная связь кубачинских посудных стен с «иконостасом» аварского жилища. Подобные рудименты древнего жилища, нередко с посудой XII-XV вв., «хранили в течение веков, не в витринах, а в условиях бытового использования» (Орбели, 1938. С. 306).

Возвращаясь к нашей посуде, надо сказать, что охватить ее всю даже по группам – нелегкая задача, она требует специального исследования (взять хотя бы так называемый «учалтам» – поставец для вилок, ложек и трутня). Особая роль принадлежала деревянной утвари с геометрическим орнаментом в виде треугольников, ромбиков и розеток с солярной символикой, имеющим магическое и заклинательное значение.

Подносы из цельной доски до 1 м и более предназначались для ритуальных и общественных пиршеств – свадеб, приготовления мучных блюд, и т.д. Свадьбы представляли собой многодневный процесс, наподобие древнегреческих дионисиев, с угощением на подносах. Особый поднос (*ул'ъ* – андалальский диалект аварск. языка; *mlymI* – аварск. лит. яз.) с головой барана в центре стоял перед женихом и невестой. Позже деревянные подносы сменились металлическими, но их орнамент сохранил технические приемы обработки дерева (рис. 1, 7).

Деревянные подносы (*раса* – аварск.) были широко распространены, иногда имели четыре ножки и различную конфигурацию (рис. 1, 10). Их редко находили во время раскопок не только из-за хрупкости материала (они использовались до износа и после поломки отправлялись в постоянно тлеющий огонь открытого очага), но и из-за больших размеров (не помещались в погребальные сооружения). Прототипом таких подносов вполне может быть деревянное блюдо из Манасского кургана III-II тыс. до н.э. (Мунчаев, Смирнов, 1956. С.182) (рис. 1, 8).

Другим массовым явлением в «домашних музеях» были так называемые кубачинские бронзовые котлы XII-XIX вв., несомненное изготовление которых в Дагестане доказал И.А. Орбели в известной статье (Орбели, 1938). Они относились к особо чтимой и хранимой посуде, обязательно присутствовали в каждом доме и были своего рода валютой (рис. 1, 3).

Рассматривая две деревянные чаши из погребений с. Анчих V-VII вв., М.А. Агларов полагает, что они могли быть прототипами вышеназванных котлов (Агларов, 1973. С. 61) (рис. 1, 2). Десятки таких чаш позже обнаружил в аварских селах и описал П.М. Дебиров (Дебиров, 1982. С. 185). Мне довелось увидеть такую же чашу XIX в. в с. Мегеб в 1981 году, в ней подавали хинкал. Так что они существовали параллельно с бронзовыми котлами.

Медные водоносные кувшины, наиболее устойчивый элемент «домашних музеев», имели сакральное значение (рис. 1, 5). Прототипами металлических кувшинов, вероятно, были одноручные сосуды грушевидной формы с орнаментом «древо жизни» и двумя параллельными горизонтальными полосками по тулову, заключающими в себе треугольники и зигзаги. Это кувшин из кургана III-II тыс. до н.э. близ г. Буйнакск, сосуды албаносарматского времени и «урцекского» типа (Дебиров, 2001. С. 134, 143) (рис. 1, 4, 6) и массовые находки более поздних вариантов X-XIII вв. (Сагитова, 2004. С. 137. Рис. 11).

Носить воду имели право лишь женщины в головных уборах *чохта*, являя собой ипостась Великой Матери – прародительницы всего сущего. Она должна была доставлять домой кувшин с водой и урожай с полей на собственной спине (Сагитова, 2012. С. 371-377). С увеличением населения эта ноша становилась непосильным трудом, но по-прежнему адаты не позволяли мужчинам носить воду, а гужевого транспорт не использовался даже в XX веке. Примечательно, что культ водоносного кувшина неиссякаем, и

Археология Средневековья

он является составной частью приданого некоторых дагестанских невест даже в наши дни, несмотря на то, что они живут в городских квартирах с водопроводом.

Таким образом, почти вся посуда в древности и вплоть до XX в. была культовой и несла на себе орнамент в виде магической и заклинательной символики. Посуда должна была находиться на главном «иконостасе» священного жилища *цЛулал рукъ*, стенка которого слита в единое целое со священными столбами. Символ «древа жизни» – корневой столб (*къолбол хЛуби* – аварск.) – выражал представление о Великой богине, а посуда, развешанная на ее «платье» и по обе стороны «рук» – спиралеобразных капителей, выступала атрибуцией самой богини. Именно это и породило культ посуды, который пережил средневековье и дошел до наших дней, сохранив ритуальное и утилитарное значение одновременно.

К XIV-XV вв. почти во всех дагестанских обществах, кроме западных (Цезы, Тиндал, Багулал, Чамалал, Гидатль, Карах, Кулал), священные столбы отделились от *цЛулал рукъ* и превратились в единый центральный столб – ипостась хозяина дома, патриарха. Столб переместился в середину обширной жилой камеры, а то и вовсе исчез, а посуда, которая была атрибутикой Великой богини, продолжает висеть на уже каменных стенах «домашних музеев», сохранив языческую сущность.

Литература

- Агларов М.А., 1973. Две деревянные чаши из Анчиха // МАД. Т. III.
- Дебиров П. М., 1982. Резьба по дереву в Дагестане. М.
- Дебиров П.М., 2001. История орнамента Дагестана: Возникновение и развитие основных мотивов. М.
- Маммаев М.М., 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана. Махачкала.
- Марковин В.И., 1994. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.
- Миллер А.А., 1927. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана // МЭР. Т. IV. Вып. 1.
- Мовчан Г. Я., 2001. Старый аварский дом в горах Дагестана и его судьба. М.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф., 1956. Памятники эпохи бронзы в Дагестане // СА. Вып. XXVI.
- Орбели И.А., 1938. Албанские рельефы и бронзовые котлы // Памятники эпохи Руставели. А.
- Сагитова М.Д., 2004. Аркасский склеповый могильник. // Проблемы древней истории и культуры Северного Кавказа. М.
- Сагитова М.Д., 2012. Чохто: Этнографический и археологический аспекты изучения // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. Махачкала.
- Шиллинг Е.М., 1937. Кубачи. Пятигорск.
- Шиллинг Е.М., 1949. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л.

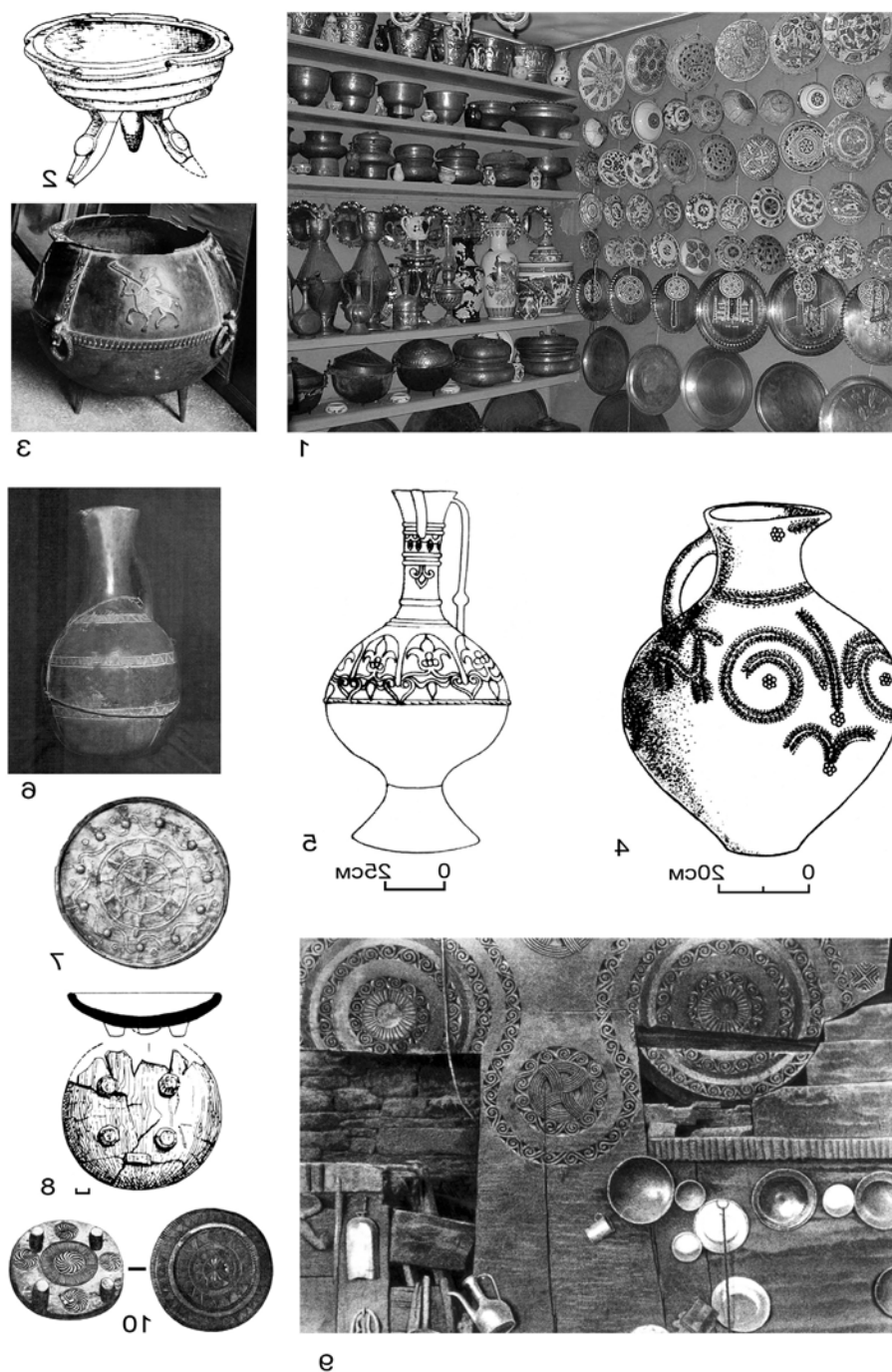

Рис. 1. 1 – домашний «музей» в сел. Кубачи; 2 – деревянная чаша из сел. Анчих (XI-XII вв.; по: Маммаев, 1989. Рис. 188); 3 – кубачинский бронзовый котел, XIV-XV вв.; 4 – кувшин урцекского типа (по: Дебиров, 2001. Рис. 5-а); 5 – кувшин из сел. Гоцатль, XX в. (по: Дебиров, 2001); 6 – кувшин албаносарматского времени из ДГОИАМ (по: Дебиров, 2001. Рис. 10); 7 – тазик с чеканным узором конца XIX – нач. XX в., сел. Гоцатль (по: Дебиров, 2001. Рис. 110-в); 8 – деревянный поднос из катакомбы Манасского кургана эпохи средней бронзы (по: Марковин, 1994. Табл. 96, б); 9 – Дом Хадулал, сел. Тидиб (по: Мовчан, 2001. Рис. 219); 10 – плоский деревянный поднос, сел. Рутуджа (по: Дебиров, 1982. Рис. 185-186).

Д.А. Столярова

Институт археологии РАН, г. Москва

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ УКРАШЕНИЙ ТАРСКОГО И ХАЗНИДОНСКОГО МОГИЛЬНИКОВ

Представленное исследование посвящено начальному этапу изучения коллекции Тарского (Октябрьского) и Хазнидонского могильников VIII – IX вв. с целью реконструкции техники изготовления украшений.

Памятник расположен возле одноименного населенного пункта в Правобережном районе Северной Осетии, на правом берегу р. Камбилеевки (бассейн Терека). Исследование Тарского (Октябрьского) могильника было начато в 1977 г. в рамках срочных охранных раскопок Э.С. Кантемировым, а в 1979 г. продолжено Н.И. Гиджрати, так же, как и раскопки Хазнидонского могильника. По результатам раскопок было определено, что эти памятники относятся к типичным аланским могильникам (погребальное сооружение – катакомба, обряд трупоположения, типично аланские украшения, оружие и т.п.) и вписываются в картину аланских памятников Северокавказского региона, в т.ч. находят параллели в материалах могильников Чечни и Ингушетии (*Кантемиров, Дзаттиаты*, 1995. С. 314).

Исследованная выборка составляет 137 экземпляров (из 10 погребальных комплексов Тарского могильника, а также из 4 погребальных комплексов Хазнидонского могильника), среди которых предметы из цветных и драгоценных металлов: украшения, элементы поясного набора, зеркала, обкладки рукоятей ножей и ножен (15 браслетов, 19 бубенчиков, 18 бусин и привесок, 13 перстней, 4 кольца, 13 серег (3 из них парные), 14 наборов и одиночных экземпляров поясных накладок и бляшек, 10 пряжек и один полный поясной набор, 6 зеркал, 5 вотивных зеркал, 12 металлических обкладок рукоятей ножей и ножен, а также прочие предметы и фр-ты украшений (7 шт.).

На начальном этапе исследования, основанного на визуальном осмотре и фиксации технологических следов с помощью фотокамеры с макрообъективом, были получены основные данные, позволяющие вывести некоторые общие закономерности техники изготовления украшений из исследованной выборки.

76 предметов выборки изготовлены с помощью различных операций пластической деформации: 18 предметов созданы с помощью простейших операцийковки, 25 предметов сделаны с использованиемковки в сочетании с дополнительными операциями пластической деформации (с помощью двух щипцов, при нагревании с отжигом, тиснения на смоляной или свинцовой подушке посредством различных штампов и пуансонов с различными окончаниями, операций волочения, кручения проволоки и т.п.); 5 предметов изготовлены путемковки в сочетании с соединением конструктивных деталей, и 28 предметов – в процессе сложных работ, сочетающих в себе иковку, и вышперечисленные операции дополнительной пластической деформации, и соединение конструктивных деталей.

61 предмет из выборки был произведен с помощью различных литейных операций. 42 предмета изготовлены путем литья (в двусторонние формы, в том числе по оттиску готовых изделий, а также с помощью литья по выплавляемой восковой модели), 10 предметов – с помощью указанных способов литья в сочетании с операциями пластической деформации (дополнительной проковкой, уплотнением и опиливанием некоторых деталей, нанесением орнамента зубильцем после отливки), 3 предмета произведены с помощью операций литья в сочетании с соединением конструктивных деталей и 6 предметов сделаны в результате сложного процесса, включающего и литье, и операции дополнительной пластической деформации, и соединение отдельных конструктивных деталей.

Браслеты производились различными способами пластической деформации. Бубенчики, в основном, отливались по выплавляемой восковой модели, но несколько экземпляров были изготовлены с помощью операций пластической деформации в сочетании с соединением конструктивных деталей. Многочисленные в коллекции пластинчатые спи-

Археология Средневековья

ральные пронизи и частично бусины производились путем различных операций пластической деформации, а часть привесок-пуговиц была отлита, предположительно, по восковой модели. Перстни делятся на кованые, произведенные с помощью сложных операций пластической деформации в сочетании с соединением конструктивных деталей, и литые – произведенные в процессе литья в двустороннюю форму по оттиску готовых изделий или по восковой модели в сочетании с дополнительными операциями пластической деформации. Кольца произведены с помощью операций пластической деформации и одно кольцо отлито в двустороннюю форму. Серьги из коллекции Тарского и Хазнидонского могильников все произведены с помощью сложнейших и тонких операций, включающих различные приемы пластической деформации, а также соединение множества отдельных конструктивных деталей.

Все зеркала типичны для аланских древностей IX в. (петельчатые, орнаментированные) и отлиты в двусторонние формы, одна сторона которых была гладкой, а на другую наносился орнамент, в основном, геометрический. Интересна группа вотивных миниатюрных петельчатых зеркал (d около 25 мм), которые в точности повторяют форму и способ отливки петельчатых орнаментированных зеркал (только тыльная сторона этих маленьких зеркалец часто не орнаментировалась, а оставалась необработанной). Бытовое назначение этих предметов неясно.

Отдельно стоит отметить наличие в исследованной выборке нескольких миниатюрных фигурных копоушек, отлитых по восковой модели.

Среди деталей поясного набора встречаются как простые накладки, изготовленные с помощью операций пластической деформации, так и бляшки, отлитые в двустороннюю форму по оттиску готовых изделий, а также с последующим применением операций пластической деформации. Все пряжки из выборки отлиты в двусторонние формы, иногда с применением дополнительной обработки приемами пластической деформации, а в отдельных случаях в процессе сложных операций, включающих и литье, и дополнительную обработку и соединение нескольких конструктивных деталей.

Обкладки рукоятей ножей (или ножен) все произведены с помощью различных операций пластической деформации в сочетании с соединением конструктивных деталей. В некоторых случаях вместе с металлической обкладкой сохранялась сама деревянная основа (рукоять), на которую обкладка прикреплялась с помощью маленьких гвоздиков или штырьков. В некоторых случаях сохранялась полностью обкладка рукояти, состоящая из основы и двух обоймиц.

Таким образом, по первичным результатам изучения техники изготовления украшений из коллекции Тарского и Хазнидонского могильников можно сказать, что ювелиры, обслуживавшие население, оставившего эти некрополи, владели широким спектром технологических приемов, включающих и операции пластической деформации и различные литейные операции. Для производства украшений они использовали богатый набор различных инструментов – молоточки, зубильца, штампы и различные пуансоны, миниатюрные наковальни, оправки разных форм, резцы и т.д. Также они владели такими сложными техниками, как волочение проволоки, производство миниатюрных зерненных бусин, соединение мельчайших деталей в сложносоставные украшения как с помощью механических приемов, так и с помощью спаивания деталей. Можно предположить, что такими глубокими познаниями в ювелирном деле мастера могли быть обязаны не только совершенствованию местных традиций, но и привнесению нового опыта населения сопредельных территорий, а может быть и приходу мастеров с этих территорий.

Литература

Кантемиров Э.С., Дзаттиаты Р.Г., 1995. Тарский катакомбный могильник VIII – IX вв. н.э. // Аланы: история и культура. ALANICA Т. III. Владикавказ.

Р.Б. Схатум, Ю.В. Зеленский

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына, г. Краснодар

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ ПОЛОВЕЦКИХ ИЗВАЯНИЙ В КРАСНОДАРСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

За последние несколько лет (2010–2013 гг.) в фонды КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына поступило три найденные на территории Краснодарского края каменных половецких изваяния: два мужских и одно женское. Активное и непосредственное участие в пополнении фондов новыми изваяниями приняли авторы настоящей статьи.

Информация о первом из трех рассматриваемых половецких изваяний поступила сотрудникам КГИАМЗ летом 2010 года. Оно было вывернуто плугом во время пахотных работ на земельном участке, находящемся между ст. Новодонецкой и хут. Первомайским Выселковского района, в 2,7 км к юго-западу от первой, и перевезено первоначально в местный музей пос. Бейсужек. Позднее информация об этом была подтверждена Л.Э. Голубевым, которым «при визуальном обследовании на месте находки было выявлено, что изваяние находилось на одном из трех сильно распаханых, плотно расположенных друг к другу курганов, которые образуют группу № 6441 [Закон Краснодарского края... от 17.08.2000 г. 313-КЗ]» (Голубев, Зеленский, 2012. С. 17).

4 ноября 2010 года, авторами изваяние было доставлено в Краснодарский музей.

Половецкая статуя представляет собой схематичное скульптурное изображение мужской фигуры, выполненное из песчаника. На голове изваяния – шапочка шлемообразной формы. На груди слабо читаются нагрудные круглые бляхи, но, скорее всего, в древности они были видны более четко. Очень хорошо сохранились изображение сосуда и пальцев рук. Определенно читается край подола верхней одежды – кафтана(?). Изваяние сильно повреждено плугом, особенно корпус, лицо и задняя сторона, а также почти полностью утрачена нижняя часть. Сохранившаяся высота статуи – 131,5 см, с учетом недостающей нижней части, она была, вероятно, не менее 150–160 см; ширина и толщина в районе груди (круглых блях) – 49 и 29 см соответственно.

25 октября 2012 г. авторы настоящей статьи выехали за вторым изваянием в ст. Ильинскую Новопокровского района. Как указал один из местных жителей, оно было найдено на одном из пахотных полей недалеко от ст. Ильинской. По приезду на место, мы обнаружили яму на углу поля, которая находилась примерно в 10–15 м от дороги и в 5–7 м от лесополосы. Более точные координаты места находки были зафиксированы с помощью GPS. Размеры ямы: примерно 2,5 x 1 м, глубина – примерно от 0,5 до 1 м. Сохранность изваяния и обстоятельства находки свидетельствуют о том, что оно было выкорчевано плугом при очередной распашке поля¹, об этом же свидетельствуют обнаруженные в яме фрагменты от каменной «бабы». Судя по форме и размерам ямы, характеру повреждений на статуе, а также по рассказам чело-

1 На месте был найден старый исковерканный ржавый плуг, – видимо, изваяние задевали при сельскохозяйственных работах и раньше.

века, обнаружившего находку, изваяние в древности было вкопано в сильно распаханный курган и находилось полностью под землей, вероятно, в горизонтальном или под углом по отношению к горизонту положении. С учетом того, что больше всего от плуга пострадала задняя часть статуи, по-видимому, она лежала лицевой стороной вниз. Судя по длинной оси ямы, изваяние было ориентировано по линии З–В, предположительно головой на восток.

Изваяние представляет собой женскую каменную половецкую статую вытянутой формы, сильно посеченную плугом сзади, голова полностью отсутствует, хотя часть фрагментов, которые удалось обнаружить в яме на поле, скорее всего, принадлежат ей. На шее изображено лазуритовое (?) ожерелье из камней ромбической и иной формы. Ниже него, над грудью, читаются две гривны, расположенные почти вплотную и параллельно друг к другу. Достаточно рельефно выделены женские груди, между которыми с шеи на веревочке (?) свисает мешочек (с оберегом?). Под слегка выпирающим животом мастер изобразил пояс, к которому прикреплены напильник (?), зеркало тыльной стороной наружу (на которой читается крестообразный узор), и некоторые другие предметы.

Размеры сохранившейся части изваяния: высота – 162 см (с учетом же утраченной головы – не менее 185–190 см, возможно, до 2 м). Ширина и толщина в груди – 52 и 32 см соответственно.

Третье изваяние было доставлено нами 19 ноября 2013 г. из х. Мирного Выселковского района Краснодарского края. Оно находилось в лесополосе, куда, по-видимому, было вынесено трактористами или охранниками полей². В более раннее время, может быть даже в древности, у изваяния были утрачены полностью голова, частично задняя сторона и в значительной степени нижняя часть вплоть до пояса. Спереди видны свежие следы от поврежденных разной формы и величины, вероятно, от плуга, особенно большая «борозда» начинается с правого плеча и переходит на правый бок.

Рассматриваемая статуя, судя по деталям одежды на ней, представляет собой мужское изваяние. Несмотря на существенные повреждения, на нем хорошо читаются качественно проработанные элементы одежды. Плечевые и нагрудные ремни как бы украшены прямоугольными (близкими к квадратной форме) бляшками, прикрепленными сплошь. В местах их соединения на груди отчетливо читаются круглые бляхи. Рельефно показаны пальцы рук, которые держат сосуд (кубок?) в районе живота. Не менее качественно показана была и поясная гарнитура и подвешенные к ней различные аксессуары: нож, напильник(?) и другие предметы³.

Высота сохранившейся части изваяния составляет 88,5 см (с учетом сильных утрат в верхней и нижней части вероятная минимальная высота изваяния могла достигать 150–160 см); ширина и толщина в плечах и груди – 50 и 20 см соответственно.

Из-за плохой сохранности первого (мужского) изваяния найти ему наиболее близкие аналогии не удалось. В целом, оно типично для мужских каменных половецких статуй, датируемых исследователями обычно XII–XIII вв., и находит определенные аналогии другим изваяниям, в том числе хранящимся в Краснодарском музее (*Ждановский, 1977. С. 289–292*). Второе (женское) изваяние находит ряд аналогий другим каменным половецким

2 Более точное место находки установить не удалось.

3 Левая сторона повреждена до пояса, поэтому определить что было с этой стороны сложно либо невозможно.

Археология Средневековья

статуям по ряду деталей: расположение ожерелья и гривен, зеркал на поясе и другим признакам. Для третьего (мужского) изваяния наиболее близкой аналогией является другая половецкая статуя из фондов КГИАМЗ (*Плетнева*, 1974. № 1120). Однако, в отличие от нее, у рассматриваемого изваяния подвесной ремешок спускался вниз не только от центральной части нагрудного ремня, но и от двух круглых блях, соединенных им. Возможно, их количество, как и подвесные ремешки на поясе, также несло определенную смысловую нагрузку.

На наш взгляд, три вышеописанные изваяния датируются в пределах середины – второй половины XIII – XIV вв.

Судя по обстоятельствам находок, первые две статуи относятся к так называемым скрытым изваяниям. Наиболее вероятно, что и третья мужская «баба», обнаруженная в лесополосе, была до этого выпажана плутом. Об этом могут свидетельствовать характерные свежие следы повреждений на ней.

Таким образом, за 2010–2013 гг. коллекция половецких каменных изваяний КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына увеличилась до 74 единиц, и на сегодняшний день является самой крупной не только в России, но и, по видимому, в мире.

Литература

Голубев Л.Э., Зеленский Ю.В., 2012. Новая находка половецкого каменного изваяния из степного Прикубанья (Выселковский район) // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. К 70-летию исследования Убинского могильника: Материалы межрегионального круглого стола (г. Краснодар, 9 июня 2011 г.). Краснодар.

Ждановский А.М., 1977. Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской // СА. № 1.

Плетнёва С.А., 1974. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е1-4. М.

А.А. Туаллагов

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований, г. Владикавказ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ДАВНЕЙ НАХОДКЕ

Одним из наиболее известных памятников аланской эпиграфики является Зеленчукская надпись. Она была обнаружена и зарисована летом 1888 г. Д.М. Струковым. В 1892 г. с надписи был снят оттиск из бумаги Г.И. Куликовским. Впервые Зеленчукская надпись, точнее ее выкопировка (репродукция), созданная на основании данных рисунка Д.М. Струкова и оттиска Г.И. Куликовского, была опубликована и проанализирована В.Ф. Миллером в 1893 г. (Миллер, 1893). В 1968 г. рисунок Д.М. Струкова был опубликован В.А. Кузнецовым (Кузнецов, 1968).

В протоколе № 320 от 27 января 1889 г. заседания ИМАО отмечалось, что на данном заседании В.Ф. Миллер прочел доклад под заглавием «Древнеосетинский памятник из Кубанской области». На заседании было постановлено выразить благодарность докладчику и напечатать сам доклад в «Материалах по археологии Кавказа». Также было принято решение просить иеромонаха ближнего Зеленчукского монастыря Серафима снять оттиск с камня.

Известно, что иеромонах Серафим (Стефан Титов) с октября 1886 г. ходатайствовал о восстановлении Зеленчукских храмов и об устройении при них мужской общежительной пустыни. Мужской общежительный монастырь, названный Свято-Алекса́ндро-Афо́нской Зеленчу́кской общежи́тельной пусты́нью, был открыт указом Синода от 12 сентября 1889 г. Фактическое его открытие состоялось 12 ноября 1889 г. Тогда же иеромонах Серафим был возведен в сан игумена. Игумен Серафим согласился на открытие в монастыре отдела монастырских древностей при Ставропольском Епархиальном Церковно-Археологическом Обществе и обещал доставить и поместить все находки в специальную витрину, в том числе и каменный крест с греческой надписью 1013 г. Хранение найденных предметов игуменом было отмечено Д.М. Струковым.

Любезно откликнувшись на мою просьбу, за что я приношу искреннюю благодарность, Д.В. Белецкий предоставил мне соответствующие фотоснимки рисунков из альбома Д.М. Струкова, хранящегося в Архиве Императорской Археологической Комиссии ИИМК РАН в г. Санкт-Петербург. Один из фотоснимков представлял известную публикацию В.А. Кузнецова (вновь опубликовано – *Перфильева*, 2013) рисунка Зеленчукской надписи Д.М. Струкова (лист № 49). Среди других фотоснимков из альбома был также представлен лист № 20, на котором вновь представлен рисунок Зеленчукской плиты и каменного креста. Рисунок второго сопровождается пояснением: «Надпись на каменной плите креста, снимок с рисунка П. Буткова. Крест найден осенью 1884 г. на кладбище при храме А» (собственный рисунок креста представлен на другом листе альбома Д.М. Струкова). Рисунок Зеленчукской плиты также сопровождается пояснением: «Надпись на плите в 30 верст от ущелья Зеленчука по снимку Иеромонаха Серафима». Данные рисунки, но без пояснительных надписей, представлены на следующем листе № 21.

Таким образом, следует полагать, что иеромонах Серафим выполнил просьбу ИМАО. Но он, насколько можно понять из пояснения, снял не оттиск, а сделал свою копию (рисунок) с Зеленчукского камня. Данная копия была передана Д. М. Струкову. Это дает нам основание внести некоторые коррективы в прежде принятые представления.

Археология Средневековья

Зеленчукский камень был обследован *in visu* не двумя, а тремя людьми – Д.М. Струковым, иеромонахом Серафимом и Г.И. Куликовским. Время снятия копии с камня иеромонахом Серафимом логично помещать между принятым к нему обращением ИМАО и временем возведения иеромонаха Серафима в сан игумена. Скорее всего, рисунок был сделан в промежутке от весны до осени 1889 г. Насколько известно, в том же 1889 г. Д.М. Струков вновь посетил район Зеленчука, что может определять момент передачи ему своей копии с Зеленчукской плиты иеромонахом Серафимом. Но, по не известным нам причинам, Д.М. Струков не ознакомил В.Ф. Миллера с еще одним рисунком Зеленчукской надписи.

Мы можем констатировать, что в 1888 г. Д.М. Струков и в 1889 г. иеромонах Серафим зарисовали Зеленчукский камень с надписью. В 1892 г. Г.И. Куликовский снял с Зеленчукского камня оттиск. Таким образом, сегодня в распоряжении исследователей оказываются две копии с камня, исполненные Д. М. Струковым и иеромонахом Серафимом, и репродукция В.Ф. Миллера, составленная автором по копии Д.М. Струкова и с учетом данных оттиска Г.И. Куликовского. Рисунок иеромонаха Серафима позволяет произвести сопоставление его данных с данными рисунка Д. М. Струкова и репродукции В.Ф. Миллера, что может, в свою очередь, иметь значение для верификации данных, как самой надписи, так и представленных примеров ее дешифровки.

Сама надпись является двуязычной и представляет собой христианскую эпитафию. Ее начало и окончание составлены на греческом языке, а центральная, основная часть – на аланском языке. Начало надписи: I(ησου)[ς] X(ριστο)ς ο άγι(ος) N(ι/η)κόλαος – «Иисус Христос, Святой Николай». Конечная сигма в сокращении I(ησου)[ς] была разрушена выбоиной. В ο άγι(ος) представлены скорописные υι, и по ошибке переставлены местами две последние буквы (*Zgusta*, 1987). В N(ι/η)κόλαος начертание первой буквы N и пропуск второй буквы имеют многие близкие по времени и месту аналогии. Сама греческая форма имени N(ι/η)κόλαος с конечной сигмой отделяет его от последующих имен в основной части надписи. Таким образом, в начальных строках 1-5 надписи, исполненных на фоне креста, мы имеем дело с инвокацией, которая выражена не в вокативе, а в номинативе, что допускалось в христианской эпиграфике того и более позднего периодов. Последние 4 буквы надписи отделены от предшествующего, аланского текста точкой и представляют сокращение OΘC[N] – ο Θ(εο)ς [v](ι/ηκα) – «Бог побеждает» (*Zgusta*, 1987).

Литература

- Кузнецов В.А., 1968. Новые данные о Зеленчукской надписи X века // ИСОНИИ. Т. XXVII. Языкознание. Орджоникидзе.
- Миллер В.Ф., 1893. Древне-осетинский памятник Кубанской области // Материалы по Археологии Кавказа. Вып. III. М.
- Перфильева Л.А., 2013. Альбом рисунков художника и археолога Д. М. Струкова как исторический источник для изучения христианских древностей Северного Кавказа // Актуальные вопросы истории христианства на Северном Кавказе: Материалы V Международных Свято-Игнатиевских чтений. Ставрополь.
- Zgusta L.*, 1987. The Old Ossetic Inscription from the river Zelenčuk. Wien.

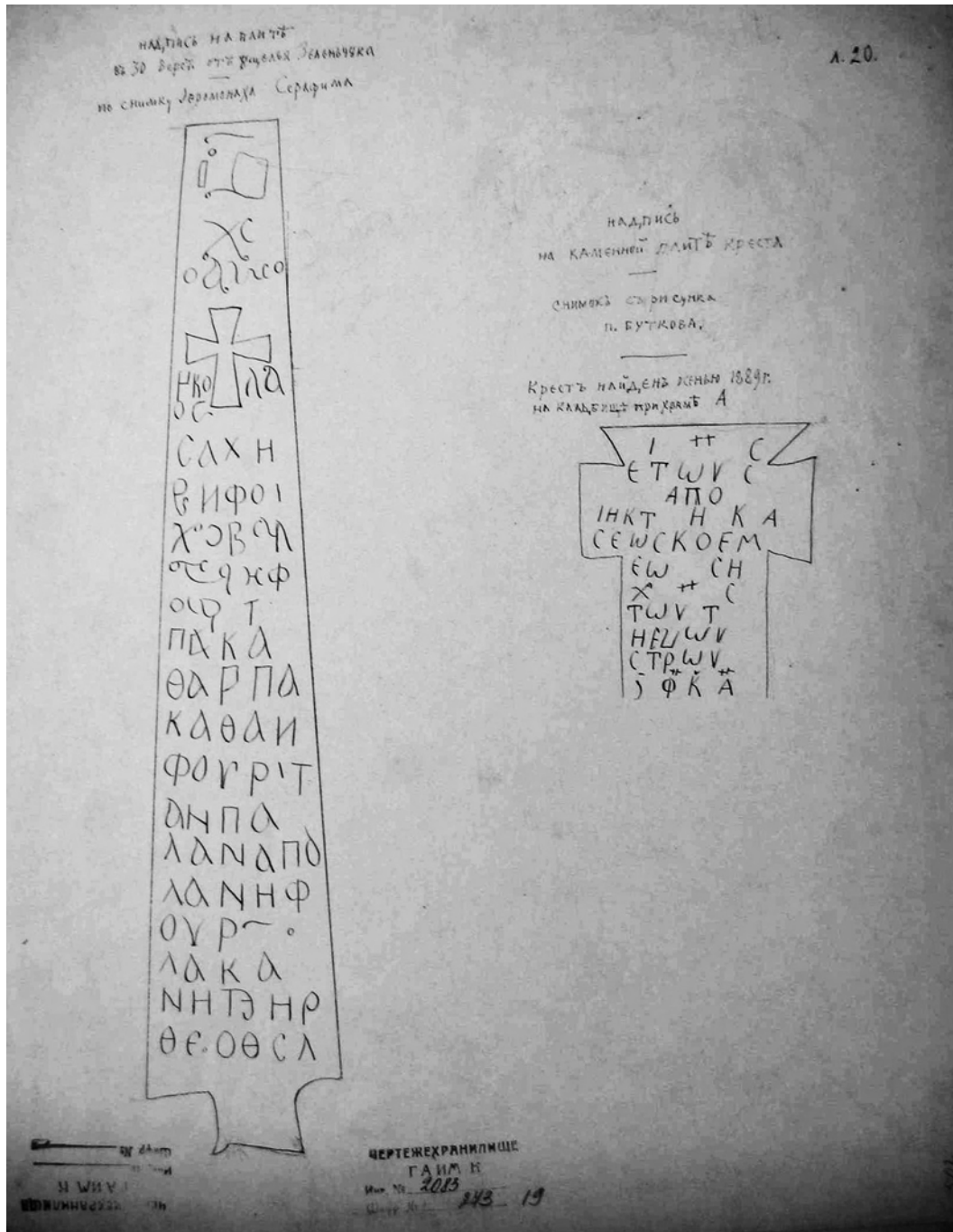

Рис. 1. Прорисовка Зеленчукской плиты с указанием авторства иеромонаха Серафима (альбом чертежей и рисунков Д. М. Струкова, лист № 20)

П.С. Успенский

Институт археологии РАН, г. Москва

ПОГРЕБЕНИЯ ВСАДНИКОВ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ КРЕМАЦИОННЫХ НЕКРОПОЛЕЙ)

Одной из интересных черт погребального обряда у средневекового населения Северо-Западного Кавказа является традиция подчеркивания всаднического статуса погребенного. Это выражается в обычае сопровождения умершего индивида захоронением лошади или набором конского снаряжения.

Довольно ярко данная традиция прослеживается в погребениях по обряду трупосожжения в период VIII-XIII вв. Следует отметить, что в течение всего времени существования обряда кремации способ маркирования погребений всадников был различным.

В погребениях хазарского времени чертой, обозначающей всадническое захоронение, является наличие в сопровождающем погребальном инвентаре конского снаряжения или его отдельных элементов. Как правило, такие могилы богаты и другими вещами. Захоронения лошадей для VIII-IX вв. не характерны. Единичные конские погребения, сопровождаемые скудным набором конского снаряжения, обнаружены на могильнике 8-я щель (Птицефабрика) под г. Новороссийском. Расположение могил лошадей не позволяет говорить о том, что они сопровождали погребение человека. Также не являются они и кенотафами, поскольку в них не выявлены вещи, которые могли принадлежать умершему человеку. Подобные захоронения коней с элементами конского снаряжения могли принадлежать боевым лошадям, погибшим в бою или умершим своей естественной смертью и погребенным за свои заслуги по желанию хозяина на родовом участке могильника (Аксенов, 2012. С. 211).

Необходимо отметить, что у народов юга Восточной Европы обычай сопровождать погребение человека захоронением лошади был распространен довольно широко. Но форма его отображения в погребальном комплексе различная. В 21% погребений из курганов с ровиками хазарского времени находился полный костяк лошади (Иванов, 1999. С. 119). Заметно реже сопровождающие конские захоронения фиксируются в грунтовых ямных и катакомбных могильниках лесостепной полосы. Такие комплексы исследованы в Дмитриевском, Нетайловском, Крымском и Рубежанском могильниках (Пьянков, Тарабанов, 2008. С. 282; Плетнева, 1989. С. 247; Аксенов, 2012. С. 207; Савченко, 1986. Рис. 9; Аксенов, 2001. С. 68. Рис. 5).

В печенежско-половецкий период (X-XIII вв.), у населения Северо-Западного Кавказа, происходит изменение ряда черт всаднических погребений. Становится характерным сопровождение человеческого погребения целым костяком лошади. Во всех грунтовых кремационных погребениях X-XII вв. урна с трупосожжением сопровождалась только одним целым костяком лошади. Урна находилась в одной яме с погребением лошади. Костяк лошади покоился на правом или левом боку с подогнутыми к туловищу ногами. Устойчивой ориентировки у исследуемых конских погребений не прослеживается, но преобладающими направлениями являются юго-восток и восток. В расположении погребального инвентаря наблюдаются две основные закономерности. Первая – весь инвентарь сосредоточен в одной части ямы, вто-

рая – инвентарь располагался в определенном порядке: удила находились в зубах у лошади, стремяна в районе спины-живота, у морды лошади могли быть различные детали несохранившейся узды, сабля размещалась за позвоночником лошади или в ногах, там же мог находиться и колчан со стрелами. Между мордой и передними ногами лошади помимо погребальной урны иногда находился кувшин. По-видимому, во втором случае лошадь помещалась в погребение уже взнузданной и оседланной.

В синхронных кочевнических погребениях весьма характерной чертой является сопровождение человеческого костяка захоронением лошади. Однако, в отличие от кремационных погребений Закубанья (где зафиксированы только целые костяки), для печенежско-торческих погребений свойственны преимущественно чучела коней.

В подкурганых кремационных погребениях конца XII-XIII вв. происходит увеличение процента всаднических комплексов, но основные черты погребального обряда сохраняются. Основным отличием является расположение урны с прахом умершего относительно захоронения лошади – урна могла располагаться как в одной яме с лошастью, так и отдельно. Захоронения лошадей совершены в ямах овальной или округлой формы. В могильной яме находилось, как правило, по одному целому костяку лошади, покоящемуся на левом или правом боку с подогнутыми к туловищу ногами. Ориентировка костяков не устойчивая, однако, преобладает северо-западное, западное и юго-западное направления. Как и в предшествующее время, зафиксированы две основные закономерности расположения инвентаря относительно костяка лошади: компактно в одной части ямы или в определенном и довольно строгом порядке.

В двух могильниках из Западного Закубанья погребения всадников сопровождалась отдельной ямой с набором инвентаря. В рассматриваемых могильных ямах в большинстве случаев находился только инвентарь (оружие, предметы конского снаряжения, керамика), только в 5 комплексах был выявлен череп лошади, располагавшийся у стенки могильной ямы. Без сомнения, рассматриваемые ямы с набором инвентаря являются сопутствующими для погребения человека. Расположение комплексов во внутрикурганном пространстве, конструктивные особенности могильной ямы, наличие предметов конского снаряжения и черепов коней, отчасти расположение погребального инвентаря, все это сближает указанные погребальные сооружения с комплексами, сопровождаемыми захоронением целой лошади. На Северо-Западном Кавказе трупосождениям синхронны ингумационные погребения, сопровождаемые захоронениями лошадей, из Цемдолинского могильника, также все рассматриваемые погребения лошадей из курганных некрополей демонстрируют большое сходство с комплексами из погребений кочевников, однако это сходство не является абсолютным.

Представленный материал из погребений всадников позволяет проследить динамику развития и трансформации обряда сопребения человека и лошади в кремационных некрополях. Так в комплексах хазарского времени доминирующим типом захоронений всадников являлись комплексы, содержащие только предметы конского снаряжения, без каких либо следов скелета лошади. Захоронения лошадей, в этот период редки и являлись, вероятно, отдельными погребениями боевых коней, не связанными с погребением человека. В последующий период (X-XII вв.), происходит изменение погребально-

Археология Средневековья

го обряда всаднических комплексов: основным маркером таких захоронений становится обычай сопровождать погребение человека целым костяком лошади. Эта традиция сохраняется и в подкурганных трупосожжениях конца XII-XIII вв., в это время появляются погребения, сопровождаемые только ямой с набором погребального инвентаря, без следов скелета лошади.

Таким образом, обычай сопровождать погребение человека захоронением лошади или иной способ подчеркивать всаднический статус погребенного являлся характерной чертой погребального обряда у населения Северо-Западного Кавказа в период VIII-XIII вв. В исследуемых комплексах прослеживаются черты, распространенные в различных памятниках юга Восточной Европы.

Следует отметить, что захоронения коней, сопровождающие кремационные погребения, имеют довольно много общих черт с кочевническими комплексами, и вероятно, увеличение процента погребений, сопровождаемых ритуальным захоронением лошади в курганных могильниках, связано с влиянием кочевников. Но данный тезис не является указанием единственно возможной причины появления и развития традиции захоронений коней в могильниках с кремационными погребениями. Традиция погребений всадников, сопровождаемых захоронением лошади, существовала у населения Северо-Западного Кавказа и в более раннее время, это демонстрируют ранние хронологические группы погребений некрополя Дюрсо.

Литература

- Аксенов В.С.*, 2012. Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003-2010 годов) // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 9. Донецк.
- Аксенов В.С.*, 2001. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // ДА. № 1-2. Ростов-на-Дону.
- Иванов А.А.*, 1999. Раннесредневековые подкурганные кочевнические захоронения второй половины VII-первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: дис...канд. ист. наук Волгоград.
- Плетнева С.А.*, 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
- Пьянков А.В., Тарабанов В.А.*, 2008. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: опыт сопоставления // Древности юга России. М.
- Савченко Е.И.*, 1986 Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Вып. 1. М.

П.С. Успенский

Институт археологии РАН, г. Москва

ИЗУЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА ПО МАТЕРИАЛАМ КРЕМАЦИОННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ VIII-XIII ВВ.

Исследование социальной структуры древних обществ по данным погребального обряда не является однозначной задачей. Решение этого вопроса особенно осложнено в тех случаях, когда исследователь имеет дело с материалом, в котором отражены умеренные или слабые различия в богатстве и трудозатратах на организацию погребений или постройки жилищ.

Данная работа является попыткой изучения социальной стратификации средневекового населения Северо-Западного Кавказа по материалам погребений с обрядом трупосожжения.

Для исследования социальной стратификации использовались только не разрушенные погребения, для чистоты эксперимента, не учитывались коллективные комплексы. Поскольку для анализируемых могильников практически полностью отсутствуют антропологические определения, из рассматриваемой выборки исключены безынвентарные погребения и комплексы с невыразительным инвентарем. Ввиду ограниченности источниковой базы исследования, полученные выводы носят предварительный характер.

Для всех анализируемых погребений был составлен список признаков (предметы материальной культуры), которые могли являться гипотетическими маркерами социальной дифференциации погребенных. При составлении списка учитывались такие признаки, которые показали свою эффективность как маркеры социальной дифференциации погребений и уже использовались при изучении социальной стратификации в других исследованиях. Далее, все отобранные признаки анализировались с использованием методов многомерной математической статистики.

Изучение социальной стратификации погребений проходило по трем хронологическим периодам: VIII-IX вв., X-XII вв., конец XII-XIII вв.

Исследование первого периода базировалось на выборке, состоящей из 127 мужских погребений, анализируемых по 13 признакам и из 114 женских, для анализа этой группы комплексов также использовалось 13 признаков. Среди погребений второго хронологического периода было отобрано 55 мужских погребений, анализируемых по 12 признакам и 52 женских (для анализа использовалось 9 признаков). Третий период изучался на основании выборки, включавшей 115 мужских и 35 женских погребений, мужские погребения анализировались по 18 признакам, а женские – по 11.

В результате проведенного исследования, можно сделать следующие основные выводы.

К первому периоду, VIII-IX вв., относится весьма представительная выборка, состоящая из 241 погребения. В результате анализа сопровождающего инвентаря мужских погребений удалось выделить два общественных ранга, в основе разделения которых лежит система воинской организации общества. В целом, в мужских погребениях весьма высок процент встречаемости предметов конского снаряжения (38%). Первая группа (ранг 1) нами условно именуется погребения воинов-всадников, вторая группа (ранг 2)

Археология Средневековья

связывается с пешими воинами. Среди погребений первого ранга выделяют комплексы составляющие, по-видимому, воинскую элиту, маркирующиеся предметами парадного конского убранства, наиболее полным набором вооружения, а также поясом. Погребения второй группы выглядят в значительной степени однородно. Выделенная нами структура мужского населения находит сходные черты с общественным развитием аланских обществ на Дону и Северном Кавказе.

Погребения печенежско-половецкого этапа разделяются нами на два хронологических отрезка: X-XII вв. и конец XII-XIII вв.

Для мужских грунтовых кремационных погребений X-XII вв. нами выделено два общественных ранга, также соотносящихся с пешими воинами и воинами-всадниками. Однако, в сравнении с предшествующим этапом, социальная структура мужского населения выглядит более аморфно. Основную его часть составляют погребения пеших воинов, тогда как доля всаднических комплексов заметно сокращается.

Для третьего этапа (конец XII-XIII вв.) характерно появление новых тенденций в общественном развитии у мужчин. Для этого периода, выделено три ранга мужских захоронений. Два из них связано с воинами-всадниками, один ранг интерпретируется как погребения пеших воинов. По материалам могильников рассматриваемого периода, в первую очередь, фиксируется заметное увеличение погребений конных воинов. Также выявлено углубление процессов дифференциации этой части мужского населения. Среди всей массы погребений воинов-всадников достаточно уверенно можно говорить о выделении наиболее представительных комплексов, вероятно связанных с воинской элитой. Остальная часть мужских погребений выглядит достаточно однородной, для нее характерен унифицированный набор конской упряжи и предметов вооружения.

Следует отметить, что для всех погребений печенежского-половецкого этапа характерен ряд изменений в наборе погребального инвентаря, используемого как маркеры социального статуса. В сравнении с погребениями хазарского этапа в погребениях полностью пропадают поясные наборы, из предметов вооружения исчезают боевые топоры и заметно сокращается количество копий. Кремационные погребения конца XII-XIII вв. демонстрируют высокую степень сходства со структурой кочевого общества.

На протяжении всего периода VIII-XIII вв. материалы из мужских кремационных погребений демонстрируют сходные тенденции в развитии социальной организации. Проведенный анализ свидетельствует о не очень активных процессах социальной дифференциации, проходивших в среде мужского населения. Значительная часть комплексов выглядит однородной в социальном плане. Для всех мужских погребений характерна единая основа социального ранжирования комплексов – система воинской организации общества. Это свидетельствует о весьма высокой степени милитаризованности населения, по всей видимости, все мужское население составляло войско.

Женские погребения всех трех хронологических этапов выглядят в значительной степени однородно, и их социальный статус прослеживается очень слабо. Ни для одного периода не удалось выявить признаки, которые могли бы отражать более высокий социальный статус индивида по отношению к остальной части женского населения.

Археология Средневековья

Полученная картина социальной организации общества Северо-Западного Кавказа, на материалах погребений по обряду трупосожжения, не может претендовать на исчерпывающую полноту выводов, приводимых в нашей работе. Это обусловлено тем, что в исследуемую выборку не вошли погребения с невыразительным инвентарем и полностью безинвентарные комплексы.

Динамика развития социальной организации племен Северо-Западного Кавказа в VIII–XIII вв., на примере проанализированной выборки погребений, предстает следующим образом.

На протяжении первого периода (VIII–IX вв.) характерен умеренный уровень дифференциации, преимущественно отражающийся на материалах мужских погребений. Погребения женщин выглядят в значительной степени однородно. Следует отметить, что в хазарский период структура исследуемого общества находит общие черты с общественным развитием аланского населения Северного Кавказа и Дона.

В течение следующего этапа X–XII вв. уровень социальной дифференциации несколько ослабевает, и общество выглядит более однородно. В период с конца XII – до конца XIII в. уровень социальной дифференциации заметно возрастает. По материалам мужских погребений отчетливо выделяются погребения наиболее знатных воинов, по-видимому, составляющие верхушку общества. Женские же погребения по-прежнему демонстрируют социальную однородность. Структура общества этого периода находит много общего с общественным развитием средневековых кочевников.

Письменные источники не отражают, в достаточной мере, социальную структуру населения Северо-Западного Кавказа. В частности, при упоминании касогов, арабо-персидский автор ал-Масуди сообщает об отсутствии у них единого царя, но о существовании вождей в отдельных племенах. Однако данных свидетельствующих о феодальных отношениях в среде адыгского общества мы не находим.

Рассмотренные нами материалы не позволяют говорить о всей системе социальной организации племен Северо-Западного Кавказа, поскольку решение этой проблемы требует привлечение гораздо большего круга источников. Однако, основываясь на полученных данных, население, оставившее после себя погребения по обряду трупосожжения, в период с конца VII по XIII вв. жило в обществе, которое определяется как «военная демократия». Археологические данные не позволяют говорить о существовании социальных структур характерных для общества с феодальными отношениями.

В.Н. Чхаидзе

Институт археологии РАН, г. Москва

ОСМАНСКАЯ КРЕПОСТЬ ХУНКАЛА

С появлением генуэзцев в начале XIV в. возросла роль города Матреги как торгового и административного центра. Помимо консульства, генуэзцы имели здесь свои торговые учреждения. Во второй половине XV в. при финансовой помощи Каффы, здесь, к востоку от Таманского городища, была построена крепость (*Зевакин, Пенчко, 1938. С. 79-81*).

Однако уже в 1475 г. военные силы Османской империи заняли Крым и вторглись на территорию Северо-Западного Предкавказья – Таманский полуостров был захвачен. Следующий военный поход состоялся в 1479 г. Чтобы укрепить свою власть и влияние, Порты на рубеже XV–XVI вв. приступила к развертыванию в регионе системы крепостей и опорных пунктов, одним из которых с 1501 г. стала Таманская крепость (перестроенная генуэзская), получившая название Хункала. В 1515–1519 гг. возводятся крепости Темрюк-Керман, Кызыл-Таш, Атчу и Агджа. В них размещаются турецкие гарнизоны, в Тамани базируются османский флот. Таманский полуостров был включен в систему административного деления Османской империи: здесь находились Таманский и Адахунский санджаки, входившие в Каффинский эйялет. В Тамани располагался пункт сбора пошлин. Отсюда, на протяжении XVI–XVII вв. осуществляются карательные походы в Предкавказье (*Некрасов, 1990. С. 42, 73, 89; Приймак, 1997. С. 15-21, 28-29, 49*).

В 1551 г. в крепости был умерщвлен низвергнутый турками крымский хан Сахиб I Герай (*Смирнов, 2005. С. 317*). Во время сражения казачьего флота из Азова с турками и татарами в 1638 г., казаками была предпринята неудачная попытка взять крепость Тамань (*Волков, 2000. С. 52, 56*). В 1556 г. крепости Тамань и Темрюк были на короткое время захвачены во время восстания адыгского племени жане (*Приймак, 1997. С. 26*).

В различное время описания крепости оставили путешественники: Мартин Броневский (70 гг. XVI в.), Эмиддио Дортелли д'Асколи (1624–1634 гг.), Эвлия Челеби (1665 г.), Ферран (1702 г.), Абри де ла Мотре (1711 г.), Шарль-Клод де Пейсонель (50 гг. XVIII в) (*Адыги..., 1974. С. 54, 110, 125-126, 190; Северный Кавказ..., 2006. С. 56, 95-96, 114, 172; Эвлия Челеби, 1979. С. 43*). Крепость Тамань упоминается в анонимных турецких трактатах: 20-х гг. XVIII в. (*Весела, 1969. С. 124*) и 1740 г. (*Губоглу, 1964. С. 149*).

В 1783 г. Таманский полуостров был присоединен к Российской империи – после сдачи Тамани русским, пушки из крепости были перевезены и установлены в турецкой крепости Анапа (*История адыгов..., 2009. С. 22*).

Концом XVIII в. датируются несколько планов крепости, созданных русскими инженерами. На одном из них: «Плане татарского города Тамани...» 1771 г. (хранится в ВУА, № 26.188 и РГВИА, ф. 349, оп. 40, № 4369), отчетливо просматривается крепость Хункала (рис. 1, 2).

С начала XIX в. территория крепости пришла в запустение (*Подозерский, 1911. С. 38-39*).

Спорадические археологические исследования в районе турецкой крепости производились в 1824, 1837, 1845 г.; в 1848 здесь работал А. Фиркович; в 1852 г. – К.Р. Бегичев (*Чхаидзе, 2008. С. 23-24*).

В 1953 г. эта территория исследовалась Таманской экспедицией ИИМК АН СССР под руководством Б.А. Рыбакова. Были произведены зачистки, открыт саманный карьер, связанный с оборонительной стеной крепости. В обрыве бе-

Археология Средневековья

рега выявлен культурный слой мощностью 3-4 м. На территории крепости был заложен раскоп XXIV размером 5 x 5 м, местонахождение которого в настоящее время не устанавливается. В раскопе был выявлен слой XIV–XVI вв., перекрытый кладбищем Нового времени из 14 безынвентарных погребений (Чхаидзе, 2004. С. 405. Рис. 2).

Больше археологические работы здесь не производились, хотя отсюда происходят находки, прежде всего турецкого времени, которые иногда попадают в Таманский археологический музей.

Крепость Хункала долгое время оставалась неисследованным памятником. Не была определена его древняя топография, не выявлены границы. Отсутствует стратиграфическая колонка слоев в средневековый период и Новое время. Причиной тому следует назвать современную застройку – под ней находится практически вся территория крепости. Крепость не определена в число охраняемых памятников, однако в паспорте на памятник федеральной категории охраны городище «Гермонасса–Тмутаракань» территория крепости входит в границы средневекового города.

С 2010 г. Таманской средневековой экспедицией ИА РАН, наряду с планомерным изучением Таманского городища, также производятся исследования крепости Хункала.

В 2012 г. в ходе разведки была очерчена территория крепости, хотя и обезличенная современной застройкой, в целом сохранившая свою форму, отраженную на плане конца XVIII в. (рис. 1, 1-2). Крепость Хункала располагается на возвышающемся над берегом Таманского залива холме, в восточной и южной своих частях имеющем значительное понижение. Крепость ограничена с севера береговым обрывом (320 м вдоль ул. Набережная), достигающем в высоту до 9-12 м. Южная часть крепости устанавливается приблизительно и вряд ли выходит за ул. Лебедева (протяженность здесь более 260 м). Юго-западная сторона обрывается 6-8 метровым уступом к низине, которая прорезана водостоком с крутыми откосами – так называемой Сухой балкой, во все времена, видимо, служившей стоком из Сухого озера (в центре ст. Тамань) в море, в настоящее время активно действующей после дождей. Сухая балка имеет северное и северо-восточное направление (протяженность крепости здесь более 280 м) и в настоящее время является заросшей деревьями, камышом и кустарником. Восточная часть крепости, вероятно, ограничивается ул. Шмидта (протяженность крепости более 340 м). По центру крепости (от ул. Лебедева) проходит ул. Оболенского, имеющая два ответвления на север и одно на запад. В настоящее время первоначальный облик крепости значительно видоизменен вследствие современной строительной и хозяйственной деятельности. Площадь, занимаемая крепостью Хункала, достигает 8 га.

В береговом обрыве и в различных частях ул. Оболенского выявлены остатки сырцовых стен крепости в виде масс оплывшего сырца. В северо-западном углу крепости в шурфах выявлен мощный каменный фундамент крупного сооружения, толщиной более 3,5 м, вероятно стены или арки Пристанных ворот, упоминаемых в сочинении Эвлии Челеби: *“Крепость Тамань представляет собой красивое пятистенное старое кирпичное здание на земляном холме на берегу моря ... Что же касается Пристанных ворот, то это искусно сделанные железные – в один ряд – ворота, обращенные на север. Залив как раз перед воротами и к ним причаливают все суда”* (Эвлия Челеби, 1979. С. 43).

Среди находок на территории крепости, выделяется фрагментированная глазурованная керамика XVI–XVIII вв.: фрагменты различных кувшинов, чаш,

Археология Средневековья

мисок и блюд, с росписью кобальтом, псевдоселадон и полуфаянсы; фрагменты чашек производства Изника и Кютахьи, турецкие курительные трубки.

Также обнаружены фрагменты амфор с дуговидными и высокоподнятыми ручками XIII–XIV вв., высокогорлых кувшинов с плоскими ручками VIII–XI вв., фрагменты горшков и кувшинов VIII–XIV вв. Эти материалы связаны с существованием здесь генуэзской крепости, а до ее возникновения – пригорода Таманского городища.

Слой позднего средневековья – Нового времени Таманского городища сильно перекопан, однако и здесь встречаются объекты турецкого времени. Так, во время работ 2012 г. на раскопе «Нагорный» была исследована яма 4, при разборе которой был открыт керамический комплекс, представленный многочисленными фрагментами глазурованной посуды зеленого цвета, в том числе целыми формами (рис. 1, 3-6). В заполнении ямы найдены фрагменты стеклянных сосудов, железное ядро и множество костей птицы (курица?). По наличию поливной керамики, яму 4 можно относить к XVII–XVIII вв.

Литература

- Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв.*, 1974. Нальчик.
- Весела З.*, 1969. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. II. М.
- Волков И.В.*, 2000. Еще раз об Адахунском сражении казачьего флота в 1638 г. // Древности Кубани. Вып. 16. Краснодар.
- Губоглу М.*, 1964. Турецкий источник 1740 г. о Валахии, Молдавии и Украине // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М.
- Зевакин Е.С., Пенчко Н.А.*, 1938. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. Т. 3. М.
- История адыгов в документах османского государственного архива*, 2009. Вып. 1. Нальчик.
- Некрасов А.М.*, 1990. Международные отношения и народы Западного Кавказа. Последняя четверть XV – первая половина XVI в. М.
- Подозерский К.И.*, 1911. Современный Таманский полуостров // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. 21. Вып. 1. СПб.
- Приймак Ю.В.*, 1997. К хронологии османского присутствия в Северо-Восточном Причерноморье (конец XV – первая треть XIX вв.). Армавир.
- Северный Кавказ в европейской литературе XIII–XVIII веков*, 2006. Сборник материалов. Нальчик.
- Смирнов В.Д.*, 2005. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. М.
- Чхаидзе В.Н.*, 2004. Средневековые погребения Таманского городища // Древности Боспора. Т. 7. М.
- Чхаидзе В.Н.*, 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М.
- Эвлия Челеби*, 1979. Книга путешествия. (Извлечения из турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.

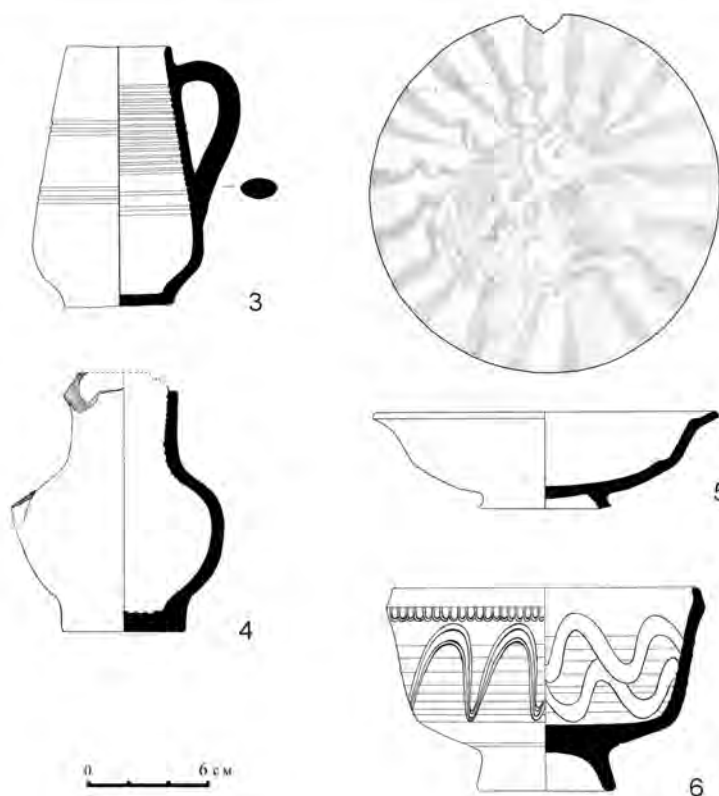
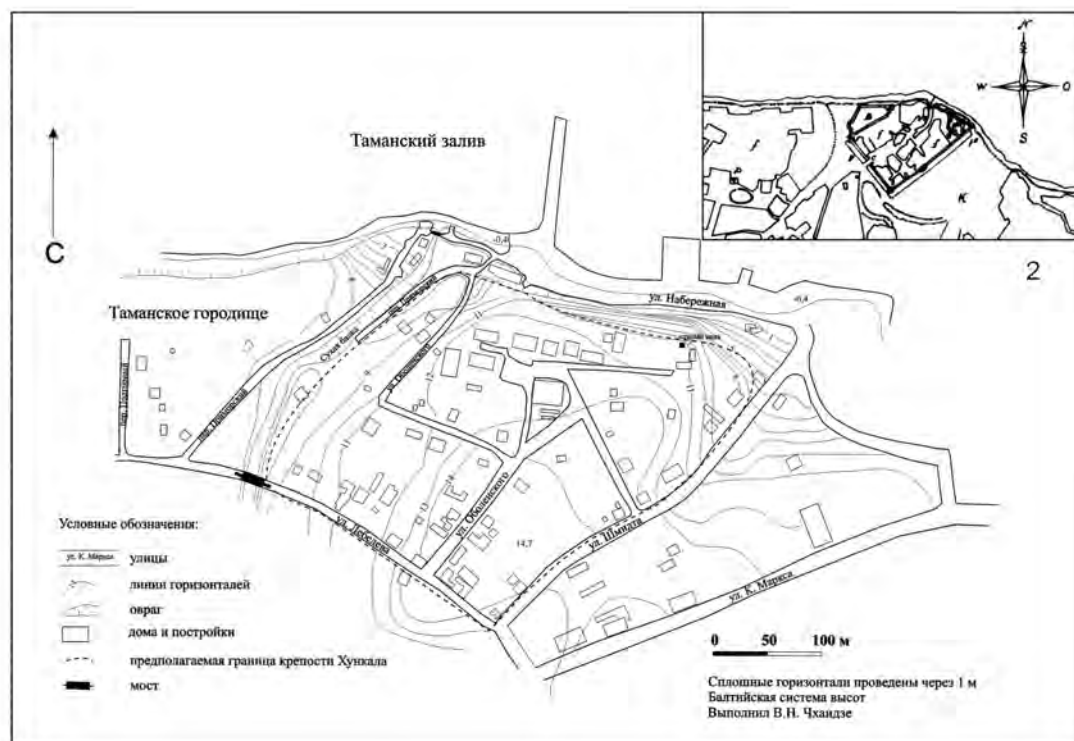

Рис. 1. Крепость Хункала.

1 – территория крепости. Топографический план 2012 г.; 2 – «План татарского города Тамани...» 1771 г. Фрагмент с турецкой крепостью (РГВИА, ф. 349, оп. 40, № 4369); 3-6 – поливная посуда из ямы 4 рскопа «Нагорный» 2012 г. на Таманском городище: 3 – кружка; 4 – кувшинчик; 5 – тарелка; 6 – чаша

В.Н. Чхаидзе

Институт археологии РАН, г. Москва

А.Н. Черкасов

Фонд «Петропавловск», г. Москва

БРОНЗОВЫЙ ЛИТОЙ КРЕСТ ИЗ ОКРЕСТНОСТЕЙ ХУМАРЫ

Находки предметов мелкой христианской пластики на Северном Кавказе довольно немногочисленны (*Нарожный*, 1996; *Хушт*, 2012; *Малахов, Рудницкий*, 2012; и др.), и в данной связи каждый новый крест-энколпион или крест с односторонним изображением представляет несомненный интерес.

Недавно в поле нашего зрения попал бронзовый крест, найденный в окрестностях Хумаринского городища, откуда уже происходит чуть более десятка нательных крестов кавказского и средиземноморского происхождения (*Кузнецов*, 1971. С. 256-257; *Малахов*, 2013. С. 183-184), между тем как на самом городище предметы мелкой христианской пластики до сих пор неизвестны (*Биджиев*, 1983).

Крест (рис. 1, 1) литой, бронзовый, односторонний, плоский, четырехконечный. Внешняя сторона имеет следы серебрения. Часть верхней лопасти с кольцом отломана. Нижняя часть удлинённая. Лопастей прямоугольные, широкие, концы расширяются. Края лопастей оконтурены рельефной рамкой. Размеры: 39 x 36 мм, толщина – 1,5 мм, петля – 5 мм. На внешней стороне присутствует грубое изображение Распятия. Туловище Христа непропорционально укорочено. Голова изображена условно, фронтально. Волосы расчесаны. Над головой – условно изображающая солнце и луну фигура ∞; вокруг головы – рельефный пояс, символизирующий нимб. Христос одет в длинный (до колен) хитон, конец которого переброшен через левое плечо. Кисти рук непропорционально крупные, без гвоздей. Ноги повернуты ступнями влево. Под ногами подножие. На боковых и нижней лопастях креста рельефным рубчатым орнаментом показаны перекладины Голгофского Креста. Обратная сторона гладкая.

Аналогичный крест происходит из церкви № 2 Ильичевского городища (*Кузнецов*, 1977. С. 100. Рис. 18, 3; 2002. Рис. 35,6; *Малахов*, 2011. Рис. 1, 6) (рис. 1, 2).

Вместе с тем известны кресты несколько иного типа, на которых Христос одет в короткий хитон: с территории Северного Кавказа (*Кутасов, Селезнев*, 2010. С. 52, № 7) (Рис. 1, 3), из пос. Шахты № 6 (*Кузнецов*, 2002. Рис. 35, 7; *Малахов*, 2011. Рис. 1, 4; 2013. С. 190. Рис. 3, 9) (рис. 1, 4), у пос. Каменноостского (*Малахов, Рудницкий*, 2012. С. 273-276. Рис. 1, 5б, 6, 12) (рис. 1, 5-7). Еще более грубое изображение – из Змейского могильника (*Кузнецов*, 1959. С. 109. Рис. 13, 1; *Мусин*, 2000. С. 153. Рис. 63, 16; *Малахов*, 2011. Рис. 1, 5) (рис. 1, 8).

Судя по всему, перед нами два различных композиционных типа крестов-тельников, которые встречаются исключительно на Северном Кавказе. В связи с этим следует отметить, что В.А. Кузнецов, ссылаясь на определение А.В. Банк, определяет эти кресты как имеющие европейское происхождение (*Кузнецов*, 1977. С. 100; 2002. Рис. 35, 6-7), а С.Н. Кутасов и А.Б. Селезнев (2010. С. 52) соотносят с крестами «скандинавского типа» (см.: *Седова*, 1981.

С. 49-50. Рис. 13, 3; *Молодин*, 2005. С. 110-111. Рис. 48-52), которые, однако, имеют отличия в иконографии (*Корзухина, Пескова*, 2003. С. 42. Таб. 4-5). По мнению В.В. Седова, истоки таких крестов находятся в Великой Моравии (*Седов*, 1988. С. 64). С.Н. Малахов осторожно предположил, что протомодели этих крестов появились во второй половине IX в. в Византии, затем получив распространение в Восточной и Северной Европе (*Малахов, Рудницкий*, 2012. С. 274-275).

По мнению С.Н. Малахова, рассматриваемые крестики могли поступать на Северный Кавказ из восточных провинций Византии или из Закавказья, или же изготавливаться на месте по ранее завезенным образцам (*Малахов*, 2011. С. 44; *Малахов, Рудницкий*, 2012. С. 276, 285).

В пользу последнего предположения свидетельствует тот факт, что рассматриваемые типы крестов вне пределов Северного Кавказа неизвестны – на востоке Византии были распространены близкие, но иные по иконографии кресты, на которых Спаситель изображен в колобии – длинном хитоне до ступней или даже закрывающем их (*Дончева-Петкова*, 2011. С. 215-221. Таб. CLXX-CLXXVIII), хотя этих крестов и не так много, в отличие от византийских (так называемых «сирийских») энколпионов различных типов (ср: *Pitarakis*, 2006; *Наследие*, 2011. № 186-188; *Пескова, Строчкова*, 2012; *Асташова и др.*, 2013. № 1-39).

Рассматриваемым типам крестов близки и кресты-тельники, найденные в последние годы в Абхазии – близкого, но иного иконографического типа (*Хрушкова*, 2002. Таб. LXXX, 1-2; 2010. С. 345. Рис. 1-2; ср.: *Малахов*, 2011. Рис. 1, 1-3, 8; *Малахов, Рудницкий*, 2012. С. 276. Рис. 1, 7), неверно относимые к раннехристианскому времени (см.: *Малахов*, 2011. С. 44). Также встречены кресты с рельефным выпуклым и углубленным изображением (*Малахов, Рудницкий*, 2012. С. 277-278. Рис. 1, 10, 17, 19, 21-23).

В целом же, датировка крестов с «грубым изображением Распятия» на Северном Кавказе предложена в пределах второй половины X–XI вв. (*Малахов*, 2011. С. 44; *Малахов, Рудницкий*, 2012. С. 273-274).

В заключении отметим: крест-тельник обнаружен на территории соприкосновения епархий Алании и Зихии (*Виноградов*, 2006. С. 126-127; *Чхайдзе*, 2013. С. 57), а потому, как и каждый новый артефакт средневековой христианской культуры, важен для изучения их истории, о которой известно немного.

Литература

- Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г.*, 2013. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М.
- Биджиев Х.Х.*, 1983. Хумаринское городище. Черкесск.
- Виноградов А.Ю.*, 2006. Очерк истории аланского христианства в X–XII вв. // KANISKION. Юбилейный сборник в честь 60-летия профессора И.С. Чичурова. М.
- Дончева-Петкова Л.*, 2011. Средновековни кръстови-енколпиони от България (IX–XIV в.). София.
- Корзухина Г.Ф., Пескова А.А.*, 2003. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб.

Археология Средневековья

- Кузнецов В.А.*, 1959. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. № 2.
- Кузнецов В.А.*, 1971. Два византийских креста из Алании // СА. № 2.
- Кузнецов В.А.*, 1977. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе.
- Кузнецов В.А.*, 2002. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ.
- Кутасов С.Н., Селезнев А.Б.*, 2010. Нательные кресты, крестовключенные и крестовидные подвески. М.
- Малахов С.Н.*, 2011. Материалы к церковной археологии Алании (2) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 3. Ставрополь.
- Малахов С.Н.*, 2013. Средневековые энколпионы и кресты-тельники из Верхнего Прикубанья // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. Краснодар.
- Малахов С.Н., Рудницкий Р.Р.*, 2012. Энколпионы и нательные кресты как источник по истории христианизации Алании // ПОЛЕМОЛОГОС. Сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы. Волгоград.
- Молодин В.И.*, 2005. Европейские кресты-тельники // Ставрографический сборник. Книга III. Крест как святыня. М.
- Мусин А.Е.*, 2000. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.
- Нарожный Е.И.*, 1996. Еще раз о предметах мелкой христианской пластики с Северного Кавказа // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские чтения»). М.
- Наследие византийского Херсона, 2011. Севастополь–Остин.
- Пескова А.А., Строчкова Л.В.*, 2012. Христианские древности Византии в «Сирийской коллекции» Б.И. и В.Н. Ханенко. СПб.–Киев.
- Седов В.В.*, 1988. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М.
- Седова М.В.*, 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Хрушкова Л.Г.*, 2002. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.
- Хрушкова Л.Г.*, 2010. Группа бронзовых литых крестов эпохи средних веков из Северо-Восточного Причерноморья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас.
- Хушт М.А.*, 2012. Христианские древности южного берега Краснодарского водохранилища // Первые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар.
- Чхаидзе В.Н.*, 2013. Зихская епархия: письменные и археологические свидетельства // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». Севастополь.
- Pitarakis B.*, 2006. Les croix-reliquaires pectorales byzantines en bronze. Paris.

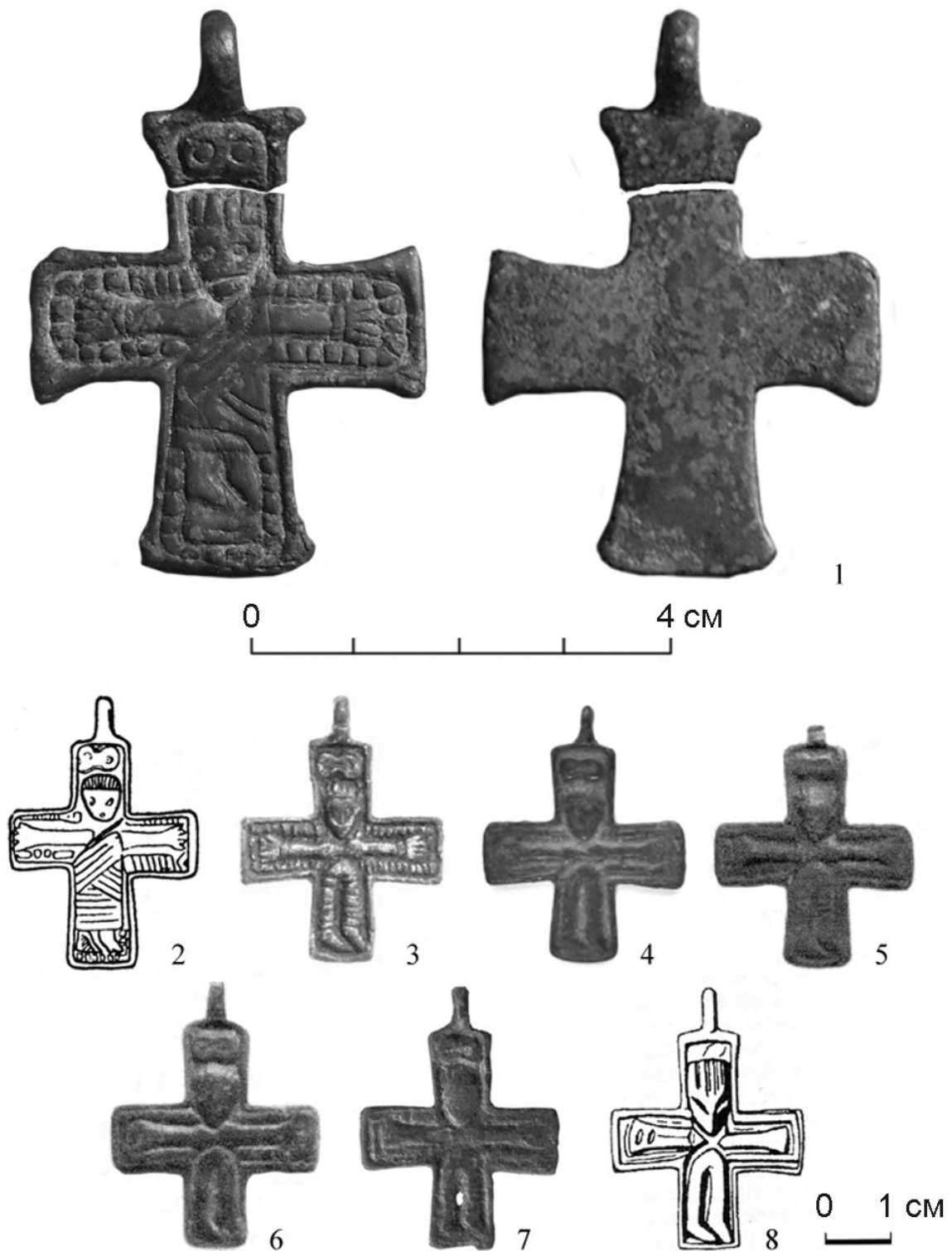

Рис. 1. Литые кресты с грубым изображением Распятия
1 – окрестности Хумары; 2 – Ильичевское городище; 3 – Северный Кавказ; 4 – пос. Шахты № 6 (Карачаево-Черкесия); 5-7 – пос. Каменномоетский (Кабардино-Балкария); 8 – ст. Змейская

Список сокращений

АБИГИ	–	Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии
АЖ	–	Археологический журнал, Армавир
АН СССР	–	Академия наук СССР
АН ЧР	–	Академия наук Чеченской республики, Грозный
АО	–	Археологические открытия, М.
ВВ	–	Византийский временник
ВДИ	–	Вестник древней истории
ВООПИК	–	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ГМИНВ	–	Государственный музей искусства народов Востока, Москва
ИАК	–	Известия Императорской археологической комиссии
ИА РАН	–	Институт археологии Российской академии наук
ИАЭ НАНА	–	Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана
ИИАЭ ДНЦ РАН	–	Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, Махачкала
ИИМК РАН	–	Институт истории материальной культуры Российской академии наук, С.-Петербург
ИМАО	–	Императорское Московское археологическое общество
ИСОНИИ	–	Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, Орджоникидзе
КБНИИ	–	Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, Нальчик
КБНЦ РАН	–	Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик
КГИАМЗ	–	Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник, Краснодар
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии РАН

КЧНИИ	–	Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы, Черкесск
МАД	–	Материалы по археологии Дагестана, Махачкала
МАК	–	Материалы по археологии Кавказа, М.
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР, М.; Л.
МИАСК	–	Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа, Армавир
МИИKNCK	–	Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа, М.; Ставрополь
МЭР	–	Материалы по этнографии России, СПб., Л.
НИМЗ	–	Новороссийский исторический музей-заповедник
НИУ ВШЭ	–	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», М.
НПЦ ДАРС	–	ООО Научно-производственный центр «Дагестанская археологическая служба», Махачкала
ОАК	–	Отчет Императорской археологической комиссии, СПб.
ПИФК	–	Проблемы истории, филологии, культуры, М.; Магнитогорск; Новосибирск
ППК	–	пластинка с притупленным краем
РА	–	Российская археология
РВП	–	ранний верхний палеолит
РГНФ	–	Российский гуманитарный научный фонд
РФФИ	–	Российский фонд фундаментальных исследований
РСО-А	–	Республика Северная Осетия-Алания
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СГПИ	–	Ставропольский государственный педагогический институт
ЭО	–	Этнографическое обозрение

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа

XXVIII Крупновские чтения

Материалы Международной научной конференции

Москва, 21-25 апреля 2014 г.

Редакционная коллегия: Д.С. Коробов (отв. редактор)
З.Х. Албегова,
Э.Д. Зиливинская,
А.А. Клещенко,
Е.В. Леонова,
В.Ю. Малашев,
А.Ю. Скаков

Дизайн и верстка: Д.С. Коробов

Подписано к печати 02.04.2014. Формат 60×84/8
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 47,43
Уч.-изд.л. 35,3
Тираж 200 экз.

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии
№ заказа

ISBN 978-5-94375-162-2

9 785943 751622